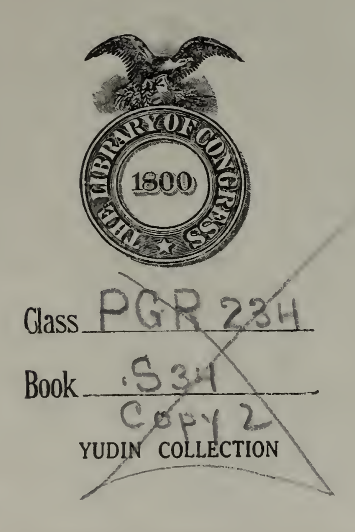
A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА


THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

КОМЕТА.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ,

ИЗДАННЫЙ

Николаемъ Щепкинымъ.

МОСКВА,
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1851.

Аннѣ Павловнѣ Толстой отъ Н. Щербины.

КОМЕТА.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Kometa

КОМЕТА.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ,

ИЗДАННЫЙ

Николаемъ Щепкинымъ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 11 дня, 1850 года.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

СЦЕНЫ ИЗЪ СВѢТСКОЙ ЖИЗНИ.

СОЧИНЕНІЕ

Евгеніи Туръ.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ирина Николаевна Вронская, вдова 24-хъ лѣтъ.

Александръ Ивановичъ Ивинъ, троюродный братъ ея, офицеръ, пріѣхавшій съ Кавказа, 26-ти лѣтъ.

Наталья Александровна Липовская, пріятельница Вронской, свѣтская женщина, 27-ми лѣтъ.

Княгиня Ахметова, 40 лѣтъ.

Княжна Алина, дочь ея, 23-хъ лѣтъ.

Князь Аверинъ, неслужащій нигдѣ, 25-ти лѣтъ, черноволосый и красивый мужчина.

Родіонъ Петровичъ Забѣловъ, высокій, бѣлокурый молодой человѣкъ, служащій по дипломатической части; холодное лице и свѣтлые глаза.

Иванъ Осиповичъ Темеринъ, молодой человѣкъ, 22-хъ лѣтъ, съ беззаботнымъ и незначущимъ лицемъ.

Саша, горничная Вронской.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Театръ представляетъ богато-убранный женскій кабинетъ. Ирина Николаевна Вронская сидитъ по правую сторону камина; одна рука ея, съ полураскрытой книгой, опустилась на колѣна, другой она медленно шевелитъ угли въ потухающемъ каминѣ и попеременно кладетъ на шепе то одну, то другую ножку. Наконецъ перестаетъ заниматься каминомъ, кладетъ книгу на столикъ, задумывается, зѣваетъ и звонитъ. Лакей входитъ въ комнату.

ВРОНСКАЯ.

Позови Сашу! *(Лакей уходитъ. Черезъ минуту Саша показывается въ дверяхъ).*

САША.

Что прикажете?

ВРОНСКАЯ.

Приготовь одѣваться; черное, бархатное пальто на мѣху и дикую шляпку съ черпымъ кружевомъ. Я ѣду прокатиться.

САША.

Помилуйте — взгляните въ окошко: мятель такая, что упаси Богъ — снѣгъ и вѣтеръ.

ВРОНСКАЯ.

Неужели? Какая досада! А мнѣ такъ хотѣлось прокатиться въ санкахъ — что же я буду дѣлать?

САША.

Не прикажете ли приготовить другой туалетъ; можетъ быть поѣдете съ визитами.

ВРОНСКАЯ.

Ни за что! Вотъ выдумала развлеченіе! Ѣхать съ визитами! Какая скука!

САША.

Что же прикажете приготовить?

ВРОНСКАЯ.

Ничего! *(Саша уходитъ).*

ВРОНСКАЯ *(ей въ слѣдъ).*

Саша! Саша!

САША *(Появляется опять).*

Чего изволите?

ВРОНСКАЯ.

Который часъ?

САША *(Смотритъ на часы, стоящіе позади Вронской).*

Скоро два часа! *(Уходитъ).*

(Вронская звонитъ опять, входитъ тотъ же лакей).

ВРОНСКАЯ.

Никого не принимать нынче утромъ, кромѣ короткихъ знакомыхъ.

ЛАКЕЙ.

Слушаю! *(Уходитъ).*

ВРОНСКАЯ *(Одна).*

Два часа, а я еще одна; по неволѣ спросишь себя: что это за жизнь? Скука, тоска — всё надоѣло мнѣ, и придется вспоминать всякій разъ покойнаго мужа. Правда, онъ былъ меня вдвое старше, любила я его, какъ отца, и ворчалъ онъ, и подъ часъ надоѣдалъ мнѣ, какъ опекунъ, да за то бывало и я его мучила сколько мнѣ было угодно; бывало ужасно пріятно и мнѣ покапризничать въ свою очередь, — а онъ ухаживаетъ; а теперь? Что это за одинокое существованіе... Но за то я свободна, какъ птица, независима отъ всѣхъ и всего, а это много значитъ. Иногда я скучаю — Ну, да не льзя же обойтиться безъ маленькихъ непріятностей; — за то большихъ не бываетъ.— Впрочемъ, Богъ знаетъ почему, я иногда такъ скучаю; чего мнѣ не достаетъ? Я богата, независима, любима даже; всѣ почти волочатся за мной, а Аверинъ и Те-

мерииъ просто безъ ума отъ меня. *(Задумывается).* Да, они мнѣ преданы — я такъ думаю. Но что это нынче они медлятъ? Ужъ болѣе двухъ часовъ! А я всё еще одна — я буду очень рада, если теперь явится Темеринъ; непремѣнно вымещу на немъ и свою скуку, и то, что не удалось ѣхать кататься; а хотѣлось мнѣ прокатиться въ санкахъ — такъ вотъ, какъ нарочно, погода стоитъ ужасная, и надо сидѣть въ заперти. *(Смотрится въ зеркало).* Какое у меня нынче измятое лице! Разумѣется — сижу всё дома, будто въ тюрьмѣ! Вотъ климатъ! Что это! Звонокъ! Въ добрый часъ — я теперь въ капризѣ, и дамъ ему волю. *(Смѣется).* Когда нечего дѣлать, то какъ не покапризничать?

КНЯЗЬ АВЕРИНЪ *(Входитъ и цѣлуетъ ея руку).*

Какъ вы нынче авантажны! — Еще лучше, чѣмъ обыкновенно.

ВРОНСКАЯ.

Всё одно и тоже всякій день; а нынче даже это явная ложь съ вашей стороны: я не очень здорова и знаю, что блѣдна и вовсе не хороша собою.

АВЕРИНЪ.

Вы всегда хороши, и эта блѣдность идетъ къ вамъ.

ВРОНСКАЯ.

Оставимте обыкновенныя фразы; онѣ мнѣ прискучили.

АВЕРИНЪ.

Впрочемъ, я очень радъ, что засталъ васъ однѣхъ — вы всегда окружены, и я цѣню рѣдкое счастіе поговорить съ вами вдвоемъ.

ВРОНСКАЯ *(Насмѣшливо).*

Въ самомъ дѣлѣ? Поздравляю васъ. Но что же вы сдѣлаете изъ этого рѣдкаго счастія?

АВЕРИНЪ.

Мы поговоримъ, по крайней мѣрѣ, безъ посторон-

нихъ свидѣтелей, искренно, свободно. Мнѣ рѣдко достается это на долю.

ВРОНСКАЯ *(Лѣниво)*.

Давайте говорить, въ такомъ случаѣ. Я жду.

АВЕРИНЪ.

Прошу васъ, не будьте такъ холодно насмѣшливы, вы отнимаете у меня всякую смѣлость, уничтожаете всю возможность говорить.

ВРОНСКАЯ.

Право? Чѣмъ же? Я не знаю.

АВЕРИНЪ.

Взглядъ вашъ такъ насмѣшливъ, тонъ такъ холоденъ.

ВРОНСКАЯ.

Развѣ я могу по волѣ измѣнить лице мое? Впрочемъ, если бы и могла, то ни какъ бы не согласилась. Лице мое мнѣ нравится, и тонъ мой всегда одинаковъ.

АВЕРИНЪ.

Нѣтъ, бываютъ дни, когда вы особенно хороши, какъ нынче, и особенно недоступны, тоже какъ нынче.

ВРОНСКАЯ.

Такъ вотъ этотъ интересный разговоръ!... Признаюсь, я ожидала чего нибудь позабавнѣе.

АВЕРИНЪ.

Да я ли виноватъ, что вы нынче не въ духѣ, и съ перваго слова не позволяете мнѣ объясниться свободно?

ВРОНСКАЯ.

Но, кажется, я ничего не говорю, не мѣшаю вамъ.

АВЕРИНЪ.

Есть неуловимая манера мѣшать человѣку говорить искренно и свободно, и эту манеру вы изучили въ совершенствѣ.

ВРОНСКАЯ *(Спокойно)*.

Можетъ быть.

АВЕРИНЪ.

Такъ вы признаетесь, наконецъ, что нѣтъ женщины измѣнчивѣе, капризнѣе, холоднѣе васъ.

ВРОНСКАЯ.

Можетъ быть. *(Зѣваетъ)*.

АВЕРКИНЪ.

Что вы неприступны, не трогаетесь ни чѣмъ; что дружба, любовь и привязанность скользятъ по вашему сердцу, и что оно равнодушно и холодно ко всему и всѣмъ.

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, это не правда: — есть вещи и лица, которыхъ я люблю.

АВЕРКИНЪ.

Любопытно узнать какія?

ВРОНСКАЯ.

Вы не стоите отвѣта, потому что должны бы знать всё, что я люблю; однако, я соглашаюсь научить васъ... Я люблю наряды, люблю веселиться и страстно люблю тѣхъ, кто умѣетъ развеселить и разсмѣшить меня, — словомъ, кто меня забавляетъ.

АВЕРКИНЪ.

Забавляетъ!... Какъ лестно быть вами любиму. Позвольте мнѣ заранѣе исключить себя изъ числа тѣхъ, кто нуженъ только для вашей забавы; признаюсь, въ такомъ случаѣ, я долженъ буду отказаться отъ надежды быть когда нибудь вами любиму.

ВРОНСКАЯ.

Пожалуй, хотя и такъ, мнѣ всё равно.

АВЕРКИНЪ *(Нѣжно)*.

Полноте шутить, Ирина Николаевна! Не хорошо, дурно; тѣмъ больше дурно, что вы знаете, какъ давно, какъ искренно я люблю васъ, какъ постоянно стараюсь снискать хотя дружбу вашу и...

ВРОНСКАЯ.

Вы обѣщали мнѣ интересный разговоръ, а не замѣтно пошли опять по избитой дорогѣ. — Это старая исторія; она слишкомъ мнѣ знакома и ужасно прискучила... Нѣтъ ли у васъ чего нибудь поновѣе въ запасѣ?

АВЕРИНЪ.

Извольте, скажу. Вы страшная, неумолимая кокетка, женщина безъ сердца!

ВРОНСКАЯ.

Повторенія... третьяго дня, вчера, даже нынче, пять минутъ назадъ, вы говорили тоже самое... Я согласилась съ вами давно... Чего же вы еще хотите?

АВЕРИНЪ (*встаетъ съ досадой*).

Ничего, повѣрьте. Прощайте!

ВРОНСКАЯ.

Прощайте, до свиданія!

АВЕРИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Прощайте!... Я не имѣю больше силъ выносить вашего убійственнаго хладнокровія. Я постараюсь никогда не переступать вашего порога; — я слишкомъ вижу, что я здѣсь лишній!

ВРОНСКАЯ.

Хорошо, хорошо! (*съ улыбкой*). До завтра, cher prince, до свиданія!

Аверинъ беретъ шляпу и хочетъ выходить. Темеринъ входитъ. Аверинъ кладетъ шляпу и остается. Вронская показываетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и жметъ руку Темерину.

ВРОНСКАЯ.

Какъ я рада васъ видѣть — я ждала васъ съ утра; мнѣ ужасно скучно — развеселите меня.

ТЕМЕРИНЪ.

Употреблю всѣ усилія... Только чѣмъ же, право, не знаю.

ВРОНСКАЯ.

Это ваше дѣло.

ТЕМЕРИНЪ.

По крайней мѣрѣ, вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я и самаго себя не пожалѣю, чтобы доставить вамъ минуту удовольствія.

ВРОНСКАЯ.

Знаю, знаю. Вы не изъ числа тѣхъ, которые безпрестанно говорятъ женщинѣ о своей преданности, и потомъ находятъ, что имъ унизительно ей служить, хотя бы только однимъ умомъ.

АВЕРИНЪ.

Не знаю, какъ думаютъ другіе, что же касается до меня, то умъ мой всегда къ услугамъ тѣхъ, къ кому я привязанъ; но я самъ, моя личность ограждена отъ всѣхъ, и служить забавой, быть скоморохомъ, шутомъ — я не могу. Гдѣ личное достоинство страдаетъ...

ВРОНСКАЯ.

Терпѣть не могу упорныхъ и тонкихъ споровъ, также какъ и сентиментальностей. Оставайтесь съ вашимъ личнымъ достоинствомъ, никто его не трогаетъ.

ТЕМЕРИНЪ.

Я думаю, личное достоинство никогда не страдаетъ, если женщина, которую мы любимъ, полюбила насъ,— всё равно, чѣмъ бы и какъ бы намъ ни досталась любовь ея. Когда мы достигли цѣли — успѣхъ оправдываетъ средства. Это старая истина.

АВЕРИНЪ.

По моему, — старая ложь. Впрочемъ, стоитъ ли любви женщина, которая играетъ всѣмъ, даже личнымъ достоинствомъ мужчины; когда она, для своего тщеславія отдаетъ его на посмѣяніе всѣхъ.

ТЕМЕРИНЪ.

За чѣмъ же крайности, — всему есть границы.

АВЕРИНЪ.

Однако, стоитъ ли любви подобная женщина?

ВРОНСКАЯ.

У всякаго свое мнѣніе; а я думаю, что всякая женщина стоитъ любви, если она внушаетъ её.

АВЕРИНЪ.

Не всегда; иногда это не любовь, а одно ослѣпле-

ніе, и когда человѣкъ избавляется отъ повязки и начинаетъ видѣть...

ВРОНСКАЯ *(Хохочетъ)*.

Браво!.. Вы не хотя развеселили и насмѣшили меня. Амуръ, съ повязкой на глазахъ! Скажите, вы должны быть очень смѣшны въ такомъ костюмѣ.

АВЕРИНЪ.

Напрасно смѣетесь, — я не ношу повязки, и доказалъ вамъ это сей часъ.

ВРОНСКАЯ.

По крайней мѣрѣ, вы доказали мнѣ, что отлично знаете греческую миѳологію. Давно вы кончили курсъ наукъ?

АВЕРИНЪ.

Думалъ, что кончилъ, но вижу, что я всё еще въ школѣ.

ВРОНСКАЯ *(Смѣется)*.

Encore une botte mal-parée. — Я слишкомъ молода, чтобъ быть наставникомъ. Однако, возьмите шляпу и поѣзжайте, — привезите мнѣ пахитосовъ — вы обѣщали.

АВЕРИНЪ.

Я вамъ мѣшаю, вы меня гоните.

ВРОНСКАЯ.

Нисколько; я только напоминаю вамъ ваше обѣщаніе. Къ тому же, я, право, боюсь за васъ: вы въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетесь также дальновидны, какъ ясновидящіе, и, оставшись здѣсь, пожалуй, увидите midi à quatorze heures.

ТЕМЕРИНЪ.

Слушаю полъ-часа и ничего не понимаю въ вашемъ разговорѣ, — словно вы говорите по китайски.

ВРОНСКАЯ.

Какъ же вы не понимаете? Князь утверждаетъ, что несмотря на привязанность ко мнѣ, онъ не способенъ ни на малѣйшую для меня жертву.

АВЕРИНЪ.

Вообще, я ненавижу жертвы; онѣ ни къ чему не ведутъ, всегда безполезны. Хотя вы сей часъ очень остроумно забавлялись надъ моими классическими знаніями; однако сами вы большая любительница классицизма. По моему, жертвы, именно классически смѣшны.

ТЕМЕРИНЪ.

И классически успѣшны. Жертвами, я искренно этому вѣрю, можно всего достигнуть.

АВЕРИНЪ.

Всякая вѣра утѣшительна. Однако, прощайте; вижу, что пахитосы вамъ необходимы, — вѣдь это правда, что безъ нихъ, какъ вы однажды сами признались, вы не бываете вполнѣ любезны.

ВРОНСКАЯ.

Voilà qui est bien aimable! Ступайте, ступайте! *(Аверинъ уходитъ).*

ТЕМЕРИНЪ.

Какая клевета! Вы всегда равно любезны и остроумны.

ВРОНСКАЯ.

Что съ вами сдѣлалось? Минуту назадъ вы были умны и забавны, а теперь, оставшись со мной наединѣ, вы будто нарочно принялись за общія мѣста.

ТЕМЕРИНЪ.

Что же дѣлать, если съ сотворенія міра, мы осуждены говорить одно и тоже; что же дѣлать, если насъ влечетъ къ любимой женщинѣ одна и та-же неодолимая сила, и мы невольно твердимъ ей, что она прекрасна, достойна восхищенія, что мы у ея ногъ. Придумайте новое выраженіе любви, и я поспѣшу признаться вамъ въ ней.

ВРОНСКАЯ.

Merci, pour la tâche — не намѣрена, — мнѣ уже и слушать всё это надоѣло — мнѣ скучно. Разскажите лучше, что̀ дѣлается въ городѣ?

ТЕМЕРИНЪ.

Право не знаю, не могу... Мнѣ нынче самому что-то особенно грустно, и найдя васъ однѣхъ, я бы хотѣлъ узнать, наконецъ... Неизвѣстность такъ мучительна...

ВРОНСКАЯ.

Оставьте это; повѣрьте, что вынужденный отвѣтъ бываетъ всегда хуже неизвѣстности. Нынче, вы оба точно сговорились наскучать мнѣ; вы одинъ несноснѣе другаго; — еще одно подобное утро, — и я запрусь и не буду принимать никого.

ТЕМЕРИНЪ.

Пари держу, что вы этого не сдѣлаете.

ВРОНСКАЯ.

Почему?

ТЕМЕРИНЪ.

Безъ насъ вамъ сдѣлается вдвое скучнѣе.

ВРОНСКАЯ.

Cette présomption!

ТЕМЕРИНЪ.

Право такъ; не кого будетъ мучить.

ВРОНСКАЯ.

Развѣ по этому. *(Смѣется)*. Скажите, кого вы нынче видѣли?

ТЕМЕРИНЪ.

Никого еще. Я прямо изъ дому къ вамъ. Вчера я былъ въ концертѣ. — Зала была полна, весь городъ.

ВРОНСКАЯ.

Кто были изъ дамъ?

ТЕМЕРИНЪ.

Да почти всѣ. Сколько хорошенькихъ!

ВРОНСКАЯ.

Какъ всѣ? Полъгорода, въ томъ числѣ и я, мы были у Natalie Линовской.

ТЕМЕРИНЪ.

Многіе уже изъ концерта отправились къ ней.

ВРОНСКАЯ.

Да, правда, я забыла; даже въ 12 часовъ всё еще пріѣздъ продолжался. Кстати о дамахъ. Скажите:

Natalie очень удивилась, что княгиня Ахметова вчера не была у ней? Онѣ очень коротки, и вдругъ, она вчера не пріѣхала къ ней на вечеръ, не смотря на обѣщаніе быть непремѣнно.

ТЕМЕРИНЪ.

На это была законная причина: княгиня была въ концертѣ.

ВРОНСКАЯ.

Такъ что же? Развѣ другіе не пріѣхали къ Natalie послѣ концерта?

ТЕМЕРИНЪ.

Да; но если вы возьмете въ соображеніе, что княжна Алина была вчера чрезвычайно хороша собою, любезна и мила; что Забѣловъ стоялъ всё время около ней; что они оба любезничали другъ съ другомъ; что онъ провожалъ её до дверей залы, гдѣ княгиня звала его и меня провести у ней остальную часть вечера, — то вы легко поймете, почему она не пріѣхала къ Липовской.

ВРОНСКАЯ.

Такъ онъ рѣшительно волочится за ней?

ТЕМЕРИНЪ.

Кажется,— можетъ быть, и влюбился, почему знать.

ВРОНСКАЯ.

Allons donc! Въ дѣвочку, въ пансіонерку!

ТЕМЕРИНЪ.

Совсѣмъ не такая пансіонерка, какъ вы думаете.

ВРОНСКАЯ.

А княгиня воображаетъ, вѣроятно, что онъ на ней женится.

ТЕМЕРИНЪ.

Можетъ быть, она и не напрасно воображаетъ, — онъ самъ на поворотѣ: ему за тридцать; можетъ быть, онъ хочетъ наконецъ, пристроиться.

ВРОНСКАЯ *(Задумчиво)*.

Можетъ быть. *(Слышенъ звонокъ)*. Кто бы это? Вѣрно князь съ пахитосами. *(Забѣловъ входитъ)*.

ТЕМЕРИНЪ *(Тихо Вронской).*

Quand on parle du loup...

ВРОНСКАЯ *(Вслухъ, съ легкой, любезной насмѣшкой).*

Quand on parle du soleil, on en voit les rayons... Здравствуйте, — какъ кстати — мы сей часъ говорили о васъ!

ЗАБѢЛОВЪ *(Нѣсколько насмѣшливо).*

Въ самомъ дѣлѣ! Я былъ такъ счастливъ? Чему же я обязанъ этимъ?

ВРОНСКАЯ.

Вы дипломатъ, и спрашиваете? Чему вообще мы всѣ обязаны, когда о насъ говорятъ? Отгадайте.

ТЕМЕРИНЪ *(про себя).*

Попадется!

ЗАБѢЛОВЪ.

Многіе могли бы сдѣлать лестное для себя заключеніе, но я скроменъ, или лучше — *(Значительно ударяя на слова)* слишкомъ знаю цѣну себѣ и другимъ; и потому, не дѣлая по напрасну никакихъ лестныхъ заключеній, скажу просто: я обязанъ вашей обо мнѣ памяти, какому нибудь слуху, или сплетни.

ВРОНСКАЯ *(Смѣясь).*

Браво! Vous y êtes.

ТЕМЕРИНЪ *(Съ удивленіемъ и необдуманно).*

Почему вы знаете; можетъ быть, входя сюда, вы слышали послѣднія слова наши?

ЗАБѢЛОВЪ *(Взглядываетъ на него холодно).*

Не имѣю этой похвальной привычки.

ТЕМЕРИНЪ *(Конфузясь).*

Невольно — это можетъ случиться.

ЗАБѢЛОВЪ.

Не должно случаться.

ВРОНСКАЯ.

Дѣло не въ томъ. Скажите лучше, отъ чего вы вчера не были у Natalie? Она ждала васъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Очень благодаренъ ей. Не могъ: я былъ отозванъ.

ВРОНСКАЯ.

Секретъ — тайна сердца?

ЗАБѢЛОВЪ.

Нисколько! Я говорю вамъ просто, что былъ отозванъ на другой вечеръ.

ВРОНСКАЯ.

Вы несносны — вы не хотите сказать, гдѣ вы были?

ЗАБѢЛОВЪ.

Напротивъ, я повторяю вамъ, что былъ на маленькомъ вечерѣ.

ТЕМЕРИНЪ.

Да вѣдь я уже говорилъ вамъ, что и меня и господина Забѣлова звала вчера княгиня Ахметова къ себѣ.

ВРОНСКАЯ *(Разсѣянно).*

Вы говорили столько новостей, что я не разслышала. *(Забѣлову).* Такъ вы были у нихъ? Скажите, было весело?

ЗАБѢЛОВЪ.

Да, очень пріятно.

ВРОНСКАЯ.

Много было гостей?

ЗАБѢЛОВЪ.

Не слишкомъ; короткіе знакомые княгини.

ВРОНСКАЯ

Дочь ея — дѣвушка умная, хороша собою, умѣетъ оживить вечеръ. Elle cause très joliment. — Боже мой! Какъ это несносно: князь не везетъ мнѣ пахитосъ, а у меня ни одной пахитоски нѣтъ.

ТЕМЕРИНЪ *(Предлагаетъ Вронской портъ-сигаръ).*

Угодно? Самыя слабыя папиросы, maryland doux.

ВРОНСКАЯ.

Благодарю — я курю только пахитосы, развѣ вы не знаете?

ТЕМЕРИНЪ.

Такъ я сей часъ привезу вамъ. *(Уходитъ).*

ВРОНСКАЯ *(Встаетъ, подходитъ къ письменному столу, беретъ серебряную корзину и предлагаетъ Забѣлову папиросы).*

Хотите?

ЗАБѢЛОВЪ.

Благодарю васъ — я никогда не курю.

ВРОНСКАЯ.

Да, я совсѣмъ забыла, что къ числу многочисленныхъ вашихъ пороковъ надо присоединить еще и этотъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Да; однако я не подверженъ недостатку не заботиться о близкихъ знакомыхъ. *(Вынимаетъ изъ кармана маленькій портъ-сигаръ и предлагаетъ его Вронской).* Самыя слабыя пахитосы — вчера только получилъ ихъ.

ВРОНСКАЯ.

Вѣдь вы не курите?

ЗАБѢЛОВЪ.

Неужели я долженъ думать о себѣ одномъ? Онѣ для васъ.

ВРОНСКАЯ.

Вы внимательны — merci; однако перейдемте къ оставленному разговору. Вчера вы были у Ахметовыхъ — мы теперь одни — скажите, вы влюблены въ нее?

ЗАБѢЛОВЪ.

Въ кого?

ВРОНСКАЯ.

Въ княжну.

ЗАБѢЛОВЪ.

Да, она мнѣ нравится — очень милая дѣвушка; но влюбляться мнѣ поздно — и, право, ни время, ни охоты нѣтъ на это.

ВРОНСКАЯ.

Вы хотите увѣрить меня, что вы старикъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Нѣтъ, — отдайте мнѣ должную справедливость. Я слишкомъ уменъ, чтобы вдаваться въ такой избитый genre. — Я далеко не старикъ — знаю; и однако, не могу влюбляться. Думаю, что могъ бы любить искренно, глубоко, если бы нашелъ женщину достойную, которая бы могла мнѣ внушить это чувство.

ВРОНСКАЯ *(Насмѣшливо).*

Но вы такъ несчастливы, или такъ требовательны, что не нашли еще женщины — феникса.

ЗАБѢЛОВЪ.

Зачѣмъ феникса! — Просто — доброй, умной, чувствительной женщины я еще не находилъ; впрочемъ, по правдѣ, и не искалъ; я хочу сказать, что до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такой женщины.

ВРОНСКАЯ.

А по моему — не желали встрѣтить, или, если встрѣчали, то проходили мимо. Признайтесь, вы не способны любить?

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы прервали меня и не дали мнѣ докончить.

ВРОНСКАЯ.

Такъ доканчивайте — я слушаю.

ЗАБѢЛОВЪ.

Къ чему? Развѣ мое мнѣніе васъ интересуетъ?

ВРОНСКАЯ.

Доканчивайте, прошу васъ!

ЗАБѢЛОВЪ.

Я думаю, что я способенъ привязаться, способенъ на нѣжную заботливость. Если бы я полюбилъ женщину, то былъ бы преданъ ей, но...

ВРОНСКАЯ.

Продолжайте — но...

ЗАБѢЛОВЪ.

Но слѣдить за ней по баламъ, вечерамъ, концертамъ, бѣгать за пахитосами, болтать легкій вздоръ для разсѣянія ея лѣнивой скуки, быть ея портъ-букетомъ, когда она танцуетъ, — подавать ей вѣеръ, когда она отдыхаетъ, — вѣчно любезничать съ ней и подавать и ей и другимъ поводъ не уважать меня — нѣтъ, къ такой любви, если это называется любовью, я неспособенъ.

ВРОНСКАЯ.

Стало быть, вы не способны желать нравиться, не

способны быть внимательнымъ, искать случая доставить удовольствіе?

ЗАБѢЛОВЪ.

Не думаю.

ВРОНСКАЯ.

Дайте мнѣ еще пахитоску.

ЗАБѢЛОВЪ.

Вотъ онѣ; всѣ къ вашимъ услугамъ.

ВРОНСКАЯ.

Скажите мнѣ теперь, зачѣмъ вы привезли мнѣ пахитосъ, и допустили Темерина въ мятель ѣхать за ними на край свѣта?

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы требуете полной откровенности, не удостоивая меня вашей; впрочемъ, извольте, на этотъ разъ я исполню вашу волю; но помните, что вы будете у меня въ долгу.

ВРОНСКАЯ.

Пожалуй, мнѣ всё равно. Вы сами знаете, какъ платятъ долги въ наше время.

ЗАБѢЛОВЪ.

Но вѣдь это нечестно.

ВРОНСКАЯ.

Да я объ этомъ не забочусь. Продолжайте.

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы понимаете, что я не сказалъ бы вамъ ни слова болѣе, если бы это не были сущіе пустяки.

ВРОНСКАЯ.

Безъ предисловій.

ЗАБѢЛОВЪ.

Привезти пахитосы коротко-знакомой женщинѣ— самый обыкновенный поступокъ; онъ едва ли заходитъ за черту вседневной вѣжливости, и если вы придали этому слишкомъ большую важность, я долженъ вывести васъ изъ заблужденія.

ВРОНСКАЯ.

За кого же вы меня принимаете?

ЗАБѢЛОВЪ.

За очень умную, остроумную и самолюбивую женщину; — впрочемъ, вы имѣете всё право быть ею. *(кланяется иронически)*.

ВРОНСКАЯ.

Вы не такъ меня поняли. Я спрашивала васъ, почему вы допустили Темерина уѣхать за пахитосами, когда онѣ были у васъ въ карманѣ?

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы сами посылали его за ними, а я слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобъ идти на перекоръ воли хозяйки дома.

ВРОНСКАЯ.

Вотъ самолюбіе! Ужели вы вообразили себѣ, что я хочу остаться съ вами наединѣ?

ЗАБѢЛОВЪ.

Разумѣется.

ВРОНСКАЯ.

Для чего же?

ЗАБѢЛОВЪ.

Ужъ конечно не потому, что вы ко мнѣ неравнодушны. Вообразить это — была бы глупость, достойная Гасконца, или мальчика; я не похожъ ни на того, ни на другаго.

ВРОНСКАЯ.

Еслибъ вы это и думали, то не сказали бы, и я васъ не обвиняю въ такомъ незнаніи свѣта; но мнѣ любопытно узнать, почему вы думаете, что я хотѣла остаться съ вами одна?

ЗАБѢЛОВЪ.

Кто можетъ вполнѣ разгадать женщину? Кто знаетъ, какой капризъ владѣетъ вами? Можетъ быть, этотъ пустой мальчикъ успѣлъ уже наскучить вамъ до моего пріѣзда; можетъ быть, вамъ просто хотѣлось поговорить со мной свободно, безъ свидѣтелей. Мы рѣдко имѣемъ случай быть вдвоемъ, а для меня давно уже не подвержено сомнѣнію, что намъ пріятно обоимъ, когда мы сходимся.

ВРОНСКАЯ.

И несмотря на то, мы всегда врозь, и едва ли промолвимъ два, три слова, когда встрѣчаемся въ общихъ гостиныхъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Если я хорошо запомню, то бываю у васъ постоянно разъ въ недѣлю, а иногда и чаще; — въ гостиныхъ же вы такъ окружены, что не можете замѣтить моего отсутствія, — я вамъ не могу быть нуженъ.

ВРОНСКАЯ

Да кто же другъ другу нуженъ? Всѣ мы, каждый отдѣльно, въ отношеніи къ обществу — лице лишнее.... А вообще нуженъ тотъ, съ кѣмъ весело.

ЗАБѢЛОВЪ.

Вамъ всегда весело.

ВРОНСКАЯ.

Какъ мало вы меня знаете! напротивъ, мнѣ всегда скучно. Я смѣюсь и болтаю по цѣлымъ вечерамъ, именно, чтобы разогнать скуку. Надобно же чѣмъ нибудь заняться.

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы называете это занятіемъ! Если вы, въ самомъ дѣлѣ, скучаете, то потому только, что ни чѣмъ не заняты и ни кого не любите.

ВРОНСКАЯ.

А вы, напротивъ, всегда веселы, потому что любите.

ЗАБѢЛОВЪ.

Можетъ быть.

ВРОНСКАЯ.

Наконецъ, вы признались въ любви своей къ княжнѣ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Нисколько! Впрочемъ, я никогда не отказывался отъ возможности любить и привязаться, а отказывал-

ся только быть хвостомъ кометы, какъ бы великолѣпна и ослѣпительна она ни была. Простыя звѣзды мнѣ больше нравятся; ходъ ихъ опредѣленъ, мѣренъ, сіяніе не ослѣпительно, а ясно и....

ВРОНСКАЯ.

Вотъ и поэзія! А просто, если перевесть всё это на простую прозу, — это будетъ значить: я люблю скромную княжну.

ЗАБѢЛОВЪ.

Она достойна любви; и конечно, тотъ, кто желаетъ наконецъ успокоиться, нашелъ бы въ ней... *(раздастся звонокъ).*

ВРОНСКАЯ. *(Нетерпѣливо).*

Кто это? Не дадутъ не минуты покоя.

ЗАБѢЛОВЪ.

Но вы любите разсѣяніе, визиты, гостиную оживленную и полную.

ВРОНСКАЯ.

Всё иронія — вы несносны! *(Онъ беретъ шляпу).* Куда вы? Останьтесь обѣдать.

ЗАБѢЛОВЪ.

Не могу, я званъ.

ВРОНСКАЯ.

Опять къ Ахметовымъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Нѣтъ; нынче я званъ въ другой домъ. *(Уходитъ).*

ВРОНСКАЯ. *(Одна).*

Странный человѣкъ! — Онъ для меня загадка. Иногда мнѣ кажется, что я ему рѣшительно нравлюсь; а иногда онъ будто ненавидитъ меня. Чѣмъ больше я окружена, тѣмъ онъ становится насмѣшливѣе и злѣе. Если я замѣчаю его, онъ ускользаетъ отъ меня, отдѣлывается — ловко и вѣжливо, но все таки отдѣлывается; если я вовсе не замѣчаю его — онъ остается спокоенъ. А случается и такъ, что вдругъ подойдетъ и просидитъ цѣлый вечеръ подлѣ меня. Что онъ? Ка-

призничаетъ, шалитъ, или въ самомъ дѣлѣ любитъ? Впрочемъ, что же это за любовь? Онъ не сближается слишкомъ, не ищетъ меня, — правда, ѣздитъ иногда ко мнѣ; но вѣдь ко мнѣ всѣ ѣздятъ, со мной имъ всегда бываетъ весело. Я сама люблю говорить съ нимъ; онъ занимаетъ меня больше другихъ, можетъ быть, потому, что я до сихъ поръ не могу сладить съ нимъ. Это меня и завлекаетъ: чѣмъ труднѣе, тѣмъ заманчивѣе. Онъ хитеръ; но, думаю, я хитрѣе и тоньше его; онъ будетъ у моихъ ногъ наравнѣ съ другими. Я ужъ въ половину достигла цѣли — онъ начинаетъ ѣздить ко мнѣ чаще, а въ городѣ начинаютъ говорить, что онъ влюбленъ въ меня; въ общемъ слухѣ всегда бываетъ часть правды. А если онъ дѣйствительно любитъ княжну, а ко мнѣ ѣздитъ для отвода... Нѣтъ! не можетъ быть! Однако... (*поднимаетъ голову и въ дверяхъ видитъ Линовскую*). А! Natalie! Какъ я рада!

ЛИНОВСКАЯ.

Что съ тобою? Я уже стою цѣлую минуту въ дверяхъ — ты такъ задумалась, что ничего не замѣчаешь.

ВРОНСКАЯ.

Да, мнѣ нынче что-то не по себѣ.

ЛИНОВСКАЯ.

Il ne faut pas se laisser aller. Я пріѣхала узнать, что̀ ты нынче дѣлаешь, что намѣрена дѣлать?

ВРОНСКАЯ.

Что я дѣлаю? — Ты видишь — немного скучаю; что буду дѣлать? Право не знаю.

ЛИНОВСКАЯ.

Если ты дома, я останусь у тебя обѣдать. Хочешь?

ВРОНСКАЯ.

Разумѣется очень рада.

ЛИНОВСКАЯ.

Рѣшено! Теперь скажи мнѣ, отчего ты такъ задумчива, отчего скучаешь?

ВРОНСКАЯ.

Да кто же это знаетъ? — Скучно, потому что скучно.

ЛИПОВСКАЯ.

Знаешь ли, что ты пародируешь извѣстную фразу: *люблю, потому что люблю,* — и я была бы очень рада, если бы ты когда нибудь отъ души сказала мнѣ её.

ВРОНСКАЯ.

Полно, другъ мой: и фраза, и я, мы обѣ, слишкомъ устарѣли, къ тому же, я право не вѣрю любви.

ЛИПОВСКАЯ.

Не вѣришь потому что никогда её не испытала, и повѣришь, когда узнаешь.

ВРОНСКАЯ.

Правда, что я до сихъ поръ никого еще не любила, но за то вижу безпрестанно влюбленныхъ вокругъ себя; всѣ они ужасно приторны, монотонны и наскучили мнѣ, — потому я и не имѣю никакой охоты знакомиться съ любовью — лишняя забота.

ЛИПОВСКАЯ.

Въ такомъ случаѣ выйди за-мужъ по расчету — сдѣлай блестящую партію.

ВРОНСКАЯ.

Для чего? Мое положеніе и такъ завидно: я богата, связей у меня довольно. Зачѣмъ мнѣ идти замужъ?

ЛИПОВСКАЯ.

Однако ты не вѣкъ же останешься вдовою.

ВРОНСКАЯ.

Почему же нѣтъ? Я нахожу, что это самое пріятное положеніе.

ЛИПОВСКАЯ.

Конечно, да бѣда въ томъ, что всѣ женщины — вдовы думаютъ, какъ ты; а рѣдкая изъ нихъ умѣетъ сохранить свое положеніе. Это точно ледяныя горы: катиться весело; но это одинъ мигъ — глядишь — и подъ горой! А не знаю, почему бы тебѣ не выйи-

ти за-мужъ. Всё дѣло въ выборѣ ; а ты умна и довольно опытна, чтобь съумѣть его сдѣлать.

ВРОНСКАЯ.

Можетъ быть; только для выбора недостаетъ матеріала.

ЛИПОВСКАЯ.

Не грѣши , душа моя ; — напротивъ, его слишкомъ много — Tu n'as que la difficulté du choix.

ВРОНСКАЯ.

Да кто же? Прошлаго года былъ здѣсь Иванчинскій, богатый дуракъ; въ началѣ нынѣшней зимы Колбинъ былъ влюбленъ въ меня; но мнѣ онъ ужасно не нравится. Теперь остались только двое серьёзныхъ претендентовъ: Аверинъ и Темеринъ. Аверинъ добръ, сговорчивъ, покоренъ; не много вспыльчивъ , да это ничего: съ этимъ можно сладить, и я ручаюсь, что я создала бы изъ него модель мужа; но у него столько нелѣпой родни; допотопный міръ какой-то , въ которомъ есть даже и мамонты и другія чудовища. *(Смѣется)*. Я не могу жить съ такими уродами.

ЛИПОВСКАЯ.

Кто въ наше время заботится о родствѣ, кто даже говоритъ о немъ?

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, устранить совершенно родныхъ не такъ легко, какъ ты думаешь. Всё придется обѣдать у нихъ разъ въ недѣлю, придется звать и къ себѣ. Пожалуй, можетъ случиться и такъ , что надо позвать родныхъ и на пріятельскій интимный вечеръ, и гостиная отъ такого нашествія птицъ и звѣрей превратится въ настоящій звѣринецъ. Нѣтъ ! Не хочу.

ЛИПОВСКАЯ.

Да это чистая прихоть ! Подумай , что всѣ матери охотно бы согласились породниться съ Аверинымъ.

ВРОНСКАЯ.

И пусть ихъ, — а я не вижу въ томъ для себя

нужды. Чтобы выйти за-мужъ, мнѣ надо всѣ условія для полнаго счастія и полнаго комфорту; а первое условіе: не имѣть родныхъ вовсе, или имѣть ихъ въ Тамбовѣ и Саратовѣ, — что приходитъ на одно, — или имѣть ихъ въ одномъ кругу съ собою.

ЛИПОВСКАЯ.

Ты не говоришь о Темеринѣ?

ВРОНСКАЯ.

Ты похожа на свѣтскую пріятельницу — toujours des conseils perfides. — Мнѣ выйти за-мужъ за вѣтренаго, пустаго мальчика, не сдѣлавшаго себѣ карьеры, не имѣющаго ни будущности, ни положенія въ обществѣ!... Чтожъ?... Мнѣ же придется ему покровительствовать, выводить его, merci.— Мнѣ надо, чтобы мужъ принесъ мнѣ столько выгодъ, сколько я принесу ему; а иначе — Богъ съ нимъ; мнѣ его не надо.

ЛИПОВСКАЯ. (*Тонко*).

А Забѣловъ?

ВРОНСКАЯ. (*Также*).

Забѣловъ..., Ну, чтожъ — онъ влюбленъ въ меня.

ЛИПОВСКАЯ.

Это не новость — всѣ это знаютъ. Что же дальше, говори откровенно.

ВРОНСКАЯ. (*Смѣется*).

Хотя я вообще давно уже отвыкла отъ пансіонской откровенности; однако, тебѣ — такъ и быть, скажу. Забѣловъ уменъ, на прекрасной дорогѣ по службѣ, и сдѣлалъ бы карьеру блестящую, — въ этомъ нечего сомнѣваться, — но...

ЛИПОВСКАЯ.

Онъ, можетъ быть, не хочетъ жениться, не смотря на то, что влюбленъ; это часто случается.

ВРОНСКАЯ. (*Гордо*).

Не хочетъ! Въ такомъ случаѣ я бы тотчасъ заставила его захотѣть. Я сама ни за что не пойду за него.

ЛИПОВСКАЯ.

Отчего же?

ВРОНСКАЯ.

Во первыхъ — онъ говорилъ мнѣ, что скоро оставитъ службу и уѣдетъ въ деревню; а я деревни терпѣть не могу и жить тамъ не намѣрена. Во вторыхъ — выйти за него значитъ, наградить себя деспотомъ. Онъ ужъ слишкомъ настойчивъ, уменъ и твердъ. Я не хочу и боюсь борьбы. Въ мужѣ я желала бы найти опору для себя въ обществѣ; но нисколько не желаю наставника и повелителя жены, семьи и всего дома.

ЛИПОВСКАЯ.

Каждаго мужчину можно передѣлать.

ВРОНСКАЯ.

Конечно все возможно; но дѣло въ томъ, что шутить и передѣлывать влюбленнаго забавно, а мужа — нѣтъ! Труда много, скуки много, а результатъ неизвѣстенъ.

ЛИПОВСКАЯ.

Какъ же ты причудлива и требовательна!

ВРОНСКАЯ.

Нисколько. Ты стала говорить и спрашивать; я только отвѣчала; но сама я ничего не ищу, веселюсь, сколько могу, забавляюсь, играю всѣми ими и остаюсь довольна и свободна.... (*Зѣваетъ*).

ЛИПОВСКАЯ.

И зѣваю....

ВРОНСКАЯ.

Ну, да, иногда скучно, особенно утромъ и вечеромъ: когда ворочусь домой, то дѣлается какъ-то пусто.—Нынче особенно скучно. Какъ жаль, что великій постъ — маскарадовъ нѣтъ; а то бы тотчасъ придумала какую нибудь мистификацію, посмѣялась бы и прогнала скуку.

ЛИПОВСКАЯ.

Такъ благодари же меня, — я тебѣ приготовила сюрпризъ.

ВРОНСКАЯ.

Что такое?

ЛИПОВСКАЯ. (*Смотритъ на часы*).

Четыре часа. Сію минуту сюрпризъ мой явится сюда, во всей красѣ и во всемъ блескѣ.

ВРОНСКАЯ.

Да скажи, что такое?

ЛИПОВСКАЯ.

Какая ты любопытная!

ВРОНСКАЯ.

Еще бы мнѣ потерять и эту способность... Чтожъ бы осталось отъ меня?... Ну, скажи же!

ЛИПОВСКАЯ.

И такъ, приготовься принять твоего жениха, давно любимаго тобою, уѣхавшаго отсюда и оставившаго тебя въ слезахъ. Помнишь?

ВРОНСКАЯ.

Да что за мистификація такая!.. Я не знаю, о комъ ты говоришь.

ЛИПОВСКАЯ.

Потерпи минутку. Онъ войдетъ — узнаешь.

ВРОНСКАЯ.

Скажи, скажи сейчасъ: не мучь меня!

ЛИПОВСКАЯ.

Нечего дѣлать, Александръ Ивинъ пріѣхалъ.

ВРОНСКАЯ.

Когда же? Какъ я рада.... Отъ чего же онъ не прямо ко мнѣ?

ЛИПОВСКАЯ.

Онъ пріѣхалъ нынче утромъ и явился ко мнѣ, потому что былъ увѣренъ, что ты за границей. Какъ онъ обрадовался, когда я сказала ему, что ты здѣсь. Онъ поѣхалъ справить какія-то очень нужныя дѣла по службѣ, а обѣдаетъ здѣсь и проведетъ съ тобою весь вечеръ, если ты хочешь.

ВРОНСКАЯ.

Разумѣется. Вотъ вправду, пріятный сюрпризъ! А я

не ждала его так скоро.... Вспомним мы прежніе годы!

САША. *(Входитъ).*

Мадамъ Деполь къ вамъ пріѣхала, и проситъ васъ сдѣлать ей одолженіе заплатить ея счетъ.

ВРОНСКАЯ.

Саша! ты несносна! Развѣ ты не видишь, что я занята? Кажется, ты могла бы теперь не тревожить меня. Поди — послѣ....

САША.

Да я и не хотѣла вамъ докладывать, но мадамъ Деполь говоритъ, что нынче — первое число, и ей самой надо расплачиваться.

ВРОНСКАЯ.

Какъ ты мнѣ наскучила!... Скажи Каролинѣ; чтобы она заплатила ей. Подай сюда счетъ; сколько тамъ... *(беретъ у Саши счетъ и читаетъ въ полголоса)* pour acquit cent roubles argent, 1 Avril, 1850....

ЛИНОВСКАЯ.

Нынче первое Апрѣля! Вотъ голосъ судьбы! маскарадовъ нѣтъ, за то — первое Апрѣля! Чудесно! Знаешь что, мнѣ пришла въ голову блестящая мысль! *(смѣется).*

ВРОНСКАЯ.

Да что съ тобой? Я ничего не понимаю..

ЛИНОВСКАЯ.

Ничего, послѣ разскажу.—А теперь пойдемъ въ твою спальню — одѣться по наряднѣе! *(Значительно).* По случаю пріѣзда Александра, жениха твоего!!

ВРОНСКАЯ.

Право, я не могу понять, что съ тобой сдѣлалось. *(Уходятъ).*

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Вечеръ; гостиная освѣщена карселемъ; на столикѣ двѣ свѣчи. Вронская сидитъ на кушеткѣ; подлѣ нея Ивинъ. Липовская сидитъ въ спокойныхъ креслахъ напротивъ ихъ.

ЛИПОВСКАЯ.

Вы, кажется, не совсѣмъ согласны съ нами.

ИВИНЪ.

Нѣтъ мнѣ всё равно.

ВРОНСКАЯ.

По правдѣ сказать, я не много боюсь.... не вышло бы чего нибудь непріятнаго изъ того, что ты затѣяла.

ЛИПОВСКАЯ.

Какой вздоръ! Чего бояться? Мы будемъ между собой.... Чтожъ можетъ выйдти?

ВРОНСКАЯ.

Они разсердятся, разскажутъ и въ свѣтѣ всѣ будутъ бранить меня.

ЛИПОВСКАЯ.

Охота разсказывать самимъ о себѣ — развѣ для того, чтобы всѣ смѣялись надъ ними. Не бойся, не разскажутъ!

ИВИНЪ.

Впрочемъ, я не думаю, чтобъ это могло серьёзно повредить тебѣ. Подумай, что всё это останется между нами. Насъ всѣхъ будетъ только четверо.

ЛИПОВСКАЯ.

Разумѣется! Впрочемъ, Irène всегда храбра на сло-

вахъ, а на дѣлѣ—тотчасъ и назадъ. Львица, а боится свѣтскихъ толковъ, боится клеветы!

ВРОНСКАЯ.

Я боюсь толковъ? — Извини, нисколько! Я знаю, что отъ злословья не уйдешь, и давно уже не слушаю, что говорятъ обо мнѣ.

ИВИНЪ.

И прекрасно дѣлаешь! Всѣ эти толки изъ зависти.

ЛИПОВСКАЯ.

Если не боишься, докажи.

ВРОНСКАЯ.

Я доказала уже тѣмъ, что на всё согласна.

ЛИПОВСКАЯ.

Браво! Вотъ такъ я люблю тебя! Мы повеселимся и посмѣемся.

ВРОНСКАЯ.

А если они разсердятся на Александра и вызовутъ его на дуэль?

ИВИНЪ.

За меня не бойся!

ЛИПОВСКАЯ.

Помилуй — гдѣ такіе Донъ-Кишоты найдутся въ наше время? Всѣ они люди мирные и смирные; къ тому же Александръ извѣстенъ своими кавказскими подвигами. Повѣрь мнѣ, что они его не тронутъ! Ces héros de salon — ужъ мы знаемъ ихъ храбрость.

ВРОНСКАЯ.

Правда, всѣ они очень нѣжно любятъ самихъ себя.

ЛИПОВСКАЯ.

И заботятся не только о головѣ своей, но даже и о цвѣтѣ лица, а потому...

ИВИНЪ.

Не подставятъ лобъ подъ пулю. Впрочемъ, если имъ захочется, я не прочь!

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сохрани Боже!

ЛИНОВСКАЯ *(тихо ему).*

Не пугайте её, а то мы съ ней не сладимъ, и тогда всё погибнетъ.

ИВИНЪ *(Вронской).*

Будь покойна; я тебѣ ручаюсь за себя. Ну, чтожъ, согласна ?

ВРОНСКАЯ.

Пожалуй.—Только смотри же, Александръ, будь остороженъ, такъ, чтобъ послѣ всё это можно было обратить въ шутку. Не будь слишкомъ нѣженъ.

ИВИНЪ.

Это будетъ трудно.. Богъ знаетъ, что вы изъ меня дѣлаете? Впрочемъ, ты такъ мила, такъ хороша, что я поневолѣ буду слишкомъ нѣженъ.

ВРОНСКАЯ.

Полно говорить комплименты; это нейдетъ къ намъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Да вѣдь и ты требуешь невозможнаго. Онъ провелъ цѣлые три года на Кавказѣ, между дикарями и дикарками, и ты хочешь, чтобы возвратясь сюда, онъ не говорилъ нѣжностей, не желалъ бы волочиться и любить по Европейски.

ИВИНЪ.

Благодарю васъ! Докажите же мнѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, сочувствуете всѣмъ моимъ лишеніямъ на Кавказѣ, и дайте поцѣловать у васъ ручку. Я уже три года не цѣловалъ женскихъ рукъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Будто бы? Однако въ Тифлисѣ много хорошенькихъ женщинъ.

ИВИНЪ

Я не жилъ въ Тифлисѣ, а былъ, къ несчастію, назначенъ въ пограничную крѣпость, гдѣ видѣлъ однѣхъ старыхъ Татарокъ, и кое-какихъ знакомыхъ въ сосѣднихъ аулахъ.

ВРОНСКАЯ.

Нечего дѣлать! Надо побаловать этого выходца съ того свѣта. *(Протягиваетъ ему руку — онъ цѣлуетъ ее; въ эту минуту входитъ Темеринъ).*

ТЕМЕРИНЪ.

Вотъ и я! Видите ли, какъ акуратенъ, — я первый.

ЛИПОВСКАЯ.

За кого же вы насъ считаете, — ужели за нулей ?

ТЕМЕРИНЪ.

Скажите по совѣсти, можно ли такъ коварно играть моими словами!... Вы другъ дома; я васъ не считаю.

ВРОНСКАЯ.

Ну, а Ивина, котораго я вамъ рекомендую — познакомьтесь, — вы его тоже не считаете? *(Ивинъ и Темеринъ кланяются. Ивинъ садится на прежнее мѣсто).*

ТЕМЕРИНЪ *(смѣшавшись).*

Извините, я не имѣлъ удовольствія быть съ вами знакомымъ, и потому не говорилъ о васъ.

ВРОНСКАЯ.

Но теперь, когда вы познакомились , признайтесь , что пріѣхали позднѣе другихъ. — Если бы я стала надѣяться на васъ однихъ, какъ часто мнѣ бы пришлось оставаться одной.

ТЕМЕРИНЪ.

Какая напраслина ! Я весь вашъ, всегда готовъ къ услугамъ.

ВРОНСКАЯ.

Всегда, правда: особенно когда вамъ нечего дѣлать и некуда ѣхать.

ТЕМЕРИНЪ.

Это безбожно !

ВРОНСКАЯ.

А помните, mardi gras — прошлаго года.

ЛИПОВСКАЯ.

Полно, Irène. Сколько разъ на моей памяти ты упрекала его за этотъ вечеръ , когда онъ потихоньку отправился отъ тебя въ маскарадъ.

ВРОНСКАЯ.

И всегда буду упрекать. У меня память долга.

ТЕМЕРИНЪ.

Да, на чужіе проступки.

ВРОНСКАЯ.

А кто вамъ далъ право не только считать, но даже замѣчать мои проступки?

ИВИНЪ.

Полноте спорить, Irène. Теперь я здѣсь, и ручаюсь, что вы скучать не будете.

ВРОНСКАЯ.

Вѣрю, и потому даю полный отпускъ всѣмъ моимъ короткимъ знакомымъ и пріятелямъ.

ТЕМЕРИНЪ.

Какъ, развѣ я просилъ отпуска?

ВРОНСКАЯ.

Да, напросились на него, а теперь не взыщите.

ТЕМЕРИНЪ.

Что это значитъ?

ВРОНСКАЯ.

Ничего особеннаго. *(Обращаясь къ Ивину)*. Насъ прервали, разскажите же, что вы намѣрены дѣлать?

ИВИНЪ.

Что мы намѣрены дѣлать, хотите вы сказать, chère amie; но мы успѣемъ еще переговорить объ этомъ, а теперь дайте мнѣ увѣриться, что я, въ самомъ дѣлѣ, съ вами, что это не сонъ.

ТЕМЕРИНЪ *(Подходитъ къ Липовской, садится подлѣ ней и говоритъ тихо)*.

Скажите, что все это значитъ? Откуда явился этотъ герой? Кто онъ и что съ ней сдѣлалось?

ЛИПОВСКАЯ.

На первый вопросъ могу вамъ дать удовлетворительный отвѣтъ. Этотъ герой — въ самомъ дѣлѣ герой; пріѣхалъ съ Кавказа, гдѣ три года сражался; а что съ ней сдѣлалось — объяснить вамъ не могу, потому что не знаю.

ТЕМЕРИНЪ.

Скажите лучше, что не хотите.

ЛИНОВСКАЯ.

Пожалуй и не хочу. Развѣ можно разсказывать другимъ тайну, повѣренную мнѣ одной?

ТЕМЕРИНЪ (*Живо*).

Такъ есть тайна?

ЛИНОВСКАЯ.

Развѣ вы не видите.

ТЕМЕРИНЪ.

Правда, эта короткость съ нимъ, которую она даже и не скрываетъ, его довольство собою, всѣ пріемы его могли бы и слѣпому открыть глаза. Стало быть она влюблена въ него...

ЛИНОВСКАЯ.

Я не въ правѣ разсказывать больше (*Аверинъ входитъ; Вронская представляетъ ему Ивина*).

ТЕМЕРИНЪ.

А! Вотъ и Аверинъ, — что-то онъ скажетъ? Какъ удивится! Признаюсь, я не ожидалъ отъ нея ничего подобнаго; по крайней мѣрѣ, приличія могли бы быть сохранены больше.

ЛИНОВСКАЯ.

Что касается до приличій, то она давно изучила ихъ въ совершенствѣ.

ТЕМЕРИНЪ.

И потому оставила ихъ въ сторонѣ, какъ все то, что̀ выучено. Не это ли хотѣли вы сказать?

ЛИНОВСКАЯ.

Нѣтъ, я этого не говорила.

ТЕМЕРИНЪ.

Смотрите, Аверинъ идетъ къ намъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Вижу, что нынче я осуждена на скучную роль трагической наперсницы; только съ маленькимъ измѣненіемъ.

АВЕРИНЪ.

Что вы говорите?

ЛИПОВСКАЯ.

Да, наперсницамъ повѣрялись страсть, любовь и ея мученія, а нынче мнѣ придется выслушивать выраженіе одной досады вашей.

АВЕРИНЪ.

Я не совсѣмъ понимаю васъ; я просто пришелъ спросить, кто этотъ Ивинъ?

ЛИПОВСКАЯ.

Спросите у Темерина. У меня недостаетъ терпѣнія повторять вамъ, каждому поочередно, одно и тоже. *(Уходитъ къ Вронской)*.

АВЕРИНЪ.

Кто онъ? Откуда явился такъ неожиданно?

ТЕМЕРИНЪ *(Смѣется)*.

Признаюсь, сюрпризъ!

АВЕРИНЪ.

Что васъ забавляетъ?

ТЕМЕРИНЪ.

А вотъ что! Пока мы съ вами ѣздили, сломя голову, кто за пахитосами, кто за билетомъ въ концерты, словомъ — пока мы служили у Ирины Николаевны чиновниками особыхъ порученій, — явился герой съ Кавказа, и вдругъ, безъ труда, завладѣлъ нашимъ мѣстомъ; а теперь этотъ чужой едва ли скоро не выгонитъ насъ, своихъ, пріятелей въ этомъ домѣ, за порогъ его.

АВЕРИНЪ.

Не можетъ быть! Какое онъ имѣетъ на это право?

ТЕМЕРИНЪ.

Разбирайте права, а этотъ *чужой* — чужой только намъ, а ей *близкій*, *свой*. Какъ это сдѣлалось — не спрашивайте: — я не знаю.

АВЕРИНЪ.

Мнѣ помнится, она какъ-то упоминала его имя. Едва ли онъ не родня ей?

ТЕМЕРИНЪ.

Не знаю, но мнѣ всякая родня такаго рода очень подозрительна.

АВЕРИНЪ.

Надо узнать. (*Уходитъ. Ахметова съ дочерью и въ слѣдъ за ними пріѣзжаетъ Забѣловъ. Вронская принимаетъ ихъ*).

ВРОНСКАЯ (*Княгинѣ*).

Позвольте мнѣ представить вамъ друга моего дѣтства, моего cousin, Александра Ивановича Ивина. И вамъ также — княжна. — Monsieur Забѣловъ, — Monsieur Ивинъ (*Кланяются; Забѣловъ узнаетъ Ивина*).

ЗАБѢЛОВЪ.

Александръ! Ты ли это? Откуда? (*Обнимаются*).

ИВИНЪ.

Какъ я радъ!

ВРОНСКАЯ (*Тихо Линовской*).

Они коротко знакомы; не вышло бы чего? Да вотъ еще, къ несчастію, и Ахметовы пріѣхали.

ЛИНОВСКАЯ.

Не бойся, только предупреди Ивина, чтобы онъ не проговорился.

ВРОНСКАЯ.

Какая досада, что Ахметовы вздумали нынче пріѣхать ко мнѣ. Скажи пожалуйста, чтобы никого больше не принимали, даже и изъ короткихъ знакомыхъ. Помѣшаютъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Сей часъ скажу, будь покойна!

ВРОНСКАЯ (*Княгинѣ*).

Какъ я рада васъ видѣть. Я думала вы въ концертѣ, и никакъ не ожидала имѣть удовольствіе провести съ вами вечеръ.

АХМЕТОВА.

Мы заѣхали къ вамъ на минуту; мы принуждены провести часть вечера у Дубровиной. Заранѣе знаю,

что у ней будетъ скучно; но она звала меня уже нѣсколько разъ, а я до сихъ поръ не могла рѣшиться осудить Алину на эту скуку; наконецъ нынче мы рѣшились поѣхать къ ней; но, если вы позволите, я отъ нихъ возвращусь опять къ вамъ.

ВРОНСКАЯ.

Очень буду рада.

АХМЕТОВА.

У васъ всегда такъ весело; моя Алина такъ любитъ быть у васъ.

ВРОНСКАЯ.

Мнѣ очень пріятно... Какой у васъ прекрасный букетъ, Mademoiselle Aline!

АЛИНА.

Да, un bouquet distingué.

ЛИНОВСКАЯ.

Кто вамъ прислалъ его?

АЛИНА.

Угадайте!

ВРОНСКАЯ.

Не maman ли ваша подарила его вамъ; она такъ любитъ и балуетъ васъ.

АЛИНА.

О, нѣтъ! Я не позволяю maman дарить мнѣ букеты. Я обязана имъ одному изъ этихъ господъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Je ne veux pas être indiscrète, и не буду допытываться у васъ его имени; думаю, однако, что я отгадала.

АЛИНА.

Allons, dites... Это не секретъ.

АХМЕТОВА (*Важно*).

Подарокъ букета никогда не секретъ. Впрочемъ, у молодой, хорошо воспитанной дѣвушки не бываетъ секретовъ.

АВЕРИНЪ (*Линовской тихо*).

А если бываютъ, то ихъ не говорятъ при маменькѣ.

ЛИПОВСКАЯ (*Вслухъ*).

Вѣрно Пронскій. Онъ всегда къ вамъ такъ внимателенъ. Нѣтъ? Не онъ? Такъ кто же?

АЛИНА (*Съ намѣреніемъ*).

Забѣловъ! (*Забѣловъ говоритъ съ Ивинымъ; услышавъ свое имя онъ оборачивается*).

ВРОНСКАЯ (*Забѣлову*).

Мы любуемся букетомъ княжны Алины; онъ отлично составленъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Не совсѣмъ хорошо. Мнѣ хотѣлось достать другой; но я поздно пріѣхалъ въ оранжерею и не нашелъ уже лучшихъ цвѣтовъ; всѣ разобраны.

ЛИПОВСКАЯ.

Вотъ что значитъ быть лѣнивымъ.

АХМЕТОВА.

О, нѣтъ — занятымъ. Господинъ Забѣловъ съ утра занятъ дѣлами.

ВРОНСКАЯ.

Въ самомъ дѣлѣ? А я и не подозрѣвала, что вы человѣкъ дѣловой. (*Уходитъ и беретъ Ивина въ сторону*). Ты ничего не сказалъ Забѣлову?

ИВИНЪ.

То есть, какъ ничего? Мы говорили очень много.

ВРОНСКАЯ.

О томъ, знаешь, — что нынче...

ИВИНЪ.

Ничего; но развѣ и для него это секретъ?

ВРОНСКАЯ.

Для него больше, чѣмъ для другихъ.

ИВИНЪ.

Какъ, развѣ и онъ?

ВРОНСКАЯ.

Разумѣется.

ИВИНЪ.

Я люблю его; мы старые друзья, и я не хотѣлъ бы...

ВРОНСКАЯ.

Да будь же спокоенъ; я за всё ручаюсь. Къ тому же ты обѣщалъ мнѣ...

АВЕРИНЪ (*Подходитъ, Ивинъ уходитъ*).

Не помѣшалъ ли я вамъ, Ирина Николаевна. Вы, можетъ быть, говорили секреты?

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, я уже всё сказала; теперь вы мнѣ не мѣшаете.

АВЕРИНЪ.

Стало быть я угадалъ: — у васъ есть тайны.

ВРОНСКАЯ.

Не тайны, а тайна.

АВЕРИНЪ.

Въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, что вы удостоите и меня своей довѣренности.

ВРОНСКАЯ.

Конечно; только не теперь.

АВЕРИНЪ.

Какъ!... Пріѣзжій, не извѣстный никому человѣкъ, о которомъ мы слышали отъ васъ когда-то мелькомъ, уже успѣлъ завладѣть вами до такой степени, успѣлъ такъ съ вами сблизиться, что старые друзья ваши должны уступить ему пріятельское мѣсто у камина, дружеское — въ кабинетѣ вашемъ; уступить ему даже вашу привязанность... Что онъ вамъ?...

ВРОНСКАЯ.

Вотъ въ этомъ и заключается весь вопросъ.

АВЕРИНЪ (*Съ досадой*).

Угадать не трудно: онъ — новое лице; онъ — вашъ новый капризъ, и больше ничего.

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, — очень много, а не ничего.

АВЕРИНЪ.

Такъ скажите же?

ВРОНСКАЯ.

Вы, кажется, требуете? Не хочу!

АВЕРИНЪ.

Не требую *(тихо)*, а прошу, умоляю! Вы видите — неизвѣстность меня мучитъ. Скажите, какія ваши отношенія къ нему?

ВРОНСКАЯ.

Скажу за ужиномъ.

АВЕРИНЪ.

Нѣтъ. — Теперь!

ВРОНСКАЯ.

Теперь мнѣ некогда. Вы видите, у меня незваные гости; должна же я по неволѣ заняться ими.

АВЕРИНЪ.

А больше всѣхъ — имъ.

ВРОНСКАЯ.

Конечно. Но оставьте меня. Ахметовы сбираются ѣхать; мнѣ надо сказать имъ нѣсколько словъ. *(Подходитъ къ нимъ)*. Ужъ ѣдете! Чтожъ такъ рано?

АХМЕТОВА.

Пора— мы постараемся скорѣе возвратиться къ вамъ; а теперь пока прощайте.

АЛИНА *(Забѣлову тихо)*.

Какая скука ѣхать къ Дубровиной, а избавиться нельзя!

ЗАБѢЛОВЪ.

Пріѣзжайте сюда поскорѣе.

АЛИНА.

C'est délicieux! Зовете меня сюда! Не проще ли, не натуральнѣе ли вамъ ѣхать туда же и спасти меня отъ скуки.

ЗАБѢЛОВЪ.

Постараюсь пріѣхать, однако не обѣщаю.

АЛИНА.

Что васъ тутъ удерживаетъ?

ЗАБѢЛОВЪ.

Если будетъ весело, останусь здѣсь, если скучно, пріѣду къ вамъ.

АЛИНА.

Эгоистъ!

ЗАБѢЛОВЪ.

Je ne dis pas le contraire.

АХМЕТОВА.

Пора, Алина, поѣдемъ.

ВРОНСКАЯ.

A revoir — только возвращайтесь скорѣе — je ne veux pas veiller aujourd'hui. *(Ахметовы уходятъ. Вронская прислушивается къ шуму ихъ шаговъ, и когда онъ затихаетъ совершенно, говоритъ, обращаясь ко всѣмъ).* Еслибъ онѣ не возвращались! Скажите, однако, кто больше моего наказанъ несноснымъ сосѣдствомъ? Около меня, за два дома, живетъ Дубровина и принимаетъ каждый вторникъ; всякій, кто ѣдетъ къ ней и отъ нея, непремѣнно заѣзжаетъ ко мнѣ. Несносно! И я, волей или неволей, должна принимать по вторникамъ.

ТЕМЕРИНЪ *(Смѣется).*

Вечеръ impromptu у васъ, безъ вашего вѣдома — забавно.

ЗАБѢЛОВЪ *(Съ комическимъ трагизмомъ).*

Гибельное сосѣдство!

АВЕРИНЪ.

Можно учредить компанію и застраховать себя отъ такаго сосѣдства.

ЛИНОВСКАЯ.

Компаніи нуженъ будетъ большой капиталъ — вѣдь такихъ сосѣдей множество. Кто же дастъ денегъ?

ЗАБѢЛОВЪ.

Ужъ конечно не я.

ТЕМЕРИНЪ.

Еслибъ у меня были деньги, — я бы пожалуй.

ВРОНСКАЯ.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы говорите оба. Вы, M.r Темеринъ способны тотчасъ разориться, на что бы то ни было, а вы, M.r Забѣловъ ужъ слишкомъ любите деньги.

ЗАБѢЛОВЪ.

Только, какъ средство.

ВРОНСКАЯ.

Вотъ новость! Да кто же ихъ любитъ иначе? Одинъ скупой Мольера.

ЗАБѢЛОВЪ.

Я хотѣлъ сказать, что есть благородныя цѣли.

ВРОНСКАЯ.

Полноте! *(Смѣется)*. Какъ бы то ни было, но всегда найдутся причины всякой привязанности.

ТЕМЕРИНЪ.

Отдайте должную справедливость моему характеру: я не привязанъ къ деньгамъ и готовъ ихъ отдать...

ВРОНСКАЯ.

Знаю, знаю! Вы ни къ чему не привязаны, кромѣ легкой, веселой и пріятной жизни.

ЗАБѢЛОВЪ.

Что вы должны вполнѣ понимать, чему вполнѣ должны сочувствовать.

ВРОНСКАЯ *(Забѣлову сухо)*.

Merci, — я узнаю вашу обыкновенную любезность.

ТЕМЕРИНЪ *(Вронской)*.

Вы всё на меня нападаете; и что бы я ни сказалъ, что бы ни сдѣлалъ — всё вамъ не въ угоду. — Вы жалуетесь на сосѣдство Дубровиной... Хотите, я васъ избавлю отъ него?

ВРОНСКАЯ.

Полноте хвастаться! Я увѣрена, что если проживу три года здѣсь, то буду три года страдать отъ визитовъ не въ пору. Но я скоро положу конецъ всему этому, и перемѣню квартиру.

ИВИНЪ.

Скажите, что̀ случилось? Вы что-то сердиты, Irène, и за что нападаете вы на Дубровину?

ЗАБѢЛОВЪ.

Ирина Николаевна говоритъ, что по вторникамъ она не имѣетъ покоя, потому что Дубровина принимаетъ, и многіе отъ пей пріѣзжаютъ сюда. *(Иронически)*. Ири-

на Николаевна такъ любитъ уединеніе, что эти визиты тяготятъ ее.

ВРОНСКАЯ *(Съ досадой)*.

Совсѣмъ не то!.. Но я люблю видѣть только тѣхъ, кто со мной близко знакомъ и любезенъ.

ИВИНЪ.

Чтобы избавиться отъ хлопотъ, почему бы не ѣздить по вторникамъ къ Дубровиной?

ВРОНСКАЯ.

Я съ ней не знакома.

ИВИНЪ.

Познакомьтесь.

ВРОНСКАЯ.

Et pourquoi faire. C'est une société mêlée; я туда не ѣзжу.

ИВИНЪ.

Какіе пустяки!

ЗАБѢЛОВЪ *(Иронически)*.

Здѣсь это не пустяки, а дѣло первой важности.

ВРОНСКАЯ.

Вы нарочно всё преувеличиваете; а конечно, это не совсѣмъ пустяки. Вы, Александръ, сдѣлались дикаремъ, Могиканомъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и не вдругъ поймете всѣ тонкія различія; а здѣсь, по неволѣ, мы всѣ осуждены на нихъ.

ЗАБѢЛОВЪ *(Иронически)*.

И въ нихъ такъ горячо, такъ искренно, такъ безусловно положили всю жизнь свою, — вѣроятно, тоже по неволѣ.

ВРОНСКАЯ.

Опять нападенія на общество!... Впрочемъ, я знаю наизустъ ваши мнѣнія, и не забочусь больше о томъ, что̀ вы говорите.

ЗАБѢЛОВЪ.

Да, я давно уже убѣдился, что не только не заботитесь, но едва ли слышите, что̀ я говорю, и потому,

не боясь вашего гнѣва, позволяю себѣ говорить свободно.

ИВИНЪ.

А у Дубровиной весело, большой пріемъ?

ВРОНСКАЯ.

Въ томъ-то и дѣло, что даже и не весело — претензіи на аристократію и скука.

ИВИНЪ.

Въ такомъ случаѣ понимаю, что вы не хотите быть у ней.

ЗАБѢЛОВЪ.

Тамъ не всегда скучно; балы оживлены и роскошны.

ЛИПОВСКАЯ.

Это правда — и отличный ужинъ, какъ слѣдуетъ быть у нажившагося откупщика — помѣщика.

АВЕРИНЪ.

И хорошенькія дочери.

ВРОНСКАЯ. *(Съ колкостію).*

И наша молодежь ѣздитъ туда *ужинать.*

ЗАБѢЛОВЪ.

Ужина искать нечего, а вотъ хорошенькія дочери — другое дѣло.

ВРОНСКАЯ.

Странный вкусъ! Вы всегда съ дѣтьми. Вы имѣете всѣ качества для будущаго отца семейства.

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы думаете?

ВРОНСКАЯ.

Увѣрена.

ЗАБѢЛОВЪ.

Въ вашихъ устахъ рѣчь о семьѣ звучитъ какъ-то странно — Пари держу, что мнѣ надо принять это за насмѣшку.

ВРОНСКАЯ.

Да, я не охотница до чувствительныхъ романовъ въ нѣмецкомъ и англійскомъ вкусѣ.

ЗАБѢЛОВЪ.

И я, осужденный заранѣе, нагоняю уже на васъ скуку?

ВРОНСКАЯ.

Иногда.

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы нынче въ первый разъ откровенны. *(Всѣ смѣются).* Но нашей войнѣ далеко не конецъ. Rira bien, qui rira le dernier.

ЛИПОВСКАЯ.

И это вамъ всегда удавалось.

ЗАБѢЛОВЪ.

Я беззаботенъ и всегда смѣюсь.

ВРОНСКАЯ.

Развѣ между нами война? А я и не замѣчала.

ЗАБѢЛОВЪ *(Иронически).*

Я такъ внимателенъ ко всѣмъ словамъ вашимъ, что замѣчаю малѣйшіе оттѣнки вашего выраженія.

ВРОНСКАЯ.

Вы теперь говорите совсѣмъ другое.

АВЕРИНЪ.

И хитро повернули смыслъ рѣчи. Браво, Забѣловъ!

ТЕМЕРИНЪ.

Ускользнули съ честью. Женщины хитры, а вы хитрѣе женщинъ.

АВЕРИНЪ.

И не мудрено, — не даромъ вы дипломатъ; это по вашей части.

ЗАБѢЛОВЪ.

Еслибъ вы знали, какой я плохой дипломатъ!... Я отдаю себѣ справедливость, и хочу идти въ отставку— я хитеръ на мелочи.

АВЕРИНЪ.

Полноте, vous voulez nous donner le change, — поздно.

ИВИНЪ.

Да я то какую же роль играю здѣсь? Вы всѣ гово-

рите такъ умно, такъ тонко, такъ мѣтко, что я только слушаю и едва успѣваю слѣдить за разговоромъ, а самъ не умѣю вставить ни одного слова кстати. Я, кажется, разучился говорить на Кавказѣ.

ВРОНСКАЯ.

И прекрасно. Оставьте ихъ хитрить, играть словами, говорить тонкія шутки. Вы пошли по другой дорогѣ, и, кажется, не въ проигрышѣ.

ИВИНЪ.

Конечно нѣтъ, если вы меня въ томъ увѣряете.

ВРОНСКАЯ. *(Ласково).*

Зачѣмъ мнѣ увѣрять васъ, развѣ вы этого не знаете?

ИВИНЪ.

Знаю, если вы приказываете.

ЗАБѢЛОВЪ *(Линовской тихо).*

Давно онъ пріѣхалъ?

ЛИНОВСКАЯ.

Нынче утромъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Съ Кавказа? Знаю. Я спрашиваю, давно ли онъ у ней, у вашей пріятельницы?

ЛИНОВСКАЯ.

Съ утра. Мы нынче здѣсь обѣдали. А вамъ на что?

ЗАБѢЛОВЪ.

Такъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Полноте, вы ничего *такъ* не говорите.

ЗАБѢЛОВЪ.

Вотъ незаслуженная репутація!

ЛИНОВСКАЯ.

Не скромничайте!

ЗАБѢЛОВЪ.

Ну, пожалуй. Я хотѣлъ сказать, что она нынче не въ мѣру съ нимъ кокетничаетъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Не ошибитесь — это будетъ посерьёзнѣе.

ЗАБѢЛОВЪ.

Можетъ быть, не спорю; только что-то не вѣрится. *(Аверинъ и Темеринъ подходятъ; Темеринъ говоритъ съ Забѣловымъ.*

АВЕРИНЪ *(Линовской).*

Они опять вдвоемъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Не предложить ли мнѣ вамъ карты? Хотите въ преферансъ? Мнѣ становится жаль васъ — vous rôdez ici comme des âmes en peine.

АВЕРИНЪ.

Не мудрено; по крайней мѣрѣ, я вижу ясно, что мы всѣ здѣсь лишніе, и намъ не худо бы было заняться чѣмъ нибудь, пока кончится это à parte. *(Показываетъ на Вронскую и Ивина, которые сидятъ другъ подлѣ друга на tête à tête).*

ЛИНОВСКАЯ.

Да, она занята имъ.

АВЕРИНЪ.

Да это, наконецъ, ни на что не похоже.

ЛИНОВСКАЯ.

Напротивъ; какъ нельзя больше похоже на то̀, что̀ есть въ самомъ дѣлѣ.

АВЕРИНЪ.

На что же?

ЛИНОВСКАЯ.

Развѣ вы дитя, что вамъ надо всё пояснять; будто вы сами не видите и не понимаете.

ВРОНСКАЯ *(Съ своего мѣста, обращаясь къ Забѣлову).*

Monsieur Забѣловъ! Подите сюда! Зачѣмъ вы насъ оставили? *(Забѣловъ подходитъ къ Вронской и Ивину,— Линовская садится на другомъ концѣ кабинета между Аверинымъ и Темеринымъ и говоритъ съ ними).*

ЗАБѢЛОВЪ.

Что прикажете?

ВРОНСКАЯ.

Посидите съ нами.

ЗАБѢЛОВЪ.

Я не хочу мѣшать вамъ.

ВРОНСКАЯ.

Когда я сама приглашаю васъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Это ничего не значитъ.

ВРОНСКАЯ.

Прекрасно! Я съ утра съ Александромъ; мы вмѣстѣ обѣдали, успѣли переговорить обо всемъ; теперь ваша очередь; вы тоже съ нимъ пріятель.

ЗАБѢЛОВЪ.

Я намѣренъ завтра быть у него, и слѣдственно буду имѣть время наговориться съ нимъ, а нынче — позвольте мнѣ не мѣшать вамъ обоимъ. *(Хочетъ уйти)*.

ВРОНСКАЯ.

Останьтесь! Александръ, скажите ему, что онъ намъ не мѣшаетъ.

ИВИНЪ.

Право нисколько. Я съ тобою не сталъ бы церемониться.

ЗАБѢЛОВЪ.

Если такъ, то я очень радъ остаться и поговорить съ *тобою*.

ВРОНСКАЯ.

Съ нимъ, то есть не со мной! Comme c'est aimable! Только вы завтра не трудитесь ѣздить къ нему. *(Показываетъ на Ивина)*.

ЗАБѢЛОВЪ.

Почему же?

ВРОНСКАЯ.

Онъ цѣлый день у меня. *(Ивину нѣжно)*. Не такъ ли?

ИВИНЪ.

Разумѣется, и завтра и всегда.

ЗАБѢЛОВЪ *(Показываетъ видъ, что онъ разсѣянъ, но слѣдитъ внимательно за каждымъ ихъ движеніемъ и говоритъ просто)*.

Въ такомъ случаѣ я отложу мое посѣщеніе до другаго дня, а теперь посижу около васъ. *(Садится)*.

ВРОНСКАЯ.

Еслибъ вы знали, какъ я была рада увидѣть Александра; я такъ давно не видала его, я такъ счастлива!.

ЗАБѢЛОВЪ.

Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь; мнѣ стоитъ только взглянуть на ваше лице, чтобы убѣдиться, какъ вы искренни въ эту минуту.

ВРОНСКАЯ.

Ужели на лицѣ моемъ написано всё, что я чувствую?

ЗАБѢЛОВЪ.

Всё, повѣрьте.

ИВИНЪ.

Ваше лице очень выразительно.

ВРОНСКАЯ.

Что же оно выражаетъ теперь?

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы должны знать это сами.

ВРОНСКАЯ.

Мнѣ хочется знать, что̀ вы прочли въ чертахъ моихъ, кромѣ радости свиданія.

ЗАБѢЛОВЪ.

Пожалуй; только когда мы будемъ одни, послѣ.

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, сей часъ, сію минуту.

ИВИНЪ.

Это значитъ, что вы хотите оба, чтобы я ушелъ и оставилъ васъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Хочу не я, а Ирина Николаевна. Впрочемъ, я предупреждаю её, что не могу сказать ей ничего новаго: всё это знаетъ она лучше меня.

ВРОНСКАЯ.

Нужды нѣтъ, Александръ! Оставь насъ на минуту. *(Вполголоса Ивину, такъ однакоже, чтобы Забѣловъ могъ слышать).* У меня нѣтъ для васъ секретовъ, — вы это знаете. *(Ивинъ уходитъ, пожавъ ей руку).*

ВРОНСКАЯ *(Забѣлову)*.

Говорите, — я слушаю.

ЗАБѢЛОВЪ *(Серьёзно)*.

Зачѣмъ вы отослали этого бѣднаго Александра, который такъ вѣритъ въ васъ?

ВРОНСКАЯ.

Пожалуйста, не жалѣйте его! Если онъ вѣритъ, я ручаюсь, что онъ хорошо дѣлаетъ и не будетъ раскаяваться.

ЗАБѢЛОВЪ.

Не знаю. Впрочемъ, можетъ быть.

ВРОНСКАЯ.

Вы сомнѣваетесь.

ЗАБѢЛОВЪ.

Радъ бы вѣрить, да не вѣрится, радъ бы сомнѣваться — да не могу.

ВРОНСКАЯ.

Я что-то не понимаю этого.

ЗАБѢЛОВЪ.

А я не хочу объяснять. Вы такъ проницательны, что догадаетесь.

ВРОНСКАЯ.

Вы тоньше меня — я смиряюсь.

ЗАБѢЛОВЪ.

Смиреніе паче гордости.

ВРОНСКАЯ.

Оставимте игру словъ. Скажите: во что вы не вѣрите и въ чемъ хотѣли бы сомнѣваться?

ЗАБѢЛОВЪ.

Извольте. Зачѣмъ напрасная борьба? Я не вѣрю въ васъ, потому что вы вся — лукавство, — вы кокетничаете со всѣми и не любите никого. — Желалъ бы сомнѣваться въ томъ, что вы не смѣетесь надъ Александромъ — и также не могу. Да, — вы и его не любите, хотя уже два часа стараетесь меня въ томъ увѣрить.

ВРОНСКАЯ *(Скрывая удивленіе)*.

Я знаю, что ваше обо мнѣ понятіе такъ искаже-

но, что я не въ силахъ измѣнить его, и потому не беру на себя этого труда. Но что же выражало лице мое?

ЗАБѢЛОВЪ.

Одно доступное вамъ наслажденіе: тщеславное довольство собою и другими. Вы довольны собою, какъ отличной актрисой, и довольны *(Указывая на Аверина и Темерина)* лицами этихъ тружениковъ, выбившихся наконецъ изъ силъ, преслѣдуя химеру.

ВРОНСКАЯ.

Какую химеру?

ЗАБѢЛОВЪ.

Химеру овладѣть вашимъ сердцемъ. Какъ будто бы оно есть у васъ? Теперь, прощайте. Я долженъ ѣхать.

ВРОНСКАЯ.

Останьтесь ужинать.

ЗАБѢЛОВЪ.

Не могу.

ВРОНСКАЯ.

Прошу васъ! Нынче рѣшается судьба моя; вы не откажетесь принять въ ней участіе, пріятельское участіе.

ЗАБѢЛОВЪ.

Я васъ не понимаю.

ВРОНСКАЯ.

Сейчасъ поймете. Накрываютъ столъ, и я должна сказать два слова Аверину и Темерину.

ЗАБѢЛОВЪ.

Идите, — идите; отнимите у нихъ послѣднюю искру разсудка, rendez les ridicules de fond en comble. — Впрочемъ, они ужъ и такъ хороши, и исполняютъ въ совершенствѣ жалкую роль отверженныхъ обожателей.

ВРОНСКАЯ. *(Смѣется).*

Я пойду утѣшать ихъ.

ЗАБѢЛОВЪ *(Одинъ).*

Шалитъ — никого не любитъ! Вѣтреное дитя — и ужъ испорченное. Да, а мила и умна; и конечно, не была создана для такой мелкой траты ума и сердца. Да есть ли въ ней сердце? — Это еще вопросъ для

меня не рѣшенный; можетъ быть, было оно, но угасло, истратилось на мелочи, или спитъ, и еще не проснулось! Она такъ молода еще, жизнь скользила по ней, и не тронула её; но за то жизнь большаго свѣта и общества успѣла уже нѣсколько наложить на нее руку; но, кажется, сердце еще осталось... Посмотримъ, повѣримъ... и если... да, мнѣ надо овладѣть ею, во что бы то ни стало. — Я уже и теперь вполовину владѣю ею. Когда я говорю ей горькія истины, — она смущается; когда осыпаю её насмѣшками и ироніею, она сердится, и однако, мысль — отдалиться отъ меня, разорвать наши пріятельски — близкія отношенія, — не входитъ ей въ голову. Хорошій знакъ! Всѣ они поклоняются ей, льстятъ; ея слово — законъ для нихъ, — одинъ я противорѣчу ей во всёмъ, и она отъ меня всё выноситъ. — Женское ли упрямство, самолюбіе и надежда побѣдить кроются за этимъ, или начало чувства — не знаю, но узнаю скоро. *(Задумывается).* А что такое говорила она: «участь моя рѣшится нынче!» Вѣрно пустяки, какая нибудь шалость; тутъ нѣтъ ничего похожаго на правду; однако, мнѣ надо быть осторожнѣе и...

ЛИНОВСКАЯ.

О чемъ вы задумались?

ЗАБѢЛОВЪ.

Я? Да, вотъ Ирина Николаевна говорила мнѣ сію минуту загадочныя рѣчи; она задала мнѣ вопросъ, надъ которымъ я невольно задумался.

ЛИНОВСКАЯ.

А я была почти увѣрена, что вы влюблены въ Ахметову.

ЗАБѢЛОВЪ.

Всѣ вы, женщины, одна какъ другая, ищете вездѣ любви, страсти, романа; если теперь вы хотите сказать, что я влюбленъ въ вашу пріятельницу, то вы

ошибаетесь, очень ошибаетесь. Повѣрьте, я ни въ кого не влюбленъ, а въ нее — меньше чѣмъ въ кого бы то ни было, хотя знаю и соглашаюсь, что она очень мила и умна.

ЛИНОВСКАЯ.

Такъ о чемъ же вы думали, стоя здѣсь, какъ отшельникъ?

ЗАБѢЛОВЪ.

Думалъ о ней.

ЛИНОВСКАЯ.

Вы признаетесь.

ЗАБѢЛОВЪ.

Опять!... Да развѣ не льзя думать о женщинѣ, не любя её нисколько!

ЛИНОВСКАЯ.

Почти нельзя.

ЗАБѢЛОВЪ.

Это новость.

ЛИНОВСКАЯ.

Право, такъ; повѣрьте. Это замѣчаніе въ особенности вѣрно въ отношеніи къ вамъ: вы не будете ломать себѣ голову, если женщина васъ не интересуетъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Отъ интереса до любви — далеко.

ЛИНОВСКАЯ.

И далеко и близко — какъ дистанціи по желѣзнымъ дорогамъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Сейчасъ и сравненіе! Хитро оно — да не вѣрно. Впрочемъ, оставимте этотъ споръ; онъ ни къ чему не поведетъ насъ: я васъ не переувѣрю, а вы меня не убѣдите! Что вы такъ пристально на меня смотрите?

ЛИНОВСКАЯ.

Я думала... мнѣ жаль васъ!... Зачѣмъ взялись вы поздно за умъ?

ЗАБѢЛОВЪ.

Какъ поздно?

ЛИПОВСКАЯ.

Да, поздно, еслибъ вы нѣсколько прежде вздумали обратить вниманіе на Ирину, вы бы легко могли быть теперь на мѣстѣ другихъ....

ЗАБѢЛОВЪ.

Другихъ? Ужъ не мѣсто ли Аверина и Темерина прочила мнѣ ваша дружба? — Искренно благодарю васъ; но чувствую себя вовсе неспособнымъ на такую тяжкую должность, смѣшную службу и достойную жалости роль!

ЛИПОВСКАЯ.

Нѣтъ, я говорю серьёзно; выслушайте только. Развѣ я не знаю, что Аверину и Темерину до васъ далеко: я хочу сказать, что вы могли бы быть на мѣстѣ Ивина.

ЗАБѢЛОВЪ.

Полноте меня морочить: она шалитъ — и больше ничего.

ЛИПОВСКАЯ.

Въ самомъ дѣлѣ? Извините. Вы скоро узнаете, какаго рода эта шалость. Въ свѣтѣ это называютъ иногда глупостью, но шалостью еще никогда не называли... Я, по крайней мѣрѣ, не слыхала.

ЗАБѢЛОВЪ (*Удивившись*)

Вы, кажется, если я понялъ, говорите о замужствѣ?

ЛИПОВСКАЯ.

Ну, да!

ЗАБѢЛОВЪ (*Пораженный, но по возможности холодно*).

Она идетъ за-мужъ... Но за кого же?

ЛИПОВСКАЯ.

Она вамъ сейчасъ сама скажетъ это; только молчите, не говорите ей ничего, а то она не проститъ мнѣ, что я вполовину открыла вамъ ея тайну... Я пойду къ ней; мнѣ не хочется, чтобы она замѣтила, что мы говоримъ вдвоемъ.

ЗАБѢЛОВЪ *(Одинъ)*.

Ужели?... Идетъ за-мужъ! И такъ неожиданно!... Идетъ за-мужъ! Да за кого же? Эта новость упала, какъ съ неба, и оглушила меня. *(Задумывается)* Полно, правда ли? Что-то не совсѣмъ вѣрится... А! Всегда не вѣрится, когда сердцу не хочется, когда больно вѣрить!... Правда, вѣрно правда, когда говоритъ ея пріятельница; правда уже и потому, что это меня встревожило. — Кто можетъ ручаться за женщинъ? У нихъ всегда coups de tête, которыхъ ни предвидѣть, ни угадать не льзя. *(Проводитъ рукою по лбу)*. Всё равно! Теперь мнѣ надо выйти съ честью изъ такаго затруднительнаго положенія. Правда; я не былъ ея поклонникомъ; не говорилъ о любви, не хотѣлъ на ней жениться; но мы были коротки изъ дружбы, ей слѣдовало бы предупредить меня — сказать мнѣ просто... да и потерять всю свиту, всѣхъ обожателей — она суетна и лукава!... *(Молчаніе)*. Однако, за что же я бѣшусь на нее? Я даже не искалъ ея любви и только говорилъ ей колкости и насмѣшки... Ну, а теперь — теперь я самъ не знаю, что со мной: мнѣ что-то тяжело. Ужели это мелкое самолюбіе? Ужели я бѣшусь, и мнѣ тяжело потому только, что не я, а другой успѣлъ?... Нѣтъ, не можетъ быть!... *(Онъ оглядывается, всѣ собрались вокругъ стола и хотятъ садиться)*. Надо идти къ нимъ безъ фальшиваго стыда предъ нею и безъ досады на лицѣ... Я не измѣню себѣ *(Идетъ къ нимъ)*.

ВРОНСКАЯ.

Князь Аверинъ, вотъ сюда, садитесь подлѣ меня, а вы Monsieur Темеринъ, противъ насъ.

АВЕРИНЪ *(Вронской тихо и насмѣшливо)*.

Какъ вы добры... Вы замѣчаете, что я у васъ и заботитесь обо мнѣ. Благодарю васъ!

ВРОНСКАЯ *(Ласково)*.

Не сердитесь, прошу васъ; особенно не сердитесь нынче.

АВЕРИНЪ *(Смягчившись)*.

Я не сержусь. Одно слово ваше дѣлаетъ изъ меня покорнаго ребенка. Но что значитъ: *нынче?*

ВРОНСКАЯ.

Вы скоро всё узнаете — я не сомнѣваюсь въ вашей привязанности.

АВЕРИНЪ.

Что̀ бы вы ни были въ отношеніи ко мнѣ, какъ бы ни поступали, — моя привязанность переживетъ вашу перемѣну. Я знаю это, и прошу васъ вѣрить мнѣ. Mon amour pour vous est à toute épreuve; я раскаяваюсь даже и въ томъ, что говорилъ утромъ. Забудьте слова мои, и вѣрьте только тому, что говорю теперь.

ВРОНСКАЯ.

Вѣрю. Помните же слова свои! Впрочемъ, я вамъ ихъ напомню, если...

АВЕРИНЪ *(Съ безпокойствомъ)*.

Что — если...

ВРОНСКАЯ.

Послѣ! *(Ивину)* Cher Alexandre, faites les honneurs du souper.

ТЕМЕРИНЪ *(Линовской)*.

Cher Alexandre!... Что это за нововведеніе?

ЛИНОВСКАЯ.

Мы тутъ между своихъ — онъ ей cousin.

ТЕМЕРИНЪ.

Такой же, кажется, какъ и я... въ пятомъ колѣнѣ, я думаю.

ЛИНОВСКАЯ.

Всё таки родня.

ТЕМЕРИНЪ.

Вообще я родню не очень жалую; и подобныхъ родственниковъ, падающихъ съ неба — ненавижу.

ЛИПОВСКАЯ.

Ваша воля; особенно, если вамъ пріятно ненавидѣть.

ВРОНСКАЯ *(Забѣлову).*

Что съ вами? Вы нынче что-то молчаливы, и даже забыли привычку говорить колкости. О чемъ вы думаете?

ЗАБѢЛОВЪ.

Не думаю, а просто голоденъ, и потому ужинаю съ большимъ аппетитомъ. Ивинъ, кажется ты нынче уполномоченный, и обязанъ угощать насъ — такъ передай мнѣ рейнъ-вейнъ. *(Беретъ изъ рукъ Ивина бутылку, наливаетъ въ рюмку и пьетъ).* Отличный рейнъ-вейнъ!

ВРОНСКАЯ *(Смѣется).*

Вотъ прекрасно! Вы четверть часа молчали и придумали остроумное восклицаніе: отличный рейнъ-вейнъ! *(Смѣется).*

ЗАБѢЛОВЪ.

Простите мнѣ невольный порывъ гастронома! Вы знаете, я далеко не презираю блага жизни.

ВРОНСКАЯ.

Знаю, что вы мастеръ сыскать тотчасъ оправданіе.

АВЕРИНЪ.

А кто оправдывается, признавая въ себѣ слабость и порокъ, всегда выигрываетъ въ вашемъ мнѣніи. Неужели для того, чтобы вамъ нравиться, надо быть себялюбивымъ и цинически откровеннымъ?

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, а надо быть простымъ, добрымъ, веселымъ.

АВЕРИНЪ.

Развѣ Забѣловъ добръ, простъ и всегда веселъ?

ВРОНСКАЯ.

Кто же вамъ сказалъ, что онъ мнѣ нравится? Нѣтъ — не онъ мнѣ нравится! Не его люблю я!

АВЕРИНЪ.

Такъ вы любите...

ВРОНСКАЯ.

Ивина. Развѣ вы не видите?

АВЕРИНЪ *(Съ жаромъ).*

Видѣлъ, — но не хотѣлъ видѣть, а теперь — мнѣ всё слишкомъ ясно, — я всё понимаю.

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, не всё — а вотъ сей часъ. Александръ, налей намъ всѣмъ шампанскаго!

ИВИНЪ *(Наливая бокалы).*

Самое пріятное приказаніе! Исполняю его охотно.

ВРОНСКАЯ *(Встаетъ).*

Друзья мои, мы въ тѣсномъ кружкѣ; и потому я позволяю себѣ объявить вамъ таіну, лично касающуюся меня. Я увѣрена, что вы сохраните её и примете участіе въ судьбѣ моей. Я дала слово, и выхожу замужъ за Александра Ивина, друга моего дѣтства; но это должно еще нѣсколько времени остаться между нами. За здоровье жениха моего! *(Протягиваетъ руку Ивину; онъ цѣлуетъ ее. Общее движеніе. Всѣ встаютъ, кромѣ Линовской, которая лукаво смотритъ на всѣхъ. Темеринъ крутитъ усы и дожидается своей очереди; впереди его Аверинъ. — Забѣловъ прежде всѣхъ подходитъ къ Вронской и жметъ руку ея).*

ЗАБѢЛОВЪ.

Искренно желаю вамъ счастья; тебѣ, Александръ, также. *(Съ чувствомъ)*. Надѣюсь, что мы всегда останемся друзьями, и что будущая жена твоя не только не откажетъ мнѣ въ своей дружбѣ, но еще больше скрѣпитъ нашу старую, пріятельскую связь. *(Цѣлуетъ руку Вронской)*. Не такъ ли?

ВРОНСКАЯ *(Смутившись).*

Я высоко цѣню дружбу вашу и увѣряю васъ... *(Смѣшавшись совсѣмъ)*. Съ этоіі минуты особенно начинаю отдавать вамъ должную справедливость.

ТЕМЕРИНЪ *(Стараясь казаться веселымъ).*

Поздравляю, поздравляю!... Какая неожиданная, счастливая вѣсть!... Я очень радъ.

АВЕРИНЪ *(холодно)*.

И я также!... *(Отходятъ. Аверинъ садится подлѣ Линовской; Забѣловъ остается подлѣ Вронской).*

АВЕРИНЪ *(Линовской)*.

Скажите, что же это такое?

ЛИНОВСКАЯ.

Кажется, ясно. Она давно уже дала ему слово и ждала его возвращенія съ Кавказа.

АВЕРИНЪ.

А въ его отсутствіи кокетничала со всѣми, подавала надежды, завлекала, заставляла дѣлать ей предложенія, чтобы хвастать числомъ жениховъ своихъ! Признаюсь, это честно и крайне деликатно.

ЛИНОВСКАЯ.

Вы забываете, что говорите о ней со мною; я дружна съ ней.

АВЕРИНЪ.

Тѣмъ лучше! Я бы сказалъ всё это ей самой, еслибъ вокругъ нея не было столько постороннихъ.

ВРОНСКАЯ *(обращаясь ко всѣмъ)*.

Не забудьте, что я не хочу еще объявлять мою помолвку, и прошу васъ всѣхъ не говорить объ этомъ.

АВЕРИНЪ *(иронически)*.

Я цѣню вашу довѣренность и дружбу. Будьте покойны: я не скажу ни слова, возьму примѣръ съ васъ самихъ. Вы молчали такъ долго о помолвкѣ вашей; зачѣмъ же я буду говорить о ней? Можетъ быть, даже у васъ свои расчеты, которые не позволяютъ вамъ еще объявить о вашемъ намѣреніи идти за-мужъ.

ТЕМЕРИНЪ.

Я думаю также, какъ князь; къ тому же замужство ваше до меня не касается. Къ чему бы сталъ я разсказывать? Я хочу сказать, что чужая тайна — священна.

ВРОНСКАЯ.

Я совершенно увѣрена въ васъ; и вотъ почему я рѣшилась однимъ вамъ сказать о моемъ намѣреніи.

ЛИНОВСКАЯ.

А я знала давно; и подумайте, какая скромность:— молчала до нынѣшняго дня, и ни словомъ, ни взглядомъ, ни намекомъ никому не подала повода думать, что я знаю что нибудь.

АВЕРИНЪ (*Линовской*).

Я давно уже оцѣнилъ всѣ ваши достоинства. Не хвалите же сами себя; предоставьте это намъ.

ТЕМЕРИНЪ.

Мы знаемъ, сколько вы обѣ искренны, просты и непритворно простодушны.

ЛИНОВСКАЯ.

Все это похоже на злую иронію.

АВЕРИНЪ.

Что за мысль! — Правда бросается въ глаза.

ТЕМЕРИНЪ.

А часто правда глаза колетъ; но въ этомъ ужъ никто не виноватъ.

АВЕРИНЪ.

Этого я не говорю, но утверждаю, что рано или поздно, а истина выходитъ наружу — все открывается.

ЛИНОВСКАЯ.

Что же за удивительное открытіе вы сдѣлали — любопытно узнать.

АВЕРИНЪ.

Больше всѣхъ — я радуюсь замужству вашей пріятельницы; теперь она не опасна для меня: я узналъ её коротко.

ЛИНОВСКАЯ.

Если вы такъ рады, то выпейте за ея здоровье. (*Беретъ бокалъ*). А я еще не поздравляла её нынче, и потому... (*подходитъ къ Вронской и, цѣлуя её, говоритъ тихо*) они бѣсятся; меня это очень забавляетъ.

ВРОНСКАЯ (*тихо ей же*).

А мнѣ что-то не ловко; впрочемъ, что за бѣда: посердятся, да перестанутъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Разумѣется. *(Въ эту минуту входитъ Ахметова съ дочерью и подходитъ къ столу).* Боже мой! Ахметовы — вотъ не въ пору!

АХМЕТОВА.

Вы пьете шампанское. Наталья Александровна цѣлуетъ васъ... Что это значитъ, или у васъ семейный праздникъ?...

ТЕМЕРИНЪ.

Да, какъ видите!

ВРОНСКАЯ *(перебиваетъ его рѣчь и говоритъ скоро).*

Да, семейный праздникъ — нынче мое рожденіе.

АХМЕТОВА.

Вотъ какъ! Какъ же вы не сказали мнѣ этого прежде?

ВРОНСКАЯ.

Да я почти никогда не праздную; нынче такъ случилось — неожиданно...

ТЕМЕРИНЪ.

По случаю пріѣзда господина Ивина, стараго друга Ирины Николаевны. Не хотите ли поздравить её?

АХМЕТОВА.

Съ большимъ удовольствіемъ. *(Беретъ бокалъ и садится подлѣ Линовской и Аверина, а Алина подлѣ Темерина).*

ВРОНСКАЯ *(тихо Заблову).*

Боже мой! Зачѣмъ онѣ пріѣхали — вотъ не въ пору.

ЗАБЪЛОВЪ.

Мало ли что случается не въ пору и не кстати. — Какъ быть! Впрочемъ, я васъ выручу изъ бѣды. Оставайтесь съ женихомъ, а я сяду подлѣ княжны и буду съ ней любезничать. Повѣрьте, княгиня будетъ довольна и такъ займется нами, что не обратитъ на васъ вниманія.

ВРОНСКАЯ.

Подите, подите! Если вамъ такъ хочется оставить меня — я не мѣшаю вамъ.

ЗАБѢЛОВЪ.

Хочется?... Мнѣ вовсе не хочется; я дѣлаю это для васъ.

ВРОНСКАЯ.

Полноте! — Развѣ я не знаю, что при видѣ княжны, вы ни минуты не можете остаться со мною; васъ влечетъ къ ней какая то сила. Зачѣмъ хитрить?

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы шутите, — или говорите серьёзно? Кажется, пора бы намъ, особенно нынче, положить конецъ шуткамъ и прекратить хитрости; по крайней мѣрѣ, я не имѣю охоты продолжать ихъ. Впрочемъ, если вамъ непремѣнно угодно...

ВРОНСКАЯ.

У васъ нѣтъ охоты, а у меня нѣтъ силъ для шутокъ — я ужъ и такъ...

ЗАБѢЛОВЪ (*прерывая*).

Хорошо; такъ скажите же, ужели вы не поняли моихъ словъ и думаете, что я ищу предлога, чтобы оставить васъ?

ВРОНСКАЯ.

Думала, по крайней мѣрѣ. Знаю, что вамъ пріятно говорить со мною — когда нѣтъ Алины; но лишь только она является, вы тотчасъ оставляете меня и садитесь около нея.

ЗАБѢЛОВЪ.

Такъ вы воображаете, что она мнѣ нравится?

ВРОНСКАЯ.

Да, я полагаю...

ЗАБѢЛОВЪ.

Напрасно. Нѣтъ, теперь я скажу вамъ, что мнѣ нравилась, что я любилъ другую женщину.

ВРОНСКАЯ.

Какъ?...

ЗАБѢЛОВЪ.

Да; и знаете ли, кто она такая?

ВРОНСКАЯ (*конфузясь*).

Не знаю; почему мнѣ знать?

ЗАБѢЛОВЪ.

Однако вы могли, вы бы должны были угадать, что я любилъ, что я люблю васъ.

ВРОНСКАЯ.

Меня?...

ЗАБѢЛОВЪ.

Да, васъ! Я самъ не зналъ, сколько былъ къ вамъ привязанъ; нынѣшній вечеръ открылъ мнѣ глаза; я самъ удивился своему чувству и узналъ его по волненію и печали, которыя вдругъ овладѣли мною при вѣсти о вашемъ замужствѣ. — Наши отношенія до сей минуты были такъ странны, такъ искуственны и хитры, что я могъ ошибаться въ себѣ самомъ. Къ несчастію, я самолюбивъ, я гордъ! Я видѣлъ, что вы шутили всѣми обожателями, безжалостно смѣялись всегда надъ чувствомъ, бѣсили и дурачили тѣхъ, кто домогался любви и руки вашей!... Я не хотѣлъ попасть въ число этѣхъ салонныхъ куколъ и потому поступалъ совершенно иначе. Иногда мнѣ казалось, что я ненавижу васъ и, можетъ быть, вы сами это часто думали.

ВРОНСКАЯ.

Да, иногда.

ЗАБѢЛОВЪ.

И между тѣмъ, не смотря на всѣ мои усилія, я былъ увлеченъ чувствомъ, не могъ совершенно отдалиться отъ васъ, и въ тѣ дни, когда вы болѣе обыкновеннаго были любезны со мною, я давалъ себѣ слово быть и холоднымъ и ѣдкимъ, и, по большой части, былъ вѣренъ своему обѣщанію.

ВРОНСКАЯ.

Понимаю — вы думали, что я хочу завлечь васъ и посмѣяться надъ вами, какъ надъ другими.

ЗАБѢЛОВЪ.

Зачѣмъ молчать! Зачѣмъ передъ вѣчной разлукой

не сдѣлать вамъ полнаго признанія? Да, гордость и недовѣрчивость къ вамъ погубили меня; онѣ не позволили мнѣ не только искать взаимности, но даже признаться самому себѣ, чѣмъ вы были для меня. Теперь, вѣрьте мнѣ, признаніе мое откровенно и полно! Я узналъ всю силу любви моей, когда вы для меня уже потеряны; признаніе мое безкорыстно — вы обѣщаны другому. Многіе на моемъ мѣстѣ, изъ мелкаго самолюбія, поспѣшили бы скрыть въ глубинѣ души больное чувство, поздно-разгаданную любовь, никогда бы не признались въ ней самому себѣ, а вамъ — и того менѣе; многіе бы не захотѣли доставить вамъ возможность хвалиться новой побѣдой!... Если вы способны не оцѣнить всей правды, заключенной въ любви моей, въ моихъ словахъ, то...

ВРОНСКАЯ (*тронутая*).

Вы думаете, что я способна... Ахъ, какъ мало вы меня знаете!

ЗАБѢЛОВЪ.

Правда, правда — я самъ только теперь начинаю угадывать васъ — и какъ поздно!... Да, я чувствую всё, что потерялъ, потерявъ васъ! Ваше кокетство было, можетъ быть, ни что иное, какъ дѣтская шалость; ваше желаніе окружать себя новыми обожателями — было понятное, простительное тщеславіе и праздность молодой женщины, безсемейной, одинокой, бездомной. — Ваша страсть мучить вашихъ поклонниковъ происходила отъ равнодушія. Да и могли ли вы любить этихъ пустыхъ, суетныхъ людей? Нѣтъ! Вы не могли любить ихъ! А тотъ, кто, можетъ быть, былъ созданъ лучше, стоялъ выше этихъ паркетныхъ героевъ, кто могъ бы заслужить и любовь и уваженіе ваше — тотъ избѣгалъ васъ, не понималъ васъ! Но что я говорю — вы доказали свою способность цѣнить людей — вы выбрали себѣ достойнаго человѣка, дру-

га дѣтскихъ лѣтъ, не блестящаго ничтожной мишурой свѣтскаго ума, но съ теплымъ, неиспорченнымъ сердцемъ. — Александръ добръ, честенъ, храбръ; и вы умѣли отличить его отъ этѣхъ разряженныхъ куколъ, посреди которыхъ вы такъ долго должны были жить! Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто оцѣнилъ васъ поздно, кто, въ минуту заблужденія, ослѣпленія, смѣшалъ васъ съ толпою — тѣмъ хуже для этого безумнаго! Да, за вашъ выборъ, я уважаю васъ.

ВРОНСКАЯ (*совершенно тронутая, со слезами на глазахъ*).

Не говорите мнѣ этого — нѣтъ, я не стою любви вашей, я даже не вполнѣ стою вашего уваженія. Узнайте, что нынче... мы, то есть я, согласилась... не судите меня строго... мнѣ совѣстно... не презирайте меня, не выслушавъ...

АХМЕТОВА (*подходитъ къ нимъ*).

Ирина Николаевна! что-то загадочное говорится около меня — не можете ли вы объяснить всё это. Князь шутитъ съ Натальей Александровной; только я не очень понимаю шутки ихъ: они что-то нынче не въ ладу.

ВРОНСКАЯ.

Не знаю, что̀ сказать вамъ — я не слыхала, что̀ они говорили.

АХМЕТОВА.

Я у нихъ спрашивала — князь отвѣчалъ мнѣ, что вы однѣ можете объяснить мнѣ причину этѣхъ желчныхъ шутокъ.

АВЕРКИНЪ.

Желчныхъ! Изъ чего же вы заключили это, княгиня?

АХМЕТОВА.

Изъ того, что̀ и какъ было сказано.

ЛИНОВСКАЯ.

Да, нынче характеръ князя явился въ полномъ

блескѣ! Признаюсь — онъ совершенство въ своемъ родѣ.

ВРОНСКАЯ.

И какая способность хранить тайны! Онъ такъ боится, чтобы не подумали чего нибудь, что предоставляетъ мнѣ объяснять то, чего я сама не знаю. *(Ахметова садится возлѣ Вронской и продолжаетъ говорить съ нею; Забѣловъ задумчивъ, изрѣдка обмѣнивается незначущими словами съ Ивинымъ).*

АЛИНА *(Темерину).*

Признаюсь, нынче для меня здѣсь всё загадка.

ТЕМЕРИНЪ.

Будто бы? Кажется, ничего нѣтъ необыкновеннаго.

АЛИНА.

Полноте, вы меня не обманете; и сами вы нынче не такъ, какъ всегда.

ТЕМЕРИНЪ.

Я? Какъ вы дальновидны! *Развѣ другіе не такъ,* какъ обыкновенно, а я всё тотъ же.

АЛИНА.

Стало быть случилось что нибудь! Разскажите пожалуйста.

ТЕМЕРИНЪ.

Если вы ужъ замѣтили — такъ и быть — я скажу вамъ; по секрету, разумѣется.

АЛИНА.

Видите ли, я тотчасъ угадала, что есть секретъ. Разсказывайте скорѣе.

ТЕМЕРИНЪ.

Да; но только тише: я далъ слово молчать.

АЛИНА.

Хорошо! И тутъ же разсказываете!

ТЕМЕРИНЪ *(смѣется).*

Но вы сами замѣтили, угадали... помните это.

АЛИНА.

Хорошо, хорошо! Говорите.

ТЕМЕРИНЪ.

Впрочемъ, секретъ этотъ будетъ извѣстенъ завтра, или послѣ завтра; такъ не всё ли равно, кто первый разскажетъ. Къ тому же, женскій секретъ! — извѣстно, какъ хранятъ такіе секреты и держатъ слово, данное женщинѣ.

АЛИНА.

Прекрасное правило! *(Смѣется)*. Однако, безъ предисловіи, разсказывайте!

ТЕМЕРИНЪ.

Вы обѣщались никому не говорить?

АЛИНА.

Никому — даю вамъ слово.

ТЕМЕРИНЪ.

Вронская идетъ за-мужъ.

АЛИНА *(въ тревогѣ)*.

Право!... За кого же?

ТЕМЕРИНЪ.

Угадайте.

АЛИНА.

Ахъ, перестаньте — какъ вы несносны! Что мнѣ угадывать?... Вы всѣ влюблены въ неё.

ТЕМЕРИНЪ.

Я? Вотъ новость! Кто же вамъ сказалъ? Правда, я волочился за нею; она хороша собою, умна, львица — чего же больше, чтобъ забавляться? Я болталъ всякій вздоръ, курилъ папиросы; гостиная ея ужъ извѣстна; она допускаетъ въ ней неограниченную свободу; а это нравится молодымъ людямъ; и если я былъ влюбленъ, такъ конечно не въ неё, а во всё её окружающее.

АЛИНА.

Положимъ такъ; но за кого же идетъ она?

ТЕМЕРИНЪ.

И вы не догадываетесь?

АЛИНА.

Ужели за Забѣлова? Онъ сей часъ говорилъ съ ней тихо, но съ жаромъ.

ТЕМЕРИНЪ.

О, que non! Что вы? Развѣ разсудительный и холодный Забѣловъ женится на такой легкомысленной женщинѣ. Нѣтъ, онъ слишкомъ умёнъ и расчетливъ! Впрочемъ и она, не смотря на свою вѣтренность, умна и тоже расчетлива: она не ищетъ въ мужѣ друга или покровителя, а только простачка, за которымъ бы, въ случаѣ нужды, можно было укрыться — enfin une dupe! И потому выходитъ за этого глупаго Ивина. Не правда ли, онъ похожъ на барана?

АЛИНА.

Vous le dites par dépit!

ТЕМЕРИНЪ.

Par exemple!

АХМЕТОВА. (*Алинѣ*).

Намъ пора домой — поѣдемъ!

ВРОНСКАЯ (*тихо Липовской*).

Слава Богу, — а то я боялась!

ЛИПОВСКАЯ.

Можетъ быть, уже поздно бояться. Я увѣрена, что имъ уже всё разсказали.

АЛИНА (*Темерину*).

Такъ до завтра; — вы будете въ манежѣ?

ТЕМЕРИНЪ.

Вашимъ кавалеромъ, если позволите. Только не забудьте: ни кому ни слова о томъ, что здѣсь....

АЛИНА.

Будьте покойны. (*Ищетъ свой боа; Теморинъ бросается и приноситъ ей его*).

АХМЕТОВА (*Вронской*).

Adieu chère! Очень рада, что я попала нечаянно на семейный праздникъ; надѣюсь, что вы не будете долго скромничать и мнѣ первой откроете свою тайну. Вы знаете, я старый другъ вашъ.

ВРОНСКАЯ.

Я не знаю, о какой тайнѣ говорите вы. Въ тѣсномъ

кругѣ тѣхъ, которыхъ я считала друзьями, я праздновала день моего рожденія: вотъ и вся тайна!

АХМЕТОВА.

Хорошо, хорошо; пусть такъ. Но въ другой разъ я хочу знать день вашего рожденія, и запишу число. Какое нынче число?

ЛИПОВСКАЯ *(въ безпокойствѣ)*.

Право не знаю.

ВРОНСКАЯ *(живо)*.

Не безпокойтесь, даю вамъ слово, что на будущій годъ пришлю звать васъ наканунѣ, и обѣщаю вамъ балъ, гдѣ ваша милая Алина повеселится въ волю.

АХМЕТОВА.

Благодарю васъ за намѣреніе; но до будущаго года далеко; а я всё таки запишу число — надо справиться въ календарѣ.

АЛИНА *(вслушавшись въ послѣднія слова)*.

Не надо, маменька: я знаю. Вчера былъ день рожденія кузины Sophie — 31 —, стало быть нынче первое Апрѣля.

АВЕРИНЪ, ЗАБѢЛОВЪ, КНЯЖНА *(вмѣстѣ)*.

Первое Апрѣля!...

АХМЕТОВА.

Что такое? Чему вы удивились! Однако, пора, Алина; я устала: поѣдемъ домой.

АЛИНА *(Темерину)*.

Mais c'est indigne! Это непозволительно! Насмѣялась же она надъ вами.

ТЕМЕРИНЪ.

Я до сихъ поръ не понимаю.

АЛИНА.

Догадливы! Да она васъ всѣхъ одурачила: свадьба, женихъ — всё это — mais c'est un poisson d'Avril! ...

ТЕМЕРИНЪ *(дѣлаетъ сильное движеніе рукою)*.

А, понимаю!

АЛИНА.

Adieu, maman ждетъ меня. Пріѣзжайте завтра.

ТЕМЕРИНЪ.

Непремѣнно! *(Линовская живо говоритъ съ Ивинымъ и Забѣловымъ въ углу кабинета. Аверинъ подходитъ къ Вронской).*

АВЕРИНЪ.

Позвольте мнѣ искренно благодарить васъ за вашу дружбу... Изъ вашего дома я выношу драгоцѣнный опытъ и огромную для себя пользу — я узналъ васъ вполнѣ — вы сами и всѣ женщины, подобныя вамъ, ужъ больше для меня не опасны.

ВРОНСКАЯ (*иронически*).

Вы выводите меня изъ сладкаго заблужденія; до сихъ поръ я воображала, что была опасна только для тѣхъ, на которыхъ обращаю серьёзное вниманіе.

АВЕРИНЪ.

Да, я сознаюсь, было время, когда я любилъ, уважалъ васъ....

ВРОНСКАЯ.

Вы забываетесь!... Вы говорите со мною, у меня въ домѣ!.. Вы говорите съ женщиной.

АВЕРИНЪ.

Я очень хорошо помню, что я говорю и дѣлаю. Часъ назадъ, я былъ, можетъ быть, близокъ къ сумашествію, а теперь — честь вамъ и слава! — Вы меня вылечили. Я знаю, что имѣю дѣло съ неумолимой, безчувственной кокеткой, и потому позволяю себѣ высказать ей всю правду разъ на всегда. — Конечно, я былъ преданъ вамъ; но за то, съ этихъ поръ, вы будете имѣть во мнѣ заклятаго врага — я васъ, честно, напередъ о томъ предупреждаю. Я знаю свѣтъ; знаю также, что когда женщина никого не любитъ, всѣми играетъ — у нея есть, или рано или поздно будетъ, закулисная тайна, и эту тайну я узнаю; и тогда — не пѣняйте на меня.

ВРОНСКАЯ.

Вы говорили мнѣ нынче еще о своей неизмѣнной привязанности; какъ она видна теперь! — Правду го-

ворятъ, что любовь похожа на ненависть. Скажите, которое же изъ двухъ чувствъ владѣло и владѣетъ вами?

АВЕРИНЪ.

Оставьте шутки: онѣ не у мѣста. Я докажу вамъ на дѣлѣ, что моей враждой шутить нельзя: вы свободны, а кто не пользуется свободой? Я буду всё знать; вы будете въ моихъ рукахъ — я васъ не пожалѣю, какъ вы меня не пожалѣли.

ВРОНСКАЯ (*съ достоинствомъ*).

Я могла поступить необдуманно, неосторожно; но вы, своими дерзкими словами, меня оправдали передъ самой собою. Я очень рада случаю, благодаря которому я узнала вашъ характеръ. Признаюсь, онъ достоинъ сочувствія и уваженія! Прощайте. — Избавьте меня отъ излишнихъ объясненій, и позвольте мнѣ забыть даже и о томъ, что я когда-то была знакома съ вами.

АВЕРИНЪ.

Я сказалъ — кончилъ; но я ручаюсь вамъ, что вы не такъ скоро меня забудете — я постараюсь очень часто напоминать вамъ о себѣ. (*Глубоко кланяется и уходитъ*).

ТЕМЕРИНЪ.

Теперь моя очередь. Я не знаю, какъ разстался съ вами князь; мнѣ кажется, онъ взялъ всё это трагически, — что касается до меня, то я нахожу, что вамъ было очень естественно желать позабавиться надъ нами. (*Вронская хочетъ говорить, онъ прерываетъ её*). Позвольте, долгъ платежемъ красенъ. Вы изволили забавляться на мой счетъ цѣлый вечеръ — я не буду такъ глупъ, я не разсержусь, — на это была ваша воля, — теперь моя очередь посмѣяться.

ВРОНСКАЯ.

Сколько вамъ угодно; мнѣ всё равно.

ТЕМЕРИНЪ.

Охотно соглашаюсь, что я былъ крайне смѣшонъ

и чрезвычайно глупъ въ продолженіи всего вечера: завтра я самъ первый, буду смѣяться надъ собою, и разсказывать вездѣ забавное приключеніе нынѣшняго вечера. Будетъ ли это вамъ пріятно — это другой вопросъ. Вы нынче заботились объ одномъ своемъ удовольствіи; позвольте же мнѣ, въ свою очередь завтра подумать о своемъ собственномъ — это въ порядкѣ вещей.

ВРОНСКАЯ.

Разсказывайте, что вамъ угодно и кому угодно, и будьте увѣрены, что я никого не боюсь.

ТЕМЕРИНЪ.

Знаю, что вы отважны; однако, нападеніе вашихъ пріятельницъ и старыхъ моихъ бабушекъ, не пощадитъ васъ — у меня бабушекъ и тетушекъ много, очень много! *(Смѣется)*. И я въ первый разъ радъ этому конвою. Онѣ всѣ не пощадятъ васъ, и чѣмъ я больше буду смѣяться, разсказывая вашу шутку, тѣмъ злѣе онѣ будутъ нападать на васъ. Расчетъ вѣренъ — не правда ли?

ВРОНСКАЯ.

Отдаю полную справедливость вашимъ математическимъ способностямъ. — Кажется, экипажъ вашъ поданъ уже.

ТЕМЕРИНЪ.

Вѣроятно. Прощайте! Желаю вамъ успѣха, но сомнѣваюсь... *(Весело ей кланяется и уходитъ)*.

(Вронская въ волненіи садится въ кресла; Забѣловъ тотчасъ подходитъ къ ней).

ВРОНСКАЯ *(Забѣлову)*

Теперь ваша очередь, — я жду.

ЗАБѢЛОВЪ,

Да, моя очередь сказать вамъ всё, что я перечувствовалъ — сколько былъ счастливъ, сколько страдалъ за васъ. Узнавъ, что вы свободны, я былъ счастливъ, хоть это счастіе оскорбительно для меня самаго и для моей гордости; но оно было такъ сильно,

что побѣдило самолюбіе и невольно овладѣло мной.— Я страдалъ оттого, что не имѣлъ права вступиться за васъ и долженъ былъ выносить въ молчаніи ихъ дерзкія объясненія съ вами, которыя я издали угадывалъ.

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ, вы ошибаетесь — они — но зачѣмъ говорить о нихъ! — Вы изглаживаете изъ моей памяти ничтожную непріятность моего объясненія съ ними.

ЗАБѢЛОВЪ.

Ужели вы сомнѣвались во мнѣ послѣ той минуты невольной откровенности...

ВРОНСКАЯ (*плачетъ и подаетъ ему руку — краткое молчаніе*).

Такъ вы прощаете меня — это примиряетъ меня вполнѣ съ самой собою.

ЗАБѢЛОВЪ.

Мнѣ не за что прощать васъ. Скажите, развѣ я подавалъ вамъ поводъ не уважать меня; развѣ я самъ своимъ поведеніемъ поставилъ себя въ ряды праздныхъ мальчиковъ, болтуновъ, жизнь которыхъ безполезно проходитъ среди гостиныхъ, въ нелѣпомъ, пустомъ поклоненіи не женщинѣ, а модной въ ту минуту львицѣ; развѣ я стою на равнѣ съ тѣми, которые изъ болѣе, или менѣе удачнаго букета, дѣлаютъ себѣ серьёзное занятіе, изъ свѣтскихъ успѣховъ — жизнь: изъ сплетней и пересудовъ — серьёзный интересъ, и изъ случайнаго, часто несправедливаго приговора свѣта составляютъ высокое о себѣ мнѣніе — нѣтъ! Я не принадлежу къ нимъ, и потому не подалъ вамъ повода осмѣять меня и мою любовь. — А развѣ эти паркетные герои любятъ, умѣютъ любить? — Любовь ихъ- одно поклоненіе тому же кумиру моды. Если вы были не правы, выдумавъ шутку, задѣвшую за-живо ихъ самолюбіе, то они сами не правы, вздумавъ требовать отъ васъ уваженія, когда уже цѣлый годъ, вы своимъ

поведеніемъ съ ними, доказываете имъ всякую минуту, какъ вы мало уважаете ихъ, какъ мало цѣните ихъ, какъ мало вѣрите тому, что они называютъ своею любовью. Нѣтъ! Они могутъ утверждать, что имъ угодно, но вы не совсѣмъ виноваты передъ ними,— а виноваты вы — конечно....

ВРОНСКАЯ.

Да, предъ этимъ добрымъ Александромъ, котораго я заставила...

ЗАБѢЛОВЪ (*прерывая её*).

Можетъ быть; но я говорилъ не объ немъ, а объ васъ однѣхъ! Вы виноваты передъ собою. Какъ съ вашимъ умомъ, съ вашимъ сердцемъ, могли вы сдѣлаться львицей; вы безжалостно тратили сердце въ пустынѣ, умъ въ пустотѣ и въ мелочныхъ расчетахъ, способности — въ жалкой игрѣ словъ и блескѣ остроумія. Я удивляюсь, какъ вы еще не потеряли совершенно всю себя? На то ли вамъ даны были и чувство, и душа и сердце, чтобы всё это растратить по мелочи и остаться бѣднѣе самой простой, обыкновенной женщины. Предъ собой вы виноваты больше, чѣмъ предъ всѣми другими.

ВРОНСКАЯ.

Въ первый разъ мнѣ говорятъ такъ! — Я вижу, вы въ самомъ дѣлѣ привязаны ко мнѣ; какъ же я могла не понять, не оцѣнить васъ съ перваго взгляда. Но нѣтъ! Я клевещу на себя, — я давно и цѣнила и безсознательно понимала и любила васъ... (*съ замѣшательствомъ*) какъ угаданнаго втайнѣ друга.

ЗАБѢЛОВЪ.

И были правы — я всегда буду вамъ преданъ, и если не успѣю заслужить инаго...

ЛИНОВСКАЯ.

Irène, уговори Александра: я не могу сладить съ нимъ.

ВРОНСКАЯ.

Что такое?

ИВИНЪ.

Наталья Александровна сама соглашается, что завтра весь городъ будетъ противъ тебя, что клевета и сплетни на тебя обрушатся.

ВРОНСКАЯ.

Богъ съ ними — мнѣ все равно.

ЛИНОВСКАЯ.

Помилуй, Irène, — какъ все равно? — тебя разтерзаютъ и меня тоже.

ВРОНСКАЯ.

Бѣда не велика.

ЛИНОВСКАЯ.

Какъ! Да, пожалуй, старыя знатныя бабушки Темерина тебѣ откажутъ отъ дома.

ВРОНСКАЯ.

Пусть ихъ!

ЛИНОВСКАЯ.

Извини — меня тоже не пожалѣютъ! — Я буду играть очень невыгодную роль во всемъ этомъ.

ЗАБѢЛОВЪ (*Линовской*).

Сами виноваты; вѣдь вы же сами затѣяли и придумали всю эту шутку.

ИВИНЪ (*горячо*).

Дѣло не въ томъ! — Я берусь унять перваго говоруна, и завтра же поѣду къ Темерину.

ЛИНОВСКАЯ.

Дуэль! Только этого не доставало, чтобы погубить обѣихъ насъ. Irène, что ты молчишь? Вступись, образумь его.

ВРОНСКАЯ.

Александръ! Ради Бога, прошу тебя, не мучь меня — дай мнѣ слово, что...

ИВИНЪ.

Я не могу не вступиться за тебя, и не дамъ повода сказать, что я трусъ.

ВРОНСКАЯ.

Трусъ! Офицеръ, служившій три года на Кавказѣ, два раза раненый въ экспедиціи — трусъ!

ЗАБѢЛОВЪ.

Полно, Александръ! Къ тому же, какое имѣешь ты право заступаться за Ирину Николаевну? Въ глазахъ свѣта не всѣ имѣютъ это право, и кто лишенъ его, тотъ вдвое компрометируетъ женщину.

ИВИНЪ.

Я ей cousin, былъ воспитанъ съ ней вмѣстѣ въ домѣ ея отца — я ей братъ по сердцу.

ЗАБѢЛОВЪ.

Свѣту нѣтъ дѣла до сердца; напротивъ — это лучшая причина, чтобы оклеветать васъ; — а родня ты ей дальняя — это тоже всѣ знаютъ.

ЛИНОВСКАЯ.

Заклинаю васъ — не дѣлайте огласки, не губите насъ. — Я завтра постараюсь сама разсказать все иначе. Еще увидимъ, кому больше повѣрятъ: мнѣ, или Темерину.

ВРОНСКАЯ.

Зачѣмъ, къ чему такое униженіе — оправдываться! Я не знаю, что со мной; но все это мнѣ такъ тяжело, что мнѣ кажется, будто я готова разорвать всякую связь съ прошлой жизнью и со всѣми ими.

ЛИНОВСКАЯ.

Полно, успокойся! *(Ивину).* Пойдемте, поговоримте вмѣстѣ — оставимте её; она очень взволнована.

ИВИНЪ *(Вронской).*

Успокойся, Irène; если хочешь, я выйду въ отставку — поѣдемъ куда нибудь на время, а потомъ, когда...

ВРОНСКАЯ.

Нѣтъ — не жертвуй мнѣ своей карьерой. Повѣрь мнѣ, я ничего не теряю. *(Линовская уводитъ Ивина, Вронская продолжаетъ съ жаромъ).* Да что, въ самомъ дѣлѣ, я теряю? Пустоту жизни, вѣчную скуку, вѣч-

ную заботу о томъ, какъ бы прогнать ее, — вѣчное повторенiе однѣхъ и тѣхъ же фразъ, мнѣнiй, пересудовъ; безпрерывное столкновенiе съ людьми, которые, я сама не знала почему, тяготѣли надо мною, мучили и убивали меня скукою, и во всемъ этомъ многолюдствѣ — ни одной души, ни одного сердца — Богъ съ ними! Нѣтъ, нѣтъ! Я чувствую, какой то гнетъ упалъ у меня съ груди. Я дышу свободнѣе уже потому, что рѣшаюсь съ завтрашняго дня измѣнить образъ жизни, жить тихо, спокойно, въ маленькомъ кругу, прiучить себя къ инымъ занятiямъ, болѣе сходнымъ съ моимъ характеромъ, познакомиться съ внутренней жизнью... Она сильно проснулась во мнѣ, я чувствую это глубоко; я сама не знаю — что это? — будто я переродилась и мнѣ такъ отрадна эта новая жизнь!... Новыя стремленiя овладѣли душой моей и наполнили её незнакомымъ мнѣ чувствомъ!...

ЗАБѢЛОВЪ.

Говорите, говорите! — Я такъ счастливъ!

ВРОНСКАЯ.

Да, я начну новую жизнь, и вы мнѣ поможете, — Александръ тоже... Я уже понимаю, что она не будетъ лишена прелести — я найду много въ себѣ самой.

ЗАБѢЛОВЪ.

А знаете ли вы, что совершилось въ васъ, какой переворотъ! Ужели вы, въ самомъ дѣлѣ, такое дитя, что съ знанiемъ чужаго сердца, вы невѣжда въ отношенiи къ своему собственному? — Скажите мнѣ, ужели вы не знаете, что происходитъ въ васъ?

ВРОНСКАЯ.

Очень знаю, — отвращенiе отъ шумной, свѣтской жизни, презрѣнiе къ такимъ лицамъ, какъ Аверинъ и Темеринъ, которые подъ разными формами обожаютъ и покланяются только самимъ себѣ, ненависть къ дру-

гимъ, еще болѣе испорченнымъ людямъ... А я такъ когда — то въ нихъ вѣрила!

ЗАБѢЛОВЪ.

Нѣтъ, не это пробуждаетъ женщину къ новой жизни, не это трогаетъ её до глубины души, не это перерождаетъ её... Одно только чувство въ природѣ способно возсоздавать новую жизнь изъ старой и сдѣлать изъ погибшаго, упавшаго, или только затерявшагося человѣка, существо, полное энтузіазма, полное новой жизни.

ВРОНСКАЯ.

Что вы говорите, я не совсѣмъ понимаю васъ?

ЗАБѢЛОВЪ.

Вы любите — и любовь говоритъ въ васъ.

ВРОНСКАЯ.

Боже мой! Да я еще никогда, никого до сихъ поръ не любила.

ЗАБѢЛОВЪ.

Не ужели я такъ несчастливъ, что отыскавъ васъ, долженъ потерять опять; не ужели вы полюбили не меня, а Ивина, за его благородный порывъ, горячую къ вамъ дружбу и преданность?

ВРОНСКАЯ (*тихо*).

Я люблю его горячо, какъ брата, какъ друга, — а васъ — я люблю много... (*Краткое молчаніе*). Я люблю васъ!

ЗАБѢЛОВЪ (*цѣлуетъ ея руку*).

Александръ, поди сюда и будь покоенъ. И твои права брата теперь возможны! — Поздравь меня — кузина твоя соглашается быть моею женою.

ИВИНЪ.

Возможно ли? Милая кузина — какъ я радъ, какъ счастливъ!

ЛИНОВСКАЯ.

Вы женитесь!... Въ самомъ дѣлѣ! Въ правду! Какъ разсердится княжна!

ИВИНЪ.

Пускай сердится! Теперь насъ двое за Ирину — мы сладимъ со всѣми.

ЛИПОВСКАЯ.

Завтра я разскажу всѣмъ о помолвкѣ вашей. — Можно?

ЗАБѢЛОВЪ.

Можно и должно.

ЛИПОВСКАЯ.

Теперь я никого не боюсь: — Ирина дѣлаетъ блестящую партію, а свѣтъ всегда на сторонѣ блестящихъ партій!

ИВИНЪ.

Неожиданныхъ приключеній и случайныхъ развязокъ.

Евгенія Туръ.

1850-го года.
26-го Іюня.

ВѢДУНЪ И ВѢДЬМА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Н. Аѳанасьева.

ВѢДУНЪ И ВѢДЬМА.

Много мифическихъ образовъ создалось народными повѣрьями; однако всѣ они, не смотря на свой антропоформизмъ, болѣе или менѣе сливаются съ различными частями природы неодушевленной, съ стихіями огня, свѣта, воды; всѣ они болѣе или менѣе удалены отъ человѣка. Не такъ представляетъ себѣ народъ вѣдуна и вѣдьму. И тотъ и другая не являются въ недоступной таинственности; напротивъ, простолюдинъ ихъ близко знаетъ и входитъ съ ними въ частыя столкновенія; онъ даже укажетъ на извѣстныя лица своей деревни, какъ на вѣдуна и вѣдьму, и посовѣтуетъ ихъ остерегаться. И вѣдунъ и вѣдьма живутъ между людьми и ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ людей, кромѣ небольшаго хвостика. Всякое село имѣетъ своего вѣдуна; на Украйнѣ вѣрятъ, что нѣтъ деревни, въ которой не было бъ вѣдьмы. (1) Къ нимъ прибѣгаютъ въ бѣдѣ и просятъ помощи и совѣтовъ. Если имъ и приписываютъ часто злыя, враждебныя дѣйствія; то во многихъ случаяхъ вѣдунъ и вѣдьма для крестьянина необходимы : помощь ихъ вполнѣ удовлетворяетъ пониманію и требованіямъ простаго человѣка. Разсматривая ближе народныя вѣрованія , не льзя не замѣ-

(1) Иллюстр. ч. I. стр. 415: статья Даля. Москвитян. 1846 г. № 11 и 12 стр. 149.

тить, что въ данномъ случаѣ враждебный характеръ есть также результатъ позднѣйшаго вліянія, какъ это замѣчается и относительно другихъ повѣрій. Въ язычествѣ вѣдунъ и вѣдьма имѣли благое *чистое* значеніе, которое прекрасно раскрывается и филологическими данными и многими остатками древнѣйшихъ вѣрованій въ народномъ быту.

Слова *вѣдунъ* и *вѣдьма*, вмѣстѣ съ словами *вѣдовство*, *вѣтьство*, *вѣдомый*, происходятъ отъ глагола *вѣдать*, точно такъ, какъ синонимическія имъ слова *знахаря* и *знахарки* произходятъ отъ глагола *знать*. Отъ одного корня съ словомъ *вѣдать* произходитъ и слово *вѣщать*, что особенно видно изъ сложныхъ *по-вѣдать* и *по-вѣщать* (*по-вѣстить*), имѣющихъ тождественное значеніе. Если станемъ разсматривать значеніе тѣхъ словъ, которыя произходятъ у Славянъ отъ корня *вѣд*, *вѣт* (*вит*), *вѣщ*, то увидимъ, что всѣ эти слова имѣютъ близкую связь и что объясненіе ихъ кроется въ языческихъ преданіяхъ народа. Слова эти создались въ эпоху языческаго развитія и послужили первоначально для выраженія религіозныхъ представленій. Въ словахъ *вѣдать*, *вѣщать* (*вѣчать*), *вѣче* (народное собраніе, судъ), *вѣщба*, *вѣщунъ* (*вѣщунья*), *вѣтія* (витія), *вѣсть*, *вѣщій*, *предвѣщать* (предсказывать), *предвозвѣщать* — заключаются понятія (1): предвѣдѣнія и прорицаній, сверхъестественнаго знанія, свободной

---

(1) У Сербовъ *вјешт* (вѣщій), *вјештина* — знаніе, *вјештац* и *вјештица* — колдунъ и колдунья. Въ Любушин. судѣ. vyucene *vescbam vitiezovym* — edoctae scientias judiciales. (Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 171—173, 175). Въ « Mater verborum » *вѣшчбы* истолкованы: vaticinia; а *вѣштец* — vates, propheta divinus. Здѣсь дѣло идетъ о дарѣ вѣщать по внушеніямъ свыше, что вполнѣ согласно съ извѣстіями о роли, какую играли у разныхъ племенъ « вѣгласныя дѣвы » (Донесеніе Прейса изъ Праги. Жур. М. Н. Пр. 1841 г. Февраль стр.

поучительной рѣчи и суда. Слова *вѣщій*, *вѣщунъ*, означающія въ современномъ языкѣ умнаго, говорливаго и проницательнаго, въ древнемъ языкѣ имѣли преимущественно значеніе религіозное, сверхъестественное. У Всеслава, рожденнаго отъ *волхованія* и обращавшагося въ различныхъ животныхъ — *вѣщая* душа была въ тѣлѣ (1). Лѣтописецъ, разсказывая, что В. Князь Олегъ былъ прозванъ *вѣщимъ*, прибавляетъ: «бяху бо людіе *погани* и *невѣголоси*» (2). Оба эпитета и *поганый* и *невѣгласъ* старинными памятниками употреблялись для означенія всего языческаго, не просвѣщеннаго христіанствомъ. Ясно, что слово *вѣщій* имѣло религіозный смыслъ. Этимъ эпитетомъ надѣленъ въ Словѣ о полку Боянъ; *персты* его также названы вѣщими (3). Вѣдуна народъ считаетъ тождественнымъ *колдуну*; *вѣдовство* и *вѣтьство* — значатъ волшебство, колдовство; *колдуньи* въ лѣтописи и старинныхъ памятникахъ называются *вѣщими жонками*, *бабами кудесницами* и *женами чаровницами*. (4) Такимъ образомъ понятія вѣдунъ и вѣдьма (вѣдунья) имѣютъ нѣсколько синонимическихъ выраженій. *Кудесникъ* (5), по объясненію Памвы Берынды — *чаровникъ*, происходитъ отъ слова *кудеса* (*чудеса* — чудо, чудный и чудесный т: е: таин-

---

48). *Вѣщій* — мудрый, хитрый, потому что хитрость считалась высшимъ проявленіемъ ума; *витязь* — сильный, могучій герой.

(1) Слов. о полку (Руск. Достоп. ч. III. стр. 200.) Словотолк. Макаров. (Ч. О. И и Др. (годъ 2. № 7. стр. 27).

(2) П. С. Р. Лѣт. т. I. (Несторъ) стр. 13.

(3) Слово о полку. изд. Дуб. (Рус. Достоп. ч. III. стр. 6, 10, 26, 202.) Теперь говорятъ: *сердце — вѣщунъ*, сердце сердцу *вѣсть* подаетъ.

(4) См. Стоглавъ; рукописн. вѣдовскія дѣла; Описан. Рум. Музеума стр, 531. Въ простонар. словотолков. Макарова (Ч. О. И. и Д. Р. годъ 2. N 7. стр. 26) *вѣдьма* объяснена *чаровницею, колдуньею.*

(5) Бусл. О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 184. Архивъ, изд. Калач. статья: Дѣдушка — домовой стр. 24.

ственный, непостижимый). *Кудеса* теперь означаютъ святочныя гаданья, игры, и особенный обрядъ, представляющій остатокъ древняго жертвоприношенія очагу. *Чаровникъ* (1) — чара, чаровать, чарующій, очаровательный: всѣ эти слова указываютъ на смыслъ религіозный. *Чарами* въ народныхъ повѣрьяхъ обозначаются особенные таинственные обряды, совершаемые для отогнанія нечистой силы, излеченія болѣзней, напущенія на врага бѣдствій и т. п. *Колдовствомъ* теперь называютъ совершеніе *чаръ* и произнесеніе *заговоровъ* (*за-говорить* тоже, что *за-вѣщать*), слѣдовательно все то, что составляло принадлежность древняго богослуженія, ибо чары и заговоры представляютъ остатки языческихъ жертвоприношеній, очищеній, мольбы, гаданій, врачеванія и предсказаній. *Ко(а)лдунъ, колдовство* (2) произходятъ отъ славянскаго корня *колд, калд, клуд, куд*, и означаютъ сожженіе (жертвоприношеніе), очищеніе, и того, кто совершаетъ жертву и очищеніе (3): филологія здѣсь вполнѣ подтверждаетъ то народное понятіе, какое составилось о колдовствѣ. Наконецъ, остается еще одинъ важный синонимъ сло-

---

(1) У Митр. Кирилла уже упоминается *чародѣецъ* (Русск. Достоп. Ч. I. стр. 111).

(2) Въ Чешск. *kauzlo, kostlar* (колдовство, колдунъ); въ Молдавіи *колачуны* — колдуны и ворожеи (Бусл: О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 103. Отеч. Зап. Свиньина 1828 г. № 98. стр. 476).

(3) *Cud, cúditi* — чистота, очищать; отсюда *cudar* — судья. (Бусл. О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 136). Въ Чешск. *кудолъ* — густой дымъ (*чуд* — запахъ), *клудити* — очищать, въ Сербск. *кудити* — заговаривать; *пас-куда* (паскудный) — нечистота. Сравни: кудеса, кудесникъ кудеяръ. Въ Хорут. нар. *калдовати* — приносить жертву, *калдованцъ* — жрецъ, *калдовница* — жертвенникъ (Срезневск. О языч. богосл. древн. Слав. стр. 59—60). Съ названіями колдуна и колдовства филологически связываются понятія *суда* и *очищеній;* очищенія требовали *пламени и дыма;* судъ Божій совершался *огнемъ* и принадлежалъ также къ очищеніямъ.

вамъ: вѣдунъ и кудесникъ; это — *волхвъ*, слово, часто встрѣчающееся во временникѣ Нестора (1), упоминаемое до сихъ поръ въ лубошныхъ сказкахъ и уцѣлѣвшее въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ нарѣчіяхъ (2). *Волхвъ* — *völho* отъ скр. *валг* — свѣтить блистать, какъ слово *жрецъ* отъ *жрѣть, горѣть.* Отсюда видно, что слово *волхвъ* синонимъ слову *жрецъ;* но послѣднее представляетъ Славянскую форму, а первое есть имя индоевропейское, слѣдов. древнѣйшее. Слово *волхвъ* указываетъ слѣд. на поклоненіе свѣту и на жертвоприношенія. (3) Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія словъ, синонимическихъ вѣдуну и вѣдьмѣ, находимъ, что въ словахъ этихъ лежатъ понятія сродственныя, которыя въ язычествѣ имѣли смыслъ чисто религіозный, именно понятія: таинственнаго, сверхъестественнаго знанія, предвѣдѣнія, предвѣщаній, гаданій, хитрости или ума, красной и мудрой рѣчи, чарованій, жертвоприношеній, очищеній, суда и правды, и наконецъ врачеванія, которое сливалось въ язычествѣ съ очищеніями. Въ Вологодской губ. *вещетинье* значитъ лѣкарство; въ одной старинной пѣснѣ жена, притворясь больною, посылаетъ своего мужа: «Ты поди *дохтуровъ* добывай — *Волхви* то спрашивати» (4) Всѣ приведенныя нами

---

(1) Несторъ употребляетъ слова *волхвъ* и *кудесникъ,* какъ однозначащія (см. разсказъ о смерти Олега).

(2) Въ Вологодск. губ. *волхатъ* — колдунъ, *волхатка* — ворожея; въ Новгор. *волхъ* — колдунъ, угадчикъ, прорицатель; въ Малорос. *волшити* — хитрить; въ Болгарск. *волхвъ* — прорицатель (Бусл. О вліян. хр. на Сл. яз. стр. 23. Срезневск. Изсл. о языч. богослуж. древ. Слав. стр. 61. Макаров. Простон. словотолк. (Ч. О. И и Д. Р. годъ 2. № 7. стр. 24).

(3) Бусл. О вліян. хр. на Сл. языкъ стр. 23.

(4) Древн. Рос. стихотв. стр. 15. Въ Псковск. лѣт. докторъ Бомелій названъ *волхвомъ* (Сказ. Рус. Нар. Сахаров. т. 1. стр. 6. Чернокн.) *Врачь* въ скр. *бру* — говорить, въ Кельтич. *bri* — слово, *brudiwr* —

названія, самымъ значеніемъ своимъ, указываютъ на *служителей божества*; названія эти составились, какъ обозначеніе тѣхъ или другихъ особенно наглядныхъ признаковъ языческаго богослуженія: *кудесникъ* и *чаровникъ* указываютъ на таинственность, сверхъестественную силу, творчество; *колдунъ, волхвъ* и *жрецъ* — на служеніе божествамъ свѣта, жертвоприношенія и очищенія; наконецъ *вѣдунъ* и *знахарь* обнимаютъ собою болѣе широкой кругъ понятій, потому что въ корнѣ этихъ названій лежитъ *вѣдѣніе, знаніе*. Въ языческую эпоху народнаго развитія *вѣдѣніе* понималось, какъ чудесный даръ божества; весь объемъ познаній сосредоточивался въ умѣньи понимать таинственный языкъ обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ея явленія и примѣты. Вѣдѣніе это было высшею премудростію: оно тѣсно соединяло человѣка съ священными стихіями воды, огня, свѣта, надъ которыми гадали и предсказывали, которымъ молились и приносили жертвы, и силою которыхъ раскрывали правду (судили) и совершали очищенія. Подъ понятіе вѣдѣнія подходили всѣ религіозные обряды: это было полное знаніе языческаго богослуженія и его значенія въ разныхъ случаяхъ жизни.

Филологическія указанія не только вполнѣ подтверждаются повѣрьями и преданьями народными, но въ нихъ получаютъ еще болѣе опредѣлительности и ясности. Повѣрья и преданія представляютъ намъ въ данномъ случаѣ такія интересныя подробности, которыя живо возсоздаютъ эпоху давнопрошедшую, старину

предсказатель, пророкъ (Бусл. О вліян. христ. на Сл. языкъ стр. 174). Народное врачеваніе совершается чрезъ *заговоры* и *нашептыванія*. Въ позднѣйшее время, когда названія вѣдуна, колдуньи и пр. потеряли свою филологическую распознаваемость, появились названія бабы — *лечейки* и бабы — *ворожейки*.

незапамятную. «Волсви и бабы кудесницы богомерская и множайщая волшебствуютъ» говоритъ одна старинная рукопись (1) Колдуны, вѣдьмы, знахари и знахарки до сихъ поръ еще занимаются въ разныхъ мѣстахъ обширной Руси *очищеніями* и *врачеваніями*, что одно и тоже. Болѣзнь народомъ разсматривается, какъ нечистая сила, которая послѣ очищенія водою и огнемъ, какъ стихіями священными, свѣтлыми, спѣшитъ удалиться. Народное леченіе основывается главнымъ образомъ на *окуриваніи*, *сбрызгиваньи* или *умываньи* и *дуновеніи*, при чемъ произносятся на болѣзнь заклятія. (2) Колдуны и колдуньи только и могутъ прогонять нечистую силу; а потому ихъ призываютъ для унятія кикиморъ, чужаго домоваго и разныхъ враждебныхъ духовъ, поселившихся въ какой-либо избѣ. Они обмываютъ притолки отъ лихорадокъ, они объѣзжаютъ съ различными обрядами поля, чтобы очистить ихъ отъ всякихъ гадъ и насѣкомыхъ (3). Колдуны и знахари необходимы при свадебныхъ обрядахъ; они защищаютъ молодыхъ и весь свадебный поѣздъ отъ нечистой силы и чаръ. Нечистая сила, враждебная жизни, особенно гибельно дѣйствуетъ на молодую чету; ибо бракъ есть источникъ для развитія новой жизни. Отъ того-то молодыхъ болѣе всего надобно беречь отъ нечистой силы; воротясь отъ вѣнца, они переѣзжаютъ черезъ куль

---

(1) Опис. Румянц. Муз. Восток. стр. 551.

(2) Авдѣев. Зап. о стар. и нов. бытѣ рус. стр. 134—136, 139. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 23—24. Въ Молдавіи колачунамъ приписывается сила изцѣленія застарѣлыхъ болѣзней. Они кладутъ больнаго на землю, прыгаютъ вокругъ него, шепчутъ заговоры, приказывая болѣзнямъ удалиться, и поютъ пѣсни. (Отеч. Записки Свиньина 1828 г. № 98. Ч. XXXIV. стр. 476—478). Малор. и Червонорус. нар. думы и пѣсни стр. 99.

(3) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 95.

зажженной соломы, и такимъ образомъ очищаются отъ всего злаго, враждебнаго; спальню молодыхъ объѣзжаетъ конюшій съ обнаженнымъ мечемъ во всю первую ночь. Но этого мало. При всякой свадьбѣ необходимъ колдунъ, который бы сберегалъ молодыхъ отъ всякой порчи. Въ Пермской губерн. при невѣстѣ всегда находится знахарка, а при женихѣ — знахарь. Знахарь ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда, сопровождающаго молодыхъ къ вѣнцу, — съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ и нашептывая: это значитъ, что *онъ борется съ нечистою силою,* которая строитъ молодой четѣ козни. (1) Къ волхвамъ даже приносили дѣтей, и они давали имъ языческія имена и навязывали ладонки, амулеты (наузы), которые служили предохранительнымъ средствомъ противъ всякаго сглаза, чаръ и вліянія нечистой силы. Въ окружной Царской грамотѣ 1648 года сказано: «а иные люди тѣхъ «чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ бабъ вдомъ «къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ «волхвы надъ болными и надъ младенцы чинятъ вся«кое бѣсовское волхованіе.» Въ словѣ св. Кирила о злыхъ дусѣхъ проповѣдникъ возстаетъ противъ того же обычая: «а мы нынѣ (говоритъ онъ) хотя мало «поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога «ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣйць, наузовъ, и «словъ прелестныхъ слушаемъ» — баба «начнетъ на «дѣти паузы класти, смѣривати, плююще на землю, «*рекше бѣса проклинаеть*... творится дѣти врачую«ще.» (2) Вообще, во всѣхъ трудныхъ случаяхъ

---

(1) См. Сказ. Рус. Нар. Сахар. т. 1. (чернокн.) стр. 56. т. 2 (свадьбы) стр. 17, 107—9. Очерк. Архан. губ. Верещагина стр. 181—3.

(2) Архивъ Калач: статья Буслаева, стр. 2—4. Опис. Архива стар. дѣлъ Иванов. стр. 296—298. Москвит. 1844 г. № 1 стр. 344 — 2.

жизни, когда приключится бѣда, нападетъ на сердце кручина, случится дома пропажа (напр. украдутъ корову или отгуляетъ лошадь и т. п.), угрожаетъ ли ненавистный врагъ, — во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянинъ проситъ совѣта у колдуна и вѣдьмы, и прибѣгаетъ къ ихъ помощи. (1) Колдунъ и вѣдьма, по народному убѣжденію, тотчасъ отгадываютъ вора и открываютъ потерянную вещь. И колдунъ и вѣдьма занимаются гаданьями и предсказаніями. Краледворская рукопись говоритъ, что Кублай сбиралъ чародѣевъ и знахарей, и тѣ ему гадали: достанется-ль его войскамъ побѣда или нѣтъ? В. Кн. Олегъ спрашивалъ у волхвовъ, отъ чего онъ умретъ? Одинъ волхвъ отвѣчалъ ему: Князь, ты умрешь отъ любимаго коня. Разсказавши о томъ, какъ сбылось это предсказаніе, лѣтописецъ прибавляетъ: « се же дивно есть, яко отъ волхованія сбывается чародѣйствомъ. » Тотъ же даръ предвѣщанія имѣли и всѣ другіе волхвы, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись: всѣ они предсказывали будущее (2). — Заговоры, эти обломки языческихъ моленій, главнымъ образомъ произносятся знахарями и знахарками. Въ заговорахъ дѣлается обращеніе къ божествамъ свѣта; тотъ, кто произноситъ ихъ, умывается росою и становится на востокъ солнца краснаго. (3) Силою заговоровъ знахари и знахарки уничтожаютъ кручину, прогоняютъ болѣзнь, измѣняютъ злобу на

---

(1) См, Сахар. Ск. Рус. Нар. т. 1 (Чернокн.). О вѣдьмахъ у Болгаръ (Жур. М. Н. Пр. 1846 г. Дек. стр. 208).

(2) Краледв. рукоп., пер. Берха. стр. 31. П. С. Р. Лѣт. т. 1. стр. 16. (Несторъ), и др. страницы о волхвахъ, явившихся въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Бѣлоозерѣ.—Гедемину волхвъ растолковалъ его чудесное видѣніе (Вѣсти. Евр. 1821 г. № 16 стр. 310—311).

(3) См. Соврем. 1850 г. № 4. (Критика на Архивъ г. Калачова).

любовь, умиряютъ несчастную любовь, ревность и гнѣвъ, вызываютъ сочувствіе и проч. (1) Колдуны и вѣдьмы собираютъ таинственныя чудодѣйныя травы и коренья, приготовляютъ цѣлебныя мази и снадобья; въ сказкахъ они являются владѣтелями живой и мертвой воды, ковра-самолета, чудесныхъ коней. (2) Всѣ разсказанныя нами преданія и повѣрья очень ясно указываютъ, что нѣкогда колдуны и вѣдьмы, и именно въ язычествѣ, имѣли значеніе не только *благотворное*, но и *богослужебное*, т. е. по преданіямъ и повѣрьямъ — они являются служителями боговъ свѣтлыхъ, чистыхъ.

Выше мы указали связь именъ вѣдуна и вѣдьмы съ словами *вѣщать*, *предвѣщать*, *заговаривать*. Такая связь основаніемъ своимъ имѣетъ языческія религіозныя убѣжденія, нѣкогда жившія въ Славянинѣ. Богослуженіе его главнымъ образомъ выражалось въ мольбѣ и предвѣщаніяхъ, которыя сопровождали собой и жертвоприношенія, и гаданія, и очищенія и игрища. (3) Остатки этихъ старинныхъ моленій и предвѣщаній уцѣлѣли въ заговорахъ, заклятіяхъ, загадкахъ и нѣкоторыхъ народныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ. Священное значеніе рѣчи, обращенной къ божеству или повѣдающей волю божества, требовало выраженія торжественнаго, стройнаго; съ другой стороны, всѣ народы, на первоначальныхъ младенческихъ ступеняхъ своего развитія, любятъ пѣсенный складъ рѣчи, который звучнѣе, пріятнѣе говоритъ слуху и скорѣе напечатлѣвается въ памяти. Первая молитва у всякаго

---

(1) См. заговоры въ Сказ. Рус. нар. т. 1.

(2) Москвит. 1841 г. № 5 ст. 155 (И. М. Снегирева Лубошн. картины).

(3) Вспомнимъ простонародные праздники, гаданія на Троицынъ день и Семикъ, гаданіе по внутренностямъ убитой свиньи на Святкахъ, подблюдныя пѣсни и проч.

народа была и первымъ пѣснопѣніемъ; въ заговорахъ и заклятіяхъ до сихъ поръ замѣчается метръ и народная риѳма; тоже должно сказать о загадкахъ и нѣкоторыхъ старинныхъ пословицахъ и поговоркахъ. (1) Вотъ почему пѣсни получили для народа священный характеръ; происхожденіе ихъ приписано божественной силѣ. По мнѣнію Украинцовъ, пѣсни не слагаются народомъ; но когда *заиграетъ* море, изъ его водъ выходятъ морскіе духи и поютъ пѣсни; люди приходятъ къ берегамъ и учатся у нихъ. Словаки поютъ:

Зпѣванкы, гдѣ сте са вы взалы,
Чи сте *зъ неба падлы,* чи сте *раслы въ гаи*?

Въ чешской старинной пѣснѣ Славой говоритъ брату:

Добраго *пѣвца и боги любятъ*,
Пой — *отъ нихъ поешь ты пѣсни.* (2).

Іоакимовская лѣтопись говоритъ о *жрецѣ* Богомилѣ, что онъ *сладкорѣчія ради нарѣченъ Соловей* (3). Тоже названіе *соловья* Слово о полку Игоревѣ даетъ пѣвцу *Бояну* (4): «о Бояне, *соловію стараго времени!*» Боянъ налагалъ на струны свои *вѣщіе персты:* «они же сами княземъ славу рокотаху» (5). Боянъ былъ вмѣстѣ и пѣвецъ и музыкантъ: въ это отдаленное время пѣсня и музыка сливались; и та и другая вза-

---

(1) Малор. и Червонор. нар. думы и пѣсни стр. 100. См. загадки у г. Сахарова, пословицы у г. Снегирева.

(2) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. Критика (Повѣрья, собр. Кулѣшомъ) стр. 154. Бодянск: О народн. поэз. Слав. племенъ стр. 43. Краледв. рукоп., въ пер. Берха стр. 3—12.

(3) Истор. Татищева ч. 1 стр. 39.

(4) Слово *боянъ* въ Рязанск. губ. значитъ *краснобай (баить* — говорить), *говорунъ.* (Ч. О. И и Д. год. 2 № 6 стр. 9 Словотолков. Макарова).

(5) Слово о полку Игор. изд. Дубен. (Рус. Достоп. ч. III.) стр. 10, 22.

нимно дополняли себя и равно были необходимы при языческомъ богослуженіи. Боянъ былъ народный пѣвецъ — музыкантъ, слагатель пѣсней, подобно теперешнимъ бандуристамъ, кобзарямъ (у Малороссіянъ) и слѣпцамъ — музыкантамъ (у Сербовъ), которые ходятъ по селеніямъ, и на играхъ, торжищахъ и многолюдныхъ собраніяхъ распѣваютъ народныя думы, наигрывая въ то же время на бандурѣ, кобзѣ и гусляхъ (1). О такомъ же пѣвцѣ говоритъ Слово о полку, воспоминая о Святославовомъ пѣснотворцѣ *стараго времени*, а краледворская рукопись разсказывая о *Забоѣ*. Забой былъ и пѣвецъ, и музыкантъ, и защитникъ боговъ, и жертвоприноситель; пѣснь Забоя говоритъ о богахъ. Съ пѣснію соединялась не одна музыка, но и пляска. Хороводъ (коло), и теперь напоминающій своею формою, мѣстомъ и временемъ совершенія отдаленную языческую старину, соединяетъ въ себѣ и пляску и пѣніе въ одно и тоже время. Славяне издавна слыли народомъ, любящимъ пѣсни и пляски — и не даромъ. Они все воспѣваютъ: и рожденіе, и свадьбу, и похороны; всѣ игры ихъ непремѣнно сопровождаются пѣснями и пляскою, такъ что составилось выраженіе: *играть пѣсни*. (2) Связь пѣсни съ обрядами и играми прямо свидѣтельствуетъ за ихъ религіозно-богослужебное начало и значеніе. Пѣсня и пляска тѣмъ болѣе были необходимы для языческаго богослуженія, что это послѣднее требовало пировъ, на которыхъ вкушали отъ жертвенныхъ яствъ и напитковъ, требовало игрищъ, которыми выражалось торжество свѣтлой силы жизни. Вотъ почему въ ста-

(1) Бодянск: О нар. поэзіи Слав. плем. стр. 103, 109. Малорос. и Червонорус. нар. думы и пѣсни, 1836 г. стр. 7.

(2) ibid. стр. 21 — 22.

ринныхъ пѣсняхъ заключилось такъ много языческихъ преданій, почему въ нихъ вся природа является одушевленною, грустить и радуется: мѣсяцъ, солнце и звѣзды, орлы, соколы и вороны, деревья и пр. — все живетъ полною жизнію (1). Пѣсня, какъ и заговоръ, получила у Славянина чудесную, чародѣйную силу, которою боги вызываются на помощь и покровительство. Въ Ипатьевской лѣтописи разсказывается объ одномъ *гудцѣ*, пѣсни котораго имѣли такую же силу, какъ зелье. Славяне приписывали пѣснямъ цѣлебное свойство отъ всѣхъ болѣзней и душевныхъ недуговъ (2). Музыка у всѣхъ народовъ, въ ихъ первоначальномъ быту, считалась даромъ свѣтлыхъ божествъ: они то научаютъ этому сладостному искусству. Лужицкое *gusslowa*sch — колдовать, *gusslowa*r — колдунъ, и Польское *gusla* — колдовство сродны съ нашимъ словомъ: *гусли* (3). Пѣвцы, скоморохи возсылали мольбы, произносили заклятія и заговоры, дѣлали предсказанія. Отъ того-то Боянъ, внукъ *Велесовъ*, названъ *вѣщимъ*, *смысленнымъ* (4). Такое значеніе пѣсни, музыки и пляски объясняетъ, почему христіанство посмотрѣло на нихъ такъ непріязненно, назвало ихъ — *бѣсовскимъ* дѣломъ. Въ пѣсняхъ, музыкѣ и пляскѣ оно справедливо видѣло остатки язычества (5). Въ стихѣ о

---

(1) ibid. стр. 149 — 150.

(2) ibid. стр. 33. П. С. Р. Л. т. 2. (Ипатьев.) стр. 155. Въ сказкахъ говорится о гусляхъ — самогудахъ: когда на нихъ заиграютъ, то никто не въ силахъ удержаться отъ пляски.

(3) Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 109. Въ Чешск. *кузло* — чара, *кузельникъ* — кудесникъ (Срезн: О богосл. др. Слав. стр. 60).

(4) Слово о полку, изд. Дуб. стр. 202. Отъ Бояна дошла до насъ *припѣвка*: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути.»

(5) Противъ гуслей, пѣсенъ, игръ и плясокъ возстаютъ и Кириллъ Туровскій (Пам. слов. XII ст. стр. 95), и Несторъ (стр. 73), и Сто-

Страшномъ судѣ поется, что грѣшникамъ, осужденнымъ на вѣчную муку, будетъ сказано: « вы въ гусли — свирѣли играли, скакали, плясали, все ради дьявола.» На лубошной картинѣ, изображающей скомороха, встрѣчаемъ знаменательную надпись: «Богъ создалъ — *іерея*, а дьяволъ — *скомороха.* » Сопоставленіе скомороха съ іереемъ прямо указываетъ на богослужебное значеніе перваго во время язычества (1).

Всѣ разсмотрѣнныя нами данныя приводятъ къ тому заключенію, что у Славянъ были свои служители боговъ — и мужчины и женщины, и вѣдуны и вѣдуньи. Но какое они имѣли значеніе среди славянскихъ общинъ? составляли-ль особенный классъ или нѣтъ? Какое занимали мѣсто въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ? Къ какой эпохѣ, наконецъ, надо отнести появленіе этихъ лицъ — въ исторіи Славянскаго язычества?

Отправленіе богослуженія и приношеніе жертвъ первоначально принадлежало главѣ рода или семьи, слѣдов. *старшимъ*, будутъ ли это мужчины или женщины — все равно (2). Съ перенесеніемъ верховнаго значенія родоначальника на князей отправленіе богослу-

---

главъ (Сахар. т. 2 стр. 100 — 111), и вообще высшее духовенство. (См. Оп. Рум. Музеум. стр. 228, 551. Акт. Ар. Эк. т. 1 №№ 86. 240. т. IV, № 98. Д. къ А. И. т. 1. № 22. Опис. Арх. Ст. дѣлъ стр. 296 — 299).

(1) Историч. и Стат. сборн. В. (статья г. Снегирева о луб. карт.) стр. 205. Ч. О. И. и Д. год. 3, № 9, стр. 207. Въ Молдавіи колдуны даже врачуютъ съ плясками и пѣніемъ; они украшаютъ свои головы вѣнками изъ травъ и цвѣтовъ, покрываютъ лица бѣлыми платами, бродятъ по селамъ, спятъ подъ церковными кровлями, (Отеч. Зап. 1828 г. Свиньина, № 98, ч. XXXIV, стр. 476 — 8. Статья Руссова.)

(2) Это подтверждается значеніемъ слова *князь* (Ист. Сб. Погод. кн. III. стр. 82 — 89. Ист. Сист. Ходаковск.) Мысли объ Ист. Рус. яз. Срезневск. стр. 140 — 4. Краледв. рук. говоритъ, что *отецъ* кор-

женія перешло къ этимъ послѣднимъ, разумѣя богослуженіе общинное, публичное. Родоначальники отдѣльныхъ родовъ и даже отцы семействъ удерживали, по прежнему, свое священное значеніе, но только въ кругу своего отдѣльнаго рода и семьи. Но верховнымъ жрецомъ, священнослужителемъ для цѣлой общины, соединившей въ себѣ многія племена и роды, былъ князь, хотя онъ и обязанъ былъ рѣшать всѣ религіозные вопросы сообща съ стариками. Отсюда объясняются слова Нестора о совѣщаніи Владиміра Великаго съ старцами и боярами относительно измѣненія вѣры, о приговорѣ старцевъ бросить жребій на отрока и дѣвицу — для принесенія богамъ въ жертву. Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ общиннаго быта у Славянъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ княжескаго управленія, необходимо начинаетъ развиваться и публичный характеръ ихъ богослуженія, празднествъ и игрищъ религіозныхъ. На игрища и празднества роды начинаютъ сходиться «межи селы» и совершаютъ ихъ вмѣстѣ; божества, воплотившіяся въ образы человѣческіе, изображаются въ истуканахъ (кумирахъ), которые поставляются на открытыхъ для народнаго поклоненія мѣстахъ. Въ это время становится необходимымъ, чтобы выдѣлились изъ общей массы народа люди, которымъ можно-бъ было ввѣрить надзоръ за чистотою священныхъ мѣстъ и охраненіе кумировъ отъ внѣшнихъ физическихъ вліяній. Сверхъ того, къ той эпохѣ языческаго развитія, когда богослуженіе начинаетъ принимать характеръ общественности, публич-

---

милъ боговъ; извѣстная колядка о принесеніи въ жертву козла заставляетъ *старца* готовить ножъ къ священному закланію. Всѣ современные остатки старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ совершаются *стариками* и *старухами*.

ности — относится начало затемнѣнія миѳовъ и образованіе таинственнаго религіознаго языка. Прежде и миѳъ былъ общедоступенъ, и языкъ, которымъ выражался его смыслъ и его соотношенія съ другими миѳами, — для всякаго понятенъ. Но когда божества изъ простыхъ явленій природы облекаются въ человѣческія формы, получаютъ субъективность и всѣ человѣческія страсти и побужденія; тогда миѳъ затемняется, и тѣ выраженія, которыя понятны въ приложеніи къ простому явленію природы, дѣлаются загадочными въ отношеніи къ его персонификаціи. Языкъ религіозный принимаетъ характеръ таинственный: является *заговоръ* и *загадка*. Знать смыслъ миѳовъ язычества, понимать языкъ заговоровъ и загадокъ уже не могутъ всѣ, а только нѣкоторые избранные, посвятившіе себя этому священному *вѣденію*, *знанію*. Мало по малу, путемъ чисто фактическимъ, начинаютъ выдѣляться изъ народа люди, одаренные бо́льшими способностями, и пользующіеся потому бо́льшимъ вліяніемъ. Дѣйствуя болѣе или менѣе подъ религіознымъ увлеченіемъ, они являются народными учителями и предвѣщателями: имъ понятенъ смыслъ древнихъ миѳовъ и религіознаго языка, они въ силахъ разгадывать и объяснять всякія примѣты и гаданія, они знаютъ таинственную силу травъ и очищеній, они могутъ совершать все чародѣйною силою заговора. Это — вѣдуны и вѣдуньи, волхвы или кудесники и кудесницы. Въ народѣ раждается убѣжденіе, что они, какъ близкіе къ божествамъ и понимающіе ихъ знаменія, одарены даромъ предвидѣнія, знаютъ волю боговъ и могутъ открывать правду. Вѣдунъ слѣдов. есть тотъ, кто болѣе знаетъ религіозныя тайны, кто дарованіями своими (умомъ, рѣчью, поэтическимъ даромъ) возвышается надъ всѣми другими. Къ подобнымъ *вѣщимъ*

людямъ и начинаетъ прибѣгать народъ въ нуждѣ для испрошенія помощи и совѣта. Помощь вѣдуна и вѣдуньи состояла въ томъ, что они возносили богамъ молитвы и приносили жертвы, ибо имъ извѣстна была могучая сила мольбы (въ послѣдствіи — заговоровъ, нашептываній и заклятій), жертвы (впослѣдствіи — чаръ) и связанныхъ съ ними очищеній. Вѣдуны нисколько не мѣшали религіозно-богослужебному значенію родоначальниковъ; тѣ и другіе не исключаютъ взаимно себя, и одинаково пользуются народнымъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе что первоначально вѣдуны выдѣляются изъ числа тѣхъ же стариковъ, начальниковъ родовъ и семей, и особеннаго класса не составляютъ. За такое положеніе говорятъ даже современныя представленія колдуна и вѣдьмы и всѣ преданія и повѣрья, имѣющія соотношенія съ древнимъ языческимъ богослуженіемъ. Въ народѣ даже существуетъ убѣжденіе, что тайная наука волшебства хранится въ семействахъ. передаваясь изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну. (1) Первое извѣстіе о волхвахъ — кудесникахъ находимъ въ лѣтописи, въ разсказѣ о княженіи Олега; слѣдов. появленіе волхвовъ совпадаетъ съ извѣстіемъ о кумирахъ. Впослѣдствіи изъ волхвовъ должно было образоваться сословіе *жрецовъ*, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ это слово. Въ старинномъ нашемъ языкѣ слово *жрецъ* было извѣстно. Кириллъ Туровскій говоритъ въ одномъ словѣ: «не окропиша его завистивіи *жьрци*»; Іоакимовская лѣтопись также упоминаетъ о жрецахъ (2); но какъ понимать эти мѣста? Жрецъ здѣсь — особенное названіе волхва, и ему принадлежало тоже значеніе, что и волхву. При-

(1) Верещаг: Очерк. Арханг. губ. стр. 187.
(2) Памятн. слов. XII в. стр. 63. Татищ. Истор. ч. 1, стр. 39.

писывать нашимъ Славянамъ отдѣльное сословіе (классъ) жрецовъ, какъ это было у другихъ народовъ, имѣвшихъ вполнѣ развитую миѳологію, не позволяютъ всѣ достовѣрныя извѣстія о ихъ бытѣ. Филологически слова *жрецъ* и *волхвъ* — тождественны; оба они указываютъ только на одну сторону языческаго богослуженія, на служеніе огню и сожженіе жертвъ (1), какъ другія синонимическія названія указываютъ на другія стороны богослуженія. Впрочемъ, колдунъ также означаетъ жертвоприносителя; а кудесами называются: а) коледа, праздникъ, въ которой совершалось закланіе свиньи, и b) жертва домовому. Съ бо̀льшимъ развитіемъ публичнаго характера въ языческомъ богослуженіи Слявянъ волхвы могли бы усвоить себѣ религіозное значеніе исключительно и образовать отдѣльное сословіе (классъ); но такой переворотъ въ религіи требовалъ медленнаго, долгаго процесса, который далеко не успѣлъ совершиться, когда появилось на Руси христіанство. Вообще надо замѣтить, что конечное развитіе язычества у насъ представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо говорятъ объ его переходномъ состояніи изъ религіи отдѣльныхъ родовъ и племенъ въ религію публичную, общинную.

Колдуны до сихъ поръ пользуются въ народѣ большимъ уваженіемъ; на пирахъ имъ принадлежитъ первое мѣсто; ихъ болѣе другихъ стараются угостить и употчивать (2); народъ охотно прибѣгаетъ къ ихъ помощи и совѣту. Тѣмъ не менѣе повѣрья о колду-

---

(1) Вліяніе Богомила на народъ и его противодѣйствіе христіанству сходны съ вліяніемъ и поступками волхвовъ XI ст. (см. Нестора).

(2) Вѣстн. Евр. 1828 г. № 5 и 6 стр. 91.

нахъ и колдуньяхъ въ теченіи многихъ столѣтій должны были во многомъ измѣниться, утратить свою прежнюю доступность, и слиться со многими повѣрьями позднѣйшаго образованія, искусственность которыхъ обличаетъ ихъ недавность. Таково, напримѣръ, различіе вѣдьмъ на *природныхъ* и *ученыхъ* (1). Всѣ приведенныя выше названія въ народѣ часто замѣняются одно другимъ; но иногда и различаются; такъ увѣряютъ, что вѣдьма не то, что ворожея и чаровница. Причина такого различенія заключается въ томъ, что самое названіе вѣдьмы, а равно и колдуна, потеряло прежнюю ясность; съ этимъ именемъ для народа соединились всѣ остатки языческихъ повѣрій и тотъ враждебный характеръ, который придашъ имъ въ христіанскую эпоху; между тѣмъ бабы — ворожейки, бабы — лечейки удержали за собою только общедоступное благотворное значеніе вѣдьмы: онѣ врачуютъ болѣзни и отгадываютъ скрытое. Поэтому самыя загадочныя преданія и повѣрья соединены съ представленіями вѣдьмы и колдуна (вѣдуна); всѣ эти преданія и повѣрья имѣютъ чисто миѳическое значеніе; и разсматривая ихъ — мы еще болѣе убѣдимся въ сдѣланныхъ уже нами выводахъ.

Народныя повѣрья приписываютъ вѣдьмамъ и колдунамъ: 1) *полеты на Лысую гору*, 2) *скрадываніе свѣтилъ* и *доеніе коровъ* и 3) *превращенія*. Прежде, нежели станемъ разсматривать эти повѣрья, укажемъ на то, какъ представляетъ себѣ народъ вѣдуновъ и вѣдьмъ. Вѣдуны представляются *стариками*, вѣдьмы и *стару*-

---

(1) *Природныя вѣдьмы не дѣлаютъ людямъ зла;* онѣ только *защищаются отъ нечистой силы.* Природная вѣдьма, какъ только родится, тотчасъ можетъ летать, тогда какъ неприродной надобно учиться. (Москв. 1846 г. № 11 и 12 стр. 149. Объ Укр. нар. предан., собр. Кулѣша).

хами и *молодыми*. Старыхъ женщинъ часто въ брань называютъ вѣдьмами; но въ народѣ ходитъ также сказаніе о трехъ сестрахъ — дѣвицахъ, которыя повѣдмились (сдѣлались вѣдьмами) и стали творить чудныя дѣла. Вообще, о вѣдьмѣ говорятъ, что она или старуха незапамятныхъ лѣтъ, или молодая красавица (1). Такое представленіе сдѣлается совершенно понятнымъ, если вспомнимъ, что языческое богослуженіе и жертвоприношенія совершались старшими въ родѣ, стариками и старухами, и что во всѣхъ религіозныхъ обрядахъ *дѣвы* принимали живое и непремѣнное участіе. Священнослужебное значеніе старѣйшихъ вполнѣ объясняется родовымъ, патріархальнымъ бытомъ Славянъ, а священнослужебное значеніе дѣвъ — самымъ характеромъ язычества, которое выше всего поставляло творческую силу молодости, красоты и плодородія, и которое обожало *красную дѣвицу* зорю и самое Солнце первоначально представляло въ образѣ юной и прекрасной женщины. Полнота дѣвственныхъ силъ, обѣщающихъ развитіе новой, юной жизни, не могла не вызвать особеннаго уваженія и сочувствія. У западныхъ Славянъ были жрицы — старыя женщины и дѣвы (2). Что у насъ дѣвы имѣли религіозное освященіе и участвовали въ богослуженіи, это свидѣтельствуется всѣми игрищами и старинными обрядами: такъ на красную горку дѣвицы встрѣчаютъ солнце *съ хлѣбомъ и пѣснями* (3). Пѣсни народныя приписываютъ

---

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. II. стр. 62—3. (Дневн.) Макаров. Рус. Предан. ч. 2. стр. 103—111.

(2) Козьма Пражскій говоритъ о дѣвахъ — вѣщуньяхъ; у Руянъ женщины гадали предъ очагомъ (Срезнев. о языч. богосл. древ. Слав. стр. 60—61, 81).

(3) Вѣстн. Евр. 1821 г. № 3. стр. 193 Февр. У другихъ Словянъ дѣвицы совершаютъ подобный же обрядъ 24 Іюня (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Іюль, статья Срезнев. Обожаніе солнца у Слов. стр. 40).

дѣвицамъ чародѣйную силу: онѣ могутъ оборачиваться и составлять таинственныя зелья. Особенно любопытна пѣсня о томъ, какъ дѣвица составляла зелье; пѣсня эта сохранилась во многихъ варіантахъ, и подробно передаетъ этотъ волшебный обрядъ:

Какъ по крутому, по красному бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Какъ ходила, тутъ гуляла красна дѣвица,
Она рыла себѣ кореньица, зелье лютое,
Натопила она кореньица въ меду, въ патокѣ;
Напоила добра молодца до пьяна. Или:
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала...
Капнула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася (1).

Въ краледворской рукописи разсказывается: когда явилась княжна Любуша въ *бѣлой* одеждѣ и сѣла на отчемъ столѣ, среди собраннаго вѣча —

Вышли двѣ *разумныя дѣвицы*
Съ мудрыми судейскими рѣчами:
У одной въ рукахъ *скрижали правды*,
У другой же *мечь каратель кривды*,
Передъ ними *пламень правдовѣстникъ*,
А за ними *воды очищенья.*

Въ подлинникѣ: « *двѣ вѣгласны* дѣвѣ, выученѣ *вѣсть-*

---

(1) Въ другихъ варіантахъ разсказывается: вечеромъ красная дѣвица копала коренья, мыла ихъ чисто на чисто въ синемъ морѣ (или: Дунаѣ-рѣкѣ), сушила ихъ сухо на сухо, стирала мелко на мелко; или: змѣй пекла, ужа жарила; также: брала Марина горячіе слѣды Добрыни и клала ихъ въ затопленую печь, а сама приговаривала: какъ жарко дрова съ молодецкимъ слѣдомъ разгораются, такъ разгоралось бы по мнѣ сердце Добрынино:

А и Божье крѣпко, вражье — то лѣпко,
Взяло Добрыню пуще остраго ножа.

(Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 26, 202, 206. Др. Рос. Стих. стр. 303, 63. Терещ. ч. V. стр. 172. Отеч. Зап. 1840 г. № 2, смѣсь стр. 27).

бамъ» (1); *вѣгласный* (2) и *вѣстьбы* (отъ вѣщать, вѣщій)—слова, имѣвшія чисто религіозное значеніе. Ясно, что здѣсь говорится о дѣвахъ вѣдуньяхъ. Судъ въ эпоху языческую имѣлъ значеніе религіозное и совершался въ сзященныхъ мѣстахъ; судъ водою и огнемъ, о которомъ говоритъ и приведенное сейчасъ мѣсто краледворской рукописи, былъ *судъ Божій:* огонь и вода —стихіи священныя, обоготворенныя. Жребій и рота, употреблявшіеся въ древнемъ судѣ, были также обряды религіозные. Служители божества, которымъ была вѣдома сила священныхъ стихій, которые *гадали* и *предсказывали* (3), также открывали и правду и кривду. Въ нашихъ памятникахъ также есть слѣды, что въ старину судъ совершался въ мѣстахъ, освященныхъ присутствіемъ божества. (4) Самая княжна Любуша соединяла въ рукахъ своихъ власть судебную и религіозную; бѣлая одежда ея указываетъ на священное значеніе (5). Вѣдьмы, по нашимъ преданіямъ, ночью появляются въ *бѣлыхъ* распущенныхъ сорочкахъ.

---

(1) Кралед. рук., пер. Берха стр. 63—64. Слово о полку, изд.Грамат. стр. 16, 32. Дѣвы эти собирали въ священные сосуды голоса.

(2) *Невѣгласи* въ лѣтописи Нестора значитъ: непросвѣщенные христіанствомъ.

(3) Ворожба и гаданія главныя занятія вѣдуновъ и вѣдуней.

(4) Въ Псковской судной грамотѣ читаемъ: «а который позовникъ пойдетъ исца *звати на судъ,* и той позваный *не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести*... ино позывница прочести *на погосте предъ попомъ*» — «а противъ той рядницы не будетъ *во святой церкви въ лари* въ тѣжъ рѣчи другой...» Нѣтъ ничего удивительнаго, что духовенство, при введеніи христіанства, такъ легко могло пріобрѣсти важное участіе въ судебныхъ дѣлахъ. (стр. 5, 7 и др.), При Штетинскомъ храмѣ Славяне сходились разсуждать объ общинныхъ дѣлахъ (Срезнев. Архитект. храмовъ языч. Слав. въ Чт. О. И. и Д. Р. годъ 2. № 3. стр. 47).

(5) Въ Богеміи есть преданіе о княжнѣ Любушѣ — предвѣщательницѣ будущаго (Москвит. 1841 г. № 11. стр. 129—130. Богемск. пред.) Богослужебное значеніе женщинъ и дѣвъ подтверждаютъ названія городищъ: *бабьи* городки, *дѣвичьи (дѣвчи)* грады, дѣвичъ —

По ночамъ вѣдьма обыкновенно *разчесываетъ по плечамъ косы, надѣваетъ бѣлую рубашку*, садится верхомъ на *помело (вѣникъ, ухватъ, лопату, кочергу, метлу), завариваетъ въ горшкѣ зелье и вмѣстѣ съ дымомъ очага уносится въ трубу* на вольной свѣтъ. Такъ отправляется она портить молодцовъ и дѣвицъ, доить чужихъ коровъ, гулять на Лысую гору. У вѣдьмы всегда хранится чудодѣйственная *вода, вскипеченная* вмѣстѣ *съ пепломъ отъ купальскаго костра:* когда она захочетъ летѣть по воздуху, то *обрызгиваетъ* себя этою водою и тотчасъ уносится, куда захочетъ (1). Но главные полеты вѣдьмъ бываютъ два раза въ году, *на Лысую гору* (или *чертово беремище)*. На Лысую гору летаютъ ни однѣ вѣдьмы, но и колдуны (также на помелахъ, метлахъ, лопатахъ) и бабы — яги (2) и нечистая сила (черти) (3). Если схватиться за вѣдьму, когда она сбирается летѣть, то она вынесетъ вмѣстѣ съ собою на мѣсто ихъ *сборища*. Полеты колдуновъ и вѣдьмъ совпадаютъ съ двумя главнѣйшими празднествами язычества: колядою и купалою. Зимній праздникъ коляды пріуроченъ теперь ко времени отъ Рождества до Крещенія, потому что праздникъ овсень есть продолженіе коляды. Съ 26 Декабря, когда начинаются *бѣсовскія потѣхи* и *нечистые духи* посѣщаютъ землю, вѣдьмы летаютъ на Лысую гору, на *шабашъ* и *сдружаются тамъ съ нечистою силою;* 1 Января вѣдьмы *заводятъ съ нечистыми духами ночныя прогулки* (4) а 3-го, *возвращаясь съ*

гора, княгиника, княгинин̂ъ, княгинецъ и пр. (Пст. Сборн. ч. I. стр. 37,64, ч. VII. стр. 44, 160—1, 203—7. статьи Ходаковскаго).

(1) Илюстрац. т. I. (статья Даля) стр. 415.

(2) Баба — яга летаетъ по воздуху въ ступѣ, съ *помеломъ* и *пестомъ (костылемъ)*. Илюстр. т. I. стр. 298. Терещ. ч. VII. стр. 162.

(3) Связь вѣдьмы съ нечистою силою есть результатъ позднѣйшаго христіанскаго вліянія.

(4) 1 Января *нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ,*

гулянья, задаивают коровъ; слѣдовательно дѣятельность ихъ главнымъ образомъ обнаруживается на коляду и въ ближайшее къ этому празднику время. 18 Января вѣдьмы уже *теряютъ память отъ излишняго веселья:* это послѣдній день зимняго гульбища. Въ ночь на 24 Іюня колдуны и вѣдьмы во множествѣ собираются на Лысую гору; здѣсь они *совѣщаются* на пагубу людей и домашнихъ животныхъ (1). Такая связь полетовъ колдуновъ и вѣдьмъ съ двумя главными и сходными по значенію праздниками — яснѣе всего говоритъ за религіозно — богослужебной смыслъ этихъ полетовъ. Собраніе колдуновъ и вѣдьмъ, ихъ шабашъ, есть миѳическое представленіе древняго языческаго богослуженія, которое совершалось съ особеннымъ торжествомъ. Праздники коляды и купалы совпадаютъ съ поворотами солнца. На коляду, когда мѣсяцъ встрѣчается съ ясною зарею, когда пѣтухи рано запѣваютъ, привѣтствуя восходящее солнце, празднуется возвратъ этого божественнаго свѣтила (2); на коляду гадаютъ о будущемъ урожаѣ и будущей жизни, поютъ обрядовыя пѣсни; въ незапамятную старину на коляду приносили въ жертву козла и свинью. (3) Въ Ивановъ день бываетъ тоже встрѣча солнца, которое, какъ невѣста убранная и украшенная, выѣзжаетъ на встрѣчу своего жениха — мѣсяца; это праздникъ полнаго развитія силъ природы, праздникъ жертвоприношеній и очищеній.

бросаетъ печуй — траву *для унятія бури.* (Сахар. Сказ. Рус. Нар, т. I. стр. 44—5),

(1) Макар. Рус. пред. ч. 2. стр. 103—111. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2 (дневн.) стр. 3, 4, 7, 41, 70. Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. V. стр. 75, 87. Снегир. Рус. Прост. праздн. ч. III. стр. 86. ч. IV. стр. 33—34. Стат. Даля: «равноденственные дни принадлежатъ кудесникамъ, и извѣстная въ Украйнѣ воробьиная ночь посвящена вѣдьмамъ» (Иллюстр. т. I. стр. 231).

(2) Саха. Сказ. Рус. Нар. т. I. (пѣсни) стр. 22 и 23.

(3) ibid. стр. 16. т. II. стр, 70, Терещ. ч. VII. стр. 4, 6, 48, 101 и др.

Въ это время собираютъ таинственныя травы, гадаютъ и поютъ эту знаменательную пѣсню:

Съ той вербы капля упала,
Озеро стало.
Въ озерѣ *самъ богъ купався.*
Съ дитками, судитками. (1)

На Лысой горѣ собираются колдуны, вѣдьмы и бабы-яги — лица, которымъ преданія придали все, относившееся къ языческому богослуженію: ворожбу, гаданіе, врачеваніе и проч. Баба — яга, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, знаетъ будущее, предвѣщаетъ, подаетъ благіе совѣты. (2) Собраніе колдуновъ и вѣдьмъ указываетъ на появленіе общественныхъ празднествъ, на которыхъ роды и племена соединялись вмѣстѣ и сообща совершали религіозныя игрища. Тоже подтверждается современнымъ празднованіемъ колядыи купалы́, которое совершается цѣлою деревенскою общиною. Колдуны и вѣдьмы летаютъ на *гору*, которая лежитъ у *Кіева*. Кіевъ былъ главный городъ язычества, въ немъ жилъ великій князь, въ немъ стояли кумиры; понятно, почему вѣдьмѣ придается эпитетъ: старой *Кіевской*. (3) Горы у Славянъ — язычниковъ были священными мѣстами жертвоприношеній и игрищъ. Кумиры Перуна и другихъ боговъ стояли на холму (4); здѣсь приносили жертвы «и оскверпися кровьми земля Руска и *холмъ* отъ.» Въ Новгородѣ кумиры были поставлены надъ Волховомъ. Изцѣленный Христомъ че-

(1) Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. V. стр. 78, 83.

(2) Макар. Русс. пред. ч. 1. стр. 60—63, ч. 2. стр. 17—25.

(3) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. (заговор.) стр. 26, 44.

(4) Владиміръ, послѣ принятія христіанства, велѣлъ ставить церкви по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли кумиры «и постави церковь Василія *на холмѣ*, идѣже былъ Перунъ... идѣже творяху потребы князь и людье» (П. С. Р. Л. т. 1. стр. 51. Сравн. Вѣстн. Евр. 1819 г. ч. CVI № 13. стр. 42—43).

ловѣкъ говоритъ, въ словѣ Кирилла Туровскаго, жидамъ: «чили на *высокыя холмы* хощете мя повести, идѣже вы своя дѣти бѣсомъ закаласте?» (1) У другихъ Славянскихъ племенъ купальскіе и соботскіе огни разводятся по *горамъ* (2). Старинныя географическія названія горъ прекрасно подтверждаютъ нѣкогда — священное ихъ значеніе. Ходаковской приводитъ пятнадцать названій «*Лысая гора*» — въ Славянскихъ земляхъ; почти у всѣхъ Славянъ есть свои священныя *красныя, русыя, червонныя, гремучія, черныя* и *поклонныя* горы. Существуютъ городища: *лысецъ, лысково, лысины, лысцово, гремячая гора, ясна гора, черногоры, черногорка, змѣища гора* и т. п. (3). Эти названія — знаменательны: *красная* (ясная, русая, червонная,) и *черная* горы говорятъ о поклоненіи божествамъ свѣтлымъ и темнымъ; въ одной пѣснѣ поется:

На *красной горѣ*,
На всей высотѣ,
Крестись и молись,
Земно кланяйся (4).

До сихъ поръ на красныхъ горкахъ встрѣчается у насъ весна и солнце съ хороводными пѣснями и приношеніемъ хлѣбовъ. Горы *гремучія, змѣища* (5) свидѣ-

---

(1) Полн. Собр. Р. Л. т. I. стр. 22, 34. Памятн. Слов. XII. ст. стр. 61.

(2) Въ Шлезіи есть *соботская* гора. — См. Москвит. 1844 г. № 9. стр. 214, 222 (о Фріульск. Слов.).

(3) Ист. Сбор. Погод. ч. VII. (Ходаковк. статья), стр. 128, 193, 146, 237—8, 315, 334. Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. V. стр. 15. О лысыхъ горахъ у Сахар. т. 2. стр. 41; И. М. Снегирева Рус. простан. праздн. ч. IV. стр. 34. Въ Тамбов. губ. есть село «Лысые горы» (Вѣстн. Евр. 1820 г. № 23. стр. 186).

(4) Ч. О. И. и Др. годъ 3. № 4. Словотолк. Макарова стр. 147. Вспомнимъ выраженія: *красное* солнушко, *красная* зоря. Въ числѣ названій городищъ встрѣчаемъ: *бѣлые, черные* городки (боги, воды, лѣса, стоки и др. — Ходаковск. Истор. Сбор. ч. I. стр. 6, 15, 57 и др.).

(5) Многія горы получили свое имя отъ Перуна; связь огненнаго змѣя съ горою — извѣстна.

тельствуютъ объ особенномъ поклоненіи молніи. Труднѣе объяснить значеніе *Лысой* горы. Есть выраженіе: *Лысый бѣсъ. Лысый* собственно значитъ открытый, голый: лысая гора, т. е. такая, возвышенность которой открыта; на ней нѣтъ ни жилья, ни растительности; слѣдов. она представляетъ мѣсто, удобное для религіозныхъ игръ и обрядовъ. Вокругъ священныхъ горъ росли заповѣдные лѣса; около Кіева, по извѣстію Нестора, «бѣ боръ великъ.» Воймиръ, въ чешской пѣснѣ, сожигалъ жертву у горы, близь темной дубровы:

Эту гору полюбили боги (1).

Но вершина горы необходимо должна быть открытою. Въ нашемъ народѣ существуетъ повѣрье: *гдѣ вѣдьма полюбитъ гору, тамъ не скоро поселятся люди* (2). Это повѣрье понятно. Гора, на которой совершались религіозныя игры и обряды, была священная; къ ней чувствовали особенное благоговѣніе, и она нисколько не назначалась къ заселенію. Даже въ христіанскую эпоху къ такой горѣ, сдѣлавшейся *нечистою*, приближались со страхомъ. — Два раза въ году на горахъ совершались *особенно* — торжественные обряды жертвоприношеній, очищеній, мольбы, игрищъ; о нихъ запомнилъ народъ и облекъ ихъ въ миѳическую форму.

Колдуны и вѣдьмы *летаютъ* на *помелѣ, ухватѣ* и проч., *уносясь въ трубу вмѣстѣ съ дымомъ*. Вѣрованіе въ полеты колдуновъ и вѣдьмъ — должно находиться въ тѣсной связи съ ихъ превращеніями. Обращаясь въ

---

(1) Макар. Словотолк. (Ч. О. И. и Д. годъ 3. № 3. стр. 137). Краледв. рук., пер. Берха. стр. 19—20. Купала и семикъ празднуются въ лѣсахъ и рощахъ.

(2) Макар. Рус. предан. ч. 2. стр. 110—111. У Германцевъ вѣдьмы летаютъ на Брокkенъ и Броксбергъ (Снег. Рус. прост. праздн. ч. III. стр. 867).

сокола, лебедя и проч., колдуны и вѣдьмы свободно летаютъ по поднебесью. *Труба* есть необходимая принадлежность домашняго очага; она даетъ возможность совершаться горѣнію и служитъ проводникомъ дыму. Труба — единственный путь для сообщенія священнаго охранительнаго огня съ небомъ; этимъ священнымъ путемъ посѣщаетъ избу Славянина вся божественная сила: въ трубу летаетъ и огненный змѣй, въ трубу заглядываютъ и нечистые духи, желая повредить человѣку. (1) *Помело, кочерга, ухватъ, лопата, вѣникъ* — все атрибуты очага и потому предметы священные въ язычествѣ: помеломъ (вѣникомъ) выметается изъ печи зола; когда приносятъ въ жертву домовому пѣтуха, то кровь его выпускается на *голикъ*, который получаетъ таинственную силу (2); вѣникъ употребляется при народномъ врачеваніи; кочергою разгребаются уголья, разбиваются головни; ею ударяютъ баднякъ на коляду, съ мольбами на счастіе и плодородіе; лопатою сажаютъ въ печь хлѣбы. Всѣ эти атрибуты *очага* получили въ глазахъ язычника религіозное значеніе, и были первыми орудіями при его жертвоприношеніяхъ (особенно очагу) и богослуженіи. Не одни колдуны и вѣдьмы ѣздятъ верхомъ на помелѣ, ухватѣ и проч.; подобное дѣйствіе до сихъ поръ соблюдается при совершеніи нѣкоторыхъ особенно важныхъ обрядовъ, видимыхъ остатковъ язычества. Такъ при опахиваніи, когда изгоняется нечистая сила смерти, одна старая женщина ѣдетъ впереди на помелѣ, въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами. Ее окружаютъ женщины и дѣвицы съ ухватами, кочергами, помелами, косами и серпами, которыми они машутъ по

---

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 11.

(2) Архив. г. Калач. статья Дѣдушка — домовой стр. 24.

воздуху, вертясь въ исступленной пляскѣ и съ дикимъ крикомъ проклиная смерть. За тѣмъ нагая женщина везетъ соху, которою проводится завѣтная черта *круга*; и её тоже окружаютъ женщины и дѣвицы, однѣ несутъ зажженныя лучины, другія сильно ударяютъ въ *заслонки, сковороды, тазы* и т. п. (1). Всѣ участвующія въ этомъ обрядѣ являются въ однихъ *бѣлыхъ сорочкахъ*, съ *распущенными косами* (2). Такимъ образомъ и всѣ другіе атрибуты кухни и даже нѣкоторыя земледѣльческія орудія употреблялись при языческомъ богослуженіи, которое еще не успѣло развиться до того, чтобы создать особенныя жертвенныя и богослужебныя орудія (3). Все представлялось еще въ первобытной дѣтской простотѣ. Только предметами, составлявшими достояніе и принадлежность *очага* можно было прогнать нечистую силу смерти; черта, проведенная помеломъ, была неприступная, заповѣдная; только помеломъ можно было *очистить* извѣстное мѣсто. Каждый годъ, заклиная различныхъ гадъ, знахарки объѣзжаютъ луга и поля на помелахъ *отъ запада на востокъ*, махая кнутомъ по воздуху, ударяя имъ по землѣ и произнося заговоры (4). Для истребленія клоповъ и таракановъ объѣзжаютъ *вокругъ* дома три раза, верхомъ на кочергѣ. Заклиная мышей, истребляющихъ скирды и стога, знахарь беретъ пу–

---

(1) Сахар. Ск. Рус. Нар. т. II. стр. 13. Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. VI. стр. 40—42. Снегирева. Рус. простон. празд. ч. I. стр. 204. ч. III. стр. 156.

(2) На масляницу окрутники бьютъ въ *бубны* и *тазы*; колядчики поютъ пѣсни, ударяютъ въ бубны, и бьютъ въ лукошные барабаны; при похоронахъ Костромы *старшая* дѣвица бьетъ въ *лукошко*. (Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 90. Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. VII. стр. 336. Чт. О. И. и Д. Р. годъ 1. № 2. стр. 19).

(3) *Рѣшетомъ* гадаютъ.

(4) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 95.

чокъ колосьевъ и сѣна, кладетъ его въ печь и *зажигаетъ раскаленною кочергою* (1). Кочерга слѣдов. имѣла тоже чудесное значеніе, что и помело; и причина — понятна. Кочерга, какъ видно изъ обрядовъ заклинанія мышей и сожженія бадняка, была необходимымъ орудіемъ при жертвоприношеніи очагу; великое и чародѣйное значеніе жертвы перешло на кочергу, какъ и на помело. Что вѣдуну и вѣдьмѣ принадлежало и совершеніе жертвъ, это (кромѣ вышеприведеннаго обряда заклинанія мышей) подтверждается еще слѣдующими положеніями: на Семенъ день знахари и знахарки гасятъ на очагѣ старый огонь и возжигаютъ новый, съ особенными обрядами (2); вѣдьмѣ, для ея чаръ, необходимы *ножъ*, *шкура* и *кровь*, слѣдов. необходимо все то, что принадлежитъ къ жертвенному обряду (3): *Ножъ*, которымъ совершалось закланіе жертвы, получилъ то чародѣйственное значеніе, по которому онъ явился необходимымъ орудіемъ при обращеніяхъ вѣдьмъ и при доеніи ими коровъ (4). Шкура животныхъ служитъ для оберeганья отъ вліянія нечистой силы; на ней гадаютъ (5). Кровь жертвенная имѣла великую цѣлебную силу; ею мазали лобъ, щеки и подбородокъ. Еще Кириллъ Туровскій упоминаетъ объ

---

(1) ibid. стр. 9. Авдѣев. Записки о стар. и нов. рус. бытѣ стр. 143—4. Терещ. ч. V. стр. 147—8. Мать невѣсты выходитъ на встрѣчу молодымъ, сидя на *кочергѣ* или *вилахъ*, съ горшкомъ, наполненнымъ водою и овсомъ. (Абевега стр. 44—5, 51). См. у Сахарова (Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 86) объ обрядѣ *моргостья*.

(2) Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. V. стр. 145.

(3) Иллюстрац. т. I. стр. 415.

(4) См. ниже. Если воткнуть ножъ въ вихрь, то онъ непримѣнно разскажетъ будущее. Позднѣйшее затемнѣнное пониманіе миѳа произвело повѣрье будто вѣдьма боится ножей, воткнутыхъ подъ верхнюю доску стола.

(5) На Святки бываетъ гаданье надъ пролубью, близь которой расстилается воловья шкура.

окропленіи *кровію козлію.* Когда у дѣтей прорѣзываются зубы, то для унятія боли мажутъ у нихъ десна *кровію черпаго пѣтуха.* Знахарь, чтобы пріобрѣсти силу изцѣлять зубную боль прикосновеніемъ руки, долженъ задушить *черпаго крота* двумя пальцами или вымазать свои пальцы его кровію (1). Колдуны совершаютъ кудеса (т: е: закалаютъ домовому пѣтуха); опи умѣютъ допрашивать вихрь о будущемъ урожаѣ и состояніи погоды. Допросъ этотъ совершается такъ: колдунъ втыкаетъ одною рукою въ кружащійся вихрь пожъ, а другою держитъ пѣтуха (2). Самое повѣрье о полетахъ вѣдьмъ *вмѣстѣ съ дымомъ въ трубу* произошло изъ перенесенія на нихъ могущественной силы жертвы. Жертва сожигалась на очагѣ; дымъ отъ пея возлеталъ черезъ трубу къ небу, изначальному жилищу боговъ свѣтлыхъ; сила жертвы была такъ велика, что ради ея боги не могли отказать человѣческой мольбѣ, ради ея боги благосклонно выслушивали и исполняли человѣческія просьбы. Отъ того, впослѣдствіи, жертва вмѣстѣ съ заговоромъ (мольбою) получила значеніе чародѣйное. Сила жертвоприношенія была перенесена на самыхъ жертвоприносителей и выразилась въ особенномъ миѳѣ о полетѣ вѣдуновъ и вѣдьмъ. Это особенно ясно изъ того повѣрья, что вѣдьмы, желая летѣть, окропляютъ себя водою, смѣшенною съ пепломъ отъ жертвеннаго купальскаго костра. Только сила жертвенныхъ приношеній могла придать мольбамъ вѣдьмы и вѣдуна могущество, только этою силою мольбы ихъ достигали неба, или говоря миѳическимъ языкомъ: только этою

---

(1) Знахарь, приступая къ врачеванію водою, также напередъ обмакиваетъ въ нее свои пальцы (Малор. и Червонор. думы стр. 99—100).

(2) Памят. Слов. XII. в. стр. 63. Терещ. ч. VI. стр. 24. ч. VII. стр. 246 Иллюстр. т. I. стр. 505. (статья Даля).

силою вѣдуны и вѣдьмы могли летать. Подъ трубою, въ которую уносятся колдуны и вѣдьмы, не должно разумѣть только *трубу*, въ ея обыкновенномъ смыслѣ. Еще и теперь не на всѣхъ избахъ деревенскихъ найдете трубы; есть избы *курныя* (*курить* — дымомъ); тѣмъ болѣе такое явленіе было обыкновеннымъ въ отдаленной древности, среди населенія бѣднаго и малоразвитаго. Подъ трубою въ данномъ случаѣ надо понимать всякое отверстіе, въ которое могъ бы выходить дымъ; для этого служитъ во многихъ избахъ дверь и окно волоковое. Въ простонародномъ языкѣ трубу называютъ *дымовникъ*, а волоковое окно въ курныхъ избахъ — *дымоволокъ* (*дымъ* — *волочить*) (1). Въ одномъ заговорѣ разсказанъ такой религіозный обрядъ: «встану я *не благословясь*, пойду *не перекрестясь*, *ни дверьми*, *ни воротами*, *а дымнымъ окномъ*, да подвальнымъ бревномъ... побѣгу въ темный лѣсъ, на большое озерищо» (2): отсюда видно, что для большей силы мольбы, отправляясь въ священные лѣса и къ священнымъ водамъ, выходили изъ дому иногда въ «дымное окно», слѣдов. тѣмъ путемъ, который *окуренъ дымомъ*, и потому свободенъ отъ всякаго вліянія нечистой силы и злыхъ чаръ.

Вѣдьма уносится въ трубу *въ бѣлой сорочкѣ и съ распущенными косами*; также въ однихъ бѣлыхъ сорочкахъ и распустивъ косы совершаютъ женщины опахиваніе. Бѣлая одежда и раскиданныя по плечамъ волосы были необходимы для тѣхъ, которыя участвовали въ служеніи божествамъ свѣта. *Бѣлый* цвѣтъ —

---

(1) Макаровъ. Словотолк. Прост. (Ч. О. И. и Д. Р. № 9. годъ 2. стр. 21).

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. (загов.) стр. 35. Слова: «*не* благославясь, *не* перекрестясь» ясно говорятъ о языческомъ смыслѣ обряда.

цвѣтъ свѣтлыхъ божествъ, потому священный и благотворный. Распущенная коса — символъ дѣвственныхъ, полныхъ силъ. Въ христіанскую эпоху *простоволосіе* (непокрытая и распущенная коса) стало разсматриваться, какъ грѣхъ (1).

Что же дѣлаютъ, по народнымъ повѣрьямъ, колдуны и вѣдьмы — на Лысой горѣ? — Они собираются туда для *совѣщаній* (2) и общаго *веселья*, *пиршества*. И совѣщанья и пиршества были необходимыми условіями языческаго богослуженія и игрищъ. Изъ преданій народныхъ видно, что колдуны и вѣдьмы на Лысыхъ горахъ *веселятся (гуляютъ)* до безпамятства и *сдружаются* съ нечистою силою. Это, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ характеру языческихъ празднествъ, которыя сопровождались пѣснями, музыкой, плясками, публичнымъ совершеніемъ браковъ и очищеній, требовавшихъ полнаго обнаженія (на пр. очищеніе купаньемъ въ рѣкахъ); сверхъ того, празднества эти соединялись съ общественными пирами, на которыхъ ѣли жертвенныя яствы и пили жертвенные напитки (медъ) — до излишества. Поклоненіе оплодотворяющей силѣ солнца и молніи родило нецѣломудренный праздникъ Ярилы. Лѣтописцы, проникнутые духомъ христіанскаго ученія, смотрѣли на эти празднества, какъ на крайнее явленіе разврата и безнравственности. Несторъ описывая религіозныя игры нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, на которыхъ совершалось обрядовое похищеніе женъ, замѣчаетъ, что браку у этихъ племенъ не было. Неизвѣстный лѣтописатель пере-

---

(1) Отеч. Зап. 1849 г. № 40 (статья Небольсина) стр. 230. Русалки и лихорадки представляются народомъ простоволосыми. О христіанскомъ противодѣйствіи обряду вожденія по деревнямъ женщинъ съ распущенными косами. См. Терещ ч.III.стр.59. Сахар. т.2. стр. 97, 101.

(2) Рус. прост. празд. ч. I. стр. 175.

дастъ это сказаніе Нестора въ болѣе подробныхъ, но тѣмъ не менѣе вѣрныхъ чертахъ: «А Радимичи и Вятичи и Сѣвера... живуще въ лѣсехъ, и *срамословіе* и «*нестыденіе взлюбиша и предъ отци и снохами и ма*-«*терми, и браци не возлюбиша;* но игрища межи селъ «и ту слегахуся, рищюще на плясаніа, и отъ пляса-«ніа позноваху, котороа жена или дѣвица до младыхъ «похотеніе имать, и отъ очного воззрѣнія, и отъ обна-«женіа мышца... тажъ потомъ целованіа съ лобзаніемъ «и плоти съ сердцемъ ражегшися слагахуся.» Остатки подобныхъ празднествъ и игръ жили въ народѣ до позднѣйшаго времени, о чемъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ, грамота царская 1648 г., посланіе Памфила, игумена Елеазарова монастыря, Псковскимъ властямъ и патріаршій указъ Іоакима (1684 г.) По указаніямъ этихъ памятниковъ на коляду и купалу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на троицынъ день и на всесвятское заговѣнье, по городамъ и селамъ сходились «мужи и жены и дѣвицы на *ночное плещеванье* (*плесканіе* — обрядъ, совершавшійся надъ водою и замѣнявшій бракосочетаніе (1)) и на безчинной говоръ, и на плясаніе и на скаканіе и на богомерская дѣла, и егда нощь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи умываются водою» — «возбѣсятся «въ *бубны* и въ *сопели* и *гуденіемъ струннымъ*... и главами киваніемъ... и хребтомъ ихъ вихлянія, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе» — «и ходя по водамъ «(на купалу) шумы творятъ всякими играми и всякими скомрашествы, и пѣсни...» (2) По Болгарскому

---

(1) См. свидѣтельство кирика (въ Рус. Дост. т. I.)

(2) Супрасл. Рукоп. стр. 169. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. II. стр. 38, 101—3, Доп. къ А. Ист. т. I. № 22. Описаніе Архив. стар. дѣлъ, Иванова стр. 297. Простон. праздн. Снегирева. ч. 1. стр. 37—38.

повѣрью, вѣдьмы ходятъ *ночью по рѣкамъ, раздѣваясь до нага*, и собираютъ отъ дýховъ совѣты, какъ отвращать человѣческія бѣды и несчастья (1): повѣрье это имѣетъ тождественное значеніе съ свидѣтельствами о праздникахъ коляды и купалы. Такое « срамословіе и безстудство » въ эпоху христіанства представлялось до того нечистымъ, грѣховнымъ, что родилось повѣрье объ участіи въ этихъ празднествахъ темныхъ, злыхъ духовъ и о связяхъ ихъ съ вѣдьмами (2). Мы выше говорили о священномъ значеніи пѣсенъ, музыки и плясокъ въ язычествѣ; теперь показали, что празднества непремѣнно требовали и пѣсенъ, и музыки, и плясокъ, которыми сопровождались и всѣ другіе богослужебные обряды; такъ напр. обрядъ опахиванія. Въ глубокой древности, у народа грубаго музыкальные инструменты могли быть самые простые, несовершенные, и даже вмѣсто ихъ употреблялись сковороды и заслонки, въ которыя били и звонили. Мы имѣемъ преданія о пѣсняхъ и плясахъ вѣдьмъ на Лысой горѣ. Здѣсь онѣ пляшутъ *вокругъ чортова требища* (т. е. вокругъ жертвенника), *съ неистовымъ торжествомъ* и совершая разные таинственные обряды (3). Пляска — обыкновенное и любимое занятіе вѣдьмъ. Если въ лѣтнее время поселяне замѣтятъ на *лугахъ* зеленые или желтые *круги*, появляющіеся вслѣдствіе естественныхъ физическихъ вліяній; то они заключаютъ, что хозяинъ этого поля, если онъ *старикъ*, самъ *поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ*, или *старшая* женщина въ его семьѣ *покумилась съ вѣдьмами, которыя сбираются*

---

(1) Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Декабр. стр. 208.

(2) При этомъ забыто значеніе нечистой силы, как гибельной всякому оплодотворенію; помнили только нецѣломудренный характеръ языческихъ празднествъ.

(3) Снегирева Рус. простон. праздн. ч. 3. стр. 86, ч. 4. стр. 34.

на эти круги плясать каждую ночь (1). Стало быть вѣдьмы и колдуны плясали *въ кругу* или водили *хороводъ (коло)*. Круговая линія была священная, черезъ которую не могла переступить нечистая сила (2). Принося жертвы на островѣ св. Григорія, Русы проводили стрѣлами кругъ; жертвенные хлѣбы приготовлялись круглые; (3) вѣдьмы плясали *вокругъ* требища. Кругъ — образъ небесныхъ свѣтилъ и символъ солнечнаго оборота. — Покумиться съ вѣдьмами (4) значитъ тоже, что поверстаться съ колдунами т. е. сдѣлаться вѣдьмою или колдуномъ, принять на себя ихъ таинственное званіе. Такое вступленіе въ колдуны и вѣдьмы совершается при религіозныхъ круговыхъ пляскахъ вѣдуновъ и вѣдьмъ: указаніе на то, что постепенно изъ этихъ вѣщихъ лицъ могло образоваться и образовалось бы сословіе жреческое.

Г. Сахаровъ напечаталъ четыре пѣсни, приписываемыя вѣдьмамъ: одну онѣ поютъ *при полетѣ на Лысую гору*, другую *на самой Лысой горѣ*, двѣ — *на шабашѣ*, изъ нихъ одну — на *роковомъ* (?) шабашѣ. Объ этихъ пѣсняхъ существуетъ такое повѣрье, что *онѣ извѣстны только однимъ вѣдьмамъ и знахарямъ* (5). Пѣсня, которую поютъ на роковомъ шабашѣ, можетъ *обогатить того, кто ее пропоетъ;* а слово «абракадабра»,

---

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I стр. 58.

(2) При опахиваніи и заклятіи гадъ проводятъ кругъ; желая добыть папоротникъ, надо огралить себя кругомъ отъ нечистой силы (Пасека: Очер. Рос. ч. 1. стр. 106—7). *Коло* — у Сербовъ хороводъ, у Нестора — колесо, у Малороссіянъ — предлогъ около. Слово *blîdo* (блюдо) — столъ, по скн. *bîodr* — кругъ, тарелка, чаша, употребляется и въ значеніи олтаря (Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 113).

(3) De admin. imper. ч. III. стр. 39.

(4) Вспомнимъ обрядъ кумовства, совершаемый на семикъ и троицу.

(5) Одна пѣсня была открыта дѣвушкою, которая была вѣдьмою, но послѣ оставила это состояніе.

наполняющее собою одну изъ вѣдовскихъ пѣсенъ, имѣетъ силу *изцѣлять* отъ лихорадки — (*прогонять* эту болѣзнь) (1). Отправляясь на игрища и при самомъ ихъ совершеніи, вѣдьмы пѣли таинственныя пѣсни, силою которыхъ ниспосылалось на человѣка здоровье и богатство. Пѣсни, подобно заговорамъ, представляли въ язычествѣ моленія, и потому получили чудесное свойство вызывать божества къ дарованію всякихъ благъ. Къ сожалѣнію, языкъ этихъ вѣдовскихъ пѣсенъ — непонятенъ (2); между прочими, въ нихъ часто слышатся звуки: аа! уу! оо! ее! згинь! мяу! Подобныя восклицанія раздаются и при совершеніи обряда опахиванія. Что́ пѣсни эти понятны и знакомы только колдунамъ и вѣдьмамъ: это повѣрье знаменательно. Знахарямъ главнымъ образомъ извѣстны и заговоры и шептанья, составляющіе ихъ *тайну* (3). Они хранятъ старинныя мольбы и заклинанія. Вѣдьмы даже имѣютъ свой таинственный счетъ (4).

Травы въ язычествѣ, вмѣстѣ съ кореньями и цвѣтами, пользовались особеннымъ уваженіемъ; имъ приписывалась цѣлебная и чудодѣйственная сила, а потому онѣ были необходимы при религіозныхъ очищеніяхъ и врачеваніяхъ; вѣнками гадали. Травы и цвѣты символъ весны и лѣта, знакъ юности и полноты жизни. Такое значеніе травъ и цвѣтовъ родило религіозный обрядъ ихъ собиранія; обрядъ этотъ въ языческую эпоху принадлежалъ къ числу богослужебныхъ. По народнымъ повѣрьямъ, въ травахъ скрывается таинственная сила, вѣдомая только чародѣямъ; травы

---

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 46—47.

(2) Неужели звуки этихъ пѣсенъ ничего болѣе не представляютъ, какъ смѣсь странныхъ, непонятныхъ словъ?

(3) Малор. и Червонорус. нар. думы и пѣсни стр. 100.

(4) Иллюстр. т. 1. стр. 415. (статья Даля).

и цвѣты могутъ говорить, но понимать ихъ умѣютъ только знахари, которымъ онѣ открываютъ, къ чему бываютъ полезны, т. е. противъ какихъ болѣзней должно ихъ употреблять. (1) Колдуны и вѣдьмы собираютъ травы, и потомъ употребляютъ ихъ для врачеванiй, отогнанiя нечистой силы, открытiя кладовъ, совершенiя чаръ, отвращенiя бѣдъ и даже для предвѣщанiй. Вѣдьма по ночамъ варитъ въ горшкѣ таинственныя снадобья и зелья, и *когда они кипятъ* — сама уносится въ трубу. Для совершенiя чаръ вѣдьмѣ необходимы: *шалфей*, *рута* и *терличъ;* послѣдняя трава обладаетъ силою *превращенiй*. Трава *прикрышъ* употребляется знахарями на свадьбахъ, для охраненiя молодыхъ: *плакунъ* и *папоротникъ* смиряютъ нечистую силу; послѣдняя трава служитъ также для добыванiя кладовъ; *сонъ — трава*, положенная подъ подушку, посылаетъ *вѣщiй* сонъ, предсказывающiй будущее; всѣ эти травы собираются и хранятся колдунами и вѣдьмами, съ большою таинственностiю. *Трава — одолень* одолѣваетъ всякое зло и всякую чару; въ одномъ заговорѣ разсказывается, что эту траву поливаютъ *дѣвки простоволосыя, бабы самокручки*, т. е. вѣдьмы. О простоволосiи мы уже сдѣлали замѣчанiе выше; « самокручки » — слово, которое объясняется изъ обряда *хлѣбнаго закрута*, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ заговорахъ дѣлаются заклятiя противъ старухи (бабы) — вѣдуньи и дѣвки простоволосыя (2). Главное время собранiя чародѣйныхъ и таинственныхъ травъ былъ и есть купальскiй праздникъ, когда растительность достигаетъ полнаго своего развитiя, когда

---

(1) Сахар Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 42. Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 153. (Объ Украин. предан.).

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 42—44; 18—20 (загов.).

папоротникъ разцвѣтаетъ *огненнымъ* цвѣтомъ, когда сила жизни, юности, здоровья вполнѣ переходитъ въ травы и цвѣты. Въ ивановскую *ночь*, въ которую совершались самыя торжественныя языческія игрища, вѣдьмы собираютъ чудесныя травы *на Лысой горѣ;* въ тоже время и на той же горѣ знахари срываютъ траву терличъ (1). Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье, что въ ивановскую ночь вѣдьмы прилетаютъ изъ Кіева на одинъ островъ *Иванцовъ*, въ видѣ сорòкъ, и, собравши на немъ чудесныя травы, уносятъ ихъ съ собою въ Кіевъ (2). Въ зимній праздникъ коляды — собранія травъ не бываетъ, потому что зима убиваетъ эту лѣтнюю растительность. Существуетъ только одно повѣрье, будто трава *нечуй — вѣтеръ*, которая прогоняетъ бурю, собирается 1-го Января въ глухую полночь (3).

Съ вѣдунами и вѣдьмами связываются преданія о *доеніи ими коровъ*.

На *Рождество* не должно выпускать изъ хлѣвовъ *домашняго скота*, чтобы сохранить его *отъ знахарей и нечистой силы*. — *3 января голодныя вѣдьмы*, возвращаясь *съ гулянья*, задаиваютъ коровъ, для охраненія которыхъ привязываютъ къ воротамъ *свѣчу;* на канунѣ *крещенія* съ тою же цѣлію пишутъ мѣломъ *кресты* на скотныхъ хлѣвахъ. — Въ день св. *Власія* (11 Февраля) кропятъ хлѣва, лошадей, рогатый скотъ и овецъ *крещенскою водою;* въ это время (по малороссійскому повѣрью) *вовкулаки*, обратившись въ

---

(1) ibid. стр. 43. Рус. прост. праздн. Снегирева ч. 1. стр. 75.

(2) Дашкова. Опис. Олонец. Губ. стр. 190. Грамота игумена Памфила 1505 г. говоритъ о собираніи травъ и копаніи дивіихъ кореньевъ — на купалу (Д. къ А. И. т. 1. № 22). См. также Иллюстр. т. 1. стр. 262.

(3) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 44—45.

собакъ и черныхъ кошекъ (1), *сосутъ молоко у коровъ, кобылъ и овецъ,* душатъ лошадей и наводятъ на рогатый скотъ надежъ (2) — На *зарѣ Юрьева дня* (23 Апр.) *знахари* и *вѣдьмы* выходятъ въ поле, растилаютъ по *росѣ* холстъ; потомъ этимъ холстомъ накрываютъ коровъ, отъ чего онѣ дѣлаются *тощими* и *недойными.* Въ этотъ же день знахари и вѣдьмы, превращаясь въ собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ, *высасываютъ* у коровъ молоко; въ *коровьихъ стойлахъ* втыкаютъ *освященную вербу* и *страстныя свѣчи* въ томъ убѣжденіи, что этимъ изгоняются вѣдьмы и нечистые духи, которые *портятъ* рогатый скотъ. Самыя стойла окропляются *св. водою* и окуриваются ладономъ, дабы оборотни никакъ не могли укрыться въ хлѣвахъ и загонахъ. — Въ день Агрипины *купальницы* собираютъ *крапиву, шиповникъ* и другія *колючія* растѣнія въ кучу, (чѣмъ замѣняется *костеръ*); черезъ эту кучу скачутъ и переводятъ рогатый скотъ, чтобы воспретить *вѣдьмамъ, лѣшимъ, русалкамъ* и *злымъ духамъ* доить у коровъ молоко, которое послѣ ихъ доенья *высыхаетъ.* На ночь разводятъ *огни,* для предохраненія стадъ отъ порчи; потому что въ *ивановскую* ночь вѣдьмы и вувкулаки — особенно опасны для коровъ. Они тогда посѣщаютъ скотные загоны, высасываютъ у коровъ молоко и портятъ телятъ. Осторожные хозяева втыкаютъ по угламъ хлѣвовъ *вѣтви* ласточьяго зелья, на дверяхъ вѣшаютъ *убитую сороку* или прибиваютъ *на крестъ* кусочки *срѣтенской восковой свѣчи,* при входѣ въ хлѣвъ кладутъ вырванную съ корнемъ *осину,* а по стойламъ *папоротникъ* и *жгучую*

---

(1) О вовкулакахъ и обращеніяхъ колдуновъ и вѣдьмъ см. ниже.

(2) Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI стр. 38, ч. VII стр. 39. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2, стр. 4.

крапиву (1). Телятъ на эту ночь не отдѣляютъ отъ коровъ; а *лошадей* запираютъ, чтобы вѣдьмы не *поѣхали* на нихъ къ Лысой горѣ. — 30 Іюля вѣдьмы *обмираютъ, опившись коровьимъ молокомъ;* потому что доятъ столько, что *задаиваютъ коровъ до смерти* (2). Изъ приведенныхъ повѣрій видно, что колдуны и вѣдьмы доятъ коровъ въ продолженіи цѣлаго года; но главное время доенія совпадаетъ съ наиболѣе важными народными праздниками, съ колядою, купалою, съ праздниками встрѣчи весны и проводовъ лѣта (въ Апрѣлѣ и въ концѣ Іюля). Къ 11 Февралю отнесено *доеніе* по связи этого повѣрья съ другимъ, по которому Св. Власій считается покровителемъ рогатаго скота; тоже должно замѣтить и относительно Юрьева дня. И такъ время языческихъ празднествъ было вмѣстѣ и временемъ, въ которое колдуны и вѣдьмы доили коровъ: это важно. Особенно же сильно и чародѣйственно бываетъ доеніе на коляду и купалу, какъ на главные въ году праздники.

Что означаетъ это доеніе? Для объясненія этого, съ перваго взгляду, довольно страннаго и загадочнаго повѣрья надобно припомнить народные разсказы о *скрадываніи небесныхъ свѣтилъ*. По чрезвычайно знаменательному болгарскому повѣрью — *магесницы* (колдуны и вѣдьмы) *могутъ снимать съ неба мѣсяцъ, который обращается тогда въ корову; магесницы доятъ ее и приготовляютъ изъ молока масло для врачеванія неизлечи-*

---

(1) У Финновъ въ ночь на Пасху ставятъ у хлѣвовъ серпы противъ *летучихъ волшебницъ*, которыя собираютъ шерсть и уносятъ ее на высокую гору (Вѣстн. Евр. 1828 г. № 13, стр. 9 — 10).

(2) Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 29 — 30, ч. V. стр. 73 — 75, 87. Молод. 1844 г. стр. 94. Сахар.: Ск. Рус. Нар. т. 2. стран. 41, 45.

мыхъ ранъ и для другаго чародѣйнаго употребленія (1). По нашимъ преданіямъ: если случится *лунное затмѣніе* или *тучи неожиданно закроютъ мѣсяцъ* — тогда, значитъ, *вѣдьма украла съ неба* это свѣтило. Скрадываніе мѣсяца и звѣздъ, составляющее обычное занятіе вѣдьмъ, главнымъ образомъ производится ими въ праздники коляды и купалы. 26 Декабря и 1 Января вѣдьмы *непремѣнно* похищаютъ съ неба *мѣсяцъ* и *звѣзды*; въ Ивановскую ночь также *непремѣнно* вѣдьмы скрадываютъ *звѣзды* и *прячутъ ихъ въ кувшинахъ, на погребахъ.* (2). Извѣстно, что въ Индѣйской миѳологіи, въ которой, какъ источникѣ первоначальномъ, заключается такъ много данныхъ для объясненія вѣрованій другихъ народовъ, — въ Индѣйской миѳологіи божества свѣта были олицетворены въ образахъ коровъ. Подобное же олицетвореніе встрѣчаемъ и во многихъ другихъ миѳологіяхъ; въ греческой напр. Юпитеръ въ образѣ быка похитилъ Европу. Основаніемъ такому олицетворенію послужило то наивное воззрѣніе младенческаго народа, по которому все небесное онъ представлялъ себѣ въ образахъ простыхъ, непосредственно его окружавшихъ. Для народа пастушескаго *скотъ* значилъ *богатство;* онъ доставлялъ человѣку и пропитаніе и одежду, онъ доставлялъ землѣ удобреніе; шерсть, руно его сохраняетъ туже теплоту, какая возбуждается лучами солнца. Отъ того у всѣхъ народовъ богъ свѣта былъ вмѣстѣ и богъ *скотій* (3). Изъ нашихъ преданій также видно, что

---

(1) Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Декаб. Статья Княжскаго: о Болгарскихъ повѣрьяхъ, стр. 208.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 3, 70 (дневн.). Рус. простон. празд. ч. 1. стр. 175.

(3) Срезн. О поклонен. солнцу у др. Слав. (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Іюль стр. 36).

божества свѣта были воплощены въ образы, *покрытые руномъ, шерстью*. Домовой, представитель *очага*, олицетворенъ маленькимъ *косматымъ старичкомъ*: онъ весь покрытъ шерстью теплою и мягкою (1). У Болгаръ мѣсяцъ обращается въ *корову*; у насъ его представляли *лошадью*. Народная загадка: «*сивый конь (меренъ, жеребецъ)* черезъ ворота смотритъ (черезъ прясла глядитъ)» означаетъ — *мѣсяцъ*. Загадки народныя составляютъ остатокъ старипнаго миѳическаго языка, и потому необходимо обращаютъ на себя вниманіе: онѣ часто объясняютъ то, о чемъ молчатъ всѣ другія преданія. Рáзсматривая метафорическій языкъ загадокъ, мы находимъ что *огонь* представлялся *быкомъ*, а *ночь черною коровою* (2). Здѣсь необходимо вспомнить о *Турѣ*, о которомъ дошли до насъ очень немногія преданія и нѣсколько географическихъ названій. Пѣсни народныя повторяютъ это имя, вмѣстѣ съ другими языческими именами; въ одной изъ нихъ поется, какъ красная дѣвица поборола мòлодца:

Ой *Туръ, молодецъ удалой*,
Онъ изъ города большаго
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ побороться.
Ой *Дидъ-Ладо*, побороться.
Ой Туръ — Дидъ-Ладо! (3).

Пѣсня эта соединяетъ имя Тура съ именами: Дидъ-Ладо, которыя постоянно повторяются въ пѣсняхъ,

---

(1) Авдѣев. Записки о стар. и нов. рус. бытѣ стр. 144—5. Лѣшій также представляется мохнатымъ (Терещ. ч. VI. стр. 128).

(2) Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. VII. стр. 164. Сахар. т. 1. стр. 96. — *Огонь:* «быкъ желѣзный, хвостъ кудельный» — *ночь* — черная корова всѣхъ поборола.» (Терещ. ч. VII стр. 163 — 4).

(3): И. М. Снегирева Рус. простонар. праздн. ч. 1. стр. 14. ч. III, 116, 124, 140. ч. IV. стр. 128.

при встрѣчѣ солнца. Туръ — молодецъ удалой; солнце у западныхъ Славянъ представляется прекраснымъ юношею. Слово Туръ часто упоминается въ названіяхъ горъ, рѣкъ, селеній, лѣсовъ и пр. Особенно важны слѣдующія названія *озеръ*, собранныя Ходаковскимъ: *Воло-туръ*, *Воловье*, *Воловье око*, *Турово (Туровское)*, *Туръ — озеро*; встрѣчаются еще названія: Туровъ *рогъ*, Туро-*бьево* (отъ *бить*), *красно*-Турово, *Буй-волъ* и другія; всѣ они находятся при городищахъ, замѣняя собою различныя названія жертвенныхъ животныхъ: зубра, коровы, тельца и т. п. (1). Изъ приведенныхъ нами названій видно, что слово — *туръ* считается въ народѣ синонимическимъ слову: *волъ*, и даже слова эти сопоставляются вмѣстѣ—точно также, какъ и другіе синонимы, напр.: путь-дорога, грусть-тоска, и прочія любимыя народныя выраженія. Слово *буй-волъ* прямо соотвѣтствуетъ слову *буй-туръ*, какъ тождественное ему. Такимъ образомъ *озеро*, эта *свѣтлая* масса воды, заключенная въ *круглой* формѣ, на миѳическомъ языкѣ язычника представлялось глазомъ *Тура* (быка). Но кто этотъ Туръ? — Вода обожалась язычниками, какъ божество *свѣтлое*; ей было приписано одинаковое значеніе съ элементомъ *свѣта*. Оплодотворяющій дождь, падающій съ неба, по языческому представленію, ниспосылался *Молніею* (Перуномъ); роса — ниспадала отъ *Зори;* ключи (студенцы) получили названіе *громовыхъ*, *гремячихъ;* имъ даже приноси-

---

(1) Существуютъ названія: Тура, Турья (4 раза), Турецъ (2 раза), Турье поле, Туринъ, Туровка (2 раза), Турово (4 раза), Туровской лѣсъ, Туровъ логъ, Старые Туры, Турьи горы и мн. др. (Донес. Ходак. — Ист. Сбор. ч. VII, стр. 54, 99, 100, 220, 295, 316, 342—346; Отеч. Зап. 1823 г. ч. XV, № 37. стр. 194: деревня Туръ — часовая).

лись жертвы, съ просьбами о ниспосланіи дождя (1). Ясно, что въ приведенныхъ названіяхъ озеръ лежитъ языческое воплощеніе; нѣкогда, въ глубокой древности подобныя миѳическія выраженія были общедоступны и многое говорили человѣческому уму, какъ были доступны и тѣ выраженія, которыя потомъ составили загадки. Луна представлялась коровою; солнце также должно было имѣть этотъ образъ, или съ измѣненіемъ пола — олицетвориться въ быка. За такое положеніе говоритъ и названіе: *буй*-туръ (*буй*-волъ), или *яръ*-туръ, встрѣчаемое въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ краледворской рукописи. (2) *Яръ, яркой, жаркой, ярь, яриться, Ярило, яровое* — прямо указываютъ на понятія о свѣтѣ, огнѣ и теплотѣ; *яръ-туръ* значитъ, по первоначальному смыслу, *огненный быкъ;* позднѣйшій смыслъ — храбрый, прекрасный, сильный, въ какомъ смыслѣ это прозваніе и придано князю Всеволоду (3). Подобнымъ образомъ явилось и названіе *красная дѣвица* т. е. красивая (пре — *красная*). По первоначальному смыслу *красный* — означаетъ: свѣтлый, огненный, жаркій, и названіе «красная дѣвица» было эпи-

---

(1) Загадка *мѣсяцъ:* «Шелъ я мимо — видѣлъ диво: виситъ *котелъ* — о девяносто *ведеръ*.» Слѣд. съ понятіемъ о мѣсяцѣ соединяется и понятіе влаги. Загадка *роса:* «Заря заряница, красная дѣвица — къ церкви ходила, *ключи* обронила — мѣсяцъ увидѣлъ, солнце скрало.» (Сахар. т. 1. стр. 100, 102). *Ключь* на нашемъ языкѣ значитъ также *источникъ*. — Кеппена: Библіогр. листы № 7, стр. 88. О словахъ *варъ, πόταμος, быстрый, валг.* и др., указывающихъ на связь воды съ огнемъ, см. Буслаева: О вліян. хр. на Слав. языкъ стр. 14, 16, 60.

(2) Слово о полку, изд. Дубенск. стр. 29—30; въ краледворской рукописи: «Tu Vratislau iak *tur jari* scoci.» Слово *буй* (буйный) въ народномъ языкѣ употребляется въ смыслѣ *хорошій* (Макаров. Словот. — Ч. О. И. и Д. Р. годъ 2. № 6, стр. 19); а *буйвище* значитъ мѣсто около церкви, погостъ.

(3) Ж. М. Н. Пр. 1842 г. Октяб. Слѣды азіатизма въ Словѣ о полку, ст. Эрдмана. стр. 21, 22, 24.

тетомъ *Зари*, сестры Солнцевой. Изъ всего этого видно, что названія: *Туръ — озеро, Турово, Воловье око* — надо понимать такъ, что въ язычествѣ озеро почиталось глазомъ небеснаго быка — солнца. Любопытно, что слово *волна* означаетъ и *воду* и *руно* (овечью шерсть) (1). Припоминая теперь вышеприведенныя загадки объ *огнѣ* и *ночи*, мы находимъ, что свѣтъ дневной, солнечный на метафорическомъ языкѣ язычества означался *свѣтлою*, *рыжею*, *ярою* коровою (или быкомъ), а ночь, тьма — коровою *черною* (2).

Что дѣйствительно русскіе Славяне имѣли религіозный образъ Тура, это доказывается слѣдующими указаніями; лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ XII вѣкѣ извѣстно было мѣсто *Туровой божницы*; а въ Львовскомъ номоканонѣ XVII в. упоминаются *языческія игрища Туры* (3). Въ Архангельскѣ прежде на масляницу возили по городу *быка* на огромныхъ саняхъ, за которыми слѣдовалъ большой поѣздъ; сани эти запрягались въ нѣсколько десятковъ лошадей (4). — Только такимъ представленіемъ свѣтлыхъ боговъ въ образѣ быка или коровы объясняются тѣ счастливыя и благотворныя примѣты, которыя соединяются съ *шерстью*, *мѣхами* и *вывороченнымъ тулупомъ*. Вывороченный

---

(1) Слово *волохатый* значитъ: обросшій волосами (Труд. Общ. Любит. Р. Слов. ч. 3, стр. 290). Народн. загадка: *колодезь* (очепъ) — «*быкъ* реветъ, хвостъ къ небу деретъ.»

(2) Терещ. ч. VII. стр. 163—164. Смерть является подъ видомъ *черной коровы* (см. описаніе обряда опахиванія).

(3) И Г. Р. Карамз. т. 2. примѣч. 289. Снегир. Рус. простонарод. праздн. ч. III. стр. 116.

(4) Снегирева Рус. простонар. празд. ч II. стр. 129. Сахар. Ск. Рус. Нар. т. 2 стр. 73. — *Рога* звѣрей служили украшеніемъ языческихъ храмовъ; идолъ Святовида держалъ въ рукѣ *рогъ*; *рога* употреблялись для гаданій. (Срезн.: Архит. яз. храмовъ Слав. — Чт. О. И. и Др. годъ 2 № 3. стр. 52).

тулупъ, овчина и соболи охраняютъ молодыхъ, которыхъ всегда сажали на шерсти и обмахивали хвостами: тогда недѣйствительны всѣ противъ нихъ направленныя дѣйствія нечистой силы и злыхъ чаръ; мать невѣсты встрѣчала молодыхъ въ вывороченной шубѣ; недавно считали необходимымъ класть новорожденнаго ребенка на тулупъ; въ пѣснѣ поется:

Будь зятю *добресенькій* ,
Якъ кожухъ теплесенькій ;
Будь зятю *богатый* ,
Якъ кожухъ волохатый.

Существуетъ примѣта: если желаешь, чтобы насѣдка вывела цыплятъ изо всѣхъ положенныхъ подъ нее яицъ, то надобно класть подъ нее яйца изъ чего-нибудь мохнатаго (1). *Руно* слѣдов. было символомъ *счастія*, *богатства* и *плодородія*. Въ первую ночь *молодыхъ даже клали спать въ овчарнѣ или скотной избѣ.* (2).

Зная, что божества свѣта язычниками представлялись въ образѣ коровъ, зная богослужебное значеніе колдуновъ и вѣдьмъ и припомня болгарское по-

---

(1) См. о свадьбахъ у Сахар. въ Ск. Рус. Нар. и у Терещ. во 2 ч. Бытъ Рус. Нар. Абевега стр. 44, 50. Пассека: Очер. Росс. т. 2, стр. 25 — 27. Вѣсти. Евр. 1829 г. № 7, стр. 247. О счастливомъ значеніи «банной примѣты» см. Терещ. ч. VII. стр. 238. См. въ Абевегѣ стр. 260, о томъ, къ чему должно прикладывать куриныя яйца — на плодородіе.

(2) Учен. Зап. Моск. Унив. 1836 г. № XI. спр. 351 — 372; статья Страхова. Наряживаніе въ вывороченные тулупы употреблялось для охраненія себя отъ нечистой силы, и совершалось главнымъ образомъ на *зимній* праздникъ коляды и во время празднествъ мертвымъ. Чтобы избавиться отъ *лихорадки* наряжаются въ *вывороченное* платье (Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 16). Всѣ эти данныя ясно доказываютъ, что мнѣніе г. Кавелина о значеніи переряживаній, высказанное имъ въ Соврем. 1848 г. №№ 9 и 10, (критика), несправедливо.

вѣрье о лунѣ-коровѣ, которую доятъ магесницы, мы приходимъ къ тому заключенію, что вѣдьмы и колдуны, по первоначальному представленію, доили *коровъ небесныхъ, миѳическихъ.* Преданія о доеніи коровъ обыкновенныхъ создались изъ миѳа о доеніи коровъ небесныхъ, гораздо позднѣе, при затемнѣніи вѣрованій Самая отрывочность преданій о Турѣ говоритъ о томъ, что смыслъ миѳа былъ рано затерянъ народомъ. Мало того, что вѣрованіе отъ коровъ миѳическихъ было перенесено къ обыкновеннымъ; къ числу животныхъ, которыхъ доятъ или сосутъ вѣдьмы и вѣдуны, отнесены и кобылы и овцы. Доеніе коровъ небесныхъ, совпадавшее съ главными языческими празднествами, на миѳическомъ языкѣ означало священную силу мольбы и жертвоприношеній, которою вызываются плодотворные лучи солнца и дождь, падающіе съ неба, какъ даръ божествъ свѣтлыхъ. Это положеніе находитъ себѣ прямое подтвержденіе въ томъ, что свѣтъ небесныхъ свѣтилъ и теплота, *разливаемая* солнечными лучами, по стариннымъ повѣрьямъ, представляются *небеснымъ молокомъ* и вообще *жидкостію.* Магесницы доятъ луну, и изъ ея *молока* приготовляютъ чудесное *масло*, *млечный* путь самимъ названіемъ своимъ, говоритъ о древнемъ вѣрованіи, которое подтверждается доселѣ сохранившимся преданіемъ: млечный путь, по народному объясненію, есть *молоко*, невсосанное однимъ дитятею (?) и *розлитое по небу*. Загадка: «една чаша *масла* всему свиету доста» означаетъ *солнце* (1). *Свѣтъ* и *дождь*, понятія, отождествленныя въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянина, понимались какъ *плодотворное* и *священное* молоко, проливавшееся изъ сосцовъ не-

(1) И. М. Снегирева Рус. въ св. послов. ч. IV. стр. 44. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 110 (загадки).

бесныхъ коровъ. Связь молніи и дождя съ солнечнымъ свѣтомъ, ихъ одинаковое плодотворное значеніе — память народная запомнила во многихъ примѣтахъ; *роса*, по выраженію старинной народной загадки, проливается Зарею. И солнечные лучи, и дождь, и молнія, и роса — всѣ эти явленія даютъ плодородіе. Звѣзды и мѣсяцъ также вліяютъ своимъ яркимъ свѣтомъ на плодородіе всего, что родится и что ростетъ на землѣ (1). — Язычники были убѣждены, что ихъ богослуженіе дѣйствительно вызывало оплодотворяющую силу небеснаго свѣта и небесной влаги. Солнце ежегодно ворочалось на лѣто; съ новою весною опять гремѣлъ громъ, блестѣла молнія, проливался дождь и ниспадала роса. Въ суевѣрномъ наивномъ представленіи язычника, мольба получила силу чародѣйную, силу заговора. По народному повѣрью, если заговоръ произнести правильно, съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ — то онъ *непремѣнно* сбудется (2). Пластически сила языческихъ моленій и ихъ сопровождавшихъ жертвъ выразилась въ томъ, что вѣдуны и вѣдьмы — сосутъ и доятъ небесныхъ коровъ, которыя одождяютъ и согрѣваютъ землю, и всему даютъ плодородіе. Доеніе совершалось слѣдов. тѣми лицами, которымъ принадлежало въ язычествѣ главное отправленіе религіозныхъ обрядовъ. Но какъ, при затемнѣніи миѳа, мѣсто небесныхъ коровъ заняли коровы обыкновенныя, и какъ доеніемъ этихъ послѣднихъ главнымъ образомъ завѣдываютъ женщины, то повѣрье, разбираемое нами,

---

(1) Звѣздное небо 24 Дек. обѣщаетъ на лѣто обиліе грибовъ; на Рождество и Богоявленіе звѣзды и мѣсяцъ яркимъ сіяніемъ обѣщаютъ урожайный годъ; звѣзды свѣтомъ своимъ пророчатъ — плодородіе ягнятъ и гречихи (Терещ.: Бытъ Руск. Народ. ч. VII, стр. 38, 39, 49.)

(2) Иллюстр. годъ 1. стр. 250.

и было прикрѣплено преимущественно къ вѣдьмамъ. Впрочемъ, мы видѣли, что нѣкоторыя преданія приписываютъ это занятіе и колдунамъ. Что вовкулаки сосутъ молоко — объясненіе этого вѣрованія кроется въ превращеніяхъ колдуна и вѣдьмы. Божественное, по языческому представленію, молоко луны имѣетъ чародѣйную силу врачеванія: оно даетъ и *плодородіе* и *здоровье*. Вспомнимъ, что тѣже чародѣйныя и вмѣстѣ благотворныя свойства соединены народомъ съ росою, ключевою водою, громовою стрѣлкою, первымъ весеннимъ дождемъ, и съ дождемъ на Ильинъ день. По народнымъ сказкамъ, колдуны имѣютъ у себя *живую, мертвую* и *змѣиную* воду. Мертвая вода срощаетъ разрозненныя части тѣла, живая оживотворяетъ трупъ, змѣиная даетъ богатырскую силу (1). Эти чудесныя воды выражаютъ дивныя свойства дождя и росы. Дождь, проливающійся при громѣ и молніи, названъ преданіями *змѣинымъ*, потому что самая молнія олицетворялась въ миѳическомъ образѣ *огненнаго змѣя*. Изъ древнѣйшаго вѣрованія въ близость вѣдьмы къ божествамъ свѣта и плодородія — возникло впослѣдствіи повѣрье, что женщина, съ которою имѣетъ сношеніе огненный змѣй, есть вѣдьма (2).

---

(1) Записк. Авдѣев. о стар. и нов. рус. бытѣ стр. 138. Нар. сказки, изд. Сахар. предисл. стр. CI. Народн. сказки, изд. Бронницына, ч. 1. стр. 25 и 41. Въ одномъ заговорѣ читаемъ (Сахар. т. 1. стр. 26), что Кіевская вѣдьма посадила па Буянъ — островъ ворона, всѣмъ воронамъ старшаго, и приказала ему своимъ *заповѣднымъ* словомъ добыть изъ подъ огненнаго змѣя ключъ отъ терема съ богатырскою сбруею.

(2) Иллюстр. годъ 1. стр. 203, статья Даля. Отсюда объясняются позднѣйшія повѣрья, что вѣдьмы сами летаютъ къ своимъ любовникамъ — въ видѣ огненныхъ змѣевъ, обогащаютъ своихъ молодцовъ, но эта любовь сушитъ послѣднихъ. (Рус. Нар. пр. ч. 2. стр. 103 и дал.) Сравни съ сказаніями объ огненномъ змѣѣ.

Въ эпоху христіанскую колдунъ и вѣдьма получили характеръ злобный, враждебный, что не могло не отразиться на миѳѣ доенія коровъ, тѣмъ болѣе, что миѳъ этотъ въ язычествѣ имѣлъ глубокой смыслъ. Доеніе получило значеніе гибельное; отъ него высыхаютъ у коровъ сосцы и пропадаетъ молоко, самыя коровы дѣлаются тощими и вскорѣ издыхаютъ. Вѣдьмы, жадныя къ доенію или высасыванію молока, которымъ упиваются до безпамятства, стали представляться *вѣчно — голодными*. Въ эту эпоху — доеніе луны магесницами смѣшалось съ луннымъ затмѣніемъ, которое въ древнѣйшее время язычества объяснялось нападеніемъ на свѣтило нечистой силы (1). Самое названіе *скрадыванія* свѣтилъ — говоритъ о враждебномъ дѣйствіи. Колдуны и вѣдьмы призывали боговъ сойти въ поднебесья на помощь и покровительство людямъ; чародѣйная сила мольбы первыхъ была такъ велика, что боги не могли не исполнить прошенія: они должны были явиться на зовъ. Слѣды этого вѣрованія сохранились въ заговорахъ, въ которыхъ читаемъ: « мѣсяцъ ты красный, *сойди въ мою клѣть;* солнышко ты припривольное, *взойди на мой дворъ;* звѣзды вы ясныя, *сойдите въ чашу* брачную, уймите отъ вина раба такого-то »; « *сойди* ты, мѣсяцъ, *сними* мою зубную скорбь, *унеси боль подъ облака;* твоя сила могуча »; « *опоясываясь я частыми звѣздами, облекаюсь я облакомъ* » и др. (2). Вызовъ боговъ заповѣднымъ

---

(1) Болгары во время затмѣнія луны стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, чтобы воспрепятствовать магесницамъ доить это свѣтило (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Дек. стр. 208). Критика на Арх. г. Калач. (Соврем. 1850 г. № 4

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 19—25. (Заговор.)

словомъ впослѣдствіи получилъ значеніе скрадыванія. Подобнымъ образомъ и полеты вѣдьмъ и колдуновъ на Лысыя горы, получили враждебный характеръ. Вмѣсто помела и другихъ орудій очага, вѣдьмы стали употреблять для своихъ поѣздокъ на Лысую кіевскую гору лошадей, которые отъ того *худѣютъ*. Мало того, вѣдьмы могутъ отправиться на Лысую гору даже на думѣ спящаго человѣка, который потому на другой день чувствуетъ себя *измученнымъ* и *полумертвымъ* (1). Въ христіанскую эпоху противъ вѣдьмъ и колдуновъ были придуманы разныя средства, чтобы не допускать ихъ къ коровамъ. Средства противъ вѣдьмъ и колдуновъ стали употреблять тѣже, что и противъ нечистой силы; въ нихъ нельзя не замѣтить позднѣйшаго вліянія. Ладонъ, св. вода или крещенская, кресты, священная верба, страстная свѣча — все это прогоняетъ колдуновъ и вѣдьмъ, и не даетъ имъ доить и сосать у коровъ молоко. Съ этими священными предметами употребляются еще, какъ предохранительныя средства отъ вѣдуновъ и вѣдьмъ: *жгучія* и *колючія* травы (крапива, шиповникъ и др.), которыя иногда замѣняютъ купальскій костеръ, а этотъ послѣдній служилъ для очищеній; *убитая сорока*, страшная для вѣдьмъ, потому что образъ сороки — любимое ихъ обращеніе; *папоротникъ* и *осина*, какъ самыя надежныя средства противъ нечистой силы. Папортникъ, какъ извѣстно, добывается

---

(1) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 150, критика. Силою чаръ вѣдьмы могутъ призывать къ себѣ всякаго, какъ бы онъ далеко ни находился. Для того онѣ *варятъ* какой-то корень и *чѣмъ сильнѣе онъ кипитъ, тѣмъ быстрѣе летитъ* призываемый (ibid). Иногда вѣдьмѣ удавалось ѣздить на человѣкѣ, который везетъ её черезъ трубу на бѣлый свѣтъ; но бывали примѣры, что знающій человѣкъ самъ выѣзжалъ на вѣдьмѣ (Иллюстр. стр. 415). Всѣ эти повѣрья принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ.

колдунами и вѣдьмами; осина необходима для многихъ обрядовъ (напр. для прогнанія смерти). Ясно, что тѣ орудія, какія употребляются до сихъ поръ колдунами и колдуньями противъ навожденій нечистой силы, были при смѣшеніи вѣрованій употреблены противъ нихъ самихъ. Обрядъ собиранія росы знахарями на порчу домашняго скота получилъ такой враждебный смыслъ также въ эпоху христіанскую, потому что роса, даръ Зари, въ язычествѣ считалась цѣлебною и собиралась на здоровье и плодородіе животныхъ: такое значеніе роса сохранила въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ.

Любопытны и важны для насъ народныя сказанія о томъ, что вѣдьма можетъ доить даже *отдаленныхъ* коровъ: стоитъ ей только *воткнуть ножъ* въ соху или столбъ — *и молоко потечетъ по острею ножа* (1). Слѣдов. ножъ, получившій таинственное значеніе, какъ орудіе жертвенное, или лучше самая жертва — низводила на землю молоко свѣта и дождя.

Такимъ образомъ силою моленій и жертвоприношеній колдуны и вѣдьмы управляли дождями и бурями, вёдромъ и непогодою, плодородіемъ и неурожаями. Въ язычествѣ дѣйствія ихъ были направлены на добро, на урожай; въ христіанствѣ дѣйствія эти получили злой характеръ. Знахарь, говоритъ народъ, можетъ располагать дождемъ и градомъ, по желанію; бывало, во время жатвы надвинется вдругъ туча; всѣ бросятся складывать снопы и сбираться домой, а знахарю и нужды нѣтъ. Не будетъ дождя,

---

(1) Иллюстр. (статья Даля) годъ 1, стр. 415. Москвитян. 1846 г. № 11 и 12. стр. 150, критика. Когда вѣдьма доитъ коровъ и хозяинъ подкараулитъ ее, тогда вѣдьма заставляетъ его силою заклятій сидѣть на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока ни позволитъ ему встать (ibidem).

скажетъ онъ, — и туча пройдетъ мимо. Разъ сдѣлалась страшная буря, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ. Вдругъ, откуда ни взялся, летитъ къ знахарю *черный* человѣкъ на *черномъ* конѣ. Пусти, говоритъ онъ. — Не пущу, отвѣчаетъ знахарь. — Пусти, сдѣлай милость! — Не пущу; зачѣмъ было такъ много набирать? —Ѣздокъ уѣхалъ; тучи посизѣли и побѣлѣли: всѣ ожидали граду. Несется къ знахарю другой ѣздокъ весь *бѣлый* и на *бѣломъ* конѣ. Пусти, проситъ онъ.—Не пущу.—Пусти, ради Бога!—Не пущу; зачѣмъ было набирать такъ много? — Эй, пусти: не выдержу.— Тогда знахарь разогнулся и сказалъ: ну, ступай! только въ той долинѣ, что за нивою. Ѣздокъ исчезъ, и градъ зашумѣлъ въ долинѣ за нивою (1). О вѣдьмахъ разсказываютъ, что онѣ *крадутъ съ неба дождь и росу*, унося ихъ въ завязанномъ горшкѣ или мѣшкѣ, и *посылаютъ градъ и бурю*; по суевѣрному мнѣнію народа, вообще все *обиліе* и *плодородіе* находится во власти вѣдьмъ. Въ народѣ ходитъ такой разсказъ: жили три брата и занимались звѣриною охотою и рыбною ловлею; странно, но и ловля и охота братьевъ всегда была счастливая: закинутъ ли сѣти, а онѣ ужъ полны рыбою; зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что мать у нихъ была вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тайкомъ тенета и ружья, пошли на охоту за зайцами а матери сказали, что идутъ ловить рыбу. Что-же? Раскинули тенета — и вмѣсто зайцевъ полезли въ нихъ окуни, караси и лещи! (2).

Мы показали уже, что въ эпоху христіанскую *доеніе коровъ* вѣдьмами получило значеніе враждебное,

---

(1) Статья о повѣрьяхъ Украинскихъ, собр. Кулешемъ. Москвит. 1846 г. № 11 и 22, стр. 153 — 154.

(2) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 150 — 151. Критика.

противъ котораго надо было принимать предохранительныя мѣры. Мало того: оно стало разсматриваться, какъ *страшный грѣхъ*. Въ стихахъ народныхъ поется, что душа грѣшная, обращаясь къ своему тѣлу, говоритъ: пойду я

Въ муку вѣчную безконечную,
Въ муку вѣчную, въ горячи огни.
— Почему-жъ ты, душа, себя угадываешь?

спрашиваетъ тѣло.

— Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю:
Что какъ жили мы были на вольномъ свѣту—
Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
Мы изъ хлѣба спорынью вынимывали,
Не ходили ни къ обѣдни, ни завтрени.

Въ стихѣ «о грѣшныхъ душахъ» находимъ тоже свидѣтельство:

Чѣмъ же души у Бога *согрѣшили*?
А первая душа *согрѣшила*—
Во ржи залому заломала,
Во хлѣбушкѣ спорѝ вынимала.
. . . .
Четвертая душа *согрѣшила* — —
Въ чистомъ полѣ корову закликала,
У коровки молочко отымала,
Во сырую землю выливала,
Горькую осину забивала,
Горькую осину засушивала (1).

Эти свидѣтельства стиховъ — чрезвычайно знаменательны. Сопоставленіе рядомъ: отнятія у коровъ молока, а у хлѣба спорыньи — еще болѣе поясняетъ миѳъ *доенія*. Въ язычествѣ доеніе вызывало съ неба плодотворные лучи и дождь; подъ вліяніемъ христіанства оно получило другой смыслъ: доенію приписали стремленіе

---

(1) Чт. Об. И. и Д. Р. годъ 3. № 9. стр. 210, 221. (Стихи, собр. Кирѣевск.).

сокрыть плодотворное молоко и сгубить *обиліе*, *урожай:* вѣдьмы стали *скрадывать* и свѣтила и дожди. Отнять у хлѣба *спорынью* значитъ: отнять, уничтожить урожай и произвести голодъ. Такое дѣйствіе естественно стало представляться самымъ ужаснымъ грѣхомъ. На Украйнѣ до сихъ поръ вѣрятъ, что вѣдьма можетъ задерживать дожди и производить неурожай. Какое пространство земли въ силахъ она обнять своимъ взоромъ, *на такое можетъ наслать голодъ и моръ, на такомъ пространствѣ можетъ отнять у коровъ молоко:* сближеніе многозначительное (1)!

Съ отнятіемъ у хлѣба спорыньи стихъ тѣсно связываетъ преданіе о *заломѣ ржи*. Въ южной Россіи передъ жатвою *женщины съ пѣснями* отправляются въ поле; одна изъ нихъ, *взявши горсть колосьевъ на корнѣ, завиваетъ ихъ узломъ и перегибаетъ или заламываетъ ихъ,* при чемъ другія поютъ пѣсню на завиваніе вѣнковъ. Послѣ этого уже *рука лиходѣя и колдуна не можетъ испортить хлѣба* (2). Такой обрядъ называется: *завиваніемъ бороды Волосу* (Велесу, скотьему богу). Съ божествами свѣта, къ которымъ принадлежалъ и Волосъ, соединялось представленіе всеобщаго плодородія, разливаемаго и на царство растительное и на царство животное. Предъ началомъ жатвы первые созрѣвшіе колосья необходимо было посвятить божествамъ, воспитавшимъ нивы; и дѣйствительно, при пѣніи обрядовыхъ пѣсенъ, (говоря языкомъ пластическимъ) оставляли Волосу на бороду — завитый кустъ ржи. Къ этому кусту никто не смѣетъ *прикоснуться*: къ нему чувствуется благоговѣйный страхъ (3).

---

(1) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 150. Критика.

(2) Терещ.: Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 39. Сахар.: Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 12. Слово о полку (Рус. Дост. ч. 3) стр. 28.

(3) Кто прикоснется къ залому, того также скорчитъ. См. Сахар.

И это благотворное въ язычествѣ значеніе *залома*, охраняющаго жатву отъ всякой злой поруки, — въ христіанскую эпоху получило другой смыслъ — враждебный: языческія приношенія не могли не представляться христіанину дѣломъ самымъ грѣховнымъ. Съ этой точки смотрятъ на хлѣбный заломъ (закрутъ, завязку) и приведенные стихи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже образовалось повѣрье, что заломъ дѣлается *знахаремъ* изъ желанія причинить хозяину нивы зло, гибель. Злой знахарь беретъ горсть хлѣбныхъ стеблей и, *произнося заклятіе*, ломаетъ ихъ *въ правую*, а закручиваетъ *въ лѣвую* сторону. Въ узлѣ залома всегда находятъ немного *золы, соль, могильную землю*, распаренныя *зерна, уголь* и *яичную скорлупу* (1). Зола, соль, земля и уголь — предметы, необходимые при гаданіяхъ и различныхъ обрядахъ, представляющихъ остатки древнихъ очищеній и жертвоприношеній. — Обрядъ заламыванія и закручиванія хлѣбныхъ колосьевъ, охранявшій въ глубокой древности плодородіе полей, получилъ впослѣдствіи значеніе совершенно превратное.

Указанное нами измѣненіе въ характерѣ вѣрованій, связанныхъ съ вѣдуномъ и вѣдьмою, совершилось съ первымъ утвержденіемъ христіанства на Руси, какъ вѣроисповѣданія господствующаго. Разумѣется, измѣненіе это совершилось не всецѣло, не во всѣхъ мѣст-

---

Сказ. Рус. Нар. т. 2, стр. 12, 44. т. 1. стр. 53. Вѣстн. Евр. 1828 г. № 5 и 6. стр. 90. При заклятіи червей заламываютъ траву — будякъ. (Иллюстр. годъ 1. стр. 251.)

(1) Закрутъ дѣлается, какъ увѣряютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на погибель всего семейства и родни. Если его не развести, что̀ можетъ сдѣлать только хорошій знахарь, то скотъ падетъ, домъ сгоритъ и проч. *Особенно опасно скосить или сорвать закрутъ*. Если некому развести закрута, то его обжинаютъ. (Сахар. т. 1. стр. 53. Иллюстр. годъ 1. стр. 538). Въ Орлов. губ. подобный заломъ называется *куклою*. Сообщено П. М. Снегиревымъ.

ностяхъ и не относительно всѣхъ древнихъ вѣрованій и обрядовъ. По нѣкоторымъ остаткамъ и теперь еще ощутителенъ характеръ языческой старины. Тѣмъ не менѣе позднѣйшее вліяніе не могло не произвести перемѣнъ. Еще отъ XI вѣка донеслись до насъ ясныя лѣтописныя свидѣтельства о томъ, что вѣрованія народныя значительно измѣнились въ эту отдаленную эпоху. Такое явленіе тѣмъ болѣе представляется естественнымъ, что съ теченіемъ времени народъ потерялъ прежнюю распознаваемость миѳовъ; языкъ религіозный сдѣлался для него таинственнымъ. Новыя вѣрованія не отрицали вовсе возможности и бытія того, во что вѣрилъ простодушный Славянинъ издавна; они только приписали эти вѣрованія началу злому, демонскому. Въ народѣ продолжали еще жить прежнія убѣжденія, но смыслъ ихъ былъ истолкованъ въ другую сторону. Взглянемъ на лѣтописныя сказанія о *волхвахъ*.

Въ 1024 году, говоритъ лѣтописецъ, возстали въ Суздали волхвы, « *избиваху старую чадь,* по дьяволю « наученью и бѣсованью, *глаголюще, яко си держать* « *гобино*. Бѣ мятежь великъ и *голодъ по всей той странѣ*. Слышавъ же Ярославъ... изымавъ волхвы, рас- « точи, а другыя показни, и рекъ сице: *Богъ наводить* « по грѣхомъ на куюждо землю *гладомъ или моромъ* « *или ведромъ, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть* « *ничтоже*. » Подъ 1071 годомъ читаемъ подобное же извѣстіе: « бывши бо единою *скудости* въ Ростовстѣй « области, всташа два волхва отъ Ярославля глаголю- « ща, яко вѣ свѣвѣ (мы вѣдаемъ), *кто обилье дер-* « *жить*. И поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ *погостъ*, « туже *нарицаху лучшій (добрыя) жены, глаголюща,* « *яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си* « *скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и* « *жены своя:* она же *въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ*

« *вымаста любо жито, любо рыбу и убивашета* « *многы жены*, имѣнье ихъ отъимашета собѣ. » Наконецъ волхвы пришли на Бѣлоозеро; за ними слѣдовало 300 человѣкъ. Въ это время Янъ сбиралъ на Бѣлоозерѣ княжескую дань. « Повѣдоша ему Бѣлозерци, « яко два кудесника избила уже многы жены по Волъ- « свѣ и по Шекснѣ » Янъ потребовалъ отъ нихъ выдачи волхвовъ; но Бѣлоозерцы « сего не послушаша. » Янъ сталъ дѣйствовать противъ волхвовъ отъ себя, и, когда они были схвачены, то спросилъ: « что ради погуби- « ста толико человѣкъ? Онѣма же рекшема: *яко ти* « *держать обилье; да аще избіевѣ сихъ — будеть гобино;* « *аще ли хощеши, то передъ тобою вынимевѣ жито,* « *ли рыбу, ли ино что*. Янъ же рече: по истинѣ лжа « то » (1). — За что и кого именно избивали волхвы? — Лѣтопись отвѣчаетъ ясно: избивали *старыхъ* и *лучшихъ* (т. е. старшихъ) *женщинъ* — за то, что онѣ скрадывали *гобино* и *обилье* и производили *голодъ*. *Гобино (обилье)* означаетъ — плодородіе, урожай (2). Мы видѣли, что старшимъ женщинамъ въ родахъ и семьяхъ принадлежало въ язычествѣ совершеніе богослужебныхъ обрядовъ, и что имъ главнымъ образомъ, повѣрья приписываютъ *доеніе* т. е. низведеніе дождей и свѣта на землю. Съ измѣненіемъ характера вѣрованій, подъ вліяніемъ новой жизни, — вѣдьмы, старшія и знающія женщины, стали представляться похищающими съ неба и свѣтила и дожди и росу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плодородіе (урожай). Вѣрованіе въ возможность и дѣйствительность подобныхъ явленій была такъ велика въ XI вѣкѣ, что родичи, безъ сожалѣнія, отдавали на побіеніе своихъ матерей, женъ и дочерей. Жите-

---

(1) П. С. Р. Лѣт. т. 1, стр. 64, 75.
(2) Карамз. И. Г. Р. т. 2. примѣч. 26.

ли не только не хотѣли выдавать волхвовъ; но слѣдовали за ними въ огромной толпѣ. Обвиненіе « старой чади » въ произведеніи голода вполнѣ соотвѣтствовало грубому и неразвитому взгляду тогдашняго человѣка на явленія природы. Всѣ внѣшнія явленія онъ объяснялъ, какъ дѣйствія свѣтлой или нечистой силы, вызванныя мольбами или чарами. Были примѣры, что народъ обвинялъ въ чисто — физическихъ явленіяхъ духовныя лица. Моленіе служителей божества, по стариннымъ вѣрованіямъ, силою своею могло управлять природою и ея вліяніемъ; если это вліяніе становилось вреднымъ — значитъ моленіе было злоупотребляемо служителями божества, или, ради грѣховъ ихъ, теряло свою обычную силу. (1) — Еще недавно на Украйнѣ народъ вѣрилъ, что вѣдьмы и колдуны могутъ скрывать огромные запасы хлѣба, денегъ, и пр. Изъ вышеприведеннаго народнаго разсказа о трехъ братьяхъ — ясно, что вѣдьмамъ приписывается вліяніе и на обиліе (плодородіе) рыбъ и животныхъ. Еще недавно вѣдьмамъ народъ приписывалъ общественныя бѣды: голодъ, засуху и неурожай. Въ старину, по преданіямъ, при всякой повальной болѣзни (напр. при моровой язвѣ) закапывали въ землю *бабу, заподозрѣнную міромъ въ злыхъ умыслахъ*. Г. Даль увѣряетъ, что на Украйнѣ существуетъ сказаніе, взятое изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкой, обвинила ее въ *скрадываніи росы*. Обвиненную признали вѣдьмою и сожгли (2). Даже са-

---

(1) Новгород. 1-ая лѣтоп. стр. 44; Новгородцы прогнали своего владыку за то, что « тепло стоитъ долго. »

(2) Иллюстр. годъ 1. стр. 415. Статья Даля. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 13. См. грамоту Михаила Θеодоровича о бабѣ — *вѣдуньѣ*, которая наговариваетъ на хмѣль, съ цѣлію навести *моровое повѣтріе* (Ак. Ар. Экс. т. III. № 197).

мые знахари и вѣдьмы потеряли всякое пониманіе старинныхъ обрядовъ и вѣрованій. Они дѣйствительно стали совершать заломы и доеніе коровъ съ цѣлію повредить своему заклятому недругу. Это видно изъ завиванія ржи знахаремъ на *пагубу людей* и изъ словъ стиха объ обрядѣ доенія: вѣдьма закликаетъ корову, доитъ ее, а потомъ *молоко выливаетъ въ землю и забиваетъ въ то мпсто осиновой колъ:* какъ засохнетъ осина, такъ высохлибъ у коровы сосцы (1). Враждебная сила вѣдьмы распространилась на все, обѣщающее *плодъ, рождение*. Вѣдьмъ стали обвинять въ томъ, что онѣ портятъ беременныхъ женщинъ, крадутъ у нихъ изъ утробы дѣтей; колдуны тоже отнимаютъ у женщинъ плодородіе, сушатъ ихъ и напущаютъ на людей болѣзни (2).

Въ приведенныхъ нами лѣтописныхъ свидѣтельствахъ объ избіеніи «старой чади» видно, что уже тогда былъ затерянъ смыслъ главнѣйшихъ миѳовъ. Кудесники, повѣдающіе волю боговъ, обвиняютъ въ неурожаѣ женщинъ, которыя будто бы скрывали *хлпбъ*, *рыбу* и *звпрей* (3). Обвиненіе это не было слѣдствіемъ только хитрыхъ разсчетовъ со стороны волхвовъ; они сами были убѣждены въ томъ, что говорили, и дѣйствовали подъ наитіемъ фанатизма; даже передъ смертію они не отрекались отъ своихъ словъ и не признавали себя неправыми. Въ родахъ и семьяхъ еще продолжали жить

---

(1) Обрядъ этотъ сходенъ съ нѣкоторыми чарами.

(2) Иллюстр. годъ 1. стр. 415, 184. Абев. стр. 27, 74; колдуны дѣлаютъ жениховъ недѣйствующими, а у невѣстъ скрываютъ половой органъ.

(3) Выраженіе «въ мечтѣ» означаетъ *сверхъестественно*. Сравни: «*въ мечтп* ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци, рищюще бѣси.» (П. С. Р. Л. т. 1, стр. 92). Патерикъ Печ. «иже зряше явѣ бѣсовскія *мечты*.» (Житіе Матѳея Прозорливаго).»

остатки старыхъ вѣрованій; женщины продолжали совершать дома тѣже обряды, что и прежде; вспомнимъ — опахиваніе. Несторъ выражаетъ общее современное воззрѣніе на женщину въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ мысль о грѣхопаденіи присоединилась къ прежнему значенію женщины: «паче же женами бѣсовская волъшванья бываютъ; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа; тако въ си роди много волхвують жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовьскыми козньми.» (1) Слова эти сказаны Несторомъ тотчасъ послѣ разсказа о волхвахъ, избивавшихъ женъ.

Кромѣ разобранныхъ чародѣйныхъ дѣйствій, народныя повѣрья приписываютъ колдунамъ и вѣдьмамъ еще *превращенія*. Колдуны и вѣдьмы могутъ и сами обращаться въ различныхъ животныхъ, птицъ и даже неодушевленные предметы; могутъ обращать въ нихъ и другихъ людей. Вѣра въ *обращенія* и *оборотней* — весьма древняя. Что означаетъ этотъ миѳъ? Рѣшеніе этого вопроса, надо признаться, затруднительно, потому что онъ тѣсно связанъ со множествомъ другихъ вѣрованій и преданій; мы представляемъ только попытку объяснить этотъ миѳъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ миѳическія вѣрованія стали терять свою распознаваемость, всѣ обычныя выраженія въ языкѣ, запечатлѣнныя языческимъ характеромъ,

---

(1) Признавать сказанія о волхвахъ — финскими также неосновательно, какъ и скандинавскими (См. статью Соловьева въ Ч. О. И. и Д. годъ 2. № 6. стр. 4—5, и разсужденіе Руднева о ересяхъ и расколахъ, стр. 17—19). Появленіе волхвовъ на сѣверѣ Руси условливалось отдаленностію этихъ областей отъ Кіева; главнымъ образомъ было утверждено христіанство на югѣ, между тѣмъ какъ сѣверъ долго оставался непросвѣщеннымъ. Кромѣ того, извѣстно, что волхвы являлись и въ Кіевѣ (См. лѣт. подъ 1071 г.) Еще многое пояснятъ намъ въ лѣтописяхъ народныя преданія: источникъ этотъ — почти нетронутъ.

сдѣлались метафорическими оборотами для выраженія совершенно иныхъ представленій. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и старинныхъ памятникахъ письменности находимъ множество выраженій метафорическихъ, употребляемыхъ съ цѣлію надѣлить богатыря какими—либо свойствами того или другаго животнаго; но изслѣдователю необходимо помнить, что выраженія эти свидѣтельствуютъ о нѣкогда существовавшемъ вѣрованіи въ обращенія. Приведемъ примѣры.

Въ Словѣ о полку разсказывается о князѣ Всеславѣ, рожденномъ отъ *волхованія*, что онъ рыскалъ волкомъ, и такъ быстро, что опережалъ бѣгъ самаго Солнца (Хорся); Князь Игорь скакалъ горностаемъ въ тросникѣ и бѣлымъ гоголемъ у воды, бѣгалъ волкомъ, и леталъ соколомъ подъ мглами (подъ облаками), избивая на завтракъ, обѣдъ и ужинъ гусей и лебедей; Ярославна говорила въ своей жалобной пѣснѣ: полечу я зегзицею (кукушкою) (1). Только языческою вѣрою въ обращенія можно объяснить и темныя мѣста о Боянѣ: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хо«тяше пѣснь творити, то *растѣкашеся* мыслію по «древу, *сѣрымъ вълкомъ* по земли, *сизымъ орломъ* подъ «облакы»; въ другомъ мѣстѣ: «о Бояне! абы ты сіа «плъкы ущекоталъ, *скача славію* (соловьемъ) по «мыслену древу, *летая* умомъ подъ облакы, *рища* въ «тропу Трояню чрезъ поля на горы» (2). Глаголы: *скача*, *летая*, *рища* — постоянно употребляются въ выраженіяхъ, указывающихъ на оборотней; «растѣкашеся мыслію по древу» — выраженіе, очевидно тождественное съ выраженіемъ: «скача славію по мысленну древу» т. е. порхая соловьемъ, по *мыслен-*

---

(1) Слово о полку, изд. Дубенск. (Рус. Дост. ч. III. стр. 56, 196—200, 210, 230—234). П. С. Лѣт. т. 1. стр. 67.

(2) Слово о полку стр. 6, 24, 26.

ному дереву. *Мысленный* — употреблено здѣсь въ значеніи: таинственный, священный. Самъ Боянъ называется *смысленнымъ* — вмѣсто *вѣщаго*. Подобно тому выраженіе: « летать *умомъ* подъ облаками »—означаетъ: летать вслѣдствіе особеннаго *вѣдѣнія*, *хитрости*. Въ старинной пѣснѣ о *Волхѣ* Всеславьевичѣ умѣнье оборачиваться прямо названо *премудростію*. Боянъ — пѣвецъ, кудесникъ; а потому съ именемъ его преданіе связало вѣрованіе въ превращенія. Въ краледворской рукописи о музыкантѣ и пѣвцѣ Забоѣ говорится: « вдругъ вскочилъ онъ и побѣжалъ *оленемъ*. » (1) Впрочемъ, въ Словѣ о полку употреблено старинное выраженіе, но смыслъ ему приданъ позднѣйшій; выраженіе это, конечно, образовалось вслѣдствіе древнѣйшаго вѣрованія въ превращенія; но писатель Слова хотѣлъ указать на другое: пѣснь Бояна чародѣйственная; она мгновенно возносится къ небу, сѣрымъ волкомъ несясь по земли и сизымъ орломъ по поднебесью; она исполнена сладостной гармоніи и можетъ сравниться только съ пѣснію соловья. Потому и Боянъ названъ *соловьемъ стараго времени*. Точно такъ сказаніе объ Игорѣ, бѣжавшемъ отъ Половцевъ, имѣетъ въ виду указать на удивительную скорость, быстроту его бѣгства.

Въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ преданія о превращеніяхъ встрѣчаются очень часто. Богатырь Волхъ съ дѣтства учился тремъ премудростямъ: оборачиваться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ — золотые рога; впослѣдствіи, онъ оборачивался и горностаемъ, и мурашкою. Царь Афромей перескакивалъ чистыя поля гнѣдымъ туромъ, темныя лѣса соболемъ, а быстрыя рѣки перелетывалъ соко-

(1) Краледв. Рук. пер. Берха стр. 3.

ломъ (1). Богатырь Потокъ завидѣлъ на тихихъ заводяхъ *бѣлую лебедушку;*

Она черезъ перо была вся *золота*,
А головушка у ней увивана *краснымъ золотомъ*
И скатнымъ *жемчугомъ* усажена.
Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу

— хочетъ стрѣлять по лебеди.

Провѣщится ему лебедь бѣлая:
«Не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую»...
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей.

Когда отправился Потокъ — богатырь въ Кіевъ, красная дѣвица (Авдотья *Лиховидьевна*) полетѣла, за нимъ бѣлою лебедушкой. Потокъ на ней женился, и когда жена его умерла, помазалъ ея тѣло головою *огненнаго змѣя,* послѣ чего она тотчасъ ожила.

Пѣсня о Добрынѣ — богатырѣ разсказываетъ: молодая Марина, *любовница змѣя Горынчища*, обернула девять богатырей быками (турами), а десятаго — Добрыню — гнѣдымъ туромъ — золотые рога. Сама Марина похвалялася:

А и нѣтъ меня *хитрѣе, мудрѣя.*

Но сыскалася *кумушка* и похитрѣе и помудренѣе Марины; «я не хвастаю, сказала она, а хочешь ли оберну тебя сукою.» Марина поспѣшила обернуться касаточкой, полетѣла въ чистое поле и оборотила Добрыню снова добрымъ молодцемъ. По сказанію народной пѣсни *чародѣйка* Марина Мнишекъ обернулася сорокою и улетѣла изъ царскихъ палатъ (2).

---

(1) Древн. Рос. Стих. стр. 47, 50—51, 142.

(2) ibidem. стр. 217 — 218, 223—224, 66—69, 164. См. сказки о Царевнѣ — лягушкѣ, о семи Семіонахъ; см. Вѣстн. Евр. 1821 т. стр. 194 — 195.; Русс. Вѣстн. 1841 г. № 1. стр. 37. Въ одной

Приведенныя нами свидѣтельства Слова о полку и старинныхъ пѣсенъ связываютъ превращенія именно съ тѣми лицами, которымъ въ языческую эпоху принадлежало главное совершеніе религіозныхъ игръ и обрядовъ: съ князьями и княгинями, пѣвцами, чародѣями и чародѣйками. Такъ Всеславъ былъ рожденъ отъ волхованія; Волхъ Всеславьевичъ, именемъ своимъ, указываетъ на чародѣйный смыслъ его подвиговъ; когда онъ родился, то состряслося все царство Индѣйское; Авдотья Лиховидьевна и Марина обѣ чародѣйки; одна любовница огненнаго змѣя, другая силою этого змѣя оживаетъ; Марина дѣлаетъ чары и произноситъ заговоръ на любовь.

Откуда родилась вѣра въ обращенія? — Вопросъ чрезвычайно важный. Народныя преданія и повѣрья ставятъ въ близкое соотношеніе съ обращеніями *появленіе мертвецовъ*. По Сербскому повѣрью *мертвецы* выходятъ *по ночамъ* изъ могилъ и *сосутъ кровь* у живыхъ людей, во время ихъ сна, отъ чего многіе умираютъ (1). Колдуны и вѣдьмы также встаютъ изъ могилъ и бродятъ послѣ смерти; они также сосутъ кровь изъ живыхъ людей; отъ того ихъ смѣшиваютъ съ *упырями*, извѣстными на Украйнѣ и у Славянъ южныхъ (2). Нѣкоторые увѣряютъ, что *коровья смерть* есть оборотень, который принимаетъ образъ *черной* коровы и гуляетъ вмѣстѣ съ стадами, напуская на

пѣснѣ поется: «обернуся я, превращуся я бѣлой лебедью.» Обычныя сравненія въ пѣсняхъ съ лебедушкой, сизымъ орломъ, яснымъ соколомъ, кукушкою, голубушкою. (Бодянск. О Нар. поэз. Слав. пл. стр. 118).

(1) Вѣстн. Евр. 1829 г. № 24 стр. 234—255. Иллюстр. годъ 1. стр. 415: статья Даля. Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Декабря стр. 205 и дал. (о вампирахъ, варколакахъ караконжалахъ).

(2) Малорос. Словарь (Тр. Об. Любит. Рос. Слов.): *упырь* — природный колдунъ, человѣкъ *съ хвостомъ*, стр. 320.

нихъ порчу и моръ. Наконецъ, существуетъ повѣрье, что *оборотень есть дитя, умершее некрещеннымъ, или вѣроотступникъ, душа котораго нигдѣ на томъ свѣтѣ не принимается.* На сѣверѣ Россіи оборотня называютъ *кикиморою*; въ другихъ мѣстахъ кикимора признается младенцемъ, похищеннымъ нечистою силою (1). Смерть для язычника не прекращала существованія совершенно; она только измѣняла это существованіе. Славянинъ—язычникъ вѣрилъ, что мертвецы продолжали жить, по иною жизнію, загробною. Умершій дѣлался достояніемъ смерти (Мороны); трупъ его обезображивался предсмертными страданіями и подлежалъ распаденію. Вотъ почему мертвецы становятся преданіями въ двоякія отношенія къ живымъ. Если они съ одной стороны и по смерти, сочувствуютъ интересамъ своей семьи, своего рода; то съ другой вообще завидуютъ живымъ и ихъ наслажденіямъ, стараются пугать людей и даже вредить имъ. Души умершихъ, по языческимъ представленіямъ, носились надъ могилами въ образѣ блуждающихъ огоньковъ, летали вмѣстѣ съ птицами по деревьямъ, (2) и вообще оставались въ томъ же мірѣ, въ какомъ жилъ и человѣкъ живой; такое неопредѣленное состояніе душъ по смерти говоритъ о томъ, что у нашихъ Славянъ въ язычествѣ понятія о загробной жизни не успѣли еще установиться. Впослѣдствіи, въ эпоху христіанскую родилось повѣрье, что только души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія или заспанныхъ матерями, также души выкидышей (3) и вѣроотступниковъ лишены по смерти пристанища и блуждаютъ

(1) Иллюстр. годъ 1. стр. 299.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 39 (чернокн.) Бусл. О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 71—72.

(3) *Игоша* — выкидышъ, еще необразовавшійся младенецъ; а потому представляется безъ рукъ и ногъ. Припомнимъ еще вѣрованія о русалкахъ и мавкахъ.

по міру. Представлять души внѣ опредѣленныхъ матеріальныхъ формъ Славянинъ — язычникъ не могъ, потому что форма для его грубаго и малоразвитаго созерцанія была главнѣе всего; безъ формы онъ не въ силахъ былъ ничего представить. Какіе же образы долженъ былъ придать Славянинъ умершимъ? Другихъ образовъ онъ не могъ дать кромѣ тѣхъ, какіе видѣлъ и зналъ въ окружающей природѣ. Мертвецы, какъ достояніе темной силы смерти, представляются въ образахъ необыкновенныхъ, пугающихъ все живое: при созданіи этихъ образовъ фантазія народная обращалась къ природѣ внѣшней. Сверхъ того, міръ мертвецовъ есть міръ таинственный, міръ темныхъ, невидимыхъ силъ; все въ немъ должно было представляться неопредѣленнымъ, неустановившимся. Отъ того мертвецамъ стали придавать самыя разнообразныя формы; изъ одной формы они могли переходить въ другую, изъ другой въ третью и такъ далѣе Отсюда родилось вѣрованіе въ оборотней, принимающихъ образы различныхъ животныхъ, и въ переселеніе душъ. Оборотень, какъ жилецъ другаго міра, подвластнаго Смерти, считается недобрымъ духомъ, предвѣстникомъ бѣдъ. Онъ не иначе является, какъ на бѣгу или на лету — мелькомъ, съ кошачьимъ крикомъ или воемъ, а иногда подкатывается клубкомъ, клочкомъ сѣна и комомъ снѣга. Оборотень мечется человѣку подъ ноги и перебѣгаетъ ему дорогу; онъ измѣняетъ видъ свой во что̀ вздумаетъ, перекидываясь въ кошку, собаку, сову, пѣтуха, ежа, камень, копну и проч.; въ лѣсу встрѣчали его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ. Днемъ его рѣдко удается видѣть: онъ любитъ проказить *въ сумерки и ночью*; тогда въ глазахъ прохожаго онъ нерѣдко принимаетъ нѣсколько разъ то тотъ

образъ, то другой (1). Очевидно, что съ явленіемъ оборотней по ночамъ и въ сумерки, т. е. во время владычества темныхъ силъ, смѣшалось представленіе, основанное на дѣйствительномъ наблюденіи. Кто не знаетъ, что въ полумракѣ и въ темнотѣ всѣ предметы для глаза принимаютъ различныя фантастическія формы, которыя съ каждымъ шагомъ прохожаго видоизмѣняются. На Украйнѣ народъ думаетъ, что человѣкъ можетъ быть попеременно: муравьемъ (насѣкомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою и снова человѣкомъ (2): видимый остатокъ отъ древней вѣры въ переселеніе душъ. Душа человѣка совершала кругъ, переходя всѣ формы животнаго царства; но она могла также переходить и въ растенія: въ тополь, яворъ и др. (3). Мертвецы свободно могутъ выходить изъ своихъ могилъ и вредить живымъ, нанося ихъ хозяйству разстройство или высасывая у спящихъ кровь. Послѣднее повѣрье о высасываніи крови мертвецами (упырями) родилось изъ представленія, соединяемаго съ Смертью: вѣчно-голодная она ненавидитъ жизнь и стремится пожирать все живое; похищая людей и животныхъ, Смерть оставляетъ одни холодные и безжизненные трупы; кровь ихъ она высасываетъ, и этимъ только насыщаетъ себя. Такое представленіе было потомъ перенесено и на мертвецовъ. Чтобы отвратить гибельное вліяніе мертвецовъ, простолюдины вбиваютъ имъ между лопатокъ въ спину *осиновый колъ* (4).

---

(1) Иллюстр. годъ 1. стр. 299.

(2) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 152.

(3) Москв. 1850 г. статья Бусл., Объ эп. выр. Укр. поэзіи.

(4) *Осина* въ язычествѣ имѣла благое значеніе, какъ дерево, исполненное избытка жизни: листья ея всегда дрожатъ, колеблются, *разговариваютъ* между собою. Отъ того дерево это почиталось особенно спасительнымъ противъ всякой нечистой силы (осиною прогоняютъ коровью смерть, её употребляютъ при народномъ

Главнымъ образомъ выходъ изъ могилъ суевѣріе приписываетъ колдунамъ и вѣдьмамъ, которые и умираютъ не такъ, какъ обыкновенные люди. Когда умираетъ вѣдьма, то вся природа выражаетъ свою печаль: земля трясется, звѣри воютъ, скотъ на дворъ нейдетъ, отъ воронъ отбою нѣтъ, въ избѣ все — не на мѣстѣ. Душа вѣдьмы и колдуна (или знахаря) долго не хочетъ растаться съ тѣломъ; чтобы облегчить ея выходъ изъ тѣла—разбираютъ уголъ крыши и вынимаютъ изъ потолка доску (1). Такое повѣрье объясняется только тѣмъ великимъ жреческимъ значеніемъ, какое имѣли вѣдуны и вѣдьмы: ихъ заклинаніямъ были покорны самыя божества: они *доили* свѣтлыя божества и повелѣвали посредствомъ чаръ нечистою силою (2). Въ народѣ существуетъ любопытный разсказъ о томъ, что три молодыя дѣвицы — сестры повѣдмились, совершали чудныя дѣла, и что по смерти, *души ихъ горятъ на небѣ яркими звѣздами* (3). Души колдуновъ и вѣдьмъ, и по смерти, должны были сохранить свое могущество.

Но если при смерти душа отдѣляется отъ тѣла навсегда; то при жизни она по мнѣнію народному можетъ отдѣляться отъ него на время: кромѣ *смерти* существуетъ еще *обмиранье*. Обмираньемъ называютъ припадокъ, извѣстный подъ именемъ летаргическаго сна. Народъ

врачеваніи отъ лихоманки и паралича; она все въ домѣ споритъ). (См. Иллюстр. годъ 1, стр. 250. Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. III, стр. 79. ч V. стр. 75. ч. VI. стр. 101). Въ христіанскую эпоху родилось повѣрье, что на осинѣ удавился Іуда, и потому она вѣчно колеблется. Вообще, всѣ указанія на благое значеніе того предмета, который въ христіанскую эпоху сдѣлался нечистымъ, должно считать вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ старины языческой.

(1) Сахар. Ск. Рус Н. т. 2. стр. 45—46. Иллюстр. годъ 1. стр 415. Только вѣдьмы могутъ купаться съ русалками. (Терещ. ч. VI. стр. 132).

(2) Верещаг. Очерк. Архапг. губ. стр. 187.

(3) Ск. Рус. Нар. Сахар. т. 2 стр. 62 — 63.

думаетъ, что въ этомъ состояніи душа улетаетъ изъ тѣла, странствуетъ въ другомъ мірѣ, видитъ и рай и адъ, а потомъ снова возвращается въ прежнее тѣло. (1). Обмиранье главнымъ образомъ приписываетъ суевѣріе колдунамъ и вѣдьмамъ; ихъ *вѣщія* души, отдѣляясь отъ тѣла, могутъ сообщаться съ таинственнымъ міромъ, ожидающимъ человѣка по смерти, съ священными странами боговъ свѣтлыхъ и темныхъ; тамъ душа вѣдьмы или колдуна узнаетъ все чудесное: и прошедшее, и будущее, и волю боговъ, и тайны языческой религіи; тамъ она получаетъ даръ вѣдѣнія и предвѣщаній (2). *30 Іюля*, по народному повѣрью, вѣдьмы *обмираютъ, опившись молокомъ;* слѣдов. обмиранье тѣсно связывается съ доеніемъ коровъ. Только при совершеніи религіозныхъ обрядовъ, силою той же мольбы, которая вызываетъ всеоплодотворяющую влагу, душа вѣдуна и вѣдьмы можетъ исполниться дара предвѣдѣнія и предвѣщаній. При языческихъ игрищахъ и жертвенныхъ пирахъ вѣдунъ и вѣдьма впадали въ состояніе иступленное, въ которомъ произносили предсказанья и заговоры. Это подтверждается самымъ характеромъ языческихъ празднествъ и тѣмъ повѣрьемъ, что заклинатель, произнося заговоръ, самъ *разслабѣваетъ, теряетъ силы* (3).

---

(1) Любопытный народный разсказъ о обмираньи см. въ Москв. 1846 г. № 11 и 12 стр. 155. (Преданья собран. Кулѣшемъ). Душа человѣка, тоскующаго въ разлукѣ по другѣ, можетъ вызвать къ себѣ душу своего любимца, какъ бы далеко онъ ни находился: *душа чутка*. (Кіевлян. ч. 1. стр. 213. Малоросс. разсказ. Кулѣша).

(2) Вспомнимъ кстати повѣрье о томъ, что вѣдьмы летаютъ на Лысую гору *на думѣ спящаго человѣка*.

(3) Малос. и Червонорус. нар. думы и пѣсни стр. 99 — 100. Когда вѣдьма обмираетъ, то должно жечь ея пяты соломою; тогда она очнется. Вспомнимъ поговорку: « душа въ пятки ушла. » Солому палили въ честь умершихъ (см. Стоглав.) Огонь очищаетъ отъ всякой нечистой силы (смерти и болѣзни). Кликуши, женщины — *испорченныя колдунами* и *вѣдьмами, кричатъ голосами разныхъ живот-*

Душа, отдѣлившаяся отъ тѣла, могла и должна была принимать разнообразныя формы. Объ этомъ находимъ положительное свидѣтельство у Экзарха Болгарскаго: « се же есть первое: *тѣло свое хранитъ* « *мертво и летаетъ* орломъ и ястребомъ и врономъ и « дятлемъ, *рыщутъ* лютымъ звѣремъ и вепремъ ди- « кимъ, волкомъ, *летаютъ* зміемъ, *рыщутъ* рысію и « медвѣдемъ » (1). Такимъ образомъ душа колдуна и вѣдьмы могла принимать разнообразныя формы. При дальнѣйшемъ развитіи вѣрованій, при ихъ затемнѣніи, не только душа колдуна могла принимать различные образы; но колдунъ и вѣдьма могли по произволу измѣнять свой видъ и оборачиваться въ различныхъ животныхъ и различные предметы, не отдѣляя своей души отъ тѣла. Крестьяне увѣряютъ, что не рѣдко случалось — снимая шкуру съ убитой волчицы или медвѣдицы — находить подъ нею бабу въ сарафанѣ (2).

Мало того: не только колдуны и вѣдьмы сами могутъ оборачиваться; они присвоили силу оборачивать и другихъ: явились оборотни невольные, вслѣдствіе злобы вѣдуна или вѣдьмы. Такія повѣрья, очевидно, позднѣйшаго образованія. Народъ вѣритъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ сдѣлать его оборотнемъ, а потому имя данное при крещеніи, надо скрывать, называясь другимъ. Часто, по злобѣ, колдуны оборачивали своихъ знакомыхъ въ разныя животныя; на Украйнѣ такихъ оборотней

ныхъ и *пророчатъ* о гнѣвѣ Божіемъ и скоромъ свѣтопреставленіи (Иллюстр. годъ 1. стр. 203).

(1) Экзархъ Болгарск. стр. 211.

(2) Абевега стр. 80. Иллюстр. годъ 1, стр. 415. Статья Даля. Вѣдьма любитъ обращаться въ сороку. Одинъ старикъ поймалъ такую сороку за хвостъ; но она вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ старика осталась женская сорочка. (Описан. Олонецк. губ. стр. 190 — 191. соч. Дашкова).

называютъ *вовкулаками* т. е. обращенными въ волка, потому что всего чаще вѣдьмы и колдуны обращаютъ въ это животное. Одна вѣдьма обратила волкомъ своего сосѣда, который въ послѣдствіи, когда возвратился въ прежнее состояніе, разсказывалъ, что подружился съ однимъ волкомъ и ходилъ съ нимъ на добычу, что хотя и чувствовалъ себя человѣкомъ, но вылъ по-волчьи. Человѣкъ, обращенный колдуномъ или вѣдьмою въ волка, приближаясь къ людямъ, жалостливо смотритъ на нихъ; мяса, которое ему даютъ, не ѣстъ, а кусокъ хлѣба пожираетъ съ жадностію (1).

Теперь необходимо обратить вниманіе на двѣ стороны даннаго вопроса: 1) какими *средствами* совершается обращеніе и 2) какіе *образы* преимущественно избираютъ колдуны и вѣдьмы при своихъ обращеніяхъ?

Для того, чтобы *оборотиться*, вѣдьмы употребляютъ *чародѣйныя мази*, приготовляемыя изъ сока травъ. Силою превращеній главнымъ образомъ обладаетъ трава *тирличъ*, которая достается въ удѣлъ однѣмъ вѣдьмамъ и колдунамъ; изъ этой травы онѣ выжимаютъ сокъ, и когда пожелаютъ оборотиться, то натираютъ этимъ сокомъ у себя подъ мышками. Вмѣсто мазей и сока тирлича, — колдуны и вѣдьмы, желая оборотиться, *ударяются о землю* или *кувыркаются черезъ голову и черезъ двѣнадцать ножей* (2). Мать-сыра-земля подаетъ силу всякому, кто о нее ударится: ножъ — ору-

---

(1) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 152.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 43. Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 30, 38. Иллюстр. годъ 1. стр. 299, 415. Вѣстн. Евр. 1828 г. № 5 и 6 стр. 90. Тр. Об. Л. Рос. Сл. ч. 3. стр. 90 См. лубошн. сказки: о сѣромъ волкѣ, о царь-дѣвицѣ и др. Москв. 1846 г. № 11 и 12. стр. 152.

діе жертвенное. Отсюда видно, что превращенія совершались силою тѣхъ таинственныхъ чаръ, которыя, по характеру своему, принадлежали къ древнимъ языческимъ обрядамъ, и имѣли значеніе символическое. Въ народныхъ сказкахъ сохранилось даже свидѣтельство, что при обращеніи произносился *заговоръ:* « схватила Марина Добрыню за бѣлы руки, бросала « его отъ полу *до печи*, отъ стѣны до *большаго угла* « *и нашептывала заклинанье великое и оборачивала* его « туромъ » (1).

Главные образы, въ которые обращаются и колдуны и вѣдьмы: туръ и корова, соболь, собака, кошка, волкъ и волчица, медвѣдь и медвѣдица, вепрь и свинья, сова, змѣй, копна сѣна, клубокъ нитокъ, комъ снѣга и камень; кромѣ того, колдуны обращаются еще: соколомъ, соловьемъ, пѣтухомъ, орломъ, ястребомъ, дятломъ, ворономъ, оленемъ, горностаемъ, рысью и др.; а вѣдьма: лебедью, ласточкою, кукушкою, сорокою и др. (2). Пѣсни, сказки и древнѣйшіе памятники, говоря о превращеніяхъ, прибавляютъ чрезвычайно знаменательные эпитеты; такъ напр. колдунъ оборачивается: въ *гнѣдаго* тура (или оленя) — *золотые рога*, въ *сѣраго* волка, *яснаго* сокола (въ пѣсняхъ: « *свѣтъ ясенъ соколъ* »), *золотогриваго* коня; вѣдьма оборачивается въ сороку *бѣлобоку*, въ лебедь *бѣлую* съ *золотыми* перьями (3). Всѣ эти эпитеты указываютъ на тѣсную связь обращающихся лицъ съ служеніемъ божествамъ *свѣтлымъ*, *чистымъ*. Тоже

---

(1) Нар. сказки, изд. Сахаров. стр. 30, 33 — 36.

(2) Абевега стр. 79. Рус. въ св. посл. ч. 2. стр. 34. См. выше предыдущія ссылки.

(3) Самое слово *лебедь* означаетъ *бѣлый*, *свѣтлый*, *прекрасный* (Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 33, 44 — 45).

подтверждается и старинными преданіями о другихъ животныхъ, въ образы которыхъ обращаются колдуны и вѣдьмы. Такъ пѣтухъ — птица, посвященная *солнцу* и *очагу;* вмѣстѣ съ лебедемъ, пѣтухъ составлялъ необходимое свадебное кушанье; вѣщій воронъ — приноситъ *живую и мертвую воду;* сова *видитъ ночью;* рысь имѣетъ быстрое *зрѣніе*, а орелъ можетъ *смотрѣть на самое солнце;* ласточка — птица, предвѣщающая *весну;* кукушка — птица *вѣщая*, *предсказывающая будущее;* змѣй (1), быкъ и корова — образы, въ которыхъ народная фантазія олицетворяла языческія божества; въ свадебныхъ пѣсняхъ о невѣстѣ говорится, что она «взошла *соболемъ*, *освѣтила* всѣхъ *солнцемъ*» (2). Съ обращеніемъ въ ястреба, сокола и волка соединяется понятіе быстроты и силы, а съ обращеніемъ въ рысь, сову, орла и кукушку — понятіе предвидѣнія и предвѣщаній. Эта сила и быстрота принадлежала языческой чародѣйственной мольбѣ, которая быстро возносилась къ божествамъ и вызывала ихъ на ниспосланіе даровъ; это предвидѣніе и эти предвѣщанія составляли одно изъ главнѣйшихъ знаній, принадлежащихъ вѣдунамъ и вѣдьмамъ. Припомнимъ, въ какихъ образахъ Слово о полку выражаетъ чародѣйное значеніе Бояновыхъ пѣсенъ.

Послѣ разсмотрѣнія преданій о превращеніяхъ вѣдьмъ и колдуновъ, становится понятнымъ, почему народъ представляетъ вѣдьму съ хвостомъ, а колдуна съ рогами (3): эти признаки, усвоенные вѣдьмѣ и

---

(1) См. выше о связи вѣдьмъ съ огненнымъ змѣемъ.

(2) Медвѣдя водятъ для усмиренія домоваго; когда олень обмокнетъ ногу или хвостъ въ воду, съ того времени начинается осень, баба-яга даетъ богатырю клубокъ, который показываетъ ему путь.

(3) Терещ. Бытъ Рус. нар. ч. VI. стр. 102. Макар. Рус. пред. ч. 2. стр. 103 и дал. Вѣдьма не можетъ скрыть своего хвоста во всѣхъ превращеніяхъ.

колдуну, какъ признаки отличительные, заимствованы народною фантазіею отъ главныхъ обращеній. Особенно важное обращеніе въ образы тура и коровы оставило эти предикаты колдунамъ и вѣдьмамъ, какъ служителямъ языческихъ боговъ.

Въ христіанскую эпоху и колдуны и вѣдьмы подверглись сильному стѣсненію; извѣстно нѣсколько примѣровъ о сожженіи « вѣщихъ жонокъ » и кудесниковъ. Противодѣйствіе колдунамъ и вѣдьмамъ тѣмъ болѣе было необходимо, что они сами стали во враждебныя отношенія къ новому ученію, открыто хулили христіанство и возбуждали народъ противъ духовенства (1). Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ создалось въ народѣ убѣжденіе о враждебномъ и грѣховномъ значеніи вѣдуновъ и вѣдьмъ, о связи ихъ съ нечистою силою; а вмѣстѣ съ тѣмъ создались и новые обряды, направленные противъ ихъ зловреднаго вліянія. Въ заговорахъ стали испрашивать защиты отъ « бабьихъ зазоръ, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи вѣдуньи, отъ вѣдьмы Кіевской и злой сестры ея Муромской » (2).

---

(1) См. о волхвахъ въ П. С. Лѣт. т. 1.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 19. т. 2. стр. 43 — 46. Иллюстр. годъ 1. стр. 415.

А. Аѳанасьевъ.

ДВА ОТРЫВКА

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ АРТИСТА

М. С. Щепкина.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ.

Въ исходѣ пятаго года моего возраста, чтобъ я не баловался, отдали меня учиться грамотѣ къ Никитѣ Михайловичу, фамиліи настоящей его не знаю, а носилъ онъ другую, которую не могу сказать; ибо она смѣшивается съ такимъ именемъ, что никакъ не прилично выразить. Съ этого времени, хотя еще и не довольно ясно, но начинаю кое-что помнить изъ моего дѣтства. Помню, что я каждый день ходилъ въ школу, что у меня были еще два товарища — дѣти Никиты шинкаря, — Гаврило и Никита, что у учителя была дочь — Надёжка, что учился я весьма легко и быстро; ибо, едва мнѣ сравнялось шесть лѣтъ, какъ я уже всю премудрость выучилъ, т. е.,—азбуку, часословъ и псалтырь: этимъ обыкновенно тогда и оканчивалось все ученіе, изъ котораго мы, разумѣется, не понимали ни слова, а пріобрѣтали только способность бѣгло читать церковныя книги. Помню, что при перемѣнѣ книги, т. е., когда я окончилъ азбуку и принесъ въ школу въ первый разъ часословъ, то тутъ-же принесъ горшокъ молочной каши, обернутый въ бумажный пла-

токъ, и полтину денегъ, которая, какъ дань, слѣдуемая за ученье, вмѣстѣ съ платкомъ вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на столъ и послѣ повторенія задовъ (въ такой торжественный день ученія уже не было), раздавали всѣмъ учащимся ложки, которыми и хватали кашу изъ горшка. Я, принесшій кашу и совершившій подвигъ, т. е., выучившій всю азбуку, долженъ былъ бить учениковъ по рукамъ, что я исполнялъ усердно, при всеобщемъ шумѣ и смѣхѣ учителя и его семейства. Потомъ, когда кончили кашу, вынесли горшокъ на чистый дворъ, поставили его по срединѣ, и каждый бросалъ въ него палкой; тотъ, кому удавалось разбить его, бросался стремглавъ уходить (бѣжать), а прочіе, изловивъ его, поочередно драли за уши. Что это за церемонія? Для чего она дѣлалась? Когда было ея начало? Ничего не знаю и не могу сказать. Помню только, что по окончаніи часослова, когда я принесъ новый псалтырь, опять повторилась таже процессія, и что кромѣ меня, разъ еще принесъ кашу Никишка, когда кончилъ часословъ, надъ которымъ я и засталъ его: — оба брата, Никита и Гаврило учились очень тупо. Помню, что ихъ драли немилосердно, хоть толку отъ этого не было никакого; я же, напротивъ, удивлялъ своею остротою, такъ что учитель не успѣвалъ задавать мнѣ уроки.

Когда я окончилъ псалтырь, то отецъ мой, зная, что учитель мой не способенъ болѣе учить ничему, писалъ въ Бѣлгородъ къ знакомому, очень ученому священнику (который когда-то, бывши еще студентомъ, училъ сына графа В.), и спрашивалъ, что̀ онъ возьметъ за мое ученье. Между тѣмъ, во время долгой переписки, я долженъ былъ всякій день ходить въ школу протверживать зады. Помню, что это мнѣ

ужасно надоѣдало; я наконецъ сталъ протверживать съ такою быстротою, что только и слышно было: «*Блаженъ мужъ*», — а дальше ужъ никто не могъ разобрать ни слова. Такимъ образомъ, чрезъ четверть часа, я оканчивалъ все, что было задано читать и отправлялся гулять въ лѣсъ съ ребятишками, оставляя учителя весьма довольнымъ своимъ ученикомъ. Учитель часто ставилъ меня въ примѣръ другимъ ученикамъ, говоря: » отъ, — якъ бы и вы такъ учились, якъ Мышка, то и вы пійшлы-бъ теперь гулять.» Обыкновенно въ лѣсу я прогуливалъ до обѣда; ибо твердо зналъ, что еслибы изъ школы пришелъ домой, то меня не пустили бы бѣгать по лѣсу. Наконецъ, какъ-то отцу моему стало извѣстно о краткомъ способѣ моего повторенія, и потому онъ строго запретилъ мнѣ выходить изъ школы, пока не кончится общее ученіе; но я на другой же день, кажется, забылъ его приказаніе. Отецъ же мой, которому изъ своего дома видна была школа, нарочно наблюдалъ за мною, и какъ скоро увидѣлъ, что я навострилъ лыжи въ рощу, отправился и самъ туда, наломавъ дорогой добрый пучекъ розогъ, и, найдя меня, препорядочно выпоролъ. По окончаніи экзекуціи, во время которой я кричалъ во все горло, притащилъ онъ меня въ школу, разбранилъ учителя, что онъ не смотритъ за мною,—что ребенокъ совсѣмъ избаловался, что читать сталъ гораздо хуже, и вмѣсто того, чтобы читать — бормочетъ такъ, что ничего нельзя понять, и въ доказательство — тутъ же заставилъ меня читать. Я, получивъ уже привычку, полетѣлъ, какъ говорится, на почтовыхъ, а потому только и могли разобрать, какъ я уже сказалъ: «*Блаженъ мужъ*», а далѣе ужъ ни слова. Отецъ, остановивъ меня, велѣлъ начать сначала, но вышла таже исторія; потомъ — въ третій

разъ — все тоже. Батюшка разсердился, плюнулъ, топнулъ ногою и ушелъ, наказавъ строго учителю исправить ребенка. Гнѣвъ отца произвелъ свое дѣйствіе; ибо учитель имѣлъ школу приватно, главное же занятіе его было при винокуренномъ заводѣ, гдѣ онъ состоялъ ключникомъ у хлѣбнаго магазина; поэтому, боясь потерять это мѣсто, что совершенно зависѣло отъ воли отца моего, онъ обратилъ все вниманіе на исполненіе его желанія, и чтобы поправить зло, то, подъ обѣщаніемъ строгаго наказанія, велѣлъ мнѣ, читая, останавливаться по точкамъ. Но какъ я забывался, а болѣе потому, что половину болталъ на память, то и получалъ часто должныя награды, какъ то: скубки, удары по рукѣ линейкою; это помогало впрочемъ весьма мало. Однажды, учитель отпустилъ мнѣ двѣ очень ловкія пали, (при коихъ я взвизгивалъ, разумѣется), и примолвилъ: «адже я тоби уже казавъ, собачій сыну, щобъ ты читавъ по точкамъ!» Это значило у него — останавливаться на нихъ. Эта малороссійская фраза уже вѣковая: изъ давнихъ временъ говорилась она такъ, какъ сказана выше, почему и ко мнѣ дошла изъ устъ учителя безъ всякой перемѣны. — Учитель же мой былъ малороссіянинъ, да и весь уѣздъ населенъ былъ болѣе малороссіянами, нежели русскими. Въ отвѣтъ учителю, противъ всякаго его ожиданія, я, проливая горькія слёзы, и мотая отъ боли рукою, спросилъ у него: » да для чего же останавливаться по точкамъ?» При семъ вопросѣ, учитель мой остолбенѣлъ: въ первый разъ услышалъ онъ такой вопросъ въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, обучая юношество грамотѣ, — и до того смѣшался и разсердился на такой дерзкій и вольнодумный вопросъ, что долго не отвѣчалъ на него. Но разсудивъ потомъ, что такія слова не могли излиться изъ устъ такого малаго

и притомъ умнаго ребенка, и что, конечно, нечистый духъ внушилъ мнѣ ихъ, — онъ сотворилъ крестное знаменіе и сказалъ мнѣ: » Тютю — дурный! Чи ты не знаешь, що ты сказавъ? » Я, ничего не понимая, повторилъ сквозь слёзы: « я говорю, для чего останавливаться по точкамъ? » Тутъ онъ, видя моё невѣденіе, и увѣрясь, что такой вопросъ сдѣланъ мною безъ всякаго злаго намѣренія, смягчилъ голосъ и сказалъ: «дурный, дурный! хибажъ ты не знаешь, что книги такъ ужъ и писаны, щобы, читая ихъ, останавливались по точкамъ, и що вси праведные ихъ такъ читали?» Ничего непонимая, я опять спросилъ: « да для чего же это нужно? » Не умѣя дать лучшаго поясненія, онъ началъ мнѣ толковать: «адже тоби не можно прочитать всего псальма однимъ духомъ, то треба и отдыхнуть; отъ для того святые и праведные, которые сіе писали, нарокомъ и поставили точки. А тыбъ-то, дурный, думавъ, що воны поставили ихъ дарма? » И онъ очень былъ доволенъ, что растолковалъ мнѣ такъ ясно, что болѣе, казалось, нечего было и говорить. Но къ крайнему его изумленію я и тутъ нашелъ кой-что для себя не понятнымъ и ворча все еще, сквозь слёзы сказалъ: » помилуйте! да это быть не можетъ! Вотъ посмотрите, какъ точки разставлены: вотъ тутъ (указывая на книгу)—отъ точки до точки — три слова, а тутъ — цѣлыхъ десять строкъ, а ихъ нельзя проговорить однимъ духомъ; — такъ это быть не можетъ, чтобъ онѣ были поставлены для отдыха. » Учитель, видя что злой духъ совершенно овладѣлъ мною (ибо не можетъ быть, чтобъ безъ его наущенія, такой умный ребенокъ не понялъ того, что, по его мнѣнію, онъ растолковалъ такъ ясно), а потому, не желая входить въ состязаніе съ сатаною, какъ онъ говорилъ, отпустилъ онъ мнѣ въ голову по-

рядочную тукманку, говоря :» колы ты тымъ точкамъ не вѣришь, такъ отъ тоби точка, — отъ сей, мабуть, повѣришь; и колы ще будешь пытати, то я тоби, для поясненія, таку задамъ жарёху, що зъ недѣлю будешь заглядывать ! » Послѣ такого сильнаго доказательства я уже навсегда отказался отъ подобныхъ вопросовъ.

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ.

Теперь мнѣ слѣдуетъ разсказать случай, который имѣлъ сильное вліяніе на мое сценическое образованіе. Да, это былъ, такъ сказать, толчекъ, который заставилъ меня мыслить и увидать многое въ совершенно новомъ свѣтѣ.

Жилъ въ Курскѣ вельможа временъ Императрицы Екатерины II, князь И. В. М., человѣкъ, по своему вѣку, весьма образованный. Онъ зналъ много языковъ, и былъ еще художникомъ: занимался живописью, скульптурою, рѣзьбою, токарнымъ и даже слесарнымъ искусствомъ; а въ послѣдствіи князь открылъ столярню, и мебель, выходившая изъ его мастерской, отличалась своимъ изящнымъ рисункомъ. — Носился слухъ, что онъ первый началъ употреблять тогда для мебели, вмѣсто краснаго и орѣховаго дерева, березовые выплавки. Про него же говорили, что онъ былъ удивительный актеръ; но я никогда еще не видалъ его игры, хотя и зналъ его очень давно. Еще когда я былъ въ училищѣ, то на экзаменахъ онъ всегда ласкалъ меня, какъ перваго ученика.

Надобно сказать, что князю было уже лѣтъ за сем-

десятъ, но такой красивой старости я другой уже не припомню: благороднѣе лица нельзя выдумать, и притомъ въ рѣчахъ и во всѣхъ движеньяхъ его видѣнъ былъ вельможа въ полномъ смыслѣ.

Наконецъ въ 1810 году, я видѣлъ его играющаго въ Сумароковой комедіи «Приданое обманомъ» роль Салидарэ. Это было въ Юноковкѣ, въ домѣ князя Г., на домашнемъ спектаклѣ, въ которомъ участвовали также и другіе любители театра. — Надобно сказать, что въ это время я былъ уже актеромъ, лѣтъ пять уже пользовался вниманіемъ публики и получалъ самый большой окладъ жалованья — 350 р. ас. (Сорокъ лѣтъ назадъ — эта сумма была очень значительна). Не могу высказать, съ какимъ стараніемъ искалъ я случая увидать игру князя М. Наконецъ судьба подарила мнѣ этотъ случай, очень важный для меня. Вотъ какъ это было. — Такъ какъ лѣтомъ спектаклей не было, и время было для меня свободное, то я сталъ учиться рисовать, къ чему у меня всегда была наклонность. Учителемъ моимъ былъ академикъ Николай Антоновичь Ушаковъ. Въ то время портреты его работы славились необычайнымъ сходствомъ. Этому самому Ушакову сдѣлано было предложеніе пріѣхать къ князю Г., въ деревню Юноковку, для списыванія портретовъ, на что Ушаковъ очень охотно согласился. Прислана была коляска. Ушаковъ пригласилъ и меня ѣхать, и мы отправились вмѣстѣ. — По пріѣздѣ въ Юноковку мы нашли тамъ и князя М., и къ величайшему моему удовольствію узнали, что вечеромъ будетъ домашній спектакль и князь М. будетъ въ немъ участвовать. — Не могу передать теперь что̀ происходило во мнѣ въ то время въ ожиданіи спектакля. Я уже создавалъ себѣ мысленно игру его, и она представлялась мнѣ колоссальною. «Нѣтъ,» думалъ я

« игра его должна быть ужъ не нашей чета: потому что онъ не только живалъ въ Москвѣ и Петербургѣ, но бывалъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. — Да мало того,—онъ игралъ и во дворцѣ Императрицы Екатерины! Стало быть, какова же должна быть его игра!» Все это волновало меня ужасно до самаго спектакля. — Но вотъ я въ театрѣ, вотъ оркестръ заигралъ симфонію, вотъ поднялся занавѣсъ, и передо мною князь... но нѣтъ! Это не князь, а Салидаръ скупой! Такъ страшно измѣнилась вся фигура князя: изчезло благородное выраженіе его лица, и скупость скареда рѣзко выразилась на немъ. — Но что же? Не смотря на это страшное измѣненіе, мнѣ показалось, что князь играть совсѣмъ не умѣетъ. — У, какъ я торжествовалъ въ этотъ мигъ, думая: « Вотъ оно! — отъ того что вельможа, такъ и хорошо! — И что это за игра? Руками дѣйствовать не умѣетъ, а говоритъ... смѣшно сказать! — говоритъ просто, ну такъ, какъ всѣ говорятъ. Да что же это за игра? — Нѣтъ! далеко вашему сіятельству до насъ!» Однимъ словомъ, всѣ, игравшіе съ нимъ, казались мнѣ лучше его, потому что *играли*, а особенно игравшій Скопина. Онъ говорилъ съ такою быстротою, и махалъ такъ сильно руками, какъ любой, самый лучшій *настоящій* актеръ. Князь же все продолжалъ по прежнему: только странно, что не смотря на простоту его игры, что̀ я считалъ неумѣньемъ играть, въ продолженіи всей роли, гдѣ только шло дѣло о деньгахъ, вамъ видно было, что это касалось самаго больнаго мѣста души его, и въ этотъ мигъ вы забывали всѣхъ актеровъ. Страхъ смерти и боязнь разстаться съ деньгами были поразительно вѣрны и ужасны въ игрѣ князя; и простота, съ которою онъ говорилъ, — нисколько не мѣшала его игрѣ. Чѣмъ далѣе шла піеса, тѣмъ больше я увлекался, и нако-

нецъ даже усумнился, что чуть ли не было бы хуже еслибъ онъ игралъ по нашему. — Словомъ, дѣйствительность овладѣла мною и невыпустила меня уже до окончанія спектакля: кромѣ князя, я никого уже не видалъ; я, такъ сказать, приросъ къ нему. Его страданія, его звуки отзывались въ душѣ моей; каждое слово его, своею естественностію, приводило меня въ восторгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ терзало меня.—Въ сценѣ, гдѣ открылся обманъ, и Салидаръ узналъ, что фальшивымъ образомъ выманили у него завѣщаніе, — я испугался за князя; я думалъ, что онъ умретъ, ибо при такой сильной любви къ деньгамъ, какую князь имѣлъ къ нимъ въ Салидарѣ, невозможно было, потерявъ ихъ, жить ни минуты.

Піеса кончилась. Всѣ были въ восторгѣ, всѣ хохотали, а я заливался слезами, что̀ всегда было со мною отъ сильныхъ потрясеній. Все это мнѣ казалось сномъ, и все въ головѣ моей перепуталось: «и не хорошо-то князь говоритъ», думалъ я, «потому что говоритъ просто»; а потомъ мнѣ казалось, что именно это-то и прекрасно, что онъ говоритъ просто;—онъ не играетъ, а живетъ. Сколько фразъ и словъ осталось въ моей памяти, сказанныхъ имъ просто, но съ силой страсти: — я уже считалъ ихъ своими, потому что думалъ, что могу сказать ихъ также какъ онъ. — И какъ мнѣ было досадно на самаго себя: — какъ я не догадался прежде, что то-то и хорошо что̀ естественно и просто! И думалъ просебя: «постой же, теперь я удивлю въ Курскѣ, на сценѣ! Вѣдь имъ, моимъ товарищамъ, и въ голову не пріидетъ играть просто, а я тутъ-то и отличусь». Чтобъ больше сдружиться съ естественностію игры князя въ комедіи Сумарокова, не охладѣть и не утратить слышаннаго,— я тутъ же выпросилъ эту комедію переписать, и переписалъ ее не вставая съ мѣста. Изъ Юноковки я поѣхалъ въ деревню къ своимъ, и всю дорогу не вы-

пускалъ піесы изъ рукъ; по пріѣздѣ, черезъ сутки, я зналъ уже всю комедію на память. Но каково же было мое удивленіе, когда я вздумалъ говорить просто, и не могъ сказать естественно, непринужденно, — ни одного слова. Я началъ припоминать князя, сталъ произносить фразы такимъ голосомъ, какъ онъ, и чувствовалъ, что хотя и говорилъ точно такъ, какъ онъ, но въ тоже время не могъ не замѣчать всей неестественности моей рѣчи; а отъ чего это выходило — никакъ не могъ понять. Нѣсколько дней сряду я уходилъ въ рощу, и тамъ съ деревьями игралъ всю комедію; но тутъ же понималъ, что игралъ также, какъ и прежде, а уловить простоту и естественность, какими обладалъ князь — не могъ. Все это приводило меня въ отчаяніе. Мнѣ никакъ не приходило въ голову, что для того, чтобъ быть естественнымъ, прежде всего должно говорить своими звуками, и чувствовать по своему, а не передразнивать князя. Послѣ долгихъ трудовъ, я упалъ духомъ, и пришелъ къ такой мысли, что мнѣ никогда не достигнуть простоты въ игрѣ. — Я было отказался отъ своихъ напрасныхъ трудовъ, но мысль объ естественной игрѣ уже заронилась въ моей головѣ, и когда, къ зимѣ, я пріѣхалъ въ Курскъ, и начались спектакли, то эта мысль ни на минуту меня не оставляла, и не взирая на всѣ неудачи, я опять старался искать естественности. Долго-долго она мнѣ не давалась; но случай помогъ мнѣ, и тогда уже твердою ногой пошелъ я по этой дорогѣ, хотя привычки старой игры много и долго мнѣ вредили.

Случай этотъ состоялъ вотъ въ чемъ. Какъ-то была репетиція Мольеровской комедіи — «Школа мужей,» гдѣ я игралъ Сганареля. Такъ какъ ее много репетировали — и это мнѣ наскучило, да и голова моя была занята въ то время какими-то пустяками, то я велъ

репетицію, какъ говорится, неглиже: не игралъ, а только говорилъ, что слѣдовало по роли, (роли мои я училъ всегда твердо), и говорилъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. И что же? я почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ просто, и такъ просто, что еслибъ не по піесѣ, а въ жизни мнѣ пришлось говорить эту фразу, то сказалъ бы ее точно также. И всякій разъ, какъ только мнѣ удавалось сказать такимъ образомъ — я чувствовалъ наслажденіе, и такъ мнѣ было хорошо, что къ концу піесы я уже началъ стараться сохранить этотъ тонъ разговора. — И тогда все пошло на выворотъ. Чѣмъ больше я старался, тѣмъ выходило хуже; потому что переходилъ опять въ обыкновенную свою игру, которой уже не удовлетворялся, потому что въ тайнѣ смотрѣлъ на искусство другими глазами. Да, въ тайнѣ! Еслибъ я высказалъ зародившуюся во мнѣ мысль, то меня бы всѣ осмѣяли. Эта мысль была такъ противоположна господствовавшему мнѣнію, что товарищи мои къ концу піесы осыпали меня похвалами, потому что я *стараніемъ* попалъ въ общую колею, и игралъ также, какъ и всѣ актеры, и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, — лучше всѣхъ. Припомню, сколько могу, въ чемъ состояло, по тогдашнимъ понятіямъ, превосходство игры: его видѣли въ томъ, когда никто не говорилъ своимъ голосомъ, когда игра состояла изъ крайне-изуродованной декламаціи, — слова произносились какъ можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно въ роляхъ любовника — декламировали такъ страстно, что вспомнить смѣшно; — слова: любовь, страсть, измѣна выкрикивались такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ; но игра физіономіи не помогала актеру, — она оставалась въ томъ же натянутомъ, неестественномъ положеніи, въ какомъ являлась на сцену. Или еще, — когда, напримѣръ, актеръ оканчи-

валъ какой нибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то принято было въ то время за правило — поднимать правую руку вверхъ, и такимъ образомъ удаляться со сцены. Кстати по этому случаю, я вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ товарищей: однажды онъ, окончивши тираду, и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку: что же? На половинѣ дороги, онъ рѣшился поправить свою ошибку, и торжественно поднялъ эту завѣтную руку. — И это все доставляло зрителямъ удовольствіе! Не могу пересказать всѣхъ нелѣпостей, какія тогда существовали на сценѣ — это скучно и безполезно. Между прочимъ, во всѣхъ нелѣпостяхъ всегда проглядывало желаніе возвысить искусство: такъ, напримѣръ, актеръ на сценѣ, говоря съ другимъ лицомъ, и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену, и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой; — а публика, съ своей стороны, за такой сюрпризъ — апплодировала неистово. Вотъ чѣмъ былъ театръ въ провинціи, сорокъ лѣтъ назадъ, и вотъ чѣмъ можно было удовлетворить публику. Въ это-то время князь М., безъ желанія, указалъ мнѣ другой путь. Все, что я пріобрѣлъ въ послѣдствіи, все, что изъ меня вышло, всѣмъ этимъ я обязанъ ему, потому что онъ первый посѣялъ во мнѣ вѣрное понятіе объ искусствѣ, и показалъ мнѣ, что искусство на столько высоко, на сколько близко къ природѣ. Къ этому разсказу мнѣ остается только прибавить, что, попрошествіи 15 лѣтъ, я узналъ уже въ Москвѣ, отъ покойнаго князя А. А. Шаховскаго, что этимъ не я одинъ былъ одолженъ князю М., а весь театръ русскій, потому что князь М. первый, въ Россіи, заговорилъ на сценѣ просто, тогда какъ вся прежняя школа, школа Дми-

тревскаго состояла изъ чтецовъ и декламаторовъ. И еще узналъ я отъ князя Шаховскаго, что Дмитревскій не расположенъ былъ къ князю М. за это введеніе простоты и естественности, особенно когда онѣ начали увлекать публику и пріобрѣтать много послѣдователей.

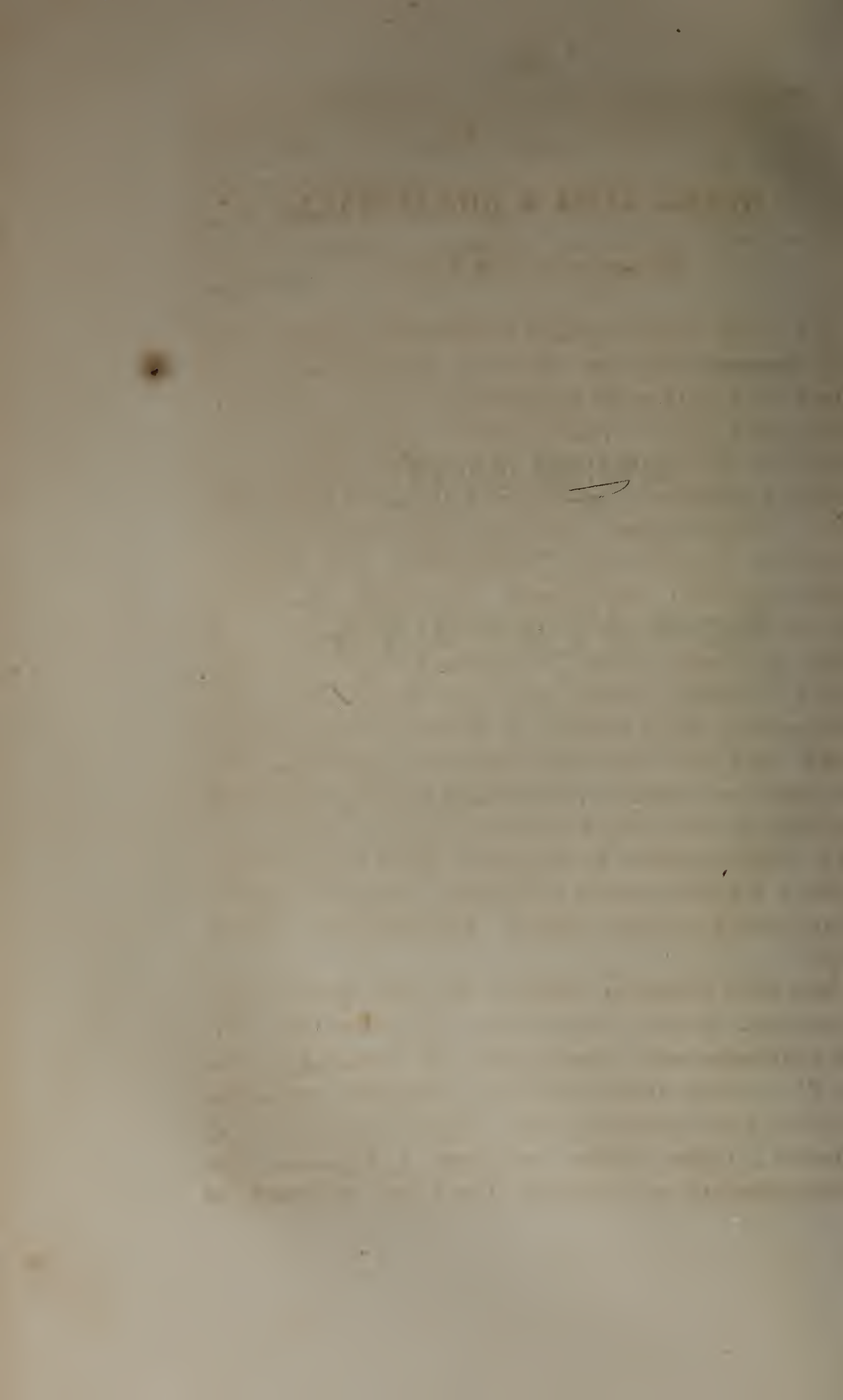
М. Щепкинъ.

ПѢСНИ ЭДДЫ

О

НИФЛУНГАХЪ.

Т. Н. Грановскаго.



ПѢСНИ ЭДДЫ О НИФЛУНГАХЪ.

(Посвящено гр. Е. В. Сальясъ).

Въ сферѣ поэзіи нерѣдко встрѣчаются произведенія, наслажденіе которыми достается читателю можно сказать съ боя, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія. Стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ подъ причудливой формы, въ которую заключило ее своеправіе художника или особенный, историческими условіями опредѣленный складъ народной мысли. Этою независимою отъ внѣшняго убора красотою внутренняго содержанія отличаются поэтическіе памятники Исландской литературы. Въ нихъ не должно искать ни изящной формы классическаго и вообще южнаго искусства, ни свѣтлаго, успокоивающаго душу взгляда на жизнь. За то въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новыхъ Европейскихъ литературъ.

Заселеніе Исландіи началось въ одно время съ разложеніемъ древняго языческаго и гражданскаго быта на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ концѣ IX-го вѣка по Р. Х. пали мѣлкія владѣнія прежнихъ конунговъ, уступая мѣсто единодержавію Эйриха упсальскаго въ Швеціи, Горма стараго въ Даніи и Гаральда прекрасноволосаго въ Норвегіи. Тогда же проникли въ

пустыни и лѣса Скандинавіи первые проповѣдники христіанства,— Св. Ансгарій и его послѣдователи. Царствованію Одина и Азовъ наступилъ конецъ. Но этотъ переломъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и привычкахъ не могъ совершиться безъ мучительной и упорной борьбы. Многочисленные приверженцы старины ушли добровольными изгнанниками отъ новаго, возникавшаго на ихъ родинѣ порядка вещей. Исландія была для нихъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Америка для гонимыхъ сектъ и мнѣній западной Европы въ XVII столѣтіи. Далекій, бѣдный дарами природы островъ (1) принялъ на свою почву не бездомныхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій закона или отъ голодной смерти, а цвѣтъ Норвежскаго и вообще Скандинавскаго племени, потомковъ древней аристократіи, ведшихъ свое происхожденіе отъ Азовъ, и не хотѣвшихъ измѣнить религіознымъ и политическимъ преданіямъ, съ которыми связано было значеніе ихъ родовъ. Они принесли съ собою въ новое отечество, вмѣстѣ съ прекраснымъ и звучнымъ языкомъ, цѣлую вымиравшую въ собственной Скандинавіи миѳологію и изумительное богатство героическихъ пѣсенъ и преданій.

Такимъ образомъ, Исландіи досталось на долю быть послѣднимъ убѣжищемъ Скандинавскаго язычества и связаннаго съ нимъ гражданскаго быта. Отрѣшенная своимъ положеніемъ отъ живаго движенія исторіи, страна въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ хранила этотъ бытъ, какъ поучительную для будущихъ поко-

---

(1) Впрочемъ не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что до X-го столѣтія климатъ Исландіи былъ мягче и почва плодороднѣе, чѣмъ теперь. Островъ, по свидѣтельству Исландскихъ сагъ, былъ покрытъ лѣсами, которыхъ въ настоящее время нѣтъ вовсе, и жители занимались земледѣліемъ. Теперь хлѣбъ не родится болѣе, а выписывается изъ Даніи.

лѣній окаменѣлость. Даже по принятіи христіанства, Исландцы оставались вѣрны обычаямъ старины. Тамошнее духовенство не принимало участія въ честолюбивыхъ стремленіяхъ римско-католической іерархіи, и предпочитало родной языкъ латинскому, сковавшему на долго самостоятельное развитіе западныхъ литературъ. Исландскіе священники не только не истребляли, по примѣру своихъ южныхъ собратій, памятниковъ языческой старины, но тщательно собирали ихъ и хранили при помощи ими же введенной азбуки. Такъ образовалась Исландская литература, главныя произведенія которой принесены были на этотъ островъ колонистами IX и X столѣтій, хранились долго въ памяти народа, и потомъ уже въ эпоху Христіанства и грамотности преданы письму. Однимъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ такаго рода считается старая Эдда, составленная въ началѣ XII вѣка изъ миѳологическихъ и эпическихъ пѣсень, записанныхъ священникомъ Семундомъ вѣщимъ. Семундова Эдда относится къ позднѣйшей поэзіи скальдовъ, отъ которой ее не всегда, должнымъ образомъ, отличаютъ (1), какъ вообще народная пѣсня относится къ искуственной поэзіи, подчиненной многосложнымъ правиламъ, и носящей на себѣ отпечатокъ личности поэта. Пѣсни Эдды, въ особенности миѳологическія, принадлежатъ самой глубокой древности. Въ нихъ Скандинавъ высказалъ вполнѣ свое воззрѣніе на жизнь боговъ и человѣка. Воззрѣніе это мрачно, какъ природа и исторія, которыя его воспитали. Поклонникъ Азовъ носитъ въ груди своей скорбное сознаніе, что боги его не вѣчны, что они такія же преходящія существа, какъ онъ самъ. Немолчно

(1) Такъ напр. Мармье называетъ Эддy « antique monument de la mythologie et de la poésie des scaldes. » Chants populaires du Nord. p. 3.

поетъ пророчица Вола о предстоящей богамъ погибели. Въ другой пѣсни Эдды (Loka-sena) злой Азъ Локи осыпаетъ прочихъ Азовъ язвительными насмѣшками и бранью. Впечатлѣніе, производимое этою пѣснію, которую многіе ошибочно принимали за позднѣйшую вставку христіанскаго монаха, глубоко трагическое. Въ ея звукахъ слышится болѣзнь языческой души, противъ воли отрѣшающейся отъ древнихъ вѣрованій, и горько сѣтующей на оставленныхъ ею боговъ за ихъ несостоятельность. Въ изступленіи недовольной обычными опасностями отваги, скандинавскіе витязи, часто вызывали на бой Одина и Тора, самыхъ сильныхъ въ сонмѣ Азовъ, и ругались надъ ними за то, что они не отвѣчали на безумный вызовъ. Только христіанство могло божественною силою своею успокоить эту страшную тревогу сѣвернаго духа, и обуздать его титаническіе порывы.

Эпическій отдѣлъ Эдды посвященъ судьбѣ трехъ знаменитыхъ, обреченныхъ богами на великую славу и великія страданія родовъ: Вользунговъ, Нифлунговъ и Будлинговъ. До насъ дошла только часть этихъ исполненныхъ высокой поэзіи и, по содержанію, тѣсно связанныхъ между собою пѣсень. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ равно германскому и сѣверному эпосу. Сигурдъ Эдды и Нѣмецкой Сигфридъ одно и тоже лице; Нифлунги суть Нибелунги; Атли — Этцель. За то пѣсни о Вользунгахъ составляютъ исключительную собственность Скандинавіи. Изъ этихъ пѣсенъ сохранились только три, которыхъ героемъ является Гелги, внукъ Вользунга и братъ Сигурда. Гельги вовсе неизвѣстенъ нѣмецкой сагѣ, но между скандинавскими героями ему нѣтъ равнаго. Онъ стоитъ выше даже брата своего Сигурда, связующаго судьбу Вользунговъ съ судьбою Нифлунговъ. Преданіе о послѣднихъ составитъ содер-

жаніе нашей статьи. Мы не войдемъ въ разборъ отношенія, существующаго между пѣснями Эдды и Германскимъ Эпосомъ, который очевидно моложе. Слѣдуя примѣру, съ такимъ успѣхомъ поданному Гротомъ (Groote) при изложеніи Греческихъ миѳовъ и народныхъ преданій, мы не станемъ доискиваться таинственнаго смысла, сокрытаго въ сагѣ о Нифлунгахъ, и постараемся передать нашимъ читателямъ простое содержаніе этихъ пѣсенъ, жившихъ въ устахъ и памяти древняго Скандинава. Онъ вѣрилъ имъ на слово, и конечно былъ бы глубоко оскорбленъ попытками новыхъ толкователей, старавшихся обратить могучихъ и полныхъ жизни героевъ сѣверной поэзіи въ блѣдные призраки, символы или аллегоріи.

Источники наши суть: старая Эдда, новая Эдда Снори Стурлузона (1) и Вользунга-сага (2).

Въ то время, когда Азы еще странствовали по свѣту, случилось Одину, Локи и Гениру проходить мимо водопада, у котораго сидѣла выдра, и ѣла, зажмуривъ глаза, пойманную ею рыбу. Локи бросилъ въ выдру камень, и убилъ ее. Довольные такою удачею, Азы пошли далѣе. Вечеромъ они пришли къ хижинѣ чародѣя Грейдмара, и попросили у него ночлега. Готовясь къ ужину, они показали своему хозяину добычу

---

(1) Новая Эдда, составленіе которой приписывается знаменитому Исландскому ученому Снори Стурлузону въ 13 столѣтіи, есть нѣчто въ родѣ назначенной для употребленіи молодыхъ скальдовъ піитики. Она состоитъ изъ трехъ частей: 1. Краткаго обзора Скандинавской Миѳологіи; 2. Собранія поэтическихъ выраженій и оборотовъ, заимствованныхъ у древнихъ скальдовъ; и 3 собственной Скальды, въ которой изложены правила Скандинавскаго стихосложенія.

(2) Вользунга — Сага есть написанное въ прозѣ взятое изъ пѣсенъ старой Эдды повѣствованіе о Вользунгахъ. Въ особенности подробно изложена исторія Сигурда. Видно, что у составителя этой саги были подъ рукою пѣсни, до насъ не дошедшія.

Локи. Грейдмаръ узналъ въ убитомъ звѣрѣ сына своего Отура, славнаго охотникз, который подъ видомъ выдры ловилъ рыбу. Раздраженный отецъ позвалъ другихъ сыновей своихъ Фафнира и Регина, и вмѣстѣ съ ними напалъ на неосторожныхъ гостей. Связанные по рукамъ и ногамъ Азы предложили въ видѣ выкупа за совершенное ими убійство наполнить снятую съ выдры шкуру золотомъ, и покрыть ее сверху тѣмъ же металломъ (1). Грейдмаръ согласился, и Локи отправился за обѣщаннымъ золотомъ. Онъ поймалъ карлу Андвари, который жилъ какъ рыба въ водѣ, и потребовалъ отъ него его сокровищъ, спрятанныхъ на рѣчномъ днѣ. Андвари отдалъ все, кромѣ кольца, которое онъ скрылъ въ рукѣ. Кольцо это одарено было свойствомъ обогащать своего владѣльца. Но Локи замѣтилъ хитрость Андвари, и, не смотря на его просьбы, отнялъ у него волшебное кольцо. Оно погубитъ всѣхъ будущихъ своихъ владѣльцовъ, сказалъ ограбленный карла. Кольцо очень нравилось Локи; но ему въ свою очередь не удалось скрыть его отъ Грейдмара, который взялъ его съ остальнымъ золотомъ какъ выкупъ за смерть Отура; причемъ Одинъ подтвердилъ проклятіе, произнесенное Андвари.

Дѣйствія роковаго кольца не замедлили обнаружиться. Грейдмаръ былъ убитъ сыновьями, съ которыми онъ не хотѣлъ подѣлиться полученными отъ Азовъ богатствами. Потомъ возникла ссора между Фафниромъ и Региномъ. Первый овладѣлъ наслѣдіемъ отца, уда-

(1) Этотъ родъ выкупа сохранился въ Германіи почти до нашихъ временъ. Въ Эрленбахѣ, что на Цюрихскомъ озерѣ, существовало въ концѣ прошлаго столѣтія кошечье право. Крестьянинъ, убившій кошку у другаго, обязанъ былъ засыпать рожью или другимъ хлѣбомъ растянутую шкуру убитаго животнаго. См. Mone, Anzeiger für Kunde des Deutschen Mittelalters, г. 1836.

лился на равнину Гвитагейди, и, обратившись въ змѣя, сталъ сторожить свои сокровища. Регинъ нашелъ убѣжище при дворѣ короля Хіалирека. Онъ воспиталъ тамъ послѣдняго изъ Вользунговъ Сигурда Сигмундсона. Регинъ былъ искусный кузнецъ, и сковалъ для своего воспитанника мечь Грамъ, до того крѣпкій и острый, что имъ можно и разрубить наковальню и разрѣзать надвое плывшую по водѣ прядь шерсти (1).

Когда Сигурдъ достигъ совершеннолѣтія, онъ взялъ свой мечь, сѣлъ на коня Грани, и отправился за славою. Пѣсни Эдды объ немъ начинаются съ бесѣды его съ Грипиромъ, братомъ его матери (2). Грипиръ одаренъ знаніемъ будущаго: неохотно повинуется онъ волѣ племянника, и открываетъ ему судьбу, его ожидающую. Сигурдъ не довольствуется обѣщанною ему славою; онъ хочетъ знать напередъ, какой конецъ предстоитъ ему. Грипиръ заключаетъ свои предсказанія, составляющія мрачное введеніе къ трагическому эпосу, въ средоточіи котораго стоитъ Сигурдъ, утѣшительными словами: «лучшаго мужа, чѣмъ ты—не будетъ подъ солнцемъ, Сигурдъ!» Вользунгъ не палъ духомъ предъ неотразимымъ жребіемъ. Онъ благодаритъ дядю: «Простимся же мирно! судьбы никто не одолѣетъ. Ты исполнилъ желаніе мое, Грипиръ! Я знаю: ты предсказалъ бы мнѣ лучшую участь, если бы она была въ твоей волѣ.»

Регинъ не забылъ обиды, нанесенной ему Фафниромъ. Онъ убѣждаетъ Сигурда овладѣть сокровищами, которыя были причиною кроваваго раздора въ семействѣ Грейдмара. Но у Сигурда есть другія обязанности. Онъ

---

(1) Волзунга — сага.

(2) Первая пѣснь о Сигурдѣ называется также Grípìspa (предсказаніе Грипира).

долженъ отмстить за смерть дѣда и отца, падшихъ въ битвѣ противъ сыновъ Гундинга. « Громко смѣялись бы сыны Гундинга», говоритъ онъ, «отнявшіе старость у Эйлими (отца Гіордисы матери Сигурда), если бы отвагу витязя воспламеняли золотыя кольца, а не месть за отца. » По совершеніи этой мести, Вользунгъ отправляется на змѣя Фафнира. Онъ вырылъ глубокую яму, и сѣлъ въ нее. Кромѣ страшной силы, у Фафнира былъ еще шлемъ Эгира (морскаго духа), наводившій ужасъ на всякую живую тварь. Сигурдъ вонзилъ однако мечь свой прямо въ сердце змѣя, когда тотъ ползъ надъ ямою къ водѣ. Умирающій братъ Регина совѣтуетъ своему побѣдителю быть осторожнымъ, и ссылается на собственный примѣръ:

Фафниръ. Съ тѣхъ поръ какъ берегу мое сокровище, я ношу шлемъ Эгира. Я думалъ, что между людьми нѣтъ никого сильнѣе меня. Немного смѣлыхъ видѣлъ я.

Сигурдъ. Не всегда можетъ шлемъ Эгира служить защитою тамъ, гдѣ бьются отважные мужи...

Фафниръ. Черный ядъ билъ изъ ноздрей моихъ, когда я лежалъ на богатомъ наслѣдіи отца моего.

Сигурдъ. Змѣй, сверкающій чешуею, грозно было шипѣніе твое и жестоко сердце. Легко ростетъ смѣлость у того, которому данъ шлемъ Эгира.

Совѣты Фафнира, убѣждающаго Сигурда не брать проклятаго Андвари золота, и не довѣрять Регину, безполезны. Регинъ приходитъ самъ послѣ смерти брата, пьетъ его кровь, и проситъ Сигурда изжарить для него сердце убитаго. Этимъ способомъ надѣялся онъ достигнуть большей мудрости. Сигурдъ, исполняя возложенное на него коварнымъ воспитателемъ порученіе, дотронулся рукою до лежавшаго на огнѣ сердца, обжегъ себѣ палецъ, и невольно поднесъ его къ губамъ. Капля

Фафнировой крови упала ему въ ротъ, и онъ сталъ понимать языкъ птицъ. Семь орлицъ сидятъ кругомъ его на деревьяхъ, и ведутъ между собою рѣчь объ умыслѣ Регина погубить убійцу своего брата, и присвоить себѣ его богатства. Сигурдъ слышитъ ихъ разговоръ; ему нельзя болѣе сомнѣваться въ опасности, которая ему угрожаетъ, онъ убиваетъ Регина, и навьючивъ на коня своего Грани Фафнирово золото, ѣдетъ далѣе.

На высокой горѣ стоитъ окруженная пламеннымъ сіяніемъ и составленная изъ щитовъ ограда. Сигурдъ нашелъ въ ней спавшаго въ полномъ доспѣхѣ воина. Снявъ съ соннаго шлемъ, онъ увидѣлъ черты женскаго лица. То была Валкирія Бриигильда (1). Она убила въ битвѣ Гіалмгунара, которому покровитель его Одинъ обѣщалъ побѣду, и въ наказаніе была погружена въ непробудный сонъ. Сигурдъ разрѣзалъ на ней очарованную броню, и положилъ конецъ наложенному Одиномъ заклятію. Бриигильда объяснила Сигурду значеніе и дѣйствіе различныхъ рунъ. Не смотря на всѣ старанія новыхъ толкователей и переводчиковъ, эта часть Эдды весьма темна. Ясно только то, что подъ различными рунами здѣсь должно разумѣть мудрость и знаніе вообще. Къ загадочнымъ наставленіямъ своимъ Валкирія присоединила нѣсколько характеризующихъ образъ мыслей древняго Скандинава совѣтовъ. Будь вѣренъ друзьямъ, говоритъ она; держи данную клятву; остерегайся совѣта людей, не покидавшихъ

---

(1) Валкиріи, въ Скандинавской Миѳологіи, дѣвы Одина, которыхъ онъ посылаетъ въ битву за душами падшихъ воиновъ. Изъ исторіи Бриигильды и другихъ подобныхъ сказаній видно, что Валкиріи сами принимали участіе въ бою. Въ этихъ воинственныхъ дѣвахъ соединяются божественныя свойства Азовъ съ человѣческими наклонностями. Онѣ обыкновенно обречены на безбрачіе.

родины; избѣгай волшебницъ. « Для смѣлости въ битвѣ воину нужны бодрыя очи, а на ратномъ пути часто сидятъ злыя колдуньи, притупляющія духъ и мечь.» Не соблазняйся приданымъ дѣвы; не зачинай ссоры подъ вліяніемъ вина; не дай себя сжечь въ оградѣ, окруженной врагами; лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ; не искушай къ легкомысленнымъ поступкамъ чужихъ женъ и дѣвицъ. «Девятый совѣтъ мой тебѣ: не оставляй безъ покрова трупы, лежащіе въ полѣ, какая бы не была ихъ смерть: отъ заразы, отъ волнъ морскихъ или отъ оружія. Насыпь холмъ въ честь отшедшему, умой ему руки; расчеши и осуши волосы, прежде чѣмъ положишь его въ гробъ. Потомъ моли о сладкомъ снѣ ему. Не довѣряй словамъ родственниковъ убитаго тобою человѣка: вѣрь, что вражда и затаенный гнѣвъ не засыпаютъ никогда. Смотри какими путями идетъ на тебя бѣда.» Валкирія знаетъ также судьбу Сигурда и свою собственную. Въ словахъ ея много намековъ, обличающихъ это знаніе.

Вользунга Сага описываетъ знакомство Сигурда съ Брингильдою подробнѣе чѣмъ Эдда. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей заимствованы изъ пѣсень, до насъ не дошедшихъ, другія вставлены, или, лучше сказать, сочинены самимъ составителемъ Саги. Въ пѣсняхъ Эдды не говорится вовсе о любви Брингильды къ Сигурду до брака ея съ Гуннаромъ. Можно догадываться, что она любитъ Вользунга; но яснаго свидѣтельства нѣтъ. Такая осторожность показываетъ простое и глубоко поэтическое чувство, которымъ проникнуты эти произведенія народной фантазіи. Въ Сагѣ, напротивъ, находится длинный разсказъ о томъ, какъ Сигурдъ и Брингильда полюбили другъ друга, какъ они обмѣнялись брачными обѣщаніями и даже прижили дочь Аслаугу.

Сигурду не суждено быть супругомъ Валкиріи. Онъ женится на прекрасной Гудрунѣ, дочери короля Гіуки и Гримхильды. У Гіуки было еще три сына: Гуннаръ, Гогни и Гутормъ. Они носятъ названіе Гіукунговъ или Нифлунговъ. Сигурдъ соединенъ съ ними тѣсною дружбой и обѣтами ратнаго братства. Когда Гуннаръ задумалъ жениться на дочери Будли, сестрѣ Атли,—Бриньгильдѣ, Сигурдъ предложилъ ему свою помощь, и поѣхалъ съ нимъ за страшною невѣстой. Надобно было побѣдить большія, неодолимыя для Гуннара трудности. Жилище Бриньгильды окружено со всѣхъ сторонъ яркимъ пламенемъ. Никому еще не удавалось перешагнуть чрезъ эту ограду. Пораженный страхомъ конь Гуннара остановился. Тогда Сигурдъ принялъ видъ Гуннара, и на своемъ Грани, который не терпѣлъ другаго всадника, промчался чрезъ пламя. Такимъ образомъ была обманута Бриньгильда, обѣщавшая руку свою тому, кто, преодолѣвъ всѣ опасности, которыми она окружила себя, явится предъ нею женихомъ. Она дала кольцо свое Сигурду, принимая его за Гуннара. Князь Гунновъ (1), такъ называетъ пѣсня Сигурда, провелъ съ нею три ночи, но каждый разъ клалъ между ею и собою обнаженный мечь. Онъ не коснулся ея ни устами ни рукою, и передалъ ее во всей чистотѣ непорочной дѣвы ожидавшему ихъ Гуннару.

Цвѣтущее семейство окружаетъ короля Гіуки и супругу его Гримхильду. При дворѣ ихъ живутъ дружно сыновья ихъ и зять съ женами своими. Но сердце

(1) Подъ этимъ именемъ Эдда разумѣетъ здѣсь не историческихъ Гунновъ, а какое то Германское племя. Земля Гунновъ лежитъ на югѣ, но гдѣ именно, этого не опредѣляетъ своенравная географія скандинавской пѣсни. Настоящіе Гунны, по всей вѣроятности, только подданные Атли или Аттилы.

Брингильды не спокойно: злыя норны смутили его. Она любитъ Сигурда, и мучительно завидуетъ Гудрунѣ. Полная дурныхъ помысловъ уходитъ она на снѣжныя горы ночью, когда Сигурдъ ведетъ Гудруну на брачное ложе, и заботливо одѣваетъ милую жену. Однажды случилось имъ обѣимъ,—Гудрунѣ и Брингильдѣ мыться въ Рейнѣ (1). Послѣдняя сошла въ рѣку, говоря, что не хочетъ мочить себѣ голову водою, текущею съ волосъ ея невѣстки. «Мой отецъ былъ сильнѣе твоего отца; мой мужъ совершилъ болѣе великихъ дѣлъ, чѣмъ твой: онъ переѣхалъ чрезъ пламенную ограду, а Сигурдъ былъ слугою короля Хіалпрека». Тогда сказала ей Гудруна всю правду, и показала ей обручальное кольцо, полученное Вользунгомъ, когда онъ принялъ видъ Гуннара. Кольцо это красовалось теперь на рукѣ Гудруны. Брингильда поблѣднѣла какъ мертвецъ, и не молвила болѣе слова. Споръ возобновился однако на другой день. Гудруна хвалилась, что люди поютъ о ея мужѣ: «его побѣда надъ змѣемъ Фафниромъ лучше всего царства Гуннарова.» Брингильда легла на ложе свое, и лежала какъ мертвая. Когда къ ней пришелъ Гуннаръ, она стала упрекать его въ обманѣ, и хотѣла убить его. Скорбь ея тронула даже Гудруну, которая послала къ ней утѣшителемъ Сигурда. Предъ нимъ высказала горе свое Брингильда, призналась ему въ ненависти къ малодушному мужу и въ желаніи погубить его самаго. Но отмстить Гуннару обманомъ за обманъ она не хотѣла, и рѣшилась сохранить ему

(1) О Рейнѣ можно тоже сказать, что и о Гунахъ. Дѣло идетъ не о настоящемъ, нѣмецкомъ Рейнѣ, а о рѣкѣ вообще. Rin, Hrinn,—названіе, общее многимъ рѣкамъ. См. Ettmuller, die Lieder der Edda von den Nibelungen, стр. 28.

вѣрность. Во время этой бесѣды, у Сигурда такъ билось сердце, что панцырь его треснулъ на немъ (1).

Брингильда убѣждаетъ мужа умертвить Сигурда, Гогни совѣтуетъ брату не слушать злой жены; но совѣты его безплодны. Онъ принужденъ самъ согласиться на убійство, въ которомъ впрочемъ ни ему ни Гуннару нельзя принять личнаго участія, потому что они ратные братья Сугурда, и клялись ему въ дружбѣ. Меньшой братъ ихъ Гутормъ не давалъ такихъ обѣтовъ. Они накормили его волчьимъ и змѣинымъ мясомъ, и научили убить соннаго Сигурда. Гутормъ исполнилъ ихъ волю, но умирающій Вользунгъ бросилъ въ него мечь свой Грамъ, и разрубилъ его на двое. Прощаясь предъ смертью съ женою, Сигурдъ сказалъ ей: «я знаю, кто задумалъ преступленіе. Всему виною одна Брингильда. Она любила меня болѣе, чѣмъ другихъ людей, а Гуннару я всегда служилъ добромъ.»

Плачъ Гудруны разнесся по всему дому Гіуки, «и засмѣялась отъ полнаго сердца Брингильда дочь Будли, когда долетѣлъ до нея пронзительный стонъ дочери Гіуки.» Гуннаръ упрекаетъ жену за этотъ злобный хохотъ; но онъ въ тоже время замѣчаетъ, что прекрасное лице ея блѣднѣетъ. Ты задумала не доброе, говоритъ онъ, ты, кажется, близка къ смерти. Брингильда отвѣчаетъ ему признаніемъ, что она, кромѣ Сигурда, не любила никого, и предвѣщаетъ Нифлунгамъ погибель отъ руки ея брата Атли. Гуннаръ напрасно хочетъ ее успокоить. Она твердо рѣшилась умереть. Слуги ея и рабыни, которыхъ она приглашаетъ послѣдовать ея примѣру, предлагая имъ для предсмертнаго убора свои

---

(1) Этотъ разсказъ взятъ изъ Вользунга — саги, которая очевидно заимствовала его цѣликомъ изъ древней пѣсни. Доказательствомъ могутъ служить сохранившіеся въ прозаическомъ повѣствованіи стихи.

драгоцѣнности, отказываются, говоря: «довольно труповъ здѣсь, мы хотимъ жить.» Покрытая бѣлымъ покрываломъ, въ золотой бронѣ Валкиріи, Брингильда исполняетъ свой замыслъ, и убиваетъ себя. Въ послѣднихъ словахъ ея странно, но поэтически звучитъ жестокая воля Валкиріи и грусть женщины, которой судьба «не дала счастливой любви.» Она предсказываетъ еще разъ будущую участь Нифлунговъ и брата своего Атли; жалѣетъ о малодушіи Гудруны, остающейся въ живыхъ, хотя ей суждено быть причиною гибели всѣхъ близкихъ, и проситъ похоронить себя вмѣстѣ съ Сигурдомъ, положивъ однако посрединѣ тотъ же мечь, который лежалъ между ними, когда Сигурдъ подъ видомъ Гуннара дѣлилъ съ нею брачное ложе. «Положите намъ въ головы двухъ слугъ моихъ, да двухъ къ ногамъ. Еще двухъ собакъ, да двухъ ястребовъ, тогда все будетъ хорошо, прибавляетъ она сообразно съ суровымъ обычаемъ родины. Слѣдующая за тѣмъ пѣсня Эдды передаетъ разговоръ умершей, находящейся на пути въ Гелу (подземный міръ) Брингильды съ исполиншею, которая осыпаетъ ее укорами. Брингильда въ оправданіе себѣ разсказываетъ повѣсть своей жизни. Разсказъ этотъ коротокъ, и не содержитъ почти ничего новаго. Видно изъ безпрестанныхъ повтореній, что судьба Сигурда и Брингильды была предметомъ многихъ пѣсень, которыя заимствовали одна изъ другой не только общія черты, но и самыя выраженія.

Первая изъ трехъ пѣсенъ, носящихъ имя Гудруны, описываетъ сѣтованіе Сигурдовой вдовы. Трудно себѣ представить что нибудь проще и поразительнѣе этой скорбной пѣсни.

Однажды хотѣлось умереть Гудрунѣ, когда она печальная сидѣла у ногъ Сигурда. Она не рыдала, не ломала себѣ рукъ и не плакала по женскому обычаю.

Пришли князья, и любовью своею хотѣли разогнать ея горькія думы. Не жаловалась, не плакала Гудруна. Сердце ея ломилось подъ тяжелымъ горемъ.

Блистающія, золотомъ украшенныя жены князей сидѣли предъ Гудруною. Каждая говорила о своихъ страданіяхъ, о самомъ горькомъ въ собственной жизни.

Гіафлога, сестра Гіуки, сказала: я извѣдала болѣе печали, чѣмъ многія другія. Пять разъ доходила до меня вѣсть о гибели супруговъ. Двухъ дочерей, трехъ сыновей, восемь братьевъ взяла смерть. Я живу одна.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда молвила Герборга, королева Гунской земли. Мнѣ можно пожаловаться на большее горе. Семь сыновъ и мужъ восьмой пали на южной землѣ подъ убійственной сталью.

Отца и мать и четырехъ братьевъ обманулъ вѣтеръ на морѣ. Волны ворвались въ досчатые бока корабля. Самой мнѣ пришлось хоронить ихъ всѣхъ, напутствовать ихъ въ Гелу. Все это вытерпѣла я въ полгода, и некому было утѣшать меня.

Скоро, послѣ печальныхъ дней, пришли враги, взяли и сковали меня. Каждое утро должна я была убирать жену Ярла, завязывать ей обувь.

Она мучила меня ревностію; быстро сыпались на меня ея удары. Не было господина милостивѣе, не было госпожи суровѣе.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда сказала Гюлронда, дочь Гіуки: ты мудра пѣстунья, но ты не умѣешь облегчить утѣшеніемъ горе

молодой жены. Она сняла покровъ съ головы князя. Сняла ему покровъ съ головы, и обернула щекою къ колѣнамъ супруги. Взгляни на милаго, приложи уста къ его устамъ, какъ цѣловала его при жизни.

Гудруна подняла глаза, увидѣла запекшіеся въ крови волоса вождя и померкшія свѣтлыя очи и разсѣченную мечемъ обитель отваги.

Упала навзничь Гудруна; волоса ея разсыпались, щеки загорѣлись, и дождь полился изъ глазъ на колѣна. Тогда заплакала Гудруна, дочь Гіуки....

Нифлунги, которыхъ заслонялъ собою Сигурдъ, выступаютъ послѣ его смерти главными дѣйствующими лицами на сцену. Они овладѣли наслѣдіемъ Фафнира и роковымъ кольцомъ, съ которымъ сопряжено проклятіе карлы Андвари. Чтобы отвратить отъ себя кровавое возмездіе за совершенное ими преступленіе, они убили Сигурдова сына, и дали Гудрунѣ волшебный напитокъ, который на время отнялъ у нея память. Гримхильда заклинаетъ дочь свою выдти замужъ за брата Брингильды, Будлинга Атли. Этотъ Атли есть никто другой, какъ знаменитый Аттила царь Гунновъ. Извѣстія о владычествѣ его надъ скандинавскимъ сѣверомъ очевидно ложны; но слава его достигла до крайнихъ предѣловъ Европы, и народная поэзія овладѣла его именемъ, оставляя въ сторонѣ историческую обстановку, которою былъ окруженъ « бичъ Божій. » Въ скандинавской Эддѣ и въ нѣмецкихъ Нибелунгахъ (гдѣ его зовутъ Этцелемъ) Аттила является могущественнымъ царемъ Гунновъ, при дворѣ котораго происходитъ кровавая развязка трагедіи, начавшейся смертію Сигурда или Сигфрида. Имена и подробности другія; но основа сказанія одна и таже. Замѣчательно, что ни Эдда ни Нибелунги не приписываютъ Аттилѣ тѣхъ великихъ свойствъ, которыми отличаются прочіе

герои. Онъ смотритъ издали на сѣчу, и вообще не славится своими подвигами. Слова лѣтописца Іорнанда о царѣ Гунновъ, « что онъ былъ воздерженъ на руку » (manu temperans), подтверждаются такимъ образомъ свидѣтельствомъ народныхъ преданій. Гудруна не могла устоять противъ просьбъ матери и братьевъ, которые молили ее на колѣняхъ исполнить ихъ желаніе.

Она согласилась дать свою руку Атли; но грудь ея была полна тяжкихъ предчувствій, и новый бракъ не сулилъ ей радости. Атли не видалъ ни разу улыбки на лицѣ жены своей. Она не могла забыть перваго супруга, хотя родила двухъ сыновей отъ втораго.

У Атли, кромѣ Бригильды, была еще сестра Одруна. Она любила Гуннара, и была любима имъ ; но Атли не далъ своего согласія на ихъ бракъ. Онъ завидовалъ богатству, доставшемуся Нифлунгамъ послѣ Сигурда. Собранные на совѣщаніе вожди Гунновъ присовѣтовали королю пригласить къ себѣ Гуннара и Гогни, и поступить съ ними такъ, какъ они поступили съ Вользунгомъ. Атли принялъ совѣтъ, и отправилъ гонца Винги (другая пѣсня называетъ его Кнефрудомъ) съ приглашеніемъ къ братьямъ Гудруны. Коварное намѣреніе Атли не скрылось отъ зоркой Гудруны: она не могла сама ѣхать къ братьямъ; но послала имъ предохранительныя руны и кольцо, обвитое волчьимъ волосомъ. Хитрый Винги испортилъ руны, и, не смотря на разныя примѣты, грозившія бѣдою Нифлунгамъ, уговорилъ ихъ посѣтить его господина. Гуннаръ отвѣчаетъ на предостереженія супруги своей Глаумворы, видѣвшей зловѣщій сонъ : « поздно приходятъ рѣчи твои. Я рѣшился ѣхать. Къ чему бояться поѣздки, когда дано уже слово. Много было намъ предвѣщаній, что жизнь наша не продлится долго. »

Гогни былъ недовѣрчивѣе брата, но не хотѣлъ отпустить его одного. Только пять витязей рѣшились проводить ихъ ко двору Атли. Нифлунги такъ спѣшили на встрѣчу ожидавшей ихъ гибели, что у корабля, на которомъ они плыли, отскочилъ руль и переломались всѣ весла. При самомъ входѣ въ замокъ Атли, Винги смутился душою. Можетъ быть, ему стало жаль обреченныхъ на гибель гостей, можетъ быть, Азы помрачили разсудокъ его въ наказаніе за вѣроломные обѣты, данные имъ сынамъ Гіуки. Онъ открылъ имъ истину, и совѣтовалъ бѣжать. Гогни отказался отъ постыднаго средства къ спасенію. Онъ убилъ вмѣстѣ съ братомъ обманувшаго ихъ гонца, и, не сходя съ мѣста, сталъ ругаться надъ Гуннами. « Худо удается дѣло, вами придуманное. Вы еще не готовы къ бою, а мы уже убили до смерти одного изъ вашихъ. » Гудруна услышала въ свѣтлицѣ своей шумъ начинавшейся битвы, сорвала съ себя въ гнѣвѣ золото и серебро, которыми была убрана, и поспѣшила къ братьямъ. « Смѣло вышла она на встрѣчу Нифлунгамъ, цѣловала ихъ и обвивала руками. То былъ послѣдній привѣтъ ея. Она крѣпко любила витязей, и сказала имъ: я хотѣла отвратить васъ отъ поѣздки сюда предостереженіемъ; но судьба сильнѣе человѣка. Вамъ суждено было быть здѣсь.» Увѣщанія ея положить конецъ распрѣ выкупомъ были безуспѣшны. Съ обѣихъ сторонъ ей отвѣчали: нѣтъ. Тогда она сняла съ себя покрывало, взяла мечъ, и стала рядомъ съ Гунаромъ и Гогни. Два брата Атли пали подъ ея ударами. Дѣти Гіуки бились смѣлѣе другихъ отъ ранняго утра до обѣда. Осьмнадцать Гуннскихъ труповъ свидѣтельствовали объ ихъ мужествѣ. Атли видитъ издали гибель своихъ воиновъ. Изъ пяти сыновъ Будли онъ остался одинъ, и укоряетъ Гудруну: « рѣдко посѣщала

насъ радость съ тѣхъ поръ, какъ ты живешь съ нами.» По его приказанію Гунны нападаютъ снова на Нифлунговъ, и одолѣваютъ ихъ числомъ своимъ. Атли радуется напередъ горю супруги. Онъ осудилъ ея братьевъ на мучительную казнь: велѣлъ у живаго Гогни вырѣзать сердце, а скованнаго Гуннара заключить въ башню, наполненную змѣями.

Въ разсказѣ о смерти Гогни есть черты, превосходно характеризующія нравы героическаго вѣка въ Скандинавіи. Атли приказалъ спросить у Гуннара о мѣстѣ, гдѣ хранится сокровище Фафнира. Гуннаръ обѣщаетъ отвѣчать на вопросъ, когда ему принесутъ вырѣзанное изъ груди его брата сердце. Но участь Гогни внушаетъ участіе Бейти, одному изъ вождей Гуннскихъ. Онъ хочетъ спасти плѣнника, и приказываетъ убить вмѣсто его Гіалина, царскаго повара. « Ему подобаетъ такая кончина, «говоритъ Бейти », если онъ проживетъ долѣе, онъ будетъ лѣнивъ и безполезенъ.» Робкій Гіалинъ стонетъ и гнется отъ страха; онъ молитъ о пощадѣ: « я могу еще возить навозъ въ садъ и исправлять черныя работы. » Гогни не выдержалъ его плача. Онъ сжалился надъ несчастнымъ рабомъ, и потребовалъ себѣ скорой казни. Бейти не терялъ однако надежды спасти братьевъ королевы , доставивъ Атли сокровища, которыхъ онъ такъ жадно домогался. Гуннару показали вырѣзанное у Гіалина и положенное на блюдо сердце. Нифлунгъ узналъ сердце раба: «Оно дрожитъ на блюдѣ, и дрожало еще сильнѣе въ груди его носившей. » Когда ему подали наконецъ настоящее сердце умершаго со смѣхомъ на устахъ Гогни , Гуннаръ сказалъ: « оно почти не дрожитъ на блюдѣ, и не дрожало вовсе, когда лежало въ груди.» Потомъ онъ объявляетъ, что, кромѣ его и брата, никому не было извѣстно, гдѣ спрятано погубившее ихъ золото, и что

оно не достанется ни Атли ни другимъ. Сокровище Фафнира погружено было Нифлунгами, предъ отъѣздомъ къ Гуннскому царю, въ волны Рейна. Оно лежитъ до сихъ поръ на днѣ рѣки. Гудруна прислала заключенному въ змѣиную башню Гуннару арфу. Руки у него были связаны, но онъ игралъ ногами такъ сладко, что женщины плакали, воины скорбѣли, и змѣи, усыпленныя дивными звуками, не трогали узника. Только одна ехидна не заснула. То была мать Атли. Она впилась Гуннару въ грудь, и звуки умолкали.

Атли издѣвался надъ страданіемъ Гудруны, но она была хитра, и умѣла говорить льстивыя рѣчи, по словамъ пѣсни. На другой день послѣ побоища, Атли пировалъ съ вождями своими, совершая тризну въ честь падшихъ. Гудруна подносила гостямъ дорогіе напитки во славу братьевъ: супругъ ея пилъ за умершихъ въ бою родственниковъ своихъ. Ненависть грызла сердце Гудрунѣ. Она ушла отъ пирующихъ, « позвала потихоньку малыхъ дѣтей своихъ и положила ихъ предъ собою. Грустно стало смѣлымъ дѣтямъ, но глаза ихъ были сухи. Они ласкались къ матери, и спрашивали что̀ она дѣлаетъ. Не спрашивайте меня: я хочу изрубить васъ обоихъ. Давно задумала я умертвить васъ. — Убей маленькихъ дѣтей своихъ; никто не увидитъ... Часто спрашивалъ Атли, не видя дѣтей своихъ: не пошли ли они играть ?» Пиръ между тѣмъ продолжался. Гудруна угощала гостей и мужа. Наконецъ она сказала ему : « Я дочь Гримхильды. Не хочу болѣе обманывать тебя. Не хорошъ покажется тебѣ разсказъ мой. Ты вызвалъ большое горе, убивши братьевъ моихъ. Не спала я, Атли, съ тѣхъ поръ какъ ихъ не стало. Помнишь ли: я обѣщала тебѣ горькую отплату. Ты говорилъ со мною утромъ — я ношу еще слова твои въ сердцѣ; послушай моей рѣчи вечеромъ »... Гудруна

разсказываетъ потомъ, что она убила дѣтей, накормила Атли ихъ изжаренными сердцами, и напоила виномъ изъ ихъ череповъ. — Пѣсня поетъ далѣе: « не радостно сидѣли они рядомъ, глядя грозными очами, говоря гнѣвныя рѣчи.» Въ туже ночь Гудруна убила Атли при помощи Нифлунга, сына Гогни. Въ характерѣ умирающаго Атли не видно той суровой силы, которою такъ богаты Вользунги и Нифлунги. Родъ Будли стоитъ гораздо ниже славою и доблестями. Гудруна прямо обвиняетъ супруга въ недостаткѣ ратнаго мужества. « До меня не доходила молва о совершенной тобою мести, о побѣдѣ твоей надъ другимъ. Ты уклонялся отъ нелюбимаго тобою боя, хотя молчалъ объ этомъ. » — На просьбу Атли похоронить его достойнымъ образомъ, Гудруна отвѣчаетъ обѣщанiемъ исполнить его волю такъ, какъ будто они жили въ любви между собою. Пѣсня оканчивается странною для насъ, но понятною въ устахъ язычника — Скандинава похвалою. « Счастливъ тотъ, у кого родится такая дочь, какъ у Гiуки. Люди, слышавшiе о мщенiи могучей Гудруны, не забудутъ о ней во вѣки».

Смертью Атли замыкается собственно исторiя Нифлунговъ; но есть еще двѣ пѣсни, въ которыхъ разсказана послѣдующая судьба Гудруны. Похоронивъ мужа, она бросилась въ море; волны бережно отнесли ее въ землю короля Іонакура, который женился на ней и прижилъ трехъ сыновъ. Гудрунѣ суждено было пережить и погубить родъ свой. Дочь ея отъ Сигурда вышла замужъ за Готѳскаго Іормунрека (Эрманрейха нѣмецкой Саги), и была, по его приказанiю, предана позорной казни. Сыновья Гудруны предприняли, по наущенiю матери, отмстить за сестру, убили Іормунрека, и погибли сами. Готѳы, которымъ помогалъ лично Одинъ, забросали ихъ каменьями. Безродная Гудру-

на оплакала послѣднихъ потомковъ Гіуки. Вользунги и Нифлунги сошли въ могилу, но пѣсни о нихъ не умолкали на Скандинавскомъ сѣверѣ. Ихъ пѣли Скальды: «для укрѣпленія отваги въ мужахъ, для облегченія скорби въ женахъ,» по прекрасному выраженію самой пѣсни.

Т. Грановскій.

РАЗГОВОРЪ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

И. С. Тургенева.

РАЗГОВОРЪ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНА.

(Посвящено П. М. Садовскому).

По большой. . . . ой дорогѣ тащится довольно уже ветхій тарантасъ, запряженный тройкой загнанныхъ лошадей. Въ тарантасѣ сидятъ рядомъ: господинъ лѣтъ 28-ми, Аркадій Артемьевичъ, *Михрюткинъ*, худенькій человѣчекъ съ крошечнымъ лицемъ, унылымъ, краснымъ носомъ и бурыми усиками, закутанный въ сѣрую поношенную шинель — и слуга его *Селивёрстъ* (онъ также и земскій), расплывшійся, пухлый мужчина 40 лѣтъ, рябой, съ свиными глазками и желтыми волосами. На козлахъ сидитъ кучеръ *Ефремъ*, бородастый, красный и курносый, одѣтый въ тяжелый рыжій армякъ и шляпу съ опустившимися краями; ему тоже около 40 лѣтъ. Солнце печетъ; жара и духота страшная. — Ѣдутъ они изъ уѣзднаго города, и полчаса тому назадъ останавливались въ постояломъ дворикѣ, гдѣ и Ефремъ и Селивёрстъ оба успѣли немного выпить. — Г. Михрюткинъ часто кашляетъ, — грудь у него разстроена, и вообще онъ видъ имѣетъ недовольный. — Онъ говоритъ торопливо и смутно, словно съ просонья; Ефремъ, выражается медленно и обдуманно; Селивёрстъ произноситъ слова съ трудомъ, словно выпираетъ ихъ изъ желудка; онъ страждетъ одышкой.

М и х р ю т к и н ъ *(внезапно встряхнувъ шинелью)*. Ефремъ — а Ефремъ!

Е ф р е м ъ *(оборачиваясь къ нему въ половину)*. Чего изволите?

М и х р ю т к и н ъ. Да что̀, ты спишь должно быть на козлахъ-то? — Какъ же ты не видишь, что̀ у тебя подъ носомъ дѣлается — а? — Любезный ты мой другъ.

Е ф р е м ъ. А что-съ?

М и х р ю т к и н ъ. Что-съ! — У тебя одна пристяжная вовсе не работаетъ. — Чтожъ ты за кучеръ послѣ этого? — а?

Е ф р е м ъ. Какая пристяжная не работаетъ?

М и х р ю т к и н ъ. Какая... какая... Извѣстно какая: правая вороная. Ничего не везётъ — развѣ ты не видишь?

Е ф р е м ъ. Правая?

М и х р ю т к и н ъ. Ну не разсуждай, пожалуйста, и не повторяй словъ моихъ. Я этой гнусной привычки въ кучерахъ терпѣть не могу. — Стегни-ка ее, стегни, хорошенько стегни, да впередъ не давай ей дремать, да и самъ тоже того... *(Ефремъ съ язвительной усмѣшкой сѣчетъ правую пристяжную)*. Послѣ этого мнѣ остается самому на козлы сѣсть, — да развѣ это мое дѣло. Это твое дѣло. Дуракъ.

(Ефремъ продолжаетъ сѣчь пристяжную. Она брыкаетъ).

Ну однако — тише! *(Помолчавъ)*. Экая между прочемъ жара несносная. *(Закутывается въ шинель и кашляетъ)*.

С е л и в ё р с т ъ *(помолчавъ)*. Да-съ... оно точно; жара. Ну а впрочемъ — для уборки хлѣбовъ — оно ничего-съ. — О — охъ Господи! *(Вздыхаетъ и чмокаетъ губами, какъ бы собираясь дремать)*.

М и х р ю т к и н ъ *(помолчавъ — Селиверсту)*. Скажи, пожалуйста — что это за толстая баба на постояломъ дворѣ съ нами разсчитывалась. — Я ея прежде не видывалъ.

Селивёрстъ. А сама хозяйка. Изъ Бѣлева надысь наѣхала.

Михрюткинъ. Отчего она такая толстая.?

Селивёрстъ. А ктожъ ее знаетъ! Инаго эдакъ вдругъ разопрётъ — чѣмъ онъ въ іефтемъ случаѣ виноватъ?

Михрюткинъ. Она съ насъ дорого взяла — эта баба. Я замѣтилъ — ты никогда на постоялыхъ дворахъ не торгуешся. Никогда. — Что запросятъ — ты и даешь. Знать она тебѣ поднесла, эта баба. И въ городѣ тоже втрое заплатилъ.

Селивёрстъ. Что вы изволите говорить, Аркадій Артемьичъ!.. Я, кажется, не таковскій человѣкъ, чтобы изъ какихъ нибудь тамъ угожденьевъ или видовъ...

Михрюткинъ. Ну хорошо, хорошо...

Селивёрстъ. Я, Аркадій Артемьичъ, съ–измала еще вашему батюшкѣ покойному служилъ — и до сихъ поръ служу, вашей милости, то-есть; и никто за мной никакихъ операцій не замѣчалъ. Потому что я чувствую; и чтобы что нибудь эдакъ противъ господской выгоды; или вообще не по совѣсти — честь свою замарать согласиться; да я, помилуйте — я — да и Господи Боже Ты мой...

Михрюткинъ. Ну, да хорошо же...

Селивёрстъ. А баба эта съ насъ даже не дорого взяла; такъ ли еще берутъ на постоялыхъ дворахъ! — Вы говорите — она мнѣ поднесла; чтожъ? можетъ быть, и поднесла. Я отъ своего количества не отказываюсь. Я пью; но пью умѣренно, съ воздержаньемъ,

Михрюткинъ. Ну да говорятъ тебѣ — хорошо.

Селивёрстъ. Вы только напрасно меня обидѣть

изволили, Аркадій Артемьичь — Богъ съ вами. — *(Михрюткинъ молчитъ).* Богъ съ вами совсѣмъ!

Михрюткинъ *(съ сердцемъ.)* Ну да перестань же.

Селивёрстъ. Слушаю-съ. *(Воцаряется молчанье).*

Михрюткинъ *(который напрасно старался заснуть, Ефрему).* А отъ чего это у тебя коренная ушами трясетъ — устала что ли она — вишь, вишь, на каждомъ шагу встряхиваетъ?

Ефремъ *(оборачиваясь въ половину.)* Какая лошадь ухми трясетъ?

Михрюткинъ. Коренная; развѣ ты не видишь?

Ефремъ. Коренная ухми трясетъ?

Михрюткинъ. Да — да; ушми.

Ефремъ. Не знаю, отчего она ухми трясти будетъ. Развѣ отъ мухъ.

Михрюткинъ. Отъ мухъ лошадь всей головой трясетъ — а не одними ухми. — *(Помолчавъ.)* А что — вѣдь она, кажется, на ноги разбита?

Ефремъ. Лядащая (1) лошадь, какъ есть. *(Бьетъ ее кнутомъ).*

Михрюткинъ. Ну, ты ее не любишь, я знаю; ты ее вѣчно преслѣдуешь.

Ефремъ. Нѣтъ, Аркадій Артемьичь, я ее люблю: *(бьетъ ее)*, я, Аркадій Артемьичь, всѣхъ вашихъ лошадей одинаково соблюдаю, потому что это первое дѣло; а тотъ ужъ не кучеръ, который не соблюдаетъ лошадей — тотъ просто легковѣрный человѣкъ. — Нѣтъ, — я ее люблю. А только я справедливъ. — Гдѣ хвалить нечего — не хвалю.

Михрюткинъ. Чтожъ ты въ ней, напримѣръ, находишь дурнаго?

Ефремъ. Аркадій Артемьичь, позвольте вамъ доложить. Лошадь лошади рознь. — Вотъ какъ между

людьми, напримѣръ, человѣкъ бываетъ натуральный, безъ образованья, однимъ словомъ—нахондрикъ; такъ и въ лошадяхъ. Необстоятельная лошадь, Аркадій Артемьичь; пріятности въ ней никакой нѣтъ. — Что, напримѣръ, бѣжитъ она — на взволокъ что ли, по ровному ли мѣсту — или, напримѣръ, подъ гору спущаетъ — ничего въ ней нѣтъ — извольте сами посмотрѣть. *(Гнется на одинъ бокъ)*. — Ну что бѣжитъ, помилуйте. — Нѣтъ отъ нея никакого удовольствія. Просто пустая лошадь. *(Бьетъ ее кнутомъ)*.

Михрюткинъ. Ну, а пристяжныя, по твоему — каковы?

Ефремъ. Ну, пристяжныя—ничего. Вороная, напримѣръ, лошадь обходительная, божеволына (2) маленько, пуглива — ну, и лѣнца есть; а только обходительная лошадь, вѣжливая; а ужъ эта вотъ — *(указывая кнутомъ на лѣвую пристяжную)* гнѣдая — просто безъ числа. — Конь добрый, степенный, ко кнуту ласковъ, бѣжитъ прохладно, доброхотъ; слуга, можно сказать, изъ слугъ слуга. — Ногами, правда, немного тропутъ — да вѣдь у насъ какая ѣзда, Аркадій Артемьичь, помилуйте. — То туды, то сюды — покоя нѣтъ лошадямъ ни малѣющаго. — То вы сами изволите куда, напримѣръ, прокатиться — то барыня погонитъ въ городъ — то прикашыкъ поскачетъ. — Гдѣжъ имъ тутъ справиться? — А ужъ я, кажется, объ нихъ, какъ объ отцахъ родныхъ забочусь. Эхъ вы котята! *(погоняетъ ихъ)*.

Михрюткинъ *(помолчавъ.)* Такъ чтожъ ты думаешь на счетъ коренной то — коли она такъ плоха?

Ефремъ. Продать ее слѣдуетъ, Аркадій Артемьичь. На что такую лошадь держать — сами вы извольте

разсудить — что дурная, что хорошая лошадь — одинаково кормъ ѣлятъ. А то и промѣнять ее можно.

Михрюткинъ. Промѣнять! — Знаю я ваши промѣны! — Придашь денегъ пропасть, своя лошадь ни за что пойдетъ, а смотришь — та-то еще хуже.

Ефремъ. На что же такъ мѣнять, Аркадій Артемьичь. — Эдакъ мѣнять не хорошо. Надо безъ придачи мѣнять — ухо на ухо.

Михрюткинъ. Ухо на ухо! Да гдѣжъ ты такого дурака найдешь, который бы тебѣ за дрянную лошадь — хорошую безъ придачи отдалъ — а? — Что ты однако, за кого меня принимаешь наконецъ? (*кашляетъ*).

Ефремъ. Да Аркадій Артемьичь, помилуйте. — Кому какая лошадь нужна: иному наша лошадь покажется, а намъ — его. — Вотъ хучь бы у сосѣда нашего, у Евграфа Авдеича есть животикъ; Евграфъ то Авдеичь порастратился, такъ, можетъ быть, онъ сгоряча согласится. А лошадка добрая; добрая лошадка. — Онъ же такой человѣкъ разсѣянный, вертлюшокъ; гдѣ ему лошадь прокормить — самъ безъ хлѣба сидитъ.

Михрюткинъ. А ты однако, я вижу, глупъ. Коли ему нечѣмъ лошадь прокормить — ну изъ чего, ну съ какой стати станетъ онъ мѣняться — а?

Ефремъ. Ну, такъ купить у него можно. А онъ отдастъ дёшево. Просто, за что угодно отдастъ. Лишь бы со двора долой.

Михрюткинъ (*помолчавъ.*) А лошадь точно порядочная?

Ефремъ. Отмѣнная лошадь—вотъ изволите увидѣть.

Михрюткинъ (*опять помолчавъ.*) Да ты, — чортъ тебя знаетъ — ты все врешь.

Е ф р е м ъ. Зачѣмъ врать? Песъ вретъ; за то онъ и собака.

Михрюткинъ (*недовольнымъ голосомъ*). Ну не разсуждай. (*Помолчавъ*). — И на этой еще поѣздимъ.

Ефремъ. Какъ вашей милости угодно будетъ. — А только эта лошадь. воля ваша, просто — никуда. Просто — вохлякъ (3).

Михрюткинъ. Что-о?

Ефремъ. Вохлякъ.

Михрюткинъ. Самъ ты вохлякъ.

Ефремъ (*оборачиваясь въ половину*). Кто.... я вохлякъ?

Михрюткинъ. Да — ты. Чтожъ тутъ удивительнаго! — Ты.

Ефремъ (*протянувъ голову*). Ну... ну это вы однако, Аркадій Артемьичь, уже того... больно изволите того... (*онъ чрезвычайно обиженъ и взволнованъ*).

Михрюткинъ (*вспыхнувъ*). Что-ò... что-ò?

Ефремъ. Да помилуйте.. какъ же можно...

Михрюткинъ. Молчать! молчать! говорю тебѣ — молчать! — Ахъ ты армякъ верблюжій! — Обижаться вздумалъ — вишь! Да — вохлякъ, вохлякъ — еще какой вохлякъ. Чтожъ — послѣ этого я, по твоему, уже ничего не смѣй тебѣ сказать? Ты мнѣ тутъ, Богъ тебя знаетъ, что наболталъ. — а я долженъ передъ тобой безмолствовать? — Вишь — краснобай эдакой! — Еще обижается! — (*кашляетъ*). Молчать!... (*Страшный кашель прерываетъ слова Михрюткина. Онъ вынимаетъ изъ кармана бумажку, развертываетъ ее, достаетъ оттуда кусокъ леденца, и принимается сосать его. — Ефремъ молча погоняетъ лошадей; выраженіе его лица достойное и строгое. — Успокоившись немножко, Михрюткинъ напрасно силится поправить за спиной кожаную подушку — и толкаетъ подъ бокъ Семивёрста,*

который во все время разговора Аркадія Артемьича съ Ефремомъ спалъ мертвымъ сномъ). Селивёрстъ — Селивёрстъ! — Ну — разоспался , охреянъ неприличный, Селивёрстъ!

Селивёрстъ *(просыпаясь).* Чего прикажете ?

Михрюткинъ. Вотъ то-то и есть. — Не будь я такъ непростительно добръ съ вами , вы бы меня уважали; а то вы всякое уваженіе ко мнѣ потеряли. Ну что спишь, словно не видалъ, какъ спятъ... Тутъ кучеръ позабылся, барина обезпокоилъ — а ты спишь.

Селивёрстъ. Я такъ только немножко, Аркадій Артемьичь...

Михрюткинъ. То-то такъ *(утихая).* Поправь мнѣ подушку сзади. *(Селивёрстъ поправляетъ подушку).* Одному я удивляюсь: кажется, ужъ на что я снисходителенъ, ужъ на что; а никакой привязанности въ васъ не заслужилъ. — Вы всѣ меня за грошъ готовы продать — ей-ей, *(едва сдерживая слезы).* Да вотъ, потерпите маленько; не долго мнѣ вамъ надоѣдать. Скоро, скоро сложу я свою головушку *(кланяется),* посмотрю я, лучше ли вамъ будетъ безъ меня.

Селивёрстъ. Аркадій Артемьичь, что это вы изволите говорить ? — Не извольте отчаяваться. Богъ милостивъ. И не стыдно тебѣ, Ефремъ , азіятская ты душа...

Михрюткинъ *(перерывая Селивёрста).* Не объ Ефремѣ рѣчь. Всѣ вы таковы. — Вотъ , напримѣръ , что̀ я стану теперь дѣлать? — Какъ я женѣ на глаза покажусь ? — Послѣднія были денежки — и тѣ даромъ ухлопалъ. — Еще хуже надѣлалъ. Ужъ теперь мнѣ отъ опеки не отвертѣться... шалишь! Ужъ теперь меня проберутъ — вотъ какъ проберутъ !

Селивёрстъ. Оно , точно , Аркадій Артемьичь , не ладно. — Комужъ іефто знать коли не мнѣ ? — Да

чѣмъ же мы то виноваты, помилосердуйте — скажите. Ужъ мы бы, кажется, и тѣломъ и душой; и всѣмъ, всѣмъ рады...

Михрюткинъ. По крайней мѣрѣ, не огорчали бы, не раздражали. Видите барину плохо приходится, просто такъ приходится плохо — что сказать нельзя — очи, какъ говорится, на лобъ лѣзутъ — а вы то тутъ, вамъ-то тутъ любо... (*сосетъ леденецъ*).

Селивёрстъ. Вся причина въ томъ, что люди въ городѣ живутъ безчувственные... удоблетворили ихъ — какого имъ еще рожна нужно — прости Господи мое прегрѣшенье! — Экіе черти, право, согрѣшилъ я грѣшный! (*плюетъ*).

Михрюткинъ. Именно грабители. — Вотъ мнѣ въ городѣ леденецъ продали, говорили малиной отзываться будетъ; а въ немъ и сладости никакой нѣтъ; просто одинъ клей туда напиханъ. — (*Помолчавъ*). Хоть бы провизіи на эти пятьдесятъ рублей купилъ! — Лиссабонскаго-то вѣдь чаю ни одной бутылочки не осталось?

Селивёрстъ. Послѣднюю передъ отъѣздомъ изволили выкушать.

Михрюткинъ. Ну такъ и есть! — И женѣ ничего не купилъ — а она приказывала — эхъ!

Селивёрстъ. Раиса Карповна гнѣваться будетъ, точно.

Михрюткинъ (*слезливо, почти крича*). Ну для чего ты меня раздражаешь? Ну для чего? — Боже мой, Боже мой! Чтожъ это такое! чтожъ это такое! — Чтожъ это я за несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ (*потупляетъ голову и кашляетъ*).

Селивёрстъ. Аркадій Артемьичъ... По глупости. Извините. (*Михрюткинъ кашляетъ и кутается въ ши-*

нель). Отъ ревности, Аркадій Артемьичъ. — *(Михрюткинъ молчитъ. Селивёрстъ въ свою очередь умолкаетъ. Никто не говоритъ втеченіи четверти часа. Лошади едва плетутся рысцей, оводы жадно вьются надъ ними. Селивёрстъ опять засыпаетъ. Михрюткинъ понемногу поднимаетъ голову).*

Михрюткинъ *(успокоеннымъ голосомъ — Ефрему).* Ну что — опомнился? *(Молчаніе).* Тебѣ говорю, опомнился?

Ефремъ *(помолчавъ и передернувъ возжами.)* Опомнился.

Михрюткинъ. Очунѣлъ? (4).

Ефремъ. Очунѣлъ.

Михрюткинъ. Ну чтожъ ты — не знаешь порядковъ, что ли? Извиненья попроси.

Ефремъ. Простите меня, Аркадій Артемьичъ.

Михрюткинъ. Богъ тебя проститъ. — *(Помолчавъ.)* А какой масти Ефграфа Авдѣичина-то лошадь?

Ефремъ. Гнѣдая.

Михрюткинъ. Гнѣдая... А сколько ей лѣтъ?

Ефремъ. Девять лѣтъ.

Михрюткинъ. А хорошо бѣжитъ?

Ефремъ. Хорошо.

Михрюткинъ. Какой однако у тебя злющій нравъ! — Отвѣчаешь мнѣ — словно брешешь. . . Ты сердишся на меня?

Ефремъ *(помолчавъ.)* Помилуйте — Аркадій Артемьичъ, — развѣ я не знаю? — Я все знаю, Аркадій Артемьичъ. Какъ нашему брату не знать. — Господинъ, напримѣръ, гнѣваться изволитъ. — Такъ чтожъ? — Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

Михрюткинъ. Хорошо, вотъ это хорошо.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ; мы конечно не то, чтобы въ отдаленности пробавлялись,

за моремъ не бывали, точно; а въ Петербурхѣ попатерлись: все-таки — не такіе уже однако пеньтюхи, чтобы, примѣромъ будучи, коровы отъ свиньи не спознать. Иному мужику, конечно, всякая дрянь въ диво! — ему что̀ — онъ деревеньщина, неучь; гдѣ ему! — Слѣдуетъ разсудить: во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ разсудить — съ кѣмъ грѣха не случается? — Ну, какъ нибудь не спапашился (5) — или такъ просто сказать, не въ часъ попался — ну не показалось господину — Онъ тебя и того; а ты выжидай; глядишь: блажь соскочила — и опять старые порядки пошли.

Михрюткинъ. Вотъ что умно, такъ умно; я никогда не скажу, что человѣкъ глупости говоритъ, когда онъ умно говоритъ; никогда я этого не сдѣлаю.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ. — Вѣдь вамъ все это еще лучше моего извѣстно. Что я за іезопъ такой, чтобы сердиться. — За всякимъ толчкомъ, не токмя что за побранкой — не угоняешся. — Вы сами знаете; быль что смола, нѐбыль что вода. А непріятность со всякимъ можетъ случиться; первѣющій астрономъ — и тотъ отъ бѣды не убережется. — Стрясется вдругъ... откуда, батюшки? — Да и кто можетъ опредѣлить напередъ: это вотъ эдакъ будетъ — а это такъ. А Господь его знаетъ, какъ оно тамъ выдетъ! — Это все темнота. — Вотъ, напримѣръ, хучь медвѣдь: — звѣрь лѣсной, пространный, — а хвостъ у него — такъ, съ пуговку небольшую; а сорока вотъ — птица малая, перелётная — а вишь хвостище какой нацѣпила. — Да ктожъ это пойметъ? — Тутъ есть мудрость; тутъ ничего не разберешь; одна надежда на Бога. — Вотъ, напримѣръ — позвольте вамъ доложить, Аркадій Артемьичъ, отъ усердія позвольте доложить. — Вы вотъ изволите отчаяваться — а отъ чего?

Михрюткинъ. Какъ отъ чего? — Еще бы мнѣ не отчаяваться! — Вотъ еще что вздумалъ: отъ чего?

Ефремъ. Я знаю; знаю, Аркадій Артемьичъ— помилуйте, какъ намъ не знать? — Мы все знаемъ.— Но вы вотъ что извольте сообразить: и тутъ, и въ этимъ случаѣ, ничего тоже сказать нельзя навѣрнякъ. Вотъ, напримѣръ. Вы изволите знать сосѣда нашего — Финтренблюдова?— Ужъ на что былъ важный баринъ — лакеи въ кувбическую сажень ростомъ, что одного галуна, дворня — просто картинная галдарея — лошади — рысаки тысячные, — кучеръ — не кучеръ, просто единорогъ сидитъ.— Залы тамъ, трубачи, Французы на хорахъ, — тѣже арапы — ну просто всѣ удобства, какія только есть въ жизни. — И чѣмъ же кончилось? — Продали же его имѣніе сукціону. — А васъ, можетъ быть, Господь и помилуетъ, и все такъ обойдется.

Михрюткинъ. Дай Богъ! — Но мнѣ что-то не вѣрится.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичь.—Отчего же не вѣрится?

Михрюткинъ. Не таково мое счастье, братъ. Ужъ я себя знаю; знаю я свое счастье, выѣденнаго яйца оно не стоитъ, мое счастье-то.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичь!

Михрюткинъ. Да ужъ ты не говори, пожалуйста. — Ты вотъ лучше посмотри — лошади то твои не бѣгутъ вовсе.

Ефремъ. Помилуйте, лошади бѣгутъ, какъ слѣдуетъ.

Михрюткинъ. Ну хорошо... Я не говорю,.. я съ тобой согласенъ. *(Возвышаетъ голосъ)*. Я согласенъ съ тобой, говорю тебѣ.— *(Вздыхаетъ)*. Экая жара, Боже мой! — *(Помолчавъ)*. Эка паритъ, Господи! — *(Еще по-*

молчавъ). Мнѣ хочется попробовать, не засну ли я маленько... *(Оправляется и прислоняетъ голову къ боку кибитки).*

Ефремъ. Ну чтожъ — и съ Богомъ, батюшка. — *(Продолжительное молчанье. — Михрюткинъ засыпаетъ и похрапываетъ, слегка посвистывая и пощелкивая во снѣ. Голова у него заваливается назадъ. Ротъ раскрывается),*

Селивёрстъ *(открываетъ сперва одинъ глазъ, потомъ другой, и въ полголоса обращается къ Ефрему).* Однако ты, я вижу — хорошъ гусь. — Чего соловьемъ распѣлся?

Ефремъ *(помолчавъ, и тоже въ полголоса).* Чего распѣлся? — Экой ты, братецъ, непонятный. — Развѣ ты не видишь — баринъ у насъ еще младъ, молодушенъ... Надобножъ ему посовѣтовать, какъ, то есть, ему въ жизни дѣйствовать...

Селивёрстъ. Ну его! — Вишь вздумалъ нянчиться!...

Ефремъ. Чтожъ — коли другіе пренебрегаютъ...

Селивёрстъ. Другіе... другіе...

Ефремъ. Конечно другіе. — Впрочемъ — ты... извѣстное дѣло. Ты... Для тебя, что баринъ, что чужой человѣкъ — все едино.

Селивёрстъ. Можетъ быть. А тебѣ, небось, нѣтъ?

Ефремъ *(помолчавъ).* А что — неужто въ заправду опеку хотятъ наложить?

Селивёрстъ. Непремѣнно наложатъ. Мнѣ самъ секлетарь сказывалъ.

Ефремъ. Вотъ какъ. Ну, — а барыня... стало-быть и она не будетъ — того — распоряжаться?

Селивёрстъ. Вѣстимо, не будетъ. Имѣнье не ея.

Ефремъ. Нѣтъ — я по дому говорю, по дому.

Селивёрстъ. Нѣтъ, по дому распоряжаться будетъ.

Ефремъ. Такъ какой же толкъ? — Хороша твоя опека — нечего сказать. *(Михрюткинъ ворочается во снѣ. Селивёрстъ и Ефремъ зорко взглядываютъ на него; онъ спитъ)*. Еще пуще осерчаетъ, чего добраго.

Селивёрстъ. И это бываетъ.

Ефремъ. То то-же бываетъ. Впрочемъ мнѣ его жаль.

Селивёрстъ. А мнѣ не жаль. Вольножъ было ему. — Несчастный, кричитъ, человѣкъ я теперича сталъ въ свѣтѣ... А кто виноватъ? Не дурачился бы сверхъ мѣръ человѣческихъ. Да.

Ефремъ. Эхъ, Александрычь, какой ты, право, неразсудительный!... Ты сообрази: вѣдь онъ все таки есть баринъ.

Селивёрстъ. Ну, да ужъ ты мнѣ пожалуйста тамъ не расписывай... *(Михрюткинъ опять ворочается и приподнимается слегка. Селивёрстъ проворно прячетъ голову въ уголъ, и закрываетъ глаза. Ефремъ проводитъ кнутомъ надъ лошадьми, и кричитъ: а ва, ва, хвы, хвы, хва)*...

Михрюткинъ *(открываетъ глаза, щурится и потягивается)*. А я кажется того, соснулъ.

Ефремъ. Изволили почивать, точно.

Михрюткинъ. Далеко мы отъѣхали? *(Селивёрстъ приподнимается)*.

Ефремъ. До повёртка еще версты три будетъ.

Михрюткинъ *(помолчавъ)*. Какой мнѣ однако непріятный сонъ приснился! — Не помню хорошенько — что такое было — а только очень что-то непріятное. *(Помолчавъ)*. На счетъ имѣнья... опеки. — Будто вдругъ

меня подъ судъ во Францію повезли... очень непріятно... очень.

Селивёрстъ. Извѣстно... сонное мечтанье.

Михрюткинъ. — Меня это безпокоитъ. — (*Кашляетъ*).

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ, зачѣмъ вы изволите безпокоиться. — Съ кѣмъ этого не бываетъ? — Вотъ я на дняхъ имѣлъ сонъ, вотъ ужъ точно удивительный сонъ, просто непонятный. — Вижу я, — (*наклоняетъ голову, и у самаго своего желудка нюхаетъ изъ тавлинки табакъ, чтобы не засорить глаза барину*). Вижу я... (*крехтитъ и шепчетъ въ полголоса: Экъ пробралъ разбойникъ*)... Вижу я себя эдакъ словно въ полѣ, ночью, на дорогѣ. Вотъ иду я дорогой — да и думаю: — кудажъ это я иду? — А мѣста кругомъ, какъ будто, незнакомыя — холмы какіе-то, буераки — пустыя мѣста. — Вотъ иду я и, знаете ли, эдакъ все смотрю — кудажъ эта дорога ведетъ; не знаю, молъ, куда это она ведетъ. — И вдругъ мнѣ на встрѣчу будто телёнокъ бѣжитъ — да такъ шибко бѣжитъ и головой трясетъ. — Ну, хорошо. Бѣжитъ, сударь, телёнокъ, — а я будто думаю — э! да это никакъ отца Пафнутья телёнокъ сорвался, дай поймаю его. — Да какъ ударюсь бѣжать за нимъ... А ночь, изволю вамъ доложить, темная, претемная — просто зги не видать. Вотъ — бѣгу я за нимъ — за этимъ телёнкомъ-та — не поймаю его — ну что хоть — не поймаю. — Ахъ, братецъ ты мой, думаю я, эдакъ будто самъ про себя — да вѣдь это, должно быть, не телёнокъ, а что-нибудь эдакое нехорошее. Дай, думаю, я вернусь — пусть бѣжитъ себѣ, куда знаетъ. Ну, хорошо. Вотъ иду я опять прежней дорогой — а близь дороги эдакъ будто древо стоитъ — иду я, — а онъ вдругъ какъ наскочитъ сзади на меня, — да какъ тол-

кнетъ меня рогами въ бедро... Смерть моя пришла. Оробѣлъ я — во снѣ то, знаете ли — просто такъ оробѣлъ, что и сказать невозможно, — даже лытки (6) трясутся. Однако, думаю я, чтожъ это онъ будетъ меня въ бедро толкать — да, знаете ли, эдакъ взялъ да оглянулся... А ужъ за мной не телёнокъ, а будто жена стоитъ, какъ есть простоволосая, и смотритъ на меня злобственно. Я къ ней — а она какъ примется ругать меня... Ты, молъ, пьяница, куда ходилъ?

Я, говорю, я не пьяница, говорю; гдѣ ты эдакихъ пьяницъ видала, говорю, — а ты сама мнѣ лучше скажи, какимъ ты манеромъ сюда попала? Я, молъ, барину пожалюсь, — безстыдница ты эдакая... И Раисѣ Карпіевнѣ тоже пожалюсь. — А она будто вдругъ какъ захохо-читъ, какъ захохо-читъ... у меня такъ по животику мурашки и поползли. — Гляжу я на нее, а у ней глаза такъ и свѣтятся, зеленые такіе, какъ у кошки. Не смѣйся эдакъ жена, говорю я ей — эдакъ смѣяться грѣхъ. Не смѣйся — уважь меня. — Какая, говоритъ, я тебѣ жена — я русалка. Вотъ, постой, я тебя съѣмъ. Да какъ разинетъ ротъ — а у ней во рту зубовъ-то зубовъ — какъ у щуки... Тутъ ужъ я просто не выдержалъ, закричалъ, благимъ матомъ закричалъ... Купріянычь-то, старикъ, со мной въ одномъ углѣ спалъ — такъ тотъ, какъ сумасшедшій, съ палатей долой кубаремъ — подбѣгаетъ ко мнѣ, креститъ меня, что съ тобой, Ефремушка, говоритъ, что съ тобой, дай потру животъ — а я сижу на постелькѣ, да эдакъ весь трясусь, гляжу на него, просто ничего не понимаю — даже рубашка на тѣлѣ трясется. Такъ вотъ какіе бываютъ удивительные сны!

Михрюткинъ. Да; странный сонъ. Чтожъ, ты женѣ разсказалъ его?

Ефремъ. Какъ же.

Михрюткинъ. Ну чтожъ она?

Ефремъ. Она говоритъ — что телёнка во снѣ видѣть, значитъ къ прыщамъ; а русалку видѣть— къ побоямъ.

Михрюткинъ. А! я этого не зналъ.

Ефремъ. А говоритъ, закричалъ ты отъ того, что домовой на тебѣ ѣздилъ.

Михрюткинъ. Вотъ вздоръ какой! будто есть домовые.

Ефремъ. А то какъ же-съ? Помилуйте. Намеднись ключница зачѣмъ-то, подъ вечеръ, въ баню пошла — не мыться пошла — баню-то въ тотъ день и не топили, — да и съ какой стати старухѣ мыться,— а такъ — нужда какая-то приспичила. Чтожъ вы думаете? входитъ она въ предбанникъ, а въ предбанникѣ-то темно, — протягиваетъ руку — и вдругъ чувствуетъ — кто-то стоитъ. Она щупаетъ: овчина, да такая густая, прегустая.

Михрюткинъ. Это вѣрно, тулупъ какой висѣлъ— она его и тронула.

Ефремъ. Тулупъ? Да въ предбанникѣ отролу никакого тулупа не висѣло.

Михрюткинъ. Ну, такъ мужикъ какой нибудь зашелъ.

Ефремъ. Мужикъ? А зачѣмъ мужикъ станетъ тулупъ шерстью къ верху надѣвать. Мужикъ этого не сдѣлаетъ.

Михрюткинъ. Ну и чтожъ случилось?

Ефремъ. А вотъ что случилось. Говоритъ она, старуха-то: съ нами крестная сила! Кто это? — Ей не отвѣчаютъ. Она опять: да ктожъ это такое? — А тотъ-то какъ забормочетъ вдругъ по медвѣжьи... Она такъ и прыснула вонъ. — Насилу отдохнула, старая.

Михрюткинъ. Такъ ктожъ это, потвоему, былъ?

Ефремъ. Извѣстно кто: домовой. Онъ воду любитъ.

Михрюткинъ (*помолчавъ*). Ну, глупъ же ты, Ефремъ, признаюсь. — (*Обращаясь къ Селивёрсту*). И ты тоже въ домовыхъ вѣришь?

Селивёрстъ (*съ неудовольствіемъ*). Охота вамъ, баринъ, объ эфтихъ предметахъ разговаривать.

Ефремъ. Да помилуйте, Аркадій Артемьичъ; это малые дѣтки знаютъ. А на лошадяхъ, по ночамъ, кто ѣздитъ! Да у насъ не одни домовые — у насъ и марухи водятся.

Селивёрстъ. Да перестань Ефремъ!

Ефремъ. А что?

Селивёрстъ. Да такъ. Не хорошо. Вотъ нашелъ предметъ къ разговору.

Михрюткинъ. Марухи? Эго что еще такое!

Ефремъ. А вы не знаете? Старыя такія, маленькія бабы, по ночамъ на печахъ сидятъ, пряжу прядутъ, и все эдакъ подпрыгиваютъ, да шепчутъ. Намеднись въ Марчукова Федора одна эдакая маруха кирпичемъ пустила — онъ было къ ней на печку полѣзъ...

Михрюткинъ. Онъ, дуракъ, во снѣ это видѣлъ.

Ефремъ. Нѣтъ — не во снѣ.

Михрюткинъ. А коли не во снѣ, зачѣмъ онъ къ ней полѣзъ?

Ефремъ. Видно поближе разсмотрѣть захотѣлось.

Михрюткинъ. То-то же поближе! (*Помолчавъ*). Какой однако это вздоръ, ха, ха! (*Опять помолчавъ*). И къ чему ты объ этомъ заговорилъ — я удивляюсь.— Только уныніе наводитъ.

Селивёрстъ. И точно — уныніе.

Михрюткинъ. Конечно; я этимъ пустякамъ не вѣрю. Конечно. Одни только необразованные люди могутъ этому вѣрить.

Ефремъ. Ваша правда, Аркадій Артемьичь.

Михрюткинъ. Вѣдь этѣ марухи, напримѣръ, и прочее — вѣдь ты самъ посуди — это развѣ тѣло? — Какъ ты полагаешь?

Ефремъ. А не умѣю вамъ сказать, Аркадій Артемьичь; кто ихъ знаетъ, что онѣ такое.

Михрюткинъ. А коли не тѣло, развѣ онѣ могутъ жить, существовать то есть? — Ты меня пойми: то бываетъ тѣло — а то духъ.

Ефремъ. Та-акъ-съ.

Михрюткинъ. Ну — и слѣдовательно это все вздоръ, одна мечта; просто сказать — предразсудокъ.

Ефремъ Ну конечно.

Михрюткинъ. А все таки объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Къ чему? Вопросъ.

Ефремъ. Къ слову пришлось, а впрочемъ Богъ съ ними совсѣмъ... (*Коренная спотыкается*). Ну ты — съѣли тебя мухи-то!

Селивёрстъ. Вотъ, дуракъ, какъ несообразно говоритъ! — (*Плюетъ*). Пфу! Чтобъ имъ пусто было! — Экой ты, Ефремъ, легкомысленный человѣкъ — а еще кучеръ!

Ефремъ. Ну, да вѣдь ужъ вы, Селивёрстъ Александрычь...

Михрюткинъ. Ну ну ну!.. Это что еще? Этого еще недоставало, чтобы вы въ моемъ присутствіи поссорились...

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичь...

Михрюткинъ. Покорнѣйше прошу васъ обоихъ молчать. — (*Небольшое молчанье*). А тебя, Селивёрстъ, прошу не спать. Во первыхъ, оно не учтиво — и во

вторыхъ — безпорядокъ. Что за спанье днемъ? На то есть ночь. — Терпѣть я не могу этихъ безпорядковъ!

Селивёрстъ. Слушаю-съ.

Михрюткинъ (*помолчавъ, Ефрему*). Ахъ, да! скажи-ка твоей женѣ — кстати объ ней рѣчь зашла, — чтобы она не забыла окурить коровъ... Мнѣ въ городѣ сказывали — въ Жерловой падёжъ.

Ефремъ. Слушаю-съ.

Михрюткинъ (*помолчавъ*). А что она... твоя жена... Доволенъ ты ей?

Ефремъ Въ какомъ, то-есть, напримѣръ, смыслѣ вы изволите говорить?

Михрюткинъ. Извѣстно, въ какомъ. Такъ вообще. Я съ своей стороны ею доволенъ. Она скотница хорошая.

Ефремъ. Знаетъ свое дѣло. — (*Медленно*). Извѣстная вещь — безъ жены человѣку быть несвойственно. Жена на то и дана человѣку, чтобы служить ему, такъ сказать, въ знакъ удовлетворенья. Ну, а впрочемъ и въ этимъ случаѣ, осторожность не помѣха. Недаромъ въ пословицѣ говорится: не вѣрь коню въ полѣ — а женѣ въ домѣ. Баба извѣстно — человѣкъ лукавый, слабый человѣкъ; баба—плутъ. А мужъ не зѣвай. Женнино дѣло — мужу угождать и дѣтей соблюдать: а мужнино дѣло — жену въ повиновеньи содержать: и въ ласкѣ-то будь онъ къ ней строгъ. — Вотъ эдакъ все хорошо и пойдетъ. (*Стегаетъ лошадей*). Иные мужья, въ простонародьи, эдакъ, я знаю, говорятъ про своихъ женъ: эхъ погибели на тебя нѣтъ! — Я ихъ осуждаю...

Михрюткинъ (*торопливо*). Какъ — какъ они говорятъ?

Ефремъ. Погибели на тебя нѣтъ...

Михрюткинъ *(задумчиво)*. Гмъ... вотъ какъ...

Ефремъ. Я ихъ осуждаю... Почему? Потому я ихъ осуждаю...

Михрюткинъ *(съ жаромъ)*. А я ихъ не осуждаю... я ихъ не осуждаю... *(Помолчавъ)*. Однако — перестань наконецъ молоть вздоръ. — Право, съ тобой... Богъ знаетъ до чего... право. — *(Помолчавъ опять и указывая рукой впередъ)*. Что — вѣдь это, кажется, поворотъ въ Голоплёки?

Ефремъ. Это-съ.

Михрюткинъ. — Ну и слава Богу! — *(Сбрасываетъ съ себя шинель и отряхается)*. Живѣй, Ефремушка, живѣй! *(наклоняется впередъ)*. Вотъ онъ, повертокъ-то; вотъ онъ. *(Тарантасъ сворачиваетъ съ большой дороги)*. — Что, теперь версты три осталось — не больше?

Ефремъ. Будетъ ли еще. — Вотъ только стоитъ спуститься въ верхъ (7), а тамъ взобрался на взлобочекъ (8) — да и пошелъ взлызомъ (9) — катай-валяй!

Михрюткинъ *(словно про себя)*. А что̀ не говорите, пріятно возвращаться на родину. — Душа веселится — сердце радуется. — Даже лошади съ бо̀льшимъ удовольствіемъ везутъ. — Вишь, вишь, вѣтерокъ — прямо въ лицо мнѣ дуетъ, канашка! — *(Къ Селивёрсту)*. Что-вѣдь это, кажется, Грачевская роща на горѣ?

Селивёрстъ. Точно такъ — Грачевская.

Михрюткинъ. Славный лѣсокъ! Видный лѣсокъ! Пріятный лѣсокъ! *(Продолжая глядѣть кругомъ)*. Вишь какая гречиха! И овсы вотъ хороши. Такъ и играютъ на солнцѣ, бестьи! — Вонъ и́ржи (10) тоже хороши. Чьи эти овсы?

Селивёрстъ. Безкучинскихъ однодворцевъ.

Михрюткинъ. Вишь однодворцы! — Чтò у нихъ — хозяйство каково?

Селивёрстъ. Хозяйство у нихъ не то, чтобы того... а впрочемъ — ничего. Живутъ; чего имъ еще.

Михрюткинъ. — Хорошіе овсы. — *(Помолчавъ).* И у насъ овсы недурны... Но къ чему мнѣ они теперь? — Къ чему все это? — Вѣдь я пропалъ, совершенно пропалъ... Пропала моя головушка... Отнимутъ у меня и это послѣднее удовольствіе...

Селивёрстъ. Не извольте отчаяваться, Аркадій Артемьичь.

Михрюткинъ. И Раиса Карповна — задастъ она мнѣ встрёпку теперь! А я еще, глупый человѣкъ, радуюсь, что на родину возвращаюсь! — Ахъ, я несчастнѣйшее, несчастнѣйшее существо! — *(Умолкаетъ и спустя нѣсколько времени подымаетъ голову).* Вотъ ужъ Ахлопково стало видно... Хорошее сельцо. — Вонъ поповскій орѣшникъ. — Въ этомъ орѣшникѣ, должно быть, зайцы есть. — Эхъ, ребята, послушайте-ка... Что унывать? — Ну-ка — « Въ темномъ лѣсѣ. » — *(Запѣваетъ).* Въ темномъ лѣсѣ ..

Ефремъ и Селивёрстъ *(дружно подхватываютъ).*

Въ тёмномъ лѣсѣ,
Въ тёмномъ лѣсѣ —
Въ тёмномъ. .

Михрюткинъ. Ты высоко забираешь, Ефремъ — ты не дьячекъ — чтò ты голосомъ виляешь-то?

Ефремъ *(откашливаясь).* А вотъ сей часъ лучше пойдетъ.

Михрюткинъ *(тоненькимъ голосомъ).* Да въ залѣсьи...

Ефремъ и Селивёрстъ. Да въ залѣсьи...

Михрюткинъ *(кашляя)*. Распашу... распашу я...

Ефремъ. Эй вы маленькія!.. Распашу я... распашу я...

Селивёрстъ. Распашу я... *(Кашель заставляетъ Михрюткина умолкнуть; Селивёрстъ запинается.— Слышенъ одинъ высочайшій фальцетъ Ефрема, который поётъ;*

И па... шин... нику...
И па... шин... нику)...

(Тарантасъ въѣзжаетъ въ березовую рощу).

И. Тургеневъ.

ОРЛОВСКІЯ СЛОВА,

которыя попадаются въ «Разговорѣ».

1. Лядащій — никуда негодный, дрянной.
2. Божевольный — шаловливый, пугливый.
3. Вохлякъ — неловкій, мѣшокъ.
4. Очунѣть — придти въ себя.
5. Спапашиться — справиться, изловчиться.
6. Лытки — мышцы подъ колѣнками.
7. Верхъ — оврагъ.
8. Взлобокъ, взлобочекъ — выдающійся мысъ между двумя оврагами.
9. Взлызъ — покатое мѣсто, pente douce.
10. Иржы — множественное число слова: рожь.

О РОДОВЫХЪ КНЯЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

С. М. Соловьева.

О РОДОВЫХЪ КНЯЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Давно уже писатели Русской Исторіи начали останавливаться на удивительныхъ отношеніяхъ между нашими древними князьями, искать объясненій странному раздѣлу между ними, при которомъ боковыя линіи не исключались изъ владѣнія главнымъ столомъ, переходившимъ не отъ отца къ сыну, но къ старшему въ цѣломъ родѣ Ярослава I. Въ настоящее время, это явленіе обратило на себя особенное вниманіе изслѣдователей, пришедшихъ къ тому убѣжденію, что отношенія между нашими древними князьями были чисто родовыя, и что постепенный переходъ этихъ родовыхъ отношеній въ государственныя составляетъ господствующее явленіе, около котораго вращается весь интересъ древней Русской Исторіи, до самого пресѣченія рюриковой династіи. Но при этомъ необходимо долженъ былъ родиться вопросъ: составляетъ ли это явленіе исключительную принадлежность Русской Исторіи, не существовало ли оно и въ другихъ, ближайшихъ къ намъ государствахъ, у другихъ, родственныхъ намъ племенъ? Для рѣшенія этого вопроса, обратимся сперва къ исторіи Богеміи, и потомъ къ исторіи Польши.

Въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка, по древнему чешскому преданію, имѣлъ мѣсто знаменитый судъ Любуши, на которомъ рѣшался споръ о наслѣдствѣ между двумя знатными братьями Кленовичами: на

сеймѣ было рѣшено, чтобъ оба брата пользовались отцовскимъ имуществомъ сообща, безъ раздѣла; старшій братъ сильно сердился на это рѣшеніе, и настаивалъ, что наслѣдство должно идти одному первородному; но на его слова отозвался голосъ, что нейдетъ Чехамъ искать правды у Нѣмцевъ, что у нихъ есть своя правда, принесенная предками. Изъ этого преданія мы узнаемъ о славянскомъ обычаѣ, которымъ руководились на сеймахъ и который требовалъ, чтобъ всѣ братья пользовались сообща отцовскимъ имуществомъ, безъ раздѣла; но при этомъ узнаемъ, что въ тоже время уже прорывался обычай новый, по которому наслѣдство должно было идти первородному. Легко понять, что борьба этихъ двухъ обычаевъ должна была имѣть мѣсто и въ родѣ княжескомъ, и что обычай нераздѣльнаго, общаго владѣнія, какъ обычай древній, принесенный отцами, долго не дастъ мѣста обычаю новому, чужому, хотя и необходимому для государственнаго блага.

Исторія Богеміи, равно какъ и Польши, начинаетъ проясняться со второй половины IX вѣка, т. е. съ принятія христіанства. Послѣ Буривоя, который первый изъ чешскихъ князей принялъ крещеніе, осталось двое сыновей, Спитигнѣвъ и Вратиславъ; оба брата княжили по старинному славянскому обычаю, владѣли нераздѣльно: обоихъ мы видимъ въ 895 году на Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, гдѣ оба они признаютъ надъ собою верховную власть Римско-Германскаго Императора. Такимъ образомъ, не смотря на то, что, по преданію, Чехи не хотѣли принимать нѣмецкихъ обычаевъ, они не могли не подчиниться германскому вліянію въ слѣдствіе подчиненія своихъ князей Императору Германскому; вліяніе такого подчиненія скоро оказалось ощутительно въ самихъ отноше-

ніяхъ между князьями. Понятно, что для Императоровъ выгодно было поддерживать старый славянскій обычай въ отношеніяхъ между князьями, потому что общее, равноправное владѣніе всѣхъ князей-родичей съ неизбѣжными усобицами и безнарядьемъ обезсиливали страну, не давали ей возможности высвободиться изъ подъ чуждаго вліянія; но за то сами чешскіе князья, которые стремились къ этому освобожденію, единственное средство къ успѣху видѣли въ единовластіи, въ изгнаніи и даже въ истребленіи родичей — совладѣтелей. Неизвѣстно, были ли сыновья у Спитигнѣва, но братъ его Вратиславъ оставилъ, по смерти своей троихъ сыновей — Вячеслава, Болеслава и Спитигнѣва, владѣвшихъ нераздѣльно и одноправно по старому обычаю; кроткій Вячеславъ былъ вѣрнымъ подручникомъ Императора, давалъ ему ежегодно по 500 гривенъ серебра и по 120 воловъ; но второму брату, Болеславу, не нравилась эта подчиненность: онъ убилъ Вячеслава, и тотчасъ началъ дѣйствовать противъ Германіи; четырнадцать лѣтъ продолжалась борьба, наконецъ Императоръ Оттонъ I осилилъ чешскаго князя, и тотъ нашелся принужденнымъ снова подчиниться ему. Болеславъ I оставилъ престолъ сыну своему, Болеславу II; но блистательное правленіе послѣдняго вовсе для насъ не такъ замѣчательно, какъ правленіе сына его, Болеслава III, Рыжаго, потому что этотъ имѣлъ двоихъ братьевъ совладѣльцевъ — Яромира и Олдриха. Первымъ дѣломъ Болеслава было освободиться отъ братьевъ: онъ велѣлъ скопить Яромира, удушить въ банѣ Олдриха; но тотъ и другой успѣли спастись бѣгствомъ. Самъ Болеславъ однако не долго былъ единовластителемъ: партія недовольныхъ вельможъ вызвала польскаго князя Владивоя, который явился съ войскомъ въ Богемію, и принудилъ

Болеслава бѣжать. Владивой умеръ черезъ годъ; Чехи призвали изгнанныхъ Болеславомъ Яромира и Олдриха; но Болеславъ Рыжій нашелъ убѣжище и помощь у знаменитаго Болеслава Храбраго Польскаго. Какую роль играетъ этотъ Болеславъ въ Русской Исторіи, точно такую же играетъ онъ и въ Чешской: какъ въ русской поддерживаетъ онъ братоубійцу Святополка, но, подъ видомъ помощи послѣднему, хочетъ самъ стать твердою ногою въ Кіевѣ, такъ точно и въ Богеміи поддерживаетъ онъ Болеслава Рыжаго, стараясь между тѣмъ самъ занять его мѣсто. Яромиръ не могъ и думать о сопротивленіи Храброму, и удалился къ Нѣмецкому Императору Генриху II; Болеславъ Рыжій сѣлъ опять на престолъ, и началъ думать о мести своимъ прежнимъ врагамъ; испуганные кровавыми мѣрами Болеслава, Чехи обратились къ Польскому королю съ просьбою освободить ихъ отъ князя, котораго онъ далъ имъ противъ ихъ воли. Храбрый снова явился въ Богеміи, теперь уже какъ врагъ Рыжаго; схвативъ послѣдняго, онъ велѣлъ ослѣпить его и заточить въ Польшу, а самъ сѣлъ на его престолѣ, замышляя сдѣлать красивую Прагу чешскую стольнымъ городомъ своихъ обширныхъ владѣній. Такимъ образомъ, готово было основаться могущественное Славянское государство, могшее соперничать съ Германскою имперіею, и высвободить западныхъ Славянъ отъ тяготѣвшаго надъ ними нѣмецкаго вліянія; понятно, что Императоръ не могъ равнодушно смотрѣть на Болеславово могущество; онъ послалъ сказать Польско-Чешскому державцу, что если хочетъ мирно княжить въ своей новой волости, то пусть возьметъ ее въ ленъ отъ Имперіи. Болеславъ отвѣчалъ приготовленіями къ воинѣ; трудно было рѣшить, кто останется въ ней побѣдителемъ; но сами Поляки постарались лишить своего короля Богеміи.

Они начали поступать съ Чехами, какъ съ побѣжденными, позволили себѣ съ ними всякаго рода насиліе; тѣ стали сноситься съ своими изгнанными князьями, и когда Яромиръ и Олдрихъ явились въ Богеміи съ нѣмецкими войсками, то Болеславъ увидалъ противъ себя цѣлый народъ, и принужденъ былъ отказаться отъ своей добычи.

« Встало одно солнце на всемъ небѣ, сталъ опять Яромиръ княжить надъ всею землею, » говоритъ старая чешская пѣсня, и говоритъ неправду: солнце одно было на небѣ, а Яромиръ не одинъ княжилъ въ Чешской землѣ, подлѣ него княжилъ одноправный совладѣлецъ, братъ его Олдрихъ « воинъ славный, въ котораго Богъ вложилъ и мочь и крѣпость, въ буйную голову далъ разумъ свѣтлый, » по словамъ той же пѣсни. Въ 1012 году Олдрихъ выгналъ Яромира: зачто — не знаетъ ни пѣсня, ни лѣтопись. Императору Конраду II неправилось единовластіе у Чеховъ; не разъ вызывалъ онъ Олдриха къ себѣ, и когда тотъ наконецъ явился къ нему, то былъ заточенъ въ Регенсбургъ. Яромиръ началъ опять княжить въ Богеміи сообща съ племянникомъ Брячиславомъ, сыномъ Олдриховымъ. Между тѣмъ Императоръ предложилъ своему плѣннику возвратиться на родину и княжить тамъ сообща съ старшимъ братомъ; Олдрихъ присягнулъ, что уступитъ брату половину земли, но какъ скоро возратился домой, то велѣлъ ослѣпить Яромира. — По смерти Олдриха, единовластителемъ земли сталъ сынъ его, Брячиславъ I. За удачныя войны свои съ Поляками Брячиславъ слыветъ возстановителемъ чешской славы; но для насъ онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что ему приписывается полное возстановленіе стараго славянскаго обычая, по которому цѣлый родъ княжескій долженъ былъ сообща владѣть Чешской землею,

при чемъ старшій столъ долженъ былъ переходить всегда къ старшему въ цѣломъ родѣ князю. Такимъ образомъ съ 1054 года, по смерти Брячислава I. мы видимъ, что въ Богеміи начинаетъ владѣть цѣлый родъ княжескій съ переходомъ главнаго стола къ старшему въ цѣломъ родѣ : тоже самое явленіе мы видимъ у насъ на Руси, начиная съ того же самаго времени, т. е. съ 1054 года, со смерти Ярослава I.

По смерти Брячислава I, Великимъ Княземъ, т. е. старшимъ въ родѣ (Dux principalis) становится старшій сынъ его, Спитигнѣвъ II; остальные Брячиславичи были: Вратиславъ, Конрадъ, Яромиръ и Оттонъ. Какъ у насъ на Руси Ярославичи, такъ и въ Богеміи Брячиславичи не долго жили въ согласіи: второй Брячиславичь — Вратиславъ долженъ былъ сначала искать убѣжища въ Венгріи отъ преслѣдованія старшаго брата; однако послѣ, помирившись съ послѣднимъ, возвратился на родину, и въ 1061 году наслѣдовалъ въ старшинствѣ Спитигнѣву. По смерти Вратислава II, по извѣстному обычаю, мимо сыновей его, наслѣдовалъ старшинство братъ его Конрадъ I, но княжилъ только восемь мѣсяцевъ: это былъ послѣдній изъ Брячиславичей, и по смерти его, въ 1092 году, выступаетъ второе поколѣніе, внуки Брячислава I. Такъ какъ изъ сыновей старшаго Брячиславича, Спитигнѣва II никого не было въ живыхъ, то старшинство получилъ Брячиславъ II, сынъ Вратислава I. Теперь во второмъ поколѣніи, при многочисленности двоюродныхъ братьевъ, раждался вопросъ: какъ будетъ переходить старшинство? По старшинству ли княжескихъ линій, т. е. сначала ко всѣмъ Вратиславичамъ, потомъ Конрадовичамъ и т. д., или двоюродные братья будутъ считаться старшинствомъ физическимъ, по лѣтамъ? Брячиславъ II, враждуя съ двоюродными братьями

Конрадовичами, хотѣлъ утвердить первый изъ означенныхъ порядковъ преемства: въ 1099 году онъ упросилъ Императора Генриха IV утвердить старшинство за роднымъ братомъ его Буривоемъ, а не за двоюроднымъ Олдрихомъ, сыномъ Конрадовымъ, который, послѣ Брячислава, былъ старше всѣхъ князей по лѣтамъ.

Такимъ образомъ Буривой II получилъ старшинство. Олдрихъ Конрадовичь сначала не думалъ уступать ему своихъ правъ; но, будучи оставленъ передъ битвою своими союзниками — Нѣмцами, долженъ былъ бѣжать изъ Богеміи въ Моравію, гдѣ Буривой оставилъ его княжить въ покоѣ. Олдрихъ не возобновлялъ своихъ покушеній; но противъ Буривоя возсталъ другой князь — родичь, который, по русскому обычаю, не имѣлъ ни какого права на старшинство, именно Святополкъ Оломуцкій (Ольмюцкій), сынъ Оттона, младшаго сына Брячислава I. Не смотря на то, что Оттонъ умеръ, не будучи старшимъ въ родѣ, Святополкъ вздумалъ изгнать Буривоя: въ лѣтописяхъ Святополкъ слыветъ честолюбивымъ, храбрымъ, жестокимъ и коварнымъ. Видя невозможность свергнуть Буривоя силою, онъ употребилъ хитрость, подослалъ къ нему одного изъ своихъ вѣрныхъ слугъ, который вкрался въ довѣренность Буривоя, и пересcорилъ его со всѣми сильнѣйшими вельможами, и даже съ роднымъ братомъ Владиславомъ. Надѣясь на помощь недовольныхъ, Святополкъ явился съ войсками въ Богеміи; зная свою безправность, онъ велъ себя также хитро въ Богеміи, какъ безправный Всеволодъ Ольговичь велъ себя на Руси: какъ Всеволодъ, чтобъ имѣть опору противъ Мономаховичей, прельстилъ лучшаго изъ нихъ, Изяслава Мстиславича надеждою старшинства послѣ себя, такъ точно Святополкъ привлекъ на

свою сторону Буривоева брата, Владислава обѣщаніемъ передать ему старшинство по своей смерти. Буривой, оставленный всѣми, не могъ держаться противъ Святополка, и бѣжалъ къ Императору Генриху V; тотъ послалъ звать похитителя къ себѣ на судъ, Святополкъ не смѣлъ ослушаться; но какъ скоро явился къ императорскому двору, то былъ схваченъ и заточенъ; Буривой снова явился въ Богеміи, но былъ опять изгнанъ младшимъ братомъ Святополковымъ, Оттономъ, который правилъ страною въ отсутствіе старшаго. Послѣдній между тѣмъ купилъ у Императора свободу за 10000 гривенъ серебра, и возвратился въ отечество, но черезъ два года палъ отъ руки неизвѣстнаго убійцы. Войско, которое очень любило храбраго Святополка, провозгласило Великимъ Княземъ брата его, Оттона II, или Чернаго; но третій Вратиславичь, Владиславъ выставилъ свое право на старшинство, обѣщанное ему покойнымъ Святополкомъ; сторону Владислава держало мирное народонаселеніе и собственно Чехи, сторону Оттона—войско и Моравы; на шумномъ сеймѣ, въ 1109 году, сторона Владислава восторжествовала, и онъ былъ провозглашенъ Великимъ Княземъ.

Въ Октябрѣ 1109 года Владиславъ сѣлъ на столѣ дѣда и отца своего въ Прагѣ; въ Декабрѣ принужденъ былъ отправиться въ Регенсбургъ по вызову Императора; а на третій день по его отъѣздѣ, давно изгнанный старшій братъ его, Буривой явился съ войскомъ предъ пражскими стѣнами, и овладѣлъ городомъ съ помощію своихъ пріятелей; на четвертый день Буривой, въ свою очередь, былъ осажденъ Оттономъ Чернымъ Моравскимъ, а чрезъ день явился передъ Прагою и Владиславъ, возвратившійся съ дороги при вѣсти о вторженіи Буривоя: «отцы лили кровь дѣтей, дѣти кровь

отцовъ, братья родные и двоюродные бились другъ съ другомъ,» говоритъ лѣтописецъ чешскій; а между тѣмъ приближался къ Прагѣ Императоръ Генрихъ V, чтобъ разсудить усобниковъ, и судомъ этимъ утвердить власть свою надъ страною. Генрихъ присудилъ старшинство Владиславу, а стараго Буривоя заточилъ: за то, когда Генрихъ отправился въ Римъ, племянникъ Чешскаго князя съ тремя стами всадниковъ провожали его туда, какъ верховнаго владыку земли своей. Но Чехи не долго послѣ того жили въ покоѣ: сперва встала вражда между Владиславомъ и Оттономъ,—кончилось заточеніемъ послѣдняго; потомъ завраждовалъ Владиславъ съ роднымъ братомъ своимъ Собѣславомъ, младшимъ изъ Владиславичей,—Собѣславъ бѣжалъ въ Польшу; наконецъ въ 1115 году, благодаря стараніямъ Польскаго короля, Болеслава Кривоустаго, всѣ чешскіе князья съѣхались вмѣстѣ, и мирно урядились. Какъ на Руси княжескія волости не были наслѣдственными, не переходили отъ отца къ сыновьямъ, но раздавались Великимъ Княземъ по ряду съ братьями, на основаніи родоваго старшинства, такъ точно было и у Чеховъ: старшиный искатель старшинства, Олдрихъ Конрадовичь и братъ его, Литольтъ умерли, оставя малолѣтныхъ сыновей; Великій Князь Владиславъ, мимо послѣднихъ, отдалъ ихъ владѣнія брату своему Собѣславу. За примиреніемъ Владислава съ младшимъ братомъ своимъ, Собѣславомъ, послѣдовало скоро и примиреніе съ старшимъ, изгнаннымъ Буривоемъ: какъ на Руси Изяславъ Мстиславичь, увидавъ наконецъ невозможность или, по крайней мѣрѣ, неудобство ратовать противъ правъ старшихъ членовъ рода, призвалъ дядю Вячеслава въ Кіевъ, и княжилъ его именемъ; такъ точно и Владиславъ призвалъ наконецъ Буривоя, уступилъ ему старшинство, а старикъ въ благодар-

ность уступилъ ему въ пользованіе бо́льшую часть земель, и ничего не дѣлалъ безъ его вѣдома и совѣта. Но далѣе сравненіе между этими двумя событіями на Руси и въ Богеміи провести нельзя: на Руси дядя съ племянникомъ жили въ любви до конца; но въ Богеміи братья не ужились. Буривой принужденъ былъ опять оставить родную страну, и умеръ изгнанникомъ въ Венгріи: причины этого послѣдняго изгнанія неизвѣстны. Неизвѣстны также причины новой вражды между Владиславомъ и Собѣславомъ, въ слѣдствіе которой Собѣславъ опять былъ выгнанъ.

Владиславъ умеръ въ 1125 году; Собѣславъ, послѣдній изъ Вратиславичей, принялъ старшинство, обязанный этимъ народной любви, которую заслужилъ своими прекрасными качествами. Несмотря на то, Оттонъ Конрадовичь не думалъ уступать ему старшинства; не надѣясь найти помощи въ Чешскомъ народѣ, Оттонъ обратился къ Нѣмецкому Императору Лотарю съ просьбою поддержать его права; Лотарь обрадовался случаю, и, повѣстивъ, что безъ его позволенія ни одинъ Великій Князь не можетъ быть утвержденъ въ Богеміи, потребовалъ Собѣслава къ суду; тотъ отвѣчалъ приготовленіями къ войнѣ. Въ Февралѣ 1126 года Собѣславъ одержалъ надъ Лотаремъ блистательную побѣду при Кульмѣ (Хлумецъ), и заставилъ его дать себѣ подтвержденіе старшинства; соперниковъ не было болѣе: виновникъ войны, Оттонъ Черный палъ при Кульмѣ, сынъ его, Оттонъ III бѣжалъ въ Русь и оставался тамъ во все княженіе Собѣслава.

Смертію Собѣслава, послѣдовавшею въ 1140 году, прекратилось второе поколѣніе Брячиславичей, и выступаетъ третье поколѣніе — правнуки Брячислава I. Между тѣмъ усобицы въ родѣ княжескомъ произвели уже вредныя слѣдствія, а именно — ослабленіе власти

Великаго Князя и усиленіе могущества вельможъ. Тяжко было для послѣднихъ твердое правленіе Собѣслава, и по смерти его, они рѣшились выбрать князя, котораго бы слабый характеръ могъ ручаться за безнаказанное своеволіе съ ихъ стороны. Въ слѣдствіе этого, мимо старшихъ внуковъ Вратиславовыхъ, сыновей Буривоя, сеймъ провозгласилъ Великимъ Княземъ Владислава II, сына Владислава I. Но вельможи скоро увидали, что жестоко ошиблись въ своемъ выборѣ: Владиславъ сначала казался человѣкомъ легкомысленнымъ, имѣвшимъ въ виду одни удовольствія; но совсѣмъ другимъ человѣкомъ явился онъ, когда вступилъ на престолъ: онъ не нарушилъ ничьихъ правъ; но не уступилъ никому и своихъ, не подчинился ничьему вліянію. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ вельможи объявили, что Владиславъ не способенъ княжить, и скоро противъ него составился страшный союзъ изъ всѣхъ остальныхъ членовъ Брячиславова рода: соединенные князья выбрали себѣ въ старшіе Конрада II, внука Конрада I, чрезъ втораго сына его, Лютольда, мимо старшей линіи Конрадовичей, мимо сыновей Олдриха. Несмотря однако на соединенныя силы князей и вельможъ, не смотря на то, что въ кровопролитномъ сраженіи при горѣ Высокой, Владиславъ былъ покинутъ большею частію своихъ войскъ, ему удалось удержаться въ Прагѣ, и потомъ съ нѣмецкою помощію заставить враговъ своихъ очистить Богемію.

Разсказъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Владислава II, чешскіе историки начинаютъ такимъ же плачевнымъ тономъ, какимъ русскій лѣтописецъ начинаетъ описывать княженіе Даніила Галицкаго: «Начнемъ же сказати безчисленныя рати, и великіе труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частыя возстанія, и многіе мятежи.» До сихъ поръ мы видѣ-

ли, что хотя порядокъ преемства не разъ нарушался между линіями Брячиславова потомства, однако не было еще примѣра, чтобъ сынъ наслѣдовалъ прямо отцу, чтобъ племянникъ перебивалъ старшинство у дяди. Первый примѣръ такого преемства мы видимъ по смерти Владислава II. Запутанность въ родовыхъ счетахъ, произведенная своеволіемъ вельможъ, неправильный выборъ самаго Владислава II, вражда, которую этотъ князь возбудилъ противъ себя во всѣхъ родичахъ, и которая ничего не обѣщала хорошаго для сыновей его въ будущемъ — все это заставляло Владислава подумать о томъ, какъ бы утвердить власть въ собственномъ семействѣ, и такимъ образомъ обезопасить его отъ вражды родичей. Но кромѣ этихъ побужденій, Владиславъ имѣлъ предлогъ, право къ измѣненію существовавшаго до сихъ поръ порядка вещей: онъ не былъ болѣе только великимъ, старшимъ княземъ между другими князьями и родичами; за услуги, оказанныя имъ Императору Фридриху I, онъ получилъ отъ послѣдняго королевскій титулъ, съ правомъ передать его своимъ наслѣдникамъ: титулъ этотъ высвобождалъ Владислава изъ родовыхъ отношеній къ прочимъ Брячиславичамъ; онъ не былъ уже болѣе только старшій между ними, онъ былъ король (Rex) надъ ними, сыновья его были *королевичами*, слѣд. единственными законными наслѣдниками короля (*), законными владѣтелями новаго королевства. На этомъ основаніи Владиславъ II рѣшился передать свою власть и титулъ

(*) Изъ предшественниковъ Владислава II, Вратиславъ получилъ также королевскій титулъ отъ Императора, но только въ пожизненное пользованіе, безъ права передачи наслѣдникамъ и странѣ; не смотря на то однако это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на возвышеніе линіи Вратиславовой надъ всѣми другими линіями.

своему сыну Фридриху мимо всѣхъ родичей; но онъ хорошо зналъ, что послѣдніе не откажутся легко отъ старинныхъ притязаній, и найдутъ въ вельможахъ ревностныхъ приверженцевъ старины; для этого, чтобъ упрочить престолъ за сыномъ, Владиславъ прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: онъ сложилъ съ себя королевскую власть, и передалъ ее заживо сыну своему Фридриху, въ 1173 году.

Владиславъ принялъ мѣры противъ родичей и вельможъ; но онъ не принялъ мѣръ противъ Нѣмецкаго Императора, которому никакъ не могло нравиться утвержденіе государственныхъ отношеній въ родѣ чешскихъ владѣльцевъ, и новый порядокъ престолонаслѣдія, необходимымъ слѣдствіемъ котораго было бы прекращеніе усобицъ и опасное для Имперіи усиленіе королей чешскихъ. Какъ скоро Императоръ Фридрихъ I узналъ о богемскихъ новостяхъ, то немедленно отправилъ въ Богемію приказъ, чтобъ оба короля, и старый и новый явились къ нему. Послѣ напрасныхъ отговорокъ они отправились къ Императору въ Ермендорфъ, куда прибыли и всѣ знатнѣйшіе бароны богемскіе. Императоръ предложилъ вопросъ: кому послѣ Владиславова отреченія слѣдуетъ верховная власть въ Богеміи? Бароны отвѣчали жалобою, что Фридрихъ вступилъ на престолъ только по отцовской волѣ, а не въ слѣдствіе свободнаго избранія государственными чинами; Императоръ присоединилъ сюда свое обвиненіе, что Владиславъ распорядился престоломъ безъ его согласія: въ слѣдствіе этого было рѣшено, что королевскій титулъ опять уничтожается въ Богеміи, а Великимъ Княземъ или Герцогомъ будетъ Собѣславъ II, сынъ Собѣслава I, которому именно принадлежало старшинство по старому обычаю; Фридрихъ остался заложникомъ въ рукахъ императорскихъ, дабы при-

верженцы его въ Богеміи не вздумали противостать Собѣславу, который за все это обѣщалъ приготовить вспомогательныя войска для ломбардскихъ походовъ Императора. Походы были неудачны: послѣ пораженія при Леньяно (1177 году), Императоръ началъ стараться о примиреніи съ Папой Александромъ III. Обѣ главы западнаго христіанскаго міра съѣхались въ Венеціи, куда явился и лишенный владѣнія Фридрихъ Богемскій; безъ сомнѣнія, по ходатайству Папы, который былъ во враждѣ съ Собѣславомъ, Императоръ опять отдалъ Фридриху Богемію въ ленъ; Фридрихъ, съ помощію Австрійскаго Герцога Леопольда поднялся противъ Собѣслава; послѣдній не думалъ уступать сопернику, два года держался въ Богеміи, наконецъ нашелся принужденнымъ искать убѣжища на чужбинѣ, гдѣ скоро и умеръ.

Фридрихъ снова утвердился на престолѣ, но не надолго: за уступку Богемскаго Княжества онъ обѣщалъ Императору большую сумму денегъ; чтобъ уплатить ее, онъ наложилъ тяжкія подати, которыя произвели всеобщее неудовольствіе; этимъ неудовольствіемъ воспользовался одинъ изъ Конрадовичей — Конрадъ Оттонъ, овладѣлъ Прагою, и провозгласилъ себя Великимъ Княземъ. Изгнанный Фридрихъ обратился съ просьбою о помощи къ Императору, который и позвалъ Конрада Оттона вмѣстѣ съ чешскими панами на судъ въ Регенсбургъ. Здѣсь Фридрихъ былъ снова провозглашенъ Великимъ Княземъ; но тутъ же обнаружилась и политика Императора относительно Богеміи: уже было разъ замѣчено, что какъ на Руси, такъ и въ Богеміи волости не были наслѣдственны въ княжескихъ линіяхъ, но, при общемъ владѣніи, переходили изъ одной линіи въ другую, смотря по родовымъ счетамъ, или по распоряженію старшаго, въ слѣдствіе ряда его съ

остальными родичами: такова была судьба и Моравіи. Но теперь Императору показалось выгоднымъ отдѣлить Моравію отъ Богеміи, что онъ и сдѣлалъ, отдавши ее непосредственно отъ себя въ ленъ Конраду Оттону безъ всякой зависимости отъ князя Чешскаго: Конрадъ Оттонъ получилъ при этомъ титулъ Маркграфа Моравскаго. Слѣдствіемъ такой сдѣлки была кровавая междоусобная война между Моравами и Чехами, кончившаяся тѣмъ, что Конрадъ Оттонъ принужденъ былъ отказаться отъ маркграфскаго титула, и снова признать свою зависимость отъ Богемскаго Великаго Князя: отсутствіе Императора, занятаго опять въ Италіи, способствовало Фридриху къ возстановленію старины. — Въ 1189 году умеръ Фридрихъ, не оставивъ послѣ себя сыновей; престолъ безъ сопротивленія былъ снова занятъ Конрадомъ Оттономъ, но безъ всякаго права: онъ не могъ занять старшаго стола ни *по отчинѣ, ни по дѣдинѣ*, притомъ же оставался въ живыхъ старшій въ родѣ, *дядя* и ему и покойному Фридриху, Вячеславъ, сынъ Собѣслава I; вотъ почему, зная свое безправье, Конрадъ Оттонъ хотѣлъ опереться на государственные чины, далъ имъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ какое они имѣли при его предшественникахъ: такимъ образомъ, въ слѣдствіе родовыхъ распрей между Брячиславичами, власть княжеская все болѣе и болѣе никла въ Богеміи, все болѣе и болѣе правленіе этой страны принимало характеръ избирательный. Но съ другой стороны, это же самое обстоятельство необходимо вело къ прекращенію родовыхъ счетовъ, родовыхъ отношеній, потому что на нихъ не обращалось болѣе вниманія.

Конрадъ Оттонъ умеръ въ 1191 году, при осадѣ Неаполя, куда онъ сопровождалъ новаго Императора Генриха VI. По смерти его, по всѣмъ стариннымъ пра-

вамъ вступилъ на старшій столъ Вячеславъ II Собѣславичь; но старина была уже давно нарушена, и потому противъ Вячеслава вооружился племянникъ его Пршемыслъ Оттокаръ Владиславичь, братъ покойнаго Фридриха, купивъ за 6000 марокъ серебра согласіе Императора; но когда Пршемыслъ не выплатилъ всей означенной суммы, и вошелъ въ тайныя сношенія съ врагомъ Гогенштауфеновъ, Генрихомъ Львомъ, герцогомъ Саксонскимъ, то Императоръ, за неимѣніемъ другаго соискателя, отдалъ Богемію въ ленъ младшему двоюродному брату Оттокарову — Генриху Брячиславу, епископу пражскому. Пршемыслъ — Оттокаръ, оставленный панами, принужденъ былъ покинуть Богемію; но, когда Великій Князь-епископъ скоро послѣ того умеръ, возвратился на родину, и снова былъ провозглашенъ Великимъ Княземъ. Здѣсь оканчивается въ Чешской исторіи періодъ родовыхъ княжескихъ отношеній и родовыхъ усобицъ; мы видѣли, какія чуждыя вліянія содѣйствовали этому окончанію: съ одной стороны усилившаяся въ слѣдствіе княжескихъ усобицъ аристократія предоставила себѣ право нарушать родовые счеты и выбирать князя какой ей былъ угоденъ, мимо правъ старшинства; съ другой стороны могущественное вліяніе оказалъ бытъ германскій; родовой бытъ не могъ устоять противъ дѣйствія этихъ двухъ силъ, двухъ вліяній, и вотъ король Владиславъ, воспользовавшись королевскимъ титуломъ, спѣшитъ оставить свое новое королевство сыну мимо старшихъ родичей; первая попытка, какъ обыкновенно бываетъ, неудалась, но уже примѣръ былъ поданъ, и ему немедленно послѣдовали при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Младшій братъ Пршемысла Оттокара, Владиславъ, избранный было панами въ Великіе Князья тотчасъ по смерти епископа Брячи-

слава — Генриха, добровольно уступилъ Богемскій престолъ старшему брату, взявши въ замѣнъ отъ него Моравію съ титуломъ Маркграфа въ видѣ лена, слѣдовательно родовыя отношенія между братьями смѣнились служебными, феодальными. Въ тоже время, по смерти Императора Генриха VI, въ Германіи возникли смуты, освободившія Богемію отъ тяжкаго вліянія Императоровъ; искатели Императорской короны должны были уступками покупать содѣйствіе Чешскаго владѣтеля, и въ слѣдствіе этого Пршемыслъ Оттокаръ пріобрѣтаетъ снова наслѣдственный королевскій титулъ. Вторая уступка состояла въ томъ, что Императоръ Фридрихъ II утвердилъ въ Богеміи новый законъ престолонаслѣдія, по которому, по смерти Пршемысла Оттокара, королевское достоинство переходило къ сыну его Вячеславу, мимо брата его Владислава, Маркграфа Моравскаго; это было въ 1216 году; въ 1228 году Оттокаръ торжественно короновалъ своего сына. Новый порядокъ утвердился окончательно.

Обратимся теперь къ Польшѣ. Достовѣрная исторія и этой страны, точно такъ, какъ исторія Богеміи, начинается съ половины IX вѣка, т. е., съ принятія христіанства. Сходство начальной исторіи обѣихъ странъ простирается далѣе: какъ въ Богеміи, такъ и въ Польшѣ видимъ зависимость въ церковномъ отношеніи отъ Рима, въ политическомъ отъ Римско-Германскаго Императора; какъ въ Богеміи, такъ и въ Польшѣ видимъ родовыя отношенія между князьями, въ слѣдствіе чего видимъ сначала, что старшіе стремятся насильственнымъ образомъ освободить себя отъ младшихъ, которыхъ притязанія несовмѣстны были съ выгодами государства. Болеславъ I, Храбрый, второй изъ христіанскихъ князей Польши, началъ свое княженіе тѣмъ, что выгналъ троихъ родныхъ братьевъ и ослѣпилъ дво-

ихъ родственниковъ; сынъ Болеслава, Мечиславъ II началъ свое правленіе точно такимъ же образомъ, изгнаніемъ брата. Мечиславъ оставилъ престолъ малолѣтнему сыну Казимиру, подъ опекою вдовы своей Риксы, урожденной принцессы Пфальцской; Рикса не могла возвратить княжеской власти того значенія, какое имѣла она при Болеславѣ Храбромъ, и которое начало ослабѣвать при Мечиславѣ; вельможи изгнали Риксу и захватили въ свои руки опеку надъ молодымъ Казимиромъ по неимѣнію другихъ членовъ княжескаго рода. Здѣсь мы видимъ начало того значенія, съ какимъ польскіе вельможи являются во всей послѣдующей исторіи своей страны. Когда Казимиръ выросъ, и вельможи стали бояться, чтобъ онъ, взявши власть въ руки, не отмстилъ имъ за мать, и вообще не ослабилъ бы уже пріобрѣтеннаго ими значенія, — то они выгнали и его. Польша увидала въ челѣ своемъ олигархію; сильнѣйшіе роды изгнали слабѣйшіе, или подчинили ихъ себѣ, но не могли ужиться между собою въ мирѣ, и усобицами своими произвели анархію, которая начала грозить Польшѣ совершенною гибелью. Воспользовавшись безпомощнымъ состояніемъ Польши, Чешскій князь Брячиславъ I напалъ на нее, и бралъ города и цѣлыя области безъ сопротивленія. Но это усиленіе Чеховъ на счетъ Польши спасло послѣднюю: политика Германскихъ Императоровъ не могла допустить усиленіе одного славянскаго государства на счетъ другихъ; ей нужно было раздѣленіе и вражда между ними, а потому Императоръ Генрихъ III объявилъ войну Брячиславу, и принялъ въ свое покровительство Казимира. Послѣдній съ нѣмецкимъ отрядомъ вошелъ въ Польшу, и съ радостію былъ принятъ тѣми изъ ея жителей, которые были утомлены смутами анархіи и жаждали возстановленія порядка. Порядокъ былъ

возстановленъ, благодаря особенно помощи, какую оказалъ Казимиру Русскій князь Ярославъ I. Казимиръ Возстановитель (restaurator) оставилъ престолъ сыну своему, Болеславу II, Смѣлому, который умѣлъ осилить всѣхъ внѣшнихъ враговъ Польши, но не могъ удержаться противъ внутреннихъ: его обвинили въ намѣреніи отомстить тѣмъ, которые изгнали его отца и бабку, въ слѣдствіе чего Болеславъ былъ самъ изгнанъ и умеръ на чужбинѣ; престолъ получилъ младшій братъ его, Владиславъ Германъ.

До сихъ поръ мы не видали еще усобицъ между польскими князьями: онѣ начались еще при жизни слабаго Владислава Германа, между двумя сыновьями его, Болеславомъ III, Кривоустымъ и Збигнѣвомъ: отецъ смотрѣлъ на нихъ какъ на равноправныхъ, раздѣлилъ имъ поровну волости, не смотря на то, что Збигнѣвъ былъ незаконнорожденный. По смерти Владислава Германа, старшинство получилъ Болеславъ III, хотя Збигнѣвъ былъ старше его лѣтами; это обстоятельство заставило послѣдняго смотрѣть на брата, какъ на похитителя, и враждовать противъ него: о незаконности Збигнѣва не могло быть рѣчи, потому что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ сравненъ съ законнымъ сыномъ; вражда кончилась ослѣпленіемъ Збигнѣва, а вѣроятно, даже и насильственною смертію. Тоже явленіе повторилось послѣ смерти Болеслава III, отъ котораго осталось пять сыновей; всѣ они стали владѣть по славянски: старшій въ родѣ сидѣлъ на главномъ столѣ— въ Краковѣ, меньшіе братья имѣли свои волости, и находились къ старшему только въ родовыхъ отношеніяхъ. Легко понять, какія слѣдствія для Польши должно было имѣть столь позднее начало родовыхъ отношеній между князьями, когда столько уже времени имѣло мѣсто единовластіе, и значеніе вельможъ успѣло

такъ усилиться; если даже единовластные князья не могли съ успѣхомъ бороться противъ послѣдняго, то ясно, какъ должна будетъ ослабѣть власть княжеская при раздѣленіи, и какъ выгодно будетъ для вельможъ поддерживать это раздѣленіе, какія права пріобрѣтутъ они для себя при возможности выбора изъ многихъ князей.

Почти вѣкомъ позже (1139 г.), чѣмъ на Руси и въ Богеміи, начались въ Польшѣ родовыя отношенія между князьями. Владиславъ II, старшій между Болеславичами, былъ самъ человѣкъ кроткій и миролюбивый, но не такова была жена его, Агнесса, дочь Леопольда, герцога Австрійскаго. Нѣмецкой принцессѣ казались дикими родовыя отношенія между князьями; ея гордость оскорблялась тѣмъ, что мужъ ея считался только старшимъ между братьями; она называла его полукняземъ и полумужчиною за то, что онъ терпѣлъ подлѣ себя столько равноправныхъ князей. Владиславъ поддался увѣщаніямъ и насмѣшкамъ жены: онъ началъ требовать дани съ братниныхъ волостей, забирать ихъ города, и обнаруживалъ намѣренія совершенно изгнать братьевъ изъ Польши. Но шляхта и прелаты встали за послѣднихъ; Гнѣзенскій Архіепископъ въ самомъ лагерѣ Владислава отлучилъ его отъ церкви вмѣстѣ съ женою; Владиславъ принужденъ былъ бѣжать въ Германію; старшинство принялъ второй послѣ него братъ, Болеславъ IV, Кудрявый. Изгнанникъ Владиславъ умеръ въ Германіи; но три сына его, Болеславъ, Мечиславъ и Конрадъ, вѣроятно, по настоянію Императора, возвратились въ отечество, и получили Силезію. По смерти Болеслава IV Кудряваго, старшинство перешло къ брату его, третьему Болеславичу — Мечиславу III; но Мечиславъ скоро возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ, которые, изгнавъ его, провозгласили Великимъ Княземъ пос-

лѣдняго, самаго младшаго изъ Болеславичей, Казиміра Справедливаго (четвертый Болеславичь, Генрихъ, умеръ прежде). По смерти Казиміра Справедливаго, рождался любопытный вопросъ: кому должно достаться старшинство: потому что былъ живъ еще одинъ изъ Болеславичей, прежде лишенный старшинства, Мечиславъ Старый. Мечиславу нельзя было надѣяться на вторичное полученіе старшинства: прежнее нерасположеніе къ нему было еще живо въ вельможахъ, которымъ сверхъ того было гораздо выгоднѣе имѣть княземъ несовершеннолѣтняго племянника, чѣмъ стараго дядю: и вотъ прелаты и вельможи, собранные въ Краковѣ, рѣшили передать этотъ столъ Лешку, малолѣтному сыну Казиміра Справедливаго, мимо дяди Мечислава, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ — Владиславичей и сына Болеслава Кудряваго. Мечиславъ не думалъ однако отказываться отъ своихъ притязаній: не успѣвши добыть Кракова оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ переговорамъ, убѣжденіямъ, и успѣлъ наконецъ склонить вдову Казиміра и сына ея къ уступкѣ ему старшинства: имъ показалось выгоднѣе отказаться на время отъ Кракова, и потомъ получить его по праву родоваго княжескаго преемства, чѣмъ владѣть имъ по милости вельможъ и въ зависимости отъ послѣднихъ. Вторично получилъ Мечиславъ старшинство и Краковъ, и вторично былъ изгнанъ, вторично успѣлъ обольстить вдову Казимірову и ея сына обѣщаніями, въ третій разъ занялъ Краковъ, и удержался въ немъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1202 году.

Смертію Мечислава Стараго пресѣклось первое поколѣніе Болеславичей. Краковскіе вельможи, опять мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ, отправили пословъ къ Лешку Казиміровичу звать его на старшій столъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ отдалилъ отъ себя Сен-

домирскаго Палатина Говорека, имѣвшаго на него сильное вліяніе—вотъ начало пагубныхъ для Польши условій, предлагаемыхъ вельможами князьямъ; легко понять, что при такомъ значеніи вельможъ родовыя отношенія между князьями, родовые счеты не могли продолжаться, и мѣсто ихъ должно было заступить избраніе. Лешекъ, который прежде уступилъ старшинство дядѣ для того только, чтобъ избавиться зависимости отъ вельможъ (преимущественно самаго могущественнаго изъ нихъ, Палатина Краковскаго, Николая) и теперь не хотѣлъ для Кракова согласиться на унизительное условіе: онъ отвѣчалъ посламъ, что пусть вельможи выбираютъ себѣ другаго князя, который способенъ будетъ согласиться на ихъ условія. Тогда вельможи обратились къ князю, имѣвшему болѣе права на старшинство, чѣмъ Лешекъ, именно къ Владиславу Ласконогому, сыну Мечиславову, и провозгласили его Великимъ Княземъ; но Владиславъ скоро вооружилъ противъ себя прелатовъ, которые, вмѣстѣ съ вельможами, изгнали его изъ Кракова и перезвали на его мѣсто опять Лешка Казимировича, на этотъ разъ, какъ видно, безъ условій, вѣроятно потому, что Палатина Николая не было болѣе въ живыхъ. Обязанный старшинствомъ преимущественно старанію прелатовъ, и, вѣроятно, желая найти въ духовенствѣ опору противъ вліянія вельможъ, Лешко, немедленно по занятіи Краковскаго стола, предалъ себя и свои земли въ покровительство св. Петра, обязавшись платить въ Римъ ежегодную подать. Духовенство поспѣшило отблагодарить своего доброжелателя; уже давно оно смотрѣло враждебно на родовыя отношенія между князьями; уже тотчасъ по смерти Казимира Справедливаго, епископъ краковскій Фулконъ защищалъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну противъ родоваго старшинства, и успѣлъ утвердить

Краковъ за сыномъ Казимировымъ; теперь же, когда Лешко отдалъ себя и потомство свое въ покровительство св. Петра, Церковь римская торжественно утвердила его наслѣдственнымъ княземъ Кракова съ правомъ передать этотъ столъ послѣ себя старшему сыну своему. Такъ въ слѣдствіе вліянія Церкви рушились родовыя отношенія между польскими князьями въ 1210 году, а съ тѣмъ вмѣстѣ надолго рушилось и единство Польши.

С. Соловьевъ.

АНТОНИНА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ РОМАНА

Евгеніи Туръ.

АНТОНИНА.

Не помню перваго моего дѣтства, знаю только, что я родилась въ Майнцѣ, и что меня привезли въ Россію трехъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, я припоминаю, какъ сквозь сонъ, первые моменты жизни своей, гдѣ всегда мелькаетъ тѣнь моего отца; я постараюсь передать вамъ мои неясныя воспоминанія. Сперва я помню его молодымъ, бѣлокурымъ, прекраснымъ, съ яснымъ взоромъ и ласковымъ голосомъ. Будто и теперь слышится мнѣ отецъ, когда онъ, бывало, звалъ меня, сажалъ на свои колѣни и игралъ моими волосами, бѣлокурыми и вьющимися, какъ его волосы; и помню я, какъ онъ говаривалъ часто, обращаясь къ моей матери:

— Адель! а Ниночка наша—второй я; только глаза не мои и не твои.... чьи глаза у ней? прекрасные глаза!

И онъ принимался цѣловать меня, и часто игралъ со мною по цѣлымъ вечерамъ, усаживаясь на моемъ коврикѣ, покрытомъ игрушками. Кажется, тогда отецъ мой имѣлъ независимое состояніе, и жилъ въ довольствѣ. — Въ послѣдствіи все перемѣнилось. Отецъ мой овдовѣлъ, и черезъ годъ женился на молоденькой парижанкѣ, очаровавшей его своей красотой и любезностію. Первые годы его супружества были, кажется, счастливы; я была такъ мала, что не могу много разсказывать объ этомъ времени. Тутъ воспоминанія мои путаются; что̀ случилось съ отцомъ моимъ, я не знаю въ подробности: говорили мнѣ послѣ, что онъ разо-

рился въ несчастныхъ торговыхъ оборотахъ, былъ принужденъ кончить ихъ и вступить въ домъ учителемъ нѣмецкаго языка, а мачиха моя приняла въ томъ же домѣ должность гувернантки. Я помню его въ эту пору больнымъ и грустнымъ. Ясныя воспоминанія моего дѣтства начинаются съ одного зимняго, долгаго вечера. Я, какъ теперь, вижу себя въ большой, холодной, высокой гостиной; — темно вокругъ меня, а въ сторонѣ ярко пылаетъ каминъ, и тускло горитъ свѣча въ углу комнаты; зарево камина, красное и колеблющееся, то вспыхиваетъ, то угасаетъ, и по временамъ быстро освѣщаетъ всѣ предметы, бросая ихъ длинныя, блѣдныя тѣни на лаковый паркетъ. Старинные портреты, развѣшенные по стѣнамъ, глядятъ сурово изъ-за почернѣлыхъ, когда-то позолоченныхъ, рамокъ своихъ и, при ясномъ отблескѣ пламени, сильно затрогиваютъ мою дѣтскую впечатлительность и пугаютъ меня. Я сижу, прижавшись въ уголокъ, одна одинёхонька — мнѣ страшно и холодно — плечи мои и руки открыты; каминъ привѣтливо, неодолимо тянетъ меня къ себѣ — я оглядываюсь, никого нѣтъ въ комнатѣ, и вотъ я робко встаю и робко подхожу къ пламени, опять озираюсь боязливо вокругъ, дѣйствительно увѣряюсь, что я одна, что двери затворены и никого нѣтъ въ комнатѣ, и вотъ я осмѣливаюсь и подхожу совсѣмъ къ пылающему камину, приставляю къ огню окостенѣлыя руки, и мало по малу живительная теплота проникаетъ въ меня. Я сажусь у огня на маленькую, покинутую у него скамеечку — и забываюсь — вдали, будто эхо, слышны шумные крики дѣтей и бѣготня ихъ въ сосѣдней залѣ; мачиха моя съ ними, она не можетъ отлучиться отъ нихъ, стало быть я совершенно безопасна. И вотъ я предаюсь вполнѣ наслажденію физическаго благосостоянія; книжка лежитъ на колѣняхъ

моихъ; руки мои сложены на ней, а глаза устремлены на огонь и слѣдятъ перебѣгающее пламя, его извивы и колебаніе. Вдругъ твердый, сильный голосъ говоритъ сзади меня:

— Кто вамъ позволилъ сидѣть у камина? маменька запрещаетъ вамъ подходить къ нему.

Я вздрогнула и обернулась. Милькотъ стоялъ сзади меня,

— Пойдемте, я сведу васъ къ М-me Штейнъ, сказалъ онъ и, взявъ меня за руку, повелъ къ двери, отворилъ ее и ввелъ меня въ залу.

Дѣти играли въ свою любимую игру :— дилижансъ. Многочисленные стулья залы были сдвинуты вмѣстѣ, одинъ изъ дѣтей сидѣлъ впереди всѣхъ, занимая должность кучера, прочіе усѣлись сзади другъ возлѣ друга и представляли собой различныя семьи, помѣщаясь съ куклами и игрушками; каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ владѣніи два или три сдвинутые стула. Лишь только Милькотъ вошелъ въ залу, ведя меня за руку, говоръ дѣтей умолкъ, кучеръ пересталъ мотать веревками и бить кнутомъ четыре стула, представлявшіе фантастическихъ лошадей, и всѣ они оборотились ко мнѣ съ любопытствомъ, болѣе холоднымъ и гордымъ, чѣмъ равнодушнымъ. Мачиха моя сидѣла въ углу залы и тоже взглянула на насъ; работа ея опустилась медленно на колѣни. — Милькотъ подвелъ меня къ ней и сказалъ:

— Madame Штейнъ, я засталъ Антонину подлѣ камина; я знаю, что вы не позволяете ей подходить къ нему, и потому привелъ ее къ вамъ.

— Зачѣмъ ты сидишь у камина? сказала мнѣ мачиха, строго взглянувъ на меня.

Я молчала.

— Зачѣмъ ты подходишь къ камину — я у тебя спрашиваю?

— Въ гостиной холодно, сказала я, платье у меня открытое — я озябла.

— А я тебѣ позволяю подходить къ камину?

Я молчала, зная, что оправданія напрасны.

Она взяла меня за руку и отвела къ себѣ въ комнату; отецъ мой сидѣлъ тамъ и читалъ. Она втолкнула меня въ маленькій, темный чуланчикъ, гдѣ висѣли платья, и заперла меня въ немъ. Я сѣла молча и прикрылась платьями, потому что очень озябла; оттуда я слышала какой-то разговоръ между отцомъ и мачихой: сперва звуки доходили до меня неясно и сливаясь вмѣстѣ, потомъ голоса ихъ возвысились, и всякое слово слышалось мнѣ ясно и глубоко врѣзалось въ моей памяти.

— Вы ее ненавидите — говорилъ отецъ мой — за что̀? Ужели за то, что она похожа на меня? Ужели за то, что вы меня не любите и любите другаго? погодите немного, потерпите, я скоро умру — вы будете свободны.

Мачиха отвѣчала ему:

Когда вы перестанете бредить?... и вышла вонъ изъ комнаты; отецъ мой сей часъ подошелъ къ моей двери, отперъ ее и, не видя меня, спросилъ ласково:

Ниночка, гдѣ ты?

Я выставила голову изъ-за платьевъ: я здѣсь, папа, сказала я; онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ чулана, посадилъ подлѣ себя и распрашивалъ, за что меня наказали. Когда я стала ему разсказывать и упомянула имя Милькога, мнѣ показалось, будто онъ сдѣлалъ невольное движеніе — впрочемъ онъ ничего не сказалъ больше; но только, гладя меня по головѣ, говорилъ долго и просилъ меня быть кроткой, покор-

ной и смириться. Я слушала его внимательно, но еще больше глядѣла на него и разсматривала съ боязливою любовью лицо его. Въ первый разъ я замѣтила тогда, пораженная словами его о смерти, сказанными мачихѣ и дошедшими до меня, томное лицо его, гдѣ разрушающая рука времени, или лучше болѣзни, оставила глубокіе слѣды свои; онъ былъ блѣденъ, щеки его ввалились, самъ онъ былъ чрезвычайно худъ, а голубые глаза необыкновенно блестѣли. Долго онъ смотрѣлъ на меня, и наконецъ медленно, тихо, крупная слеза скатилась со щеки его и упала на мою голову. Я обняла его и горько заплакала; еще я была на груди его, обхвативъ шею его моими обѣими руками, когда шаги послышались въ сосѣдней комнатѣ и приближались къ намъ. Онъ сдѣлалъ вдругъ безпокойное и невольное движеніе, которое я поняла и потому проворно соскочила съ его колѣней и бросилась опять въ чуланчикъ; когда я торопливо входила въ него, невольно обернулась назадъ, и взглядъ мой въ мгновеніе обѣжалъ всю комнату — отецъ мой стоялъ посреди ея, и все лице его было залито краскою и горѣло яркимъ румянцемъ. Я тотчасъ затворила дверь, но унесла это впечатлѣніе съ собою; образъ его, будто видѣніе, врѣзался въ моей памяти такъ живо, что я до сихъ поръ помню это мгновеніе очень ясно. Было ли у отца сознаніе собственной слабости, заставлявшей его ласкать дочь, втайнѣ отъ жены, — или стыдъ быть угадану ребенкомъ и негодованіе на себя самаго — я не знаю. Почти въ ту же минуту мачиха моя взошла въ комнату, а онъ пошелъ къ моему чуланчику, отворилъ дверь и, выпуская меня, сказалъ мнѣ:

Ниночка, поди къ матери, проси у ней прощенія и обѣщай, что не будешь впередъ ее ослушаться.

Я робко вышла изъ моего заточенія, и взглянувъ на

холодно-строгое лицо мачихи, не смѣла идти впередъ и остановилась.

Простите ее, сказалъ онъ мачихѣ настойчиво и холодно, — она больше не будетъ васъ ослушàться.

Мнѣ нечего прощать ее , сказала мачиха моя , вы, кажется, уже сдѣлали это безъ меня.

Простите ее , сказалъ онъ раздражительно — слышите ? Нина, цѣлуй руку у матери.

Я подошла къ ней — она, не смотря на меня, протянула мнѣ руку свою — я холодно, для формы только, поцѣловала ее, негодуя на нее, и на себя, что должна была казаться покорной.

Поди, играй, сказалъ мнѣ отецъ — поди къ дѣтямъ!

Я вышла вонъ изъ комнаты и пошла въ залу. Не пеняйте на меня, что я разсказываю вамъ такъ подробно дѣтство мое; въ послѣдствіи вы увидите, что всѣ зародыши моего будущаго несчастія заключались въ немъ. Не знаю, сказала ли я вамъ, что мы жили тогда въ домѣ одного богатаго помѣщика, господина Велина, въ большомъ его имѣніи, далеко отъ Москвы, — а что Милькотъ былъ Англичанинъ , жившій тоже у него въ должности гувернера. Вообще отношенія отца къ моей мачихѣ видимо измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ Милькотъ познакомился съ ними и сошелся съ нею коротко, что было очень естественно, такъ какъ они жили въ одномъ домѣ и почти въ одной должности. Позвольте мнѣ не объяснять вамъ подробно всего этого, я скажу вамъ только, что отецъ мой вначалѣ ревновалъ мачиху къ Милькоту, а послѣ разошелся совершенно съ нею , сдѣлался холоденъ къ ней , угрюмъ со всѣми, ненавидѣлъ Милькота, и съ каждымъ днемъ здоровье его слабѣло. А я, я не знаю, какъ и почему сдѣлалась предметомъ чрезмѣрной ненависти Милькота;

долго и много разсуждала я въ послѣдствіи о прошломъ и остановилась не безъ основанія на той мысли, что была невинною причиною, открывшей глаза отцу моему и заставившей его, быть можетъ, угадать любовь Милькота къ моей мачихѣ. Я любила отца моего страстно — вѣроятно, мое дѣтское болтаніе и безчисленные разсказы навели его на истину и заставили узнать многое. Какъ бы то ни было — Милькотъ ненавидѣлъ меня, а мачиха моя была холодна и неумолимо-строга со мною, вмѣшательство отца въ наши отношенія только раздражало ее еще больше противъ меня и вредило мнѣ, навлекая на меня новыя наказанія, смѣнявшіяся одно другимъ, и если я была избавлена отъ одного изъ нихъ отцомъ моимъ, то должна была ожидать, что подпаду тотчасъ подъ другое, болѣе серьёзное. Случаій, или воля мачихи такъ устроивали все это — я не знаю, а полагаю, что оба они, соединенные вмѣстѣ, были тому причиною. Такъ случилось и теперь. Когда я вошла въ залу, дѣти все еще играли, а Милькотъ ходилъ мѣрно по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы.

А, вотъ и вы, сказалъ онъ, прерывая свою прогулку и останавливаясь подлѣ меня,—какими судьбами? Или васъ уже простили?

Да, сказала я, пожирая гнѣвъ и подавляя ненависть, которую всегда чувствовала при видѣ его — папа простилъ меня.

Были бы вы у меня, я бы съ вами иначе расправился, сказалъ онъ и зашагалъ опять по комнатѣ.

Я не ваша, сказала я вслѣдъ ему.

Я подошла къ дѣтямъ, хотѣла сѣсть между ними и принять участіе въ общей игрѣ ихъ, не смотря на то, что я не пользовалась дружбоіі ихъ и имѣла непримиримаго врага въ лицѣ Кати, старшей дочери въ семействѣ Велиныхъ. Она меня не терпѣла потому, что я

одна изъ всѣхъ дѣтей никогда не уступала ей, не ходила по ея приказанію за ея игрушками, не приносила ей ихъ, не подымала ея платковъ, словомъ — не прислуживала ей; она была настоящая будущая барышня и уже, не смотря на свой десятилѣтній возрастъ, глубоко презирала меня, какъ дочь гувернантки. Балованное дитя отца и матери, она неограниченно распоряжалась братьями и сестрами, имѣла вѣсъ въ домѣ, горничныя дѣвушки исполняли малѣйшую волю ея, боясь ея жалобъ; она не очень слушалась и мачихи моей, которая принуждена была часто уступать ей, чтобы заслужить любовь ея родителей и не поссориться съ ними. Найдя во мнѣ одной возстаніе противъ ея неограниченнаго властвованія, не будучи въ силахъ завладѣть мной, какъ другими, она не могла простить мнѣ моей непокорности къ волѣ ея и моей дѣтской независимости и самостоятельности, и потому возстановила противъ меня всю дѣтскую общину, которой завѣдовала. Какъ часто, поссорившись со мной, она запрещала братьямъ и сестрамъ играть со мною, осыпала меня насмѣшками, когда я освобождалась отъ наказанія, и при всякомъ удобномъ случаѣ высказывала все свое презрѣніе ко мнѣ, называя меня злой, упрямой, нищей, учившейся съ ними только по милости и добротѣ ея матери.

Что ты такое? говаривала она часто — твоя мачиха гувернантка — у васъ ничего нѣтъ — вы живете на чужія деньги — а у насъ свои! Мой отецъ богатъ! Я богата — мы платимъ вамъ!

Я ничего еще не могла понять ясно, и только возмущалась оскорбительными словами ея, никогда не уступала ей и жила въ открытой непріязни со всѣми дѣтьми. — Когда я подошла къ нимъ и хотѣла сѣсть на сдвинутые стулья, Катя закричала мнѣ:

Если хочешь играть съ нами, садись сзади — впереди мѣста взяты.

Подлѣ тебя есть мѣсто, сказала я.

Говорятъ тебѣ, садись сзади; для тебя нѣтъ мѣста — будь довольна и тѣмъ, что мы хотимъ еще играть съ тобою. Всѣ знаютъ, какая ты дрянь.

А чѣмъ же я дрянь, спросила я запальчиво, раздраженная уже моимъ недавнимъ наказаніемъ.

А тѣмъ, что не говоря о томъ, что ты птица не важная, тебя всякій день наказываютъ, запираютъ въ чуланы, бьютъ и сѣкутъ, а исправить все-таки не могутъ. Съ битыми — благородныя дѣти играть не должны.

Еслибъ тебя могли наказывать, ты бы всегда была подъ наказаніемъ, сказала я — ты больше моего шалишь; кто вчера разбилъ вазу? не я! Кто прибилъ Варю? не я! Кто не зналъ урока поутру и наговорилъ грубостей учителю? не я — а все ты!

Тихоня! вотъ она тихоня — вотъ она! посмотрите, вышла изъ себя! у! у! у! Змѣя! закричала Катя, показывая на меня пальцемъ.

Всѣ дѣти принялись кричать у! у! у! и всѣ показали на меня пальцами. Я не помнила себя отъ злости, руки мои задрожали, я бросилась на Катю, и хотѣла стащить ее со стула. Она оттолкнула меня съ силой; она была двумя годами старше меня, очень велика ростомъ и сильна не по лѣтамъ — я упала на полъ и больно ушибла голову о стулъ — однако тотчасъ поднялась опять на ноги и бросилась на нее съ ожесточеніемъ. — Она громко закричала и, борясь со мной, начала плакать. Милькотъ, ходившій все по залѣ и до сихъ поръ не вступавшійся въ дѣла наши, хотя не могъ не слыхать и не видѣть ихъ, схватилъ меня, и, крѣпко держа меня, потому что я, молча, но покраснѣвъ отъ усилій, билась отчаянно въ рукахъ его, отнесъ

меня въ комнату моей мачихи. Онъ холодно поставилъ меня на полъ — я хотѣла бѣжать опять въ залу, онъ удержалъ меня за руку и сказалъ моей мачихѣ:

Уймите ее, madame Штейнъ; дѣти опять подрались съ ней — играли мирно, пока ея не было, лишь только она явилась, вышла новая ссора. Если это дойдетъ до госпожи Велиной, она будетъ очень недовольна. Я пойду уговорю Катю, она разсердилась, плачетъ; и хочетъ идти жаловаться матери.

Пожалуйста уговорите ее — сказала ему мачиха; благодарю васъ, другъ мой , прибавила она вслѣдъ ему.

Отца моего не было уже въ комнатѣ — мачиха моя была очень сердита, и лишь только Милькотъ вышелъ, какъ она схватила меня на руки, сильно сжала меня, отправилась на верхъ, въ комнату нянекъ, и жестоко наказала меня.

На другой день утромъ за чаемъ, Наталья Андреевна Велина сказала маменькѣ:

Madame Штейнъ , ваша Антонина характера ужаснаго, она всегда ссорится съ моими дѣтьми, прекратите это, прошу васъ. Это тѣмъ страннѣе, что дѣти мои вообще кротки, особенно Катя.

Я уже вчера наказала дочь мою , сказала мачиха, и увѣряю васъ, что впредь буду еще строже съ ней и не позволю ей даже играть съ дѣтьми вашими, если она не будетъ кротче. Антонина, сказала она, обращаясь ко мнѣ, проси сей часъ прощенія у mademoiselle Catherine.

Я поблѣднѣла и молчала, не вставая съ мѣста.

Слышишь ли? что я говорю тебѣ? продолжала мачиха грозно — или тебѣ мало вчерашняго?

Я не шевелилась и сидѣла молча. Папенька, пившій чай за однимъ столомъ, вступился и приказалъ мнѣ тотчасъ просить прощенія у Кати. Я взглянула на него

и, встрѣтивъ его взоръ, тотчасъ встала; мачиха взяла меня за руку и подвела къ Катѣ, которая сидѣла неподвижно и гордо на своемъ особенномъ высокомъ стулѣ и уже по этому глядѣла на меня съ высока — она торжествовала и я прочла это въ ея гордомъ взорѣ, устремленномъ на меня.

Ну, проси прощенія, сказала мнѣ мачиха, сжимая мою руку очень выразительно и мнѣ понятно.

Простите меня,выговорила я, дрожавшимъ голосомъ, и ручей слезъ залилъ слова мои — то были горькія во всякомъ возрастѣ слезы, слезы безсилія и гнѣва.

Охотно, сказала Катя свободно, и нагнувшись, подставила мнѣ щеку свою для примирительнаго поцѣлуя.

Я отступила отъ ней, будто она меня ранила.

Не хотите? сказала дѣвочка, какъ вамъ угодно, я исполнила долгъ свой.

Вы милое дитя, сказала ей мачиха моя, она не стоитъ вашей ласки — она зла и упряма; но я не потворствую ея порокамъ. Подите къ себѣ, сказала она, обращаясь ко мнѣ, и не выходите изъ своей комнаты до новаго приказанія.

Поди ко мнѣ, Катя, сказала Велина, будь всегда добра, душа моя — всегда прощай обиды — Богъ благословитъ тебя.

Эти слова услышала я, удаляясь къ себѣ — и съ тѣхъ поръ уже стала цѣнить и понимать людскую справедливость и нелицемѣрный судъ ихъ и мнѣнія ихъ. Такъ шло дѣтство мое, и такія сцены повторялись очень часто; но онѣ не сломили моего характера; напротивъ того, онъ возрасталъ въ непреклонности и развивался обуреваемый безпрестанно чувствами ненависти, гнѣва, негодованія, смѣшанными со страхомъ. Ласки отца мало по малу утратили надо мною силу свою — и перестали смягчать правъ мой; да и самъ онъ, съ каждымъ днемъ,

казалось, отрекался отъ меня; болѣзнь ли, или безконечная борьба убили его, я не знаю — вѣроятно, и то и другое. Скоро онъ уѣхалъ въ Москву, чтобы лечиться, говорили въ домѣ; вечеромъ онъ простился со мною; смутно помнится мнѣ, что, проснувшись ночью, я видѣла его грустное, больное лицо, склонившееся надъ моей маленькой дѣтской кроваткой; но былъ ли то сонъ, или дѣйствительность, я не могу сказать утвердительно. Вставши поутру, я уже не нашла его — комната его была пуста, и однѣ бумаги пополамъ съ соромъ валялись на полу; я заплакала и когда спрашивала о немъ, мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ. Нѣсколько мѣсяцевъ по его отъѣздѣ, я прожила спокойнѣе; меня, казалось, забыли немного, и я отдохнула. Мачиха моя занималась съ дѣтьми Велиныхъ, давала имъ уроки музыки и французскаго языка, а въ свободные отъ занятій часы проводила все время свое съ Милькотомъ, разговаривая съ нимъ, или прохаживаясь по залѣ, когда дѣти играли, или гуляя съ нимъ вдвоемъ по саду. Не думайте, однако, чтобы мнѣ было жить хорошо — правда, меня столько не наказывали, какъ прежде, не столько били, и я отдыхала физически, но моральныхъ притѣсненій вытерпѣла я не мало. Сколько обидъ, несправедливыхъ укоровъ, оскорбленій всякаго рода! Знаете ли, что̀ такое дочь гувернантки? Это какая-то всеобшая сандрильона, хуже того, паріа :— еслибъ даже и любовь матери досталась ей на долю и могла смягчить участь ея, участь эта все была бы не завидна. Это несчастное созданіе назначено прислуживать всѣмъ, начиная съ хозяйки дома до послѣдней горничной; оно родилось на то, чтобы угождать всѣмъ, выносить все, быть искренно и глубоко благодарной за всякую малость, потому что оно не имѣетъ права ни на что! Оно не больше, какъ терпится въ семьѣ, не болѣе, какъ терпится въ домѣ, гдѣ

даже и слуги вымѣщаютъ нерѣдко на немъ свое неудовольствіе на господъ или на родителей его; вѣчное гоненіе,—удѣлъ такого ребенка; чтобы ни случилось въ семьѣ дѣтей — общая ли шалость — облуманное ли непослушаніе, онъ обвиненъ, какъ зачинщикъ всего — наказывается за всѣхъ примѣрнымъ образомъ; онъ *souffre-douleur* и маленькихъ и взрослыхъ, подчиненъ всѣмъ и совершенно преданъ въ распоряженіе дѣтей. А знаете ли, что такое дѣти? это самые безжалостные, самые страшные мучители по инстинкту и непреклонные по принципу, потому что упрямство управляетъ ими неограниченно, и что̀ разъ положено ими — остается закономъ ихъ на долго — до того возраста, когда разумъ уже имѣетъ ходъ и замѣняетъ собою первоначальное, тупое, безсмысленное ихъ упрямство. Но разумъ приходитъ поздно — и до тѣхъ поръ чего , чего не вытерпитъ отъ нихъ созданіе, отданное имъ въ жертву и которое они привыкли считать ниже себя и отданнымъ имъ въ угоду. Вы можете легко представить себѣ, что должна я была съ моимъ характеромъ перенести въ такой жизни, и черезъ что̀ не перешла я; съ самаго дѣтства я пересчитала тяжело всѣ ступени общества, съ трудомъ переходя ихъ и возвышаясь на нихъ. Послѣднее мѣсто за столомъ было мое, самые негодные куски были мои; если дѣтямъ раздавали лакомства, меня одѣляли послѣ всѣхъ , будто отдавая мнѣ остатки ихъ , какъ собаченкѣ , и хуже того — собаку ласкаютъ — а меня никто не ласкалъ. Часто я съ злою гордостію , которую принимали за зависть и грубость, отказывалась сухо отъ такихъ унизительныхъ подачекъ. Если мы ходили гулять, — одѣтая бѣдно, я стыдилась и шла сзади всѣхъ; если мы ѣздили кататься, самое худшее мѣсто было неизмѣнно моимъ мѣстомъ. Но я не привыкала къ этому вѣчному уни-

женію между гордыми, баловаными дѣтьми; я выносила его съ холоднымъ возмущеніемъ, и никого не любила изъ окружавшихъ насъ людей; и многихъ ненавидѣла. Никто обо мнѣ не заботился, не ласкалъ и не утѣшалъ меня въ дѣтскихъ и тѣмъ не менѣе тяжкихъ бѣдствіяхъ — вся жизнь моего юнаго сердца сосредоточилась на отцѣ моемъ — я часто объ немъ думала, никогда не слыхала, чтобы говорили о немъ, и сама, по непонятному, но сильному чувству, не спрашивала о немъ, будто опасаясь тѣмъ осквернить любовь мою. Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ его отъѣзда, мачиха моя получила письмо отъ него — онъ просилъ ее настоятельно прислать меня въ Москву; она собралась въ дорогу и поѣхала сама со мною. Я помню страшную перемѣну, которую мы нашли въ немъ — онъ былъ тѣнь самаго себя и, выйдя къ намъ на встрѣчу, едва могъ опять взойти на лѣстницу; дыханіе его было прерывисто и слабость чрезмѣрна. Онъ жилъ на квартирѣ одного Французскаго семейства, съ которымъ былъ издавна друженъ. Madame Beillant была тогда молодая вдова, старшая дочь въ семействѣ этомъ; она была особенно привязана къ отцу, ходила за нимъ, читала ему по вечерамъ книги, и развлекала его сколько могла; мы остановились у нихъ, — отецъ занималъ три маленькихъ комнатки, отдѣленныя холодной площадкой отъ хозяевъ. По вечерамъ мачиха моя выѣзжала довольно часто, навѣщала своихъ старыхъ знакомыхъ и пріятельницъ, а отецъ оставался со мною и съ madame Beillant, и казался спокойнѣе. Мы прожили съ нимъ два мѣсяца, я не замѣчала большой перемѣны въ немъ — онъ былъ только очень слабъ и не вставалъ съ длиннаго кресла, откуда на ночь его переносили на кроватъ — слышала я, какъ говорили, что ему хуже. Однажды, вечеромъ, когда мачиха моя вышла на минуту изъ

комнаты, онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ:

Ниночка, знаешь ли, о чемъ я думаю,—думаю давно?

Не знаю, папа, сказала я.

Я хочу ѣхать далеко, — Ниночка, хочешь ѣхать со мною на мою родину?

Хочу, папа, сказала я съ неописанной радостію, припадая къ колѣнамъ его.

Ты не знаешь, не можешь себѣ представить, какъ хорошо тамъ, — ты не помнишь вѣрно Майнца — тебя привезли сюда такую маленькую; — тамъ нѣтъ этихъ вѣчныхъ снѣговъ, этого тяжелаго свинцоваго воздуха, такъ томительнаго,—трудно дышать имъ, душа моя,— а тамъ, тамъ широкій Рейнъ, тамъ плодоносныя долины — тамъ и небо лучше. Голосъ его прервался — отъ усилія и умиленія — слеза навернулась на потухшихъ глазахъ.

Да, да, продолжалъ онъ тихо — поѣдемъ туда, мнѣ стало лучше; нѣсколько времени назадъ я думалъ, что я умру — но это была одна мечта больнаго — я рѣшился, все устрою съ завтрашняго дня — и уѣдемъ — а нынче я поговорю съ женою.

Она не отпуститъ меня, сказала я, заплакавъ.

Нѣтъ! я возьму тебя — мы поѣдемъ вмѣстѣ.

Мачиха моя вошла въ комнату вмѣстѣ съ madame Beillant и предложила ему напиться чаю.

Но онъ не отвѣчалъ ей на ея предложеніе, а сталъ говорить ей настойчиво о своемъ намѣреніи уѣхать, какъ можно скорѣе, и увезти меня съ собою. Къ крайнему моему удивленію, мачиха не сдѣлала ему ни малѣйшаго возраженія и тотчасъ согласилась на все; только я была поражена грустнымъ, несвойственнымъ ей видомъ и уныніемъ, съ которымъ она смотрѣла на него. Что же касается до madame Beillant, то она встала, за-

глушая платкомъ свои рыданія, и поспѣшно вышла изъ комнаты. Отецъ скоро захотѣлъ лечь въ постелю и, прощаясь со мною, очень ласкалъ меня. Послѣднія слова его мнѣ остались памятны:

Прощай, Нина, сказалъ онъ; Господь съ тобою — завтра, открывъ глаза, вспомни, что новая жизнь настаетъ для насъ — мирная, подъ яснымъ небомъ моей милой родины. Да, Ниночка, мы уѣдемъ въ Майнцъ и будемъ тамъ счастливы!

На другой день, когда я открыла глаза, глубокая тишина царствовала въ комнатѣ, — мачихи моей въ ней не было и даже, когда я осмотрѣлась, то увидѣла, что постель ея не была смята, какъ будто она и не ложилась. Дѣвушка наша вошла въ комнату; глаза ея были заплаканы; она поспѣшила одѣть меня, накинула на меня салопъ и, не отвѣчая на всѣ мои вопросы, отвела меня на другую половину. Тамъ безпрестанно ходили, шептались и разговаривали тихо, такъ что я, не смотря на свое тревожное любопытство, не могла ничего разслышать. Madame Beillant, увидѣвъ меня, взяла меня на колѣни и горько плакала; мачиха моя вошла въ комнату вскорѣ послѣ меня и тоже плакала. Дико смотрѣла я на печальныя лица всѣхъ меня окружающихъ, и не смѣла спросить ихъ ни о чемъ. Впечатлѣніе этой мучительной боязни, испытанной мною такъ рано и сильно, этого предчувствія, томящаго сердце и грозившаго ему чѣмъ то невѣдомымъ и ужаснымъ, такъ поразило меня тогда, что я сохранила всю мою жизнь привычку пугаться тотчасъ—и когда вижу вокругъ себя печальныя лица и мрачный видъ, я не тотчасъ спрашиваю: что это значитъ, а сперва стараюсь прочесть на лицѣ присутствующихъ грозящую мнѣ участь и тогда уже иду на встрѣчу ей, вооружившись твердостію и силою; и спрашиваю съ мужествомъ отчаянія: что случи-

лось? А въ то время я сидѣла въ уголку и, видя, что мачиха моя говоритъ тихо съ одной пріятельницей, я стала прислушиваться къ разговору ихъ.

Вчера еще, онъ сбирался въ Майнцъ, говорила мачиха, въ послѣднее время это была любимая, единственная мысль его.

Да, да, отвѣчала пріятельница мачихи моей, чахоточные всегда думаютъ за нѣсколько часовъ до смерти, что они совсѣмъ выздоровѣли — это первый признакъ ихъ кончины.

Ну чтожь, онъ много страдалъ потомъ?

О нѣтъ, заснулъ покойно и — не просыпался, сказала мачиха опять.

Маменька! закричала я вдругъ пронзительно, бросаясь къ ней изъ угла, маменька, гдѣ папа, я хочу видѣть папа.

Madame Beillant подошла къ мачихѣ и сказала ей что-то, чего я не поняла или не разслушала; видя, что мнѣ не отвѣчаютъ, я бросилась къ дверямъ, меня удержали силою — мачиха посадила меня къ себѣ на колѣни, начала ласкать и уговаривать, а madame Beillant стала предо мною на колѣни и, рыдая, цѣлуя меня, сказала мнѣ, что папенька скончался ночью; я все еще не понимала, не отдавая себѣ вѣрнаго отчета о смерти, и мнѣ объяснили, какъ обыкновенно объясняютъ дѣтямъ. Отчаяніе мое при этой вѣсти было такъ сильно, что я занемогла и задержала мачиху въ Москвѣ. Когда я вышла изъ опасности и стала медленно оправляться, мачиха тотчасъ уѣхала, поручая меня madame Beillant, которая была чрезвычайно добра ко мнѣ и нѣжно любила меня. Выздоровленіе мое шло медленно — много было приложено о мнѣ стараній и заботъ — и конечно, я провела одни изъ наилучшихъ дней моей жизни въ этой доброй семьѣ, гдѣ столько всѣ заботились обо мнѣ. Черезъ

нѣсколько мѣсяцевъ, мачиха воротилась въ Москву и не остановилась уже у насъ; но всякій день пріѣзжала навѣщать меня, и была очень со мною ласкова. Однажды она долго говорила съ madame Beillant, послѣ чего обѣ онѣ ласкали меня болѣе обыкновеннаго, а madame Beillant со слезами на глазахъ. На другой день, мачиха пріѣхала опять къ намъ, въ богатомъ платьѣ безъ траура, и сказала мнѣ, что черезъ недѣлю возьметъ меня къ себѣ обратно и скоро уѣдетъ опять въ деревню. Всю слѣдующую недѣлю я видѣла ее только одинъ разъ и то на минуту—а черезъ два или три дня послѣ ея посѣщенія, однажды утромъ, madame Beillant приказала надѣть на меня бѣлое платье, и сама повезла меня къ матери моей. Дорогой говорила она мнѣ загадочныя рѣчи, изъ которыхъ я почти ничего не поняла, и повторяла мнѣ нѣсколько разъ:

Смотри же, Антонина, не плачь, не огорчай маменьку; что̀ бы̀ она ни сказала тебѣ, будь покорна и тиха — на все воля Божія.

Она вышла изъ экипажа и, взявъ меня за руку, привела къ мачихѣ, осталась не болѣе получасу и, прощаясь со мной со слезами, перекрестила меня, взяла съ меня обѣщаніе быть умной и послушной, писать къ ней часто и уѣхала. Мачиха жила въ двухъ комнатахъ, довольно хорошо отдѣланныхъ, но носившихъ на себѣ всѣ признаки скораго отъѣзда. Чемоданы стояли въ углахъ комнаты, платья были разложены на столахъ и стульяхъ, и меня особенно удивило то, что между ними было много мужскихъ платьевъ и вещей. Я вообразила себѣ, что это вещи папеньки, и спросила о томъ мачиху мою, едва удерживая слезы.

Да, сказала она мнѣ, это вещи твоего другаго папа.

Какъ? сказала я, ничего не понимая.

Ты, вѣдь, дѣвочка разумная, сказала мнѣ она, madame

Beillant говорила мнѣ, что ты стала умница, тиха и послушна. Докажи мнѣ это, и я буду любить тебя. Видишь ли, ты мала еще, ты теперь не поймешь ничего, но должна положиться во всемъ на мою волю и имѣть ко мнѣ довѣренность. Жить тебѣ сиротой было нельзя — мнѣ тоже надо было выбрать новаго покровителя и друга — ну, я и выбрала достойнаго человѣка, и онъ тебѣ другой папа.

Я не хочу его, сказала я, все еще не понимая ясно, въ чемъ дѣло; не надо его, мама̀, не надо — твердила я, глядя на мачиху, вѣроятно, съ мученіемъ, потому что она взяла меня къ себѣ на колѣни и сказала еще ласковѣе:

Ниночка, ужь этого перемѣнить нельзя — онъ будетъ тебѣ вмѣсто отца, и ты будешь любить его — обѣщай мнѣ это!

Я все не могла понять и принялась плакать.

О чемъ ты плачешь, спросила меня мачиха, перемѣняя тонъ.

Въ это самое время дверь отворилась, и вошелъ Милькотъ; онъ былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и черномъ жилетѣ — эта одежда его поразила меня — онъ показался мнѣ въ ней еще строже и страшнѣе; подошедши къ мачихѣ, онъ пожалъ ей руку и сказалъ:

Ну что?

Антонина, сказала мнѣ мачиха важно, спуская меня съ колѣнъ своихъ, и подавая меня Милькоту, который взялъ меня на руки, — вотъ твой другой папа, поцѣлуй его.

Какъ вамъ выразить, что̀ я почувствовала въ эту минуту — мнѣ стало страшно и горько, неизъяснимый ужасъ, смѣшанный съ отвращеніемъ и гнѣвомъ, наполнилъ меня. Я стала биться въ рукахъ Милькота, какъ въ ту минуту, когда онъ относилъ меня къ мачихѣ по-

слѣ ссоры съ Катей, и, при этомъ воспоминаніи, вдругъ неизвѣстно какъ вошедшемъ тогда въ память мою, ненависть моя къ нему усилилась. Онъ хотѣлъ поцѣловать меня; но я перегнулась назадъ всѣмъ корпусомъ, закинула голову и страшно закричала, не переставая вырываться изъ рукъ его. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и спокойно, поставилъ меня на полъ и, не говоря ни слова, вышелъ вонъ изъ комнаты; мачиха пошла за нимъ. Я осталась одна и просидѣла такъ до самаго обѣда, безпрестанно принимаясь плакать. Наконецъ человѣкъ отворилъ дверь и сказалъ, что меня ждетъ госпожа Милькотъ — при этомъ имени я вздрогнула, понявъ, что оно относилось къ мачихѣ моей. Я взошла въ залу и нашла ихъ обоихъ за столомъ.

· Поди сюда, сказалъ мнѣ Милькотъ своимъ рѣзкимъ голосомъ — я прощаю тебѣ твое первое движеніе; теперь безпрекословное повиновеніе, почтеніе ко мнѣ и къ матери, твой первый долгъ. Если ты не будешь исполнять его — тебѣ будетъ худо — я шутить не люблю — ты знаешь — теперь садись и обѣдай.

Я сѣла и не могла ничего ѣсть. Я была, какъ въ чаду, и очень боялась Милькота, понимая наконецъ, что я въ рукахъ его — предана ему совершенно. Когда его холодные, большіе, безстрастные глаза останавливались на мнѣ, я чувствовала тотъ же самый трепетъ и тоже неотразимое влеченіе робко глядѣть на него, какіе, говорятъ, испытываетъ птичка, когда змѣя, обрекая ее на гибель и въ жертву себѣ, притягиваетъ ее непонятной силой въ раскрытую жадную пасть свою. Черезъ нѣсколько дней мы уѣхали и поселились опять въ томъ же краю и въ томъ же семействѣ; первые мѣсяцы супружества обо мнѣ не заботились — я замѣтила, что мачиха моя совершенно поддалась вліянію Милькота, что воля его стала для нея закономъ, и она ни-

чего не дѣлала безъ его позволенія. Онъ училъ дѣтей Велиныхъ по англійски и по нѣмецки, и скоро объявилъ, что мнѣ пора учиться. Мнѣ было тогда девять лѣтъ; это была страшная пора жизни моей, и я постараюсь разсказать ее вамъ въ нѣсколькихъ словахъ. Вы уже знаете, какъ я боялась и ненавидѣла Милькота — мои отношенія къ нему были чрезвычайно холодны и только учтивы. Ни разу я не поцѣловала его и, входя поутру въ классную, я робко присѣдала ему и тотчасъ садилась за уроки, не говоря ни слова. Онъ требовалъ многаго; если я не понимала, онъ объяснялъ мнѣ все терпѣливо; но если память измѣняла мнѣ, если я ошибалась хотя въ одномъ словѣ, онъ былъ неумолимъ.

Вы поняли, спрашивалъ онъ у меня обыкновенно, объяснивъ что нибудь.

Поняла, отвѣчала я.

Такъ выучите; чтобъ черезъ часъ (иногда онъ говорилъ, два часа, смотря по величинѣ и трудности урока) все было сдѣлано.

Потомъ, по прошествіи этого времени, онъ спрашивалъ также холодно и спокойно:

Выучили?

Если я не успѣвала выучить урока, онъ иногда давалъ мнѣ полчаса льготы, что̀ было впрочемъ совершенно безполезно, потому что я не могла ничего учить, мучимая безпокойствомъ и страхомъ. Если же я отвѣчала утвердительно на вопросъ его, онъ выслушивалъ урокъ мой. При первой ошибкѣ онъ взглядывалъ на меня своими страшными, холодными глазами, которые приводили меня въ трепетъ — мысли мои путались, память отказывала служить мнѣ — и я дѣлала очень часто другую ошибку.

Берегитесь! говорилъ онъ въ такомъ случаѣ.

Тогда страхъ овладѣвалъ мной совершенно; не смотря на всѣ мои усилія, я непремѣнно ошибалась — лишь только это случилось, онъ обращалъ голову къ двери, и голосъ его возвышался безстрастно, металлически.

Madame Милькотъ! Madame Милькотъ! говорилъ онъ. Мачиха моя входила.

Нынче мы заслужили награжденіе, говорилъ онъ спокойно.

Мачиха брала меня за руку и, не говоря ни слова, отводила на верхъ; тамъ запирала меня на цѣлый день и туда мнѣ приносили вмѣсто обѣда хлѣбъ и воду. Иногда въ этихъ наказаніяхъ происходили варіаціи — меня ставили въ уголъ на колѣни, въ комнатѣ, гдѣ играли дѣти, во время рекреаціи, такъ что къ физической боли примѣшивался стыдъ. Если же Милькотъ произносилъ слово: *награжденіе*, ударяя на него значительно, или говорилъ: *примѣрное награжденіе* — меня непремѣнно сѣкли розгами. Я не просила помилованія; я плакала только отъ боли и скоро послѣ наказанія входила въ совершенное спокойствіе, похожее на безчувственность, какъ случается съ тѣмъ, кто испытываетъ неминуемое, но заранѣе извѣстное бѣдствіе. Остальную часть дня я была въ безопасности; послѣ обѣда мнѣ задавали огромное сложеніе и, если была малѣйшая ошибка въ цифрѣ, Милькòтъ, повѣряя его, стиралъ весь итогъ, и, отдавая мнѣ грифельную доску, говорилъ спокойно: передѣлайте. И я болѣе или менѣе ломала себѣ голову надъ исчисленіемъ, смотря потому, какъ оно удавалось мнѣ. Большею частію, вечеромъ, я засыпала крѣпкимъ сномъ, измученная, и съ сильной головной болью. Шутки и насмѣшки дѣтей меня уже не трогали и не возмущали, какъ то бывало прежде; характеръ мой утихъ и бури въ немъ не проявля-

лись ни слезами, ни какими нибудь другими внѣшними знаками — все было глубоко затаено во мнѣ самой. Я почти всегда сидѣла одна, сдѣлалась дика и угрюма, и никогда не играла и не рѣзвилась въ обществѣ другихъ дѣтей. Лѣтомъ я уходила въ садъ и, бродя тамъ одиноко, или усаживаясь на лугу — спрашивала сама себя: всѣ ли дѣти гувернантокъ живутъ такъ? Сравненіе между мною и дѣтьми Велиными было невозможно; я видѣла, что они живутъ среди изобилія, любви, родительской ласки и почти угожденія наставниковъ — и потому считала себя исключеніемъ изъ такаго привелигированнаго класса. Я помню, однако, что нѣсколько разъ мачиха говорила Милькоту что-то въ мое оправданіе, вѣроятно, сжалясь надъ моей горькой участью; но въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, онъ холодно смотрѣлъ на нее и повторялъ слова свои явственно, какъ будто давая ей замѣтить, что ея возраженія неумѣстны. Она никогда не осмѣливалась еще возражать ему и повиновалась слѣпо его волѣ. Съ покойнымъ отцомъ моимъ она была капризна и своевольна, но Милькотъ сломилъ волю ея своимъ непреклоннымъ и жестко-холоднымъ нравомъ и незамѣтно привелъ ее къ полному повиновенію. Она любила его и боялась — вѣроятно натура ея была изъ тѣхъ, которымъ строгость необходима, потому что онѣ покоряются ей съ любовію. Что же касается до его поведенія со мною, я увѣрена, что онъ заставлялъ наказывать меня безпрестанно по принципу, раздѣляя въ этомъ случаѣ убѣжденіе многихъ и особливо англичанъ, которые твердо увѣрены, что безъ побоевъ, розогъ и другихъ наказаній дѣтей воспитывать невозможно; къ тому же онъ не терпѣлъ меня, и потому жалость не проникала въ его сердце и не смягчала его правилъ строгости, и онъ казнилъ меня безпощадно въ продолженіи четы-

рехъ лѣтъ. Когда мнѣ минуло 13 лѣтъ, онъ пересталъ давать мнѣ уроки — я продолжала учиться музыкѣ и литтературѣ у мачихи и, кончивъ эти занятія, уходила къ себѣ. У меня была маленькая четвероугольная комната съ однимъ окномъ; къ стѣнѣ стояла кровать, стуликъ и столъ; библіотека въ домѣ была большая, — мнѣ приказывали заниматься чтеніемъ классическихъ книгъ, которыхъ выборъ дѣлался Милькотомъ — но я доставала себѣ и другія книги. Я цѣлый день читала, дѣлала выписки, сокращенія, и, утомившись работой, садилась на маленькій стулъ и долго думала, чаще всего объ отцѣ, котораго блѣдная поэтичная фигура такъ живо представлялась моему воображенію, что я будто видѣла ее предъ собою. Его меланхолическое лицо и чудные глаза не оставляли меня и будто слѣдили за мною; я выпросила у матери портретъ его, повѣсила его на стѣнѣ противъ моего рабочаго столика и долго-долго, бывало, глядѣла на него; сердце мое, жадно просившее привязанности и любви, находило себѣ пищу въ воспоминаніи умершаго — я любила отца все больше и больше, — разумѣется, это была мечта, но она услаждала и поддерживала мое существованіе. Уединеніе, чтеніе, музыка наполняли жизнь мою и сдѣлали изъ меня прежде времени дѣвушку взрослую и развитую. Часто въ сумерки уходила я въ пустую гостиную и принималась играть на фортепьянахъ, сама вслушивалась въ звуки, и душа рвалась куда-то далеко и страдала вдвое больше, а все же, не безъ наслажденія, страдала она. Отношенія мои къ мачихѣ были холодны; она часто упрекала меня за всякую бездѣлицу; за всякое малѣйшее невниманіе къ Милькоту бранила меня, не жалѣя словъ и выраженій, тогда какъ его поведеніе въ тоже самое время совершенно незамѣтно и постепенно стало измѣняться со мною. Какъ скоро я пе-

рестала брать у него уроки, онъ мало по малу перестал брать участіе въ распоряженіяхъ мачихи мною; когда она бранила меня, онъ оставался равнодушнымъ зрителемъ и не вступалъ въ наши размолвки; а позднѣе, когда мнѣ минуло лѣтъ пятнадцать, слегка заступался за меня. Наконецъ онъ дошелъ до того, что нѣчто похожее на ласковое слово срывалось съ языка его; онъ замѣчалъ, что я сдѣлалась кротка и разсудительна, и очень похорошѣла. Въ дѣтствѣ я была очень блѣдна и желта, худа и мала ростомъ, а въ 15 лѣтъ, я вдругъ выросла, пополнѣла, сложилась, и кожа моя сдѣлалась прозрачна и бѣла, такъ что гости наши, сосѣдніе помѣщики, дивились перемѣнѣ, происшедшей вдругъ во мнѣ, и говорили мнѣ не мало комплиментовъ. Сначала ни я, ни мачиха моя, не замѣчали перемѣны въ обращеніи Милькота со мною, — но такъ какъ его заботливость обо мнѣ возрастала, то она становилась мнѣ тягостна, а мачихѣ моей непріятна, почему она стала обходиться со мною еще холоднѣе и суровѣе. Два раза между ею и мужемъ ея произошло что-то похожее на ссору; она замѣтила ему съ непривычной ей съ нимъ твердостію, что ему не слѣдуетъ вступаться въ ея со мной отношенія; въ другой разъ она разсердилась еще больше, и съ вспыльчивостію, напомнившею мнѣ ея супружескую жизнь съ покойнымъ отцомъ моимъ, объявила ему, что для избѣжанія ссоръ она удалитъ меня изъ дому. Я воспользовалась этимъ случаемъ, — и на другой же день, заставъ ее одну, просила ее позволить мнѣ вступить въ домъ гувернанткой. Мачиха тотчасъ согласилась на это и сама стала искать мнѣ мѣста. Одинъ сосѣдній помѣщикъ желалъ имѣть гувернантку для старшихъ дѣтей; онъ былъ двоюродный братъ Велина и жилъ въ 50 верстахъ отъ насъ; мачиха была очень рада такому случаю и тотчасъ сго-

ворилась съ нимъ; не знаю, почему мнѣ казалось, что она устроивала все это тайно отъ мужа — и, по обоюдному согласію, невысказанному, но угаданному, ни я, ни мачиха моя, не говорили о томъ при Милькотѣ — однако, онъ скоро узналъ это, и однажы утромъ вошелъ ко мнѣ въ комнату.

Антонина, сказалъ онъ мнѣ, зачѣмъ вы хотите оставить насъ; я говорилъ съ вашей матерью и представлялъ ей, что вы слишкомъ молоды, чтобы жить у другихъ, но она утверждаетъ, что на это — не ея воля, а ваша собственная.

Да, сказала я, я желаю жить одна и сама собою — мнѣ уже скоро семнадцать лѣтъ — я могу заработывать деньги для моего существованія.

Развѣ вамъ дурно съ нами? Я не пожалѣю для васъ денегъ, я люблю васъ. Когда вы были ребенкомъ, васъ наказывали, но это неизбѣжное зло, участь всѣхъ дѣтей; воспитать никого нельзя безъ строгости, особенно такого ребенка, который назначенъ жить въ чужихъ домахъ — ему надо заранѣе привыкнуть ко всему; въ послѣдствіи онъ долженъ столько вынести, завися вѣчно отъ другихъ. Ужели вы не понимаете, что я дѣлалъ это для пользы вашей?

Ну чтожь, сказала я, не отвѣчая на послѣдній вопросъ его, вы исполнили все это добросовѣстно, и вотъ я готова — иду жить съ чужими — изъ вашей школы всякая жизнь, какъ бы она страшна ни была, не будетъ мнѣ тяжкою новостію.

Ужели вы не можете говорить просто, возразилъ онъ, и теперь въ отвѣтъ на мое участіе, вы платите мнѣ ироніею.

Что посѣяли, то и пожинаютъ, сказала я холодно.

Послушай, сказалъ онъ, садясь подлѣ меня и противъ воли взявъ мою руку, будемъ говорить безъ го-

речи — если возможно. Развѣ ты не видишь, что съ тѣхъ поръ, какъ ты стала взрослой дѣвушкой, я готовъ сдѣлаться другомъ твоимъ, что я всегда вступаюсь за тебя. Останься съ нами, я даю тебѣ мое слово, что мачиха твоя будетъ добра съ тобой.

Покорно васъ благодарю за участіе, сказала я, прерывая его и освобождая свою руку.

Однако, развѣ не правда, что я стараюсь уже давно доставить тебѣ всѣ удовольствія, и когда мать твоя не обуздываетъ словъ своихъ, я строго ее останавливаю.

Напрасно трудитесь, сказала я, мнѣ не нужно вашей защиты.

Я буду строгъ съ ней, сказалъ онъ опять, я принужу ее любить и лелѣять тебя, какъ это слѣдуетъ; останься съ нами.

Это значитъ, что бывши моимъ гонителемъ въ дѣтствѣ, вы готовы сдѣлаться теперь тираномъ мачихи; ужели вамъ не противна роль притѣснителя, возразила я съ негодованіемъ, ужели она вамъ не наскучила?

Такъ ты не хочешь понять меня — понять, что я люблю тебя, какъ дочь, какъ друга и зашелъ....

Я улыбнулась иронически. Онъ перемѣнился въ лицѣ, и глаза его загорѣлись.

Кончимте этотъ непріятный разговоръ, сказала я, онъ ни къ чему не поведетъ насъ.

Антонина! сказалъ онъ, вставая, вы пожалѣете, что отвергнули мое покровительство. Испытайте, что значитъ жить въ чужомъ домѣ — если вы хотите этого. — Вы сами увидите, какъ это трудно — я бы могъ помѣшать вамъ оставить насъ — но я не хочу дѣйствовать противъ вашего желанія — въ послѣдствіи вы убѣдитесь; я надѣюсь, что вамъ лучше съ нами — и кто знаетъ, можетъ быть, воротитесь...

Постараюсь не воротиться, сказала я.

Онъ медленно вышелъ отъ меня и въ дверяхъ встрѣтился съ женою. Она взглянула на него съ удивленіемъ, къ которому примѣшивалось какое-то сдержанное негодованіе. Однако она не сказала ему ни слова, но, обращаясь ко мнѣ, проговорила сухо:

За вами черезъ три дня пришлютъ лошадей; укладывайтесь, — чтобы все было готово къ тому времени. Она повернулась и вышла вонъ. Я поняла ясно, что положеніе мое дѣлалось еще тяжелѣе.

Простите мнѣ, если я не договариваю многаго и спѣшу перейти эту эпоху жизни моей; мнѣ тяжело говорить о ней; хотя малѣйшія обстоятельства того времени врѣзались неизгладимо въ моей памяти — но эти воспоминанія ненавистны мнѣ и гнетутъ меня — а потому я поспѣшу впередъ — много еще остается мнѣ разсказать вамъ — много грустнаго и тяжкаго, и я берегу силы мои.

Послѣ этой незначительной по словамъ и глубоко знаменательной по выраженію сцены, я проводила дни свои, не выходя изъ комнаты, укладывала вещи свои и являлась только къ обѣду. Наконецъ въ одинъ ненастный осенній день мнѣ сказали, что за мной пріѣхала бричка; все мое имущество состояло изъ небольшаго чемодана, ящика съ портретомъ отца и маленькаго мѣшка; все это было тотчасъ увязано, и лишь только лошади были выкормлены, я пошла проститься съ хозяевами. Я никого не любила въ домѣ этомъ и покидала всѣхъ безъ сожалѣнія. Потомъ я отправилась къ мачихѣ; она сидѣла за чайнымъ столомъ въ своей комнатѣ, а Милькотъ ходилъ взадъ и впередъ мимо ея.

Я пришла проститься съ вами, сказала я мачихѣ, входя въ комнату.

Прощай, сказала она мнѣ, я желаю тебѣ счастія—

ты начинаешь жить сама собою, одна; помни, что ты должна вести себя скромно, пристойно и что ты до тѣхъ поръ свободна, пока не задумаешь дурачиться. — Если твое поведеніе не будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно, я возьму тебя обратно и помѣщу классной дамой въ какой нибудь пансіонъ, подъ строгій присмотръ содержательницы.

Не знаю, сказала я, имѣете ли вы на это право. У меня нѣтъ родителей, я буду жить на трудовыя деньги — всякій въ правѣ жить по разумѣнію, когда онъ работой обезпечиваетъ жизнь свою.

Антонина! возразила мнѣ мачиха, тебя не благословитъ небо — ты съ рожденія никого не любила, ты выходишь изъ дому, гдѣ провела дѣтство, безъ слезъ и умиленія, такъ естественныхъ при разлукѣ, ты неблагодарна и строптива — какъ я ни старалась, я не могла исправить тебя. Дай Богъ тебѣ счастія, но Богъ не благословляетъ непокорныхъ дѣтей, помни это.

Милькотъ остановился противъ матери и поглядѣлъ на нее — она замолчала; я не могла видѣть лица его, онъ стоялъ ко мнѣ задомъ.

Благодарю васъ, сказала я, только не можете ли вы не предсказывать будущаго — я суевѣрна; позвольте мнѣ выѣхать изъ этого дома, не унося на себѣ вашихъ предсказаній, похожихъ нѣсколько на проклятія. Голосъ мой замеръ.

Боже мой! какая женщина, сказала мачиха, складывая руки, — и ей 16 лѣтъ — это просто выродокъ какой-то!

Довольно! сказалъ ей Милькотъ грозно. Онъ подошелъ ко мнѣ:

Прощайте, Антонина, желаю вамъ счастія, сказалъ онъ.

И вамъ тоже, отвѣчала я холодно, поклонилась и

вышла вонъ. Никто не провожалъ меня, кромѣ моей горничной — она одна, прощаясь со мной, расплакалась; не знаю, жалѣла ли она меня или обычай такъ сильно овладѣлъ ею, что она заплакала, считая долгомъ и необходимостію поплакать при всякомъ отъѣздѣ.

Тихо тащилась бричка по грязи, переваливаясь со стороны на сторону — кучеръ покрикивалъ на клячь своихъ — дождикъ моросилъ — холодъ меня прохватывалъ; на мнѣ былъ легкій салопъ и изношенная старая шляпка, плохо защищавшіе меня отъ вѣтра и сырости. Но я не думала обо всемъ этомъ — мысль моя блуждала далеко, а сердце было полно тайнаго негодованія, подавленной злобы — и не была я довольна собою. Чтòбы сказалъ отецъ мой, думала я, еслибъ видѣлъ такое прощаніе. Покидая мачиху, я не умѣла простить ей, я не умѣла примириться съ прошлымъ—я была наконецъ свободна,—зачѣмъ же я не могла простить имъ моего дѣтства и печально-тяжкой юности? Счеты мои были покончены съ ними, зачѣмъ же не хотѣла я подвести великодушнаго итога? Правда, мачиха моя не обходилась со мной, какъ съ дочерью — да вѣдь и я не была ею — значитъ мы разочлись — зачѣмъ же я вышла изъ этого дома и отъ нея съ такой глубокой злопамятностію? — вотъ какія мысли мучали меня въ продолженіи пути. Я пріѣхала поздно и нашла вороты запертыми. Кучеръ сошелъ съ козелъ и принялся стучать въ нихъ съ нетерпѣливой настойчивостію. Наконецъ раздалось ворчанье дворника—онъ отворилъ ихъ, и бричка, взъѣхавъ на дворъ, остановилась у подъѣзда. Я вышла изъ нея — двери были заперты, и потому возобновился новый стукъ. Намъ отперли и двери; какой-то заспанный человѣкъ въ шинели встрѣтилъ насъ.

Кто это? спросилъ онъ у кучера — мамзель что-ли привезли?

Вѣстимо, отвѣчалъ кучеръ, — что̀ вы вороты-то заперли — не знали что-ль — мы насилу достучались.

Да вишь васъ нелегкая въ полночь принесла; добрые люди давно спятъ,— не сидѣть же для васъ всю ночь на пролётѣ, ворчалъ человѣкъ; — велика птица — мамзель!

Вы улыбаетесь, сказала Антонина Михайловна, взглянувъ на Ильменева; а вы, другъ мой, глядите на меня такъ пристально и такъ печально, прибавила она, посмотрѣвъ нѣжно на полное участія лицо Плетнеева, а меня все это не тронуло въ ту пору. Я привыкла съ малолѣтства къ гордости хозяевъ, къ грубостямъ слугъ, къ наглой требовательности хозяйскихъ дѣтей, къ угнѣтенію семейному, къ побоямъ — къ чему еще? — ко всему, друзья мои! Одинъ домъ, какъ — другой, вездѣ одно и тоже, только лица смѣняются — а въ сущности для меня было все одинаково; и потому рѣчи эти не смущали меня, и пріемъ этотъ не удивилъ меня. Я взошла въ переднюю и только чувствовала страшную усталость и сильный ознобъ.

Гдѣ моя комната? спросила я у человѣка, отворившаго мнѣ дверь и встрѣтившаго меня такъ привѣтливо.

А вотъ погодите, сказалъ онъ сурово,— сперва вытащу сундуки ваши, а потомъ разбужу экономку.

Я сѣла на лавку. Передняя была грязна; какое-то ведро съ помоями стояло въ углу; вѣроятно, оно давно уже пользовалось здѣсь правами гражданства, потому что неизсякаемая лужа и пятны на полу вогругъ него свидѣтельствовали, что оно давно и всегда стоитъ въ углу этомъ. Человѣкъ втащилъ чемоданъ и ящикъ.

Добро ваше все ли тутъ, спросилъ онъ меня.

Да, все.

Ну, теперь пойдемте на верхъ.

Онъ провелъ меня коридоромъ, осторожно ступая, и прибавилъ въ родѣ замѣчанія: не разбудите господъ; я

взобралась за нимъ по крутой лѣстницѣ и очутилась у запертой двери. Онъ оставилъ меня и сошелъ внизъ; я чувствовала неодолимую усталость и потому сѣла на послѣдней ступени лѣстницы. Долго пропадалъ онъ,— наконецъ возвратился съ ключемъ и отперъ дверь.

Ѳекла говоритъ, что у васъ все готово, и что ей идти сюда незачѣмъ, сказалъ онъ мнѣ.

Я вошла; дѣйствительно пуховикъ лежалъ на кровати, также какъ и подушки, но бѣлья на нихъ не было.

Съ помощію моего вожатаго я распутала узлы веревокъ, перевязывавшихъ чемоданъ и, накинувъ простыню на пуховикъ, отпустила человѣка, заперла дверь, раздѣлась поскорѣе, бросилась въ постель и заснула крѣпкимъ сномъ, знакомымъ только утомленной молодости, какъ бы ни была она несчастлива. Когда я открыла глаза, было уже совсѣмъ свѣтло и блѣдный лучь осенняго солнца озарялъ комнату, проникая въ нее свободно, по совершенному отсутствію сторъ. Я не знала, который часъ, и потому поспѣшила одѣться, сошла внизъ и нашла все семейство Чернецовыхъ, собравшееся въ гостиной за круглымъ столомъ и пившее утренній чай. Я давно знала его; оно было въ родствѣ съ Велиными и ѣзжало часто гостить къ намъ. Оно состояло изъ пожилой помѣщицы Глафиры Васильевны, мужа ея Ивана Сидоровича и четырехъ дѣтей: одного сына и трехъ дочерей, моихъ будущихъ воспитанниковъ.

А, вотъ и вы, моя милая, сказала мнѣ хозяйка ласково; добро пожаловать — въ добрый часъ! Садитесь, хотите чаю?

Она налила и подала мнѣ чашку — распросила о дорогѣ, пожалѣла, что долго вечоръ стучались мы въ вороты, прибавила, что дороги плохи, куда какъ плохи осенью, и что все дождикъ льетъ — такъ кудажъ имъ и быть хорошимъ. Мужъ ея подтвердилъ это мнѣніе,

и заключилъ, что сосѣдніе мужики такіе плуты и мостовъ-то не исправляютъ. Послѣ чего всѣ мы замолчали и напились чаю въ невозмущаемомъ спокойствіи.

Ну, теперь, сказала опять Глафира Васильевна, вставая изъ за стола, я представлю вамъ дѣтей моихъ. Варинька, Сашуръ, подите сюда, кланяйтесь, любите и слушайтесь Антонину Михайловну. А вы, тоже, милая, будьте добры къ нимъ — они дѣти хорошіе, смирные, вы будете ими довольны. Дня три ознакомтесь съ ними, а потомъ можно ·и за ученье приняться. Меньшіе до васъ еще не касаются, — у нихъ есть своя нянька у каждаго. Прошу васъ объ одномъ — никогда не оставляйте ихъ однихъ — будьте всегда съ ними и говорите по французски.

Трудно мнѣ было привыкать къ должности гувернантки—уроки я могла давать очень легко, я была терпѣлива и кротка; но дѣтскія игры, но безпрестанное кочеваніе за дѣтьми изъ комнаты въ комнату, но гулянья и катанья въ хорошую погоду были для меня невыносимы, а все это входило въ мои обязанности. Въ девять часовъ вечера дѣти ложились спать, я уходила къ себѣ и могла наконецъ заниматься, да и то не долго, потому что дѣти вставали рано, и я должна была присутствовать при ихъ утреннемъ туалетѣ и молитвѣ. Однако я считала себя счастливой, потому что была покойна и ни чей взоръ не тяготѣлъ надо мной, ни чьи укоры не смущали меня, ни чье участіе не тревожило меня. Глафира Васильевна, видя мою неизмѣнную кротость съ дѣтьми, мою всегдашнюю скромность въ кругу ея знакомыхъ и покорность волѣ ея во всемъ, касающемся до дѣтей, привязалась ко мнѣ и стала обращаться со мной, какъ будто бы я принадлежала къ семьѣ ея. Она была женщина недальняя, но очень добрая; что касается до мужа ея,

то мы видали его за обѣдомъ и вечернимъ чаемъ, послѣ чего онъ изчезалъ; носились слухи въ домѣ, что онъ любилъ почивать послѣ обѣда и былъ отличный хозяинъ въ остальное время дня. Такимъ образомъ однообразно текло время мое; но я и не думала на то жаловаться — я радовалась, что была далеко отъ мачихи и ея мужа; когда же видала ихъ, остерегалась всякаго новаго объясненія съ нимъ и ссоры съ нею и избѣгала и того и другаго; мы ѣздили довольно часто къ Велинымъ и гостили у нихъ по цѣлымъ недѣлямъ, иногда они пріѣзжали къ намъ; но я имѣла уже положеніе опредѣленное въ семьѣ Чернецовыхъ и пользовалась моею самостоятельностію съ величайшимъ удовольствіемъ. Такъ прошло два года. Мачиха, видя меня любимой и уважаемой, перемѣнилась ко мнѣ и сдѣлалась ласковѣе, а Милькотъ — еще страннѣе. Мнѣ трудно разсказать вамъ его поведеніе; близости между нами не было и быть не могло; проведя семь лѣтъ вмѣстѣ, мы, конечно, въ дѣтствѣ моемъ, не сказали другъ съ другомъ нѣсколько словъ дружелюбно. Его голосъ пробуждалъ во мнѣ всегда содраганіе — такъ мнѣ и слышалось въ его металлическомъ, сухомъ звукѣ, что-то похожее на удары, которые бывало сыпались на меня такъ щедро при первомъ его приговорѣ. Палачь моего дѣтства, онъ продолжалъ стараться быть покровителемъ моей юности; но всѣ попытки его падали передъ моей непреклонной и нѣсколько презрительной холодностью. При посторонних и при матери онъ былъ со мной только дружественно-вѣжливъ, но лишь только онъ могъ найти меня одну, какъ дѣлался нѣженъ, говорилъ мнѣ комплименты и льстилъ моему самолюбію. Я избѣгала его всѣми способами. Я увѣрена, что еслибъ я могла быть нѣсколько ласко-

вѣе съ нимъ, то въ послѣдствіи онъ спасъ бы меня отъ многаго — впрочемъ какъ знать и это?

Минуло уже два года, какъ я жила у Чернецовыхъ; наступили Святки и мы отправились къ Велинымъ; мы должны были прожить у нихъ до Новаго года. Однажды утромъ Милькотъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и, подавая мнѣ свертокъ, сказалъ:

Антонина, вы любите наряды; на дняхъ въ сосѣдствѣ балъ, я подумалъ о васъ и выписалъ для васъ самое модное платье, — прошу васъ примите подарокъ мой.

Благодарю васъ, сказала я, отводя рукою завернутую въ бумагу матерію, — мнѣ не нужно платьевъ.

Я не знаю, говорила ли я вамъ, что я любила наряды съ страстію дѣвочки и съ жадностію пансіонерки и что этотъ вкусъ развился во мнѣ тѣмъ сильнѣе, что я никогда не имѣла возможности удовлетворить его. Когда я стала получать жалованье, я сдѣлала себѣ много платьевъ и носила ихъ съ тѣмъ удовольствіемъ, которое чувствуютъ дѣвушки, наряжаясь въ первый разъ, и съ тѣмъ наслажденіемъ, которое испытываетъ человѣкъ, трудами своими добывшій себѣ удовлетвореніе вкуса или прихоти. Не смотря на это приращеніе туалету — я не думала о балахъ, и у меня не было ни одного бальнаго платья.

Однако я выписалъ этотъ барежъ для васъ, сказалъ онъ, сжимая губы, что было въ немъ единственнымъ, видимымъ признакомъ возбужденнаго гнѣва.

Можетъ быть, сказала я; но такъ какъ это сдѣлано безъ моего вѣдома, то я не виновна въ этой тратѣ денегъ.

Дѣло идетъ не о деньгахъ — но объ оскорбленіи — да, вы оскорбите меня, если не примете моего подарка. Возьмите его!

Не хочу, сказала я рѣшительно.

Хорошо, — я подарю это платье вашей горничной, она сошьетъ его, надѣнетъ и будетъ одѣта, какъ порядочная дѣвица, а вы, какъ горничная.

У меня есть платья, отвѣчала я, а еслибъ и не было, вспомните, что съ младенчества я была одѣта такъ бѣдно, что мнѣ не нужно привыкать къ этому. Все это такъ знакомо мнѣ, прибавила я холодно и гордо.

Онъ пошелъ вонъ изъ комнаты, но, не дошедши до дверей, воротился.

Антонина, сказалъ онъ рѣшительно, — три года я ищу дружбы вашей — хотите ли помириться со мною, будемте друзьями, забудемъ прошлое — простите мнѣ, если я былъ виноватъ передъ вами.

Никогда, сказала я; прошлое здѣсь запало глубоко. Я невольно прижала руку къ сердцу.

Антонина, подумайте, вы играете своей жизнію — не забудьте, что я унижаюсь теперь передъ вами и прошу вашей дружбы — берегитесь — я никогда не прощу вамъ моего униженія.

Я взглянула прямо въ глаза ему.

Въ самомъ дѣлѣ, сказала я съ ненавистію, — да развѣ это новость — униженіе ваше! Да вы уже съ тѣхъ поръ унижены, какъ избрали ребенка предметомъ ненависти и сдѣлались его неизмѣннымъ, неумолимымъ гонителемъ. Вы заставляли бить меня — я васъ презирала еще тогда.

Онъ страшно поблѣднѣлъ.

А! сказалъ онъ глухо, — вы хотите вражды, борьбы, неукротимой ненависти — хорошо; но знайте же, что я силенъ и пригну вашу дерзкую голову къ ногамъ моимъ — будете просить помилованія, но поздно. Вы отталкиваете меня два, три года, съ ненавистью,

которую я было оставилъ — безумная! раскаетесь вы,— но поздно, говорю я вамъ.

Увидимъ! отвѣчала я, устремляя на него взоръ полный негодованія и вражды: онъ тоже глядѣлъ на меня — глаза наши встрѣтились—мы будто помѣрялись — ни одинъ изъ насъ не отвелъ взора, не опустилъ зрачка; Милькотъ медленно вышелъ вонъ. Съ тѣхъ поръ мы никогда не говорили ни о чемъ другъ съ другомъ.

На другой день послѣ этого разговора мы уѣхали къ себѣ — Глафира Васильевна непремѣнно хотѣла ѣхать на балъ, куда былъ приглашенъ весь околотокъ, и взяла меня съ собою. Я приготовила себѣ заботливо простое, бѣлое кисейное платье и бѣлый поясъ — мнѣ хотѣлось быть одѣтой не хуже другихъ, а такъ какъ я не могла нарядиться, то рѣшилась имѣть свѣжій уборъ. Глафира Васильевна представила меня многимъ барышнямъ, которыхъ я еще не знала; по просьбѣ ея, со мной обошлись вѣжливо-покровительственно — и потомъ оставили въ уголку; туземные кавалеры не обращали на меня вниманія, мало звали меня танцовать, мало говорили со мною — и дѣйствительно, что была я такое? гувернантка! не болѣе! Мнѣ уже и тѣмъ сдѣлали не мало чести, что позвали меня на балъ, какъ будто бы я была барышня, благородная дѣвица. Катя Велина явилась царицей бала, пышно, богато одѣтая, и ходила важно по залѣ объ руку съ другими дѣвушками.

Вотъ и ты! сказала она, увидѣвъ меня, — браво! да ты принарядилась — но что это ты вся въ бѣломъ— точно балетная Сильфида.

Ну что же? Это лицо поэтическое, сказала я, — благодарю за комплиментъ.

А что дѣти твои здоровы? Хорошо учатся? спросила она съ намѣреніемъ.

Здоровы, сказала я просто, и стала говорить съ другой дѣвицей.

Кто это молодая дама, спросилъ кто-то у Кати.

Это не дама, отвѣчала она.

Какъ же вы спрашивали у ней о ея дѣтяхъ.

Катя захохотала.

А объ чемъ же говорить съ ней, сказала она; она гувернантка!

Только то — сказалъ кто то — всѣ засмѣялись, и я слышала, какъ нѣсколько разъ повторяли потомъ анекдотъ этотъ, который всѣмъ показался забавенъ.

Вскорѣ заиграла музыка; я сидѣла въ концѣ залы и грустно смотрѣла на танцующія пары — я не была звана на танцы и спрашивала себя — для чего я пріѣхала, увлекшись желаніемъ веселиться, какъ будто я могла занять какое нибудь мѣсто между этой богатой молодежью и принять какое нибудь участіе въ исключительныхъ удовольствіяхъ, назначенныхъ только для богатыхъ и знатныхъ. Я была вызвана изъ грустныхъ размышленій моихъ звукомъ мелодичнаго нѣжнаго голоса.

Позвольте мнѣ попросить васъ на туръ вальса.

Сердце мое забилось отъ звука этого голоса — онъ мнѣ напомнилъ давно затерянные — давно умершіе звуки — и однако вѣчно живые, вѣчно милые, завѣтно сохраненные въ глубинѣ души моей — звуки голоса моего любимаго, добраго отца. Я взглянула и увидѣла передъ собою высокаго, стройнаго офицера, съ голубыми глазами и вьющимися бѣлокурыми волосами. Онъ повторилъ приглашеніе — я встала, и рука моя, задрожавъ, очутилась въ рукѣ его.

Вы вѣрите, или нѣтъ, первымъ впечатлѣніямъ первой любви съ перваго взгляда, первому магнетическому соединенію во взорѣ и мгновенному сліянію угады-

вающихъ другъ друга родныхъ симпатичныхъ душъ?— Не вѣрите? Да вѣдь и я не вѣрю! — а между тѣмъ это случилось съ нами. Отъ чего? Какъ? не знаю, да и за чѣмъ знать мнѣ? Голосъ его пробудилъ во мнѣ святое воспоминаніе, цвѣтъ глазъ его и цвѣтъ вьющихся волосъ воскресили давно изчезнувшій образъ; мнѣ показалось, что отецъ посылаетъ мнѣ въ немъ другаго себя; все это, конечно, я придумала уже послѣ, а въ первую минуту я только смутилась — я не понимала словъ его; но они далеко, не значеніемъ своимъ, а только звукомъ, проникали въ молодую душу, въ жадное любви бытіе, въ осиротѣлое сердце, не знавшее кому отдаться, кого полюбить. Я не помню, что̀ онъ говорилъ мнѣ, что̀ я отвѣчала ему, помню только, что вечеръ прошелъ, какъ одинъ блаженный мигъ, какъ сонъ, что я очутилась въ постелѣ и спросила сама себя: что со мною? И не отвѣчая себѣ на заданный вопросъ, встала, сѣла въ кресла и твердила: какъ похожъ! какъ похожъ! Мысль о любви была далеко отъ меня; но вы понимаете, что всѣ любящія струны моего сердца были тронуты, воспоминанія пробуждены и природная впечатлительность сильно потрясена. Я не воображала еще, что я люблю, а на дѣлѣ любила уже такъ много! На другой день были — обѣдъ и катанье; Глафиру Васильевну упросили остаться, на что она охотно согласилась. Онъ обѣдалъ подлѣ меня и, когда поѣхали кататься, посадилъ меня въ свои сани и прокатилъ мастерски, управляя самъ тройкою. Вечеромъ мы много говорили другъ съ другомъ; я призналась ему чистосердечно, что не могу равнодушно видѣть его, потому что онъ напоминаетъ мнѣ покойнаго отца не только лицомъ, голосомъ и цвѣтомъ волосъ, но даже и именемъ (онъ назывался Мишелемъ). Онъ слушалъ внимательно

и, увидя, что лицо мое измѣнилось, когда я говорила объ отцѣ, взялъ руку мою, сжалъ ее и сказалъ что-то очень нѣжное и милое. Я заплакала и ушла. Когда мы встрѣтились на другой день послѣ этого объясненія, мы были будто давно знакомы и уже дружны. Онъ спросилъ у меня, гдѣ я бываю, и простился со мною, обѣщаясь скоро пріѣхать къ Велинымъ, гдѣ мы должны были гостить нѣсколько времени. Когда мы уѣхали, я была какъ въ чаду; дорòгой Глафира Васильевна спрашивала меня — весело ли было мнѣ — я принялась благодарить ее съ жаромъ, не могла удержать различныхъ чувствъ, бросилась ей на шею и заплакала. Она приняла этотъ порывъ за одно выраженіе дѣтской благодарности и такъ была имъ тронута, что сказала мнѣ:

Послушай, Ниночка (она давно такъ называла меня), я люблю тебя, какъ будто ты старшая дочь моя; къ тому же ты такъ добра съ дѣтьми моими и такъ занимаешься ими, не смотря на свои молодыя лѣта, что я хочу доставить тебѣ всевозможныя удовольствія, и, если будутъ съѣзды и праздники по сосѣдству, я поѣду ко всѣмъ съ тобою. Два, три дня перерванныхъ уроковъ ничего незначатъ — да вотъ, скоро рожденіе Вариньки, я сама сдѣлаю дѣтскій вечеръ и позову тоже большихъ — теперь мы погостимъ у Велиныхъ дней пять, а потомъ воротимся къ себѣ и устроимъ все это. Довольна ли ты мною, душенька?

Вы такъ добры, сказала я, цѣлуя ее, что я не знаю, чтò мнѣ говорить, чтобы выразить вамъ любовь мою.

Чтò мнѣ сказать вамъ? Онъ скоро пріѣхалъ къ Велинымъ и прожилъ съ нами два дня, потомъ пріѣхалъ

къ намъ, и въ нѣсколько посѣщеній такъ умѣлъ всѣмъ понравиться, что его звали къ намъ гостить. Иногда онъ проводилъ у насъ недѣлю или дней 10 безвыѣздно; вы знаете, что въ деревнѣ знакомятся скорѣе, сходятся ближе, чѣмъ въ городѣ — а онъ и я, мы сошлись съ перваго взгляда, и обоюдная любовь наша быстро росла. Я вамъ не скажу его имени, — за чѣмъ? Судьба, его собственная воля и характеръ впослѣдствіи разлучили насъ. Я буду называть его Мишелемъ, какъ я всегда звала его, въ пору любви нашей, въ пору нашего краткаго счастія. Онъ жилъ въ богатомъ домѣ у сестры своего отца; матери у него не было; онъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сестеръ, которыя всегда жили въ Москвѣ съ теткой и отцомъ. Когда его произвели въ офицеры и онъ пріѣхалъ въ Москву въ годовой отпускъ, тогда отецъ его пожелалъ, чтобы онъ поѣхалъ повидаться съ старой бездѣтной бабушкой, обожавшей его и жившей въ провинціи около насъ,— и вотъ по какому случаю онъ попалъ въ нашу глухую сторону. Когда я познакомилась съ нимъ, ему было 22 года, характеръ его былъ мягкій, нѣжный, добрый, какъ и вся его физіономія. Вѣроятно, я полюбила бы его позднѣе, еслибъ не полюбила тотчасъ, потому что живя среди людей безчувственныхъ, каковы были Велины, съ жестокимъ и непреклоннымъ Милькотомъ, съ строгой и не любившей меня мачихою, идеалъ человѣка составился въ головѣ моей не иначе, какъ надѣленный нѣжностію, безконечной добротою, откровенностію, — и все это именно было въ немъ. Въ немъ было много женственности, и я обожала ее въ немъ — не признавая ее за недостатокъ въ мущинѣ, а только за высшее выраженіе доброты и деликатности. Рано поняла я, что умъ безплоденъ и вреденъ безъ прямой, истинной доброты, и, нашедши Мишеля такъ щедро надѣленнымъ

въ этомъ отношеніи, любила его нѣжно и восторженно, удивлялась его мягкому сердцу. Впрочемъ всѣ любили его; онъ умѣлъ такъ устроить, что когда пріѣзжалъ къ намъ, то это былъ общій праздникъ. Дѣти прыгали ему на шею, Глафира Васильевна встрѣчала его ласково, и Иванъ Сидоровичь громко цѣловалъ его на всю гостиную. Онъ помогалъ Глафирѣ Васильевнѣ раскладывать грандъ-пансіансъ, держалъ шерсть, когда она ее разматывала, ходилъ съ мужемъ ея на скотный дворъ и толковалъ объ урожаѣ и хозяйствѣ, строилъ карточные домики съ дѣтьми и игралъ съ ними въ жмурки, катался со мной въ санкахъ и игралъ по вечерамъ на фортепьянахъ въ четыре руки — даже наша старая экономка, ворчунья страшная, любила его. Для всѣхъ было у него ласковое слово или добродушная шутка; скоро онъ сталъ у насъ своимъ человѣкомъ. Отношенія его со мной были дружественны; хотя оба мы уже понимали, что любимъ другъ друга, но мы никогда не сказали еще ничего похожаго на это — и вовсе не думали о будущемъ, вполнѣ наслаждаясь настоящимъ. Впрочемъ это самая счастливая принадлежность первой любви и, можетъ быть, въ этомъ заключается ея упоеніе, поэзія и тайна ея свѣжести; жить чудной жизнію текущаго мгновенія, наслаждаться восторженно и беззаботно счастіемъ быть вмѣстѣ, не желать ничего и забываться вдвоемъ — что̀ можетъ сравниться съ такою порою — и какъ бѣденъ, жалокъ, ничтоженъ тотъ, кто не испыталъ этого чуднаго сна, разъ въ жизни, на утрѣ ея, насъ посѣщающаго? Позже, если мы любимъ, спѣшимъ угадывать, расчитывать, создавать, зная по опыту, что многое бываетъ непрочно, и тѣмъ самымъ мы уничтожаемъ сами лучшіе цвѣты съ древа жизни и любви. Но въ ту пору я была молода и любила безмѣрно, и пышно вдругъ разцвѣла жизнь души

моей — я ничего не замѣчала вокругъ себя и думала только о немъ. Послѣ Святокъ, съѣзды прекратились — онъ уѣхалъ къ бабушкѣ своей — прошли двѣ однообразныя недѣли — я ждала его всякій день совершенно напрасно. Прошла еще недѣля; я сидѣла однажды вечеромъ въ гостиной и разсматривала съ дѣтьми какую-то исторію, поясняя имъ ея картинки, когда колокольчикъ загудѣлъ въ отдаленіи — сердце мое застучало — я тревожно прислушивалась — и вотъ зазвенѣлъ онъ на селѣ и залился, подъѣзжая къ дому. Дѣти встрепенулись и, какъ стая веселыхъ птичекъ, вспорхнули и выбѣжали въ переднюю. Я сидѣла на мѣстѣ и мучилась ожиданіемъ, надеждой и боязнію обмануться.

Кто это? спросила Глафира Васильевна, опуская работу на колѣни свои.

Право не знаю, сказала я, едва переводя духъ.

Что это, Ниночка, какая ты ко всему равнодушная; поди, душа моя, узнай, кто пріѣхалъ — никогда не повернешься, похожа ли ты на молодую дѣвушку?

Я не слыхала уже, что̀ продолжала говорить Глафира Васильевна, обрадовалась случаю и вышла въ переднюю.

Мишель сбрасывалъ съ себя военную шинель, бобровый воротникъ ея былъ покрытъ инеемъ; дѣти обступили его, Саша висѣлъ у него на шеѣ, Варя тащила его ласково за руки, двое меньшихъ цѣплялись за его шпагу. Онъ живо перецѣловалъ ихъ, освободился отъ нихъ и подошелъ ко мнѣ. Лицо его, за минуту смѣющееся, подернулось радостнымъ умиленіемъ.

Mademoiselle Штейнъ, сказалъ онъ мнѣ, здравствуйте; какъ я ни спѣшилъ къ вамъ, а прежде трехъ недѣль не могъ оставить бабушку. Давно мы не видались.

Онъ поцѣловалъ мою руку.

Двадцать дней, сказали мы оба въ одно время, стоя посреди залы и держась за руку.

Вѣкъ! сказалъ онъ, медленно отвелъ свою руку отъ моей и скорымъ шагомъ отправился въ гостиную, гдѣ дѣти уже провозгласили торжественно о его пріѣздѣ.

Ахъ, Михаилъ Аркадьичь — вы ли это? Наконецъ! забыли вы насъ, говорила Глафира Васильевна.

Не могъ, не могъ, а теперь пріѣхалъ на нѣсколько дней, да еще съ намѣреніемъ похитить васъ, отвѣчалъ онъ.

Какъ такъ? спросили всѣ съ любопытствомъ.

Тогда онъ разсказалъ намъ, что бабушка его устроиваетъ у себя на масляницѣ съѣздъ сосѣдей, катанья, маскерады, и что намѣрена повеселить его на прощаньи.

Развѣ вы ѣдете, спросила Глафира Васильевна.

Я чувствовала смертельный холодъ во всемъ тѣлѣ и сидѣла на мѣстѣ будто окаменѣлая. Онъ взглянулъ на меня, тревожно всталъ и сказалъ отрывисто:

Да, пора, я ѣду постомъ домой.

Потомъ подошелъ тотчасъ къ моему уголку и, скидая шпагу, сказалъ мнѣ тихо:

Нѣтъ еще, не вѣрьте.

Между тѣмъ Глафира Васильевна продолжала сожалѣть о его отъѣздѣ и говорила, что въ такомъ случаѣ поѣдетъ къ бабушкѣ непремѣнно.

Онъ предложилъ ѣхать къ ней вмѣстѣ, взять съ собой всѣхъ дѣтей и дождаться масляницы у его бабушки —тѣмъ болѣе что до масляницы оставалось всего недѣли полторы. Сначала Глафира Васильевна не соглашалась на это; но дѣти, Мишель и даже я обступили ее, и она принуждена была дать намъ слово, что уговоритъ и мужа на такое всеобщее переселеніе; бабушка его жила за сто верстъ отъ насъ и между нами было поло-

жено, что Глафира Васильевна поѣдетъ съ дѣтьми въ возкѣ, а я, Мишель и няня дѣтей въ другой повозкѣ. Я никогда не могла вынести закрытаго экипажа, голова моя кружилась, и этому я обязана самыми лучшими минутами въ жизни моей. Когда Иванъ Сидоровичь воротился, и ему объяснили наше намѣреніе, онъ не очень охотно принялъ его; но его такъ настоятельно упрашивали, что онъ уступилъ общему желанію и обѣщался по кончивъ нѣкоторыя дѣла по хозяйству, пріѣхать за нами въ концѣ масляницы. На третій день послѣ пріѣзда Мишеля, начались сборы, хлопоты, все поднялось въ домѣ; постоянная бѣготня установилась по лѣстницамъ, и всеобщее радостное смятеніе въ семействѣ; дѣти не помнили себя отъ счастія, и мать глядѣла на нихъ съ благосклонною улыбкою. И мнѣ, при этомъ воспоминаніи, дѣлается на душѣ легко! Въ ту пору, я будто нашла вдругъ, до тѣхъ поръ мнѣ не знакомую молодость, почувствовала ее живо, ознакомилась впервые съ ея упоеніемъ, и горячая кровь закипѣла въ жилахъ моихъ. Я бѣгала больше другихъ, смѣялась, шутила, укладывалась, дѣти бѣгали за мною, а Мишель за нами. Меня вообще всѣ любили въ домѣ Чернецовыхъ, и хотя старая няня наша сердилась за суматоху, но, ворча на всѣхъ, заботливо укладывала однако же и мои платья, жалуясь, что мы не помогаемъ, а только мѣшаемъ ей.

Друзья мои! сказала вдругъ Антонина послѣ минутнаго молчанія, навѣяннаго на нее воспоминаніемъ, друзья мои! Какъ я была счастлива!

Она опять замолчала, и ручей слезъ залилъ блѣдное лицо ея; Плетнеевъ поцѣловалъ ея руку, Ильменевъ сжалъ симпатично другую Маша сидѣла неподвижно подъ тяжкимъ вліяніемъ ея разсказа. Антонина мало по малу старалась успокоиться и начала опять разсказъ свой:

Были у меня силы, друзья мои, чтобы разсказать вамъ мое угнетенное дѣтство, есть онѣ, чтобы описать вамъ мою страшную молодость и ея трагическія катастрофы, мое бѣдственное замужство и черствую жизнь, ожидавшую меня въ послѣдствіи, — но нѣтъ ихъ, нѣтъ у меня ни силы, ни твердости, чтобы остановить взоръ мой на дняхъ счастія, такъ полныхъ, такъ краткихъ, такъ упоительныхъ! Давно минула пора эта — тому уже двѣнадцать лѣтъ — а теперь, говоря о дняхъ этихъ, слеза просится на глаза мои, мятежно стучитъ неугомонное сердце и страдаетъ оно, и бурная, прежняя страсть врывается въ душу съ воспоминаніемъ! — Томительное, глубокое, жгучее воспоминаніе давитъ меня. — я не люблю уже его — давно любовь къ первому моему другу погасла и остыла, а когда говорю я о немъ, будто снова и любить начинаю! — Глубоко сердце человѣческое — неизмѣримы, темны и страшны его сокровенныя пропасти и когда что̀ западетъ въ нихъ — часто внезапно опять подымается изъ нихъ и заливаетъ все существо давно затеряннымъ и умершимъ чувствомъ. — Такъ гдѣ же остановилась я? Да — на отъѣздѣ. — Черезъ два дня мы уѣхали. Няня наша сидѣла въ углу повозки, я въ срединѣ, Мишель подлѣ меня, съ другой стороны. Какъ онъ заботливо усадилъ меня, распрашивалъ — хорошо ли мнѣ, спускалъ вуаль мой, прикрывалъ меня шубами, и смертельно боялся, чтобы я не озябла. Никогда, никто еще обо мнѣ такъ нѣжно не заботился — а вы знаете ли, что такое испытать впервые горячую, искреннюю заботливость любимаго человѣка, особенно тому, кто никогда не зналъ нѣжности матери, любви сестеръ и братьевъ и сочувствія друзей! Я едва могла отвѣчать ему на его безпрестанные вопросы — я была такъ глубоко тронута! Проѣхавъ 30 верстъ, мы должны были перемѣнить ло-

шадей; Мишель выскочилъ изъ повозки на станціи, требуя ихъ скорѣе.

Не озябли ли вы, сказалъ онъ мнѣ; выходите скорѣе погрѣться — они запрягаютъ такъ долго.

Я стала выходить, но едва ступила на окраину повозки, какъ пошатнулась; онъ взялъ меня на руки и внесъ въ избу. Мнѣ было такъ стыдно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хорошо! Онъ посадилъ меня на лежанку, сталъ растегивать салопъ мой и снимать его. Ямщики сказали намъ, что Глафира Васильевна опередила насъ получасомъ и отправилась далѣе, переложивъ лошадей. Старая няня наша ушла обѣдать и оставила меня одну съ Мишелемъ, который сѣлъ подлѣ меня.

Вы озябли! сказалъ онъ, взявъ мои холодныя руки, приложивъ ихъ къ пылавшему лицу своему и согрѣвая своимъ дыханіемъ. Мало по малу, прижимая ихъ къ губамъ своимъ, онъ становился передо мною на колѣни. Не глядя на меня, онъ прошепталъ: я люблю тебя, какъ я люблю тебя, Антонина! Я молчала, я не могла говорить, — слова эти находили въ душѣ моей такой могучій отголосокъ, что крупныя слезы катились обильно по щекамъ моимъ. Онъ взглянулъ на меня и, увидавъ ихъ, крѣпко прижалъ меня къ своему сердцу.

Скажи мнѣ, что ты любишь меня, сказалъ онъ.

Я все еще молчала; чувства радости, упоенія, любви и стыда были такъ сильны, что я не могла еще говорить, но, прижавши къ плечу его мою склоненную голову, тихо плакала.

Антонина, слышишь ли ты? Я люблю тебя, повторилъ онъ опять — а ты?

И я, я люблю тебя, сказала я, чуть слышно, прерывавшимся отъ волненія голосомъ.

Жаркій поцѣлуй соединилъ насъ.

Намерзнувшая дверь вдругъ отворилась съ трескомъ. Лошади готовы, сказалъ кучеръ нашъ, и тотчасъ вышелъ вонъ; — Мишель взялъ платокъ мой и окуталъ имъ мою голову, потомъ посадилъ меня на стулъ и сталъ обувать меня въ мѣховые башмаки; надѣвъ одинъ изъ нихъ, онъ хотѣлъ поцѣловать мою ногу; я сдѣлала невольное движеніе испуга и стыда и выдернула её изъ рукъ его. Онъ, стоя на колѣняхъ передо мною, опустилъ другую, обутую ногу мою и, взглянувъ на меня своими ясными очами, спросилъ робко и нѣжно:

Ты сердишься?

Я молчала; лицо мое ярко горѣло; надѣвая мнѣ шубу и застегивая воротъ ея, онъ тихо сказалъ:

Если бы ты знала, ка̀къ я люблю тебя, ты не упрекнула бы меня въ дерзости и не позавидовала бы счастію поцѣловать ножку твою.

Развѣ я говорила тебѣ что нибудь, возразила я, опустивъ глаза.

Ты испугалась, развѣ это не все равно? А ты еще не знаешь, что̀ ты для меня такое, ка̀къ ты безцѣнна для меня.

Я была уже одѣта и хотѣла идти.

Чтоже? продолжалъ онъ — я не буду смѣть отнести тебя опять — ты не позволяешь?

Я молча пошла къ двери — мнѣ было такъ стыдно, а между тѣмъ я была такъ счастлива.

Онъ пошелъ за мной, помогъ мнѣ войти въ повозку и сѣлъ подлѣ меня — стало смеркаться. Быстро мчали насъ лошади по гладкой, ровной дорогѣ; ночь была морозная и прекрасная — скоро взошелъ мѣсяцъ и освѣтилъ путь нашъ и снѣжныя поля; онъ игралъ на нихъ золотомъ лучей своихъ и обливалъ ихъ розовымъ свѣтомъ. Все было такъ прекрасно внѣ насъ — прекрасно въ насъ

самихъ! Долго мы молчали, полные упоенія и восторга, и мало по малу разговорились. Мишель говорилъ, что онъ надѣется на будущее, что, конечно, много горя и препятствій предстоитъ намъ; но что мы вынесемъ горе, преодолѣемъ препятствія, что онъ увѣренъ въ себѣ и надѣется на меня; что тетка его нѣжно любитъ и конечно уступитъ ему, увѣрившись въ любви нашей.

А отецъ твой? спросила я робко.

Отецъ слушается во всемъ тетушки—онъ всегда находится при ней; она воспитала насъ. Ей принадлежитъ огромное состояніе — отецъ же мой очень не богатъ и всѣмъ обязанъ ей. Если она будетъ согласна, онъ согласится тотчасъ. Тетушка такъ любитъ меня—можетъ ли она не тронуться моими мольбами. Будь только ты тверда и терпѣлива.

О! я твоя — ничто не разлучитъ меня съ тобою, сказала я — ни гоненія, ни укоры; гоненія — мнѣ не новость; укоры — старая исторія.

Бѣдная моя, Ниночка! сказалъ онъ со слезой, чего ты не вынесла, — погоди — придутъ и наши дни!

Они пришли, друзья мои, но не такіе, не такъ, какъ онъ гадалъ ихъ, и не онъ былъ моимъ защитникомъ, не онъ былъ моимъ спасителемъ!

Я боюсь, продолжалъ онъ, ты такая тихая, нѣжная, тебѣ ли бороться?

Не бойся, сказала я, за меня не бойся, я все вынесу.

Душа моя! сказалъ онъ опять — нѣтъ! нѣтъ! гдѣ слова, чтобы выразить любовь мою — мою безпредѣльную любовь — нѣтъ ихъ на языкѣ человѣческомъ!

Такъ прошла эта ночь, эта чудная ночь — мы, какъ настоящія дѣти, наговорившись и наплакавшись, особенно я, отъ сознанія счастія, блаженства, устали

наконецъ, и заснули спокойно. Насъ разбудили — мы были уже у воротъ дома, и на горизонтѣ выкатывалось кровавое солнце и заревомъ освѣщало окрестность. Онъ проводилъ меня до дверей мнѣ приготовленной комнаты — въ домѣ еще спали глубокимъ сномъ хозяева; но люди уже встали и убирали комнаты. Онъ помогъ мнѣ устроиться, приказалъ принести вещи мои, и когда все это было сдѣлано, спросилъ чаю. Камердинеръ его принесъ намъ самоваръ; мы сдѣлали чай и пили его медленно, желая отсрочить разставаніе, какъ будто бы завтра мы не должны были видѣться. Долго сидѣли мы на диванѣ въ молчаніи, полномъ счастія, наконецъ онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, всталъ и, прощаясь, твердилъ: до завтра! Я проводила его до дверей. Такая ночь, такое состояніе души не повторяются дважды въ жизни; жить было бы хорошо и радостно, еслибъ часто находились такія полныя минуты — тогда было бы возможно примириться съ идеею смерти. Надо сознаться, что жизнь прекрасна, особенно для тѣхъ, кто полно, горячо, пламенно чувствуетъ — но что они такое? исключенія! А масса? она сторожитъ насъ на порогѣ счастія. Близкіе люди, связанные съ нами, жадно бросаются на насъ, если мы завладѣли хоть призракомъ счастія, и ихъ безжалостное: veto спѣшитъ придавить и уничтожить его въ зародышѣ — а посторонніе? они тоже стерегутъ насъ, и ихъ клевета клеймитъ позоромъ. Люди! Люди! порожденіе крокодилово, восклицаетъ одинъ изъ героевъ Шиллера, — я не знаю, что они такое, но знаю, что они не спятъ, не дремлютъ; они всегда готовы въ бой — и кровавая битва невозвратно уничтожаетъ всякое благо. Заклятые враги юности, любви, счастія, они преслѣдуютъ и неумолимо разрушаютъ ихъ — будто одно поколѣніе назначено отплачивать другому—

будто живутъ они для возмездія и завѣщанное предками отдаютъ съ избыткомъ потомству, какъ праведное отмщеніе. Мою жизнь сгубили они, эти люди; какъ знать, можетъ быть, и я въ свою очередь сгублю кого нибудь — долгъ платежемъ красенъ, говоритъ народъ, и этому правилу всѣ, безъ исключенія, вольно или невольно, а слѣдуютъ.

Первые дни масляницы были заняты танцами, катаньями, завтраками и прогулками — а послѣдніе тѣмъ же самымъ и въ добавокъ маскерадами, въ которыхъ и я принимала участіе; я ничего не замѣчала, кромѣ его; онъ, вѣроятно, не видалъ никого, кромѣ меня, а изъ этого вышло то, что всѣ видѣли и замѣчали только насъ двоихъ; да и какъ было не случиться этому. Онъ былъ богатъ, знатенъ, пріѣхалъ изъ столицы и вдругъ посреди людей одного съ нимъ круга отличилъ — кого же? Что была я такое? Бѣдная дѣвочка! Удивленіе сперва завладѣло всѣми, многіе не вѣрили, чтобы онъ могъ обращать на меня свое вниманіе иначе, какъ въ шутку; но когда въ продолженіи недѣли всѣ могли подмѣтить множество несомнѣнныхъ признаковъ взаимной любви нашей — всеобщее возстаніе охватило насъ, клевета опутала и негодованіе готовилось разразиться надъ нашими головами; а мы, спокойные, довольные, счастливые и не подозрѣвали всего этого. Наконецъ страшно вспыхнула общая ненависть; всѣ кричали о его безнравственности, о моей дерзкой наглости, о нашемъ поведеніи, попирающемъ всѣ приличія, возмущающемъ всѣхъ порядочныхъ людей, и о крайнемъ безстыдствѣ, съ какимъ мы выказываемъ нашу связь: такъ называли всѣ любовь нашу. Дѣвушки стали замѣтно избѣгать меня; матери ихъ посматривали на меня съ гордымъ презрѣніемъ, а мужчины шептались, когда я проходила

мимо нихъ; я еще не ясно замѣчала все это, или лучше, поглощенная собственнымъ чувствомъ, еще не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ происходило во кругъ меня , какъ мачиха вошла однажды поутру въ мою комнату.

Антонина, сказала она мнѣ сухо, скажи мнѣ, на что похоже твое поведеніе? Я всегда знала, что ты не будешь умѣть вести себя; но не думала, что безстыдство твое дойдетъ до такой степени.

Что же я сдѣлала? спросила я тревожно.

Что? вопросъ забавный! Спроси у всѣхъ — всѣ это скажутъ тебѣ; всѣ ужь и такъ кричатъ, что ты пріятельница Мишеля Ч***.

Я не поняла смысла, приданнаго слову: пріятельница, и отвѣчала просто:

Такъ чтожь тутъ дурнаго?

Да что ты, притворяешься что ли? сказала мнѣ мачиха запальчиво, или надо говорить съ тобой, употребляя собственныя, назначенныя для такихъ предметовъ выраженія. Изволь — такъ всѣ говорятъ, что ты его любовница, и что это очень выгодное ремесло для бѣдной дѣвушки — оно гораздо выгоднѣе, чѣмъ воспитывать дѣтей и брать за это какую нибудь тысячу рублей въ годъ.

Что̀ хотите вы сказать этимъ, спросила я, дрожа всѣмъ тѣломъ и садясь въ кресла, потому что ноги мои подгибались; мачиха моя, замѣтивъ мое страшно измѣненное лицо, продолжала нѣсколько мягче.

Берегись, онъ не пощадитъ тебя и послѣ броситъ. Кажется, это дѣло извѣстное, женщину любятъ, ласкаютъ, возьмутъ въ любовницы, и когда она надоѣстъ, ее оставляютъ съ презрѣніемъ. Ты погубила свое доброе имя.

Нѣтъ, сказала я съ негодованіемъ, — я не заслужила этихъ словъ — я ничего не сдѣлала; — если кому нибудь должно быть стыдно, то конечно тѣмъ, кто клевещетъ на дѣвушку.

Все это пустыя слова; кто подаетъ поводъ говорить, тотъ долженъ ждать слѣдствій; виновата ты одна; если ты съ нынѣшняго дня не перемѣнишь своего обращенія съ нимъ, я не допущу тебя срамить доброе имя наше, возьму тебя къ себѣ обратно и принужу тебя вести себя, какъ слѣдуетъ порядочной дѣвицѣ — слышишь?

Мачиха вышла изъ комнаты и оставила меня одну подъ гнетомъ страшныхъ, тяжкихъ мыслей. Сомнѣніе запало мнѣ въ голову, но я тотчасъ подавила его; а все же не могла унять біенія сердца при воспоминаніи ласкъ его — я была очень невинна въ ту пору, не знала многаго — я жила всегда одна, не была дружна съ сверстницами, а потому, гдѣ могла я почерпнуть тѣ различныя свѣдѣнія, которыми обыкновенно такъ богаты дѣвицы и которыя передаютъ онѣ съ такою охотою и усердіемъ. Мысли мои быстро смѣнялись — угроза матери взять меня къ себѣ испугала меня; я знала, что Глафира Васильевна не въ силахъ ей противиться, да и сочтетъ себя не въ правѣ возстать противъ воли ея и, по первому настойчивому ея требованію, откажетъ мнѣ отъ мѣста. Я одѣлась и вышла въ гостиную, принявъ твердое намѣреніе покориться необходимости, не отходить отъ дѣтей и удаляться отъ Мишеля. Когда мы встрѣтились, онъ очень удивился моей холодности и моему новому поведенію съ нимъ, во все утро не получивъ отъ меня ни слова, ни взгляда, и видя, что я избѣгаю его, онъ, вѣроятно, былъ этимъ и тронутъ и раздраженъ. Онъ присталъ къ огромному кругу дѣвушекъ и сталъ любезничать со

всѣми ими ; я сидѣла въ углу и видѣла, что онъ говорилъ что-то Катѣ Велиной , что она улыбалась и кокетничала съ нимъ — новое мученіе зашло тогда въ сердце мое. Всякая другая дѣвушка, иначе поставленная въ обществѣ, могла бы принять на себя равнодушный видъ и бороться съ соперницей , блистая умомъ въ кругу сверстницъ и окружая себя новыми обожателями — но я была лишена и этого ѣдкаго утѣшенія; я читала въ глазахъ всѣхъ радость отъ такой перемѣны его обращенія со мною; мнѣ не съ кѣмъ было говорить, потому что мнѣ едва отвѣчали; я была по своему общественному положенію ниже всѣхъ, и теперь всѣ пользовались этимъ , чтобы уничтожить меня совершенно. Мнѣ оставалось на долю удалиться и молчать — и я сдѣлала это; грустно сѣла я въ углу маленькой гостиной , гдѣ играли въ карты старыя дамы, и стала складывать рѣзныя картинки для моей маленькой воспитанницы; руки мои дрожали и я не знала, отчего и какъ все это случилось. Я была молода, чрезвычайно пылка , совершенно неопытна и потому думала, что потеряла сердце Мишеля, и не могла выносить этой раздирающей мысли; къ тому же смѣхъ, веселый говоръ и шутки дѣвушекъ, гдѣ по временамъ различала я и голосъ его, возвышавшійся тоже до веселыхъ тоновъ, наносили безпрестанно новые удары полному мученія сердцу моему , и эта мнѣ совершенно неизвѣстная пытка — пытка безсильной ревности — довершила мое отчаяніе; я не могла его выдерживать, и тотчасъ послѣ обѣда ушла къ себѣ, упала на кровать, и слезы жгучимъ ручьемъ хлынули изъ глазъ моихъ. Даже и въ моей комнатѣ, я не избѣгла страшнаго для меня напоминанія: тѣже звуки, смѣхъ, говоръ , бѣготня молодежи добѣгали до меня , точно будто меня согласились ими преслѣдовать, точно буд-

то всѣ играли и веселились для того только, чтобы разрывать мое сердце на части; я схватила голову свою обѣими руками и опустила горячее, залитое слезами лицо на подушку. Скоро я услышала голосъ Вари въ первой комнатѣ, смѣжной съ моею.

Подите сюда, подите сюда, говорила она, я не знаю, отъ чего она все плачетъ.

Я взглянула; на порогѣ стоялъ Мишель и глядѣлъ на меня съ любовію — я вскочила съ постели и отерла слезы. Нѣсколько минутъ мы стояли молча другъ противъ друга — онъ глядѣлъ на меня пристально, грустно, съ нѣжнымъ укоромъ и всемогущею надо мной лаской во взорѣ — я не выдержала этого выразительнаго взгляда и опустила глаза. Мы были одни — Вари не было — она ушла къ маленькому брату.

Антонина, сказалъ онъ наконецъ и сдѣлалъ шагъ впередъ — Богъ вѣсть, что было въ этомъ звукѣ, въ этомъ имени вызывающаго, страстнаго, глубокаго— знаю только, что всему бытію моему это дало движеніе, сильный толчекъ впередъ; опасенія, ревность, все было забыто — я опять вѣрила безгранично. Онъ чуть слышно поцѣловалъ мои волосы, и успокоивая мое волненіе полу-словами, полными любви и нѣжности, довелъ меня до кресла, заставилъ меня сѣсть и самъ сѣлъ подлѣ меня.

Разскажи же мнѣ, что случилось нынче съ тобою, сказалъ онъ.

Я тотчасъ стала ему разсказывать разговоръ мой съ мачихой, смягчая слова ея и прерывая нить моего разсказа безпрестанными слезами.

Ахъ, Ниночка! Ниночка! сказалъ онъ,— еще недѣлю назадъ ты говорила, что не боишься борьбы — а уже первые ея начатки сломили тебя.

Нѣтъ! нѣтъ! сказала я — теперь я знаю, что ты любишь меня — иди, говори съ другими, шути, любезничай — я буду сидѣть въ сторонѣ и буду счастлива сознаніемъ, что сердце твое вполнѣ принадлежитъ мнѣ — и повѣрь мнѣ, я вынесу все, что ожидаетъ меня въ будущемъ, съ твердостію.

Смотри же, помни свое обѣщаніе — имѣй ко мнѣ довѣріе и не слушай глупыхъ толковъ!

Никогда, никогда, отвѣчала я.

Когда же мы увидимся? — Я не могу остаться съ тобой долѣе; я боюсь, не за себя, а за тебя.

Не знаю, сказала я печально. Теперь ни въ гостиной, ни въ залѣ намъ говорить нельзя — танцовать тоже не будутъ.

Знаешь ли что, сказалъ онъ, приходи вечеромъ послѣ ужина на маленькіе хоры въ залѣ — мы поговоримъ тамъ.

Боюсь, сказала я робко.

А гдѣ-же твердость, сила? спросилъ онъ.

Боюсь, отвѣчала я опять невольно.

Какъ хочешь, сказалъ онъ, — не долго намъ быть вмѣстѣ — ты хочешь пожертвовать послѣдними минутами нашего счастія — это твоя воля — мнѣ остается покориться ей.

Боже мой! что мнѣ дѣлать? сказала я, складывая руки, раздѣленная между желаніемъ согласиться и желаніемъ отказать ему.

Прощай, сказалъ онъ, меня ждутъ въ залѣ, чтобы играть въ жмурки — остаться съ тобой долѣе, значило бы подать новый поводъ къ толкамъ и сплетнямъ, а вѣдь они вредятъ не мнѣ, а тебѣ. — Прощай же, прибавилъ онъ печально, послѣ минутнаго молчанія, протягивая мнѣ руку.

Прощай, сказала я: въ которомъ часу надо придти на хоры.

Послѣ ужина, сказалъ онъ, горячо цѣлуя мои руки — и не бойся ничего — хоры всегда пусты — ты не подвергаешься ни малѣйшей опасности.

Лишь только я осталась одна, какъ ужасъ овладѣлъ мною — я раскаявалась, что обѣщала ему это свиданіе; вы не знаете, чего стоитъ первый шагъ, сколько подавленной робости, сколько стыда и страха возникаетъ въ груди дѣвушки при такомъ рѣшеніи на первое свиданіе — она ждетъ его и боится — чего? сама не знаетъ; но ей и стыдно и страшно. Мужчины самолюбивы — они, во имя любви своей, требуютъ многаго — они хотятъ, чтобы имъ уступали съ радостію, и если замѣтятъ, что жертва, принесенная имъ, стоитъ намъ и борьбы и усилій, она становится имъ невыносима, какъ укоръ, — а благодарность тяготитъ ихъ, какъ обязанность. Если же исполнить ихъ желаніе, не стоитъ намъ никакихъ усилій, никакой борьбы, и жертва принесена просто, они не цѣнятъ ее. — Тогда впрочемъ такія мысли не приходили мнѣ въ голову — я ужинала просто съ лихорадочной дрожью, и когда всѣ разошлись, и зала опустѣла, съ замираніемъ сердца, едва переводя духъ и останавливаясь каждую минуту, то продолжая путь, то дѣлая нѣсколько шаговъ назадъ, я прошла корридоръ и добралась до лѣстницы, спрашивая себя: зачѣмъ иду я съ такимъ затаеннымъ мученіемъ, и какое счастіе можетъ выкупить собою мое внутренное возмущеніе противъ себя самой и ничѣмъ не заглушаемый страхъ пополамъ съ укоромъ? Наконецъ неслышно, тихо, взошла я на хоры и нашла его уже тамъ — онъ ожидалъ меня у входа, прислонясь къ стѣнѣ, и увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ съ выраженіемъ радости и счастія. Я испугалась этого дви-

женія и сдѣлала невольно два шага назадъ; страхъ этотъ, какая-то холодность, вдругъ замѣнившая мою прежнюю довѣрчивую нѣжность и прежнія дѣтскія, невинныя ласки, этотъ испугъ, съ которымъ я отступила назадъ и уклонилась отъ его объятій, удивили и встревожили его. Онъ подошелъ ко мнѣ.

Какъ? сказалъ онъ мнѣ съ укоромъ, ты боишься? Боишься меня! Что съ тобою? Кто возмутилъ миръ души твоей, твою младенческую невинность — откуда почерпнула ты этотъ оскорбительный страхъ? Антонина, ужели ты не вѣришь мнѣ?

Я здѣсь, сказала я тихо, стало быть вѣрю.

Онъ посадилъ меня на стулъ и сѣлъ у ногъ моихъ. Много говорили мы — и ничего особеннаго не сказали; какъ всѣ влюбленные, мы были заняты другъ другомъ—и если онъ надѣялся на будущее, коснувшись его въ разговорѣ, то я надѣялась на одного его и на него положила всю надежду. Въ этомъ свиданіи, окруженные полумракомъ ночи, едва освѣщенные тусклымъ свѣтомъ фонаря, горѣвшаго на лѣстницѣ, уединенные отъ всѣхъ, другъ подлѣ друга, вполнѣ отданные сильному чувству взаимной любви, мы скорѣе походили на дѣтей, чѣмъ на взрослыхъ, и еслибъ кто подслушалъ прерывистый шопотъ нашъ и нѣжныя рѣчи, то могъ бы легко подумать, что братъ говоритъ съ сестрою. Онъ такъ боялся оскорбить меня, такъ былъ опечаленъ моей первоначально-выказанной боязнію, такъ любилъ меня для меня самой, безъ мужскаго эгоизма, что не позволилъ себѣ ни одной ласки, способной пробудить во мнѣ упрекъ за собственную слабость, заставившую меня придти на свиданіе. Долго сидѣли мы, забывъ все насъ окружавшее, наконецъ я вспомнила, что поздно, что мнѣ пора идти къ себѣ и, не смотря на просьбы его, встала и, уго-

ворившись избѣгать другъ друга днемъ, обѣщалась приходить иногда вечеромъ; я ушла, унося въ сердцѣ любовь, удвоенную благодарностію — я понимала уже, какъ любила его, какъ была беззащитна, и что онѣ былъ моимъ хранителемъ. Свиданія эти повторялись довольно часто и кончились, какъ должны были кончиться; однажды я пришла на хоры ранѣе обыкновеннаго — его не было; скоро я услышала однако шаги на лѣстницѣ — воображая, что это онъ, бросилась къ нему на встрѣчу и сошлась лицомъ къ лицу съ Милькотомъ. Не забудьте, что хоры примыкали къ другой лѣстницѣ, которая вела на верхъ къ гувернеру маленькихъ племянниковъ хозяйки дома. По ужасу, залившему мгновенно все существо мое, я узнала Милькота, прежде чѣмъ успѣла разглядѣть лицо его при тускломъ свѣтѣ фонаря, и остановилась на мѣстѣ, какъ статуя, безъ мысли и движенія; минуту мы оба молчали.

Какимъ образомъ вы здѣсь? Въ 11 часовъ вечера? спросилъ онъ меня наконецъ.

Я молчала, потому что не могла выговорить ни слова.

Онъ злобно улыбнулся.

Позвольте мнѣ проводить васъ до вашей комнаты, сказалъ онъ, подавая мнѣ руку, — вы хотя и походите на привидѣніе бѣлой дамы, но вѣдь мы не на театрѣ. Я бы посмѣялся охотно и разсказалъ бы всѣмъ это забавное приключеніе, еслибъ не жалѣлъ вашей матери.

Онъ подалъ мнѣ руку; я не взяла ея и бросилась на лѣстницу; онъ настигъ меня и взялъ меня за руку своей желѣзной, костяной рукою и свелъ меня съ лѣстницы. Когда мы были на послѣдней ступенькѣ, Мишель встрѣтился съ нами; должно быть, лицо мое было ужасно, потому что онъ, взглянувъ на меня, поблѣднѣлъ и совершенно потерялся, не зналъ что дѣлать и только посторонился, чтобы дать намъ дорогу — и когда мы

прошли, онъ пошелъ неровнымъ шагомъ на верхъ. Послѣ уже, онъ разсказывалъ мнѣ, что дѣйствовалъ какъ въ чаду; пришедши на хоры, долго стоялъ тамъ неподвижно и, опомнившись, сбѣжалъ внизъ такъ неистово, что перебудилъ всѣхъ людей, спавшихъ въ передней. Милькотъ молча довелъ меня до моей комнаты, иронически поклонился, вынулъ ключь изъ двери и хотѣлъ выдти.

Я бросилась къ нему.

Что вы хотите дѣлать? спросила я его.

Хочу отнять у васъ возможность новыхъ похожденій и странствованій — ужели вы думаете, что я позволю вамъ бродить по ночамъ — прекрасная дѣва мрака!

Я схватила его за руку и хотѣла отнять у него ключь; но онъ сильно сжалъ руку мою; боль заставила меня тотчасъ выпустить ключь—тогда онъ оттолкнулъ меня, вышелъ, затворилъ дверь и заперъ ее на ключь изъ корридора. Ключь повернулся два раза въ замкѣ и его металлическій звукъ нанесъ мнѣ послѣдній ударъ — въ безсиліи упала я на кресло. Стыдъ, униженіе, ужасъ, завладѣли мной; страхъ, что чужая горничная дѣвушка, приходящая обыкновенно поутру, найдетъ меня запертой—всѣ эти чувства вмѣстѣ втѣснились въ мою душу и мучили ее. Я упрекала себя, что допустила себя до такого несчастнаго положенія —я была, какъ безумная, бросилась на колѣни и вскрикнула: Мишель! Мишель!. будто призывая его на помощь и полагая послѣднюю надежду мою на него. Звукъ моего собственнаго голоса привелъ меня въ чувство и возвратилъ мнѣ способность размышлять! Да къ чему была она? Чтобы лучше обсудить мое положеніе и всмотрѣться въ глубину пропасти, куда я неосторожно упала. Спасенія мнѣ не было, я знала это; — я сѣла въ кресло и просидѣла неподвижно до самаго утра; едва

начали ходить по корридору, какъ ключь повернули извнѣ въ замкѣ моемъ, и мачиха моя вошла въ комнату. Она притворила за собою дверь.

Ныньче вечеромъ извольте сказать при мнѣ Глафирѣ Васильевнѣ, что вы боитесь спать однѣ и желаете перейти въ чью нибудь комнату, сказала она; я вамъ предложу раздѣлить мою спальню, и такимъ образомъ все устроится безъ огласки. Тотчасъ послѣ ужина извольте идти за мною, слышите? Помните тоже, что я и мужъ мой, мы оба, не будемъ оставлять васъ ни на минуту—вы довольно вѣтреничали и срамили насъ — будетъ! Одѣньтесь прилично и приходите пить чай въ гостиную!

Она вышла вонъ; я просидѣла еще нѣсколько времени — потомъ одѣлась и, умывшись холодной водой, вышла въ залу. Увидя мачиху, Милькота и Мишеля, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ, блѣдное лицо мое покрылось такимъ яркимъ румянцемъ, что Глафира Васильевна, цѣлуя меня по своему обыкновенію, замѣтила, что я очень авантажна и хороша собою.

Хороша собою! всѣ муки были въ душѣ моей, и разныя, совершенно-противоположныя чувства невыразимо-сильно терзали меня; вечеромъ, я должна была ночевать съ мачихою; она не сказала ни слова со мною, но одно ея присутствіе въ такія тяжкія минуты, когда бы мнѣ хотѣлось уединиться хоть на мгновеніе, уже томило меня и довершало всѣ мои страданія. Такъ вотъ она, разлука, — твердила я себѣ тысячу разъ въ день и оставалась, какъ пораженная громомъ, при мысли этой; — я не спала всю ночь. Такъ или почти такъ прошли еще два нестерпимые дня, въ продолженіи которыхъ за мной слѣдили такъ неусыпно, что я не имѣла ни одной свободной минуты и не могла обмѣняться съ Мишелемъ даже однимъ словомъ. На третій день Глафира Васильевна стала собираться въ до-

рогу; надзоръ Милькота за мною увеличился — онъ почти не оставлялъ меня и любезничалъ со мною при другихъ, что̀ меня выводило изъ терпѣнія и возбуждало во мнѣ тяжкое чувство безсильнаго гнѣва. Я была въ страшно-напряженномъ состояніи; пока Варя укладывала вещи свои, я написала записку къ Мишелю и, положивъ ее въ карманъ, рѣшилась во что бы то ни стало отдать ему ее. Онъ, вѣроятно, былъ озабоченъ той же мыслію и потому, когда мы садились за прощальный завтракъ, онъ сѣлъ подлѣ меня — а Милькотъ, вѣрный своему образу дѣйствій, занялъ мѣсто подлѣ меня съ другой стороны и безпрестанно говорилъ со мною, шутилъ и смѣялся. Впрочемъ это оказалось безполезнымъ; я уронила салфетку съ намѣреніемъ; мы нагнулись, Мишель и я, чтобы поднять ее, и помѣнялись записками. Когда я подняла голову — глаза Милькота впились въ меня съ выраженіемъ угрозы — очевидно, онъ угадывалъ все, — но я, не робѣя нисколько, выдержала взглядъ его и, пока онъ наливалъ вино своей сосѣдкѣ, спрятала записку за воротъ моего платья. Лишь только мы встали изъ за стола, какъ пошли одѣваться, простились и уѣхали. Мишель провожалъ насъ до повозокъ — Милькотъ провожалъ меня тоже и даже свелъ съ лѣстницы подъ руку; я могла только, садясь въ кибитку, крѣпко сжать руку Мишеля и обмѣняться взглядомъ — говорить было невозможно — Милькотъ стоялъ подлѣ меня. Когда повозка наша выѣхала за ворота, Мишель догналъ насъ и, отдавая нянѣ нашей какой-то мѣшокъ, будто бы забытый ею, сказалъ мнѣ по французски:

Лицо твое страшно, успокойся, прошу тебя — я скоро къ вамъ пріѣду!

Какъ знать, гдѣ я буду! сказала я; но гдѣ бы ни была, помни, что я останусь все таже.

Милькотъ шелъ по двору, приближаясь къ намъ — Мишель закричалъ кучеру — пошелъ! и воротился домой — я видѣла, какъ онъ встрѣтился съ моимъ вотчимомъ и какъ они вмѣстѣ взошли въ домъ.

Какое возвращеніе! я ѣхала по той же самой дорогѣ, въ той же повозкѣ; но у меня не было даже и воспоминаній о прошломъ счастливомъ пути; много было горя въ жизни моей, однако я выносила его всегда твердо и часто съ стоическимъ спокойствіемъ; не могу я только переносить тревожной неизвѣстности и опасеній. Это выше силъ моихъ — убейте меня разомъ, я не буду жаловаться, скажите мнѣ участь мою — или я вынесу ее, примиряясь съ ней, или найду себѣ исходъ, хотя бы я должна была для этого разрушить многое и разбить самое себя — но что ужаснѣе неизвѣстности? Разлука, несчастіе, гоненіе, застали насъ такъ неожиданно — мы не приготовились къ нимъ — и вотъ я была снова въ рукахъ моихъ непреклонныхъ властелиновъ — и должна была ожидать отъ нихъ всевозможныхъ жестокостей. Молчаніе мачихи моей не было ли для меня предзнаменованіемъ какого нибудь страшнаго рѣшенія — конечно, я его угадывала, но отказывалась еще вѣрить самой себѣ, и мысль, что она возьметъ меня къ себѣ обратно, заставляла меня содрогаться. Да, я знала теперь, что жизнь дѣтства моего повторится снова въ бо̀льшихъ размѣрахъ, въ обширнѣйшемъ объемѣ, что я буду предана совершенно въ руки вотчима, въ его неограниченное владѣніе, что я сдѣлаюсь страдательною машиною въ рукахъ его, да, машиной, потому что человѣкъ этотъ, какъ палачь, былъ искусенъ во всѣхъ родахъ пытокъ и умѣлъ, подстрекаемый ненавистію, затереть ему отданнаго человѣка до того, что отъ него не оставалось ни чего живаго, что онъ дѣлался чѣмъ-то безъобразнымъ, задавленнымъ. Когда мы вороти-

лись домой — я занемогла очень опасно; Глафира Васильевна приписала болѣзнь эту простудѣ, потому что никто не замѣтилъ драмы, разыгравшейся такъ неожиданно между семьей моей, мною и Мишелемъ; она однако встревожилась, послала за докторомъ, который пріѣхалъ тотчасъ и предписалъ разныя лекарства, потомъ увѣдомила о томъ мачиху, которая тоже не замедлила пріѣхать къ намъ. Во время болѣзни моей мачиха объявила Глафирѣ Васильевнѣ, что возьметъ меня къ себѣ, лишь только я выздоровлю, замѣчая, что здоровье мое такъ шатко, что меня видимо утомляютъ занятія съ дѣтьми, и что она рѣшилась болѣе со мной не разставаться. Когда я стала оправляться, мнѣ объявили это рѣшеніе и приказали сбираться въ дорогу; всѣ просьбы Глафиры Васильевны оставить меня у ней, оказались напрасны — мнѣ надо было повиноваться. Во время моей болѣзни Мишель былъ у насъ нѣсколько разъ; въ послѣдствіи разсказывалъ онъ мнѣ, что вытерпѣлъ невыразимыя мученія, находясь за три комнаты отъ меня и не имѣя возможности войти, хотя бы взглянуть на меня. Онъ подкупилъ даже мою горничную дѣвушку и просилъ ее впустить его ко мнѣ на одну минуту; но она не могла, не смотря на всѣ свои старанія исполнить этого, потому что при мнѣ находилась безотлучно мать моя или ея дѣвушка, на которую положиться было нельзя. Я не стану вамъ разсказывать моего горькаго прощанія съ Глафирой Васильевной, съ дѣтьми ея и со всѣмъ домомъ; меня всѣ любили у нихъ. — да и я сама была чрезвычайно къ нимъ привязана; даже Иванъ Сидоровичь, который во все мое двухлѣтнее пребываніе въ домѣ его едва ли сказалъ со мною десять словъ за одинъ разъ, разчувствовался совершенно и, обращаясь къ мачихѣ, сказалъ ей съ грубой добротой прямодушнаго, русскаго человѣка:

Берегите ее, сударыня — вишь какая она слабая — а примѣрная дѣвушка, добрѣйшее сердце!

Пока онъ говорилъ, я горько улыбнулась — мнѣ показалось — что всѣ сговорились издѣваться надо мною, и что онъ въ насмѣшку просилъ мачиху мою беречь меня!

Дни мои потекли однообразно, тяжело и безконечно медленно у Велиныхъ. Я поселилась опять въ той же комнатѣ; но сколько новыхъ мучительныхъ ощущеній внесла я въ нее съ собою, сколько новыхъ терзаній были моимъ удѣломъ. Страшно, друзья мои, покинуть обожаемаго человѣка, не простившись съ нимъ, не наплакавшись на груди его, не прошептавъ ему завѣтныхъ словъ, не передавъ ему всей души въ послѣднемъ, томительномъ, замирающемъ лобзаніи. Я проводила цѣлые дни неподвижно — мысль моя вѣчно была одна и таже — онъ — и онъ; множество предположеній и плановъ поперемѣнно возникало и рушилось въ умѣ моемъ, и мысль моя, прикованная къ одному лицу и образу, повергала меня часто въ такое утомленіе, что я засыпала рано вечеромъ, сидя на стулѣ; но и во снѣ не находила я забвенія — тѣже муки, тотъ же образъ меня преслѣдовали неотвязно — тѣло мое засыпало, а сердце все еще жило, билось, страдало и во снѣ — и я просыпалась вдругъ, измученная тревожнымъ сномъ, и ложилась въ постель, но часто не могла уже заснуть въ продолженіи ночи. Однажды сидѣла я по обыкновенію въ своей комнатѣ, сложивъ руки, ничего не дѣлая, въ совершенномъ отупѣніи и глухомъ страданіи, когда дверь моя отворилась и Алена, моя горничная, вошла въ комнату, осторожно притворяя ее за собою. Она подошла ко мнѣ и молча подала мнѣ записку.

Я машинально взяла ее, развернула — и не могла

прочесть ни строчки: въ глазахъ моихъ потемнѣло. Я сидѣла, устремя взоръ на этотъ знакомый, милый почеркъ.

Приказали просить отвѣта, сказала Алена.

Я опомнилась и стала читать; это было одно изъ тѣхъ писемъ, гдѣ любовь и нѣжность изливаются въ каждой строчкѣ, въ каждомъ словѣ, гдѣ страсть проявляется со всѣми ея томительными порывами и безумными вспышками. Дочитавъ до конца длинное посланіе, я не вѣрила глазамъ своимъ и своему счастію. Онъ былъ по сосѣдству съ нами въ гостяхъ, просилъ меня придти на другой день въ садъ нашъ, назначилъ мнѣ часъ и настоятельно просилъ не отказать ему, не повергать его въ отчаяніе. — Я тотчасъ отвѣчала ему — мнѣ казалось невозможнымь отказать ему, я не имѣла на это силы, и мысль эта не входила мнѣ въ голову — я бы пошла на край свѣта для него и за нимъ. Я начинала находить наслажденіе въ страданіяхъ, вынесенныхъ за него, и съ радостію призывала на себя всевозможныя гоненія, чтобы имѣть право гордиться передъ нимъ моею любовію и твердостію. Уже давно голова моя созрѣвала въ уединеніи для всякихъ подвиговъ на соединеніе съ нимъ, и моя предпріимчивая дерзость, любовь и твердость возрастали съ каждымъ днемъ больше и больше; страхъ былъ далеко отъ меня; негодованіе на Милькота и суровое обращеніе мачихи со мною — бросили меня въ крайность и заставляли находить наслажденіе при мысли, что, не смотря на надзоръ, не смотря на утѣснительныя и унижавшія меня предосторожности, я обману Милькота; даже бѣшенство его, еслибъ все было открыто, возбуждало во мнѣ одну злую радость и придавало мнѣ еще болѣе рѣшимости преодолѣть всѣ препятствія.

На другой день, я вышла изъ дому въ глухую пору

сумерекъ, медленно и осторожно прошла я съ Аленой въ садъ и пробралась никѣмъ не замѣченная за оранжереи. На мнѣ ничего не было, кромѣ утренней куцавейки и теплаго платка на головѣ, скрывавшаго лицо мое отъ домашнихъ, когда я проходила мимо людскихъ службъ. Салопъ мой и всѣ вещи, мачиха давно уже прибрала къ себѣ, вѣроятно, для бо̀льшей предосторожности; я жила въ такой неволѣ, что не могла выходить никуда безъ позволенія и безъ конвоя, чтобы выразиться технически вѣрно; кромѣ того, въ мою комнату безпрестанно входили, чтобы посмотрѣть, тамъ ли я и что̀ я въ ней дѣлаю. Мишель испугался, увидѣвъ меня; онъ укуталъ меня своей шинелью, не позволилъ мнѣ долго остаться съ нимъ и сказалъ, что пріѣхалъ на одну минуту, единственно для того, чтобы проститься, уѣзжая въ Москву. Мы искали возможности устроить переписку и должны были отказаться отъ этого послѣдняго утѣшенія; все, что мы ни придумывали, было невозможно и несбыточно; я была слишкомъ стѣснена, слишкомъ окружена или равнодушными или враждебными людьми, и не могла довѣриться никому изъ нихъ — надо было проститься съ нимъ и оставаться въ совершенной неизвѣстности о томъ, какъ приметъ тетка его вѣсть о нашей любви и просьбы о ея согласіи на бракъ нашъ. Онъ обѣщалъ мнѣ писать къ Глафирѣ Васильевнѣ, и мы выдумали разные обороты фразъ, для означенія бо̀льшей или мѐньшей надежды на успѣхъ, судя по результату разговора его съ теткою. Условившись такимъ образомъ, Мишель просилъ меня воротиться домой, умолялъ беречь мое плохое и шаткое здоровье изъ любви къ нему и сталъ прощаться; обильныя горячія слезы потекли изъ глазъ нашихъ и смѣшались въ прощальномъ поцѣлуѣ; оба мы сдѣлали усиліе и оторвались

наконецъ другъ отъ друга. Ужели судьба и жизнь расточаютъ мало бѣдствій? и люди должны еще соединяться для того, чтобы неумолимо, безжалостно разлучать двухъ дѣтей, два юныя, живыя созданія, влекомыя другъ къ другу неодолимою симпатіей и любовію? Возвратясь къ себѣ, я сѣла измученная, какъ послѣ тяжелой ходьбы, и чувство одиночества, страшное, томящее чувство завладѣло душой моей.

Въ ту минуту я отдала бы полжизни за одинъ часъ новаго свиданія — а еслибъ знала все, что ожидаетъ меня въ будущемъ, я конечно не задумавшись, просто, отдала бы за ничто жизнь свою и умерла бы охотно съ моею безпредѣльной вѣрою въ *него* во всей полнотѣ, во всемъ цвѣтеніи перваго нетронутаго чувства, еще не смятаго *имъ самимъ*, не униженнаго никѣмъ въ глазахъ моихъ — съ моимъ неприкосновенно чистымъ и недосязаемо высокимъ идеаломъ въ душѣ. Да, любовь наша была чиста и свята; — умереть тогда, значило бы умереть, подобно Ромео и Юліи — а я не знаю смерти выше, прекраснѣе, роскошнѣе!

Антонина остановилась; потомъ продолжала послѣ минутнаго молчанія, которое друзья ея не смѣли нарушить.

Я впала въ ничѣмъ невозмущаемое уныніе, почти не выходила изъ комнаты и видѣлась съ другими только за обѣдомъ и чаемъ; никому не внушала я ни симпатіи, ни сожалѣнія; сама я жила, возмущаясь ежечасно противъ всего меня окружавшаго — раздражительность моя росла и облегчалась слезами въ глубокомъ вѣчномъ уединеніи. Отношенія мои къ мачихѣ были вовсе разрушены — мы почти не говорили другъ съ другомъ; сходясь поутру, я кланялась ей молча, а она едва удостоивала меня легкимъ склоненіемъ головы. Всякій разъ, когда удобный случай подавалъ поводъ издѣваться надо мною, Милькотъ имъ поль-

зовался съ наслажденіемъ — я обыкновенно не отвѣчала ему ни слова и скрывала за высказаннымъ во взорѣ презрѣніемъ мою возраставшую къ нему ненависть. Черезъ два мѣсяца по отъѣздѣ Мишеля, Глафира Васильевна, пріѣхавъ навѣстить насъ, сказала намъ, что Мишель уѣхалъ въ Петербургъ; вечеромъ я отправилась къ ней и, заставъ ее одну, просила у ней позволенія прочесть письмо его—она поспѣшила исполнить просьбу мою и дала мнѣ его; по обороту фразъ Мишеля я поняла, что онъ говорилъ съ теткою, что далекая надежда оставалась намъ; мое волненіе было такъ сильно, что я не могла владѣть собою, и слезы мгновенно оросили все лицо мое. Глафира Васильевна, не смотря на свою простоту и недальновидность, понимала, кажется, что мы любили другъ друга; увидя слезы мои, она тоже расплакалась и, не говоря ни слова, не входя ни въ какіе распросы и разсужденія, молча обняла меня и сжала руку мою; ея участіе вдругъ облегчило душу мою — я зарыдала и бросилась ей на шею. Не дай вамъ Богъ, друзья, не дай Богъ никому испытывать безвыходное горе, тяготѣющее надъ душой, безъ слезы участія, безъ родной руки, сжимающей руку, безъ симпатичнаго взора, говорящаго сердцу! Все это испытала я — и въ ту минуту слеза чужой, по воспитанію, по уму и нравамъ, женщины, женщины простой и даже необразованной, но доброй, вдругъ влила теплоту въ мое оледенѣвшее сердце, дала новую энергію моему характеру и новую силу на новыя и, вѣроятно, тяжкія испытанія. Да, участіе — дѣло великое — дѣло святое — и будь благословенны трижды всѣ тѣ, которые даютъ его чистосердечно и жарко существу страждущему, задавленному жизнію и людьми!...

Всѣ дѣти Величныхъ, — я говорю о меньшихъ — были велики, сыновья ихъ должны были вступить въ

школу, и уроки мачихи моей и Милькота сдѣлались имъ не нужны. Было положено, что мы всѣ отправимся въ маѣ мѣсяцѣ въ Москву, гдѣ Велины хотѣли поселиться совершенно, желая наблюдать за сыновьями и вывозить Катю, которой было уже болѣе 20 лѣтъ. Мачиха моя должна была искать новаго мѣста, а такъ какъ Милькотъ не хотѣлъ уже жить въ провинціи, то я стала мечтать объ освобожденіи; мачихѣ моей было трудно, почти невозможно найти мѣсто въ Москвѣ съ мужемъ и падчерицей; цѣль всѣхъ надеждъ моихъ заключилась въ томъ, чтобы мнѣ позволено было опредѣлиться гувернанткой въ какой нибудь домъ и жить независимо отъ мачихи моей; тогда я еще не имѣла этого права по законамъ — мнѣ было 18 лѣтъ, и ждать совершеннолѣтія было долго. Когда мы пріѣхали въ Москву, мачиха моя не могла найти выгоднаго себѣ мѣста и рѣшилась жить на квартирѣ, отдавши въ проценты небольшой капиталъ, накопленный ею во время ея пребыванія у Велиныхъ; она хотѣла давать уроки музыки, а мужъ ея могъ преподавать языки. Обо мнѣ они не говорили, а я боялась затронуть этотъ вопросъ и жила между двумя мучительными чувствами: страхомъ и надеждой. Я отыскала Madame Beillant, и просила ее найти мнѣ мѣсто. Она приняла меня очень ласково, дружески и глядѣла на меня, какъ на близкую родственницу; дочь ея лучшаго друга, не смотря на долгую разлуку, не стала ей чужой. Можетъ быть, въ былые годы, она любила отца моего больше, чѣмъ простой дружбой, и потому чувствовала особенную ко мнѣ нѣжность; какъ бы то ни было, холодныя ея отношенія съ моей мачихой и ихъ обоюдная антипатія связали насъ еще сильнѣе. Тогда я ничего не повѣряла ей, уже позднѣе она узнала все мое прошлое и съ тѣхъ поръ слѣдила за моей жизнію, въ

которой тайнъ для нея не было. Я обязана ей многимъ.

Милькотъ нанялъ квартиру — мы поселились въ ней; уроки мало по малу находились съ помощію старинныхъ знакомыхъ моей мачихи, и жизнь наша потекла однообразною чредою. По воскресеньямъ мать моя ѣздила часто къ Велинымъ и брала меня съ собою. Вы знаете уже, что съ самаго дѣтства я не любила Катеньки и потому посѣщала домъ ея родителей совершенно противъ воли; Катенька была красивая, гордая, избалованная дѣвушка, хвасталась передо мною своими нарядами, многочисленными побѣдами и женихами и принимала меня съ высокомѣрной ласкою и покровительственнымъ тономъ, которыхъ я не могла выносить равнодушно. Моя природная гордость, достигнувъ до послѣднихъ предѣловъ, сдѣлала изъ меня статую холодности и неподвижности, которой не разъ дивились многіе въ гостиной Велиныхъ. Катенька была самолюбива и своевольна, но очень умна и смѣтлива, такъ что я не могла имѣть и мелкаго утѣшенія поймать ее на словѣ и показать ея заносчивость колкимъ замѣчаніемъ — она ничего не позволяла себѣ оскорбительнаго, но что-то неуловимо-дерзкое безпрестанно проглядывало въ ея обхожденіи со мною. Въ началѣ осени Madame Beillant нашла мнѣ выгодное мѣсто и, очень искусно условясь со мной заранѣе, предложила его мнѣ въ присутствіи мачихи, замѣчая, что я достигла тѣхъ лѣтъ, что должна сама обезпечивать свое существованіе, не отягощая никого лишними расходами. Мачиха моя не позволила мнѣ отвѣчать и объявила рѣшительно, что не хочетъ отдать меня въ чужой домъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ увѣрена въ моемъ нравственномъ исправленіи; что я уже жила въ одномъ провинціальномъ семействѣ и надѣлала не

мало глупостей, чѣмъ и навлекла стыдъ на нее и мужа ея. Madame Beillant удивилась, поглядѣла на меня и, замѣтивъ румянецъ внезапно и ярко покрывшій щеки мои, замолчала и не возобновляла больше разговора этого. Я была поражена этимъ рѣшеніемъ судьбы моей — это былъ приговоръ на вседневное, безпрерывное мученіе; исходу для меня не было, надо было покориться и жить подъ ненавистнымъ кровомъ Милькота, безъ извѣстій о Мишелѣ, безъ семьи и друзей; могла ли я найти ихъ въ этомъ пустынномъ углу Москвы, откуда я не имѣла права выходить ни подъ какимъ предлогомъ, даже, еслибъ мнѣ хотѣлось подышать чистымъ воздухомъ. Я жила невольницей въ полномъ смыслѣ слова. По крайней мѣрѣ, въ домѣ Велиныхъ, окруженная чужой, мнѣ, конечно, несимпатичной семьей, я была уже избавлена однимъ ея присутствіемъ при семейной жизни нашей, отъ ироніи, насмѣшекъ и намековъ, а теперь, между Милькотомъ и мачихою, я была беззащитна. Силы мои начали гаснуть въ этой безпрерывной, вседневной, мелкой борьбѣ; я сдѣлалась равнодушнѣе ко всему и выносила все уже безъ внутренняго волненія, безъ сердечной боли, а только съ утомленіемъ. Такъ прошли зима и лѣто— наступила осень. Однажды я сидѣла въ гостиной; Милькота не было дома; онъ съ утра давалъ уроки, также какъ и мачиха моя; единственная наша служанка ушла куда-то. Я была одна, что̀ случалось очень рѣдко. Вдругъ колокольчикъ у наружной двери громко зазвенѣлъ — я вздрогнула — какое-то предчувствіе сжало сердце мое — уже ровно годъ я не имѣла нималѣйшихъ извѣстій о Мишелѣ, кромѣ тѣхъ незначущихъ рѣчей о немъ, которыя мнѣ удавалось слышать у Велиныхъ; я знала только, что онъ продолжалъ служить въ Петербургѣ. Я встала и отперла дверь. Передо

мной стоялъ молодой человѣкъ, мнѣ совершенно незнакомый.

Что вамъ угодно, спросила я его робко и грустно. Не знаю, почему мнѣ почудилось, когда я отпирала дверь, что не Мишель ли ждетъ за ея порогомъ, и всѣ надежды мои упали при видѣ незнакомаго мущины; я печально сознавала всю ихъ неосновательность.

Здѣсь живетъ господинъ Милькотъ, спросилъ меня молодой человѣкъ.

Здѣсь, сказала я.

Кажется, его нѣтъ дома и жены его также — продолжалъ онъ такъ утвердительно, что я удивилась.

Да, сказала я, смутившись и раскаяваясь, что отворила дверь.

А дѣвица Штейнъ дома? спросилъ онъ опять.

Это я, что вамъ угодно? проговорила я удивленнымъ голосомъ.

Я узналъ васъ тотчасъ, сказалъ онъ, и спросилъ о васъ для бо̀льшей увѣренности. Я пришелъ къ вамъ однѣмъ; можно ли войти въ комнату?

Нѣтъ, сказала я, извините, я никого не могу принимать.

Я отъ Мишеля Б***, сказалъ онъ живо.

Я вскрикнула.

Я самый близкій другъ его — пріѣхалъ въ Москву недѣлю тому назадъ, отыскалъ васъ очень скоро, но до сихъ поръ не могъ выбрать удобнаго времени, чтобы явиться къ вамъ въ отсутствіи вашей служанки; я непремѣнно хотѣлъ застать васъ однѣхъ. Наконецъ нынче утромъ я устроилъ все по желанію и явился. Вотъ письмо, прибавилъ онъ, подавая мнѣ огромный пакетъ, когда прикажете придти за отвѣтомъ?

Не знаю, сказала я,—наша дѣвушка почти всегда дома, при ней мнѣ нельзя будетъ принять васъ.

Не безпокойтесь объ этомъ — напишите только отвѣтъ, я найду способъ удалить ее. Прощайте, я не хочу болѣе мѣшать вамъ, — приготовьте письмо, я зайду на дняхъ.

Я едва могла сказать какую-то безсвязную фразу благодарности, затворила дверь, ушла въ свою комнату, заперлась въ ней, сорвала печать и пробѣжала письмо, а потомъ стала его медленно перечитывать, останавливаясь на каждомъ словѣ, изучая всякое выраженіе и любуясь его почеркомъ; не одинъ разъ принималась я плакать и цѣловать дорогое письмо. Годъ, цѣлый годъ, ни строчки я не имѣла отъ него, цѣлый годъ не знала и тѣни малѣйшаго удовольствія— и теперь такая живая радость вливалась потоками въ душу и озаряла новымъ свѣтомъ, новой надеждою печальное бытіе мое. А онъ былъ все тотъ же, мой милый, любящій другъ. Онъ только просилъ меня быть терпѣливой; ни свѣтъ, ни служба, ни друзья, писалъ онъ мнѣ, не изглаживали моего образа изъ его сердца и памяти; онъ жилъ только мною и надеждой свиданія. Другъ его Дмитрій З** уѣзжалъ въ Москву; Мишель просилъ меня, вполнѣ ему довѣриться, всегда прибѣгать къ нему за совѣтомъ и помощію, и увѣрялъ меня, что я найду въ немъ брата, готоваго на все для нашей любви и счастія. Послѣ такой долгой разлуки, онъ въ письмѣ своемъ не выразилъ ни одного слова, ни одного намека о сомнѣніи—вѣра его въ меня была также сильна, какъ моя въ него. Долго плакала я, прочитавъ письмо это, и когда меня позвали обѣдать я явилась, съ красными отъ слезъ глазами. Утомленный и печальный видъ мой возбудилъ опять, какъ всегда, ироническую улыбку и ѣдкую выходку Милькота противъ безсмысленныхъ слезъ и глупѣйшихъ сожалѣній о томъ, чего возвратить нельзя и чего желать было без-

разсудно. Онъ прибавилъ, что это — достойное наказаніе за то, что я не умѣла обуздать себя и предалась постыдной страсти, навлекшей на семейство мое столько справедливаго нареканія. Я слышала безпрестанно такія рѣчи и давно уже отвѣчала на нихъ однимъ молчаніемъ; но въ этотъ день будто бы почерпнула новую силу въ письмѣ Мишеля, возразила дерзко и холодно: что мое горе не касается ни до кого, и что я уже и потому могла бы впасть въ отчаяніе — что принуждена выносить каждый день одно мнѣ невыносимое присутствіе. — Милькотъ спросилъ меня грозно: о комъ я говорю — и я отвѣчала, не задумавшись, что рѣчь моя относилась къ нему одному. Онъ выслалъ меня изъ за стола, и болѣе недѣли мнѣ приносили обѣдать въ мою комнату, изъ которой я не имѣла позволенія никуда выходить. Я была бы почти рада этому, еслибы не видала въ такихъ поступкахъ желанія унизить меня и доказать мнѣ, что я не болѣе, какъ ребенокъ, котораго имѣютъ право наказывать. Дмитрій З*** пришелъ черезъ недѣлю, устроивъ наши сношенія ловко и безопасно; камердинеръ его познакомился съ нашей дѣвушкой, снискалъ ея совершенную благосклонность своими подарками и ласкою и аккуратно одинъ разъ въ недѣлю угощалъ ее въ отсутствіи моей мачихи и Милькота, а я въ это время принимала Дмитрія З***. Узнавъ, что я бываю у Велиныхъ, онъ познакомился съ ними, и каждое воскресенье я встрѣчала его тамъ и могла говорить съ нимъ о Мишелѣ; онъ передалъ мнѣ много подробностей о его жизни въ Петербургѣ и твердилъ мнѣ, что онъ истинно любитъ меня; хотя я неограниченно вѣрила въ Мишеля, — все же мнѣ было радостно слышать подтвержденіе моихъ надеждъ, — и я предалась имъ совершенно. Участь наша должна была окончательно рѣшиться будущею

зимою; онъ долженъ былъ пріѣхать въ годовой отпускъ, переговорить съ теткою, и требовать отъ нея исполненія даннаго ему слова, напомнивъ ей, что она, прощаясь съ нимъ, не отказывала ему рѣшительно въ своемъ согласіи, если, говорила она, любовь его истинна и не есть вспышка минутной страсти. Будущей зимой должно было минуть два года любви нашей, и это постоянство въ разлукѣ должно было, по нашему мнѣнію, неоспоримо доказать теткѣ Мишеля вѣчность любви нашей. Не смѣйтесь надъ тогдашнимъ нашимъ довѣріемъ — мнѣ было 20 лѣтъ, а Мишелю и Дмитрію 24 года — въ эти лѣта вѣрятъ всему на свѣтѣ, и свѣтскимъ обѣщаніямъ, и вѣчности любви, и силѣ воли, разгромляющей въ прахъ всѣ препятствія, и многимъ другимъ глупостямъ, не имѣющимъ никакого основанія.

Зима протекла для меня спокойнѣе, нежели я думала, и подарила мнѣ нѣсколько отрадныхъ минутъ— то были тѣ минуты, когда я говорила о немъ, или читала письма его. Дома, я была все также одна, но уже жила сердцемъ, и оно разцвѣтало подъ теплымъ дыханіемъ отдаленной надежды. Лѣто прошло скучнѣе. Дмитрій былъ принужденъ уѣхать въ деревню, и потому переписка моя прекратилась на три мѣсяца — осенью онъ возвратился, и письма наши возобновились. Тогда началась для меня жизнь, полная ожиданій и тревожной надежды; не могла я никогда встать утромъ съ постели безъ біеній сердца; я ждала Дмитрія безпрестанно; всякій шумъ заставлялъ меня вздрагивать, хотя я знала, что онъ не можетъ однако придти ко мнѣ явно и просто — но я не властна была въ самой себѣ, и всѣ эти волненія безъ моего вѣдома охватили меня, хотя я и пыталась унять ихъ, разсуждая холодно; но все было напрасно. Наконецъ въ началѣ ноября Дмитрій сказалъ мнѣ, что Мишель прі-

ѣхалъ и долженъ придти ко мнѣ на другой день поутру. У нихъ были деньги — горничная наша была въ дружеской связи съ камердинеромъ Дмитрія З***; ее окончательно подкупили; она обѣщалась молчать и оставить свою комнату въ полное наше распоряженіе. Мнѣ было не легко примириться съ необходимостію вводить слугъ въ мои сердечныя тайны и выносить потомъ ихъ насмѣшливый или лукавый взоръ, такъ страшно напоминающій ненавистную отъ нихъ зависимость. До сихъ поръ горничная эта ничего не подозрѣвала. и вотъ, мало по малу, магическій кругъ обмановъ расширялся передо мною, и я входила въ него противъ воли, увлекая за собою другихъ; я чувствовала свое униженіе — но необходимость, всесильная, неумолимая тяготѣла надо мною — надо было избирать — я смирилась и предпочла временное униженіе. Изъ комнаты горничной дверь вела на заднюю лѣстницу, по которой Мишель и Дмитрій могли тотчасъ уйти, еслибъ мачиха моя или Милькотъ, возвратясь домой, нечаянно позвонили у наружной двери. Вся опасность состояла въ томъ, чтобы случайно они не встрѣтились вмѣстѣ на большемъ дворѣ нашей квартиры; но Дмитрій заботился объ этомъ и никогда не позволялъ Мишелю приходить ко мнѣ одному. Какъ описать вамъ, что я чувствовала по утру на другой день, по пріѣздѣ его въ Москву; я сама не знала, что̀ я дѣлала, и была совершенно внѣ себя. Болѣе, чѣмъ два года разлуки только укрѣпили любовь мою къ нему и дали ей время пустить глубокіе корни въ сердцѣ моемъ — жизнь моя и любовь моя слились въ одно нераздѣльное цѣлое, и уничтожить любовь мою значило уничтожить меня; я существовала только мыслію о немъ и силой нашей взаимной привязанности. Какой свѣтлый праздникъ былъ въ душѣ моей! Я воскресла и жила всею полнотой моло-

дой, горячей жизни, всею полнотой любви и юности; радостно волнуясь, кровь бѣжала въ жилахъ моихъ и бурно приливала къ трепетавшему сердцу. Какъ дитя, вошла я въ комнату исчезнувшей горничной и принялась мести эту бѣдную комнату, стерла въ ней со стола пыль и, убравъ ее, ушла опять къ себѣ. Я стала одѣваться и распустила свои локоны à l'anglaise, которыми бывало онъ такъ любовался и, окончивъ всѣ эти приготовленія, сѣла въ кресла; но не могла въ нихъ остаться покойно. Я бродила изъ комнаты въ комнату, заглядывала въ морозныя окна, откуда однако не могла видѣть нашего подъѣзда, улыбалась сквозь слезы и старалась подавить въ себѣ волненіе, смѣшанное со страхомъ и радостію. Наконецъ колокольчикъ зазвенѣлъ; я почувствовала ударъ въ самое сердце и бросилась съ быстротою молніи — но не къ нему на встрѣчу — я уже не владѣла собой и не помнила, что дѣлала. Я вбѣжала въ комнату нашей горничной и сѣла на стулъ, едва переводя духъ. Сколько мгновеній пробыла я такъ, право не помню; наконецъ послышался голосъ горничной — она говорила:

Пожалуйте сюда, вотъ моя комната.

Дверь отворилась, и на порогѣ показалась высокая фигура моего Мишеля. Я вскрикнула и, безъ словъ, безъ слезъ, опомнилась на шеѣ его — онъ донесъ, а не довелъ до стула, и сѣлъ подлѣ меня, молча. Долго глядѣли мы другъ на друга нѣмые, неподвижные, съ крѣпко сжатыми и соединенными руками — наконецъ рыданія задушили меня, я прижала голову къ плечу его, потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ моихъ и облегчилъ спертое дыханіе. Долго я плакала — онъ цѣловалъ мои руки и слезы его омачивали ихъ. Послѣ первыхъ прерывистыхъ рѣчей свиданія, вопросовъ безъ отвѣтовъ, разговора безъ связи, тысячу

разъ прерываемаго ласками и восклицаніями счастія, и въ которомъ безпрестанно слышалось одно любимое имя, словомъ, послѣ всего того безпорядочнаго движенія души, высказывающейся въ присутствіи нѣжно любимаго, долго жданнаго друга, которое всякій изъ насъ, хотя разъ, испыталъ въ жизни, мы оба успокоились. Я посмотрѣла вокругъ себя и увидѣла Дмитрія З***, стоявшаго у затворенныхъ дверей и охранявшаго насъ отъ нечаянности; все лицо его выражало столько участія къ намъ, что я сказала ему:

Подите сюда, сядьте подлѣ насъ — вы намъ не мѣшаете — раздѣляйте наше счастіе — развѣ вы не другъ и братъ намъ?

Онъ подошелъ и сѣлъ.

Послушайте, друзья мои, сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени, прерывая разговоръ мой съ Мишелемъ, я слушаю васъ уже болѣе получасу — вы, просто, теряете время — вы знаете, часто вамъ видѣться нельзя; поговорите теперь о дѣлѣ — а послѣ можете говорить, сколько угодно, о чемъ вздумается.

Оставь насъ, сказалъ Мишель, дай мнѣ наглядѣться на нее — я не видалъ ее два года — два года — это ужасно, я не вѣрю самъ себѣ, что я подлѣ нея.

Послушай, сказалъ Дмитрій, надо однако стараться все привести къ концу; обсуди самъ наше положеніе; теперь мы зависимъ отъ горничной, а на нее очень полагаться нельзя — ужели ты хочешь подвергать Антонину Михайловну новымъ огорченіямъ?

Сохрани Богъ! сказалъ Мишель, мало ли терпѣла она — я хочу только отложить совѣщаніе о дѣлахъ до слѣдующаго свиданія — а теперь хочу глядѣть на нее, повторять ей, какъ я люблю ее.

Нѣтъ! нѣтъ! сказалъ Дмитрій, завтра тебѣ надо говорить съ теткою — воспользоваться ея первою радо-

стію при свиданіи съ тобою и просить ее настойчиво о согласіи.

Да, сказала я, конечно, пусть участь наша рѣшится — я не могу жить съ мыслію, что все можетъ открыться, не могу жить въ зависимости отъ всѣхъ — даже отъ горничной — къ тому же лучше несчастіе, чѣмъ неизвѣстность.

Зачѣмъ несчастіе — тетушка всегда любила меня страстно, ужели она останется непреклонна — о нѣтъ! я надѣюсь, сказалъ Мишель.

Тѣмъ больше ты долженъ говорить съ ней, не медля, возразилъ Дмитрій.

Такъ вы оба хотите этого, сказалъ Мишель, глядя на насъ обоихъ, — я буду говорить завтра.

Въ голосѣ его слышалось чрезмѣрное напряженіе, и можно было заключить, что онъ согласился бы охотно отложить на нѣсколько времени объясненіе свое съ теткою и что онъ, принимая на себя эту рѣшимость, чувствовалъ заранѣе и тяжесть и робость. Я сжала ему руку и заплакала.

Помни только, Ниночка, сказалъ онъ, что ни что въ мірѣ не разлучитъ меня съ тобою. Не плачь же, душа моя.

Я знаю это, сказала я, а плачу отъ того, что мнѣ жаль тебя — тебѣ тяжело будетъ говорить съ теткою.

Дмитрій взглянулъ на него и сказалъ просто:

Увѣренія не нужны, вы оба слишкомъ много вытерпѣли, вы слишкомъ привязаны другъ къ другу, чтобы разрывъ между вами былъ возможенъ. — Если тетка твоя не согласится на бракъ твой, откажется отъ даннаго почти слова, мы постараемся устроить все иначе.

Что вы хотите сказать, спросила я, испугавшись.

Зачѣмъ говорить заранѣе — тогда увидимъ, возразилъ онъ, а теперь пора, пойдемъ домой.

Еще минуту — сказалъ Мишель.

Право пора, возразилъ Дмитрій, насъ могутъ застать здѣсь, а ты вѣроятно не хочешь отнять у себя самаго всякую возможность на новое свиданіе.

Мишель всталъ.

Прощай, Ниночка, сказалъ онъ, — я приду чрезъ три дня.

Нѣтъ еще, погоди, сказала я, вставая съ мѣста и будто желая тѣмъ удержать его.

Онъ сѣлъ подлѣ меня, взялъ меня за обѣ руки и глядѣлъ такъ, какъ будто желалъ врѣзать въ памяти своей всѣ черты лица моего и унести ихъ въ воспоминаніи; я смутилась и поблѣднѣла.

Антонина Михайловна, сказалъ Дмитрій, будьте разсудительны, будьте тверды, вы увидите его скоро, я вамъ даю мое слово — а теперь пора — я боюсь за васъ.

Прощай другъ мой, прощай Мишель, сказала я, вставая и сжимая руки его, которыя однако я не хотѣла оставлять.

Онъ сталъ передо мной на колѣна, поцѣловалъ обѣ руки мои и, поглядѣвъ въ глаза мои, быстро вышелъ вонъ и тотчасъ воротился опять.

Перекрести меня, сказалъ онъ, мнѣ страшно, завтрашній день рѣшитъ судьбу нашу. Я вѣрю, что твое благословеніе принесетъ мнѣ счастіе.

Я перекрестила его и, взявъ его голову въ обѣ руки, поцѣловала его нѣжные, мягкіе волосы — слезы опять полились изъ глазъ моихъ.

Полноте, сказалъ Дмитрій, — ужели вы только дѣти — и еще не люди. Зачѣмъ растаетесь вы съ такимъ мученіемъ? — будто навсегда.

Какъ знать? сказала я.

Онъ взялъ Мишеля за руку — и скоро я услышала шаги, быстро удалявшіеся по задней лѣстницѣ. Едва успѣла я войти къ себѣ, какъ колокольчикъ зазвенѣлъ опять, дверь отворили, и Милькотъ вошелъ въ комнату. Я поняла, что Дмитрій З*** спасъ насъ и что наши свиданія были бы прекращены съ перваго раза, безъ его благоразумнаго вмѣшательства. Эта мысль такъ испугала меня, что я взглянула на Милькота съ робостію и смущеніемъ.

Что съ вами? спросилъ онъ меня дерзко, — право, я начинаю думать серьёзно, что вы не всегда въ полномъ разумѣ; иногда вы глядите такъ, какъ будто я хочу зарѣзать васъ — отъ чего глаза ваши разбѣжались? Все это было бы очень забавно, еслибъ мнѣ смертельно не надоѣло.

Я молчала и сидѣла, не подымая глазъ, — сердце мое было такъ полно инаго чувства, что я не обращала вниманія на слова его. Видя, что я не отвѣчаю, онъ продолжалъ:

Когда вы перестанете разыгрывать роль жертвы? Еслибъ вы занимались чѣмъ нибудь, было бы лучше, чѣмъ сидѣть сложа руки или бродить изъ комнаты въ комнату тѣнью. Признайтесь, что непозволительно представлять изъ себя жертву, когда живутъ въ достаткѣ и праздности и все это на деньги, выработанныя другими.

Я живу у васъ противъ воли, сказала я. Позвольте мнѣ идти въ должность.

Да, чтобъ дурачиться, — знаемъ мы васъ! ужь мы испытали, что значитъ позволить вамъ жить одной — сраму было не мало въ Т** губерніи.

Я молча вышла изъ комнаты, а онъ отправился къ себѣ. На другой день я получила записку отъ Мишеля — она была написана безсвязно и состояла изъ нѣ-

скольких строкъ; онъ писалъ, что разскажетъ мнѣ все самъ при первомъ свиданіи; я поняла изъ нея, что надежды было мало, и цѣлый день, въ тоскѣ ожиданія и предчувствія новыхъ несчастій, прождала у себя. Три дня я ждала его напрасно — случай никогда мнѣ не покровительствовалъ: такъ случилось и въ эти дни; мачиха моя и Милькотъ были дома и никуда не выѣзжали, потому что эти дни были праздничные. Вечеромъ на третій день, мачиха моя предложила мнѣ ѣхать къ Велинымъ — я согласилась, скрывая радость, — я надѣялась найти тамъ Дмитрія и не обманулась въ своемъ ожиданіи. Въ этотъ день у Велиныхъ было много гостей—собрались танцовать запросто, подъ звуки фортепьяно. Дмитрій позвалъ меня и, танцуя кадриль, сказалъ:

Мнѣ надо нынче много говорить съ вами; и я больше пріѣхалъ сюда для того, чтобы найти васъ.

Такъ говорите скорѣе, возразила я съ нетерпѣливымъ движеніемъ.

Послушайте, Антонина Михайловна,— вѣсти принесъ я вамъ не очень утѣшительныя; но еще можно все поправить. Будьте только тверды и рѣшительны.

Боже мой! сказала я, мѣняясь въ лицѣ, говорите, говорите скорѣе, не томите меня.

Если вы будете этакъ слушать, вы обратите только на насъ общее вниманіе — я боюсь говорить — успокойтесь сперва.

Я спокойна, сказала я вдругъ твердо, дѣлая усиліе надъ собою — угадываю все: тетка его не соглашается.

И слышать не хочетъ, отвѣчалъ онъ.

Я пошатнулась невольно; какъ ни была я приготовлена къ этому удару, однако онъ сразилъ меня своею тяжестію.

Мы оба молчали въ продолженіи нѣсколькихъ мгновеній.

Какъ же она два года назадъ обѣщала ему согласиться? спросила я, прерывая молчаніе.

Да такъ; она думала, что это дѣтство, капризъ, что все скоро пройдетъ; а когда онъ сталъ, по пріѣздѣ своемъ, настоятельно просить ея согласія, то она объявила рѣшительно, что никогда не позволитъ ему жениться на васъ.

Стало все кончено, сказала я съ подавленнымъ отчаяніемъ.

Нисколько, возразилъ онъ, — будьте только тверды, еще есть исходъ; по моему, всюду есть исходъ, когда мы не безумны и не губимъ себя сами. Выслушайте меня внимательно: Мишель прекрасный человѣкъ, добрый, благородный, съ сердцемъ женски-нѣжнымъ, но въ немъ страшное начало всевозможныхъ несчастій, — онъ безхарактеренъ и мягокъ. Я знаю тетку его — онъ не рѣшится никогда вамъ сказать что либо о ней, и я самъ молчалъ до сихъ поръ, но теперь все выскажу, чтобы спасти васъ обоихъ. Тетка его женщина сухая, непреклонная и твердая — она всегда имѣла на него огромное вліяніе— онъ просто боится ея, и не будетъ въ силахъ ей противиться — конечно, не теперь, не въ первую минуту возмущенія и страданія, а послѣ, à la longue, онъ будетъ страшно несчастливъ, потому что любитъ васъ и горячо и истинно, и не смотря на это, онъ поддастся непремѣнно ея вліянію. Спасите же вы и его и себя.

Но какъ? сказала я,—вы меня удивляете — я всегда думала, что тетка любитъ его безмѣрно.

Да оно такъ и есть — но много на свѣтѣ людей, которые любятъ весьма странно, въ извѣстныхъ условіяхъ, больше для себя, чѣмъ для тѣхъ, кого любятъ. Развѣ вы не знаете, что такое предразсудокъ? Мишель вступилъ неосторожно въ борьбу, не разсчитавъ ничего,

подъ вліяніемъ первой действительной привязанности; — но борьба эта будетъ выше силъ его, онъ не устоитъ, если вы не поддержите его, оставите его самому себѣ, предадите его въ полную волю его тетки — она погубитъ и васъ и его.

Вы меня уничтожаете, сказала я, — что же я могу сдѣлать? я безсильна предъ этимъ.

Нисколько — напротивъ, вы сильнѣе всѣхъ. Мишель любитъ васъ больше всего въ мірѣ — онъ готовъ на все для васъ; дайте ему только волю, не останавливайте его порыва, а напротивъ придайте ему болѣе рѣшимости.

Вы говорите не ясно, объяснитесь, сказала я.

Онъ хочетъ увезти васъ и обвѣнчаться тайно.

Боже мой! сказала я, возможно ли это?

А почему же нѣтъ? Очень возможно; въ три или четыре дня, все будетъ готово. Вамъ огорчать нѣкого, васъ никто дома не любитъ — это единственный выходъ — согласитесь на него; можетъ быть, послѣ, еслибъ вы и захотѣли этого, будетъ поздно. Право, послушайтесь меня, мы придемъ къ вамъ завтра за отвѣтомъ.

Я стояла молча, пораженная этимъ предложеніемъ; мысли мои были спутаны, голова отуманена, я не могла разсуждать. Глаза мои, блуждая безцѣльно и машинально по залѣ, остановились нечаянно на дверяхъ. Высокая, толстая женщина, массивная и театрально-величественная съ виду, входила въ комнату; глаза ея и волосы были черные, носъ орлиный и большой, брови прямыя и рѣзкія, губы сжатыя — она напомнила мнѣ портреты лэди Макбетъ — за ней шелъ Мишель.

Кто это? спросила я въ инстинктивномъ испугѣ, взявъ Дмитрія за руку.

Это, сказалъ онъ, Мишель съ теткой.

Мы погибли, проговорила я, — у этой женщины не можетъ быть ни души, ни сердца — она ни чѣмъ не тронется, ее ни что не смягчитъ — я въ этомъ увѣрена.

А! вы наконецъ понимаете; да, это дѣйствительно такъ — подумайте тоже, что Мишель въ рукахъ ея совершенно, и измѣрьте всю глубину вашего несчастія.

Вы жестоки, сказала я, за что вы меня мучите? Что я вамъ сдѣлала? Я любила и люблю васъ!

Онъ взялъ руку мою и сжалъ ее.

Развѣ вы не понимаете, что я васъ спасаю, сказалъ онъ, спасаю наперекоръ васъ самихъ — вглядитесь въ эту каменную физіономію, прочтите въ ней все, что грозитъ вамъ, и рѣшайтесь! Ужели вы хотите разбить жизнь вашу объ эту гранитную скалу.

Дмитрій говорилъ съ злою ироніей — я взглянула на него умоляющимъ взоромъ, онъ перемѣнилъ тонъ и прибавилъ:

Положитесь на меня — я все устрою, только дайте свое согласіе.

Кадриль кончилась. Мачиха моя, увидѣвъ Мишеля Б**, пришла за мною и хотѣла тотчасъ ѣхать домой; но хозяйка дома упросила ее остаться, говоря, что у ней недостанетъ пары для двухъ кадрилей. Тогда мачиха подошла ко мнѣ и строго сказала, чтобы я наблюдала за собою и вела себя прилично, если не хочу быть, въ продолженіи всей зимы, заперта дома. Увидѣвъ меня, Мишель подошелъ ко мнѣ, поклонился и, обмѣнявшись незначущими словами, отошелъ и, казалось, не обращалъ на меня никакого вниманія; онъ долго вальсировалъ съ Катей, которая кокетничала съ нимъ цѣлый вечеръ. Заиграли кадриль; случай устроилъ такъ, что я стояла съ кавалеромъ моимъ противъ матери Мишеля, которая сидѣла въ ряду пожилыхъ дамъ и смотрѣла на танцующихъ. Она навела на меня

лорнетъ свой и, обернувшись, сдѣлала знакъ Катѣ, проходившей мимо ея, въ фигурѣ кадрили. Она граціозно и вѣжливо подбѣжала къ ней, наклонилась и, сказавъ два слова, стала опять танцовать. Не знаю почему, я подумала, что госпожа Б** спрашивала, кто я такая; когда она стала разсматривать меня съ довольно-дерзкимъ любопытствомъ и, оглядѣвъ съ головы до ногъ, не спускала долго глазъ, я совершенно увѣрилась въ справедливости моего предположенія. Я краснѣла подъ тяжестію ея свинцоваго взора и была счастлива, когда кадриль кончилась и мы уѣхали домой. Мачиха моя, вѣроятно, была довольна холодными моими отношеніями съ Мишелемъ , потому что дорогой она не сказала мнѣ ни одного жесткаго слова; и она и вотчимъ мой были очень далеки отъ мысли , что я имѣю какія нибудь сношенія съ Мишелемъ, и думали, конечно, что эта шалость нашей молодости была давно забыта ; время приближалось , когда я могла освободиться отъ нихъ и поступить въ чужой домъ гувернанткой — но въ настоящую минуту, мысли мои были направлены въ другую сторону, и всѣ надежды и желанія прикованы къ моему разговору съ Дмитріемъ.

На другой день утромъ Мишель и Дмитрій пришли ко мнѣ.

Душа моя, сказалъ мнѣ Мишель печально, Дмитрій сказалъ тебѣ вчера , что надежды нѣтъ ; тетушка не хочетъ слышать о любви нашей — все кончено! Но я рѣшился уже, я долженъ избавить тебя отъ той страшной жизни, въ которой ты мучишься изъ любви ко мнѣ; да я и самъ не могу жить безъ тебя, я увезу тебя , обвѣнчаюсь съ тобой тайно и потомъ скрою тебя до тѣхъ поръ, пока все не уладится между мной и тетушкой. Ты согласна.

Я молчала.

Душа моя, Антонина моя, не разрушай нашего счастія, согласись — я прошу, умоляю тебя — ужели ты способна произнести страшный приговоръ моего одиночества и своего собственнаго, вѣчнаго мученія — согласись — я умоляю тебя.

Антонина Михайловна, сказалъ Дмитрій, вспомните все, что я говорилъ вамъ вчера, и пожалѣйте Мишеля; если вы не согласитесь на его предложеніе, онъ вступитъ въ открытую, явную борьбу съ теткой — гоненія начнутся для него — вы знаете ихъ по опыту, вы вынесли ихъ на себѣ — ужели легки они?

Онъ мужчина, сказала я, его не могутъ преслѣдовать, какъ женщину.

Конечно; но вспомните, что сердце ваше умерло для людей, съ которыми вы живете — а онъ любитъ тетку свою, онъ всѣмъ ей обязанъ; она воспитала его; къ ней присоединится и отецъ. Мишель будетъ страдать вдвойнѣ. Когда онъ будетъ женатъ — тогда это будетъ, по ея мнѣнію, бѣдствіе невозвратное, и повѣрьте, что проститъ его, если не тотчасъ, то скоро — а пока не все кончилось, она, разумѣется, будетъ преслѣдовать обоихъ васъ — пожалѣйте его, если себя не жалѣете.

Да имѣешь ли ты право, сказалъ Мишель горячо, имѣешь ли ты право не соглашаться и медлить? Что же? Мы мало, по твоему мнѣнію, терпѣли? Мы мало терпимъ? Мы не довольно выстрадали право быть счастливыми — и кому, Боже мой, мѣшаетъ наше счастіе? Или меньше ты любишь меня — вспомни, что говорила ты мнѣ два года назадъ, вспомни, что повторяла ты въ письмахъ — ты увѣряла меня, что будешь тверда и сильна — докажи мнѣ любовь свою — время настало.

Я бросилась къ нему и зарыдала.

Увези меня, сказала я, — и дѣлай, какъ знаешь!

Горячо и крѣпко пожалъ онъ мою руку. Дмитрій,

торжествовалъ; мнѣ показалось, что онъ во всемъ этомъ дѣйствовалъ больше Мишеля и радовался за всѣхъ насъ. Послѣ этого они меня оставили и поспѣшно ушли, а я, слѣдуя странному устроенію моего характера, вдругъ сдѣлалась спокойна; вошедши къ себѣ въ комнату, я провела весь день, обдумывая свое положеніе. Судьба моя была рѣшена, слово дано — обсудивъ все, я примирилась съ собою и оправдала сама себя въ глазахъ своихъ, признавая за неотъемлемое право мое, избрать себѣ мужа по сердцу, сознавая притомъ вполнѣ, что я не гублю Мишеля, а напротивъ того, спасаю его отъ тяжкихъ слѣдствій его любви ко мнѣ, если бы онъ ринулся въ отчаянный и явный бой со всей семьей своей — а отказаться отъ меня онъ не могъ, я знала это. На другой день, я стала сбираться будто въ дорогу, и, откладывая нѣкоторыя вещи въ сторону, я взяла прежде всего портретъ моего отца, мое единственное богатство, за тѣмъ маленькій ящикъ, ему же принадлежавшій, въ которомъ хранились всѣ письма Мишеля; къ этому я прибавила два платья и немного бѣлья, и, завязавъ все это вмѣстѣ, спрятала подъ изголовье. Я заснула поздно, думая объ отцѣ; мое разстроенное воображеніе, вѣроятно, навѣяло на меня сонъ, который смутилъ меня при пробужденіи. Я видѣла во снѣ отца моего — онъ явился мнѣ печальный, блѣдный, какимъ я видѣла его наканунѣ смерти и, два раза произнеся имя мое, онъ звалъ меня куда-то за собою. Я боролась между желаніемъ идти за нимъ и желаніемъ остаться, чтобы найти Мишеля, котораго ожидала. Отецъ звалъ меня опять нѣсколько разъ и наконецъ изчезъ, удаляясь по извилистой дорогѣ; тогда я бросилась за нимъ и вдругъ очутилась посреди пустыни и сыпучихъ песковъ — я была совершенно одна, уставала и шла неудержимо

впередъ, подъ знойнымъ солнцемъ и въ удушливомъ воздухѣ; вездѣ искала отца и не находила; выбившись изъ силъ, я хотѣла воротиться домой и не находила дороги и исходу. Я проснулась усталая и глубоко вздохнула, избавясь отъ этого тяжелаго кошемара. Не удивляйтесь, что я вамъ разсказываю сонъ этотъ, я всегда была суевѣрна, и онъ, по моему мнѣнію, предзнаменуя мнѣ какое-то безвыходное горе, едвали не имѣлъ вліянія на судьбу мою; проснувшись, я уже не столько надѣялась на успѣхъ нашего предпріятія. Мнѣ казалось, что какая нибудь случайность непремѣнно помѣшаетъ намъ; не смѣйтесь надо мной, всѣ женщины впечатлительны и легко предаются предчувствіямъ — а я была впечатлительнѣе многихъ. Однако я старалась разувѣрить себя, и на другой день все это изгладилось изъ моей памяти; я сидѣла въ своей комнатѣ и ожидала извѣстій; въ 12 часовъ утра получила коротенькую записку отъ Дмитрія; онъ писалъ мнѣ:

« Все готово; вечеромъ въ 11 часовъ сойдите по задней лѣстницѣ, вы найдете меня у калитки. »

Я невольно задрожала; но тотчасъ преодолѣла себя и вышла обѣдать. Мачиха моя, по какому то странному случаю, обошлась со мною ласковѣе обыкновеннаго, то есть, разговаривала со мною, а Милькотъ не сказалъ мнѣ ни одного непріятнаго слова. Послѣ обѣда, я тотчасъ ушла въ свою комнату, чувстуя, что силы измѣняютъ мнѣ, и втайнѣ негодуя на это. Вы спросите, какъ могла я сожалѣть о мачихѣ и Милькотѣ? нѣтъ, я не жалѣла о нихъ, конечно, а чувствовала только въ минуту раставанья, что прощаю имъ чистосердечно все прошлое: долгое страданье дѣтства и юности; негодовала же на себя за то, что не умѣла скрывать своихъ ощущеній, и что невольная слеза просилась на глаза мои, когда сравнивала судьбу свою съ судьбой

другихъ женщинъ, которыя въ минуту замужства, окруженныя любовью семьи, пріятельницъ, друзей, надѣленныя благословеньями, мирно идутъ соединять жизнь свою съ человѣкомъ имъ милымъ. Я глубоко чувствовала свое одиночество и грустно, молчаливо сидѣла въ своей комнатѣ въ ожиданіи условленнаго часа; мысли безпорядочно бродили въ моей головѣ— и еще безпорядочнѣе билось сердце; я чувствовала невольный трепетъ въ такую критическую минуту жизни, старалась думать только о предстоящемъ счастіи, а думала о другомъ. Часовъ въ 9 вечера горничная наша вошла ко мнѣ въ комнату и подала мнѣ письмо. Почеркъ былъ мнѣ не знакомъ — судорожно сорвала я печать, и наскоро прочитавъ его, обомлѣла. Я сохранила письмо это, друзья мои, и прочту его вамъ:

Милостивая государыня!

«Только недѣлю назадъ узнала я, что вы именно та особа, которую любитъ мой племянникъ. Я не знаю и не желаю знать, какимъ образомъ вы завлекли его въ такую безумную, невозможную связь, и пишу къ вамъ единственно для того, чтобы объявить вамъ, что всѣ ваши старанія совершенно напрасны; я никогда не дамъ моего согласія, ни моего благословенія на бракъ его съ вами и совѣтую вамъ оставить всѣ замыслы, тѣмъ болѣе, что упорствовать вамъ въ нихъ было бы не выгодно. Правда, что племянникъ мой богатъ, но потому только, что я, заступивъ мѣсто матери его, моей сестры, ничего до сихъ поръ для него не жалѣла; если же онъ когда нибудь выйдетъ изъ моего повиновенія и моей воли, я лишу его наслѣдства и передамъ все мое состояніе двумъ сестрамъ его. Не знаю, имѣете ли вы понятіе о моемъ характерѣ; скажу вамъ просто, что я не принадлежу къ числу тѣхъ театраль-

ныхъ тетушекъ и дядюшекъ, которые растрогиваются мольбами любовниковъ или супруговъ, тотчасъ прощаютъ имъ обдуманное заранѣе и совершенное съ извѣстной цѣлію преступленіе и, при такомъ примиреніи, вмѣстѣ съ благословеніемъ спѣшатъ вручить имъ все свое состояніе. Я никогда не прощаю. Отецъ его послѣдуетъ моему примѣру. Подумайте, какая вамъ выгода выдти за мужъ за бѣднаго человѣка, который будетъ конечно бѣднѣе всякаго жениха, взятаго изъ вашего класса! По крайней мѣрѣ, всякій изъ нихъ имѣетъ свое ремесло или знаніе и, родившись для труда и бѣдности, можетъ обезпечить жизнь свою и своего семейства. Племянникъ мой былъ воспитанъ, какъ наслѣдникъ моего состоянія, онъ знаетъ науки для себя, но не въ состояніи передать ихъ другимъ, давая хотя бы уроки. — Да еслибы онъ и былъ способенъ на это, разсудите, что станется съ человѣкомъ, жившимъ до сихъ поръ въ роскоши и падающимъ въ крайнюю нищету — а вы ее не минуете, и мое проклятіе въ довершеніе всего, равно какъ и проклятіе отца, падетъ на его преступную голову и растерзаетъ его сердце. Если вы его любите, вы должны спасти его отъ гибели. Не забудьте также, что онъ служитъ и что бракъ безъ позволенія для него невозможнѣе, чѣмъ для кого нибудь другаго. Всѣ ваши честолюбивые замыслы кончатся горькой дѣйствительностью, и я вамъ предсказываю всѣ несчатія въ будущемъ. Можетъ быть, письмо мое не убѣдитъ васъ; но я васъ предупреждаю, что буду неусыпно слѣдить за всѣми вашими дѣйствіями и если вы, увлекаясь несбыточными надеждами, захотите идти противъ воли моей, посягнете на право мое распоряжаться участью племянника, завѣщанное мнѣ его покойной матерью, и будете поощрять его на какія нибудь дерз-

кія предпріятія, я прибѣгну къ законамъ. Увѣрьтесь, что всякое покушеніе со стороны вашей будетъ безполезно и не безопасно для васъ самихъ; не принудьте меня дѣйствовать рѣшительно — при помощи моихъ многочисленныхъ связей и знатнаго родства, я могу удалить васъ навсегда изъ города, вмѣстѣ съ вашей мачихой и ея мужемъ. Я бы написала къ вашей мачихѣ, но сочла это совершенно излишнимъ; я знаю, что вы поступаете вопреки ея приказаніямъ и часто пренебрегаете ими. Теперь все предупреждено, я исполнила долгъ мой въ отношеніи къ вамъ — и если вы навлечете на себя бѣдствія, то будете обязаны ими самой себѣ.»

Долго сидѣла я, какъ статуя, устремивъ глаза на эти ужасныя строки. Потомъ я встала и въ спокойствіи отчаянной безнадежности, взяла мой изготовленный наканунѣ узелъ, развязала его и, выложивъ всѣ вещи, положила ихъ опять въ комодъ на ихъ прежнее мѣсто. Когда я вынимала мое бѣлое платье, порывъ дикаго смѣха вдругъ овладѣлъ мною — въ немъ было столько безумія, что я сама себя испугалась и прервала его силой воли. Въ эту минуту глаза мои упали на портретъ отца, который я держала въ рукахъ, готовясь поставить на прежнее мѣсто; его тихій, спокойный ликъ кротко глядѣлъ на меня: я невольно упала на колѣни, прижалась лбомъ къ его лицу, и горячія, неизсякаемыя слезы долго, безконечно лились изъ глазъ моихъ. Когда я пришла къ себѣ, часы пробили половину двѣнадцатаго: я поспѣшно накинула кацевейку и сбѣжала по маленькой лѣстницѣ. Дмитрій ждалъ меня у калитки.

— Пойдемте, давно пора; я уже сталъ бояться, не случилось ли чего съ вами, сказалъ онъ торопливо.

— Я никуда не пойду, возразила я твердо, скажите Мишелю, что онъ свободенъ.

Дмитрій былъ пораженъ и сдѣлалъ два шага назадъ.

— Что вы говорите? спросилъ онъ.

Я повторила слова мои.

— Антонина Михайловна, что вы это? сказалъ онъ съ жаромъ. Богъ съ вами, не грѣшно ли шутить такъ надъ человѣкомъ, котораго вы любите; да, грѣшно играть жизнію обоихъ!

— Я только опомнилась. — Я была на краю пропасти и, увидѣвъ ее, остановилась — вотъ и все.

— Разскажите мнѣ, что все это значитъ? Я думалъ, вы женщина твердая — а вы хуже, слабѣе ребенка.

Я улыбнулась.

— Слушайте, сказала я— сей часъ получила я письмо отъ его тетки — она грозитъ мнѣ и ему проклятіемъ и клянется, что лишитъ его наслѣдства и оставитъ навсегда въ нищетѣ.

— Ну что же? онъ будетъ работать, вы тоже; когда есть голова и руки, съ голоду не умираютъ

— Онъ не привыкъ къ труду — онъ выросъ въ роскоши и не имѣетъ понятія о нуждѣ — она убьетъ его. Тетка мнѣ пишетъ тоже, что она прибѣгнетъ къ законамъ, если онъ на мнѣ женится.

Дмитрій молчалъ около минуты и потомъ возразилъ:

— Для этого ей надо подать просьбу на племянника и просить, чтобы его наказали: — она этого не сдѣлаетъ.

А если сдѣлаетъ? я вижу по письму ея, что она на все способна, сказала я.

Ну чтожь — онъ вынесетъ гоненія изъ любви къ вамъ — онъ самъ говорилъ не разъ, что счастіе его возможно только съ вами.

Нѣтъ! много придется выносить. Я не могу заплатить ему собою за столько жертвъ. Какъ? Потеря

состоянія, карьеры, ненависть родныхъ, проклятіе любимаго отца — ни за что!

Однако онъ ждетъ насъ, — что же я скажу ему, продолжалъ Дмитрій настойчиво. Какъ приду я одинъ — онъ не вынесетъ этого удара въ минуту надежды.

Мнѣ сдѣлалось при этихъ словахъ такъ грустно, что моя твердость упала: я заплакала, живо представляя себѣ его горесть, при вѣсти о моемъ рѣшеніи. Дмитрій видѣлъ впечатлѣніе, произведенное на меня его словами и хотѣлъ воспользоваться этой минутой умиленія. Онъ взялъ меня за руку и хотѣлъ довести до улицы. Я остановилась.

Послушайте, сказала я, рѣшеніе мое неизмѣнно — я жертвую собою для его счастія, это — долгъ мой. Не говорите ничего — слова скользятъ въ слухѣ моемъ, ни сколько не потрясая моего убѣжденія.

Безумна жертва эта, сказалъ Дмитрій горячо. — я бѣгу за Мишелемъ, приведу его и увижу, какъ устоитъ ваше жестокое намѣреніе оторваться отъ него, при видѣ его отчаянія.

Нѣтъ! нѣтъ! сказала я — зачѣмъ эта новая пытка — Боже мой! Боже мой! довольно! довольно мученій.

Но онъ уже не слыхалъ меня, бросился со двора и изчезъ за калиткой. Я оставалась еще нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и потомъ, шатаясь, взошла къ себѣ. Такъ вотъ чѣмъ кончилось мое твердое намѣреніе быть женой его — и вотъ оно, первое доказательство, что игра случая управляетъ нами, а сила воли — мечта младенческая, обаятельно прельщающая неопытныхъ! Еслибы письмо его тетки пришло позже! Когда я, получивъ его, съ безумной страстію цѣловала портретъ отца моего, я знала уже, что во всемъ мірѣ я оставалась одна съ его воспоминаніемъ,

что я теряла невозвратно друга моего, единственно и безгранично любимаго. Тяжко было мнѣ, но я не колебалась ни минуты. Никто еще въ мірѣ до сихъ поръ не могъ заставить меня поступить иначе, какъ отъ меня требуетъ мое внутреннее чувство, которое я признаю за истинное — оно меня никогда не обманывало! Я вполнѣ пожертвовала собою — жертва моя оказалась излишнею — въ послѣдствіи я узнала, что Мишель былъ такъ разстроенъ и смущенъ въ день, назначеный для нашего бѣгства, что пробудилъ подозрѣніе въ теткѣ; она стала слѣдить за нимъ, призвала его каммердинера и, вынудивъ отъ него полупризнаніе, вошла къ племяннику въ то самое время, когда онъ выходилъ изъ комнаты, чтобы идти на встрѣчу мнѣ. Разговоръ ихъ начался жарко, скоро перешелъ въ страшный гнѣвъ съ ея стороны и въ явное возмущеніе съ его. Не знаю, почему, съ разсчетомъ, или просто, но она вдругъ зарыдала, бросилась къ нему на шею, и просьбы ея тотчасъ его обезоружили, — онъ не зналъ, не умѣлъ имъ противиться, и остался беззащитенъ и слабъ при видѣ ихъ. Ей сдѣлалось дурно — болѣзнь ея довершила все и убила окончательно всякую волю въ немъ, уничтожила рѣшимость. На другой день, я получила записку отъ Дмитрія; онъ писалъ мнѣ, что Мишель не отходитъ отъ постели тетки, что наканунѣ онъ не могъ даже принять его и что на другой день онъ едва могъ видѣть его нѣсколько минутъ наединѣ. Онъ прибавлялъ внизу, въ припискѣ, гдѣ совершенно выразился характеръ его упорный и рѣшительный, чтобы я не безпокоилась о болѣзни госпожи Б**, что, считая меня способной и на такую безразсудность, онъ даетъ мнѣ слово, что у ней какіе-то нервные припадки ни сколько не опасные, и что всякому разумному человѣку из-

вѣстно, что нервное разстройство ничего не значить; особенно у женщинъ оно является по волѣ ихъ и совершенно зависитъ отъ больной. Прочитавъ письмо это, я впала въ тупое отчаяніе, и мной овладѣлъ совершенный упадокъ духа и силы; я занемогла тоже нервной болѣзнію, надъ которой, впрочемъ, и самъ Дмитрій не могъ бы посмѣяться. Докторъ нашъ, котораго мачиха пригласила противъ воли моей, прописавъ мнѣ какія-то лекарства, повторилъ нѣсколько разъ, что всѣ они ничего не значатъ, если я не буду спокойна духомъ и совершенно изъята отъ всякихъ потрясеній. Мачиха моя была удивлена и возразила, что въ послѣднее время, я не испытала ничего подобнаго. Докторъ сомнительно покачалъ головою и спросилъ, по какому случаю и какъ занемогла я; когда ему отвѣтили, что болѣзнь моя пришла вдругъ, совершенно неожиданно, онъ еще разъ покачалъ головою, повторилъ слова свои и вышелъ, обѣщаясь посѣщать меня. Болѣзнь моя длилась шесть недѣль, въ продолженіи которыхъ я никого не видала и изрѣдка получала письма отъ Мишеля; онъ не писалъ ничего особеннаго, плановъ и надеждъ въ нихъ не было — онъ только говорилъ мнѣ, что любитъ меня по прежнему, горько жаловался на гнетущую насъ судьбу, оплакивалъ нашу разлуку и, увѣдомляя меня о теткѣ, прибавлялъ всегда, что здоровье ея крайне плохо и не поправляется послѣ ужаснаго потрясенія, которое перенесла она. Въ это же самое время произошла для насъ важная перемѣна; отецъ Дмитрія послалъ его въ Петербургъ хлопотать по очень серьёзному дѣлу, отъ котораго зависѣла половина ихъ состоянія; въ лицѣ его я лишилась друга и помощи. Это послѣднее обстоятельство окончательно повернуло иначе всю судьбу мою и принесло мнѣ много новыхъ несчастій. Прощаясь съ нимъ, я горько плакала — не

пеняйте на меня, не судите меня строго, не обвиняйте въ слабости, дѣйствительно никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ, я столько не плакала, какъ въ эту переходную эпоху моего существованія — слезы сдѣлались нормальнымъ моимъ состояніемъ; чувство собственнаго безсилія, совершенной зависимости отъ другихъ убили во мнѣ всякую моральную самостоятельность — о твердости во мнѣ самой не было и намека — я была въ страдательно-апатичномъ состояніи, не дѣлала попытокъ, чтобы выдти изъ него, и находила облегченіе въ однѣхъ слезахъ. Да и что могла бы я дѣлать? Враждебныя обстоятельства, желѣзная стойкость родныхъ Мишеля, его слабость, могущество нашихъ гонителей легли на насъ несокрушимымъ ярмомъ, подъ тяжестію котораго я могла только согнуться; я оставила всякія надежды и не порывалась болѣе сбросить съ себя это ярмо. И Дмитрій, прощаясь со мною, уже не надѣялся болѣе; печально сжалъ онъ мнѣ руку и сказалъ мнѣ только, что я буду получать письма Мишеля черезъ одного ихъ общаго пріятеля Василія N**.

Еще посторонніе, сказала я съ усталостію, — зачѣмъ опять чужое вмѣшательство? Мишель не жалѣетъ меня, прибавила я, оскорбляясь легкомысліемъ, съ которымъ онъ прибѣгалъ къ новымъ лицамъ для сношеній нашихъ, какъ будто бы онъ самъ не могъ иногда придти ко мнѣ.

Ему нечего дѣлать, отвѣчалъ мнѣ Дмитрій, — тетка не отпускаетъ его отъ себя, каммердинеру своему онъ не можетъ довѣряться — онъ уже измѣнилъ намъ однажды — да къ тому же ему не даютъ денегъ, какъ прежде, и ему нечѣмъ будетъ скоро платить за такія услуги. Василій N** человѣкъ честный и говорилъ мнѣ, что вы хорошо знакомы съ сестрой его.

Да, сказала я, я видала ее у Велиныхъ, она дѣвушка добрая.

Я покорилась необходимости; дѣла наши не подвигались; зима проходила однообразно и я медленно оправлялась отъ болѣзни ; иногда я видала Мишеля—онъ заходилъ ко мнѣ всякій разъ, какъ могъ вырваться изъ дому тетки въ такое время, когда и я была одна дома — мы обоюдно нашли другъ въ другѣ большую перемѣну — и онъ и я — мы совершенно впали въ тупую безнадежность. Онъ не входилъ вовсе въ подробности нашего несбывшагося предпріятія, упоминалъ о немъ мелькомъ, не разсказывалъ мнѣ обстоятельствъ жизни своей дома, и, увѣряя меня въ любви, изрѣдка упоминалъ о надеждѣ на будущее; онъ видимо говорилъ это, чтобы утѣшить меня, а самъ вовсе этому не вѣрилъ. Это была не жизнь, а томительная агонія; онъ не имѣлъ силы отказаться отъ меня и еще менѣе имѣлъ ее, чтобы выдти изъ мучительнаго положенія. Нѣжность его ко мнѣ была все таже; при свиданіяхъ, онъ былъ также ласковъ и любящъ, но я сама сознавала его безсиліе и совершенную его усталость — хотя онъ и увѣрялъ меня въ противномъ и часто твердилъ, будто утѣшая себя и меня: хуже не будетъ! Мы оба чувствовали, сколько тяготѣютъ надъ нами судьба и люди — онъ смирялся предъ ними , а я не могла возстать противъ нихъ — оба мы были утомлены, онъ больше, чѣмъ я. Онъ не говорилъ мнѣ о томъ, что дѣлается у нихъ въ домѣ; но, по его мрачному виду, я могла заключать , что онъ подвергнется или гоненіямъ , или просьбамъ, — въ послѣдствіи я узнала, что то и другое было приведено въ дѣйствіе и равно его мучило. Я не хотѣла вынуждать его признаній — мое положеніе становилось каждый день нестерпимѣе и труднѣе — я чувствовала, хотя и не признавалась себѣ, что опора

моя, въ лицѣ его, каждый день замѣтно слабѣетъ и уничтожается. Однажды я предложила ему окончить наши сношенія и покориться вполнѣ разлучавшимъ насъ людямъ; это предложеніе, сдѣланное ему неожиданно и твердо, огорчило его и пробудило его изъ моральной летаргіи, въ которую онъ былъ погруженъ. Онъ вдругъ жарко возсталъ противъ меня, упрекнулъ меня въ безсиліи и безнадежности, припомнилъ мнѣ всѣ наши обѣщанія и клятвы и безжалостно увѣрялъ меня въ отсутствіи любви къ нему. Эта яркая вспышка страсти совершенно меня обезоружила — я устыдилась своего маловѣрія, упрекала одну себя, просила его простить меня и клялась ему болѣе не сомнѣваться въ немъ.

Если я грустенъ, Ниночка, сказалъ онъ мнѣ мрачно, то потому только, что сердце мое истерзано; я стою бѣдственно между двумя всесильными привязанностями — между моей безумною любовью къ тебѣ — и любовью и благодарностію къ теткѣ. Что дѣлать? Къ довершенію нашего несчастія, она предупреждена противъ тебя и повторяетъ мнѣ часто, что еслибъ....

Онъ остановился.

Говори, сказала я, еслибъ....

Я не знаю, какъ сказать тебѣ это. Какіе-то нелѣпые слухи дошли до нее — ей сказали, что ты страннаго характера, самовольна и легкомысленна.

Вѣрно, Катенька Велина, или мать ея, сказала я, оказали мнѣ эту услугу.

О нѣтъ! не думаю, а скорѣе Лиза N**. Ты ее часто видала у Велиныхъ — она ѣздитъ къ намъ — Катенька говоритъ, что она лукава.

Неправда, сказала я, — но оставимъ это — стало, всѣмъ извѣстны наши сердечныя отношенія.

О нѣтъ! сказалъ онъ съ замѣшательствомъ. Тетушка, продолжалъ онъ, возвращаясь къ прежнему разговору,

— не можетъ понять, что я люблю тебя истинно и думаетъ, что я увлеченъ тобою. Вся вина ея въ этой ошибкѣ—не гордость ея или спѣсь заставляютъ ее противиться нашему браку, а одно опасеніе за мое будущее съ тобою счастіе.

Я печально качала головою.

Такъ ты не вѣришь мнѣ? Вотъ ты до чего дошла, что сомнѣваешься во всемъ, не имѣя на то никакого права. Ты не знаешь тетушки, почему же ты не вѣришь мнѣ? И чѣмъ я заслужилъ все это? Не все ли я сдѣлалъ, что могъ? Одинъ случай разстроилъ наше намѣреніе.

И моя воля, сказала я гордо, вспомнивъ о письмѣ его матери, котораго я ему не показывала.

Что это значитъ? спросилъ онъ.

А то, сказала я горячо, избѣгая однако полнаго объясненія и раскаяваясь въ томъ, что сказала, — что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, и для твоего счастія готова на всевозможныя жертвы.

Знаю, знаю, вѣрю — я вѣрю въ тебя — а ты, за что ты не вѣришь мнѣ?

И я вѣрю, другъ мой, сказала я въ горячемъ порывѣ чувства, заставившемъ меня отказаться тотчасъ отъ прежнихъ словъ и сомнѣній, при одномъ взглядѣ его, полномъ любви и печали — будущее докажетъ тебѣ, какъ сильна вѣра моя; слова твои будутъ моимъ закономъ, моимъ разумомъ — и хотя бы цѣлый міръ всталъ, свидѣтельствуя противъ тебя, будь спокоенъ, я не повѣрю.

Мы нѣжно посмотрѣли другъ на друга, и союзъ нашъ былъ скрѣпленъ снова, еще сильнѣе прежняго, по крайней мѣрѣ, я судила о томъ по себѣ самой.

Много ударовъ надо юному сердцу, чтобы оно перестало вѣрить, много надо предательствъ, чтобы юный

умъ могъ постигнуть возможность ихъ; много толчковъ бытію, чтобы оно раздвоилось и въ одной сторонѣ своей хранило любовь, а въ другой обсуживало, стоитъ ли тотъ, кого мы любимъ, любви этой. Въ первую пору жизни, любовь, преданность, самопожертвованіе составляютъ одно нераздѣльное цѣлое и отдаютъ насъ безгранично любимому человѣку; разумъ молчитъ, анализа себя самой и другихъ нѣтъ еще и въ зародышѣ. Эта язва анализа, умерщвляющая всякое чувство въ первомъ его началѣ, еще не существуетъ и порождается неожиданно, послѣ первой бури, сокрушившей юную жизнь, и доказываетъ свое присутствіе въ насъ, отрывая въ воспоминаніи прошедшее и разбирая его въ мельчайшихъ подробностяхъ — это первое ея дѣло. Потомъ уже, закравшись въ душу, это разрушительное начало поселяется въ ней, развивается постепенно, возрастаетъ до чудовищныхъ размѣровъ и безжалостно, навсегда, уничтожаетъ жизнь сердца, не допуская до него никогда живыхъ ощущеній; анализъ, какъ ножъ анатомика, разсѣкаетъ, уничтожаетъ всюду жизненную силу и оставляетъ трупъ тамъ, гдѣ за минуту струилась кровь, кипѣла жизнь, билось сердце. Этого анализа, этой страшной разрушительной болѣзни, я тогда еще не знала, и отсутствіе ея довело меня отчасти до того удара, который разсѣкъ разомъ узелъ, соединявшій меня съ Мишелемъ. Мнѣ остается разсказать вамъ все это.

Зима приходила къ концу, наступалъ великій постъ. Въ воскресенье на масляницѣ, мачиха моя получила записку отъ Велиной, которая настоятельно просила ее пріѣхать къ ней, предупреждая ее, что желаетъ сообщить ей очень важное дѣло. Мачиха поспѣшно одѣлась и отправилась; часа черезъ полтора послѣ ея отъѣзда, я услышала, какъ она пріѣхала и вошла прямо

къ вотчиму, не заходя въ свою спальню, смежную съ моей. Я сидѣла очень спокойно у себя, когда дверь моя отворилась и мачиха моя вошла ко мнѣ; она была блѣдна, и гнѣвное выраженіе ея физіономіи поразило меня. Я еще болѣе удивилась, когда Милькотъ вошелъ ко мнѣ и затворилъ дверь за собою — онъ ни разу еще не былъ въ моей комнатѣ, и его присутствіе нѣсколько смутило меня.

Письма Мишеля Б**, сказала мнѣ мать дрожавшимъ голосомъ.

Я глядѣла на нее, еще ничего не понимая.

Я у васъ спрашиваю письма Мишеля Б**, повторила она, съ возрастающимъ гнѣвомъ.

Я не могу отдать ихъ вамъ, сказала я наконецъ твердо — они писаны ко мнѣ одной.

Хорошо! сказала она, я отыщу ихъ сама.

Она подошла быстро къ моему маленькому столику и взяла въ руки шкатулку мою.

Они здѣсь, сказала она, обращаясь къ Милькоту, это ящикъ ея отца — я знаю, что они здѣсь.

Ключь? сказала она мнѣ отрывисто, или я сломлю крышу.

Я носила ключь отъ этого ящика на шеѣ.

Правда, сказала я, вставая, правда, ненависть равна любви, вы отгадали — письма его тутъ — ключа я не дамъ — не ужели вы сломаете ящикъ покойнаго мужа вашего, доставшійся ему отъ матери — онъ всегда берегъ его. Какое имѣете вы на это право?

Мачиха моя не отвѣчала мнѣ ни слова, а Милькотъ вынулъ методически складной ножикъ изъ кармана и, подойдя къ женѣ, взялъ у ней шкатулку изъ рукъ, и, подсунувъ ножикъ подъ тонкую крышку изъ китайскаго лака, въ одну минуту сломилъ ее. Тоненькія стѣнки ящичка лопнули, въ дребезгахъ полетѣли на

полъ, стуча осколками, а письма Мишеля высыпались на столъ. Я бросилась на нихъ и покрыла ихъ собою; Милькотъ взялъ меня за талію; я боролась съ нимъ не долго — сила взяла верхъ, онъ меня отвелъ отъ стола и посадилъ въ кресла. Потомъ остановился противъ меня и, сложивъ крестомъ руки на груди, долго смотрѣлъ на меня пристально и неподвижно. Я задыхалась отъ различныхъ и сильныхъ ощущеній и пыталась нѣсколько разъ встать съ мѣста; всякій разъ онъ бралъ меня за руку и принуждалъ остаться на мѣстѣ.

Это низко, сказала я наконецъ — это самое подлое насиліе!

Дѣло не въ томъ, отвѣчалъ онъ мнѣ холодно и презрительно. Теперь объясните мнѣ, что вы такое? И чѣмъ заплатите вы намъ, то есть честнымъ людямъ, за безчестіе, которое нанесли намъ? Чѣмъ заплатите вы намъ за поруганіе, которое нынче утромъ упало на вашу мачиху, на вашу честную мачиху. Знаете ли, чему она подвергнулась ради васъ?

Не знаю, сказала я, и отъ васъ ничего узнавать не хочу.

Да, сказала мачиха, положившая въ это время всѣ письма Мишеля въ ридикюль свой, госпожа Велина объявила мнѣ, что ваше общество заразительно для молодыхъ дѣвушекъ и что, имѣя взрослую дочь, она не можетъ принимать васъ, какъ дѣвицу поведенія двусмысленнаго. Понимаете ли вы это? Что вы на это скажете?

Это низкая клевета, и она не стоитъ отвѣта — сказала я.

Признавайтесь во всемъ, сказалъ Милькотъ, взявъ меня за руку и принуждая встать съ креселъ.

Оставьте меня, сказала я, вырываясь изъ рукъ его,

оставьте меня — ваше обращенiе со мною невыносимо и возмутительно.

Вотъ какъ! сказалъ онъ съ ироніей — позвольте, вы уже не имѣете права представлять изъ себя угнетенную невинность, и эта гордость не у мѣста. Извольте отвѣчать сей часъ и признавайтесь во всемъ — слышите? я не знаю, что меня еще удерживаетъ, и почему я не поступаю съ вами, какъ вы того достойны.

Чегожъ вамъ хочется — сказала я, что же вы можете со мной сдѣлать?

Я сѣла въ кресла потому, что дрожавшія ноги мои отказывались служить мнѣ.

Полюбуйтесь на нее, сказалъ Милькотъ, обращаясь къ моей мачихѣ и показывая на меня рукою, посмотрите! вмѣсто раскаянія, одно возмущеніе и дерзость! Ни слезы, ни слова о прощеніи.

Никогда! возразила я — плакать, просить прощенія! о чемъ? въ чемъ? Въ томъ, что вы меня мучите съ дѣтства.

Да, знаете ли, что вы такое? сказалъ онъ опять громовымъ голосомъ. Вы просто развратная женщина, посрамленіе семьи вашей, отъявленная любовница мущины, которому вы навязались на шею. Онъ былъ увлеченъ вами, какъ всѣми признано. Не уговаривали-ль вы его увезти ва́съ, и если онъ не захотѣлъ этого, то потому только, что не берутъ женщины, отъ которой ждать больше нечего. Жену всякій хочетъ имѣть честную, а не съ позорнымъ поведеніемъ — такая годна только въ любовницы.

Боже мой! Боже мой! закричала я, вставая съ кресель и ломая себѣ руки въ отчаяніи, — отецъ! отецъ! гдѣ ты? Слушай, что они говорятъ мнѣ!

Антонина, возразила мнѣ мачиха запальчиво, — какъ смѣете вы призывать отца вашего — вы поругали доб-

рое, честное имя его — онъ счастливъ, что не дожилъ до этого сраму — онъ бы не вынесъ вашего безчестнаго поведенія и проклялъ бы васъ.

Я молчала, пораженная этими словами; но, послѣ минутнаго отчаянія, обратясь къ матери, вдругъ нашла всю силу свою, вызванную изъ меня ея жестокими, незаслуженными мной словами, и сказала ей холоднѣе, чѣмъ сама могла предположить это послѣ такого потрясенія.

Вы, вы не призывайте имени отца моего и не клевещите на память его — не призывайте проклятій ни на чью голову — онъ не былъ способенъ проклинать, и еслибъ я могла предположить эту страшную возможность въ душѣ его, то, конечно, она обратилась бы не на меня, я это знаю.

Боже мой! возразила мачиха — это ужасно! ничего нѣтъ въ этой женщинѣ — ни души, ни чувства — одно неистовство! Берегись однако, не доводи меня до крайности — не уничтожай во мнѣ остатки какой то жалости — я не выдержу, и мое справедливое проклятіе упадетъ на твою преступную голову.

Это въ вашей волѣ, сказала я, я не могла заслужить его и потому снесу его.

Молчите, сказалъ Милькотъ, громовымъ голосомъ, заставившимъ меня вздрогнуть невольно, — молчите, или я уничтожу васъ! Довольно! Теперь, вотъ мое рѣшеніе — вы останетесь здѣсь до новаго приказанія; вы не имѣете права переступать за порогъ этотъ — слышите — впрочемъ вы будете заперты — это будетъ лучше. Madame Милькотъ пойдемте.

Они вышли и затворили двери. Могу ли я описывать вамъ мое отчаяніе — я еще не понимала, какимъ образомъ эта страшная сѣть меня опутала, я билась въ ней отчаянно, какъ дѣти Лаокоона, сдавленныя мо-

гучими кольцами чудовищныхъ змѣй. Слезъ не было въ глазахъ моихъ — я вдругъ нашла въ себѣ всю мою упавшую энергію и бросилась въ бой, очертя голову, не думая о томъ, гибель, или спасеніе ждали меня; я рѣшилась дѣйствовать съ отчаяніемъ безнадежности и избавиться, во что бы то ни стало, отъ вѣчной пытки, въ которой жила я.

Такъ прошло три недѣли; тысяча плановъ, составленныхъ ночью или вечеромъ, исчезали днемъ передъ необходимостью оставаться въ бездѣйствіи, передъ невозможностью предпринять что нибудь. Горничную нашу выгнали вонъ изъ дому и взяли другую; я жила безъ всякихъ извѣстій о Мишелѣ и поняла, что кто нибудь измѣнилъ намъ опять, но кто? Я не знала и не могла придумать. Я не могла никуда выходить, ни даже въ залу, меня запирали на ключь и выпускали только обѣдать — я написала письмо къ Мишелю и рѣшилась его переслать при первомъ возможномъ случаѣ. Однажды утромъ, Madame Beillant пріѣхала навѣстить меня по обыкновенію — вѣроятно, о ней забыли, и потому горничная наша впустила ее въ мою комнату; мачихи моей не было дома; я воспользовалась этимъ случаемъ, расказала Madame Beillant все и просила со слезами доставить письмо мое. Она плакала, слушая меня, ласкала меня, какъ будто бы я была дочь ея, но лишь только я стала просить ее отослать письмо къ Мишелю Б**, она приняла печально-серьёзный видъ и отказала мнѣ рѣшительно, говоря, что она считаетъ себя не вправѣ сдѣлать это.

Послушайте, сказала я ей, доставьте письмо это — я даю вамъ слово, что оно одно только и перейдетъ черезъ ваши руки. Я рѣшилась на все — если вы не возьмете его, я довѣрюсь первому встрѣчному, не пожалѣю себя — не вѣкъ же я буду заперта — а если

не найду никого, кто бы согласился доставить его, то вырвусь отсюда и отнесу его сама. Не губите меня.

Антонина, дитя мое, сказала она, ты не въ своемъ умѣ, ты не помнишь и не понимаешь, что говоришь, ты въ страшномъ волненіи.

Хотите, или нѣтъ, взять письмо, спросила я опять рѣшительно, — помните, что отказавъ мнѣ, вы берете на себя большую отвѣтственность. Папенька поручалъ меня вамъ, а вы не хотите помочь мнѣ.

Отецъ твой не сталъ бы помогать тебѣ и не позволилъ бы тебѣ писать къ Мишелю.

А почему нѣтъ? спросила я — моя любовь невинна, и ихъ клевета не въ силахъ очернить ее. Я свободна, Мишель тоже, гдѣ же оно, преступленіе? Я прошу у него помощи, окончательнаго рѣшенія нашей участи — что же тутъ безнравственнаго?

Тетка его не согласна, сказала она кротко.

Онъ можетъ мнѣ подтвердить это, я останусь спокойна и приму свои мѣры, чтобы избавиться отъ моихъ тирановъ.

Антонина, сказала мнѣ Madame Baillant строго, опомнись, ты говоришь о женѣ своего отца.

О господинѣ Милькотѣ, сказала я, который завладѣлъ ею совершенно и давно мучитъ меня — прибавила я.

Мы обѣ замолчали.

Хотите, или нѣтъ, доставить письмо мое, спросила я опять настойчиво.

Она посмотрѣла въ глаза мои и, вѣроятно, прочитавъ въ нихъ рѣшимость отчаянія, сказала робко:

Дай, я постараюсь его доставить — но обѣщай мнѣ, что ничего не предпримешь безъ моего совѣта и вѣдома.

Хорошо, сказала я, только я не ручаюсь за минуту отчаянія.

Она много и долго говорила еще со мною, стараясь успокоить меня, и потомъ уѣхала, обѣщаясь навѣщать. Я ждала отвѣта; но его не было, будто письмо мое, Мишель, его семья и Василій N** изчезли въ бездонной пропасти. Я была тѣмъ болѣе удивлена, что просила Мишеля въ этомъ послѣднемъ письмѣ избавить меня отъ безпрерывныхъ оскорбленій и постараться пріискать мнѣ какой нибудь уголокъ въ Москвѣ или за Москвой, гдѣ бы я могла укрыться на время, пока Madame Beillant, дѣйствуя въ пользу мою, уговоритъ мачиху мою позволить мнѣ поступить къ мѣсту; я рѣшительно не могла долѣе оставаться съ ними. Такъ прошла недѣля и наступила другая; я была въ безпрерывномъ и напрасномъ ожиданіи: сношенія наши съ Велиными прекратились совершенно, и я не слыхала даже имени Мишеля. Однажды вечеромъ дверь моя отворилась опять точно также, какъ недѣли полторы назадъ, и мачиха моя съ Милькотомъ вошли ко мнѣ.

Вы опять писали письмо къ нему? сказалъ мнѣ Милькотъ съ холодной злобою.

Я была готова на все и отвѣчала просто.

Писала.

Съ кѣмъ, спросилъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва.

Я засмѣялась.

Этого я вамъ не скажу, отвѣчала я.

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, — мы это увидимъ.

Увидите, отвѣчала я спокойно.

Антонина, я хочу, чтобы ты отвѣчала мнѣ, съ кѣмъ и какъ ты писала письмо это, сказала мнѣ мачиха повелительно.

Не скажу, отвѣчала я. Убейте меня, если хотите, а я не скажу — я не способна на подлость.

Убивать не нужно, сказалъ Милькотъ, къ чему такая мелодрама и уголовное дѣло — это совсѣмъ не нужно, а бить должно и можно.

Какъ? сказала я, подходя къ мачихѣ, вы допустите его до этого — не довольно ли и того, что онъ обращался со мною такъ въ дѣтствѣ моемъ; знаете ли, что на это есть законы — если законъ совѣсти и чести ему неизвѣстенъ.

Ваше поведеніе оправдываетъ всякіе поступки съ вами, сказала мнѣ мачиха холодно. Обѣщайте мнѣ, что вы не будете имѣть съ господиномъ Б** никакихъ сношеній и мы будемъ съ вами снисходительнѣе.

Я не могу давать обѣщаній — и не хочу давать ихъ.

Какъ? сказалъ Милькотъ, подходя ко мнѣ, — какъ вы смѣете не хотѣть, я вамъ приказываю.

Въ самомъ дѣлѣ, сказала я иронически, — да какое вы имѣете право на меня — я не дочь ваша. Впрочемъ, извольте — я вамъ дамъ ихъ. Я писала, пишу и буду писать — мало того, я уйду изъ этого дома при первомъ удобномъ случаѣ — предупреждаю васъ. Вотъ мои обѣщанія!

Я была въ томъ безумномъ состояніи, въ томъ напряженіи души, гдѣ не помнятъ, что говорятъ и что дѣлаютъ; я стояла дрожа всѣмъ тѣломъ, чувствовала смертельный холодъ въ жилахъ и нестерпимую физическую боль въ сердцѣ.

Такъ вы смѣетесь надъ нами, сказалъ мнѣ Милькотъ изступленнымъ голосомъ — рука его поднялась и упала на меня.

Такъ вотъ смѣйтесь теперь, — проговорилъ онъ.

Мачиха моя бросилась между нами; но было уже поздо — я закачалась и упала въ кресла — щека моя горѣла, и сама я была въ какомъ то страшномъ со-

стоянiи безумiя, ужаса и гнѣва. Она вывела мужа своего изъ комнаты, въ смятенiи забыла запереть дверь и пошла съ нимъ въ его комнату. Я встала, шатаясь, надѣла на голову шляпку, накинула на шею какой то платокъ и куцавейку и выбѣжала вонъ изъ комнаты. Съ быстротою молнiи сбѣжала я по задней лѣстницѣ, отворила калитку, бросилась на улицу, повернула за уголъ и побѣжала по бульвару. Черезъ четверть часа я звонила у дверей Мишеля Б**. Какой то лакей отперъ мнѣ ихъ.

Дома Михаилъ Аркадьичь? спросила я.

Онъ поглядѣлъ на меня съ удивленнымъ лицомъ и отвѣчалъ медленно:

Дома-съ, какъ прикажете доложить?

Ни какъ — онъ одинъ, или нѣтъ?

Да-съ, одинъ, у нихъ никого нѣтъ — они въ своей комнатѣ, отвѣчалъ онъ.

Такъ вызовите его сюда — или нѣтъ, проводите меня къ нему.

Лакей не зналъ, что дѣлать — я опустила руку въ карманъ и вынула десять рублей изъ кошелька, который всегда носила съ собою, готовая на бѣгство въ первую удобную минуту.

Пожалуйте, сказалъ человѣкъ — вотъ сюда.

Я взошла въ переднюю — дверь изъ нея вела прямо въ комнаты Мишеля — ихъ было двѣ. Я вошла въ первую и увидѣла его въ растворенную дверь: онъ сидѣлъ у стола и писалъ письмо — лицо его было залито слезами — въ ту минуту я все видѣла, но ничего не могла соображать.

Къ вамъ — дама-съ, Михаилъ Аркадьичь, сказалъ лакей, опережая меня — прикажете просить. Онѣ вотъ здѣсь. Я стояла позади человѣка на самомъ порогѣ второй комнаты.

Кто это? спросилъ онъ, не оглядываясь.

Это я, Мишель, сказала я, по Французски.

При неожиданномъ звукѣ моего голоса, онъ вздрогнулъ и быстро пошелъ мнѣ на встрѣчу.

Не пускай ко мнѣ никого, сказалъ онъ лакею, и не говори никому ничего.

Онъ пошелъ за нимъ и, выпустивъ его изъ комнаты, заперъ дверь на ключь.

Никто не видалъ тебя, когда ты взошла ко мнѣ? спросилъ онъ меня тревожно.

Никто, кромѣ этого человѣка, но, кажется, и другой былъ въ передней.

Мой каммердинеръ?

Нѣтъ!

Ну! слава Богу, сказалъ онъ, вздохнувъ свободнѣе. Разскажи мнѣ, что случилось?

То, сказала я, что ты долженъ сей же часъ проводить меня куда нибудь. Въ домѣ Милькота я не могу оставаться — тамъ дошли до того, что меня бьютъ.

Боже мой! сказалъ Мишель, бросаясь передо мной на колѣни, — Боже мой, что они всѣ съ нами дѣлаютъ? что мы имъ сдѣлали? за что такія мученія?

Я взглянула на него холодно. Смутно понимала я, что онъ меня встрѣтилъ не такъ, какъ бы должно было въ эту минуту: я, женщина, не плакала, не жаловалась, а искала исхода, а онъ, мужчина, не умѣлъ найти его, и спрашивалъ причины людскихъ поступковъ и, какъ ребенокъ, пенялъ на ихъ жестокосердіе. Однако холодность моя изчезла скоро при видѣ слезъ его, его отчаянія, его робкихъ ласкъ и непонятнаго для меня смущенія. Когда мы нѣсколько успокоились, какъ можно было успокоиться въ такую трудную минуту, онъ сказалъ мнѣ:

Куда-же мы пойдемъ? Дмитрія нѣтъ; Василій N** живетъ съ семьей — въ гостинницѣ тебя не возьмутъ безъ паспорта или вида.

Развѣ ты не искалъ мнѣ прежде квартиры, спросила я, вѣдь я тебя просила — ты получилъ письмо мое?

Получилъ, а квартиры искать не могъ. Взять дѣвушку у родныхъ — скрыть ее, противъ воли ихъ — это невозможно. Къ тому же, подумай, что̀ бы сказали мои родные — разсуди сама!

Онъ взглянулъ на меня и, испугавшись мрачнаго вида, съ которымъ я его слушала, прибавилъ:

Впрочемъ я сдѣлалъ бы все это, не смотря ни на что, но я думалъ, что ты написала мнѣ въ первую минуту гнѣва, когда они отняли у тебя письма мои, что ты не совсѣмъ еще рѣшилась.

Когда я рѣшаюсь, — такъ это всегда неизмѣнное рѣшеніе, — сказала я; но намъ не время разсуждать, я не могу здѣсь остаться — проводи меня куда нибудь.

Развѣ къ madame Beillant, сказалъ онъ.

Я бы и сама пошла къ ней, еслибъ это было возможно — но она живетъ въ чужомъ домѣ — къ томуже меня у ней тотчасъ отыщутъ.

Онъ задумался.

Не знаю, сказалъ онъ, не могу придумать.

Если въ гостинницѣ заплатить хорошо, меня возьмутъ до завтра, сказала я, а завтра ты придумаешь, гдѣ мнѣ можно укрыться.

У тебя есть деньги? спросилъ онъ.

Десять рублей есть.

Это ничего не значитъ — а у меня только двадцать рублей, сказалъ онъ и, подумавъ, прибавилъ — я пошлю сей часъ къ Васѣ N**; онъ пріѣдетъ, привезетъ денегъ и дастъ намъ совѣтъ — онъ лучше насъ все придумаетъ — а пока мы дождемся его здѣсь.

Онъ написалъ тотчасъ нѣсколько строкъ на лоскуткѣ бумаги, вышелъ въ переднюю и тотчасъ возвратился ко мнѣ, запирая дверь на ключь. Жестокое безпокойство овладѣло имъ — однако, замѣтивъ, что я дрожала всѣмъ тѣломъ, онъ заботливо надѣлъ на меня упавшій съ плечь моихъ платокъ, закуталъ мнѣ ноги своей шинелью и, когда устроилъ меня такимъ образомъ, сѣлъ подлѣ меня и сказалъ мнѣ:

Теперь разскажи мнѣ подробно, если можешь, что съ тобою случилось, моя добрая, бѣдная Ниночка?

Сперва скажи мнѣ, кто выдалъ насъ? спросила я.

Какъ выдалъ? сказалъ онъ съ волненьемъ.

Да; я писала уже тебѣ, что Велины все знаютъ, отказали маменькѣ отъ дома; но этого мало — десять дней назадъ я писала къ тебѣ опять, а ныньче мой вотчимъ знаетъ это — разскажи, объясни мнѣ, что̀ все это значитъ? Ты сказывалъ кому нибудь, что я писала къ тебѣ.

Онъ покраснѣлъ.

Да, сказалъ онъ, я говорилъ это одной моей пріятельницѣ — но...

Кто она? спросила я, прерывая его.

Я за нее ручаюсь!

Кто она? повторила я съ силой.

Онъ молчалъ.

Ты имѣешь отъ меня тайны?

Нѣтъ! нѣтъ! это Катенька Велина.

Катенька, сказала я, — теперь я все понимаю.

Я тебѣ ручаюсь за нее, сказалъ онъ опять.

Я молчала въ свою очередь — страшное подозрѣніе запало мнѣ на умъ; мнѣ казалось, что противъ меня былъ всеобщій заговоръ, что его тетка гоненіемъ, болѣзнію, ласками, Катенька притворной дружбой, семья ея выказаннымъ явно ко мнѣ презрѣніемъ стараются

погасить въ немъ любовь ко мнѣ. Я сидѣла, опустя голову и положивъ ее въ обѣ руки. Онъ нѣсколько разъ старался отвесть ихъ отъ моего искаженнаго различными чувствами лица и, не успѣвая въ этомъ намѣреніи, сталъ говорить сперва тихо, а потомъ съ одушевленіемъ:

Послушай, Антонина, сказалъ онъ, не вини меня — я былъ въ ужасномъ положеніи; тетка моя занемогла съ горя, узнавъ, что я хотѣлъ обвѣнчаться съ тобою тайно; быть причиной болѣзни женщины, замѣнившей мнѣ мать — ужасно! Отецъ упрекалъ меня въ этомъ — онъ часто плакалъ, сидя у постели тетушки, и слезы его падали на сердце мое и прожигали его на сквозь. Когда я входилъ въ комнату больной, она довершала мое мученіе своею ласковой добротой; тетушка все простила мнѣ; но другіе члены семейства смотрѣли на меня, какъ на зачумленнаго; они удалялись отъ меня; ихъ молчаніе, ихъ грустный, унылый видъ были хуже упрековъ. Когда я спрашивалъ: лучше ли тетушкѣ? —мнѣ едва отвѣчали, и всегда такъ, какъ будто дивились, что я, убивъ ее, могъ еще о ней спрашивать и заботиться. Я бы не выдержалъ такого положенія, еслибъ Катенька не явилась въ семьѣ нашей, какъ ангелъ примиритель.—Она вымолила прощеніе мнѣ у отца, она помирила меня съ сестрами, она ходила за больной тетушкой, она извиняла меня въ глазахъ всѣхъ и одна изъ всѣхъ входила въ мое ужасное положеніе, сожалѣла о мнѣ, и даже о тебѣ, хотя чистосердечно признавалась, что она никогда не имѣла къ тебѣ большой симпатіи — но, конечно, она брала участіе въ нашемъ положеніи, и нѣжная дружба ея не разъ утѣшала меня.

О! я знаю, воскликнула я, что она очень умна.

И добра, сказалъ онъ утвердительно,—вы съ дѣтства

жили вмѣстѣ не ладно, и это оставило слѣды въ васъ обѣихъ. Вы не отдаете должной справедливости другъ другу; но еслибъ вы узнали обѣ, чего вы стоите, какое въ обѣихъ васъ прекрасное, доброе сердце, вы примирились бы.

Я взглянула на него, онъ говорилъ просто, хотя и съ жаромъ.

Досказывай, сказала я, — ты ей показывалъ мои письма.

Нѣтъ! не показывалъ, а только говорилъ о нихъ — разсказывалъ ей ихъ содержаніе.

И она насъ выдала.

Нѣтъ, не она, нѣтъ! никогда — она знаетъ, что я не простилъ бы ей такого поступка — она честна, и ко мнѣ очень привязана.

Привязана, повторила я безсмысленно.

Дружбой, сказалъ онъ нерѣшительно и замолчалъ.

Мнѣ говорить было тоже нечего — глаза мои, блуждая безцѣльно, вдругъ упали на бумагу, лежавшую на столѣ. Это было то самое письмо, которое онъ писалъ, когда я вошла въ комнату; совершенно невольно я прочла мое имя вверху страницы и тотчасъ взяла въ руки письмо это. Онъ бросился ко мнѣ и вырвалъ его изъ рукъ моихъ.

Это письмо было ко мнѣ писано? спросила я.

Разумѣется, отвѣчалъ онъ, ты сама это видѣла.

Стало быть я имѣю право прочесть его.

Нечего читать, душа моя, я почти все сказалъ тебѣ — а если что придется еще передать, то приду самъ; вѣдь ты хочешь жить особенно, одна.

Что это Вася не ѣдетъ, прибавилъ онъ помолчавши, ужь пора бы, становится поздно.

Явное его безпокойство не могло отъ меня укрыться,

и я сказала ему, оскорбленная его волненіемъ и страхомъ:

Не безпокойся, если онъ не пріѣдетъ черезъ полчаса, я уйду отсюда.

Да я не позволю тебѣ этого, возразилъ онъ съ жаромъ, за кого же ты принимаешь меня? Все можетъ случиться — мы можемъ разстаться, быть разлучены на вѣкъ; но позволить тебѣ одной идти отсюда, отдать тебя въ руки твоего семейства послѣ твоего побѣга, предать тебя имъ — этого я не могу сдѣлать, этого я не сдѣлаю — только человѣкъ безъ чести и совѣсти былъ бы способенъ на такой поступокъ.

Я вполнѣ вольна располагать собою, сказала я, а ты теряешь на меня всѣ права свои, и всякую минуту все больше и больше....

Почему? перервалъ онъ меня съ волненіемъ и вдругъ умолкъ, будто пораженный внезапной мыслію.

Въ эту самую минуту громкіе удары въ дверь вдругъ раздавшіеся заставили вздрогнуть насъ обоихъ.

Мишель перемѣнился въ лицѣ и страшно поблѣднѣлъ.

Кто тамъ? спросилъ онъ.

Это я, отвѣчалъ твердый голосъ.

Онъ всталъ, какъ потерянный, и пошелъ къ двери.

Тетушка, сказалъ онъ, я не могу отпереть вамъ, я уже раздѣлся и ложусь спать.

При имени его тетки у меня не осталось ни одной капли крови въ жилахъ — вся она прилила къ сердцу и я задыхалась отъ его ускоренныхъ біеній.

Отворите сей часъ, продолжалъ голосъ, я хочу войти; если вы не отопрете сей часъ, я пошлю за отцомъ вашимъ — онъ велитъ выломать дверь, и тогда будетъ хуже — не дѣлайте скандалу. Отворите, я вамъ приказываю.

Я не могу отворить, отвѣчалъ Мишель.

Такъ я сей часъ пошлю за вашимъ отцомъ и за ея мачихой, и увижу тогда, устоитъ ли воля ваша противъ нашихъ правъ, соединенныхъ вмѣстѣ.

Мишель повернулъ ключь — я быстро оглянулась — спрятаться было некуда. Впрочемъ это движенiе было сдѣлано инстинктивно, я знала, что я погибла, и потому осталась въ креслахъ и сидѣла въ нихъ неподвижно.

Такъ меня не обманули? произнесла госпожа Б***, входя въ комнату, принимая трагическую позу и обращаясь къ одному племяннику своему — такъ это правда, такъ вы осмѣлились опозорить мой домъ, не пожалѣли невинныхъ сестеръ вашихъ и принимаете за два шага отъ нихъ любовницу.

Я вскочила съ мѣста.

Сударыня, сказала я.

По крайней мѣрѣ, запретите ей говорить со мною; я знаю, что такiя женщины не знаютъ границъ и что дерзость ихъ превосходитъ всякую мѣру; что оскорбить честную женщину, безукоризненную мать семейства для нихъ наслажденiе и отрада. Надѣюсь однако, что всякое чувство благородства еще не погибло въ васъ, что вы пощадите женщину, воспитавшую васъ — вашу вторую мать, не отдадите ея на поруганiе безстыдной женщинѣ.

Я пошла къ дивану, взяла свою шляпку и поспѣшно надѣла ее.

Антонина, сказалъ Мишель, бросаясь ко мнѣ и заграждая мнѣ дорогу — куда ты? Ты одна, ты не можешь идти ночью одна, пойдемъ со мною, я провожу тебя.

Тетка схватила его за руку.

Такъ вы хотите уморить меня своимъ поведенiемъ, ужь я умирала одинъ разъ — вамъ хочется свести меня

въ могилу — вотъ благодарность за всѣ мои о васъ попеченія — Боже мой! чѣмъ заслужила я это наказаніе, сказала она, скрестивъ руки и подымая глаза къ потолку.

Тетушка, сказалъ Мишель, бросаясь передъ ней на колѣни, маменька, будьте добры — я возвращусь сей часъ; подумайте, куда пойдетъ эта дѣвушка, какъ пойдетъ она одна, ночью....

Какъ пришла, такъ и уйдетъ, отвѣчала она сухо и презрительно.

Я была уже у дверей — Мишель бросился за мною и удержалъ меня силой.

Я оставляю васъ, сказала ему тетка, взглянувъ на него съ неописаннымъ гнѣвомъ — я пришла просить васъ не безчестить домъ мой — вы остались слухи при голосѣ долга и нравственности. Я иду за отцомъ вашимъ, онъ будетъ умѣть выпроводить отсюда женщину, нога которой не должна бы была никогда переступать за порогъ честнаго дома, за семейный порогъ нашъ; женщину, которая безстыдно пришла сюда нарушить миръ и счастіе семейства и наканунѣ самой помолвки преслѣдуетъ любовника.

Я обернулась.

Помолвки, сказала я въ ужасѣ, не вѣря своему слуху.

Нѣтъ еще! нѣтъ еще! Антонина! закричалъ Мишель раздирающимъ душу голосомъ.

Вы отлично играете комедію, сударыня, сказала мнѣ она, презрительно взглянувъ на меня — ужели вы не знаете того, что знаетъ весь городъ; сама госпожа Велина взяла на себя трудъ объявить нынче вашей мачихѣ помолвку дочери своей съ племянникомъ моимъ, слѣдственно вы....

Дальше я не помню, что говорила она — я уже ничего не слыхала; дико смотрѣли глаза мои на обоихъ

ихъ, на торжествующее просіявшее лицо его тетки, на блѣдное искаженное лицо Мишеля; онъ еще держалъ меня за руку, я оттолкнула его отъ себя съ силою, вырвала руку свою и бросилась вонъ изъ комнаты. На порогѣ я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Василіемъ N**.

Проводите меня, куда нибудь, скорѣе! скорѣе!

Боже мой! что съ вами? сказалъ онъ, взявъ меня за руку.

Глухое рыданіе и крѣпко схваченныя кѣмъ-то складки платья моего заставили меня обернуться. — Мишель стоялъ передо мною на колѣнахъ съ поникшею головою, и я едва могла разслышать въ звукахъ, сказанныхъ раздирающимъ голосомъ, что-то похожее на...

Антонина! прости меня.

Я остановилась, выпрямилась, я жалѣла и презирала его въ эту минуту, и, освобождая платье мое, которое онъ судорожно держалъ въ рукахъ своихъ, сказала внятно и твердо:

Будьте счастливы, я прощаю васъ.

И не медля ни минуты, вышла изъ комнаты.

Василій N** посадилъ меня въ свою карету и спросилъ: куда ѣхать? — Куда хотите, мнѣ все равно, отвѣчала я.

Мнѣ сказали послѣ, что когда мы пріѣхали и надо было выходить изъ кареты, Василій N** увидѣлъ, что я была безъ памяти и внесъ меня на рукахъ въ мою комнату.

Когда я пришла въ себя, я увидѣла добрую madame Beillant, сидѣвшую подлѣ моей постели; открывъ слабые глаза, я понемногу стала осматривать комнату, будто желая припомнить что-то, но не могла вынести этого напряженія и снова закрыла глаза. Я чувствовала большую усталость, боль во всѣхъ чле-

нахъ и не имѣла силъ ни приподняться, ни даже перемѣнить положенія. Черезъ нѣсколько времени, я опять открыла глаза и взглянула; столъ былъ придвинутъ къ кровати и весь уставленъ лекарствами; вообще вся моя комната измѣнила общій видъ свой и въ ней царствовалъ странный безпорядокъ; книги мои, портреты и ноты были сложены въ одну груду, вездѣ лежало бѣлье, стояли тарелки съ горчицей и разныя другія принадлежности комнаты больнаго: — madame Beillant сидѣла молча съ работой въ рукахъ; по временамъ, она взглядывала на меня и опять принималась за работу. Я чувствовала большую ломоту въ головѣ и потому, поднявъ руку, взяла себя за темя и ощупала что-то холодное; madame Beillant встала и поправила мнѣ эту холодную на головѣ тяжесть. Я слабымъ голосомъ назвала ее по имени; она только взглянула на меня, но не отвѣчала мнѣ и продолжала сидѣть неподвижно.

Я опять позвала ее — она встала.

Что такое было со мной? спросила я ее.

Ничего особеннаго, ты занемогла, а вотъ, слава Богу, тебѣ лучше теперь, сказала она мнѣ съ радостію.

У меня болитъ голова — очень болитъ и ломитъ.

Потерпи душа моя, скоро пріѣдетъ докторъ.

Я была очень слаба и потому закрыла опять глаза и лежала безъ мысли, въ полудремотѣ, отдыхая; скоро другой голосъ вывелъ меня изъ забытья.

Ну что? какъ она? говорилъ онъ.

Лучше; сей-часъ она говорила со мной спокойно и совершенно опомнившись, жаловалась на головную боль.

Да, докторъ, сказала я, у меня ломитъ голова.

Снимите ледъ, онъ теперь не нуженъ, сказалъ докторъ — теперь все хорошо, пульсъ слабый и спокойный.

Такъ я давно больна, спросила я.

Не говорите много, не говорите ничего, сказалъ опять докторъ.

Онъ прописалъ какія-то лекарства и уѣхалъ, прося оставить меня въ покоѣ. Я заснула и, проснувшись, чувствовала себя свѣжѣе и лучше.

Какъ давно больна я? спросила я у madame Beillant.

Уже три недѣли, милая моя.

Я задумалась; мнѣ хотѣлось припомнить, что̀ такое случилось со мною — я проводила рукою по лбу и не могла однакожь ни въ чемъ дать себѣ отчета. Я не могу ни съ чѣмъ сравнить тогдашняго моего состоянія, какъ съ стараніемъ человѣка, который, проснувшись, пытается вспомнить совершенно изглаженный изъ памяти сонъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней слабость моя была такъ велика, что всѣ мои напряженныя усилія, чтобы угадать прошедшее, оканчивались усыпленіемъ. Когда мнѣ сдѣлалось лучше, когда я могла уже думать, мои воспоминанія воскресли очень нечаянно, и вдругъ освѣтили яркимъ свѣтомъ мое забвеніе всего; однажды дѣвушка наша вошла въ комнату и, разбирая бѣлье въ комодѣ, вынула оттуда мои вещи, мой платокъ и шляпку. При видѣ ихъ я вскрикнула, схватила себя за голову и сѣла на постель.

Антонина! Антонина! вскрикнула невольно madame Beillant, что съ тобою, душа моя?

Онъ женится! спросила я, — да женится! это былъ не сонъ, онъ женится!

Успокойся, милая — не думай ни о чемъ.

Благодѣтельна физическая болѣзнь, друзья мои, благодѣтельна физическая слабость для разбитаго сердца —она заглушаетъ моральное страданіе, отнимая у человѣка силы его; онъ не имѣетъ ихъ даже и для внутренняго мученія. Послѣ этого новаго потрясенія, ко-

тораго я не выдержала, мнѣ сдѣлалась дурно, а потомъ я впала въ совершенное изнуреніе, слабость вновь овладѣла мною, и я проводила дни въ безпрерывномъ усыпленіи. Медленно выздоравливала я; когда могла уже встать съ постели, то узнала, что у меня было воспаленіе въ мозгу, и что двѣ недѣли я была между жизнью и смертью—и вотъ, по волѣ случая, опять возвращалась я къ бытію, и не вдругъ могла начать жить. Madame Beillant разсказала мнѣ, что мачиха моя была очень поражена моей болѣзнію, даже плакала, и не одинъ разъ пыталась ходить за мной; но я не допускала ея къ себѣ и въ безпамятствѣ, узнавая ее, приходила въ такое волненіе, что докторъ запретилъ ей быть со мною; это еще больше тронуло и опечалило ее.

Ужели ты не хочешь видѣть ее, спросила меня madame Beillant — болѣзнь твоя очень огорчила ее, ты должна помириться съ ней.

Если она желаетъ видѣть меня, я готова, и прошу ее придти, сказала я, тяжело вздыхая.

Я не стану вамъ разсказывать подробно ни моего перваго свиданія съ мачихою, въ которомъ мы молча подали другъ другу руку и не сказали ни одного слова, относившагося къ прошедшему, ни моихъ первыхъ размышленій, сдѣланныхъ послѣдовательно; я сожалѣла только о томъ, что не умерла, и уже не принимала никакого участья ни въ чемъ. Madame Beillant пріѣзжала всякій день, разговаривала со мною, избѣгая впрочемъ всего, что могло воскресить во мнѣ тягостное чувство прошедшаго, читала мнѣ книги и, когда я могла ходить, пріѣзжала за мной въ каретѣ и вывозила меня прогуляться. Было уже начало апрѣля — солнце свѣтило ярко, ручьи шумно бѣжали по улицамъ, и возбудительный воздухъ весны живительно проникалъ въ грудь. Никогда не забуду я тягостнаго впечатлѣнія, которое

испытала я въ первый день выѣзда, когда лучи солнца, играя, вдругъ проникли въ открытое окно кареты, сверкнули въ глаза мои и озарили всѣ предметы яркимъ сіяніемъ. Они играли на кровляхъ и блестѣли на крестахъ и позолоченныхъ главахъ церквей, они же свѣтились на грудахъ снѣгу, сложенныхъ по обѣимъ сторонамъ улицы, и на склизкихъ камняхъ и на стѣнахъ домовъ. Экипажи гремѣли мимо насъ, по обнаженной мостовой, коляски мчались съ разряженными и улыбающимися женщинами, пѣшеходы спѣшили весело впередъ; этотъ праздничный видъ, который наступившая весна придаетъ преимущественно городу, шумно населяя его прежде пустынныя улицы, поразилъ меня. Живо сознала я, что существовать хорошо, весело, радостно, но только не мнѣ, и эта живая картина чужой жизни, подъ яснымъ сіяніемъ солнца, при возрожденіи природы, заставила меня заглянуть въ себя и ужаснуться пустотѣ, молчанію, смертному холоду сердца. Солнце особенно мнѣ было видѣть больно и тяжело — оно какъ то радостно освѣщало мою изнуренную фигуру, заглядывало весело въ потухшіе глаза мои, и они наливались, при его появленіи, незваной слезою. Я тихо спустила стору и просила ѣхать домой.

Когда я вышла изъ кареты и тяжело взошла къ себѣ, усталая и измученная, обильныя, но безсознательныя слезы облегчили мое сжатое сердце. Я никого не жалѣла, ни о чемъ не плакала — но мнѣ было больно, тяжело и хотѣлось мнѣ умереть.

На другой день, я сказала Madame Beillant:

Послушайте, у меня есть къ вамъ просьба.

Что тебѣ угодно?

Нельзя ли узнать, гдѣ Дмитрій З**, должно быть онъ воротился изъ Петербурга.

Онъ въ Москвѣ — приходилъ часто узнавать о тебѣ во все время твоей болѣзни.

Я хочу видѣть его.

Это очень легко; но только не теперь— тебѣ вредны потрясенія.

Ихъ не можетъ быть, сказала я — теперь нѣтъ для меня ни горя, ни потрясеній.

Ну, хорошо, я привезу его къ тебѣ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Дмитрій пріѣхалъ ко мнѣ, и странно было наше свиданіе. Онъ былъ пораженъ моимъ измѣнившимся лицомъ, хотѣлъ сказать что-то, и голосъ измѣнилъ ему — онъ молча поцѣловалъ мою руку; а я, напротивъ, была, или казалась, совершенно спокойна и разговаривала съ нимъ такъ безстрастно, что сама себѣ удивилась. Я просила его разсказать мнѣ все, что онъ знаетъ — сперва онъ не хотѣлъ этого, а потомъ, видя мою настойчивость, исполнилъ мое желаніе; хотя онъ и щадилъ мое прошлое чувство къ Мишелю и не желалъ болѣзненно потрясать его, но я замѣтила изъ его словъ, что онъ, жалѣя друга своего, совершенно презиралъ его характеръ и слабость, доведшіе его до согласія на бракъ съ женщиной, которой онъ не любилъ. Дмитрій мало зналъ Катеньку Велину и потому не судилъ ее — но все же ея поведеніе не казалось ему совсѣмъ чисто, хотя Мишель обвинялъ въ открытіи нашей переписки Василія N** и еще больше сестру его; напротивъ того и я и Дмитрій мы были увѣрены въ противномъ и знали, что были обязаны нашими бѣдствіями Катѣ и матери ея, которыя такъ искусно умѣли сблизиться съ семействомъ Мишеля Б**, сообща сдѣлались посредницами въ ихъ семейныхъ смутахъ, повели всѣ дѣла и достигли искусно желаемой цѣли. Согласіе Мишеля на его бракъ съ Катей въ самый день моего безумнаго

къ нему вторженія, было вынуждено, но не дано еще совершенно — такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ онъ Дмитрія. Какъ бы то ни было, его свадьба была отпразднована въ первое воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ; Дмитрій сказалъ мнѣ, что Мишель былъ мраченъ и вообще носилъ на себѣ печать крайняго унынія, что Катя угождала ему и семьѣ его, и что онъ былъ съ ней дружески ласковъ — и только.

Странная судьба моя, сказала я; кажется, я бы могла еще порадоваться его счастію съ нею — но не вижу этого счастія и лишена этого утѣшенія. Я знаю Катю съ дѣтства — она властолюбива, а онъ слабъ; она завладѣетъ имъ — а тогда что будетъ?

Онъ перейдетъ изъ рукъ тетки въ руки жены — онъ рожденъ на то, чтобы жить въ вѣчной опекѣ, сказалъ Дмитрій.

Онъ будетъ несчастливъ, сказала я.

Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.

Ужасно! это ужасно! сказала я, заплакавъ.

А чтоже тутъ ужаснаго, возразилъ онъ, пусть испытаетъ, что̀ такое страданіе — я буду очень доволенъ, и если кого пожалѣю — такъ вѣрно не его.

Дмитрій! Дмитрій! сказала я.

Простите меня, моя милая Антонина, но я не могу уже любить его — я зналъ всегда, что онъ слабъ; но считалъ его неспособнымъ дойти до такого дѣтскаго безсилія — я не уважаю такихъ людей.

Замолчите, сказала я — мнѣ больно, не будемъ никогда говорить объ этомъ — все это умерло и схоронено и во мнѣ и въ васъ — не такъ ли?

Да, сказалъ онъ, только мы останемся дружны, не правда-ли?

Я подала ему руку въ знакъ согласія; мы оба замолчали.

Еще вопросъ, сказала я, — послѣдній: когда я была больна, онъ присылалъ узнавать обо мнѣ?

Сюда — нѣтъ, а присылалъ ко мнѣ; иначе онъ дѣлать не могъ — то есть не смѣлъ.

Я грустно улыбнулась; скоро послѣ того, Дмитрій уѣхалъ: мы разстались дружески.

Когда я выздоровѣла совершенно, я просила madame Beillant непремѣнно сыскать мнѣ мѣсто, переговорить о томъ съ мачихою моей, заставляя ее понять, что я не соглашаюсь жить въ одномъ домѣ съ Милькотомъ и прошу позволить мнѣ оставить ихъ. Мачиха согласилась на все, чего я желала; но просила меня черезъ madame Beillant помириться съ Милькотомъ; я не могла и не хотѣла слышать о немъ, и не смотря на просьбы всѣхъ, выѣхала изъ дому, не видавъ его. Я поступила въ домъ къ баронессѣ Минской, гдѣ исполняла свою должность совершенно механически. Двѣ дѣвочки были моими воспитанницами; мать ихъ присутствовала при моихъ урокахъ, но потомъ, совершенно увѣрившись во мнѣ, или исполнивъ форму эту, прекратила свои посѣщенія въ нашу класную и предоставила мнѣ дѣтей своихъ совершенно. Баронесса была женщина сухая, свѣтская, гордая, примѣрная мать и жена, какъ говорили ея знакомые. При моемъ вступленіи въ домъ ея, она объяснила мнѣ мои обязанности и свои требованія; изъ ея словъ я заключила, что строгое исполненіе приличій было главной обязанностью въ домѣ. Такъ какъ здоровье мое было очень плохо, то я выговорила себѣ нѣсколько часовъ въ день и отдыхала въ это время отъ уроковъ; вообще я безпрестанно уставала отъ всего и впала въ крайнюю апатію, убившую во мнѣ всякія моральныя потребности. Я вставала въ опредѣленный часъ, давала уроки, одѣвалась къ обѣду

и тотчасъ, по окончаніи его, уходила въ свою комнату и сидѣла у себя, не занимаясь ничѣмъ. Вечеромъ сбирались пить чай въ гостиной — вся семья усаживалась чинно вокругъ стола и расходилась послѣ часу незначущей бесѣды; баронъ уѣзжалъ въ клубъ, а баронесса въ гости, я же уходила на верхъ съ дѣтьми; они готовили уроки, а въ 9 часовъ провожала я ихъ въ ихъ спальню, смежную съ моей, присутствовала при ихъ вечерней молитвѣ и, когда они ложились спать, я была свободна, и проводила вечера, большею частію, одна, почти ничего не дѣлая, въ какомъ-то безсмысленномъ спокойствіи. Иногда мнѣ было крайне тяжело — будто свинецъ тяготѣлъ на груди моей — мнѣ хотѣлось плакать — я желала слезъ — но не могла вызвать ихъ изъ глубины души, будто онѣ застывали въ груди моей, будто источникъ ихъ изсякъ въ томъ смертельномъ холодѣ, который оковалъ всю меня; иногда я припоминала себѣ все прошлое; жалѣла самое себя — оплакивала свою жалкую участь; но безплодны были эти попытки сознанія — безчувственность и окаменѣніе овладѣли мною. Іюль мѣсяцъ наступилъ — мы переѣхали на дачу; теплый лѣтній воздухъ, зелень, поля и прогулки нѣсколько оживили меня — я стала здоровѣе, но все не находила еще потерянной жизни — все было убито — я существовала машинально и, вѣроятно, потому только, что не имѣла силы думать ни о чемъ, даже и о томъ, не лучше ли было мнѣ окончить эту безотрадную жизнь. Привычки дома я приняла равнодушно; сухое обращеніе баронессы я едва замѣчала, и если ей случалось дѣлать мнѣ ласково и важно какія нибудь замѣчанія, я выслушивала ихъ и тотчасъ съ точностію исполняла все, безъ всякаго размышленія или принужденія. Мнѣ было все равно, гдѣ и какъ ни существовать; равнодушіе ко всему и всѣмъ

развилось во мнѣ до крайней степени. Madame Beillant навѣщала меня каждое Воскресенье и распрашивала съ участіемъ: хорошо ли мнѣ и довольна ли я? Я отвѣчала утвердительно — дѣйствительно, все было для меня равно хорошо, или равно худо — я утратила всѣ мои прежніе вкусы и не имѣла вовсе желаній; я любила музыку и много всегда занималась ею — а теперь никогда не открывала фортепіанъ и, давая уроки двумъ воспитанницамъ, никогда сама не играла; сперва я любила наряжаться, а теперь носила тѣ платья, которыя моя горничная подавала мнѣ — я ничего не читала; такъ прошло лѣто и, когда наступила осень, мы воротились въ Москву. Я мало думала о Мишелѣ и въ мысляхъ своихъ избѣгала произносить имя его; мнѣ казалось, что я совсѣмъ не люблю его — и даже, будто я забыла, что когда-то знала и любила его. Скоро однако, я должна была сознаться, что это былъ одинъ обманъ измученнаго сердца, и поняла, что оно сохранило еще какое-то непонятное къ нему чувство, если не любви, то остатковъ участія и привязанности. Зима приходила къ концу—и протекла для меня не замѣтно, и однообразно, и тяжело, въ той безбрежной пустынѣ, гдѣ жила я, отдавши самое себя на произволъ другихъ и отступившись, такъ сказать, отъ себя. Одно обстоятельство, нечаянно, опять взволновало меня; вотъ какъ случилось это: баронъ имѣлъ привычку разсказывать женѣ, во время чая и обѣда, всѣ новости, слышанныя имъ наканунѣ въ клубѣ. Однажды за чаемъ, при которомъ я присутствовала по обыкновенію, какъ автоматъ, я была пробуждена внезапно изъ моего глубокаго усыпленія именемъ Мишеля Б**, произнесеннымъ грубымъ басомъ барона, и, вздрогнувъ, стала вслушиваться въ разговоръ его съ женою.

Неужели? говорила баронесса, — бѣдная жена!

Да она не знаетъ этого, и тетка его тоже.

Чего же онѣ смотрятъ — если онъ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, то онѣ должны бы были знать, гдѣ онъ?

Баронъ засмѣялся.

Вотъ хорошо! сказалъ онъ, да ты почему узнала бы, гдѣ я? Если я захочу разоряться на актрисъ, какъ ты остановишь меня?

Это совсѣмъ другое дѣло, возразила баронесса, ты человѣкъ въ лѣтахъ, а Мишель Б** мальчикъ.

Ну, я тебѣ ручаюсь, что кутитъ онъ, какъ взрослый, пьетъ по цѣлымъ ночамъ на пролетъ, вчера подарилъ m-lle Henriette брошку въ четыре тысячи рублей и держитъ за нее половину, когда она играетъ въ банкъ — а ты знаешь, или слыхала вѣрно, какой она страшный игрокъ. Не надолго хватитъ его состоянія, если она возьмется за Мишеля и останется его любовницей еще нѣсколько времени.

Шш... сказала вдругъ баронесса, показывая на дѣтей — сколько разъ просила я тебя говорить осторожнѣе — какія выраженія ты употребляешь!

И, душенька, полно, нельзя же всегда уберечься — тоска смертельная!

М-lle Штейнъ, сказала баронесса, обращаясь ко мнѣ — дѣтямъ пора идти на верхъ.

Я встала и увела ихъ — скоро они легли спать; я ушла къ себѣ, и поразительный переворотъ совершился во мнѣ — это имя, это извѣстіе произвели во мнѣ давно забытое мучительное волненіе — я залилась слезами и, положивъ голову въ руки, долго сидѣла, оплакивая его жалкую участь. Да, мнѣ было жаль его; чувство это сильно проснулось во мнѣ и, безъ примѣси другаго чувства, наполнило душу. Мишель, нѣжный, робкій, тихій, пьетъ по цѣлымъ ночамъ, мечетъ банкъ съ актрисами и проводитъ ночи въ оргіяхъ — стало быть онъ

страшно несчастливъ! Эта горькая увѣренность вдругъ заставила меня простить ему все прошлое; состраданіе и дружба втѣснились въ сердце мое. На другой день, я послала за Дмитріемъ З**; онъ тотчасъ пріѣхалъ; съ тѣхъ поръ, какъ я жила у баронессы, я видала его рѣдко и никогда не произносила въ разговорахъ своихъ съ нимъ имени Мишеля; самъ онъ тоже не говорилъ о немъ. Теперь принявъ его, я спросила его, лишь только онъ взошелъ въ комнату:

Что дѣлаетъ Мишель Б**?

Погибаетъ, отвѣчалъ онъ мнѣ холодно.

Боже мой! сказала я, ужели нельзя спасти его?

Не знаю, сказалъ онъ — да впрочемъ стоитъ ли онъ труда этого, стоитъ ли онъ сожалѣнія. Я удивляюсь вамъ — что вамъ за дѣло до него? — оставьте все это и забудьте.

Да я и позабыла о немъ, когда воображала, что онъ счастливъ и доволенъ; но знать, что онъ страдаетъ — да, онъ отъ одной муки могъ броситься въ такую жизнь...

Кто знаетъ — отъ позднихъ ли сожалѣній, или отъ укоровъ совѣсти — вашъ ли образъ его преслѣдуетъ...

Какъ отъ меня, сказала я — я могу быть причиною новыхъ его бѣдствій? — не говорите мнѣ этого — Боже мой! этого еще не доставало — передъ такими сомнѣніями я безъ силъ — безъ воли!...

Я залилась слезами.

Послушайте, сказала я, вы меня любите, поѣзжайте къ нему...

Я пересталъ съ нимъ видѣться, отвѣчалъ онъ спокойно.

Зачѣмъ? отчего? Онъ такъ любилъ васъ.

Я уже не люблю его.

Молчите! молчите! сказала я съ силой — и если вы любите меня хоть нѣсколько, поѣзжайте къ нему, скажите ему, что я совершенно довольна судьбой моей, прошу его не печалиться, не заботиться обо мнѣ, а главное, прошу его именемъ нашей прошлой любви перемѣнить жизнь — она убьетъ его доброе имя, его здоровье, его сердце. Вы не хотите? прибавила я — въ такомъ случаѣ я напишу ему письмо — а мнѣ это будетъ страшно тяжело — избавьте меня отъ этого мученія.

Дмитрій обѣщалъ мнѣ поѣхать къ нему и передать ему слова мои; въ слѣдующіе за симъ дни волненіе овладѣло мною; желаніе узнать, что онъ дѣлаетъ, было такъ сильно, что я нашла свою прежнюю энергію и, желая доказать Мишелю, что я не жалѣю о немъ и уже не страдаю, я стала вмѣстѣ съ madame Beillant посѣщать всѣхъ ея знакомыхъ, и была звана на многія вечеринки французской колоніи. Madame Beillant была знакома со многими негоціантами и, пользуясь моимъ минутнымъ желаніемъ, поспѣшила представить меня во многіе знакомые ей дома. Пять мѣсяцовъ я ничего не слыхала о Мишелѣ — онъ изчезъ съ свѣтскаго горизонта; Дмитрій передалъ мнѣ, что виною этой перемѣны его поведенія была просьба моя, возвратившая его въ семейную жизнь; узнавъ, что я была спокойна и много выѣзжала, онъ нѣсколько примирился съ прошлымъ, и если еще страдалъ отъ нашего разрыва, то уже въ отношеніи къ себѣ самому, а не ко мнѣ, увѣрясь, что я забыла его совершенно и уже не любила его больше.

Согласившись разъ выѣзжать съ madame Beillant, я не могла уже отказаться посѣщать съ ней по праздникамъ нашихъ общихъ знакомыхъ, и, находя разсѣяніе въ обществѣ, не хотѣла лишить себя грустнаго

облегченія позабывать нѣсколько печаль мою. Мало по малу я начала выходить изъ того прозябенія, въ которомъ коснѣла больше году, послѣ удара, поразившаго меня такъ неожиданно и сильно; я пробудилась отъ нравственной смерти — я была молода, и молодость моя сказалась — она взяла свое и продолжала свое назначеніе, воскрешая меня мало по малу;— истерзанное, измученное сердце мое освѣжила она одна своей живительною силою, залѣчила его раны, и если глухая боль врывалась въ него порою — все же я оживала и уже выносила ее. Мы часто ѣздили къ женѣ одного французскаго банкира, съ семьей котораго madame Beillant была очень дружна; я познакомилась съ ними короче и находила большое удовольствіе въ ихъ пріятномъ, маленькомъ кружкѣ, составленномъ изъ людей образованныхъ и видѣвшихъ много — всѣ они были, большею частію, иностранцы. Однажды мнѣ представили у нихъ недавно пріѣхавшаго итальянца, г-на Бертини, молодаго человѣка лѣтъ тридцати пяти, смуглаго, похожаго на креола; физіономія его поразила меня — она была очень замѣчательна и крайне выразительна. Онъ былъ богатый флорентинскій негоціантъ, пріѣхавшій основывать торговый домъ въ Москвѣ; Бертини хотѣлъ поселиться на нѣкоторое время въ Россіи, чтобы слѣдить за теченіемъ дѣлъ. Онъ былъ очень уменъ и образованъ — первыя слова его со мною уже сблизили насъ; оказалось, что онъ зналъ всѣхъ родныхъ отца моего и былъ очень друженъ съ его меньшимъ братомъ. Однако я не обращала на него особеннаго вниманія; кромѣ простаго изъявленія дружбы, и то потому только, что онъ былъ въ тѣсной связи съ моимъ дядей, между нами ничего не было. Часто разговаривала я съ нимъ о моихъ родственникахъ; онъ передалъ мнѣ много подробностей о всей семьѣ Штейновъ, жившей въ Майнцѣ; въ такихъ рѣ-

чахъ проходили вечера наши; протекли три мѣсяца съ перваго нашего знакомства — лѣто наступало. Баронесса была не такъ здорова, и докторъ ея совѣтовалъ ей пить воды на московскихъ минеральныхъ водахъ — мнѣ предписали тоже самое, и она предложила мнѣ ѣздить всякое утро съ нею; съ первыхъ чиселъ іюня мы начали наше леченіе и каждое утро въ 8 часовъ отправлялись на Остоженку. Узнавъ, что я лечусь, Бертини пріѣзжалъ всякій день утромъ на воды, увѣрялъ меня, что онъ тоже лечится, и пока баронесса гуляла съ знакомыми, онъ проводилъ все время со мною и не оставлялъ меня ни на минуту. Онъ много видѣлъ, много путешествовалъ и умѣлъ краснорѣчиво передавать свои впечатлѣнія; мое знакомство съ нимъ, при помощи ежедневныхъ свиданій и прогулокъ, превратилось въ близость и дружескую связь. Его общество приносило мнѣ пользу — оно развлекало меня; мы говорили обо всемъ, а больше всего о странахъ юга, куда давно стремилось мое воображеніе; обаятельную прелесть природы, очарованіе иной жизни и наслажденіе, доставляемое произведеніями искусствъ, Бертини описывалъ мнѣ яркими красками. Онъ былъ простъ въ обращеніи, но пылокъ, даже въ разсказахъ своихъ. Къ концу лѣта, я не знаю, какъ случилось это, но онъ влюбился въ меня, влюбился страстно; лишь только я замѣтила это, то все удовольствіе, которое я находила въ его обществѣ, изчезло — я стала избѣгать его; онъ былъ такъ пораженъ этой перемѣной моего обращенія съ нимъ, что сдѣлался мраченъ, и однако неумолимо меня преслѣдовалъ, быстро переходя отъ чрезмѣрной нѣжности и угожденій къ жесткимъ, а иногда и дерзкимъ выходкамъ, въ которыхъ тотчасъ раскаявался и просилъ прощенія. Однажды, онъ подалъ мнѣ руку, прося меня прогуляться въ саду; я хотѣла отказать, но взглянувъ

на лицо его, не смѣла сказать ни слова, молча подала ему руку и мы отправились.

Завтра вы перестаете пить воды, спросилъ онъ меня.

Да, сказала я, нашъ курсъ леченія кончился.

Это, кажется, приговоръ мой — я не буду уже имѣть случая видѣть васъ.

О нѣтъ! по воскресеньямъ я буду ѣздить къ madame T**.

Разъ въ недѣлю, сказалъ онъ, какъ много!

Что же дѣлать? отвѣчала я машинально, думая о другомъ.

Mademoiselle Штейнъ, сказалъ онъ вдругъ задрожавшимъ голосомъ — я люблю васъ, вы это знаете — да, знаете потому, что стали избѣгать меня, будто боитесь меня, боитесь любви моей. Вы меня не любите?

О нѣтъ! сказала я, я васъ люблю очень искренно, но только дружбой.

Мнѣ мало этого, сказалъ онъ и продолжалъ съ жаромъ и увлеченіемъ италіанца: нѣтъ! нѣтъ! вы должны полюбить меня — возможно ли, чтобы страсть моя не нашла доступа въ это дѣтское сердце — не растопила, не зажгла его — это невозможно! Выслушайте меня — я еще никогда никого не любилъ такъ, какъ васъ люблю — позвольте мнѣ только любить васъ, и я увѣренъ, что тотъ огонь, который сжигаетъ мое сердце, перейдетъ и въ ваше.

Я не могу любить, сказала я грустно.

Онъ посмотрѣлъ на меня, поблѣднѣлъ и сказалъ тревожно:

Возможно ли? вы любите другаго.

Любила, и не люблю уже, отвѣчала я, сердце мое умерло для любви.

Не вѣрьте! не вѣрьте этому — это обманъ — въ ваши лѣта сердце не могло еще остыть и навсегда отказаться

отъ перваго блага жизни! А я вѣрю, что оно воскреснетъ, — моя страсть раздуетъ искру, и когда вы поймете, какъ я пламенно люблю васъ, вы раздѣлите чувство мое.

Я молчала.

Я буду надѣяться, сказалъ онъ еще; рука его дрожала, глаза горѣли и, взглянувъ на него, я невольно испугалась страсти, съ которой онъ глядѣлъ на меня.

Послѣ, сказала я робко, я больна еще — вы меня удивили, я смутилась и не могу отвѣчать вамъ теперь.

Мы воротились на галлерею — баронесса ждала меня, и мы тотчасъ уѣхали. На другой день поутру, madame Beillant пріѣхала ко мнѣ.

Я къ тебѣ съ порученіемъ, сказала она, Бертини сватается и проситъ рѣшительнаго отвѣта.

Я не могу идти за-мужъ, отвѣчала я.

Однако онъ сказалъ мнѣ, что ты не отказала ему рѣшительно.

Мнѣ было жаль его — онъ былъ такъ разстроенъ.

Послушай, Антонина, не губи жизнь свою — ты будешь раскаяваться. Подумай, у тебя нѣтъ никого, ни родныхъ, ни друзей, ни состоянія.

Ну, чтоже? состояніе — моя должность — да и друзья есть — развѣ вы меня не любите?

Зависимое положеніе очень тяжело, душа моя, а чѣмъ старше ты будешь становиться, тѣмъ оно будетъ для тебя тяжеле. Жизнь твоя была убита въ первомъ цвѣтѣ — ужели ты не хочешь позволить ей обновиться? Бертини любитъ тебя съ той безумной любовію, которая встрѣчается рѣдко—повѣрь мнѣ, что счастіе быть любимой не послѣднее, едва ли не лучшее счастіе въ супружеской жизни. Онъ богатъ, будетъ лелѣять тебя, угождать тебѣ, ты будешь его любить — дружбой; у тебя бу-

детъ семья — дѣти — ужели все это ты хочешь отвергнуть, хочешь отказаться отъ всѣхъ благъ этихъ — изъ чего? почему?

Я не знала, что отвѣчать, но не могла согласиться, и молчала.

Подумай, не отказывай ему — еслибъ ты знала, какъ онъ любитъ тебя — если бы ты видѣла его нынче, ты пожалѣла бы его.

Да я не люблю его, и не могу любить любовью никого, сказала я.

Ну, что же? позволь ему любить себя — и ты полюбишь его въ послѣдствіи, изъ благодарности, — я въ этомъ увѣрена. Онъ человѣкъ умный, честный, богатый; да знаешь ли ты, что всѣ матери ловили его для дочерей своихъ, что ни одна дочь банкира, какъ бы богата ни была она, не отказала бы ему.

Что мнѣ за дѣло? сказала я печально.

Madame Beillant видя, что тщеславіе молчитъ во мнѣ, много и долго говорила о счастіи семейной, тихой жизни; я никогда не знала ея и невольно прельстилась этой картиной; однако же не дала своего согласія, и madame Beillant уѣхала отъ меня безъ всякаго рѣшительнаго отвѣта. Въ воскресенье я нашла Бертини у madame T***. Увидя меня, онъ перемѣнился въ лицѣ, и когда я уѣзжала, онъ просилъ меня позволить ему пріѣхать ко мнѣ. Я колебалась.

Это будетъ наше послѣднее свиданіе, сказалъ онъ отрывисто.

Я согласилась.

На другой день онъ явился ко мнѣ; лицо его носило на себѣ всѣ признаки ужасной душевной тревоги.

Рѣшите участь мою, сказалъ онъ мнѣ, блѣднѣя.

Я хотѣла говорить, онъ схватилъ меня за руку.

Молчите! сказалъ онъ, молчите! выслушайте меня

прежде — и узнайте, что вы для меня. Я люблю, я обожаю васъ; все привлекаетъ меня къ вамъ неодолимо. Ваша блѣдность, ваши бѣлокурые волосы, ваши черные глаза, напоминающіе мою далекую родину и чудныхъ ея женщинъ — но вы прекраснѣе ихъ — ваша физіономія, полная задумчивой прелести, ваша фигура, воздушная, какъ феи сказокъ придаютъ вамъ особенное очарованіе, — я обожаю васъ — ваша воля будетъ моимъ закономъ — я уѣду, увезу васъ отсюда, брошу все, чтобы развеселить и успокоить васъ. Вы любите природу — я повезу васъ туда, гдѣ она раскинулась во всей своей роскоши, вы любите искусства — я вамъ доставлю всѣ ихъ наслажденія — деньги мнѣ сдѣлаются дороги потому только, что онѣ удовлетворятъ ваши желанія, прихоти, вкусы! а самъ я буду у ногъ вашихъ — вся жизнь моя будетъ вѣчное угожденіе вамъ — не отвергайте же меня, не отвергайте любви моей — моей пламенной любви.

Онъ бросился ко мнѣ, схватилъ руку мою и жарко и страстно прильнулъ къ ней.

Я заплакала.

Я цѣню любовь вашу, сказала я, вѣрю ей, и отъ полноты сердца благодарю васъ — но чѣмъ же могу я заплатить вамъ за нее — вы не знаете, кому вы отдаете такъ безгранично сердце ваше, любовь вашу, — они стоятъ бо̀льшаго воздаянія — я не стою ихъ.

Что это значитъ? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я вамъ говорила уже, что я любила, и въ этой любви схоронила я сердце мое.

Но это было и прошло — вы — вы уже не любите.

Не люблю, сказала я.

Такъ зачѣмъ же и говорить о томъ, что не существуетъ — умоляю васъ! не мучьте меня, — не мучьте меня повѣстію того, что могло быть моимъ и чего я

не имѣю — я пришелъ поздно и проклинаю себя за свое позднее появленіе — но какъ могъ я знать — предвидѣть, что въ этой холодной, далекой Россіи, найду я эту мечту всей жизни моей!

Онъ глядѣлъ на меня, пожирая меня глазами; замѣтивъ взоръ его, я опустила голову и молчала, подавленная различными чувствами.

Что же сказать вамъ, друзья мои — я устояла и въ этотъ разъ и не дала своего согласія — но онъ преслѣдовалъ меня своею любовью, мольбами, угожденіями. Малѣйшее мое желаніе было угадано, вкусы мои онъ изучилъ и по возможности старался удовлетворить имъ. Однажды, пріѣхавъ домой, я нашла всю свою комнату, магически убранною цвѣтами, въ мое отсутствіе; въ новый годъ онъ снова прислалъ мнѣ цвѣты и конфекты — я была его единственной заботой, и наконецъ его послѣднее вниманіе тронуло меня больше всѣхъ словъ его и всѣхъ его любезностей. Я знала одну бѣдную семью, которая едва могла существовать, и помогала ей по возможности. Однажды я зашла къ этимъ бѣднымъ людямъ и была удивлена довольствомъ, въ которомъ они жили; комната была снабжена всѣмъ необходимо нужнымъ въ хозяйствѣ, — мужъ былъ при мѣстѣ, съ хорошимъ жалованьемъ, жена, старая мать и дѣти одѣты. Всѣ они обступили меня съ тѣми слезами благодарности, съ тою радостію бѣдняковъ, жизнь которыхъ перешла магически отъ мученія къ счастію; я расплакалась вмѣстѣ съ ними, но не могла однако увѣрить ихъ, что не я была ихъ спасителемъ, какъ говорили они. Едва успѣла я веротиться домой — какъ Бертини вошелъ ко мнѣ; я стала благодарить его, но не могла продолжать, сѣла на стулъ и, подъ вліяніемъ своихъ впечатлѣній, опять заплакала. Онъ воспользовался моей растроганной чувствительностію и приступилъ ко мнѣ снова.

Не губите меня, сказалъ онъ въ заключеніе, согласитесь быть моимъ вождемъ, покровительницей бѣдныхъ и страждущихъ, — будьте ангеломъ-утѣшителемъ всѣхъ. Это наше послѣднее свиданіе, клянусь вамъ, — выйдя отсюда безъ надежды, я брошусь въ буйную жизнь, разобью въ ней и сердце и страсть, и если не истреблю ихъ, пистолетъ и пуля докончатъ жизнь мою — дальше я не могу жить между страхомъ и надеждой, между жаждой блаженства и ужасомъ одиночества — ужели вы еще не полюбили меня — ужели сердце ваше окаменѣло — ужели оно неумолимо и холодно, какъ льдины вашей второй родины?

Я подала ему руку.

Если счастіе ваше во мнѣ, сказала я съ трепетомъ, — возьмите его — я согласна, но съ условіемъ.

Восторгъ его не зналъ границъ и походилъ на безуміе — онъ не слыхалъ уже ничего болѣе и, упавъ къ ногамъ моимъ, цѣловалъ ихъ съ такой жаркой, безпорядочной экзальтаціей, что мнѣ стало страшно — я встала и отступила отъ него.

Вы забываете условіе, сказала я; щеки мои покрылись румянцемъ стыда и какого-то страннаго непонятнаго для меня чувства, въ которомъ смятеніе, робость и невольное отчужденіе боролись вмѣстѣ — я почти раскаявалась въ согласіи.

Ваши условія — приказанія, сказалъ онъ, — я готовъ на все.

Вы пріѣдете послѣ завтра и выслушаете полную исповѣдь моего прошлаго, сказала я, и тогда, если хотите, я согласна быть женой вашей.

Я ничего не хочу знать, ничего не хочу слушать, сказалъ онъ, — зачѣмъ эта пытка въ лучшую минуту моей жизни — я помню только послѣднее слово ваше, чудное! упоительное!

Бертини, сказала я серьёзно, я хочу, чтобы вы знали мое прошлое, я не хочу имѣть тайнъ отъ васъ, и безъ этого признанія не рѣшусь соединить судьбу вашу съ моею.

Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ — я буду здѣсь завтра.

На другой день, я разсказала ему подробно всю исторію любви моей; она произвела страшное впечатлѣніе на его пылкую организацію — онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ и, когда я окончила, сказалъ мнѣ:

Я вынесъ всѣ муки ада! Нѣтъ! вы никогда не будете любить меня, какъ любили его.

Я хотѣла говорить.

Знаю, знаю, сказалъ онъ, прерывая меня, — молчите, не довершайте удара — его вы любили, а меня вы терпите — и только!

Нѣтъ! сказала я, я цѣню и сердце и любовь вашу— и сама люблю васъ нѣжной дружбой.

Онъ взялъ себя за голову.

Мнѣ мало дружбы вашей — я почти ненавижу ее— но вы полюбите меня — да, полюбите — я хочу этого, и это будетъ! Я буду жить для васъ одной и вами. А теперь оставьте меня уйти отсюда, я не знаю, что̀ говорю, что дѣлаю — прощайте.

Онъ ушелъ, даже не взялъ протянутой руки моей— необузданность его чувствъ пугала меня. На другой день Бертини опять пришелъ ко мнѣ; онъ былъ угрюмъ и мраченъ.

Антонина, сказалъ онъ мнѣ, и я долженъ объявить вамъ, что... видите ли, эта новость, можетъ статься, будетъ непріятна вамъ; но я заранѣе увѣряю васъ, что это обстоятельство нисколько не перемѣнитъ жизни нашей. Я до сихъ поръ еще не рѣшался сказать вамъ этого — у меня дочь!...

Я знала, что онъ былъ вдовецъ, но ни отъ кого не слыхала о его дочери.

Гдѣ же она? спросила я.

Быть мачихой въ ваши годы непріятно, и взять на себя обязанность матери конечно тяжело — но вы не заботьтесь объ этомъ. Не входя въ излишнія тягостныя подробности, я скажу вамъ только, что я былъ несчастливъ съ женою и не люблю дочери. Я рѣшился воспитать ее вдали отъ себя и поручилъ ее во Флоренціи теткѣ; но тетка умерла, и три мѣсяца назадъ одно италіанское семейство, ѣхавшее въ Россію, согласилось взять съ собою дочь мою — она здѣсь въ пансіонѣ, она тамъ и останется. Я исполняю долгъ мой — даю ей воспитаніе — но любить не могу, — не долженъ даже.

Что вы говорите? сказала я, возможно ли не любить дочери?

Не вините меня, а вѣрьте на-слово — я не могу любить ее — почему — сказать не рѣшаюсь — но я имѣю причины не любить ее.

Развѣ она имѣетъ дурныя наклонности, спросила я.

Нѣтъ, кажется, я не знаю. я мало видѣлъ ее.

Я хочу ее видѣть, сказала я.

Зачѣмъ?

Я хочу непремѣнно видѣть ее — прошу васъ, привезите ее ко мнѣ.

Сперва онъ не соглашался на мои просьбы, но наконецъ, видя мою настойчивость, уступилъ моему желанію. Видъ Леночки пробудилъ во мнѣ жалость и глубокую къ ней симпатію; вы знаете ее — тогда она была дика и молчалива; лицо ея было выразительно и говорило о сильной способности привязаться; къ тому же она напомнила мнѣ мое положеніе, всѣ поступки мачихи со мною, и я дала себѣ слово быть

для ней матерью и своею настойчивостью вынудила у отца ея обѣщаніе взять ее въ домъ нашъ, тотчасъ послѣ нашей свадьбы. Вскорѣ послѣ этого, помолвка моя была объявлена; мачиха моя была очень обрадована блестящей партіей, которую я дѣлала, по словамъ всѣхъ, и примирилась со мною совершенно, хотя уже и послѣ моей болѣзни, отношенія наши были не столько холодны, и мало по малу переходили въ дружество; я оставила домъ баронессы и, за нѣсколько дней до свадьбы, переѣхала на квартиру, нанятую въ одномъ домѣ съ моею мачихою. По какому то непонятному чувству, я не могла рѣшиться разсказать Бертини о моей враждѣ съ Милькотомъ и о страшной сценѣ, которой окончилась послѣдняя ссора моя съ нимъ. Мачиха моя просила меня со слезами позволить Милькоту придти ко мнѣ — я не устояла противъ ея просьбъ и согласилась. Онъ пришелъ ко мнѣ, спокойный и холодный по обыкновенію, и молча подалъ мнѣ руку; я протянула ему мою руку, подавляя различныя чувства, пробужденныя во мнѣ при видѣ его, и оба мы говорили о самыхъ постороннихъ предметахъ. Вспомните, что мачиха моя была бѣдна, Милькотъ тоже; а я, по волѣ случая, была уже окружена роскошью и скоро должна была сдѣлаться богатой — могла ли я оставить ихъ? я простила. Свадьба моя приближалась; Бертини не жалѣлъ денегъ, отдѣлывая домъ, и отъ утра до вечера былъ занятъ и дѣлами, и различными приготовленіями; онъ спѣшилъ свадьбой, сгарая отъ нетерпѣнія; Милькотъ взялся помогать ему, что̀ Бертини принялъ очень охотно, тѣмъ болѣе, что желалъ оставаться со мною. Его обращеніе со мною было больше страстно, чѣмъ нѣжно; никогда не забуду я послѣдняго вечера наканунѣ свадьбы моей; уходя отъ меня, онъ вдругъ обнялъ меня и, не замѣчая моего упорнаго сопротивленія, поцѣловалъ. О! то не была ласка нѣжная,

кроткая, невозмущающая, ласка моего Мишеля, то былъ какой то безумный поцѣлуй, будто опалившій меня; я быстро освободилась отъ рукъ его и, закрывъ лицо руками, горько заплакала. Я не раздѣляла ни его восторговъ, ни его упоенія — онъ только пугалъ меня. Онъ былъ пораженъ моими слезами и смущеніемъ и искренно упрекалъ себя въ пылкости. Когда онъ ушелъ, долго и печально сидѣла я въ своей комнатѣ; минута тяжкая, минута раздумья нашла на меня — я раскаявалась въ данномъ ему согласіи, и едва могла успокоиться.

На другой день я была его женою.

Первые дни замужства остались въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ смутный, тяжкій сонъ. Его страсть была чужда мнѣ, больше того, — я не находила ни минуты забвенія; неумолимо жила во мнѣ ледяная холодность — я принадлежала ему, а между тѣмъ я только выносила ласки его съ тяжкимъ чувствомъ необходимости. Если бы любовь его не была ни такъ требовательна, ни такъ пылка, я могла бы въ послѣдствіи, можетъ быть, и примириться съ ней; но она, въ самомъ началѣ моего замужства легла на меня гнетомъ, подъ которымъ страдали всѣ струны сердца; природная моя робость и весь организмъ мой возставали неумолимо противъ правъ его, не проникнутыхъ ни теплотой взаимности, ни деликатностію истинно-любящаго мужчины. Его восторги, упоеніе были чужды мнѣ — я смотрѣла холодно на нихъ; кромѣ того, были минуты, когда они дѣлались мнѣ ненавистны — я однако смирилась, и ни однимъ словомъ не дала понять ему моего мученія; я сама принимала часто чувство это за одну неожиданность первыхъ потрясеній новаго моего положенія. Исключительно преданный любви, онъ не понималъ, не угадывалъ ничего, и пылкія ласки его вмѣсто того,

чтобы мало по малу пробудить во мнѣ чувство, и вызвать его, отталкивали меня отъ моего мужа; а чѣмъ болѣе я дѣлала надъ собою усилій, чтобы принудить себя сносить терпѣливо его ласки, тѣмъ тяжелѣе становились онѣ. Съ каждымъ днемъ росло во мнѣ отвращеніе къ супружеской жизни; сосредоточиваясь въ себѣ — я не имѣла силы отвѣчать моему мужу ни однимъ изъявленіемъ любви на его безпрестанные восторги. Правда, я была всегда одинакова, кротка, послушна ему во всемъ; но этого было мало ему. Онъ досадовалъ, что я не имѣла никакихъ требованій, онъ конечно покорился бы съ любовію всѣмъ капризамъ моимъ — но ихъ не было и тѣни. Къ тому же домъ былъ нашъ такъ богатъ, все было такъ хорошо устроено въ немъ, что мнѣ было бы трудно желать чего нибудь — роскошь эта была не нужна мнѣ; я совершенно равнодушно ею пользовалась, нисколько не привыкая къ ней и не чувствуя къ ней особеннаго пристрастія; она не казалась мнѣ ни завидной, ни привлекательной. Мачиха моя и Милькотъ, получившій мѣсто въ конторѣ мужа моего, жили въ одномъ домѣ съ нами: я мало видала Милькота; но мачиха моя, которая любила свѣтскія удовольствія, охотно раздѣляла ихъ со мною, или лучше, она одна изъ двухъ насъ ими пользовалась. Обѣды, балы, вечера смѣнялись одни другими — куда бы ни являлись мы, я производила нѣкоторый эффектъ, и похвалы красотѣ моей пріятно трогали самолюбіе моего мужа; онъ торжествовалъ, не покидалъ меня ни на минуту и сколько разъ, по возвращеніи нашемъ домой, говорилъ мнѣ, садясь подлѣ меня:

Нина! ты была хороша — какъ хороша! Всѣ завидовали мнѣ, Нина! А ты моя — понимаешь ли ты, сколько блаженства въ этомъ словѣ!

Другъ мой, говорила я тихо, съ усиліемъ, я знаю, что ты любишь меня.

Люблю! какъ люблю! люблю безумно!

И онъ бралъ мою голову въ обѣ руки свои и жадно цѣловалъ ее.

Я всегда смущалась — а иногда, безъ причины, печалилась; когда онъ замѣчалъ это, впечатлѣнія его были различны — онъ или удвоялъ ласки свои, или вдругъ оставлялъ меня и уходилъ къ себѣ. Однажды онъ сказалъ мнѣ:

Нина! ужели ты никогда не будешь умѣть любить меня — ты мраморъ, Нина! ты ужасная женщина! Все равно, я люблю тебя, и за себя и за тебя — за двухъ — за всѣхъ!

Судите сами, что могла отвѣчать я на такія рѣчи — я желала быть благодарной, говорила о томъ, но не могла побѣдить ни своей холодной организаціи, ни смертнаго спокойствія сердца, которое оставалось противъ воли моей и нѣмо и безотвѣтно. Да, ни разу, ни одного разу не забилось оно, развѣ отъ испуга, иногда отъ возмущенія, совершенно невольнаго — но не менѣе того сильнаго, и не властна я была подавить его — а только не позволяла высказаться ему ни движеніемъ, ни голосомъ, еще менѣе словами, которыя ни разу не сорвались съ языка безъ воли моей. Главное мое занятіе, даже утѣшеніе — была Леночка; цѣлое утро въ отсутствіи мужа я сидѣла съ нею; сперва она была дика, боязлива и угрюма, но мало по малу она привыкла ко мнѣ и привязалась неограниченно. Изъ разсказовъ ея, я узнала, что она не помнила своей матери, и жила долго во Флоренціи у строгой тетки, гдѣ она вынесла много и отъ ней самой и отъ ея окружающихъ; послѣ она была привезена въ Россію — и тотчасъ помѣщена въ пансіонъ, гдѣ очень рѣдко ви-

дѣла отца и никогда не знала ласки его. Брошенное дитя, она не имѣла понятія ни о любви семейной, ни о нѣжныхъ попеченіяхъ матери, и рано испытала на себѣ эгоизмъ и безчувственность людей, рано вынесла холодную взыскательность наставниковъ и равнодушіе сверстницъ, — вѣчный удѣлъ тѣхъ, кто безъ покровителя брошенъ между людьми. Я очень любила ее, и она, найдя во мнѣ и нѣжность и ласку матери, полюбила меня всею горячностію дѣтскаго сердца, всею страстію южной организаціи, и сдѣлалась невинной причиной первыхъ размолвокъ моихъ съ мужемъ. Бертини, приходя домой, почти всегда находилъ насъ вмѣстѣ, часто онъ жостко высылалъ дочь изъ комнаты и, оставаясь со мной наединѣ, будто и не замѣчалъ моего недовольнаго или грустнаго вида, и не говорилъ о дочери ни слова. Его обращеніе съ ней поражало меня непріятно — никогда ни слова, ни взгляда ласковаго — однажды я замѣтила ему, какъ было мнѣ больно видѣть его такъ преданнымъ мнѣ и такъ неумолимо сухимъ съ дочерью.

Оставь это, Нина, сказалъ онъ, прерывая меня, что̀ она тебѣ такое? поговоримъ лучше о другомъ.

Нѣтъ! сказала я — сдѣлавшись женой твоей, я взяла на себя обязанность быть для твоей дочери матерью — это и долгъ мой и влеченіе сердца — я люблю ее.

Ты думаешь, я этого не вижу, сказалъ онъ горячо, вижу и знаю. Ты любишь ее — любишь больше меня,

Какъ тебѣ не стыдно, сказала я тихо — и можно ли сравнивать такія разныя привязанности?

Сравнивать нечего — сравненій не можетъ быть, это бросается въ глаза — ты любишь, ласкаешь ее — если это пойдетъ такимъ образомъ, я возненавижу ее — она крадетъ у меня сердце твое.

Я молчала.

Чтожь ты молчишь, сказалъ онъ вспыльчиво — отвѣчай мнѣ.

Что могу отвѣчать я, сказала я грустно, жизнь моя устроивается такъ странно, что то самое, что̀ въ другомъ супружествѣ было бы поводомъ къ бо̀льшей любви и согласію, въ моемъ становится источникомъ раздора.

Раздора! повторилъ онъ, стало быть, ты со мной несчастлива.

Развѣ я сказала это?

Не сказала, а подумала — это все равно. Раздора? да я готовъ жизнью моею заплатить за твою улыбку, взглядъ, слово. Ты одна не хочешь до сихъ поръ понять этого.

Напротивъ, очень понимаю и очень тебѣ благодарна.

Мнѣ не надо твоей благодарности, мнѣ надо любви, мнѣ надо счастія, мнѣ надо взаимности. Нина моя! пойми это! Ты огорчилась! Боже мой! ты плачешь— прости меня — я тебя мучу — безумный! чего же надо мнѣ — Нина, прости меня— пожалѣй и не вини меня— я такъ много люблю тебя!

И онъ цѣловалъ руки мои, цѣловалъ меня и вдругъ, прерывая ласки эти, страстныя, безпорядочныя, уходилъ въ кабинетъ свой и возвращался ко мнѣ мрачный и угрюмый.

Такія сцены повторялись безпрестанно между нами, и быстрые переходы, совершавшіеся въ моемъ мужѣ и бросавшіе его отъ любви къ отчаянію и отъ ласкъ къ сдерживаемо̀му гнѣву, утомляли меня невыразимо; упреки его, сдѣланные мнѣ въ равнодушіи и холодности, всегда кончались мольбами о прощеніи, высказанными также необузданно; я начинала желать

одного — спокойствія, и была дѣйствительно довольна тогда только, когда оставалась вдвоемъ съ Леночкой; я отдыхала отъ всѣхъ смутъ нашихъ, занимаясь этимъ ребенкомъ. Однажды утромъ, когда я была одна, мнѣ доложили, что Дмитрій З** пріѣхалъ и желаетъ видѣть меня. Онъ безпрестанно ѣздилъ въ Петербургъ по дѣламъ отца и не жилъ постоянно въ Москвѣ, а потому не видалъ меня съ самаго моего замужства; я приняла его, и когда онъ съ дружескимъ участіемъ сталъ распрашивать меня о моей жизни и счастіи, я не могла вынести его взора и расплакалась. Мы сидѣли другъ подлѣ друга — онъ держалъ обѣ руки мои и молча цѣловалъ ихъ — въ это самое время мужъ мой вошелъ въ комнату и, страшно поблѣднѣвъ, остановился въ дверяхъ. Я не смутилась и познакомила его съ Дмитріемъ — онъ обошелся съ нимъ сухо и холодно — а потому Дмитрій очень скоро уѣхалъ. Лишь только онъ вышелъ изъ комнаты, я взглянула на мужа моего — онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и молчалъ.

Албертъ, сказала я, подходя къ нему, что съ тобою?

Онъ молчалъ.

Албертъ, говори мнѣ, отвѣчай мнѣ, что запало тебѣ на сердце.

Оставь меня, сказалъ онъ вдругъ, отталкивая меня отъ себя — что тебѣ надо? Ты спрашиваешь — что со мной?— Спроси лучше, какъ я совладѣлъ съ собою?— кто этотъ человѣкъ?

Дмитрій З**, я уже сказала тебѣ.

Да развѣ это говоритъ что нибудь, развѣ я знаю что нибудь; разсказавъ мнѣ свое прошлое, ты взяла свои мѣры и не сказала мнѣ имени того, кого любила. О женщины! женщины!... всѣ вы одинаковы!

Онъ захохоталъ. — Я сидѣла молча, оскорбленная

до глубины души его подозрѣніемъ; онъ подошелъ ко мнѣ такъ быстро, что я откинулась всѣмъ корпусомъ на спинку дивана.

Такъ ты молчишь? Такъ это правда, произнесъ онъ громовымъ голосомъ — рано же ты вздумала возобновлять старыя связи — знаешь ли ты, что я не изъ числа хладнокровныхъ мужей, я убью тебя.

Я встала и хотѣла выдти изъ комнаты, онъ схватилъ меня за руку и отбросилъ на диванъ.

Останься, сказалъ онъ, и отвѣчай — это былъ онъ.

Послушайте, сказала я вдругъ холодно — я бы не должна была отвѣчать вамъ — но я жалѣю васъ, жалѣю ваши безумныя движенія и потому только отвѣчаю вамъ: нѣтъ, это не онъ!

Имя того — спросилъ Бертини съ дрожавшими и блѣдными губами.

Теперь я не скажу вамъ его.

Говори сейчасъ.

Бертини, сказала я, вставая, такой тонъ, такія слова не достойны ни васъ, ни меня, опомнитесь — вы забываете всякое уваженіе ко мнѣ, ваше собственное достоинство — стыдно вамъ — я не заслужила такого обращенія.

Слова мои, сказанныя гордо и твердо, поразили его, — онъ быстро перешелъ отъ ревности къ раскаянію и умолялъ меня простить его — но я читала въ глазахъ его всѣ подозрѣнія, которыя онъ подавлялъ, но которыя оставались въ немъ противъ воли, и потому я сказала ему имя Мишеля Б** и принуждена была, говоря о Дмитріѣ З**, смягчить смыслъ словъ моихъ и объяснить ему наши отношенія. Онъ успокоился. Такъ или почти такъ мы продолжали наше общее существованіе, и черезъ два года послѣ моего замужства у насъ родилась дочь, моя милая Идочка; но здоровье мое опять

много потерпѣло и долго послѣ ея рожденія я не могла оправиться. Мужъ мой, не смотря на мое сопротивленіе, сдѣлалъ консультацію; доктора нашли, что мое здоровье было потрясено въ основаніи, и присудили мнѣ ѣхать за границу, предполагая во мнѣ начало изнурительной лихорадки. Они долго говорили обо мнѣ съ мужемъ моимъ, совѣтовали ему беречь меня и тотчасъ везти за границу. Мнѣ не хотѣлось ѣхать, — я чувствовала ту физическую слабость, при которой не желаютъ перемѣнъ и которая часто доводитъ до того, что люди предпочитаютъ умереть на мѣстѣ спокойно, чѣмъ сдѣлать усиліе и предаться какой нибудь дѣятельности или путешествію, и тѣмъ спасти себя. Однако мужъ мой не колебался ни минуты, сдалъ всѣ торговыя дѣла свои Милькоту, къ которому имѣлъ большую довѣренность и, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, увезъ меня. Когда лошади мчали насъ изъ московской заставы по петербургскому шоссе, я сидѣла, прижавшись къ углу кареты и опустивъ вуаль, и тихо плакала—еще подъ вліяніемъ грустнаго разставанія моего съ дѣтьми —Идочку я не могла взять съ собою — ей было только шесть мѣсяцевъ, а взять Леню мужъ мой не позволилъ мнѣ, не смотря на всѣ мои просьбы. Я была изъята изъ глубокаго моего погруженія въ себя его звучнымъ и рѣзкимъ голосомъ.

Нина! сказалъ онъ мнѣ, не замѣчая моей горести и обнимая меня — теперь ты моя — я счастливъ. Нина! наконецъ ты со мною — я вырвалъ тебя — никто уже не стоитъ между нами — ты исключительно принадлежишь мнѣ.

Я поняла, что онъ говорилъ о дѣтяхъ; эти слова его произвели на меня сильное впечатлѣніе и заставили меня сознать наконецъ, сколько себялюбія было въ любви его ко мнѣ. Въ первый разъ я не обвиняла

себя въ холодности, и мысль, что любовь такого рода только тираннія и мука, что она не стоитъ ни благодарности, ни сочувствія, запала мнѣ въ голову. Я молчала, а онъ, видя неподвижность мою, продолжалъ:

Нина! были же у тебя и нѣжность и ласки для дѣтей, были потоки словъ при разставаніи съ ними — ужели для меня не осталось ихъ. Скажи мнѣ что нибудь!

Я не могу говорить, отвѣчала я, сердце мое еще болитъ отъ разлуки съ дѣтьми — оставь меня успокоиться!

Да, да, успокойся — но теперь, только взгляни на меня, поцѣлуй меня.

Я тихо повернула къ нему голову, дѣлая усиліе надъ собою, и грустно поцѣловала его. Но онъ вдругъ оттолкнулъ меня съ силою.

А! сказалъ онъ — она все для другихъ — я увожу ее, а сердце и душа ея остаются тамъ — здѣсь же одно бездушное тѣло — трупъ! Мнѣ — долгъ, покорность, ненавистная покорность — ледяныя ласки по приказанію. Берегись Нина! я возненавижу тебя.

Я молчала. Болѣе часу, заключенные въ тѣсномъ пространствѣ кареты и раздѣленные бездной противоположныхъ волненій и чувствъ, сидѣли мы мрачно другъ подлѣ друга, избѣгая взгляда одинъ другаго и, вѣроятно, проклиная оба разность нашихъ характеровъ, постепенный ходъ которыхъ все больше и больше оскорблялъ его и развивалъ во мнѣ отчужденіе къ нему. Однако, по извѣстному уже мнѣ порядку его ощущеній, онъ въ тотъ же день просилъ у меня прощенія съ той же страстію, съ которой нѣсколько часовъ назадъ такъ озлоблялъ меня; а я, утомленная безпрестанными вспышками его характера, опять примирилась съ нимъ,

если не спокойно, то, по крайней мѣрѣ, тотчасъ по его требованію, безъ упрековъ и безъ жалобъ; однако всякій разъ я чувствовала сильнѣе цѣпь мою и сколько она тяготѣла надо мною болѣзненно. Я не стану разсказывать вамъ подробно моего путешествія; теплый воздухъ юга, его свѣтлое небо, яркое солнце и роскошная природа оживили меня; я стала здоровѣе, сдѣлалась веселѣе, и Бертини успокоился и меньше мучилъ меня. Въ Италіи я открыла въ себѣ новую способность, дотолѣ мнѣ неизвѣстную: забывать всякое горе при видѣ проявленій прекраснаго, и какъ бы ни представлялось оно, я любовалась имъ безгранично. Я забывала все на свѣтѣ, когда плакала въ оперѣ, когда гуляла подъ розовыми лучами вечерняго угасающаго солнца, озарявшаго римскіе памятники и древнія стѣны фантастическими переливами, когда я съ изумленіемъ и восторгомъ стояла передъ картиной и статуей. У меня образовались привычки, которымъ я предавалась съ увлеченіемъ юности: бывало, въ извѣстный часъ, я выходила изъ дому и отправлялась въ который нибудь изъ многочисленныхъ дворцовъ Рима; здѣсь я садилась противъ любимой мной исключительно картины и утопала въ созерцаніи ея, испытывая то безмятежное, стройное наслажденіе, которое равно счастію. Мужъ мой слѣдилъ за мною ревниво, но радовался моему пробужденію къ жизни и жадно ловилъ минуты одушевленія, чтобы присвоить ихъ себѣ; жизнь наша потекла спокойнѣе и ровнѣе — но видно, не суждено мнѣ было отдохнуть, потому что новая случайность все сгубила и повергла насъ опять во всѣ треволненія едва затихнувшей бури.

Былъ чудный апрѣльскій вечеръ — я сидѣла у окна и глядѣла на вдали зеленѣющую гору Пинчіо — мы жили на piazzo d'Espagna; непреодолимое желаніе идти

гулять вдругъ пробудилось во мнѣ. Я встала и надѣла шляпку.

Куда ты, Нина? спросилъ меня мужъ.

Пойду гулять — сказала я.

Ты сейчасъ отказалась, когда я звалъ тебя на Корсо, сказалъ онъ.

Я не люблю шумныхъ улицъ — на Пинчіо теперь мало гуляющихъ — я сейчасъ возвращусь, сказала я.

Нѣтъ; я пойду съ тобою.

Зачѣмъ же, другъ мой, ты хотѣлъ идти въ кафе-греко — я выхожу на полчаса.

Нѣтъ, — я пойду съ тобою, сказалъ онъ опять.

Мнѣ хотѣлось идти одной — но я покорилась его желанію — и мы вышли вмѣстѣ. Медленно всходили мы на гору рука объ руку; я была въ ясномъ расположеніи духа, бо̀льше молчала; но какъ полно наслаждалась я и какъ жадно впивала вечерній прохладный воздухъ! —На встрѣчу намъ шелъ мужчина—когда онъ былъ за нѣсколько шаговъ отъ насъ, я задрожала, и невольное восклицаніе замерло тотчасъ на устахъ моихъ.

Что ты, Нина? Нина! что съ тобою? спросилъ у меня мужъ мой.

Ничего, сказала я, оправляясь, но руки мои страшно дрожали—онъ сжалъ ее и, взглянувъ въ сторону, увидѣлъ будто окаменѣлую подлѣ насъ фигуру мужчины, который пристально, съ волненіемъ, глядѣлъ на меня. Мы прошли, а онъ все еще стоялъ на мѣстѣ... Я не могла идти далѣе и сѣла на ближнюю скамейку — трепетъ, ужасъ, волненіе захватили мое дыханіе — сильно было потрясеніе и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе.

Это Мишель Б**, сказалъ мужъ, безпощадно глядя мнѣ въ глаза; я узналъ его по той ненависти, которая закипѣла во мнѣ и по тому волненію, которое овладѣло вами. Отвѣчайте мнѣ!

Я хочу идти домой, сказала я замиравшимъ голосомъ.

Онъ молча свелъ меня съ горы, и мы взошли въ домъ; тогда разразилась надо мною страшная, безумная ревность его. Онъ упрекалъ меня ѣдко въ томъ, что я искала этого свиданія, говорилъ, что я хотѣла идти одна, отказывалась идти съ нимъ, что, вѣроятно, я знала давно, что онъ въ Римѣ и видала его въ тайнѣ. Въ первый разъ я вышла изъ своей обычной холодности, возстала противъ его ожесточенія и сказала ему:

Развѣ ваша любовь похожа на чувство — она мое вѣчное мученіе — я не понимаю любви безъ довѣренности, любви по принужденію. Оставьте меня — ваша любовь — чистый эгоизмъ — вы любить не умѣете!

Онъ былъ пораженъ моими словами, вырвавшимися гнѣвно, послѣ моего минутнаго смущенія; какъ безумный, бросился онъ изъ комнаты и не ночевалъ дома. Я боялась и за него и за Мишеля и провела самую ужасную ночь — я знала, что въ припадкѣ ревности онъ способенъ на все. Утромъ онъ возвратился — я пошла въ кабинетъ его, съ намѣреніемъ просить его тотчасъ же уѣхать изъ Рима. Увидѣвъ меня, онъ не далъ мнѣ времени произнести ни слова и отрывисто сказалъ мнѣ, не глядя на меня:

Укладывайтесь, мы ѣдемъ нынче вечеромъ.

Я хотѣла говорить.

Ни слова — мы ѣдемъ нынче вечеромъ!

Я была оскорблена его обращеніемъ; входя къ нему, я намѣревалась просить его о томъ самомъ, что онъ мнѣ приказывалъ повелительно, и это самое возмутило меня.

Мы выѣхали изъ Рима, уже сознавая обоюдно невозможность существовать такимъ образомъ. Я находила въ немъ отсутствіе всего того, что могло прими-

рить меня съ нимъ въ послѣдствіи; я хотя давно уже знала, что онъ не имѣетъ ни одного качества, которое было мнѣ необходимо, чтобы найти пункты соприкосновенія и симпатіи въ общей жизни нашей; но съ этихъ поръ я уже не могла прощать ему его грубой любви ко мнѣ и еще менѣе его фантастической ревности. Жизнь наша сдѣлалась мученіемъ и прерывалась рядомъ сценъ ненавистныхъ, которыя не скоро утихали и не были мимолетны, какъ въ первый годъ нашего супружества. Часто одна моя задумчивость или утомленіе было новымъ поводомъ къ бурѣ — мужъ спрашивалъ меня грозно, съ нетерпимостію Итальянца и съ необузданностію ревнивца:

О чемъ вы думаете?

Я отвѣчала ему или съ презрительною холодностью или съ жаромъ, мнѣ вообще несвойственнымъ; все бытіе мое возмущалось противъ такого нравственнаго насилія и громко протестовало противъ нетерпимости, посягавшей и на мой внутренній міръ — онъ покидалъ меня, осыпая укорами, насмѣшками и взволновавъ всѣ сокровенныя и святыя струны сердца. Мы жили тогда въ Баденѣ; мужъ сталъ постоянно играть въ рулетку въ кур-залѣ. Это новое несчастіе я не совсѣмъ поняла въ началѣ и смотрѣла на него съ иной точки, принимая его за облегченіе моей участи, потому что онъ часто оставлялъ меня одну. Наши отношенія измѣнились — ссоры были рѣже, а холодность и отчужденіе росли; бывали минуты новыхъ примиреній и восторговъ съ его стороны, но я знала, что они и не прочны и не совсѣмъ истинны; я сознавала, что страсть его гасла съ каждымъ днемъ, а оставалось иногда одно желаніе обладать женщиной, которой красоту онъ любилъ еще, и что это одно только приводило его къ ногамъ моимъ. Это новое оскорбленіе довершило остатки

моей дружеской къ нему благодарности — я покорялась ему, но уже меньше уважала его нравственную сторону, и часто дивилась малому развитію чувствъ, заставлявшихъ его скоро забывать всѣ прошлыя смуты и позволявшихъ предполагать во мнѣ туже возможность. Проведя два года за границей, мы возвратились въ Россію: свиданіе мое съ дѣтьми было озарено тою радостію, которая потоками вливается въ сердце женщины, сознающей, что для нея они одни остались еще въ жизни, и какъ надежда на будущее, и какъ примирительное начало, и какъ единственное утѣшеніе. Я была гораздо здоровѣе, но все еще не могла совершенно оправиться; я увѣрена, что безпрестанный страхъ новыхъ раздоровъ, возникавшихъ такъ часто, и волненія мои, при всякой новой ссорѣ, имѣли большое вліяніе на организмъ мой и значительно уменьшили пользу, принесенную мнѣ путешествіемъ. Когда мы пріѣхали въ Россію, мужъ мой еще менѣе щадилъ меня, да и сама я перешла отъ чрезмѣрной усталости къ внезапнымъ измѣненіямъ, бывала своенравна и болѣзненно-раздражительна, менѣе жалѣла его и судила строже. Дома онъ былъ мраченъ, вечеромъ неизмѣнно ѣздилъ въ клубъ и предался игрѣ съ тою страстію, которую вносилъ во всѣ свои прихоти и вкусы; я уже мало имѣла на него вліянія — оно изчезало — и переходило замѣтно въ руки Милькота, который заправлялъ домомъ и дѣлами въ наше отсутствіе, и умѣлъ оставить ихъ за собою по нашемъ возвращеніи. Сперва, не для собственнаго блага, а для дочерей, боролась я съ его возрастающимъ могуществомъ, старалась удержать Бертини дома, отвлекать его отъ игры, пыталась отдалить его отъ Милькота; но всѣ мои усилія очень мало и только на нѣкоторое время останавливали моего мужа; просьбы мои наконецъ перестали имѣть на него влія-

ніе. — Когда я говорила ему о Милькотѣ — онъ не хотѣлъ ничего слышать и упорно настаивалъ на томъ, что я потому только не люблю Милькота, что онъ истинно къ нему привязанъ — часто горькая насмѣшка оканчивала споръ нашъ и мужъ уходилъ отъ меня, жостко упрекнувъ меня. Все это докончило мою энергію — она упала; еще два года жизни, проведенной въ семейныхъ смутахъ и опасеніяхъ даже на счетъ будущаго состоянія, и невозможность остановить мужа на скользкомъ пути, по которому онъ стремился —привели меня къ сознанію моего конечнаго безсилія—я покорилась жребію, несла мою тяжкую жизнь въ молчаніи рабы, съ безнадежностію узника, заключеннаго на вѣки, съ покорностію ребенка, — и ждала всякій день новаго несчастія. Оно не замедлило. Однажды утромъ Милькотъ вошелъ ко мнѣ:

Антонина Михайловна, сказалъ онъ, не возьмете ли на себя и вы замѣтить мужу вашему, что онъ на краю гибели. Вчера онъ проигралъ огромную сумму денегъ, скоро первое число, намъ предстоятъ платежи, а денегъ въ конторѣ мало — если все это пойдетъ такимъ образомъ, мы будемъ банкротами.

Боже мой! сказала я, вставая, ужели мы дошли до такой крайности?

Еще бы — сказалъ Милькотъ — о чемъ же вы думали? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ воротился, я одинъ только занимаюсь дѣлами. — Это бы еще не бѣда; но дѣло въ томъ, что онъ страшно проигрываетъ.

Вы завладѣли имъ, сказала я, почему-же вы его не остановите, а обращаетесь ко мнѣ — вы знаете, что я вамъ отчасти обязана его ко мнѣ перемѣной.

Ни сколько, сказалъ онъ — вы, вы однѣ виною всему — мое вліяніе на него началось и оканчивается торговыми дѣлами; но ваше равнодушіе къ мужу до-

вело его до безумной страсти къ игрѣ, и мы обязаны вамъ общимъ несчастіемъ.

Молчите, сказала я, это до васъ не касается — если мы разоримся, то я и дѣти пострадаемъ отъ этого; вы обязаны мужу моему пятью годами независимости—вы жили здѣсь въ роскоши; имѣніе принадлежитъ ему одному — стало быть онъ въ правѣ растратить его, какъ онъ хочетъ.

Да, да, только не совсѣмъ. Правда, я имѣлъ выгодное мѣсто въ конторахъ его; но дѣло въ томъ, что въ первые годы вашего замужства, и я и жена моя, мы отдали капиталъ нашъ въ руки Бертини, и если онъ будетъ банкрутомъ — мы лишимся плода трудовъ нашихъ въ продолженіе всей жизни.

Возьмите капиталъ свой скорѣе, отвѣчала я.

А развѣ вы знаете, чтò такое торговый оборотъ — когда дѣла плохи, взять денегъ нельзя — ихъ нѣтъ — если Бертини перестанетъ играть, еще можно будетъ ему поправиться. Онъ долженъ уже многимъ — а я уже два года не бралъ процентовъ, слѣдующихъ мнѣ, а теперь...

Что теперь? повторила я съ ужасомъ, видя передъ собою пропасть.

Проценты наросли, разумѣется, — я не знаю, какъ онъ уплатитъ намъ — когда я говорилъ ему объ этомъ, онъ просилъ меня подождать; если же я буду требовать настоятельно, представлю вексель ко взысканію, то это значитъ дать сигналъ общаго опасенія и погубить его; если я представлю вексель—всѣ должники его явятся тотчасъ.

Вы просили у него ваши деньги обратно.

Сколько разъ просилъ, онъ говоритъ, что теперь не можетъ уплатить мнѣ.

Хорошо, сказала я, я поговорю съ нимъ.

Бертини возвратился домой къ обѣду — лицо его было блѣдно и мрачно. Когда онъ вошелъ въ комнату, я сидѣла съ дѣтьми; я тотчасъ выслала ихъ вонъ изъ комнаты.

Албертъ, сказала я, подходя къ нему, мнѣ хочется поговорить съ тобой.

Что вамъ надо? спросилъ онъ меня, не взглянувъ на меня.

Я остановилась, сбираясь съ мыслями и призывая на помощь всю твердость мою. Слово: *вы* не предвѣщало ничего добраго и показывало мнѣ, что онъ былъ крайне раздраженъ.

Если хочешь, я поговорю съ тобой послѣ, въ другой день, когда ты будешь покойнѣе, сказала я.

Я спокоенъ — все равно, нынче или завтра, говорите, что̀ вамъ нужно.

Мнѣ сказали нынче, что дѣла твои очень плохи, произнесла я робко.

Можетъ быть, отвѣчалъ онъ покойно.

Послушай, сказала я, ты знаешь, что мнѣ ничего не нужно; я жила въ бѣдности и могу снова жить въ ней — но подумай о дочеряхъ — о своемъ добромъ имени — ты будешь банкрутомъ — это ужасно; денегъ нѣтъ, а ты играешь въ карты и проигрываешь — сколько разъ я просила тебя умѣрить страсть эту — всѣ мои просьбы были напрасны.

Я еще не буду банкрутомъ — состоянія моего станетъ, чтобы расплатиться честно со всѣми.

А дочери? сказала я — у нихъ, стало быть, никакого состоянія не останется?

Дочери? сказалъ онъ вдругъ съ жаромъ — да есть ли у меня дочери? Я уже почти знаю, что одна изъ нихъ не дочь моя; я воспиталъ ее изъ сожалѣнія — а другая, тоже не дочь моя — вѣроятно, вы столько были заняты другимъ, когда носили ее, что она родилась бѣлокурая и блѣдная, какъ тотъ, кого любили вы — я его видѣлъ — знаю — на сколько же она дочь моя?

Албертъ! сказала я умоляющимъ голосомъ.

Что же? развѣ это не правда? Кто виною всѣхъ бѣдствій нашихъ — не вы ли? да, вы, вы однѣ? Я не могъ пробудить въ васъ ни сердца, ни мысли, ни чувства! Вы остались въ рукахъ моихъ статуей; ледяная оболочка ваша ни разу, ни одного разу не разстаяла отъ любви моей. Скажите? Развѣ вы были моей женою? Вы, можетъ быть, воображаете это? Развѣ та женщина, которая терпитъ и выноситъ мужа, жена ему? Развѣ та, которая принадлежитъ, а не отдается, которая тайно, но вѣчно возстаетъ противъ правъ мужа, можетъ назваться женою — скажите?

Когда же я говорила что нибудь, возразила я?

А ваше молчаніе, холодность, грусть, развѣ не были краснорѣчивымъ, вѣчнымъ протестомъ? А развѣ въ моихъ объятіяхъ вы не мечтали о другомъ? Будто для него — проклятіе ему! — берегли вы безплодно и жизнь, и любовь, и упоеніе, и восторгъ — развѣ вы не были бездушны и безотвѣтны для меня? — Скажите, такая женщина — жена? Какъ вы думаете?

Албертъ, сказала я, развѣ я не говорила тебѣ, что люблю тебя только дружбой — зачѣмъ же ты вмѣняешь мнѣ въ преступленіе то самое, о чемъ я предупреждала тебя — вспомни, какъ долго я не соглашалась идти за тебя за мужъ?

Правда; но вы были тогда другая въ глазахъ моихъ — вы стояли недосягаемо высоко; послѣ я узналъ о васъ многое; впрочемъ и сами вы, разсказавъ мнѣ любовь вашу, увѣряли меня тогда, что не любите уже своего прежняго любовника.

Любовника! сказала я съ негодованіемъ — какое право имѣете вы такъ говорить со мной?

Да, любовника — могу ли я назвать иначе человѣка, который захватилъ неограниченно не только сердце

ваше, но и всѣ чувства ваши; вы всегда продолжали видать его — и кто знаетъ...

Бертини — ни слова болѣе, сказала я — мнѣ стыдно за васъ.

Онъ вскочилъ съ своего мѣста.

Молчите, закричалъ онъ, я довольно терпѣлъ отъ васъ — терпѣніе мое давно лопнуло. Ваша неблагодарность къ вѣчному моему пожертвованію собой....

Пожертвованію, сказала я, когда это?

Какъ когда? Когда я увезъ васъ изъ Россіи, доктора объявили мнѣ, что васъ надо беречь и лечить — не думалъ ли я только о васъ? — Любя васъ безумно — я пожертвовалъ собою вамъ — вспомните это!

Я умирала, сказала я.

Да, отъ любви къ другому, отъ безплодныхъ сожалѣній о прошломъ, которыхъ любовь моя не была въ силахъ истребить. А позднѣе, когда вы сдѣлались здоровы и ожили, что̀ я нашелъ въ васъ? Туже безчувственную женщину! Вы жалуетесь, что я сдѣлался игрокомъ — а почему я сталъ имъ? Потому, что обожая васъ, я любилъ одинъ — любилъ статую. и ни минуты увлеченія, ни минуты забвенія не находилъ я съ вами — вы были безчувственны, какъ камень, и я проклиналъ не разъ и самого себя и васъ — мои слова, увѣренія, ласки имѣли одно дѣйствіе: они удвояли холодность вашу. Дочь сѣвера, съ застывшей кровью въ жилахъ — не умѣла отдать мнѣ и того, что говорятъ, составляетъ всю прелесть и очарованіе такихъ женщинъ: сердца! — Скажите мнѣ, сердце ваше принадлежало ли мнѣ когда нибудь — скажите, чѣмъ же вы заплатили за любовь мою?

Я была мать дѣтямъ вашимъ, вамъ я платила искренней дружбой — остальное не было въ моей волѣ, отвѣчала я.

Нѣтъ у меня дѣтей, говорю я вамъ, а дружбу вашу

я всегда презиралъ и ненавидѣлъ. Теперь я выскажу вамъ всю правду — она давно давитъ и жжетъ меня — я ненавижу васъ, какъ виновницу всѣхъ бѣдствій моихъ и проклинаю тотъ часъ, когда я былъ такъ безуменъ, что соединилъ судьбу мою — не съ женщиной, а съ автоматомъ, который двигался безъ цѣли, воли, желанія въ домѣ моемъ.

Я сѣла въ кресла, подавленная тяжестію словъ его.

Да и почему я знаю, продолжалъ онъ въ порывѣ гнѣва и негодованія, почему я знаю, что вы не сохранили прежнихъ связей. Вѣдь вы видѣли его по возвращеніи въ Россію.

Я молчала.

Видѣли вы его, или нѣтъ?

Я не искала случая видѣть его, сказала я.

Такъ меня не обманули, вы сами признаетесь въ этомъ.

Я не признаюсь ни въ чемъ; правда только та, что два воскресенья я встрѣчала его въ церкви и одинъ разъ въ саду—гдѣ гуляла съ дѣтьми. Я перестала ѣздить въ садъ, не ходила въ церковь и, съ тѣхъ поръ, не видала его.

Берегитесь, сказалъ онъ мнѣ, задыхаясь отъ волненія, я не люблю уже васъ; но, конечно, не позволю вамъ марать мое имя и разобью вамъ голову, если узнаю что нибудь.

Я не боюсь угрозъ вашихъ, сказала я холодно, и не онѣ заставятъ меня поступать такъ, какъ должно. Я столько уважаю самое себя, что не допущу въ себѣ отступленія отъ обязанностей.

Если бы вы лучше понимали ихъ, сказалъ онъ мнѣ, выходя изъ комнаты, мы не дошли бы до такой мучительной жизни и не узнали бы тѣхъ бѣдствій, которыя скоро на насъ обрушатся.

Я осталась погруженная въ совершенное отчаяніе; съ тѣхъ поръ жизнь моя сдѣлалась рядомъ безпре-

рывныхъ мученій и внѣшнихъ, и внутреннихъ, и семейныхъ и общественныхъ. Послѣ этого разговора, который не привелъ насъ ни къ чему, кромѣ рѣшительнаго разрыва, мужъ мой продолжалъ играть и не могъ уже остановиться, видя себя на краю пропасти; имъ завладѣла мысль, обыкновенная всѣмъ игрокамъ: мысль — отыграться; его единственный отвѣтъ Милькоту, когда этотъ представлялъ ему бѣдственное положеніе дѣлъ, былъ всегда: вотъ придетъ весна — до сихъ поръ я былъ несчастливъ въ игрѣ — но я отыграюсь, непремѣнно отыграюсь, и все поправится.

А между тѣмъ мы были уже должны всѣмъ — правда, роскошь еще видна была въ домѣ нашемъ, и Бертини ее поддерживалъ и выставлялъ, будто на показъ, чтобы уничтожить слухи о его разореніи, которые начинали ходить по городу. Онъ заставлялъ меня ѣздить на балы и выкупалъ мои брилліанты, иногда на одинъ только вечеръ — послѣ чего они снова были заложены. Между тѣмъ для дома нашего все бралось въ долгъ, и часто мы принуждены были выслушивать оскорбительныя и однако справедливыя замѣчанія тѣхъ, которые приходили за деньгами и уходили, обманувшись въ своей надеждѣ. У Лены и Идочки не было уже ни одного учителя — я сама занималась съ ними; я принуждена была отпустить няню ихъ и осталась съ одной горничной, да и той я уже была должна за цѣлый годъ службы — но зачѣмъ исчислять вамъ всѣ эти мелочи, лишенія, заботы, посреди роскошно убраннаго дома, мелочи, отравляющія каждый кусокъ хлѣба, и заботы, не дающія сомкнуть глазъ покойно вечеромъ и пробуждающіяся вмѣстѣ съ человѣкомъ — чтобы неотвязно его преслѣдовать. Прибавьте къ этому совершенный разрывъ мой съ мужемъ — безпрестанные упреки и жалобы мачихи, боявшейся потерять капи-

талъ свой, грубыя выходки Милькота, и вы будете имѣть понятіе о той адской жизни, которую я вела тогда. Мужъ мой заставилъ меня подписать порукой вексель Милькоту, возросшій по неуплатѣ процентовъ до огромной суммы, 15 тысячь серебромъ (я говорю относительно себя), и увѣрилъ его, что моихъ бриліантовъ станетъ на уплату этого долга — однако все это оказалось излишнимъ. Однажды утромъ онъ взялъ у меня билеты сохранной казны, и я не знаю, что сталось съ этими брилліантами — проигралъ ли онъ ихъ, или заплатилъ ими какой нибудь долгъ. Наконецъ все рухнуло — заимодавцы устали ждать — одинъ изъ нихъ подалъ вексель ко взысканію и точно будто далъ сигналъ всѣмъ другимъ; — векселя предъявлены были во множествѣ — и мужъ мой оказался банкрутомъ. Я выѣхала изъ дому, не имѣя ничего, а мужъ мой тотчасъ отправился за границу, обѣщая начать дѣла свои снова; онъ оставилъ меня жить съ мачихой и Милькотомъ и повторилъ мнѣ, отъѣзжая, старыя слова мачихи моей въ былые годы:

Я поручаю васъ семьѣ вашей, зная, что вы не умѣете жить однѣ — не умѣете управлять собою и надѣлаете тысячу глупостей, а я не хочу, чтобы имя мое вошло въ пословицу и было отдано на посмѣшище толпы; Милькотъ будетъ о васъ заботиться.

Я сильно и твердо противилась такому приговору, осуждавшему меня на новыя мученія; но должна была покориться, потому что должна была избирать между этимъ рѣшеніемъ, или разлукой съ дѣтьми. Мужъ мой былъ непреклоненъ — и отвѣтъ его былъ всегда одинаковъ:

Если вы не хотите жить съ мачихою и Милькотомъ, то я возьму дѣтей.

Что мнѣ было дѣлать — необходимость приковала

меня къ нимъ; послѣ всѣхъ треволненій жизни моей, я, будто описавъ фантастическій кругъ, пришла къ той же точкѣ, отъ которой съ такими усиліями я отошла послѣ женитьбы Мишеля. И въ этомъ я вижу туже судьбу, которая, управляя всею жизнію моей, противъ воли привела меня неумолимо къ повторенію жизни моей молодости; я бы нашла исходъ изъ ней — потерявъ уже желаніе жить — умереть не мудрено — твердо и спокойно обдумавши, я сдѣлала бы это — но долгъ связалъ меня опять — что̀ станется съ дочерьми моими? говорила я себѣ; я нужна имъ, люблю ихъ и потому должна обратить всю во мнѣ оставшуюся энергію на то, чтобы подвигаться на дорогѣ жизни, безъ излишней траты чувствительности, которая могла бы ослабить мою жизненную силу и убить меня. Милькотъ представилъ свой вексель къ уплатѣ вмѣстѣ съ другими кредиторами и получилъ только половину денегъ своихъ — я должна ему остальную сумму и уплачиваю проценты, давая уроки, а мало по малу и часть капитала, когда у меня къ концу года остаются деньги. Онъ продолжаетъ ненавидѣть меня, кажется, уже болѣе по привычкѣ, чѣмъ по чувству, а мачиха моя не прощаетъ мнѣ разоренія моего мужа, считая меня первою причиной нашего несчастія въ супружествѣ. Она, конечно, права — какъ всѣ тѣ, которые думаютъ, что можно передѣлать свою натуру и жить съ людьми антипатичными и намъ несродными. Во всемъ этомъ забывается одно — а именно, что самостоятельности нельзя пріобрѣсть также, какъ нельзя и въ себѣ уничтожить ее — что устроеніе характера зависитъ не отъ насъ, а есть не болѣе, какъ врожденная наклонность въ сочетаніи съ развитіемъ всей жизни, и что любить, или ненавидѣть нельзя по заданной мѣркѣ; что эти чувства и вольны, какъ облака, и свободны, какъ птицы — кто знаетъ, откуда и куда

летятъ онѣ? Какъ бы то ни было, существуя при жизни моей мачихи и Милькота и завися отъ нихъ во многомъ, я не имѣю спокойствія и живу между вѣчными волненіями, тревогами, подвергаюсь часто оскорбленіямъ и не знаю, когда избавлюсь отъ всего этого. Въ послѣдніе годы моего замужства, Милькотъ, имѣя только надзоръ за конторой моего мужа, отвыкъ заниматься и, получивъ возможность жить на свои проценты безъ лишеній, не захотѣлъ давать уроковъ. Праздная жизнь его родила между нимъ и моей мачихой разныя столкновенія — она старше его — онъ давно уже пересталъ любить ее и, вѣроятно, имѣетъ новыя связи и привязанности; она ревнуетъ и часто съ нимъ ссорится — жизнь ихъ вмѣстѣ есть безпрерывное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же распрей—мачиха переходитъ часто отъ ревности къ угожденію и обратно, а онъ видитъ все это довольно хладнокровно, и если бываетъ очень недоволенъ, то переноситъ свое дурное расположеніе духа на всю семью и отмщаетъ на ней свои супружескія смуты. Разумѣется, я и дѣти, мы терпимъ отъ этого бо̀льше моей мачихи. Вся моя надежда заключается теперь въ достиженіи единственнаго блага, мнѣ еще доступнаго, — независимости — и, слѣдственно, вмѣстѣ съ ней спокойствія. Когда и какъ? Не знаю — не имѣю причины надѣяться; — но жду, вѣроятно, въ силу той странной способности, далеко затаенной въ человѣкѣ, которая заставляетъ его надѣяться всегда, вопреки здравому смыслу. Я высоко цѣню спокойствіе и думаю, что послѣ всѣхъ несчастій, я насладилась бы имъ съ жадностію, сродной людямъ, погубившимъ молодость и всю ея обольстительную обстановку въ безплодныхъ волненіяхъ, отъ которыхъ осталось только уничтоженіе всего — пыль и прахъ надеждъ! Спокойствіе — высокое благо — одно дѣйствительное благо от-

жившей жизни — безпечный сонъ младенца и неподвижная фигура старца, грѣющагося на солнцѣ, для меня тождественны: это покой — передъ дѣятельностію — покой-послѣ нея! — Крайности сходятся!

Теперь, друзья мои, вы знаете всю жизнь мою—я спѣшила кончить разсказъ мой и быстро передала вамъ въ немногихъ словахъ послѣднія обстоятельства, послѣднее время моей супружеской жизни—такъ тяжело было мнѣ говорить объ этихъ послѣднихъ буряхъ, хаосъ которыхъ я не люблю тревожить, оставляя его въ темныхъ отдѣлахъ сердца. Воспоминанія мои касаются его осторожно, и тайное отвращеніе присутствуетъ, когда мой внутренній міръ вызываетъ этотъ хаосъ изъ ничтожества, на которое осудилъ его мой рузумъ. Кажется мнѣ, что жизнь моя, вмѣстѣ взятая, была выше силъ моихъ—но я продолжаю ее во имя долга, можетъ быть, и по привычкѣ, чисто машинально — иногда съ стоицизмомъ, основаніе котораго есть чистое ко всему равнодушіе. Не судите впрочемъ, скажу я въ заключеніе, о несчастіи по факту несчастія — все здѣсь на свѣтѣ измѣряется относительно — что̀ разбило меня и заставило меня выдти изъ испытанія съ убитой душой и силой, могло бы только навѣять грусть на другую, не столь гордую натуру — она примирилась бы со многимъ и тѣмъ самымъ измѣнила бы сама судьбу свою — я не могла сдѣлать этого; я боролась долго — съ дѣтства до сихъ поръ и борьба меня уничтожила — признаюсь, я пала, другіе побѣдили меня; но и тутъ гордость моя не смолкла—она стоитъ высоко и всегда твердитъ мнѣ, какъ Францискъ первый: «все погибло, кромѣ чести» — честь борьбы, правда жизни, чистота стремленій остались за мною—и это богатство донесу я до могилы!

Евгенія Туръ.

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ.

(драматическій этюдъ).

А. Н. Островскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Сергѣй Андреичъ Розовый, неслужащій помѣщикъ лѣтъ 27.

Павелъ Гаврилычъ Дружнинъ, чиновникъ, товарищъ Розоваго по учебному заведенію.

Софья Антоновна, вдова — лѣтъ 30-ти.

Маша, горничная Софьи Антоновны.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кабинетъ холостаго человѣка. Розовый лежитъ на диванѣ.

I.

РОЗОВЫЙ *(одинъ)*.

Однако это чертъ знаетъ, какъ глупо! Даже совѣстно!... Вѣдь вотъ одинъ сидишь, а тебя въ краску бросаетъ. А еще считаешь себя порядочнымъ человѣкомъ, про другихъ говоришь: тотъ не такъ себя ведетъ, другой смѣшонъ. А что можетъ быть хуже моего-то поведенія? Совершенная гадость! Ну на что это похоже, что не могу я видѣть женщины равнодушно; какъ только подойду, такъ теряю и разсудокъ и всякое соображеніе, говоришь и дѣлаешь такія вещи, что послѣ, какъ будто, тебѣ все это во снѣ снилось. Ну съ чего я такъ разнѣжился вчера, напримѣръ. Сначала-то, какъ и путный, заговорилъ съ ней о погодѣ, о литературѣ, а тамъ и пошелъ, и пошелъ: «и какое блаженство быть любимымъ такой женщиной, какъ вы, Софья Антоновна! Да я не смѣю и мечтать о такомъ счастіи...» Положимъ, что и другіе тоже говорятъ, да у нихъ это, какъ то, на шутку похоже; а вѣдь я чуть не со слезами. Ахъ ты гадость какая! Да и Софья-то Антоновна хороша тоже!... Ей бы посмѣяться надо мной и кончено дѣло, — я бы и не лезъ

больше; а то: «да вамъ вѣрить нельзя, да вы всѣ такъ говорите...» А я-то клясться, я-то божиться !... Фу!... *(Закрываетъ лицо руками)*. Для чего это я дѣлалъ, теперь спрашивается ? Жениться на ней мнѣ совсѣмъ нѣтъ никакой надобности; я могу найдти и лучше ея и богаче. А вѣдь я, по своей глупости , такъ повелъ дѣло, что она теперь думаетъ, будто я влюбленъ безъ памяти, и ей остается только осчастливить меня на всю жизнь. Да какъ ей не думать, когда я самъ клянусь ей въ этомъ !... Ахъ, дуракъ, дуракъ ! *(лежитъ молча)*. Да вотъ что гадко-то, что каждая такая глупость меня мучитъ послѣ ; изъ головы не выходитъ. Вѣдь забываешь же иногда вещи и важнѣе , а тутъ вдругъ, ни съ того ни съ сего , придетъ тебѣ въ голову, иногда даже во время разговора съ кѣмъ нибудь, — весь вспыхнешь и сконфузишься чертъ знаетъ чему. Ужъ я и не знаю, говорить ли мнѣ объ этомъ Дружнину, или нѣтъ. Онъ взбѣсится на меня, непремѣнно взбѣсится , изругаетъ пожалуй ! .. А все таки надобно съ нимъ посовѣтоваться, это дѣло начинаетъ принимать серьёзный характеръ . Только я думаю не разсказывать ему всѣхъ-то глупостей, а такъ кое что, слегка, да и попросить у него совѣта. А то женишься пожалуй, ей Богу, женишься ! Ужъ у меня сердце чувствуетъ, что женюсь когда нибудь такъ совсѣмъ на посторонней женщинѣ ; вдругъ предложу руку, да и кончено дѣло *(задумывается)*. А какая тамъ вчера была дѣвушка !... Что это за прелесть ! Вотъ красавица-то. Меня такъ и подмывало поговорить съ ней о чемъ нибудь , да боялся. Ну вдругъ , ни съ того ни съ сего, откроешься въ любви... Дѣвочка молоденькая !... Что должна подумать ? Либо обидится , либо за дурака сочтетъ.

II.

ДРУЖИНИНЪ *(входитъ)*.

Здравствуй, Серёжа!

РОЗОВЫЙ.

А, здравствуй, Павелъ!

ДРУЖИНИНЪ *(садится)*.

Ну, что новенькаго у тебя?

РОЗОВЫЙ.

Какія же у меня могутъ быть новости!

ДРУЖИНИНЪ.

Что ты толкуешь: какія новости! Вѣдь я тебя цѣлую недѣлю не видалъ — неужели ты все дома сидѣлъ?

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, не все дома, былъ кое гдѣ.

ДРУЖИНИНЪ.

А гдѣ-жъ бы это, напримѣръ?

РОЗОВЫЙ.

Въ театрѣ былъ, еще кое куда заѣзжалъ.

ДРУЖИНИНЪ.

Да куда же? Что это за скрытность въ тебѣ, Серёжа, какъ это гадко! Право вѣдь, Серёжа, гадко. Я, кажется, отъ тебя ни чего не скрываю.

РОЗОВЫЙ.

Никакой тутъ скрытности нѣтъ; да не люблю я толковать о пустякахъ.

ДРУЖИНИНЪ.

Какіе же это пустяки? Ну, какіе пустяки! Ты меня выведешь изъ терпѣнія. Человѣкъ у тебя съ участіемъ спрашиваетъ, заботится о тебѣ, а ты говоришь: пустяки.

РОЗОВЫЙ.

Да, ей Богу, Паша, разсказывать нечего; скажи ты что нибудь.

ДРУЖИНИНЪ.

Что я забавлять что-ли тебя пришелъ! Да что ты въ самомъ дѣлѣ?— Я отрываюсь отъ дѣла, бѣгу къ

нему безъ памяти: не случилось ли чего? а онъ и знать не хочетъ. Нѣтъ, ужъ это ни на что не похоже. Ну, полно, Серёжа, не дурачься, скажи, гдѣ былъ; въ середу, я знаю, ты былъ въ театрѣ, а потомъ?

РОЗОВЫЙ.

Ну, а потомъ: въ пятницу у Софьи Антоновны, въ субботу у Хохловыхъ, вчера опять у Софьи Антоновны, вотъ тебѣ и все.

ДРУЖНИНЪ.

Постой, постой! У какой Софьи Антоновны? Что эта за Софья Антоновна? Я что-то прежде не слыхалъ объ ней.

РОЗОВЫЙ.

Какъ, братецъ, не слыхалъ, — я, кажется, говорилъ тебѣ.

ДРУЖНИНЪ.

Когда говорилъ? Ничего ты мнѣ не говорилъ — ты врешь!... Нѣтъ, братъ, это у тебя какія-то новости! И ужъ навѣрно глупость какая нибудь.

РОЗОВЫЙ.

Да какія же, Паша, глупости? Никакихъ глупостей нѣтъ.

ДРУЖНИНЪ.

Ужъ пожалуйста не говори, я тебя знаю. Ни слова не скажешь и знакомишься, чертъ знаетъ, съ кѣмъ!

РОЗОВЫЙ.

Да я ужъ съ ней давно знакомъ.

ДРУЖНИНЪ.

Вотъ это мило! Да какъ же я-то ничего не знаю. Что ты со мной дѣлаешь, скажи ты, сдѣлай милость?

РОЗОВЫЙ.

Да не стоитъ знать-то — такъ, пустое знакомство.

ДРУЖНИНЪ.

Да все таки подло!... Если она хорошая женщина, ты и меня долженъ былъ познакомить съ ней.

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Паша, не стоитъ. Я напередъ знаю, что она тебѣ не понравится.

ДРУЖНИНЪ.

А ты-то для чего знакомъ съ ней?

РОЗОВЫЙ.

Да такъ, нечаянно познакомились.

ДРУЖНИНЪ.

Что она вдова?

РОЗОВЫЙ.

Вдова.

ДРУЖНИНЪ.

Богата?

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, нельзя сказать.

ДРУЖНИНЪ.

Хороша собой что-ли?

РОЗОВЫЙ.

Ничего особеннаго; самое обыкновенное лицо.

ДРУЖНИНЪ.

Ну, ужъ это рожа. Коли ты говоришь, что обыкновенное лицо, такъ ужъ нечего и толковать.

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, ужъ ты, Паша, слишкомъ пересаливаешь! А по правдѣ-то сказать, такъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего привлекательнаго.

ДРУЖНИНЪ.

По крайней мѣрѣ, умная женщина, или ужъ добра очень, что-ли?

РОЗОВЫЙ.

Ну и этого не скажу. Есть у нея что-то въ характерѣ, что̀ мнѣ не нравится.

ДРУЖНИНЪ.

Что-же ты въ ней нашелъ? теперь спрашивается.

РОЗОВЫЙ.

Ничего не нашелъ. Ужъ будто непремѣнно нужно

искать чего нибудь. Знакомъ также, какъ и всѣ съ ней знакомы, ни больше ни меньше.

ДРУЖНИНЪ.

Какъ-же, повѣрю я тебѣ! То-то и бѣда моя, что ты никогда не дѣлаешь такъ, какъ люди-то дѣлаютъ. Ну, разсказывай теперь мнѣ, какъ ты съ ней познакомился, въ какихъ вы съ ней отношеніяхъ и такъ далѣе...

РОЗОВЫЙ.

Да зачѣмъ, Паша?

ДРУЖНИНЪ.

Серёжа!... Ну, сдѣлай милость! Голубчикъ! Ну, я прошу тебя.

РОЗОВЫЙ.

Изволь, изволь!... Познакомился я съ ней у Окуневыхъ. Потомъ, дня черезъ три, встрѣтилъ ее на Кузнецкомъ Мосту: идетъ пѣшкомъ... Посмотрѣлъ бы ты, какъ идетъ!... Прелесть! Походка какая!... Ахъ, Паша, какъ иныя женщины ходятъ.

ДРУЖНИНЪ.

Ну, такъ, такъ, я ужъ тебя знаю. Продолжай, продолжай!

РОЗОВЫЙ.

Ну, встрѣтились мы. Она меня звала къ себѣ.

ДРУЖНИНЪ.

Ты, разумѣется, поѣхалъ.

РОЗОВЫЙ.

Извѣстно, поѣхалъ. Отъ чего-жъ не поѣхать?

ДРУЖНИНЪ.

Ну, потомъ что?

РОЗОВЫЙ.

Такъ и познакомились.

ДРУЖНИНЪ.

Что-жъ ты у ней дѣлаешь?

РОЗОВЫЙ.

То-же, что и другіе... Вотъ что, Паша, — ты меня

этакими вопросами только съ толку сбиваешь, а я съ тобой серьёзно хотѣлъ поговорить объ этомъ дѣлѣ.

ДРУЖНИНЪ.

Ну, говори, говори! — Говори скорѣй!

РОЗОВЫЙ.

Только ты меня не перебивай, сдѣлай милость. Ей Богу, ты, Паша, ко мнѣ ужъ очень строгъ: я право всегда тебя конфужусь.

ДРУЖНИНЪ.

Ну, хорошо, хорошо! Я слушаю *(Розовый задумывается)*. Да говори скорѣй, не мучь ты меня.

РОЗОВЫЙ.

Дѣло, Паша, важнѣе того, какъ ты думаешь. Я запутался совершенно, и не знаю, какъ мнѣ быть теперь. Вотъ видишь-ли: былъ я на этой недѣлѣ у Хохловыхъ, тамъ была и она. Я не знаю, братецъ, что со мной сдѣлалось: я въ этотъ вечеръ былъ въ особенномъ расположеніи къ нѣжности. Я предложилъ довезти ее домой на моихъ лошадяхъ. Да ты не сердись, пожалуйста.

ДРУЖНИНЪ.

Ну, ну...

РОЗОВЫЙ.

Она согласилась. Зашелъ къ ней, посидѣлъ у нея съ полчасика, потолковали кой о чемъ, и пришла же мнѣ въ голову мысль цѣловать у ней ручки.

ДРУЖНИНЪ.

Обѣ?

РОЗОВЫЙ.

Обѣ.

ДРУЖНИНЪ.

Экой дуракъ-то!

РОЗОВЫЙ.

Ну, и вчера тоже самое. Вчера ужъ я такъ разнѣжился, что право, Паша...

ДРУЖНИНЪ.

Ну что?

РОЗОВЫЙ.

Самому, Паша, совѣстно!...

ДРУЖНИНЪ.

Ну, что же ты такую глупую рожу то сдѣлалъ? Чему ты смѣешься? Дѣлаетъ глупости, да еще смѣется. Это просто изъ рукъ вонъ. *(Ходитъ по комнатѣ)*. Ахъ, Боже мой, Боже мой, что онъ дѣлаетъ! *(Подходитъ къ Розовому)*. Ну, Серёжа, я буду говорить съ тобой хладнокровно. Скажи теперь ты мнѣ откровенно; зачѣмъ ты цѣловалъ у нея руки, зачѣмъ? Ну, говори, что же ты молчишь? Еще мнѣ понятно, что человѣкъ съ слабымъ сердцемъ можетъ поцѣловать руку у женщины при случаѣ; ну, чертъ возьми, что за важность! Да зачѣмъ ты другую-то цѣловалъ?

РОЗОВЫЙ.

Зачѣмъ? Самъ не знаю зачѣмъ!... Такъ поцѣловалъ, да и все тутъ!

ДРУЖНИНЪ.

Вотъ гнусная-то черта въ твоемъ характерѣ. Вотъ она всегда тебя путаетъ. Это досадно до смерти; ты вѣдь не дуракъ по природѣ, ну, и образованный человѣкъ, а что ты дѣлаешь!...

РОЗОВЫЙ.

Ты, Паша, не сердись, сдѣлай милость.

ДРУЖНИНЪ.

Да какъ же на тебя не сердиться, когда ты, чертъ знаетъ, что дѣлаешь. Ахъ, батюшки мои! Ужъ ты попадешься когда нибудь.

РОЗОВЫЙ.

Да что-жъ, братъ, дѣлать-то, нельзя удержаться.

ДРУЖНИНЪ.

Не говори мнѣ этого, сдѣлай милость! Нельзя удержаться! Это только ты одинъ не можешь удержаться. Такъ, каша какая-то, смотрѣть противно. А отъ чего? Отъ того, что распущенъ очень характеръ, до того распущенъ, что подло, просто подло!...

РОЗОВЫЙ.

Да, да, Паша, скверно, я самъ вижу, что скверно. Плохое мнѣ житье съ моимъ характеромъ. Иногда бываетъ такъ неловко, такъ конфузно, что не знаешь куда спрятаться отъ самаго себя.

ДРУЖИНИНЪ.

Вотъ видишь, Серёжа, вѣдь ты самъ это чувствуешь. Что же ты не стараешься, Серёжа, какъ нибудь исправиться?

РОЗОВЫЙ.

Какъ тутъ исправишься?

ДРУЖИНИНЪ.

Да ты вотъ что попробуй: ты прикинься разочарованнымъ. Попробуй, Серёжа!

РОЗОВЫЙ.

Да что толку-то.

ДРУЖИНИНЪ.

Да ты попробуй.

РОЗОВЫЙ.

Да ужъ я пробовалъ.

ДРУЖИНИНЪ.

Что же?

РОЗОВЫЙ.

Еще хуже!... Нѣтъ, Паша, для этого нужны люди съ сильными характерами. Ахъ, какъ гадко! Боже мой, какъ гадко! Лѣзешь ко всякому съ нѣжностію, съ откровенностію Надъ тобой смѣются, разсказываютъ про тебя анекдоты!...

ДРУЖИНИНЪ.

Видишь, Серёжа, видишь!... Вѣдь вотъ ты самъ понимаешь.

РОЗОВЫЙ.

Да что же мнѣ дѣлать-то? Ужъ вѣдь это у меня съ дѣтства. Ты не повѣришь, Паша, меня маленькаго даже сѣкли за это. Да что, это ничего! Кабы ты зналъ, сколько я перенесъ непріятностей за свой характеръ! Я просто не знаю, что мнѣ дѣлать съ собой. Я уѣду

куда нибудь... непремѣнно уѣду. Поѣду къ себѣ въ деревню и останусь тамъ на всю жизнь. Ты, Паша, навѣщай меня, сдѣлай милость.

ДРУЖНИНЪ.

Полно, полно, Серёжа, что ты!

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Паша, уѣду, непремѣнно уѣду.

ДРУЖНИНЪ.

Что ты дурачишься-то, что ты?

РОЗОВЫЙ.

Да развѣ ты не видишь, что нельзя мнѣ здѣсь оставаться?

ДРУЖНИНЪ.

Да отъ чего же?

РОЗОВЫЙ.

А характеръ-то у меня какой...

ДРУЖНИНЪ.

Что-жъ такое характеръ?

РОЗОВЫЙ.

Скверный характеръ, неприличный. Какъ же я съ такимъ характеромъ здѣсь останусь?

ДРУЖНИНЪ.

Полно, полно, Серёжа! Ты гордись своимъ характеромъ. Я бы самъ желалъ имѣть такое сердце, какъ ты.

РОЗОВЫЙ *(жметъ ему руку съ чувствомъ).*

Паша! Ты мой другъ настоящій, единственный, это видно изо всего. Вотъ теперь ты меня хочешь утѣшить только, а совсѣмъ не то говоришь, что чувствуешь.

ДРУЖНИНЪ.

Ей Богу, Серёжа, что чувствую, ей Богу!

РОЗОВЫЙ.

Эхъ, Паша!... *(Сидитъ задумавшись).*

ДРУЖНИНЪ.

Серёжа, Серёжа! выслушай ты меня. Вѣдь если это разбирать строго, съ настоящей точки зрѣнія, этого

нельзя назвать даже недостаткомъ, — это скорѣй хорошее качество.

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Паша, не говори: это скверная черта. Постоянно доходятъ до тебя стороной обидныя замѣчанія; постоянно краснѣешь, конфузишься самъ за себя.

ДРУЖИНИНЪ.

Да чего же конфузиться-то!

РОЗОВЫЙ.

Да какъ же не конфузиться: принимаютъ тебя за дурака, да не то что за дурака, а гораздо хуже, обиднѣе.

ДРУЖИНИНЪ.

А тебѣ что за дѣло? Всегда найдутся люди, которые съумѣютъ оцѣнить тебя. А что ошибся раза два—три — это не важность. Не уголовное дѣло, вѣдь не подлость же какую нибудь ты сдѣлалъ.

РОЗОВЫЙ.

Такъ ты думаешь, Паша, что это не важность? Поддерживай меня, Паша, а то меня мнительность моя замучаетъ до смерти. Мнѣ иногда приходитъ въ голову, что это въ самомъ дѣлѣ не важность.

ДРУЖИНИНЪ.

Да разумѣется!

РОЗОВЫЙ.

Ей Богу, Паша, мнѣ всегда нужна поддержка. Вѣдь вотъ теперь я самъ вижу, что это не важность — просто вздоръ, да и все тутъ. Ты меня развеселилъ, Паша! Поѣдемъ сегодня въ театръ.

ДРУЖИНИНЪ.

Пожалуй, поѣдемъ. Что это тебѣ вдругъ пришло въ голову?

РОЗОВЫЙ.

Да такъ. Поѣдемъ, да и все тутъ.

ДРУЖИНИНЪ.

Вотъ ты опять, Серёжа, затѣваешь что-то...

РОЗОВЫЙ.

Ничего не затѣваю. Это таже исторія.

ДРУЖНИНЪ.

Какая таже?

РОЗОВЫЙ.

Софья Антоновна звала.

ДРУЖНИНЪ.

Какъ звала?

РОЗОВЫЙ.

Да такъ, просто: я вчера сталъ съ ней прощаться, а она мнѣ и говоритъ: пріѣзжайте завтра ко мнѣ въ ложу... А изъ театра къ ней на минуточку заѣхать.

ДРУЖНИНЪ.

Ты и поѣдешь.

РОЗОВЫЙ.

Поѣду!...

ДРУЖНИНЪ.

И таки рѣшительно поѣдешь?

РОЗОВЫЙ.

Рѣшительно поѣду!... *(смотритъ на часы)*. Да ужъ и пора.

ДРУЖНИНЪ.

Серёжа! Я тебя умоляю, не ѣзди.

РОЗОВЫЙ.

Нельзя, Паша!

ДРУЖНИНЪ.

Серёжа! если ты хочешь быть мнѣ другомъ, такъ не ѣзди.

РОЗОВЫЙ.

Нельзя, Паша, ей Богу, нельзя, — я далъ честное слово.

ДРУЖНИНЪ.

Серёжа, не ѣзди!...

РОЗОВЫЙ.

Говорятъ тебѣ, нельзя!

ДРУЖНИНЪ.

Отъ чего нельзя? — Скажи, что боленъ.

РОЗОВЫЙ.

Какъ же это можно: я нынче обѣдалъ съ ея двоюроднымъ братомъ.

ДРУЖНИНЪ.

Да что ты дѣлаешь-то, опомнись!...

РОЗОВЫЙ.

Да вѣдь ты самъ сказалъ, что это не важность.

ДРУЖНИНЪ.

Ишь ты выдумалъ — не важность! Это-то и важно. Не важность! Да разсуди ты хорошенько. Ты вотъ запутаешься, женишься.... Вѣдь ужъ непремѣнно женишься, стоитъ только женщинѣ тебя въ руки взять. Жена у тебя не хороша, по всему видно, кокетка; еще, можетъ быть, зла. Начнетъ кокетничать съ другими, тобой явно пренебрегать, капризничать; ты, разумѣется, по мягкости своей, не будешь смѣть сказать противъ нея ни одного слова; ты будешь все переносить на себѣ, не позволишь даже себѣ высказаться, еще самъ, пожалуй, влюбишься въ кого нибудь: начнешь тосковать,— запьешь, застрѣлишься, либо отъ горя съ ума сойдешь. Вотъ вѣдь какая участь ожидаетъ тебя! Отъ чего нибудь да умеръ у нея первый-то мужъ. Вотъ какая ужасная перспектива передъ тобой. *(Розовый стоитъ задумавшись)*. Пользуйся своимъ положеніемъ, пока еще совершенно свободенъ въ выборѣ.

РОЗОВЫЙ.

Да я совершенно еще свободенъ.

ДРУЖНИНЪ.

Ты можешь взять молоденькую дѣвушку съ неиспорченной душой, съ добрымъ сердцемъ, которая способна будетъ оцѣнить твою нѣжность.

РОЗОВЫЙ.

Да, да, Паша, молоденькую дѣвушку, именно молоденькую дѣвушку. Ахъ, какъ это хорошо взять молоденькую дѣвушку. А какую я, Паша, знаю дѣвочку, лѣтъ 18.

ДРУЖИНИНЪ.

Ну, вотъ видишь.

РОЗОВЫЙ.

Красавица!... Ужъ какая красавица-то... Только, Паша, этого быть не можетъ.

РОЗОВЫЙ.

Чего быть то не можетъ?

РОЗОВЫЙ.

Да какъ же? эдакая красавица, щечки такъ и горятъ, и вдругъ — твоя жена!...

ДРУЖИНИНЪ.

Что-жъ тутъ удивительнаго?

РОЗОВЫЙ.

Мнѣ все кажется, что это только въ романахъ бываетъ; я бы, кажется, самъ не посмѣлъ посвататься за такую красавицу.

ДРУЖИНИНЪ.

Вотъ ты дуракъ-то какой.

РОЗОВЫЙ.

А вѣдь иногда, Паша, какъ размечтаешься объ этомъ, такъ, кажется, можно съ ума сойдти отъ счастья. Ты представь себѣ — красавица, и эта красавица — твоя жена!...

ДРУЖИНИНЪ.

Ну, вѣдь вотъ ты самъ понимаешь.

РОЗОВЫЙ.

Такъ не ѣздить?

ДРУЖИНИНЪ.

Не ѣзди, Серёжа, сдѣлай милость не ѣзди!

РОЗОВЫЙ *(садится на стулъ со шляпой въ рукѣ)*.

Не поѣду! Видишь-ли, Паша, какой я послушный... *(смотритъ на часы)*. Пять минутъ восьмаго. Знаешь-ли что, Паша, — мы съ тобой въ кресла поѣдемъ, рядомъ возьмемъ. Я къ ней въ антрактѣ зайду на минуточку, да и назадъ. Коли не вѣришь, пойдемъ со мной — ты меня подождешь въ корридорѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не такъ совѣстно будетъ; вѣдь ты знаешь,

какъ я совѣстливъ въ этихъ вещахъ. А то вдругъ обѣщалъ, да и не былъ, на что это похоже.

ДРУЖИНИНЪ.

А изъ театра поѣдешь къ ней чай пить?

РОЗОВЫЙ.

Можно и не ѣздить, — скажу, что нездоровится. А ужъ коли очень станетъ приставать, такъ... такъ мы поѣдемъ вмѣстѣ. Вотъ и прекрасная мысль! Прекрасно, прекрасно; какъ это мнѣ прежде не пришло въ голову. Мы поѣдемъ вмѣстѣ: ты меня будешь останавливать; по крайней мѣрѣ, ты все увидишь своими глазами.

ДРУЖИНИНЪ.

Ну, хорошо, поѣдемъ; только ты у меня смотри!..,

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Паша, какъ я тебѣ благодаренъ! Другъ ты мой! Вотъ другъ-то!...

ДРУЖИНИНЪ.

Ты помни, какая тебя ожидаетъ перспектива, если ты женишься на этой женщинѣ.

РОЗОВЫЙ.

Знаю, знаю... *(задумывается)*... Перспектива ужасная! *(Идутъ къ дверямъ)*.

ДРУЖИНИНЪ.

И хорошо еще, что я поспѣлъ во время, чтобы спасти тебя изъ этой пропасти.

РОЗОВЫЙ.

Спасибо тебѣ, Паша, спасибо!...

(Уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Гостиная въ домѣ Софьи Антоновны.

I.

Изъ передней входятъ Софья Антоновна въ шляпкѣ и Розовый.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Послушайте, Сергѣй Андреичъ, я на васъ разсержусь.

РОЗОВЫЙ.

Да за что-же, Софья Антоновна?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Я ужъ вамъ сказала, чтобы вы мнѣ не говорили комплиментовъ.

РОЗОВЫЙ.

Да ей Богу, Софья Антоновна, это не комплименты. Ей Богу, не комплименты!

Знаю я васъ, вамъ повѣрь, а послѣ...

РОЗОВЫЙ.

Мнѣ то, Софья Антоновна, не повѣрить? Мнѣ-то не повѣрить? Господи!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Вамъ-то я именно и не повѣрю Софья Антоновна.

РОЗОВЫЙ.

Софья Антоновна! да за что-же? Да вы мнѣ прикажите доказать чѣмъ нибудь, коли словамъ не вѣрите.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Ну, хорошо, хорошо... Кто это съ вами пріѣхалъ?

РОЗОВЫЙ.

Одинъ мой короткій пріятель, Дружнинъ, отличнѣйшій человѣкъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

У вас всѣ отличные!

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Софья Антоновна, вы ужъ повѣрьте мнѣ. Это совсѣмъ особенный человѣкъ, совсѣмъ особенный. Какая душа у этого человѣка! Необыкновенная! Онъ давно хотѣлъ съ вами познакомиться.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

А я, было, думала, что мы съ вами проведемъ вечеръ вдвоемъ. Я такъ расположена была къ этому; я даже брату не велѣла пріѣзжать.

РОЗОВЫЙ.

Вы, Софья Антоновна?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Сергѣй Андреичъ! Вотъ вы и сами мнѣ не вѣрите, и вамъ тоже нужны доказательства.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Софья Антоновна! Нѣтъ, Софья Антоновна!... Такъ я пойду прогоню его. Онъ ничего... Онъ отличнѣйшій человѣкъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Что вы, что вы!... Какъ это можно!...

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, какъ-же это?...

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Что-жъ дѣлать-то — сами виноваты.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, какая досада! *(Входитъ Дружининъ).*

РОЗОВЫЙ.

Рекомендую вамъ, Софья Антоновна, лучшаго моего друга.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Очень пріятно. Я такъ много слышала объ васъ отъ Сергѣя Андреевича.

ДРУЖИНИНЪ.

Я давно желалъ-съ... и давно просилъ Сергѣя Андреевича.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Садитесь, господа! Сергѣй Андреичь, займите вашего пріятеля, а меня извините; я васъ оставлю на минуту. *(Уходитъ)*.

II.

ДРУЖНИНЪ *(отводитъ Розоваго на аванъ-сцену)*.

Какъ ты себя подло велъ, просто смерть. Измучилъ ты меня.

РОЗОВЫЙ.

Да чѣмъ-же, Паша, измучилъ! Ты ко мнѣ ужъ очень пристаешь ныньче.

ДРУЖНИНЪ.

Во первыхъ: ты сказалъ, что пойдешь къ ней въ ложу на одну минуту, а я тебя въ корридорѣ ждалъ цѣлый часъ, ровно часъ, такъ что капельдинеровъ стало совѣстно. Вотъ, ты всегда своихъ пріятелей въ такія положенія ставишь. Во вторыхъ: шепчутся, любезничаютъ... Объ чемъ вы тамъ шептались?

РОЗОВЫЙ.

Да такъ ни о чемъ, о пустякахъ!

ДРУЖНИНЪ.

Такъ отъ чего-же было таять-то?

РОЗОВЫЙ.

Да какъ-же, Паша! Вѣдь легко разсуждать объ этомъ, а былъ бы ты самъ на моемъ мѣстѣ... Надобно послушать, Паша, какъ она говоритъ. Нѣтъ, я давича ошибался: она умна, очень умна.

ДРУЖНИНЪ.

Ну, такъ я и ожидалъ! Значитъ весь нашъ разговоръ пошелъ на вѣтеръ. Да выслушай ты меня, Сережа, я готовъ просить тебя со слезами, выслушай ты меня...

РОЗОВЫЙ *(смотритъ на дверь)*.

Говори, Паша, я слушаю.

ДРУЖИНИНЪ.

Да, слушаешь ты.

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Паша, право, здѣсь не мѣсто, ей Богу, не мѣсто. Мы лучше въ другой разъ какъ нибудь.

ДРУЖИНИНЪ.

Пропащій ты человѣкъ!

(Входитъ Маша, съ чайнымъ приборомъ).

РОЗОВЫЙ.

Что, Маша, одѣлась Софья Антоновна?

МАША.

Одѣлись? Сей часъ выйдутъ *(уходитъ)*.

ДРУЖИНИНЪ.

Прощай, Серёжа.

РОЗОВЫЙ.

Что ты, что ты? Какъ это можно. Погоди немножко!

ДРУЖИНИНЪ.

Нѣтъ ужъ довольно! Помучилъ ты меня нынѣшній вечеръ!

РОЗОВЫЙ.

Ну, немножко, Паша. Я самъ сей часъ поѣду. *(Вынимаетъ часы)*. Вотъ черезъ четверть часа.

ДРУЖИНИНЪ.

Изволь, я на четверть часа останусь, только ужъ ни одной секунды больше, я тебѣ заранѣе говорю.

РОЗОВЫЙ.

Вотъ какъ будетъ половина 12-го, такъ и поѣдемъ.

III.

Входитъ Софья Антоновна.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Извините, господа, что я заставила васъ дожидаться. *(Розовый садится подлѣ нея)*. Господинъ Дружининъ! *(къ Розовому)*. Какъ его зовутъ?

РОЗОВЫЙ.

Павелъ Гавриловичъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Павелъ Гавриловичъ, садитесь къ намъ поближе. *(Дружнинъ подвигается)*. Какъ вамъ показался сегоднишній спектакль?

ДРУЖНИНЪ.

Не знаю, какъ вамъ сказать, я мало смотрѣлъ на сцену.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Куда-жъ вы смотрѣли?

ДРУЖНИНЪ.

Я больше смотрѣлъ на зрителей.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Да, кажется, смотрѣть то было не на что! Народу было не много, хорошенькихъ лицъ я не видала ни одного.

ДРУЖНИНЪ.

Ахъ, нѣтъ; я совсѣмъ не того ищу. Я не большой охотникъ смотрѣть на хорошенькія лица издали.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Такъ чего-же вы ищете? А, я догадываюсь: вы, вѣроятно, ищете пищи для остроумія?

ДРУЖНИНЪ.

Да-съ! — Вы угадали.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Вотъ какъ!... Такъ вы опасный человѣкъ.

РОЗОВЫЙ.

Не вѣрьте, Софья Антоновна, — онъ шутитъ. А вѣдь первая пьеса прошла очень хорошо.

ДРУЖНИНЪ.

Да ты видѣлъ ли ее?

РОЗОВЫЙ.

Конечно видѣлъ. Какъ прекрасно сыграна была роль племянника. Ты не знаешь, кто игралъ?

ДРУЖНИНЪ.

Какого племянника?

РОЗОВЫЙ.

Ну, что влюбленъ.

ДРУЖИНИНЪ.

Никакого племянника не было. Что попался!

РОЗОВЫЙ (*сконфузившись*).

Такъ я перемѣшалъ, должно быть... Софья Антоновна, что-же вы не курите?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, я и забыла совсѣмъ! Принесите мои папиросы, они тамъ на столикѣ.

(*Розовый проворно встаетъ и уходитъ*).

IV.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Не правда ли, что вашъ другъ очень любезный человѣкъ!

ДРУЖИНИНЪ.

Мнѣ кажется, ужъ черезъ чуръ!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

А развѣ это дурно?

ДРУЖИНИНЪ.

Я съ своей стороны не нахожу въ этомъ ничего привлекательнаго. Что за мужчина, который готовъ растаять отъ всякой женщины?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Мнѣ кажется, что это все таки лучше, чѣмъ быть злымъ человѣкомъ!

ДРУЖИНИНЪ.

Едва ли!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Вы думаете! Я не нахожу этого; впрочемъ, какъ кому кажется. Вы курите?

ДРУЖИНИНЪ.

Курю.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Курите, сдѣлайте одолженіе. (*Дружининъ закуриваетъ папиросу. Непродолжительное молчаніе*). Мнѣ очень не нравится въ молодыхъ людяхъ, когда они

прикидываются разочарованными. Это такъ не трудно нынче; да и едва ли они этимъ что нибудь выигрываютъ.

ДРУЖНИНЪ.

Впрочемъ и они имѣютъ успѣхъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Сомнительно! Вѣдь много очень и клевещутъ на женщинъ. Женщина, которая понимаетъ свое назначеніе, повѣрьте, не увлечется искуснымъ разыгрываніемъ заранѣе заученной роли. По крайней мѣрѣ, для меня они всегда казались смѣшны.

ДРУЖНИНЪ.

Я съ вами согласенъ; но много ли такихъ женщинъ?...

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Повѣрьте, что женщинъ, понимающихъ свои обязанности, гораздо больше, чѣмъ мужчинъ.

ДРУЖНИНЪ.

Въ этомъ позвольте съ вами не согласиться.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Очень понятно, вы мужчина... что касается до меня, высшее блаженство для женщины — быть хорошей женой и хорошей матерью. Впрочемъ это мое личное мнѣніе, и я его никому не навязываю.

ДРУЖНИНЪ.

Это очень похвальное убѣжденіе. (*Молчаніе*).

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Что же онъ тамъ пропалъ... Сергѣй Андреичъ, что вы тамъ дѣлаете?

РОЗОВЫЙ (*за сценою*).

Да не найду, Софья Антоновна!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Да на право, на столикѣ.

РОЗОВЫЙ (*за сценою*).

На столикѣ нѣтъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА (*встаетъ и идетъ*).

Какой скучный! (*уходитъ*).

V.

ДРУЖНИНЪ *(одинъ)*.

Я ее понялъ... Она просто кокетка и кокетка страшная. Я удивляюсь, какъ Сергѣй не видитъ этого. Впрочемъ гдѣ ему! Но, при моемъ содѣйствіи, мало по малу и онъ пойметъ это. За работу, Павелъ Гавриловичъ, за работу!... Спасайте вашего друга, пока можно. Ужъ я, кажется, далъ ей почувствовать, что понимаю ее. Что же это они тамъ пропали?... Что такое?... *(вскакиваетъ со стула)*. Мой Розовый цѣлуетъ ей ручки?! И какъ громко!... это ужасно!... Нѣтъ, это чертъ знаетъ, что такое! съ этимъ человѣкомъ нельзя имѣть никакого дѣла. Подлецъ совершенный!... *(Входитъ Розовый)*. Что ты дѣлаешь, скажи ради Бога?

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Павелъ, не говори этого! Я счастливъ!...

ДРУЖНИНЪ.

Ты счастливъ?.., Ха, ха, ха. Ты счастливъ! Человѣкъ стоитъ на краю бездны и говоритъ, что я счастливъ!

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Паша, не говори этого.

ДРУЖНИНЪ.

Не говори этого? А ты забылъ давишній разговоръ!... Ты забылъ, какая ожидаетъ тебя перспектива?

РОЗОВЫЙ.

Паша, мы давича ошиблись съ тобой; это чудо, а не женщина! Ты вглядись, сдѣлай милость; вглядись!

ДРУЖНИНЪ.

Да что ты мнѣ разсказываешь, я видѣлъ своими глазами, что она кокетка, какихъ міръ не производилъ!

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Паша, сдѣлай милость, не говори ты этого. Ты меня этимъ обижаешь. Ты вглядись, вглядись!...

ДРУЖИНИНЪ.

Не хочу я вглядываться! Стоитъ вглядываться.

РОЗОВЫЙ.

Послушай, ты не можешь такъ говорить. Ты меня обижаешь!

ДРУЖИНИНЪ.

А ты думаешь, мнѣ легко смотрѣть на твое отвратительное поведеніе. Ты мнѣ вотъ гдѣ сѣлъ!...

РОЗОВЫЙ.

Все таки, Паша, если ты мнѣ другъ, ты долженъ уважать женщину, которая дорога для меня.

ДРУЖИНИНЪ.

У тебя всѣ дороги; тебѣ стулъ наряди въ женское платье, ты и тутъ разстаять готовъ.

РОЗОВЫЙ.

Ну, Паша, говори, говори, что хочешь, я на тебя не сержусь, я понимаю, что ты все это изъ дружбы, изъ любви ко мнѣ. Я знаю, что ты мнѣ добра желаешь. Я цѣню это, Паша, ты мнѣ повѣрь, что я цѣню; только, извини ты меня, ты напрасно горячишься. Теперь ужъ поздно.

ДРУЖИНИНЪ.

А я хочу, чтобъ было не поздно!...

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, Паша, ужъ поздно.

ДРУЖИНИНЪ.

Я этого знать не хочу. Я пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ спасти тебя, и безъ этого не уѣду отсюда. Съ тобой надо принимать крутыя мѣры. Поѣдемъ сей часъ домой, поѣдемъ, поѣдемъ и не разговаривай!

РОЗОВЫЙ.

Ты меня не понимаешь, Паша, я ужъ сдѣлалъ предложеніе.

ДРУЖИНИНЪ.

Ты сдѣлалъ предложенье?!... Ты... Да какъ же ты смѣлъ?

РОЗОВЫЙ.

Паша, голубчикъ, не сердись!

ДРУЖНИНЪ.

Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ вонъ! Какъ ты смѣлъ сдѣлать со мной такую подлость? Увѣрялъ меня, что ты гибнешь, просилъ помощи, я изо всѣхъ силъ стараюсь; а онъ, гдѣ-то за дверью, потихоньку дѣлаетъ предложеніе!

РОЗОВЫЙ.

Паша, я не потихоньку.

ДРУЖНИНЪ.

Этакъ ты, подъ видомъ дружбы, завезешь меня куда нибудь къ шулерамъ, да обыграешь навѣрное. Отъ тебя станется. Нѣтъ, ужъ я теперь самъ на всякую подлость рѣшусь. Я сей часъ пойду къ Софьѣ Антоновнѣ и скажу ей, что у тебя двѣ любовницы, скажу, что ты женатъ, что у тебя шесть человѣкъ дѣтей.

РОЗОВЫЙ.

Паша, ты этого не сдѣлаешь.

ДРУЖНИНЪ.

А вотъ увидишь... Потихоньку за дверью... вѣдь ужъ видно, что низость, когда человѣкъ отъ людей бѣгаетъ. Зачѣмъ я пойду за дверь, когда я честный человѣкъ. Хорошо, дружокъ, я тебѣ это припомню.

РОЗОВЫЙ

Да ей Богу, Паша, не за дверью. У насъ давно объ этомъ былъ разговоръ. Я только боялся сказать тебѣ объ этомъ. Вотъ какъ это сдѣлалось...

ДРУЖНИНЪ.

Да что ты мнѣ разсказываешь? Очень мнѣ нужно знать. Я и знать не хочу. Велика важность, что ты женишься: однимъ дуракомъ больше и все тутъ. *(Молчаніе)*. Какое мнѣ дѣло, на комъ тамъ кто нибудь женится! *(встаетъ)*. Прощайте, Сергѣй Андреичъ!

РОЗОВЫЙ.

Куда же ты, погоди немножко!

ДРУЖНИНЪ.

Нѣтъ-съ! Ужъ что же мнѣ здѣсь дѣлать?

РОЗОВЫЙ.

Паша, если ты меня любишь, такъ останься.

ДРУЖНИНЪ.

Вы, я думаю, можете разсудить, что не могу я здѣсь оставаться.

РОЗОВЫЙ.

Богъ съ тобой, Паша! Я не ожидалъ, чтобъ ты меня бросилъ въ такое время.

ДРУЖНИНЪ.

На что вамъ пріятели, — у васъ будетъ жена, прекрасная женщина. Прощайте, Сергѣй Андреевичъ!

РОЗОВЫЙ.

Я не могу тебя удерживать, только мнѣ, право, это очень грустно. Прощай!

ДРУЖНИНЪ.

Прощай!

РОЗОВЫЙ.

Прощай!

ДРУЖНИНЪ.

(Идетъ къ двери, останавливается). И ты думаешь, что я останусь послѣ этого тебѣ другомъ?...

РОЗОВЫЙ.

Я, ей Богу, не знаю, Паша, какъ мнѣ быть. Я въ самомъ критическомъ положеніи...

ДРУЖНИНЪ.

Нѣтъ, ты разсуди хладнокровно: могу ли я остаться твоимъ другомъ?

РОЗОВЫЙ.

Я право, Паша, не знаю; я чувствую, что виноватъ передъ тобою.

ДРУЖНИНЪ.

Что такое виноватъ! Ты думаешь, что я сержусь на тебя? Совсѣмъ нѣтъ. Это для меня ничего, что ты виноватъ, я совсѣмъ не въ претензіи на тебя. Я тебя даже больше люблю, чѣмъ прежде, гораздо больше.

Но все таки я не могу быть твоимъ другомъ, я не могу тебя видѣть!

РОЗОВЫЙ.

Да отъ чего же, Паша?

ДРУЖИНИНЪ.

Ты пожалуйста, не думай, что я сержусь на тебя. Давай руку. Вотъ такъ! Поцѣлуемся *(цѣлуются)*. Ну, теперь ты вѣришь, что я не сержусь на тебя.

РОЗОВЫЙ.

Вѣрю, Паша, вѣрю.

ДРУЖИНИНЪ.

А все таки, Серёжа, я не долженъ тебя видѣть. Мнѣ это будетъ тяжело, очень тяжело, а дѣлать нечего.

РОЗОВЫЙ.

Извини ты меня, я не понимаю, я точно какъ въ туманѣ въ какомъ.

ДРУЖИНИНЪ.

А! Ты не понимаешь?

РОЗОВЫЙ.

Не понимаю.

ДРУЖИНИНЪ.

А вотъ я тебѣ объясню. Представь ты себя на моемъ мѣстѣ: у тебя есть другъ, человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ, онъ женится, — женится на женщинѣ, которая не можетъ составить его счастіе; положеніе его безвыходно; онъ таетъ день за день, помочь ты ему не можешь, онъ замѣчаетъ твое состраданіе и ему становится еще тяжелѣе; онъ начинаетъ задумываться, потомъ сходитъ съ ума и кончаетъ самоубійствомъ, и ты долженъ все это видѣть.

РОЗОВЫЙ.

Полно, Паша, что это за черныя мысли!

ДРУЖИНИНЪ.

Не говори мнѣ этого. У меня былъ одинъ пріятель въ чахоткѣ, каково мнѣ было смотрѣть на него! Нѣтъ,

Серёжа, для своего спокойствія я долженъ отказаться отъ тебя; знаю, что мнѣ будетъ тяжело, я, можетъ быть, не перенесу этого...

РОЗОВЫЙ.

Ты, по крайней мѣрѣ, останься хоть на нѣсколько минутъ, я прошу тебя.

ДРУЖИНИНЪ.

Изволь, это я могу для тебя сдѣлать.

VI.

Входитъ Софья Антоновна, садится къ столу.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Господа! Не угодно ли вамъ еще чаю?

ДРУЖИНИНЪ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю.

РОЗОВЫЙ *(садится подлѣ Софьи Антоновны)*.

Какое блаженство, Софья Антоновна, кончить день такой семейной картиной. Вы не повѣрите, Софья Антоновна, какъ это пріятно. Душа отдыхаетъ. *(Цѣлуетъ у ней руку)*. Ахъ, ей Богу, какъ это пріятно!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Кто же вамъ мѣшаетъ наслаждаться этимъ блаженствомъ. Пріѣзжайте ко мнѣ почаще.

РОЗОВЫЙ.

Я буду, Софья Антоновна, къ вамъ каждый день ѣздить. Вы мнѣ позволите?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Я васъ прошу объ этомъ.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Софья Антоновна!

ДРУЖНИН.

Сергѣй Андреичъ, мнѣ пора!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Куда это вы такъ торопитесь?

ДРУЖНИН.

Да ужъ пора-съ. Мнѣ завтра много дѣла.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Ужъ какія у васъ дѣла, просто вамъ скучно у меня.

ДРУЖНИН.

Напротивъ, мнѣ очень пріятно. Только у меня, право, много дѣла завтра.

РОЗОВЫЙ *(цѣлуетъ руку у Софьи Антоновны).*

Ужъ полно, полно. Я вамъ послѣ, Софья Антоновна, скажу, отъ чего онъ торопится.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Отъ чего же послѣ, а не теперь?

РОЗОВЫЙ.

Нѣтъ, я вамъ послѣ скажу.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Нѣтъ теперь.

ДРУЖНИН.

Ужъ онъ вамъ наскажетъ.

РОЗОВЫЙ.

Признаемся, Паша! Софья Антоновна такая женщина, что вѣрно насъ проститъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

О, если за этимъ дѣло стало, такъ пожалуйста не затрудняйтесь.

РОЗОВЫЙ.

Я зналъ заранѣе, Софья Антоновна, что у васъ ангельское сердце *(цѣлуетъ у ней руку)*. Видишь, Паша, намъ бояться нечего, остается только чистосердечно покаяться.

ДРУЖНИНЪ.

Кайся, пожалуй! Я ни въ чемъ не виноватъ передъ Софьею Антоновной.

РОЗОВЫЙ.

Какъ ни въ чемъ не виноватъ? А какіе замыслы то были у насъ съ тобой противъ Софьи Антоновны?

ДРУЖНИНЪ.

Что-жъ, мнѣ извинительно, я совсѣмъ не зналъ Софью Антоновну... Да полно, перестань (*отходитъ въ другую сторону и разсматриваетъ какую-то картину*).

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Однако это становится очень интересно. Какіе же это замыслы были у васъ?

ДРУЖНИНЪ.

Мнѣ совѣстно вспомнить, Софья Антоновна!... Еслибъ не ваша доброта, я, ей Богу, ни за что-бъ не признался вамъ. Мы пріѣхали сегодня къ вамъ съ самымъ низкимъ намѣреніемъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Вотъ какъ!

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Софья Антоновна, ужъ лучше поругайте меня, мнѣ, право, не такъ совѣстно будетъ!

ДРУЖНИНЪ.

Да перестань, сдѣлай одолженіе.

РОЗОВЫЙ.

Да и то перестать надобно. Когда я начиналъ, я думалъ, что у меня хватитъ духу разсказать все, а теперь вижу, что не могу. Мнѣ просто стыдно! Побраните меня лучше, Софья Антоновна, мнѣ, ей Богу, будетъ легче.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Бранить я васъ не стану и не имѣю права, а все таки странно для меня, что у васъ были какія-то на-

мѣренія противъ женщины, о которыхъ вамъ даже сказать совѣстно.

РОЗОВЫЙ.

Софья Антоновна, пожалуйста, вы не думайте, чтобъ это было что нибудь важное.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Однако довольно и того, что вамъ совѣстно объ этомъ сказать. Можно ли на васъ теперь въ чемъ нибудь понадѣяться, когда у васъ достало духу сдѣлать какую-то непріятность женщинѣ. И чего же должна я надѣяться отъ васъ впередъ.

РОЗОВЫЙ.

Софья Антоновна, позвольте я вамъ разскажу. *(Беретъ ее за руку)*.

СОФЬЯ АНТОНОВНА *(отнимаетъ руку)*.

Сдѣлайте одолженіе непужно. Вы ужъ имѣли довольно времени, чтобъ сочинить все, что вамъ угодно.

РОЗОВЫЙ.

Да какъ же я смѣю, какъ я смѣю это сдѣлать?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Какъ трудно разобрать мужчину, и сколько должна ошибаться бѣдная женщина.

РОЗОВЫЙ *(тихо)*.

Ахъ, Софья Антоновна, вы не то совсѣмъ думаете, я, ей Богу, не виноватъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Подите вы!

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Софья Антоновна! Ей Богу, не я-съ! Что же это такое *(показываетъ на Дружнина)* это онъ...

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Вотъ это хорошо! Въ васъ нѣтъ даже на столько благородства, чтобы откровенно признаться въ своей винѣ; вы сваливаете ее на пріятелей.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Софья Антоновна, это онъ, ей Богу, онъ!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

И вы думаете, что этимъ можно оправдаться? За чѣмъ же вы окружаете себя такими людьми!

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, нѣтъ, Софья Антоновна; онъ, ей Богу, прекрасный человѣкъ, ей Богу, онъ прекрасный.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Хорошъ, нечего сказать.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Софья Антоновна, нѣтъ не то, не то. Ахъ! Я вотъ выразить не умѣю, что̀ я чувствую. Ахъ, Софья Антоновна; это бываетъ и съ хорошими людьми; находитъ иногда, такъ по глупости. Ахъ, Паша! Паша!...

ДРУЖНИНЪ.

Что тебѣ?

РОЗОВЫЙ *(смотритъ на него умоляющимъ взглядомъ).*

Паша! вѣдь ты виноватъ, вѣдь ты? Признайся, признайся, сдѣлай милость! Скажи все откровенно.

ДРУЖНИНЪ.

Изволь, я признаюсь. Вотъ въ чемъ дѣло, Софья Антоновна. Надобно вамъ признаться, что я его очень люблю... Я его очень люблю, Софья Антоновна. *(Розовый смотритъ на него пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ выражается благодарность).* Я знаю его слабое сердце; мнѣ случалось видѣть непріятности, которыя онъ долженъ былъ терпѣть за этотъ недостатокъ. Я недавно узналъ, что онъ познакомился съ вами. Извините, почему то я имѣлъ объ васъ не совсѣмъ выгодное мнѣніе; я испугался, чтобъ это знакомство не довело его до чего нибудь серьёзнаго и пріѣхалъ къ

вамъ съ намѣреніемъ воспрепятствовать вашему сближенію.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

И только?

ДРУЖИНИНЪ.

Больше ничего.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Скажите, сдѣлайте одолженіе, отъ чего вы составили обо мнѣ такое мнѣніе.

ДРУЖИНИНЪ.

Право, не могу вамъ сказать отъ чего!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Вамъ, можетъ быть, говорили что нибудь про меня. Мы, право, такія жалкія созданія.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Софья Антоновна, развѣ мы повѣримъ кому нибудь?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Про меня можетъ сказать всякій, что ему угодно: за меня заступиться некому.

РОЗОВЫЙ.

Какъ некому, Софья Антоновна? За что же вы меня то обижаете?

МАША *(изъ двери)*.

Софья Антоновна!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Что тебѣ.

МАША.

Пожалуйте сюда.

(Софья Антоновна уходитъ).

ДРУЖИНИНЪ.

Ну, ты теперь, кажется, достигъ своей цѣли. Я теперь тебя понимаю хорошо. Ты давно ужъ рѣшился жениться на ней, а меня давича обманывалъ, поль-

зуясь моимъ расположеніемъ; разыгралъ со мной штуку для своей потѣхи. Она теперь меня ненавидитъ. И неужели ты думаешь, что послѣ всего этого, я могу остаться твоимъ другомъ? Нѣтъ, ужъ покорно благодарю.

РОЗОВЫЙ.

Ты самъ видѣлъ, Паша, въ какомъ я былъ положеніи.

ДРУЖНИНЪ.

Если тебѣ нужно было отвязаться отъ меня, ты бы такъ и сказалъ.

РОЗОВЫЙ.

Да нѣтъ, Паша, нѣтъ, я совсѣмъ не думалъ.

ДРУЖНИНЪ.

Думалъ ты или нѣтъ, только ты меня выдалъ, и выдалъ, чтобъ оправдать себя, изъ трусости. И это дружба потвоему? Это предательство самое низкое.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, какой у меня характеръ! Я даже и не помню, какъ это все сдѣлалось. Точно я въ какомъ-то туманѣ. Впрочемъ я не думаю, чтобы она на тебя сердилась, Паша.

ДРУЖНИНЪ.

Вотъ это мило. Да не только сердиться, она должна меня ненавидѣть. Ты увидишь это сей часъ, какъ только женишься.

РОЗОВЫЙ.

Ты порѣже къ намъ ѣзди.

ДРУЖНИНЪ.

Покорно благодарю. Я такъ и думалъ. А если она совсѣмъ не захочетъ меня видѣть — ты тогда скажешь, не ѣзди къ намъ совсѣмъ. Ты конечно ужъ не захочешь ей противорѣчить, а если и захочешь, такъ не посмѣешь.

РОЗОВЫЙ.

Ахъ, Паша, я все таки тебя не забуду; я вѣчно буду помнить о тебѣ, по гробъ. Впрочемъ мы можемъ иногда видаться потихоньку.

ДРУЖНИНЪ.

Однако, каково мнѣ будетъ и то, что жена лучшаго моего друга, считаетъ меня чертъ знаетъ за кого.

РОЗОВЫЙ.

Да, да, мы должны будемъ разстаться. Только каково это будетъ мнѣ? Ахъ, Боже мой, что же мнѣ теперь дѣлать! Ей Богу я готовъ заплакать.

ДРУЖНИНЪ.

Ты промѣняешь друга, вѣрнаго и испытаннаго, на жену, которую еще ты хорошо не знаешь, и, можетъ быть, ждетъ тебя ужасная перспектива, и безъ поддержки. Это въ самомъ дѣлѣ ужасно. Нѣтъ, ты долженъ меня сей часъ же помирить съ нею; для своей пользы ты долженъ меня помирить. Чѣмъ я больше думаю объ этомъ, тѣмъ яснѣе вижу необходимость этого. Да ты вотъ еще возьми въ разсчетъ: тебѣ нуженъ будетъ шаферъ. Гдѣ ты его возьмешь? Да и при томъ же я, какъ первый другъ твой, долженъ быть шаферомъ.

РОЗОВЫЙ.

Да, Паша, да...

ДРУЖНИНЪ.

А какъ же я буду шаферомъ, когда она меня видѣть не можетъ. Нѣтъ, ты даже обязанъ помирить меня съ ней.

РОЗОВЫЙ.

Непремѣнно, Паша, вотъ какъ только выйдетъ.

ДРУЖНИНЪ.

Ты разсуди хладнокровно: вѣдь это твой долгъ, ты во всемъ виноватъ, ты и долженъ это устроить. Мнѣ

вѣдь все равно, мнѣ пожалуй и не нужно; да вѣдь это все для тебя дѣлается. Пойми ты, что для тебя.

РОЗОВЫЙ.

Да, Паша, для меня.

ДРУЖНИНЪ.

Ну, такъ ты, голубчикъ, обдѣлай это дѣло; теперь вы въ такихъ отношеніяхъ, что она вѣрно тебѣ не откажетъ. Да и поѣдемъ, Серёжа, поѣдемъ голубчикъ, тебѣ отдохнуть пора. Да закутывайся ты дорогой хорошенько, долго ли простудиться *(беретъ его за голову)*. Посмотри, какой у тебя жаръ!

РОЗОВЫЙ.

Да, ужъ у меня, Паша, голова кругомъ пошла. *(Берутъ шляпы)*.

VIII.

СОФЬЯ АНТОНОВНА *(входитъ)*.

Куда-жъ вы, господа, торопитесь!

РОЗОВЫЙ.

Намъ ужъ пора, Софья Антоновна.

ДРУЖНИНЪ.

Пора-съ *(смотритъ самымъ подобострастнымъ взглядомъ)*.

РОЗОВЫЙ.

И мы устали, да и вы, Софья Антоновна, я думаю, тоже.

ДРУЖНИНЪ.

Надо же и вамъ дать покой-съ! *(Стоятъ молча. Дружнинъ толкаетъ Розоваго локтемъ)*.

РОЗОВЫЙ.

Софья Антоновна, вы мнѣ не откажете, если я васъ попрошу объ одномъ дѣлѣ? Для васъ это ничего не стоитъ, а для насъ очень важно, очень важно.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Что такое? просите!

РОЗОВЫЙ.

Не сердитесь на Павла, Софья Антоновна, (*беретъ ее за руку*).

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Да за что же мнѣ на нихъ сердиться?

ДРУЖНИНЪ.

Однако я долженъ быть въ вашихъ глазахъ ужаснымъ человѣкомъ.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Э, полноте: я такъ къ этому привыкла.

ДРУЖНИНЪ.

Мнѣ хотѣлось бы, Софья Антоновна, чтобъ въ васъ не осталось ни малѣйшаго непріятнаго чувства противъ меня, потому что все это, Софья Антоновна, произошло отъ недоразумѣнія.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Я ни сколько на васъ не сержусь (*протягиваетъ ему руку*).

ДРУЖНИНЪ (*цѣлуетъ*).

Ей Богу, Софья Антоновна, отъ недоразумѣнія!... Я, Софья Антоновна, его очень люблю. Вы спросите у него.

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Я вамъ вѣрю! Да куда-жъ вы, господа, торопитесь! А я вамъ, Сергѣй Андреичь, хотѣла сдѣлать маленькое порученіе.

РОЗОВЫЙ.

Что прикажете?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Да нужно бы мнѣ купить зеркало къ дивану.

ДРУЖНИНЪ.

Такъ ужъ это позвольте мнѣ съ! Гдѣ же ему, онъ

и занятъ, да и толку въ этомъ не знаетъ. Это ужъ мое дѣло-съ. Къ которому дивану? Къ этому-съ?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Къ этому.

ДРУЖНИНЪ.

Нѣтъ ли у васъ аршинчика?

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Маша! Подай аршинъ!

ДРУЖНИНЪ.

Позвольте, я самъ сбѣгаю (*уходитъ*).

IX.

РОЗОВЫЙ (*цѣлуетъ руку Софьи Антоновны*).

Ахъ, Софья Антоновна, имѣть такого друга, такую жену! за что, за что судьба такъ милостива ко мнѣ!

СОФЬЯ АНТОНОВНА (*съ замѣтнымъ кокетствомъ*).

Вы этого стоите, Сергѣй Андреичь! Вы слишкомъ мало себя цѣните.

РОЗОВЫЙ.

Не стою, не стою, Софья Антоновна, это вы такъ только, по своей добротѣ говорите, что стою. Есть люди, которые всю свою жизнь не могутъ найти себѣ ни друга ни хорошей жены... Ахъ, Софья Антоновна, есть бѣдные люди... Мы часто въ счастіи забываемъ про это!

X.

(*Входятъ: Дружнинъ съ аршиномъ и Маша*).

ДРУЖНИНЪ (*влѣзаетъ на диванъ и мѣряетъ стѣну аршиномъ*).

Нѣтъ ли у тебя, милая, снурочка?

МАША.

Извольте!

ДРУЖНИНЪ (*мѣряетъ снуркомъ. Завязываетъ на снуркѣ узелъ и потомъ стоитъ нѣсколько времени задумавшись*).

Аршинъ девять вершковъ и три четверти (*прячетъ снурокъ въ карманъ*). — Готово-съ!... Я къ вамъ завтра утромъ.

РОЗОВЫЙ.

Прощайте, Софья Антоновна! (*цѣлуетъ руку*).

ДРУЖНИНЪ.

Прощайте! (*тоже цѣлуетъ руку*).

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Прощайте, господа. Не забывайте меня.

ДРУЖНИНЪ.

Какъ можно, помилуйте! Однако какъ все это неожиданно сдѣлалось!

РОЗОВЫЙ.

Да, Паша, совсѣмъ неожиданно.

ДРУЖНИНЪ.

Удивительное дѣло!... Прощайте, Софья Антоновна!

РОЗОВЫЙ (*цѣлуя руку Софьи Антоновны*).

Прощайте, Софья Антоновна! Если вы хотите, чтобъ я былъ совершенно счастливъ, не сердитесь на Павла!

СОФЬЯ АНТОНОВНА.

Я и не думала сердиться.

ДРУЖНИНЪ (*цѣлуя у ней руку*).

Прощайте, Софья Антоновна! Я постараюсь оправдать себя передъ вами (*уходятъ*).

(*Софья Антоновна подходитъ къ дверямъ*).

ДРУЖНИНЪ (*изъ передней*).

Не простудитесь, Софья Антоновна! Прощайте-съ.

РОЗОВЫЙ (*тоже изъ передней*).

Прощайте!

ДРУЖНИНЪ (*подходя къ двери*).

Прощайте , Софья Антоновна. Такъ я завтра чѣмъ свѣтъ-съ !

XI.

СОФЬЯ АНТОНОВНА (*садится на диванъ*).

Какой смѣшной этотъ его пріятель (*зѣваетъ*), а долженъ быть добрый человѣкъ (*зѣваетъ*). Чудаки!!..

А. Островскій.

СЫСКНЫЯ ДѢЛА

о

ВОРОЖЕЯХЪ И КОЛДУНЬЯХЪ

при

ЦАРѢ МИХАИЛѢ ѲЕДОРОВИЧѢ.

Н. Е. Забѣлина.

СЫСКНЫЯ ДѢЛА

О

ВОРОЖЕЯХЪ И КОЛДУНЬЯХЪ

ПРИ

ЦАРѢ МИХАИЛѢ ѲЕДОРОВИЧѢ.

Любопытное содержаніе этихъ сыскныхъ дѣлъ не совсѣмъ будетъ ясно безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ подробностей. Случаи, которые подали поводъ къ розыску, относятся къ первой половинѣ XVII столѣтія; большая часть лицъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ главнымъ обстоятельствамъ принадлежитъ къ низшимъ разрядамъ придворнаго штата Царицы Евдокіи Лукъяновны, супруги Царя Михаила Ѳедоровича. Все это заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ вообще о составѣ придворнаго штата Царицъ въ XVII вѣкѣ.

Суровый и до сихъ поръ хорошо необъясненный обычай, удалившій женщину до-петровской Руси изъ общества мужчины и раздѣлившій такимъ образомъ нашу древнюю общественную жизнь, разумѣется въ высшихъ ея разрядахъ, на двѣ половины, на мужскую и женскую — этотъ обычай можетъ быть еще въ большей силѣ сохранялся и въ Царскомъ быту. Супруги нашихъ древнихъ Царей жили въ совершенномъ уединеніи; во всемъ, что происходило на половинѣ Государя, во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и разныхъ празднествахъ, на которыя собирались также одни только мужчины, онѣ не принимали никакого участія. У Царицы была своя половина, свои отдѣльныя хоромы,

стоявшія въ глубинѣ дворца, куда не многимъ дозволялось входить даже изъ тѣхъ лицъ, которыя по своимъ обязанностямъ имѣли постоянное пребываніе во дворцѣ. Увидать Царицу кому нибудь изъ мужчинъ, кромѣ ближайшихъ ея родственниковъ, было совершенно не возможно; разъ случилось, что нѣсколько дворянъ нечаянно встрѣтили Государыню на внутреннихъ переходахъ дворца — ихъ тотчасъ арестовали и строго допросили, съ какимъ умысломъ произошла встрѣча. Когда Царица выходила на богомолье въ Кремлевскіе соборы и монастыри, то по всѣмъ воротамъ Кремля въ это время ставились отряды стрѣльцовъ; ворота запирались, и никто не смѣлъ войдти въ Кремль; даже жители Кремля не смѣли являться на улицахъ во все то время, когда совершалось богомолье Царицы. Въ выѣздахъ экипажъ Царицы всегда былъ совершенно закрытъ или завѣшенъ со всѣхъ сторонъ какою нибудь шелковою тканью. Если Царица выходила пѣшкомъ — около нея точно также несли шелковые или суконные занавѣсы, совершенно скрывавшіе ее отъ народа.

Дворовый чинъ или штатъ Царицы состоялъ преимущественно изъ женщинъ. Мужчины занимали самыя низшія должности напр. сѣнныхъ истопниковъ, сѣнныхъ сторожей и пр. и едва ли когда могли видѣть Царицу. Впрочемъ изъ мужчинъ бывали также и *стольники*, прислуживавшіе за столомъ Государыни — но это были такъ сказать пажи, большею частію дѣти Царицыныхъ родственниковъ, вступавшіе въ это званіе лѣтъ десяти и по достиженіи 17 лѣтъ переходившіе въ придворный штатъ Государя подъ именемъ *ближнихъ людей*. Всѣ остальныя должности заняты были женщинами, изъ которыхъ самыя почетныя мѣста принадлежали *дворовымъ боярынямъ*. Дворовыя боярыни жили всегда во

дворцѣ, въ хоромахъ Царицы и по своимъ занятіямъ носили разныя наименованія. Боярыня *казначея* завѣдывала вообще всѣмъ обиходомъ Царицы, ея казною или имуществомъ и всѣмъ придворнымъ штатомъ; боярыня *крайчая* смотрѣла за столовымъ обиходомъ; боярыня *постельница* надзирала за постельнымъ т. е. комнатнымъ порядкомъ и за гардеробомъ Государыни; въ ея вѣдѣніи состояли *постельницы* — камеръ-юнгферы, и мовницы — портомои, «которые платье моютъ», какъ говоритъ Кошихинъ. Наконецъ боярыня — *судья*, разбиравшая всѣ дѣла придворныхъ лицъ въ особенной палатѣ, которая по этому также называлась судебною. Подъ вѣдѣніемъ боярыни казначеи находились также мастерицы — швеи, «мужни жены и вдовы и дѣвицы честныхъ и середнихъ чиновъ дворовыхъ людей.» Однѣ изъ нихъ назывались *мастерицами золотными* потому что шили золотомъ, серебромъ и шелками, низали жемчугомъ, *садили* драгоцѣнными самоцвѣтными камнями разныя вещи для Царскаго обихода и нерѣдко въ монастыри различную церковную утварь, пелены, воздухи, священныя облаченія и т. п. по обѣщанію Царицы и другихъ лицъ Государевой семьи. Во многихъ церквахъ и монастыряхъ до сихъ поръ сохраняются подобные предметы рукодѣлья Царицыныхъ залотошвей. Другія мастерицы, шившія одно только бѣлье, назывались *бѣлыми*. Всѣ онѣ собирались для своихъ занятій каждый день въ особое отдѣленіе дворца, которое состояло изъ нѣсколькихъ *свѣтлицъ*,— большихъ, чистыхъ и свѣтлыхъ компатъ. При мастерицахъ находилось также нѣсколько *ученицъ*, которыхъ онѣ обучали и которыя потомъ сами поступали въ мастерицы. Кромѣ того при рабочей свѣтлицѣ состояли *свѣтлишная писица* и *свѣтлишные знаменщики*, которые рисовали, знаменили узоры для вышиванья, так-

же надписи и даже цѣлые церковные стихи на священной утвари.

Упомянемъ еще о *мамахъ* Царевичей и Царевенъ, выбиравшихся изъ извѣстныхъ боярскихъ родовъ, о кормилицахъ, учительницѣ, которая учила малолѣтныхъ Царевенъ грамотѣ, о комнатныхъ бабахъ, вѣроятно нянюшкахъ, находившихся при каждой Царевнѣ, о *псаломщицѣ,* которая читала въ хоромахъ Царицы молитвы, каноны и т. п. Сверхъ того въ придворномъ штатѣ Царицы находились также *карлицы, карлы, шутихи* и *дурки*, забавлявшіе Государыню и ея дѣтей. Наконецъ дѣти боярскіе *Царицына чина* употреблялись для посылокъ, сопровождали Царицу въ походахъ и, дежуря по очереди во дворцѣ, оберегали покои Царскаго семейства. Сѣнные истопники и сторожи составляли самый низшій разрядъ придворныхъ служителей и занимались преимущественно разными черными работами. Вотъ въ краткомъ очеркѣ составъ всего двороваго чина Царицы. Число лицъ принадлежавшихъ къ нему было довольно велико; по свидѣтельству Кошихина однихъ мастерицъ, постельницъ и другихъ равныхъ имъ женщинъ и дѣвицъ было около трехъ сотъ человѣкъ. Въ 1701 году въ этомъ штатѣ находилось 499 человѣкъ: двѣ мамы, 26 боярынь, 42 дѣвицы боярышни, 12 казначей, 9 кормилицъ, 16 карловъ и карлицъ, въ томъ числѣ 8 карловъ состояли при Государѣ, 102 постельницы, 10 комнатныхъ бабъ, мастерицъ и знаменщиковъ 22 человѣка, 36 портомой, комнатныхъ, постельныхъ, мовныхъ и сѣнныхъ истопниковъ 96 человѣкъ, сторожей тѣхъ же наименованій 125 человѣкъ. Въ Москвѣ была даже особая слобода гдѣ поселены были лица Двороваго чина Царицы. Слобода эта, теперь переулокъ, называлась Кисловкою. Всѣ эти лица подвѣдомы были особому управленію, извѣстному подъ

названіемъ Приказа Царицыной Мастерской Палаты, которымъ управлялъ дьякъ и завѣдывала боярыня казначея. Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей всѣ лица этого вѣдомства и особенно приближенныя къ Царицѣ давали также обѣщаніе, присягу, оберегать во всемъ ея здоровье и ни чѣмъ, ни въ ѣствѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ Государя, Государыню и ихъ дѣтей не *испортити,* никакого дурна ни учинити, и *зелья и коренья лихова* ни въ чемъ и нигдѣ не положити и отъ всего подобнаго оберегати на крѣпко (*). По этому всѣ вещи домашняго обихода Царицы напр. платье, бѣлье и т. п. поручались въ храненіе самымъ довѣреннымъ лицамъ, которые обязаны были беречь все это подъ личнымъ своимъ надзоромъ, за своею печатью, строго наблюдая, чтобъ никто изъ постороннихъ не могъ касаться оберегаемыхъ предметовъ. Такъ напр. сорочки и другое бѣлье Государя сохранялись въ особомъ сундукѣ или ларцѣ у самой Царицы и подъ ея замкомъ. Кошихинъ говоритъ, что когда случалось портомоямъ мыть царское бѣлье, то его обыкновенно возили на рѣку въ сундукѣ, замкнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сукномъ; за сундукомъ въ это время шла боярыня — постельница, для береженья, которая наблюдала вѣроятно и за самымъ мытьемъ и полосканьемъ бѣлья. Такія предосторожности доходившія до чрезвычайныхъ подробностей и мелочей были неизбѣжны въ то время, когда и въ самой Европѣ, болѣе просвѣщенной, слѣпо вѣрили въ колдовство, и страшно его преслѣдовали въ лицѣ всѣхъ чародѣевъ, вѣдьмъ и разнаго рода волшебниковъ. Мы думаемъ, что нѣкоторыя событія въ Царской домашней

(*) Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ. Миллера. Спб. 1790. стр. 238. и слѣд.

жизни XVI и XVII столѣтій, какъ напр. дѣла о Государевыхъ невѣстахъ, достаточны были для того, чтобы возбудить эти подозрѣнія и предосторожности въ сильнѣйшей степени. Невѣста Царя Михаила Ѳедоровича Марья Хлопова и невѣста Царя Алексѣя Михаиловича Евфимія Всеволожская, по свидѣтельству современныхъ имъ актовъ, были *испорчены* неблагонамѣренными людьми. По дѣлу Евфиміи Всеволожской посланъ былъ въ Кириловъ монастырь подъ крѣпкое начало крестьянинъ Мишка Ивановъ *за чародѣйство*, *за косной разводъ и за наговоръ*, отъ котораго пострадала несчастная невѣста (*). Такія происшествія не могли не вызвать особенной предосторожности со стороны Правительства, которое въ отвращеніе подобныхъ случаевъ включило въ клятвенныя записи того времени необходимое условіе избѣгать всякой ворожбы, колдовства, порчи и тому подобныхъ предметовъ. Притомъ упомянутые случаи не могли остаться безъ вліянія и вообще на нѣкоторыя стороны Царскаго быта. Въ слѣдствіе ихъ произошла можетъ быть и та недоступность, которою такъ заботливо окружено было Царское семейство. Въ замкнутой средѣ, въ которую допускались и гдѣ пользовались довѣренностію одни только царскіе родственники и немногіе изъ постороннихъ, впрочемъ самыя испытанныя лица, — всякій случай, подававшій поводъ къ малѣйшему подозрѣнію, сей часъ же обращалъ на себя особенное вниманіе, какъ напр. даже нечаянная встрѣча съ Царицею нѣсколькихъ дворянъ, о которой мы упомянули выше. Но еще подозрительнѣе и строже преслѣдовались, какъ сей часъ увидимъ, такія происшествія, въ которыхъ ясно обозначались нѣкоторыя дѣйствительныя суевѣрныя намѣ-

---

(*) Акты арх. Экспед. т. IV. N. 18.

ренія. Касались или не касались эти намѣренія особъ Царскаго семейства — это было все равно, если они только возникали между лицъ, принадлежавшихъ къ придворному штату: тотчасъ же начиналось строгое изслѣдованіе, даже съ пытками, которое всегда оканчивалось ссылкою виновныхъ въ отдаленные города.

Въ 1635 году, 30 Января, одна изъ золотныхъ мастерицъ Царицы, Антонида Чашникова выронила нечаянно, у мастерицъ въ Палатѣ, гдѣ онѣ работали, платокъ, въ которомъ былъ заверченъ корень «невѣдомо какой.» Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе, даже своихъ подругъ, другихъ мастерицъ. Платокъ и съ корнемъ подняли двѣ бѣлыя мастерицы Ѳекла Черепова и Прасковья Ваулина и тотчасъ же объявили т. е. представили Государю и Государынѣ. На другой день Государь повелѣлъ дьяку Царицыной мастерской Палаты Сурьянину Тороканову *сыскати* объ этомъ *на крѣпко*. Дьякъ началъ розыскъ распросомъ: «гдѣ мастерица Чашникова тотъ корень взяла или кто ей тотъ корень и для чего далъ и почему она съ нимъ ходитъ къ Государю и къ Государынѣ въ Верхъ т. е, во Дворецъ?» На эти вопросы Чашникова отвѣчала, что «тотъ корень не лихой, а носитъ она его съ собою отъ сердечныя болезни, что сердцемъ больна.» Само собою разумѣется, что такой простой отвѣтъ не могъ удовлетворить дьяка; царское слово *сыскати на крѣпко* требовало самаго полнаго и строгаго изслѣдованія. Дьякъ снова со всякою пригрозою началъ допросъ словами: «если она про тотъ корень, какой онъ словетъ и гдѣ она его взяла или кто ей далъ и для чего далъ, подлинно не скажетъ и Государю въ томъ вины своей не принесетъ, то по Царскому повелѣнію ее будутъ пытати накрѣпко.» Послѣдпія слова сильно подѣй-

ствовали на бѣдную женщину. Она повинилась и сказала, что въ первомъ распросѣ не объявила про корень подлинно, блюдясь отъ Государя и отъ Государыни опалы, но теперь все откроетъ. «Ходитъ де въ Царицыну слободу въ Кисловку къ Государевымъ мастерицамъ къ Авдотьѣ Ярышкинѣ и къ инымъ, жонка, зовутъ ее Танькою. И она де той жонкѣ била челомъ, что до нее мужъ лихъ, и она ей дала тотъ корень, который она выронила; а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣться и до нее де будетъ мужъ добръ. А живетъ та жонка, на Здвиженской улицѣ.» Дьякъ тотчасъ велѣлъ сыскать жонку Таньку.

Когда посланные за ней дѣти боярскіе поставили ее къ допросу, она сказала, что «зовутъ ее Танькою, а мужа у ней зовутъ Гришка плотникъ, а живутъ они на Знаменкѣ на дворничествѣ т. е. въ дворникахъ у дворянина Головачова.» Потомъ жонка Татьянка, какъ нужно было ожидать, во всемъ заперлась и отвѣтила, что она «отнюдь въ Царицыну слободу въ Кисловку ни къ кому не ходитъ и золотной мастерицы Антониды Чашниковой не знаетъ и иныхъ ни какихъ мастерицъ не знаетъ и къ нимъ не ходитъ.» Ихъ поставили съ очей на очи. Мастерица говорила, что «она Танька въ Кисловку къ мастерицамъ ходитъ, что тамъ у ней съ нею и познать учинилась; что она била ей челомъ, что до нее мужъ лихъ, бьетъ и увѣчитъ, и она Танька дала ей корень, а велѣла положить его на зеркальное стекло да въ то зеркало смотрѣтца и до тебя де будетъ мужъ добръ.

Ворожея запиралась, говорила что ее тѣмъ клеплютъ. «Да объ томъ у нихъ межъ себя было спору много.» Дьякъ, видя такой споръ, началъ спрашивать ихъ, раз-

водя порознь, со всякою пригрозою. Но ворожея стояла на своемъ. Дьякъ снова распрашивалъ ее на единѣ «со многою пригрозою,» и присовокупилъ что будетъ въ томъ ее пытати на крѣпко и огнемъ жечь. Не смотря на это ворожея призналась только въ томъ, что дѣйствительно дала корень мастерицѣ отъ лихова мужа, но въ Кисловку ни къ кому неходитъ и ни кого тамъ незнаетъ. Этимъ и заключился предварительный допросъ.

Чрезъ пять дней, 5 Февраля, Государь, слушавъ это дѣло, велѣлъ «ѣхать къ пыткѣ Окольничему Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурьянину Тороканову и про то дѣло сыскивать и мастерицу и жонку Таньку распрашивать на крѣпко. Въ первыхъ своихъ рѣчахъ Антонида Чашникова сказала, что ей жонка Танька дала корень отъ сердечныя болезни, потомъ сказала, что для того, чтобъ до нее мужъ былъ добръ, слѣдовательно рѣчи свои рознила, потому и должна открыть все подлинно. Да при томъ если и дѣйствительно она пыталась у той жонки избавиться отъ лихова мужа, то по своему воровству ей довелось тотъ корень держать у себя на подворьѣ, а къ Государю во дворецъ его носити не пригоже. А коли она тотъ корень принесла въ Верхъ и она для чего принесла и по какому умышленью и его Государя и Царицу и ихъ царскихъ дѣтей портить не хотѣлаль, и иной ее кто съ тѣмъ не засылалъ ли? А жонка Танька сказываетъ, что тотъ корень дала мастерицѣ, для того чтобъ до нее мужъ былъ добръ, и она бъ сказала подлинно: какой тотъ корень словетъ и гдѣ она его взяла и сколь давно она тѣмъ промышляетъ, и кому инымъ или ей, Антонидѣ, опричь того какія коренья давала ли, и въ Царицыну слободу въ Кисловку ходитъ ли, и съ мастерицами знается ли, и буде знается, и почему у нихъ съ ними познать; и Государя съ Госуда-

рынею и ихъ царскихъ дѣтей не порчивала ли, и инымъ кому портить не веливала ли; и коренья имъ не давала ли, и на то дѣло кто у ней самъ или засылкою не пытался ли?» Таково было содержаніе Царскаго указа. Ввечеру Окольничій В. И. Стрешневъ и дьякъ Тороканов ѣздили къ пыткѣ и распрашивали ихъ, разводя порознь, по статьямъ.

У пытки мастерица говорила свои прежнія рѣчи, прибавивъ, что корень во дворецъ принесла спроста, безъ всякаго умыслу и портить никого не хотѣла. — Не смотря на то ее велѣли попытать слегка, повторивъ тотъ же самый допросъ съ нѣкоторыми незначительными дополненіями; но такой же отвѣтъ былъ полученъ и съ пытки.

Болѣе подробностей разсказала у пытки ворожея и коренщица Танька; вотъ ея слова: «родомъ она города Орла, бывала стрѣлецкая жена, да послѣ того овдовѣла и шла за бродящаго человѣка за Гришку плотника. Оба они живутъ на Москвѣ на дворничествѣ у Меншова Головачова. Въ нынѣшнемъ въ 1635 году Января 27, прислала та мастерица Антонида Чашникова къ ней малова своего, чтобъ она у ней побывала; и какъ къ ней пришла и она ей говорила, чтобъ она ей сдѣлала, чтобъ ее мужъ любилъ; и она дала ей корень, зовутъ его *обратимъ*, а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло да въ то зеркало смотрѣтца.» Въ остальномъ во всемъ она заперлась, ни чего не прибавивъ и во время пытки, даже тогда, когда ее стали жечь огнемъ. (*)

(*) Устроены, говоритъ Кошихинъ, для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою; обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его къ верху: учинено мѣсто, что и висѣлица (дыба), а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачь вступитъ ему въ ноги, на ремень, своею ногою

Сказала только, что «корень дала мастерицѣ не съ умышленья, по ее прошенью, а держала его у себя спроста. И Государя и Государыню и ихъ Царскихъ дѣтей кореньемъ и инымъ ничемъ не порчивала и портить не хачивала и засылки къ ней объ томъ отъ верхнихъ боярынь и отъ постельницъ и отъ мастерицъ и изъ иныхъ чиновъ ни отъ какихъ людей не бывало, и въ царицыну она слободу къ мастерицамъ и къ инымъ ни къ кому не ходитъ и съ ними ся не знаетъ.» Тѣмъ и кончился этотъ розыскъ. О судьбѣ этихъ лицъ въ сыскномъ дѣлѣ находимъ слѣдующее извѣстіе: «Сосланы въ Казань за опалу, въ вѣдовскомъ дѣлѣ, Царицынъ сынъ боярскій Григорій Чашниковъ съ женою, а велѣно ему въ Казани дѣлати недѣли и поденной кормъ ему указано давати противъ иныхъ такихъ же опальныхъ людей. Да въ томъ же дѣлѣ сосланы съ Москвы на Чароиду Гриша Плотникъ съ женою съ Танькою, а велѣно имъ жити и кормитца на Чароидѣ, а къ Москвѣ ихъ отпустить невелѣно, потому что та Гришина жена вѣдомая вѣдунья и съ пытки сама на себя въ вѣдовствѣ говорила.»

Лѣтъ черезъ пять, въ Ноябрѣ 1638 года, случилось другое подобное происшествіе. Оно возникло вслѣдствіе ссоры нѣсколькихъ мастерицъ по случаю какой то пропажи. Подозрѣніе пало на мастерицу Марью

и тѣмъ его стягиваетъ. И у того вора руки станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ; и потомъ сзади палачь начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка; въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до костей... И жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь. Кошихинъ. стр. 91 и 92.

Сновидову, сестра которой Домна Волкова просила ея мужа, чтобъ онъ «жену свою поучилъ гораздо» и потомъ сама хотѣла «выучить ее въ свѣтлицѣ передъ всѣми мастерицы, чтобъ она впредь недуровала.» Но подозрѣніе, можетъ быть, было несправедливо. Оправдываясь, мастерица Марья Сновидова, замѣтила: «то де на насъ поноситъ мастерица Дарья Ламанова и только де она въ томъ на насъ посягаетъ, ино де и то будетъ наружѣ, какъ она на слѣдъ Государыни Царицы сыпала песокъ!» Услышавъ такую страшную угрозу, одна изъ присутствовавшихъ при этомъ мастерицъ Авдотья Ярышкина ударила Марью плетнымъ батогомъ въ голову: «не ври де ты жидовка, какъ де ты то слово говоришъ, отъ чего головѣ твоей пропасть.» Но Марья Сновидова, оскорбленная напраслиною, осталась при своемъ и вмѣстѣ съ своею подругою Степанидою Арапкою сдѣлала извѣтъ Государю и въ подробности раскрыла поведеніе Дарьи Ламановой. Въ извѣтѣ, кромѣ другихъ обвиненій, она указала, что къ Дарьѣ, во время Царскаго отсутствія изъ Москвы въ Троицкій монастырь, приходила невѣдомо какая женка.

Розыскъ опять порученъ былъ Окольничему Василью Ивановичу Стрѣшневу и дьяку Сурьянину Тороканову. При первомъ распросѣ Дарья Ламанова объяснила, что къ ней приходила въ Верхъ золовка ея, Тимохина жена Бахарева, Матренка; и стояла она съ нею у нижней свѣтлицы, да стоявъ у той свѣтлицы взяла ее Матренку она Дарья къ себѣ въ верхнюю свѣтлицу и подчивавъ ее медомъ, отпустила на подворье.

Подобнымъ же образомъ она объяснила и другіе пункты обвиненія, а въ главныхъ заперлась: что на слѣдъ Царицы песку не сыпывала, а говорила своимъ подругамъ, которыя на нее извѣщаютъ, толькобъ де ее Дарью Государыня пожаловала, а онѣ де ей

всѣ недороги; но послѣ, когда сказали ей, что будутъ пытать на крѣпко и огнемъ жечь, — она, постоявъ немного, заплакала и учала винитца: «въ томъ де она словѣ, что будто на слѣдъ Государыни сыпала песокъ, передъ Государемъ и передъ Государынею виновата, нечто де будетъ то слово она подругамъ своимъ молвила сопьяна и въ томъ де воленъ Государь и Государыня Царица.» Но о женкѣ, которая приходила къ ней въ свѣтлицу, она подтвердила только прежнія свои рѣчи.

Чрезъ нѣсколько дней была назначена пытка съ новымъ допросомъ: «какъ та мастерица Дарья на слѣдъ Государыни Царицы сыпала песокъ и какъ она Дарья звала съ собою за Москву рѣку Степаниду Арапку къ бабѣ; и та мастерица Дарья для-ль Государскія порчи хотѣла итить къ бабѣ или для инова какова дѣла и кто съ нею въ томъ дѣлѣ и какіе люди въ думѣ были; и въ Верхъ къ ней Дарьѣ въ свѣтлицу та ли баба, которая живетъ за Москвою рѣкою, приходила или какая иная и для чего приходила?»

У пытки золотная мастерица Дарья Ламанова повинилась:

«Въ томъ де она передъ Государемъ и передъ Государынею виновата, что къ бабѣ къ ворожеѣ подругу свою Степаниду Арапку за Москву рѣку звала, а тоѣ де бабу зовутъ Настасьицею, живетъ за Москвою рѣкою на вспольѣ, а спознала ее съ нею подруга ее золотная жъ мастерица Авдотья Ярышкина для того, что она людей приворачиваетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаетъ; а наговариваетъ на соль и на мыло; да тоѣ соль даютъ мужьямъ въ ѣствѣ и въ питьѣ, а мыломъ умываютца; да и надъ мужемъ де она Авдотья своимъ тожъ дѣлала и у него къ себѣ серцо и умъ отняла: что она Авдотья ни дѣлаетъ, а

онъ ей въ томъ молчитъ. Да тажъ баба давала, наговариваючи, золотной же мастерицѣ Аннѣ Тяпкинѣ, чтобъ мужъ ее Алексѣй Коробановъ добръ былъ до еѣ Анниныхъ дѣтей.»

Во время самой пытки Дарья Ламанова сказала только, что она ѣздила къ той бабѣ и пыталась для мужа, чтобъ ее мужъ любилъ, желала только приворотить мужа, и что колдунья въ свѣтлицу къ ней не приходила. Но когда велѣли пытать другую мастерицу, Марью Сповидову, утверждавшую противное, «и какъ ее учали разболокать »— мастерица Дарья стала просить, чтобъ ее не портить, присовокупивъ, что «какъ сыщутъ тоѣ бабу съ которою она спозналась чрезъ Авдотью Ярышкину, — тутъ все объявитца, а она ту бабу укажетъ, и гдѣ живетъ, она дворъ знаетъ.»

Послали за колдуньей, которая въ распросѣ сказалась, зовутъ ее Настасьицею, Иванова дочь, родомъ Черниговка, а мужъ у ней Литвинъ, зовутъ его Янкою Павловъ. На очной ставкѣ ее всѣ признали за ту именно бабу, которая приходила во дворецъ. Сама Дарья Ламанова сказала, что у ней та женка въ свѣтлицѣ была, и медомъ она ее подчивала. Но Настасьица во всемъ запиралась: «мастерицъ она никого не знаетъ и у нихъ въ свѣтлицѣ не бывала.» Ее велѣли пытати на крѣпко и огнемъ жечь. «И послыша то мастерица Дарья Ламанова учела винитца и плакать, а той жонкѣ Насткѣ говорить, чтобъ повинилась: помнишь ты сама, говорила она ей, какъ мнѣ про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина и я по ее сказкѣ къ тебѣ пришла и воротъ чорной своей рубашки, отодравъ, къ тебѣ принесла, да съ тѣмъ же воротомъ принесла къ тебѣ соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имя Авдотья, и я сказала тебѣ, что прямое и ты въ тѣ поры той моей рубашки воротъ на ошосткѣ у

печи сожгла и на соль и на мыло наговорила, а какъ наговорила и ты велѣла мнѣ тотъ пепелъ сыпать на Государской слѣдъ, куда Государь и Государыня Царица и ихъ Царскіе дѣти и ближніе люди ходятъ; и тебѣ де въ томъ отъ Государя и отъ Царицы кручины ни какіе не будетъ, а ближніе люди учнутъ любити. А мыломъ велѣла ты мнѣ умыватца съ мужемъ, а соль велѣла давати емужъ въ питьѣ и въ ѣствѣ, такъ де у мужа моего серцо и ревность отойдетъ и до меня будетъ добръ. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья; приходила послѣ того со мноюжъ къ тебѣ Васильева жена Колоднича, Семенова жена Суровцова, и ты имъ, наговоря, соль и мыло давала.»

Не смотря на эти улики, сопровождаемыя пыткой, ворожея запиралась. Мастерица же говорила, что именно отъ нея получила пепелъ и сыпала на слѣдъ Государыни. Стали пытать женку Настасьицу въ другой разъ; она не выдержала и призналась, что мастерицамъ, Дарьѣ Ламановѣ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ, а иныхъ и не знаетъ, сжегши женскихъ рубашекъ вороты и наговоря соль и мыло давала, и пепелъ велѣла сыпать на Государской слѣдъ, но не для лихова дѣла, а для того, какъ тотъ пепелъ Государь и Государыня перейдетъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; да отъ того бываетъ государская милость и ближніе люди къ нимъ добры. А соль и мыло велѣла она давать мастерицамъ мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры.

Но этого было не достаточно. Предложенъ былъ новый вопросъ: «сколь она давно тѣмъ промысломъ промышляетъ и отъ Польскаго и отъ Литовскаго Короля къ мужу ея Литвину Янкѣ присылка или заказъ, что ей Государя или Государыню испортить, былъ ли; и чѣмъ она и какими лихими дѣлы ихъ Государей

портила; и давноль она тому дѣлу, что мужей приворачивать, научилась, и кто ее тому училъ, и мужъ ее про то вѣдаетъ ли?» Колдунья отвѣчала, что «къ мужу ея къ Литвину Янкѣ и къ ней изъ Литвы отъ Короля для Государскія порчи приказу и иного ни какого заказу небывало и сама она ихъ Государей не порчивала. Только она дала мастерицѣ Дарьѣ Ламановѣ пепелъ, а велѣла сыпать на Государской слѣдъ, чтобъ Государь и Царица и ближніе люди до нее были добры. А что она мужей привораживаетъ и она только и наговорныхъ словъ говоритъ: какъ люди смотрятца въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся; а мыло сколь борзо смоетца, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка, какова на тѣлѣ бѣла, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ, да и иные де она не лихіе слова наговаривала, чтобъ Государь и Государыня жаловали, а ближніе люди любили; а учила ее тому на Москвѣ жонка Манка, словетъ Козлиха, а живетъ за Москвою рѣкою, у Покрова.»

Тотчасъ отыскали и Манку Козлиху и поставили ихъ съ очей на очи. Онѣ, какъ и слѣдовало, завели споръ: Настасьица сказывала, что ее ворожить учила она Манка, а Манка сказала, что неучивала. Стали пытать; почти тоже она сказала и съ пытки: «ворожить не знаетъ, а только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ, да жабы, у кого прилучитца во ртѣ уговариваетъ, да горшки на брюха наметываетъ, а опричь того и ничего незнаетъ.» Начали пытать въ другой разъ на крѣпко и огнемъ жечь. Но колдунья не сознавалась ни въ чемъ.

Въ числѣ уликъ, ворожея Настасьица сказала между прочимъ, что еще за годъ назадъ приводилъ къ ней Настькѣ на подворье сынъ Манкинъ, дѣтина, Якимкомъ зовутъ, мастерицу Дарью Ламанову, которая принесла къ ней наговаривать соль да мыло. И она

Настька ему сказала: для чего къ ней съ тою мастерицею мимо матери своей ходитъ. И тотъ сынъ Якимко отвѣтилъ, что мать его спитъ пьяна. И она Настька наговоря соль и мыло для привороту ей Дарьѣ дала. А наговаривала ту соль отнимаючи ревность у мужей. Все это подтвердила и мастерица; но Манка Козлиха не сознавалась ни въ чемъ. Ее велѣли пытать въ третьи, на крѣпко, и огнемъ жечь.

«И жонка Манка съ пытки повинилась, а сказала что она сама ворожитъ и Настасьицу ворожить учила. А ей Манкѣ тоѣ ворожбу оставила при смерти мать ее родная Оленка. А какъ матери ее нестало, тому нынѣ семой годъ. А ворожа она, въ привороте, на соль и на мыло и на зеркало наговаривала, какъ смотрятця въ зеркало да не насмотрятца такъ бы мужъ на жену не насмотрѣлся; а соль: какъ тоѣ соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ. А на мыло наговаривала сколь скоро мыло съ лица смоетца, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ. А вороты рубашечныя жогши приговаривала: какова бѣла рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ. А жабу у кого прилучитца во ртѣ уговариваетъ: Святый Ангелъ Хранитель умири и исцѣли у того имянемъ, у кого прилучитца, болѣзнь сію. А инова она ничего лихова опричь того незнаетъ и лихимъ словомъ не наговариваетъ. Да и не одна она тѣмъ ремесломъ промышляетъ, есть на Москвѣ и иныя бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить. Одна живетъ за Арбацкими вороты, зовутъ ее Ульянкою, слѣпая; а двѣ живутъ за Москвою рѣкою, одна въ Лужникахъ, а другая, зовутъ Дунькою, въ Стрѣлецкой слободѣ.»

Такимъ образомъ явились еще ворожеи, баба Улька, Дунька, да Ѳеклица, всѣ слѣпыя. Въ распросѣ, когда ихъ поставили къ дѣлу, онѣ сказали, что Манки нез-

наютъ и сами не ворожатъ и съ ворожеями не знаются. Но та подтверждала, что «они сами ворожатъ и ворожиться къ нимъ изо многихъ дворовъ всякіе люди ходятъ.» Начали пытать. Женка Улька съ пытки сказала, что «она только и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходитъ, кто поболитъ и она ихъ смываетъ, и жабы во ртѣ уговариваетъ, да горшки на брюха наметываетъ, а наговорные слова у ней таковы: Ангелъ хранитель утиши во младенцѣ семъ, у кого объявитца, болѣзнь сію, да наговоря на воду дѣтей смываетъ. А жабы во ртѣ давитъ да тѣмижъ словы наговариваетъ.» Потомъ, во время новой пытки, она прибавила, что «не однимъ тѣмъ промышляетъ, есть де за нею и иной промыслъ: у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заляжетъ, и она тѣмъ торговымъ людемъ наговариваетъ на медъ, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умываться, а сама приговариваетъ, какъ пчелы ярыя роятца да слетаютца, такъ бы къ тѣмъ торговымъ людемъ для ихъ товаровъ купцы сходились. И отъ того наговору у тѣхъ торговыхъ людей на товары купцы бываютъ скорые. А какъ она мужей къ женамъ приворачивала, и она наговаривала на хлѣбъ съ солью да на мыло; а наговариваючи тотъ хлѣбъ съ солью, велѣла женамъ ѣсть; какъ де хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а мыломъ велѣла умываться женамъ: сколь скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ. А у кого лучитца сердечная болѣзнь или лихорадка или иная какая нутреная болезнь — и она тѣмъ людямъ, наговариваючи на вино да на чеснокъ да на уксусъ, давала; а въ приговорѣ наговаривала: утиши самъ Христосъ въ томъ человѣкѣ болезнь сію, да Уваръ Христовъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михаило Архангелъ да Тихонъ святый и иные божественныя

слова, а не лихіе, — и отъ того тѣмъ людямъ бывала легость.»

Другая ворожея Дунька слѣпая объяснила съ пытки, что «ворожбы и вѣдовства никакого не знаетъ, а только знаетъ, что малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ да жабы во ртѣ уговариваетъ. Да она жъ на бруха, у кого что пропадетъ, смотритъ. А на кого скажутъ невѣрну и она посмотря на серцо, узнаетъ, потому что у него сердце трепещетъ.»

Третья, Ѳеклица, жена Гришки сапожника, созналась только, что «грыжи людемъ уговариваетъ, — а наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжій ноготь да съ тоѣ стрѣлки и съ ногтя даетъ пить воду; а приговариваючи говоритъ, какъ де ей старой жонкѣ дѣтей нераживать, такъ бы, у кого та грыжа, и болезни не было; да она жъ, у кого лучитца — на бруха горшки наметываетъ.»

Не смотря на жестокія пытки и сженіе огнемъ, что повторялось нѣсколько разъ, всѣ эти женки колдуньи ничего болѣе не открыли. Дѣло по разнымъ обстоятельствамъ пріостановилось почти на четыре мѣсяца. Въ теченіи этого времени, въ Январѣ 1639 году, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ пятилѣтній Царевичь Иванъ Михаиловичь, а въ Мартѣ 25 новорожденный Царевичь Василій Михаиловичь. Эти несчастныя событія не остались безъ вліянія и на ходъ разсматриваемаго дѣла.

1 Апрѣля, слѣдовательно чрезъ нѣсколько дней по смерти новорожденнаго Царевича, Государь указалъ снова распросить и пытать на крѣпко и мастерицу и вѣдунью женку Настьку. Содержаніе новыхъ допросовъ было слѣдующее: въ прежнемъ распросѣ повинилась она мастерица Дашка, что «къ бабѣ ворожеѣ къ Настькѣ Черниговкѣ, которая, ворожа, людей приво-

рачиваетъ и у мужей къ женамъ серцо и ревность отымаетъ, — ѣздила за Москву рѣку для того, чтобъ та баба сдѣлала, чтобъ до нее Дашки Государь и Государыня и ихъ Государскія дѣти и ближніе люди были добры. И та де жонка Настька, зжегши ее Дашкины рубашки воротъ, велѣла ей сыпать на Государской слѣдъ — а какъ де Государь и Государыня перейдетъ тотъ слѣдъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; и она Дашка на слѣдъ Царицы пепелъ сыпала... а колдунья жонка Настька въ прежнемъ распросѣ и съ пытки сказала тоже самое. И послѣ того ихъ воровства, какъ мастерица на слѣдъ Государыни сыпала вѣдовской рубашечный пепелъ — Государыня Царица Евдокія Лукьяновна учала недомогать и быти печальна; да послѣ тогожъ вскорѣ грѣхъ учинился, Государя Царевича Ивана Михаиловича не стало; а послѣ тоѣ жъ скорби вскорѣ Государыня Царица родила Государя Царевича Василья Михаиловича больна, и послѣ еѣ Государскихъ родинъ и того Государя Царевича Василья Михаиловича нестало вскорѣ жъ. И нынѣ Государыня передъ прежнимъ скорбна жъ и межъ ихъ Государей въ ихъ Государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не по прежнему... И то знатно кабы съ того времени, какъ она Дашка по вѣдовству жонки колдуньи Настьки Черниговки на слѣдъ Государыни сыпала пепелъ и отъ того времени и до сихъ мѣстъ межъ ихъ Государей скорбь и въ ихъ Государскомъ здоровьѣ помѣшка... и онабъ мастерица Дашка и вѣдунья жонка Настька сказала про то подлинно въ правду, для чего она Дашка вѣдовской рубашечный пепелъ на слѣдъ Государыни Царицы сыпала; а та вѣдунья Настька, что̀ подлинно надъ тѣмъ пепеломъ наговаривала и на Государской слѣдъ сыпать велѣла: — надъ Государемъ и надъ Госуда-

рынею и надъ ихъ Государскими дѣтьми какое лихое дѣло не умышляли ль и ихъ Государей не портили ль и дѣтей ихъ Государскихъ у нихъ Государей не отнимали ль и совѣтъ ихъ Государской межъ ихъ Государей своею вѣдовскою розныю къ розвращенью не дѣлали ль и дѣтямъ ихъ Государскимъ въ ихъ многолѣтномъ здоровьѣ тѣмъ своимъ вѣдовскимъ дѣломъ, порчею, лѣтъ не убавливали ль и иного какого зла имъ Государемъ и ихъ дѣтемъ не умышляли ль и умысля что, не дѣлали ль, — про тобъ про все сказали вправду.»

При особенной пригрозѣ, при новыхъ пыткахъ и сженіи огнемъ, и мастерица и колдунья говорили тѣжъ рѣчи, что и напередъ того сказывали, именно, что одна сыпала, а другая велѣла ей сыпать песокъ на слѣдъ Государыни для того, чтобъ Царица ее Дарью жаловала, а не для лихова дѣла. За тѣмъ истязанія прекратились, и колдуньи Настасьицы вскорѣ не стало — она умерла. Умерла также и другая колдунья Ульянка слѣпая; прочіе подсудимые были розданы приставамъ подъ стражу, до окончанія дѣла.

Спустя мѣсяца четыре, въ Августѣ того же года допросили съ пытки и другихъ мастерицъ Прасковью Суровцову и Прасковью Колодничу, подругъ Дарьи Ламановой, которыя, по ея указанію, также ходили за ворожбою къ колдуньѣ Настасьицѣ, за Москву рѣку.

Прасковья Суровцова повинилась въ томъ только, что она дѣйствительно «у колдуньи Настьки Черниговки пыталась, и наговорную соль и мыло, и рубашки своей ворота зженой пепелъ у нее имала, и тѣмъ мыломъ велѣла дочери своей умываться, а соль и пепелъ сыпала въ питье, да давала пить зятю своему Мурату Петелину, чтобъ зять ее добръ былъ до ея дочери.» Другая мастерица Прасковья Колодича призналась также

въ одномъ только, что ходила за Москву рѣку къ бабѣ Настькѣ Черниговкѣ «и мыло и бѣлила и соль наговорную у ней брала, и тѣмъ мыломъ умывалась и бѣлилами бѣлилась, а соль мужу своему давала въ ѣствѣ, для того, чтобъ мужъ ее Василій Колодничь до нее добръ былъ. И она Прасковья, убѣлясь, вышла къ своему мужу, какъ онъ пришелъ во дворъ, и мужъ въ тѣ поры ее убилъ (зашибъ, прибилъ); и она видя, что въ томъ наговорномъ мылѣ и въ бѣлилахъ и въ соли помочи нѣтъ, взяла да и достальное мыло и соль разметала.»

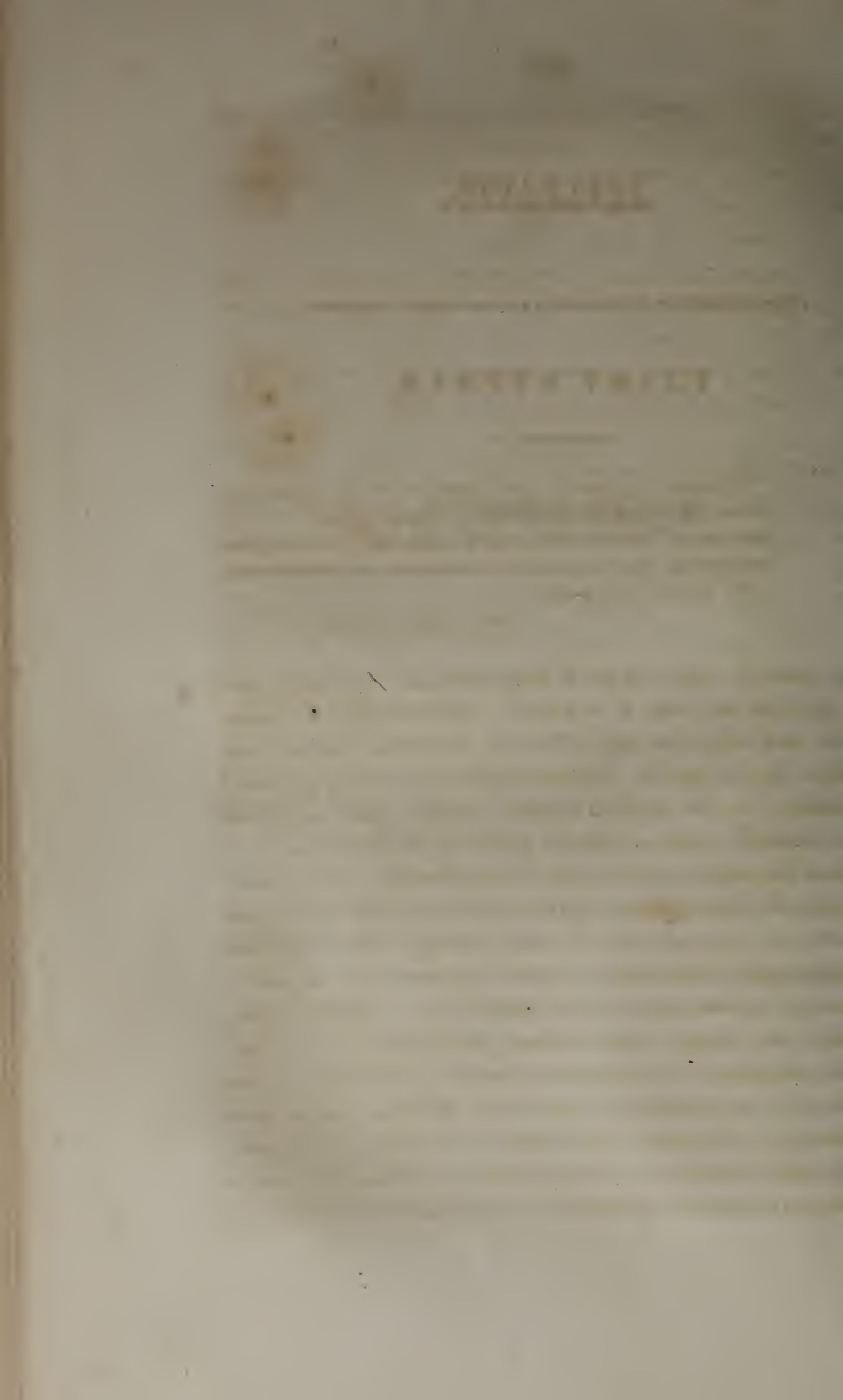
Въ Сентябрѣ, того же 1639 года, всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу мастерицъ велѣно выслать изъ Двора и впредь въ Царицынѣ чину имъ не быть. Дарья Ламанова съ мужемъ сослана въ Сибирской городъ Пелымъ. Колдуньи: Манка Козлиха въ Соликамскъ, Ѳеклица слѣпая съ мужемъ на Вятку, а Дунька слѣпая къ Соли Вычегодской.

Излагая содержаніе этихъ дѣлъ, мы старались преимущественно говорить словами подлинниковъ. Новою рѣчью невозможно передать тѣхъ особенныхъ оттѣнковъ старины, которые заключаются почти въ каждомъ старинномъ словѣ и въ каждомъ старинномъ оборотѣ. Вообще ни что въ такой степени не знакомитъ насъ съ характеромъ данной эпохи, какъ языкъ — лучшій и вѣрный ея изобразитель.

И. Забѣлинъ.

ИДЕАЛИСТЪ.

А. В. Станкевича.



ИДЕАЛИСТЪ.

(Посвящается Николаю Григорьевичу Фролову).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страшно подумать, что святое чувство любви истощится въ тщетномъ стремленіи къ необъятному, къ безотвѣтному. Не пожмешь руки великану, называемому вселенной, не дашь вселенной поцѣлуя, не подслушаешь, какъ бьется ея сердце.

(Изъ частнаго письма).

Въ началѣ мая, въ селѣ Березовѣ, на барскомъ дворѣ, прежде тихомъ и сонномъ, происходила большая суета: изъ избы въ избу бѣгали дворовые люди, вызывали другъ друга, перебранивались между собою, суетились; — изъ трубы кухни, давно уже запертой и пустынной, валилъ теперь дымъ, а въ ея открытыхъ окнахъ мелькала озабоченная фигура повара въ колпакѣ и фартукѣ; стукъ бойко работающаго поварскаго ножа гремѣлъ и разсыпался по всему двору, какъ тревога на барабанѣ. Нѣсколько собакъ различныхъ породъ, казалось, также принимали участіе въ общей суетѣ, сновали по двору, обнюхивали всѣ уголки его, бросались подъ ноги суетящейся дворнѣ, получали толчки, визжали и продолжали хлопотать. Посреди двора расхаживалъ, раздавая приказанія людямъ, толстый, низенькій человѣкъ съ непокрытою головою, не смотря на то, что солнце начинало уже порядочно грѣть его

большую лысину; съ несвойственною его тучности торопливостію поворачивался онъ на всѣ стороны, размахивалъ короткими руками, кричалъ хриплымъ голосомъ, безпрерывно отирая потъ, выступавшій на озабоченномъ лицѣ его. Диваны, стулья, столы, кресла, шкафы въ безпорядкѣ стояли по двору близъ барскаго дома; ихъ усердно терли и мыли нѣсколько босыхъ женщинъ съ растрепанными волосами, съ подобранными и подвязанными платьями. Тутъ же валялись снятые ими башмаки. Какой-то щенокъ овладѣлъ однимъ изъ нихъ и радостно мчалъ его по двору; съ крикомъ преслѣдовала щенка дѣвчонка, посланная за нимъ въ погоню, спотыкалась, летѣла на земь, и вся дворня, не исключая и повара, высунувшагося изъ окна кухни, забывъ свои хлопоты, съ разинутыми ртами слѣдила за этимъ зрѣлищемъ, и только хриплый крикъ толстаго управляющаго снова обращалъ всѣхъ къ прежней суетѣ. Майское солнце съ безоблачнаго неба ярко освѣщало эту картину, живость которой дополнялась нестройнымъ, разноголоснымъ щебетаньемъ воробьевъ, ласточекъ и другихъ мелкихъ пташекъ, которыя то садились на кровлю избъ, то шныряли въ воздухѣ, то прятались въ молодой зелени сада, примыкавшаго ко двору; сорока, наслушавшись ихъ разноголосицы, порой рѣзко перебивала ее своимъ бойкимъ щебетаньемъ.

Не даромъ все отъ управляющаго до воробьевъ было полно суеты на барскомъ дворѣ: наканунѣ было получено здѣсь извѣстіе, что на другой же день будетъ въ Березово молодой помѣщикъ, еще не заглядывавшій въ него ни разу съ того времени, какъ оно досталось ему по смерти отца. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но Левинъ не являлся въ домъ отеческій, проживалъ въ столицахъ, странствовалъ за границей,

каждый годъ писалъ своему управляющему, что будетъ въ Березово и всегда отлагалъ поѣздку туда до слѣдующаго года; но теперь управляющему не оставалось никакого сомнѣнія, что Левинъ дѣйствительно будетъ въ свою деревню. Онъ получилъ вчера собственноручное письмо помѣщика, который былъ уже на пути, недалеко, и сего дня непремѣнно пріѣдетъ въ Березово. Въ одно утро надобно было прибрать барскій домъ, давно забытый и запущенный, и потому то такъ сильно теперь хлопотала вся дворня внутри и вокругъ его. Солнце уже высоко стояло на небѣ, когда изъ дому появились наконецъ на крыльце слуги и женщины со щетками, тряпками, лаханками и тазами; мебель мало по малу начала изчезать со двора въ домъ, бѣготня людей по двору прекратилась, дворовыя женщины развязали свои платья, надѣли башмаки и, овладѣвъ своими тряпицами, мочалками и тазами, разбрелись по избамъ; пересталъ бить тревогу поварской ножъ и даже притихли пернатыя и собаки, уже насуетившіяся вдоволь, или сильно пригрѣтыя лучами полуденнаго солнца. Дворъ опустѣлъ; только низенькій управляющій еще задумчиво бродилъ по немъ. Наконецъ и онъ, защищая рукою отъ солнца лысину, поспѣшно пошелъ въ свой флигель, но безпрерывно показывался у окна его и заботливо смотрѣлъ въ даль, на дорогу, по которой ожидалъ помѣщика. Было уже часовъ шесть вечера, когда сквозь облако пыли завидѣлъ онъ коляску, быстро несущуюся къ селу. Онъ бросился къ крыльцу господскаго дома, гдѣ уже собралась толпа дворовыхъ людей. Чрезъ нѣсколько минутъ влетѣла въ дворъ коляска, и лихой ямщикъ мастерски осадилъ у крыльца четверню свою. Въ коляскѣ сидѣлъ очень блѣдный господинъ въ парусинномъ пальто, бѣлой фуражкѣ и съ тростью въ

рукахъ. Онъ раскланивался со встрѣчавшими его, и что-то, казалось, смутило его: яркая краска покрыла его блѣдныя щеки и, потупивъ глаза, онъ съ какою то неловкою поспѣшностію выскочилъ изъ коляски и вбѣжалъ въ домъ. Недостатокъ важности, приличной случаю и лицу въ пріѣхавшемъ господинѣ, былъ замѣченъ всѣми встрѣчавшими его, и дворня разбрелась по домамъ въ какомъ то недоумѣніи. Управляющій въ совершенномъ смущеніи отправился за нимъ въ домъ; онъ остановился въ залѣ и прислушивался къ тихимъ шагамъ Левина, раздававшимся въ сосѣднихъ комнатахъ, съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы звукъ ихъ могъ сказать ему очень многое.

Прошло минутъ десять, покуда, сдѣлавши кругъ по всѣмъ комнатамъ, Левинъ появился наконецъ въ залъ. Онъ былъ средняго роста; широкія плечи и сильныя мускулистыя руки, не смотря на худобу Левина, показывали его крѣпкое сложеніе. Его прекрасно очерченный лобъ, большіе черные глаза, прямой носъ, тонкія уста съ слѣдами улыбки, черные, свободно вьющіеся вокругъ головы волосы, смугло-блѣдный общій колоритъ, все вмѣстѣ составляло лице, довольно привлекательное и не совсѣмъ обыкновенное. Взглядъ Левина былъ особенно замѣчателенъ своимъ измѣнчивымъ и сложнымъ выраженіемъ : то дѣлался онъ бродячимъ и ищущимъ, то тоскливымъ и сухимъ, но чаще всего оставался онъ гордо спокойнымъ. Замѣтивъ старика, Левинъ остановился и вопросительно смотрѣлъ на него. Управляющій покраснѣлъ и почтительно склонилъ лысую голову, пробормотавъ: честь имѣю... управляющій. Левинъ сказалъ старику нѣсколько привѣтливыхъ словъ и просилъ его придти къ нему послѣ, когда онъ отдохнетъ отъ пути.

Оставшись одинъ , Левинъ еще разъ обошелъ рядъ

комнатъ стараго дома, въ которомъ провелъ онъ свое дѣтство. Полинялая краска на стѣнахъ, неуклюжая, потускнѣвшая мебель краснаго дерева, нецѣльныя зеркала, на окнахъ разрисованные занавѣсы съ сельскими видами и сценами, стеклянныя люстры, крашеный и потертый полъ, все напоминало здѣсь старинные годы. Взглядъ Левина разсѣянно бродилъ по всѣмъ этимъ предметамъ, но на лицѣ его спокойно-задумчивомъ не было и слѣда игры впечатлѣній, какъ будто отеческій домъ не будилъ въ немъ никакихъ воспоминаній. Только въ одной изъ комнатъ остановился блуждающій взглядъ Левина на нѣсколькихъ фамильныхъ портретахъ, изображавшихъ почтенныхъ его предковъ. То были лица съ весьма крупными чертами, большею частію, полныя или одутловыя; многія изъ нихъ были въ пудрѣ и мундирахъ, другія въ широкихъ однобортныхъ кафтанахъ стариннаго покроя, въ бѣлыхъ галстукахъ и манжетахъ. Было здѣсь нѣсколько женскихъ лицъ, также большею частію съ напудренными волосами, въ платьяхъ съ высокою таліею и украшенныхъ огромными бантами. Почти на всѣхъ лицахъ мужскихъ и женскихъ, не смотря на различіе формъ и чертъ, лежала какая то одна печать; всѣ они до того были лишены индивидуальности, рѣзко отличительнаго выраженія, что, казалось, память съ трудомъ могла бы сохранить какое-нибудь изъ этихъ лицъ, не смѣшивая его съ другимъ. Это поразило Левина; онъ задумался: что за общая печать лежала на этихъ лицахъ, какъ назвать ее? спокойствіемъ ли, безмятежностію, или иначе какъ? Фамильное ли это сходство, или грѣхъ доморощеннаго портретиста? И чтобы объяснить себѣ смыслъ предстоящихъ лицъ, Левинъ силился припомнить все, что когда нибудь слыхалъ о своихъ праотцахъ; но и эти воспоминанія были какъ-то

неопредѣленны и общи и заключались тѣмъ, что праотцы его дѣйствительно жили и умерли. Отъ такихъ усилій и думъ отяжелѣла голова Левина; онъ хотѣлъ уже покинуть комнату, гдѣ предстали ему родныя тѣни; но повернувшись, увидалъ на другой стѣнѣ два женскихъ портрета и тотчасъ же припомнилъ, что часто смотрѣлъ на нихъ въ дѣтствѣ и не разъ слушалъ комментаріи на нихъ. Одинъ представлялъ дѣвушку въ порѣ первой юности, въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ высокою таліею, съ бантомъ широкихъ лентъ, падавшихъ на легкіе очерки молодой груди. Одну изъ нѣжныхъ, обнаженныхъ рукъ, упавшихъ на колѣна сидящей дѣвушки, украшалъ массивный, старинный браслетъ; маленькая нога, въ атласномъ, вышитомъ золотомъ башмакѣ, выглядывала изъ подъ длиннаго платья; съ головы до плечъ и вокругъ висковъ вились убѣленныя пудрою кольца волосъ ея. Голова была приподнята на высокой шеѣ, а величавый лобъ и гордый взглядъ черныхъ большихъ глазъ были поразительны при нѣжномъ, юношескомъ колоритѣ лица и выраженіи дѣтской мягкости и доброты въ тонкихъ готовыхъ улыбнуться устахъ. Рядомъ съ этимъ портретомъ висѣлъ другой — изображеніе тощей старухи съ желтымъ, сморщеннымъ лицемъ, съ острыми скулами и заострившимся носомъ, въ коричневомъ платьѣ и въ какой-то одеждѣ, похожей на длинную мантилью съ двумя воротниками; голова ея была повязана темнымъ платкомъ. Желчное, сердитое выраженіе, злые глаза и искаженная насмѣшливая улыбка были поразительны въ этомъ лицѣ. Только долго вглядываясь, можно было замѣтить, что форма лба и глаза старухи имѣли сходство со лбомъ и глазами молодой дѣвушки, изображеніе которой висѣло рядомъ съ ней. Оба портрета дѣйствительно изображали одну

и туже особу въ разные годы ея жизни. Особа эта была одна изъ бабокъ Левина, жившая во времена Екатерины II. Левинъ тотчасъ вспомнилъ все, что не разъ слыхалъ о судьбѣ ея: отецъ этой особы готовилъ для нея супруга, но она бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ то щеголемъ тогдашняго вѣка, скоро покинувшимъ ее: дѣдъ Левина далъ ей пріютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, гдѣ она жила до конца дней своихъ, презираемая роднею, озлобленная и сварливая. Утомленный созерцаніемъ безмятежныхъ лицъ своихъ предковъ, Левинъ съ особеннымъ чувствомъ глядѣлъ на изображеніе бабки, и тихій вздохъ, раздавшійся въ пустынной комнатѣ, былъ привѣтомъ ей отъ внука. Левинъ снова побрелъ по пустынному дому.

Наступалъ вечеръ. Левинъ вошелъ въ гостиную и опустился въ кожаныя кресла у раскрытаго окна. Предъ нимъ былъ старый, тѣнистый садъ, спускавшійся къ рѣкѣ, за рѣкою лугъ, за лугомъ поля и лѣсъ. Тонкій, прозрачный туманъ весеннихъ сумерекъ одѣвалъ окрестности; рогъ молодой луны еще не ярко обозначился на небѣ, соловей пѣлъ въ саду. Дума овладѣла Левинымъ; онъ впалъ въ то состояніе, когда безчисленные образы, давнія желанія и стремленія, забытыя событія, даже мимолетныя впечатлѣнія, все, мгновенно ли, долго ли жившее внутри человѣка, все минувшее опять произвольно возникаетъ въ душѣ его, и въ нѣсколько минутъ онъ вновь переживаетъ всю жизнь свою. Вотъ Левинъ самъ — рѣзвый ребенокъ — въ ясное лѣтнее утро прыгаетъ въ саду, съ громкимъ смѣхомъ бѣжитъ по длиннымъ аллеямъ, за нимъ гонится мать, вотъ поймала его — какъ обнимаетъ, какъ цѣлуетъ разгорѣвшіяся его щёки, а у окна дома появилось лице, какъ-будто одно изъ видѣнныхъ на фамильныхъ портретахъ. Вотъ потянулись дни, мѣсяцы, годы дѣтства,

тысячи мелкихъ событій, незначащихъ отрывковъ и всюду мать любящая, нѣжная, вѣчно лелѣющая, и безконечная нѣжность, безконечная преданность и любовь перелиты и заключены въ дѣтское сердце. — Вотъ осенній день, сѣрое небо; гдѣ то подъ небомъ крикъ журавлей, вдали пожелтѣвшій лѣсъ, у крыльца карета. Горячія слезы падаютъ на лице ребенка, жарко обнимаетъ и креститъ его мать, и дорогой образъ исчезаетъ навсегда. Потянулись другіе дни: много лицъ толпится, много дѣтскихъ голосовъ раздается вокругъ ребенка; голова его наполняется, впечатлѣнія копятся. Вотъ онъ наконецъ юноша: душа полна стремленій разнообразныхъ и неопредѣленныхъ; для всего бьется сердце, за всѣмъ гоняется мысль, для всего есть и восторгъ и жаръ, вокругъ юноши свѣжія, мягкія лица, жизнь шумна и легка, а объ руку съ нимъ всегда братъ и другъ, и все раздѣлено, все пережито вмѣстѣ — и какъ полны всѣ дни, всѣ мгновенія! Непрерывно далѣе и далѣе стремится и работаетъ мысль юношей, и безконечность жизни и духа открылась передъ ними; смѣло и жадно рвутся они туда, и мощный, всеобъемлющій, великій идеалъ навсегда покорилъ ихъ молодыя души, приковалъ къ себѣ ихъ взоры. — Вотъ пиръ, послѣдній братскій пиръ: давно длится ночь, давно спитъ міръ, но ярко горятъ свѣчи на убранномъ столѣ, блеститъ и пѣнится вино, звонокъ стукъ стакановъ, шумны и восторженны рѣчи беззаботно разстающихся братьевъ. Жарко обнялись и распрощались юноши, бодро пускаясь въ жизнь. Вотъ Левинъ одинъ среди опустѣлой комнаты и остатковъ пира; свѣчи догораютъ какъ то неровно; то будто хотятъ погаснуть, то ярко вспыхиваютъ и отсвѣтъ ихъ пламени колеблется и бѣгаетъ по стѣнамъ мимолетными, куда-то исчезающими волнами;

тоской проникаетъ Левина внезапная тишина послѣ шумнаго пира и чудится ему, что стоитъ онъ на рубежѣ, навсегда отдѣляющемъ его отъ прекрасной юной жизни. Потянулись другіе дни: смущенъ, озадаченъ юноша представшею ему дѣйствительностію, онъ всматривается въ жизнь съ напряженіемъ, прислушивается ко всѣмъ ея звукамъ, тревожно допрашивается смысла всѣхъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обращается онъ къ людямъ, ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется ему, что все шутка, что настоящій смыслъ жизни за чѣмъ то скрытъ отъ него, и онъ ждетъ, что тайна и истина наконецъ откроются ему. Нетерпѣливо ждетъ онъ ихъ призыва; онъ ждетъ, а жизнь несется мимо, и напрасны его усилія броситься въ ея волны: несокрушимы цѣпь и мощь разъ овладѣвшаго имъ идеала. Поетъ и сохнетъ душа въ безплодной борьбѣ, и потянулись дни безчисленныхъ противорѣчій, безсильнаго бѣшенства, дни плача и проклятія, мучительныхъ сновъ и стоновъ.

Вѣтеръ пробѣжалъ и зашумѣлъ верхами деревъ въ саду; легкою пеленою пронеслось облако по лунѣ; свѣтъ и тѣнь заиграли въ темныхъ аллеяхъ; запахъ цвѣтовъ ворвался въ комнату.

Трепетъ охватилъ все существо Левина. Предъ нимъ властительный, давно изчезнувшій отъ взоровъ образъ; опять звучатъ незабвенный голосъ и вѣчно памятныя рѣчи: ты мой, говоритъ женщина въ полномъ блескѣ молодости, красоты и могучаго величія; ея большіе черные глаза горятъ страстію, сильная рука обнимаетъ Левина, пылающее лице склоняется къ лицу его, а жаркое ея дыханіе вдругъ исполняетъ его давно потерянныхъ силъ юности. Ты мой, говоритъ красавица, ты найдешь во мнѣ все, чего ты искалъ, все, о чемъ ты тосковалъ, испуганный ребенокъ. Иди за мной — я

разорву твои цѣпи, иди — я поведу тебя въ жизнь. Перестанетъ ныть твое сердце, успокоится тревожная голова. Живой покой, удовлетвореніе, счастіе, забвеніе принесла я тебѣ. Живи, живи теперь... И быстро понеслись предъ Левинымъ дни счастія, упоенія, забвенія. Но вотъ ночь и мракъ среди пустынныхъ полей; звучитъ тотъ же голосъ, но сокрушенный страданіемъ, и слышны горькія, еще полныя любви рѣчи: ты давно ужъ не мой, ты уже давно далекъ отъ меня; ты полонъ думы, а не счастія, и давно бродитъ и ищетъ взоръ твой... горды были мои надежды на вѣкъ остановить его на себѣ... Я обманула тебя и обманулась сама; давно пора... Прощай... скорѣй прощай!... И вотъ послѣднее и долгое лобзаніе; шумитъ дождь и завываетъ вѣтеръ, и замолкъ стукъ пропавшей во мракѣ кареты. Тянутся дни безсильной тоски, за тѣмъ дни равнодушія и безчувствія, замерло и притихло сердце и голова начала свою вѣчную работу. Опять предстаетъ Левину безконечность жизни, но теперь она не пугаетъ его; гордо, съ поднятой головой смотритъ онъ въ безконечную и безбрежную даль ея; страданіе вызвало въ немъ прежде невѣдомую силу. Теперь нѣтъ въ немъ ни вопроса, ни желанія; ничего онъ не ищетъ, ничего не требуетъ отъ жизни, но спокойно и радушно встрѣчаетъ всѣ ея явленія, какъ богатый хозяинъ едва знакомыхъ гостей въ своихъ залахъ, и какъ онъ, спокойно прощается съ ними. Высоко надъ жизнію возносится по прежнему идеалъ, когда-то безграничный властитель Левина, но цѣпи, приковывавшія его къ нему, порваны; онъ свободенъ. Идеалъ не поднимаетъ уже въ груди его напрасныхъ стремленій, не мучитъ, не терзаетъ его; онъ сдѣлался предметомъ отраднаго созерцанія. Левинъ также спокойно созерцаетъ его, какъ созерцаетъ жизнь и не думаетъ ни мирить, ни

ссорить одно съ другимъ. На многое смотритъ онъ, многое узнаетъ, читаетъ, учится, испытываетъ и любопытствуетъ, останавливается и задумывается передъ безчисленными явленіями, но ничему не отдаетъ себя; онъ ни съ чѣмъ никогда не заключаетъ союза и, Богъ знаетъ для чего, бережетъ себя, какъ скряга свое сокровище. Съ вѣчной недовѣрчивостію, съ гордостію смотритъ онъ на жизнь, на людей, на все въ мірѣ; все представляется ему отрывкомъ, частію, полусвѣтомъ, все ограниченнымъ, бѣднымъ, неполнымъ, несвязнымъ, и не можетъ истребить онъ въ себѣ вѣчнаго и болѣзненнаго требованія и исканія цѣлости, полноты, гармоніи и совершенства, и живетъ онъ, ничему не предаваясь, холодный. Рѣдко, рѣдко посѣщаетъ его однакожъ странный недугъ; онъ слышитъ, какъ внутри его шевелится сѣмя, брошенное матерью въ его душу, сѣмя любви и преданности, и внезапно становится онъ смущенъ, растерянъ и мраченъ. Тогда не въ силахъ смотрѣть онъ на ясный день, на свѣтлое небо; не любитъ онъ видѣть дѣтей, ласкающихся къ матери, и если ему встрѣчается молодая, счастливая чета, онъ бѣжитъ отъ нея, какъ отъ мучительнаго привидѣнія. Онъ запирается у себя, приказываетъ опускать сторы на окнахъ и бродитъ въ своихъ комнатахъ въ страшномъ недугѣ и проклинаетъ себя, свой жадный и безплодный умъ, свое горячее и скупое сердце, свое томительное, вѣчное блужданіе, проклинаетъ подавившій его идеалъ и со стонами страшной тоски признаетъ свое безсиліе нести это бремя или навсегда сбросить его. Тогда, ища обмана и забвенія, начинаетъ онъ рядъ пировъ, на которыхъ окружаетъ себя цвѣтами, яркимъ свѣтомъ и смѣющимися красивыми женщинами, которыхъ покидаетъ съ послѣднимъ выпитымъ бокаломъ. Вотъ задумчивый и

холодный, онъ начинаетъ и кончаетъ далекое странствованіе; вотъ онъ здѣсь, въ отеческомъ домѣ. Прожита имъ лучшая часть жизни, большая ея половина; сколько впечатлѣній, связей пережито имъ, сколько лицъ, интересовъ, какой міръ и какая жизнь пронеслись мимо его. Что-жъ удержалъ онъ за собою? Усталый и разбитый длиннымъ путемъ, гдѣ, въ чемъ найдетъ онъ отдыхъ и освѣженіе? Левинъ не нашелъ отвѣта на свои вопросы, и весь его составъ заныль, почуя приближеніе страшнаго недуга. Левинъ вскочилъ съ креселъ. Давно ужъ длилась ночь; высоко поднявшійся мѣсяцъ свѣтилъ въ окна; свѣтлыя ихъ тѣни тянулись на полахъ и гнали мракъ въ углы и подъ высокіе потолки пустынныхъ покоевъ; старый домъ исполненъ былъ угрюмой тишины и сумрака. Левинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но дорога и тяжелыя думы такъ утомили его, что онъ тотчасъ же опустился опять на кресла въ полномъ изнеможеніи.

Въ полумракѣ тянулся передъ нимъ рядъ комнатъ; толпа разныхъ лицъ показалась тамъ и приближалась къ Левину. Онъ узналъ образы своихъ предковъ, покинувшихъ полотно, на которомъ такъ величаво покоились они передъ нимъ нѣсколько часовъ назадъ; теперь не было уже печати спокойствія на ихъ лицахъ. Всѣ они казались раздраженными, негодующими; всѣ они смотрѣли на Левина съ упрекомъ и презрѣніемъ. Особенно озлобленнымъ казался какой-то старикъ въ мундирѣ, съ пудрою и косою на головѣ; желчная улыбка искажала его старческое лице, а глаза сверкали злобою. Любуйтесь, любуйтесь нашимъ внукомъ, началъ онъ своимъ скрыпучимъ, разбитымъ голосомъ, обращаясь къ другимъ лицамъ; слабоумный, ничтожный, позорный внукъ! За чѣмъ пожаловалъ наконецъ? Да съ чѣмъ же ты возился цѣлую жизнь свою? и ты еще смѣлъ

непочтительно смотрѣть на насъ, припоминать нашу жизнь? Мы жили, слышишь ты, мы жили, а ты — ты только смотрѣлъ на жизнь. Куда ты рвался? чего хотѣлъ? Не по обычаю отцовъ жилъ ты, ты не смотрѣлъ себѣ подъ ноги, и вотъ, презрѣнный и жалкій, ты растерялся и заблудился. Презрѣнный, не срамилъ бы ты нашего дому и пропадалъ бы себѣ, гдѣ знаешь! Старикъ задыхался и закашлялся отъ злобы, онъ наконецъ плюнулъ и пошелъ въ дальнія комнаты; съ презрѣніемъ взглянувши на Левина, двинулась и скрылась вся толпа за старикомъ.

Тогда послышался шорохъ атласнаго платья: легко, свободно, плавно и величаво шла прямо къ Левину молодая бабка его; привѣтливо сжала она своею нѣжною рукою руку Левина и странно зазвучалъ въ пустынномъ и мрачномъ домѣ ея звонкій, ребяческій, добродушный смѣхъ. Чѣмъ же ты такъ смущенъ, заговорила прекрасная бабка тѣмъ мягкимъ и покоряющимъ голосомъ, который дается только сильной и страстной юности, — неужели рѣчами старика? Не слушай никого, слушайся только себя, покоряйся только своему сердцу. Ты задавилъ его, а отъ него только счастіе. Дай ему волю, полную и безграничную волю... Ахъ, милый внукъ, оторви меня отъ полотна, къ которому приковали меня... Я такъ молода; ты увидишь, какъ надо жить... ахъ, я хочу, хочу жить, хочу жить! воскликнула бабка, и ручьи слезъ полились изъ гордыхъ глазъ. — Оставайся-жъ со мной, прекрасная бабка, громко закричалъ Левинъ и вдругъ почувствовалъ, какъ высохла и сморщилась нѣжная рука, державшая его руку. На мѣстѣ молодой бабки стояла старуха со сморщеннымъ и пожелтѣвшимъ лицомъ, въ мантильи съ двумя воротниками; голова ея была повязана чернымъ платкомъ. Медленно отвернулась она отъ Левина и попле-

лась по длинному ряду комнатъ, тряся головою и шаркая одряхлѣвшими ногами. Левинъ проснулся въ кожаныхъ креслахъ.

Яркій блескъ солнца наполнялъ комнаты; въ окно дышало на него майское утро, неслись разнообразные звуки проснувшейся жизни: напѣвы птицъ, лаи собаки, ржаніе жеребенка, глухой стукъ далекой мельницы и чья то звонкая, прерывающаяся пѣсня; и мигомъ изчезли въ Левинѣ тяжкія впечатлѣнія думъ и сновъ ночи. Ему захотѣлось воздуха и движенія; онъ вышелъ изъ комнатъ въ дворъ, осмотрѣлъ и обласкалъ попавшихся ему собакъ, хотѣлъ погладить бѣлые волосы какого-то босаго мальчишки, въ рубашенкѣ и нанковыхъ панталонахъ, державшихся на немъ только единственною суконною подтяжкою, но, когда тотъ бросился отъ него съ такимъ крикомъ, какъ будто его внезапно укусилъ тарантулъ, Левинъ отправился далѣе. Онъ прошелъ по селу, замѣтилъ беззаботность и лѣнь на лицахъ мужиковъ, обратилъ вниманіе на дородство и ростъ бабъ, рѣшился спросить у встрѣтившагося водовоза, отъ чего скрыпятъ колеса его бочки и, получивъ отвѣтъ, что они не мазаны, побрелъ къ мельницѣ. Здѣсь взглядъ его нашелъ обильную пищу въ телѣгахъ съ мѣшками и безъ мѣшковъ, въ привязанныхъ къ нимъ лошадяхъ, тощихъ и дородныхъ, пѣгихъ, буланыхъ и всякихъ другихъ мастей, наконецъ въ крестьянахъ, валявшихся или просто на солнцѣ ничькомъ къ землѣ, или подъ повозками въ разнообразнѣйшихъ позахъ. Особенное его вниманіе заслужила рыжая, всклокоченная борода, свѣсившаяся на край мельничной плотины; ноги и туловище ея хозяина были подъ стоящею здѣсь телѣгою, а шапка его качалась на поверхности плѣсневѣлой воды подъ плотиною. Внизу плотины, на изрытомъ лужкѣ въ грязи покои-

лась группа свиней и грѣла толстые бока на солнцѣ. Левинъ остановился передъ быстро вертящимися колесами мельницы, засмотрѣлся на пѣнившуюся подъ ними воду, на блестѣвшіе на солнцѣ брызги. Онъ взглянулъ на убѣленныхъ мукою мельниковъ и подумалъ, что очень странны бѣлыя брови и рѣсницы,— взглянулъ еще Левинъ на стадо домашнихъ утокъ и на то, какъ безпрерывно пропадали въ водѣ ихъ шеи и головы, и какъ безпрерывно поднимались надъ водою и опускались ихъ хвосты. За тѣмъ онъ повернулъ къ барскому двору, но здѣсь, случайно или нѣтъ, встрѣтилъ его управляющій съ лицомъ, полнымъ вопроса, и нерѣшительнымъ голосомъ спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній. Левинъ отвѣчалъ, что все очень хорошо, что желаетъ, чтобы впередъ всё такъ было, что за все очень благодаренъ и приказаній никакихъ болѣе не будетъ. Радостію разцвѣло лицо управляющаго и онъ удалился съ глубокимъ поклономъ.

Левинъ отправился въ садъ, онъ бродилъ по темнымъ аллеямъ, забирался въ самые отдаленные и глухіе углы его, заглядывалъ въ уснувшіе и заплѣснeвѣлые пруды; весьма серьёзно озиралъ деревья отъ корня и до высокихъ верхушекъ, срывалъ, осматривалъ и бросалъ листы ихъ весьма равнодушно, но внимательно посмотрѣлъ на садовника, который представился ему въ одной изъ аллей окаменѣвшимъ и недоумѣвающимъ при появленіи еще никогда невиданнаго своего господина; онъ посидѣлъ на висячихъ качеляхъ, внимательно выслушалъ что-то проскрипѣвшія ему ржавыя ихъ кольца, взглянулъ на ветхія веревки и подумалъ о томъ, что онѣ почти совсѣмъ ужъ гнилыя. Потомъ его вниманіе привлекъ какой-то жукъ, ползущій по песку, онъ взялъ его къ себѣ на ладонь, подробно осмотрѣлъ его и бросилъ далеко отъ себя; потомъ онъ сорвалъ и поню-

халъ какую-то пахучую травку, кинулъ ее въ попавшійся муравейникъ и наблюдалъ, какъ встревожились и копышились около нея заботливые муравьи. Потомъ онъ взглянулъ на безоблачное голубое небо , зѣвнулъ и сѣлъ на дерновую скамью подъ старою тѣнистою липою.

Прогулка и жаръ наступившаго полудня нѣсколько утомили его. Онъ снялъ шляпу и отиралъ платкомъ бѣлый, высокій лобъ свой. Несмотря на то, что Левину было уже за тридцать лѣтъ , не смотря на худобу и блѣдность его лица въ минуты усталости или грусти, на немъ была печать мягкости и добродушія дѣтскихъ лицъ. Его проницательные , гордые глаза смотрѣли въ эти минуты необыкновенно привлекательно и какъ-то довѣрчиво, а слѣды ироніи на устахъ дѣлались какъ-то неопредѣленны , становились едва замѣтными. Въ такія минуты Левинъ былъ рѣшительно привлекателенъ.

Здравствуйте же наконецъ, Constantin, раздался голосъ изъ аллеи, тянувшейся въ сторонѣ отъ скамьи , на которой отдыхалъ Левинъ. Здравствуйте, cousin. Каковъ! Пріѣхалъ — и преспокойно отдыхаетъ въ своемъ саду. Да и здѣсь то спрятался такъ, что ужъ мы не думали найти васъ !

Все это громко проговорила кузина Левина , спѣшившая теперь къ нему изъ аллеи. Это была довольно полная дама съ веселымъ, добродушнымъ выраженіемъ лица, оживленнаго теперь радостію свиданія. За нею спѣшила молодая дѣвушка въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, въ круглой соломенной шляпкѣ съ широкими полями, изъ подъ которой развивались русые локоны.

Кузина, какъ вы добры! здравствуйте, здравствуйте, сказалъ Левинъ, цѣлуя руку дамы, которая нѣсколько разъ поцѣловала лобъ его.

— Да съ вами по неволѣ будешь добръ, Constantin. Вы сами ни о комъ не вспомните. Я еще вчера знала о вашемъ пріѣздѣ; у меня были здѣсь шпіоны. Не явись я сама къ вамъ — вы бы еще долго не собрались повидаться съ кузиной. Вы славный родственникъ! это всѣ знаютъ.

Левинъ улыбнулся и еще разъ поцѣловалъ руку кузины.

Что-жъ вы тутъ дѣлали? продолжала она. Мечтали? А лучше бы было поспѣшить къ тѣмъ, кто такъ съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ. Видно, вы — все такой, какъ были! Любите все и всѣхъ, то есть, равнодушны ко всему и всѣмъ! Пять лѣтъ ужъ, какъ я разсталась съ вами въ Москвѣ. Вы, кажется, ничего не перемѣнились; блѣднѣй немного стали. Ну, я рада, что вы таки наконецъ пріѣхали! Я думала, что и на этотъ разъ вы кончите обѣщаніями и письмами. Да, Constantin! Вы вѣдь не знаете Соничку? Моя племянница...

Дѣвушка въ шляпкѣ, улыбаясь и смотря прямо въ глаза Левину, протянула ему маленькую руку, и Левинъ привѣтливо пожалъ ее. Ясный взглядъ Сонички, безконечно добрая и привѣтливая улыбка тонкихъ губъ ея, младенчески-свѣтлое и рдѣющее играющимъ румянцемъ лице ея подѣйствовали на Левина очень симпатично.

Ma tante и я — мы давно ждемъ васъ, сказала Соничка, и ея мягкій голосъ звучалъ Левину необыкновенно пріятно. Прошлое лѣто вы не сдержали своего обѣщанія... мы думали, можетъ быть, и теперь не пріѣдете... Ma tante говоритъ, что вамъ все равно, гдѣ ни быть...

— Если бы я зналъ, что меня такъ ждутъ — я бы давно сдержалъ обѣщаніе, — и Левинъ улыбался, глядя на Соничку, и на этотъ разъ улыбка его была совсѣмъ добродушна и ласкова.

— Полноте, полноте... вы это хорошо знали, но я

ужъ сказала, что вы никогда никого не хотите помнить, — заговорила кузина. Однакожъ долго ли мы будемъ оставаться здѣсь на солнцѣ... право уже черезъ чуръ тепло. Вы вѣрно ужъ довольно надумались здѣсь, кузенъ? Дайте руку и пойдемте въ домъ: мы совсѣмъ уходились, искавши васъ по саду. Соничка, иди впередъ, а мы за тобой.

Левинъ шелъ объ руку съ кузиной за Соничкою по аллеѣ и, привычный наблюдатель, тотчасъ замѣтилъ на пескѣ необыкновенно маленькіе слѣды ея ногъ и засмотрѣлся на нихъ.

— Вы ужъ о чемъ то задумались, Constantin, — громко смѣясь, сказала кузина.

— Я думаю, cousine, откуда у васъ племянница; — я ничего не зналъ о ней.

— Это племянница моего покойнаго Александра. Она жила съ матерью — теперь сирота, живетъ со мной... Я очень люблю ее.

— Это — прекрасное дитя, кузина.

— Не совсѣмъ дитя, cousin... ей восьмнадцать лѣтъ... вы, кажется, любите дѣтскіе слѣды на пескѣ, — и кузина смѣялась громче прежняго.

— Да вы ужъ замѣтили, что я люблю всѣхъ и все... отчего-жъ не любить и дѣтскихъ слѣдовъ...

— Конечно... однако же, любезный cousin, говорила, уже не смѣясь, кузина, я напередъ вамъ говорю: не вздумайте кружить голову моей Соничкѣ.

— Вы знаете, это не мое ремесло.

— Я только знаю, что у васъ нѣтъ своего ремесла и подъ часъ вы готовы взяться за всякое... Вы — пустой и опасный человѣкъ, cousin!

— А вы — откровенная и очень милая кузина, сказалъ Левинъ, цѣлуя руку Ольги Петровны. Они вошли въ домъ. Соничка была уже здѣсь; она сняла уже свою

шляпку и передъ зеркаломъ въ гостиной оправляла головнымъ гребешечкомъ свои локоны и свивала ихъ на своихъ маленькихъ пальцахъ. Очень граціозною показалась она Левину въ этомъ занятіи. Маленькая рука Сонички выказалась здѣсь во всей своей прелести; не упустилъ тогда Левинъ изъ виду и маленькихъ ушей, мелькомъ показавшихся и скрывшихся подъ локонами, и опять любовался онъ и тонкой шеей, и гибкой таліей, и всей легкой и свободной фигурой Сонички. Это — прекрасное дитя, повторилъ онъ въ душѣ своей.

— А ты устала, Соня, какъ раскраснѣлась, сказала Ольга Петровна, гладя рукою головку Сонички.

— Да, немного, ma tante, я отдохну сей часъ, и Соничка обняла и поцѣловала Ольгу Петровну, потомъ проворно повернулась и пошла къ кожаному креслу, въ которомъ провелъ ночь Левинъ. Вотъ гдѣ хорошо, говорила она, садясь у окна; славный воздухъ, и какой день — ахъ, какъ я люблю май! Ай, ай, посмотрите, посмотрите, закричала Соничка, и ея легкая, задрожавшая отъ ужаса, фигура вся наклонилась къ окну.

— Что такое? гдѣ? — проворно сказалъ Левинъ и высунулся въ окно.

— Вонъ, вонъ на цвѣтникѣ, съ ужасомъ кричала Соничка! Левинъ увидалъ на одномъ изъ цвѣтниковъ подъ окнами воробья, который спокойно чирикалъ подъ кустомъ розъ, а не вдалекѣ уже кралась къ нему большая сѣрая кошка, сверкая зелеными глазами. Левинъ махнулъ и хлопнулъ своимъ платкомъ: воробей пискнулъ и изчезъ въ воздухѣ; сконфуженная кошка, какъ молнія, бросилась въ кусты. Соничка вздохнула, какъ человѣкъ, только что бросившій тяжелую ношу, и углубилась въ кресла.

Что тамъ? съ безпокойствомъ спрашивала Ольга

Петровна, сидѣвшая на канапе на другой сторонѣ гостиной.

— Гадкая кошка, она хотѣла схватить воробья, говорила еще взволнованная Соничка.

— Ну можно ли такъ кричать, ma chère, — ты перепугала меня...

— Ахъ, ma tante, да вѣдь она задушила бы его.

— Могло случиться, сказалъ Левинъ, громко смѣясь.

— Ребячество, Sophie; зачѣмъ кричать, продолжала Ольга Петровна. Соничка закусила губки, какъ пристыженный и недовольный ребенокъ, и молчаливо поглядывала въ окно на небо и зелень.

— Подите сюда, Constantin, говорила Ольга Петровна. Сядьте возлѣ меня. Вы ничего еще не разсказали мнѣ о нашихъ знакомыхъ. Левинъ сѣлъ, отвѣчалъ и разсказывалъ на вопросы Ольги Петровны, не забывая любоваться раскинувшеюся въ креслахъ Соничкою. Наконецъ слуга возвѣстилъ, что готовъ обѣдъ, и всѣ пошли въ залъ.

За обѣдомъ веселая Ольга Петровна разсказывала разныя событія и мѣстныя сплетни и смѣялась такъ искренно, что веселость ея была бы заразительна для самыхъ угрюмыхъ людей; Соничка вторила ей своимъ дѣтскимъ смѣхомъ; Левинъ острилъ и прислуживалъ Соничкѣ, которая кушала съ аппетитомъ и особенно расхвалила пирожное. Я ужасно люблю сладкое, сказала она Левину. Левинъ и Соничка вышли изъ-за стола рѣшительно пріятелями.

Когда начало вечерѣть и прохлада уже смѣняла жаръ, Левинъ отправился съ дамами въ садъ. Они опять шли по аллеѣ: кузина объ руку съ Левинымъ, а Соничка впереди. А! качели, качели! закричала Соничка, и порхнула какъ птичка, и бѣжала и прыгала къ завидѣннымъ качелямъ.

Не сломи себѣ ноги, Sophie, кричала ей въ слѣдъ Ольга Петровна.

— Постойте, тамъ веревки... закричалъ было Левинъ, но Соничка была уже далеко. Левинъ оставилъ руку кузины и быстро побѣжалъ за Соничкою. Ольга Петровна шла теперь по аллеѣ одна, тихими шагами: этотъ Левинъ, какъ и прежде, готовъ быть ребенкомъ, думала она, и казалось, что-то припомнила и вздохнула и задумалась.

Когда Левинъ добѣжалъ до качелей, Соничка сидѣла уже на креслѣ, вытянувъ одну ножку, чтобы качнуть кресло, толкнувъ ею въ землю; но ножка не доставала до земли и качалась въ воздухѣ.

Сойдите, сойдите, говорилъ запыхавшійся отъ бѣга Левинъ, — веревки ветхи...

— Ни за что, ни за что... кричала Соничка. Качайте, качайте скорѣй... скорѣй... ma tante идетъ...

Левинъ началъ тихо качать кресло. Сильнѣй, сильнѣй, кричала Соничка, вотъ — такъ! ахъ, какъ хорошо! Еще сильнѣй, не бойтесь — голова не закружится, я буду смотрѣть на небо...

Соничка прижалась къ спинкѣ высоко взлетающихъ креселъ и закинула вверхъ головку; шляпка соскочила съ нея и какъ парашютъ тихо летѣла на землю, и свободно развѣвались теперь ея локоны.

Какъ весело, какъ весело, кричала она, — сильнѣй, сильнѣй... Левинъ слѣдилъ глазами за быстро рѣющею въ воздухѣ Соничкою, и съ необыкновеннымъ жаромъ ловилъ и подбрасывалъ кресло все выше и выше. Вдругъ одна изъ веревокъ лопнула. Испуганная Соничка бросилась съ креселъ, а Левинъ въ одно мгновеніе былъ уже возлѣ нея, подхватилъ ее на руки и поставилъ на землю. Соничка, взволнованная испугомъ и сильнымъ качаніемъ, едва стояла

на ногахъ и крѣпко держалась за руки Левина, который не могъ отвести своихъ глазъ отъ пылающаго лица и кротко блистающихъ глазъ Сонички. Ольга Петровна подошла къ нимъ; она взяла Соничку отъ Левина, подвела къ скамьѣ и посадила ее возлѣ себя.

Какая ты бѣшеная, Sophie, говорила она, лаская Соничку, — ты могла убиться...

— Ничего, право ничего, отвѣчала Соничка, обнимая Ольгу Петровну.

— Пора намъ ужъ ѣхать, Sophie.

— Еще успѣемъ, ma tante.

— Нѣтъ, нѣтъ, пора; надо за свѣтло проѣхать косогоръ; я всегда боюсь его.

Не смотря на ранніе сборы въ путь Ольги Петровны, гости Левина продолжали бесѣдовать и оставили его не ранѣе, какъ когда наступили уже полныя сумерки. Левинъ посадилъ дамъ въ коляску, и кучеръ еще съ четверть часа ожидалъ приказанія ѣхать; господа все еще прощались. Ольга Петровна смѣялась и въ коляскѣ, Левинъ говорилъ Соничкѣ, что вечеръ очень свѣжъ, и просилъ кутаться. Соничка отвѣчала: право ничего; пріѣзжайте же къ намъ, и наконецъ Левинъ въ послѣдній разъ пожалъ руки дамъ, коляска двинулась и покатилась по полямъ, одѣтымъ сумерками майскаго вечера.

Обѣ гостьи Левина молчали.

— Какой онъ добрый, славный, заговорила первая Соничка, не выносившая тишины и молчанія.

— Кто это? спросила Ольга Петровна.

— Да Константинъ Сергѣевичъ...

— Да.

— Только замѣтили вы, ma tante, иногда онъ вдругъ посмотритъ такъ странно...

— Да, я знаю этотъ взглядъ...

— А счастливъ онъ, ma tante?

— Не знаю, мой другъ, сказала Ольга Петровна и глубоко задумалась. Дамы замолчали и ужъ ни слова не говорили во всю дорогу. Отрывочные отвѣты Ольги Петровны отняли у Сонички охоту спрашивать. Она только вертѣлась на своемъ мѣстѣ, стучала ножкой въ переднее сидѣнье коляски, безпрерывно поправляла свою шляпку, тормошила концы легкаго шарфа, надѣтаго на ея шею, и быстро выскочила по ступенькамъ коляски, когда она наконецъ остановилась передъ крыльцомъ дома Ольги Петровны.

Sophie! сказала Ольга Петровна, ты когда-нибудь непремѣнно сломаешь себѣ ногу.

— Ничего, ma tante, право ничего, и Соничка убѣжала въ свою комнату.

Ольга Петровна, оставшись одна, долго расхаживала по комнатамъ; потомъ она вошла въ свой кабинетъ и вынула изъ бюро чей-то портретъ. Да, тогда въ лицѣ его еще былъ румянецъ, думала она, смотря на портретъ, и съ подавленнымъ вздохомъ Ольга Петровна положила его снова въ бюро и пошла въ свою спальню.

Левинъ, проводивши гостей, долго курилъ сигару на балконѣ, выходящемъ въ садъ; было ужъ поздно, когда онъ легъ въ постель и по привычкѣ развернулъ какую-то книгу. Долго онъ держалъ ее передъ собой, не переворачивая листовъ. Эта Соничка — прекрасное дитя, наконецъ подумалъ онъ. За тѣмъ онъ закрылъ книгу, задулъ свѣчи, горѣвшія возлѣ его кровати, сладко задремалъ и уснулъ. Въ эту ночь никакіе сны, никакія видѣнія не смущали Левина: тихъ былъ старый домъ и тихъ былъ сонъ Левина, какъ сонъ младенца.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Утромъ слѣдующаго дня Ольга Петровна долѣе обыкновеннаго занималась своимъ туалетомъ. Горничная тщательно убирала ея длинные и густые волосы — долго неизмѣняющее утѣшеніе отцвѣтающихъ женщинъ. Ольгѣ Петровнѣ было уже тридцать лѣтъ. Въ молодости она слыла красивою, но красота ея была изъ непрочныхъ. Быстро увеличившаяся полнота измѣнила и уничтожила тонкія и пріятныя очертанія ея молодаго лица: впрочемъ оно и теперь было еще пріятно своею свѣжестію, добродушнымъ и веселымъ выраженіемъ. Ольга Петровна была немного моложе Левина. Въ юности они часто видались, какъ родные и сосѣди. Отношенія Ольги Петровны къ юношѣ Левину имѣли тогда неопредѣленный характеръ, весьма обыкновенный въ отношеніяхъ кузинъ и кузеновъ. То были отношенія конечно родственныя; однакожъ въ нихъ не рѣдко являлся какой то интересъ, не совсѣмъ обычный между братомъ и сестрою. Эти отношенія длились недолго: Ольга Петровна скоро сдѣлала хорошую партію и удержала за собою только портретъ юноши Левина. Она не была счастлива съ своимъ мужемъ: онъ былъ гораздо старѣе ея, слишкомъ разсудителенъ и сухъ для того, чтобы быть въ состояніи дать счастіе кому бы то ни было. Она овдовѣла и встрѣтилась не надолго съ Левинымъ, пять лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ. Левинъ явился ей тогда рѣшительно только добрымъ родственникомъ; но Ольга Петровна, какъ всѣ женщины ея лѣтъ и положенія, не могла еще

прямо смотрѣть на свою участь; не испытавъ дѣйствительнаго счастія, она не могла не гоняться за нимъ порой въ мечтахъ, и къ Левину, кромѣ искренняго родственнаго расположенія, питала нѣкоторый особенный интересъ. Въ отношеніяхъ къ нему у ней иногда невольно проглядывало то тонкое кокетство, которое почти всегда замѣтно въ женщинѣ, уже пожившей, къ человѣку, который нравился ей въ юные годы. Это не мѣшало однакожъ Ольгѣ Петровнѣ искренно желать Левину счастія въ бракѣ и скорбѣть иногда объ упрямствѣ, съ какимъ онъ оставался одинокимъ. Они часто переписывались, и онъ уважалъ въ ней добрую, довольно умную, а главное искренно расположенную къ нему кузину и охотно, на сколько могъ, признавалъ ея участіе въ судьбѣ своей.

Ольга Петровна давно уже окончила свой туалетъ и разсѣянно бродила вокругъ цвѣтниковъ. Наконецъ она вошла въ галлерею, примыкавшую къ дому и уставленную цвѣтами; гуляла здѣсь и бросала частенько взгляды на дорогу, по которой ѣхала она вчера вечеромъ. Напѣвая и прыгая, вошла сюда Сонична свѣтлая и свѣжая, какъ утро. За ней бѣжала небольшая польская собаченка.

Ma tante, что же онъ не ѣдетъ? спросила Сонична обнимая Ольгу Петровну.

— Не знаю, ma chère, можетъ быть, онъ не хочетъ пріѣхать нынче...

— Какъ не хочетъ! Да что́-жъ онъ будетъ дѣлать одинъ?

— Не знаю... мало ли что...

— Не можетъ быть... онъ пріѣдетъ... можно ли оставаться одному...

— Да развѣ ты не бываешь никогда одна?

— Я всегда съ вами, а когда въ своей комнатѣ — со мной моя Надя, да Блеро... Блеро, Блеро! звала Соничка собаченку, которая обнюхивала углы галлереи. На, на, на... и Соничка начала бѣгать по галлереѣ, дразня собаченку платкомъ, за которымъ та прыгала и гонялась, немилосердо гремя когтями. А! вонъ ѣдетъ, ѣдетъ, закричала Соничка, вдругъ остановившись у раскрытаго окна. Ахъ, какъ скоро! чудесныя лошадки! Я покатаюсь, ma tante, можно? и Соничка убѣжала. Коляска Левина, запряженная четверней лошадей, стояла уже у крыльца. — Погодите, не выходите, кричала ему Соничка изъ окна залы; вы покатаете меня.

Соня, Sophie... звала ее вошедшая Ольга Петровна.

— Ничего, ma tante, право ничего...

— Да возьми же хоть шляпку.

— Нѣтъ, ничего... я скоро... я сей часъ, и Соничка убѣжала.

Ольга Петровна подошла къ окну и увидѣла, что коляска съ Левинымъ и Соничкой уже мчится по селу и скоро изчезла изъ виду. Черезъ часъ, она снова показалась, и лошади неслись къ крыльцу, всѣ покрытыя пѣною. Соничка смѣялась и съ живостію разсказывала что-то Левину.

Соничка, начала Ольга Петровна, когда та вошла въ залъ, — ну, подумай сама: цѣлый часъ на солнцѣ и съ открытой головой...

— Ничего, ничего, ma tante, и Соничка прервала рѣчь Ольги Петровны поцѣлуемъ.

Левинъ вошелъ за Соничкой. Онъ былъ оживленъ и искренно веселъ. Онъ вспоминалъ съ Ольгой Петровной времена очень давнія и дни, проведенные когда-то въ этомъ же домѣ. Многое среди своихъ воспоминаній они оставляли недосказаннымъ. Левинъ вспоми-

налъ прошлое потому, что оно вспомнилось, потому что память была возбуждена мѣстомъ, гдѣ совершилось оно; но Ольга Петровна отдавалась воспоминаніямъ, какъ казалось, съ большею охотою. Левинъ поспѣшилъ перейти къ настоящему, и день былъ проведенъ, какъ и предшествовавшій, въ бесѣдѣ и гуляньѣ. Наступившій вечеръ былъ прекрасенъ глубокою кротостію и миромъ, которые такъ и крадутся въ душу и неизбѣжно покоряютъ ее себѣ. Сама Соничка притихла и задумчиво глядѣла въ раскрытое окно. Ольга Петровна и Левинъ сидѣли на другомъ концѣ залы.

Посмотрите, говорила Ольга Петровна, наконецъ моя Соничка задумалась; это бываетъ такъ рѣдко съ нею! Она всегда такъ жива, что живость ея рѣшительно заразительна. Большое счастіе жить съ нею... подъ часъ она возвращаетъ вамъ юность...

Да, сказалъ Левинъ, въ ней столько простоты, искренности, все у нея свое, а это встрѣчается очень не часто. Признаюсь, кузина, я не выношу такъ называемыхъ умныхъ женщинъ съ ихъ разсужденіями, съ ихъ умомъ и понятіями, занятыми изъ книгъ... Искренность, простота, натура — выше, дороже всего для меня...

— Да развѣ все это не можетъ соединяться съ умомъ и образованностію...

— Не говорю этого, но въ женщинѣ рѣдко, рѣдко найдешь это вмѣстѣ; съ развитіемъ головы рѣдко не пропадаетъ въ нихъ натура, искренность, все то, чѣмъ такъ дороги онѣ... Знаете ли, кузина, какой языкъ, какое пониманіе люблю я въ женщинѣ?

— Не знаю, Constantin, это очень интересно...

— «Это я люблю, это мнѣ нравится, этого я не люблю, этого мнѣ не нужно...» вотъ такое пониманіе и такъ высказанное я люблю и цѣню въ женщинѣ...

— Вы довольны не многимъ, cousin. Я помню время, когда ваши требованія были не такія. Теперь ваши желанія...

— У меня нѣтъ желаній, кузина; я говорю вамъ только о своихъ впечатлѣніяхъ. Вы напоминаете мнѣ давнія требованія... Время идеаловъ прошло: они не имѣютъ ничего общаго съ жизнію. Въ жизни я вижу только жизнь.

Левинъ говорилъ откровенно, искренно, но онъ не сознавалъ, что оставался неисправимымъ идеалистомъ. Онъ думалъ, что отдѣлался отъ идеаловъ тѣмъ, что не смѣшивалъ ихъ съ жизнію; но онъ оставался вѣчно вѣренъ и преданъ имъ душею до того, что въ жизни былъ всегда только наблюдателемъ и созерцателемъ, а личное въ ней участіе, личное удовлетвореніе или счастіе сдѣлались для него невозможными. Левинъ не понималъ, что глубоко всосался въ него страшный ядъ идеала и непрерывно выработываетъ его неизбѣжную гибель.

Разговоръ Ольги Петровны съ Левинымъ остался какъ будто безъ конца. Левинъ вдругъ потерялъ веселость и добродушіе, которыя сохранялъ во весь день. Послѣднія слова произнесъ онъ уже раздраженнымъ голосомъ, взглядъ его сдѣлался сухимъ и бродячимъ. Ольга Петровна, казалось, не очень понимала Левина, и неожиданная въ немъ перемѣна совершенно смутила ее. Она не догадывалась, что въ разговорѣ зазвучала больная струна души Левина. Онъ замолчалъ и, казалось, былъ гдѣ-то далеко. Ей стало какъ-то неловко съ нимъ. Хотите чаю, Constantin? рѣшилась наконецъ спросить она; я велю приготовить, и Ольга Петровна вышла изъ зала.

Соничка отвернулась отъ окна и подошла къ Левину.

Константинъ Сергѣевичъ, сказала она, и неволь-

но взглянула въ сторону, когда глаза ея встрѣтились съ тоскливо-сухимъ взглядомъ Левина. Константинъ Сергѣевичъ, докончила она смущеннымъ голосомъ, — поѣдемте на лодкѣ... славный вечеръ...

— Не могу... мнѣ пора, и Левинъ смотрѣлъ на свои часы.

— Куда же вы, за чѣмъ вы спѣшите? проговорила Соничка съ несвойственною ей робостію.

— Надо быть дома, есть дѣло, и Левинъ началъ искать шляпы.

— Какъ? Вы уже хотите ѣхать, cousin, сказала Ольга Петровна, вошедши въ залъ.

— Да, мнѣ необходимо, прощайте...

— Полноте, погодите, ваши лошади еще... начала Ольга Петровна.

— Онѣ давно готовы — вотъ ихъ подаютъ, сказалъ Левинъ, взглянувъ въ окно. Прощайте, кузина, до свиданія. Левинъ поцѣловалъ руку Ольги Петровны. Прощайте, Соничка... позвольте мнѣ такъ называть васъ... можно?

— Конечно, можно, такъ же и зовутъ меня, отвѣчала Соничка, подавая руку Левину.

— Ну, до свиданія, Соничка, сказалъ Левинъ, пожимая ее.

— Мы скоро увидимся? спросила Соничка.

— Да, увидимся, увидимся, съ легкимъ поклономъ отвѣчалъ Левинъ и вышелъ изъ зала.

Что-то тяжелое уже не оставляло душу Левина послѣ разговора съ Ольгой Петровной. Онъ прижался въ углу своей коляски и блуждающимъ взглядомъ окидывалъ поля, померкающее небо и темнѣющій въ сторонѣ отъ дороги лѣсъ. Душенъ казался ему голубой и кроткій вечеръ и напрасно крался съ миромъ и покоемъ къ его тревожной душѣ.

Соничка, проводивши Левина, сѣла за рояль и долго пѣла. У нея былъ прекрасный голосъ, звучащій дѣтской мягкостію и нѣжностію. Что-то новое зазвучало въ немъ въ этотъ вечеръ — желаніе, какое-то стремленіе или робкая мольба. Ольга Петровна замѣтила это, и все прислушивалась къ пѣнію и заботливо взглядывала на Соничку.

Левинъ, легши въ постель, долго читалъ въ этотъ вечеръ; дѣтскій образъ Сонички не мѣшалъ ему; листы переворачивались одинъ за другимъ. Въ эту ночь старый домъ былъ полонъ угрюмой тишины, и тяжелъ, тревоженъ былъ сонъ Левина.

Было уже за полночь, когда громко зазвонилъ Левинъ въ своей комнатѣ. Кто смѣется здѣсь такъ поздно и такъ громко? спросилъ онъ съ испугомъ вбѣжавшаго къ нему слугу.

— Никакъ нѣтъ, никто не смѣялся, отвѣчалъ заспанный и недоумѣвающій слуга.

— Мнѣ послышалось... Ступай спи, и Левинъ снова задремалъ и заснулъ тяжкимъ, тревожнымъ сномъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ слѣдующіе дни Левинъ внимательно взглянулъ на свои владѣнія, на всѣ хозяйственныя заведенія своей деревни. Идеалистъ во всемъ и всегда — онъ потому самому признавалъ все, какъ оно есть. На хозяйственный бытъ смотрѣлъ онъ съ той же точки зрѣнія. Онъ не можетъ быть, какимъ бы долженъ быть, думалъ онъ; пусть будетъ, какой есть, и Левинъ оставался доволенъ своимъ хозяйствомъ, не гонясь за частными или мелкими улучшеніями. Я имѣю порядочный доходъ; у крестьянъ много скота и хлѣба; дворы ихъ огорожены и хорошо крыты; на видъ они толсты и беззаботны; управляющій честенъ и добръ. Чего-жъ еще надо, думалъ онъ и тѣмъ покончилъ хозяйственныя заботы. Тогда онъ сталъ думать о томъ, какъ распорядиться своею жизнію въ деревнѣ. Онъ отправился въ конюшню и выбралъ для своей ѣзды лошадь, осмотрѣлъ заржавѣвшія ружья, оставшіяся послѣ охотника отца его, выбралъ для себя и приказалъ вычистить одно изъ нихъ, приказалъ призвать къ себѣ одну изъ лягавыхъ собакъ, шнырявшихъ по двору, приласкалъ и при себѣ накормилъ, назначилъ ее для своей охоты, призвалъ охотника изъ дворовыхъ и распросилъ, гдѣ, какая и въ какомъ количествѣ водится дичь. Потомъ былъ призванъ рыболовъ; Левинъ вручилъ ему привезенныя съ собою англійскія удочки разныхъ размѣровъ и назначеній и приказалъ снарядить и приготовить ихъ для перваго требованія. Левинъ внимательно выслушалъ отъ рыболова, что въ его владѣніяхъ

болѣе всего водятся окуни и лещи; сомы ловятся не большіе; только въ третьемъ году зацѣпился на крюкъ одинъ страшеннѣйшій, такъ что когда рыболовъ хотѣлъ его вытащить, такъ онъ мало не утопилъ его, оторвалъ крюкъ, да съ нимъ и ушелъ. За тѣмъ Левинъ отправился въ одну изъ высокихъ комнатъ со шкафами, куда четыре человѣка внесли большой, тяжелый чемоданъ. Левинъ началъ выгружать оттуда свои книги. Изъ чемодана появлялись и разставлялись по полкамъ шкафовъ книги самыхъ разнообразныхъ форматовъ переплета, заглавій и содержанія. Сочиненія на разныхъ языкахъ, по различнымъ отдѣламъ и частямъ философіи, исторіи, литературы, политики, искусствъ, естествознанія толпою наполнили шкафы, гдѣ помѣщался прежде цѣлый архивъ хозяйственныхъ книгъ, счетовъ и копій съ разныхъ дѣловыхъ бумагъ и тяжебныхъ дѣлъ. Въ библіотекѣ Левина находилось особенно много отвлеченныхъ, умозрительныхъ сочиненій.

Внесенъ былъ другой чемоданъ; кипами появились журналы и газеты англійскія, французскія и нѣмецкія. Отдѣльный шкафъ заняли атласы, изображенія памятниковъ и произведеній различныхъ искусствъ, разнообразныя иллюстрированныя изданія. Левинъ вытащилъ наконецъ связку либретто всякихъ оперъ, слышанныхъ имъ въ Лондонѣ и Парижѣ, и нагнулся за какимъ то листкомъ, валявшимся на днѣ чемодана. То былъ листокъ съ объявленіемъ о представленіяхъ Парижской оперы — какъ-то уцѣлѣвшій памятникъ жизни за границей. Улыбнувшись сунулъ Левинъ и его въ шкафъ и всей грудью вздохнулъ послѣ долгой работы. Не безъ нѣкотораго удовольствія смотрѣлъ онъ теперь на длинные ряды книгъ, на блестящія буквы на переплетахъ. Въ его одинокой и бродячей жизни, библіотека была какимъ то живымъ и дружескимъ су-

ществомъ, никогда непокидавшимъ его. Не рѣдко подходилъ онъ къ своимъ книгамъ безъ всякой цѣли, для того только, чтобы посмотрѣть ихъ и побыть съ ними, и книги, казалось, съ своей стороны очень любили Левина. Когда взглядъ его бродилъ по рядамъ ихъ, ему казалось, что каждая изъ нихъ ждетъ, что онъ возьметъ ее на руки и побесѣдуетъ съ нею или поласкаетъ ея листочки. Я трактатъ о распредѣленіи богатствъ, говорила одна изъ нихъ, блистая буквами на переплетѣ, — я давно жду васъ.— Не берите ее, она задорная, говорила другая, она не умѣетъ ласкаться; возьмите меня — ваяніе въ Греціи; вамъ будетъ хорошо со мной. — А меня, какъ давно вы не брали меня, печально говорилъ тощенькій томикъ стихотвореній. Вдругъ съ самой верхней полки летѣлъ съ молящимъ шопотомъ листовъ лежавшій тамъ старикъ фоліантъ въ кожаномъ истертомъ переплетѣ и съ красными сторонами листовъ. Дряхлый, онъ съ глухимъ стукомъ припадалъ къ самымъ ногамъ Левина: вы не хотите меня болѣе знать, меня — древняго славнаго географа; но Левинъ ласково поднималъ, успокоивалъ его и, чтобы приободрить старика, не клалъ уже на бокъ, а ставилъ его на полку. Одна за одною начинали книги ревновать Левина другъ къ другу и проситься къ нему на руки. Если же дѣйствительно нужна была Левину какая-нибудь книга, онъ бралъ ее осторожно и украдкой, чтобъ не замѣтили и не обидѣлись другія. Въ библіотекѣ Левина было много книгъ, никогда имъ нечитанныхъ, но никогда не оставляли его намѣреніе или надежда прочесть ихъ; большая же часть ихъ была имъ дѣйствительно прочитана. Въ знаніи, какъ во всемъ, Левинъ преслѣдовалъ идеалъ. Отрывки, части, отдѣлы знанія казались ему только кольцами одной цѣпи; цѣпь эта тянулась безконечно и Левинъ одно за другимъ хваталъ ея кольца, не умѣя

удержаться ни за одно изъ нихъ. Это никогда неостанавливающееся исканіе и стремленіе привели Левина къ образованію широкому и разнообразному, какъ разнообразна была его библіотека, какъ разнообразна вѣчно созерцаемая имъ жизнь; но идеалъ полноты и единства, глубина знанія оставались все еще недоступными Левину, какъ оставалось недоступнымъ ему участіе въ жизни, а между тѣмъ силы его уже истощались, онъ уставалъ. Уже въ его взглядѣ, какъ-будто всегда устремленномъ въ даль и безбрежность, порой видѣлось то выраженіе горькаго, хоть рѣшительнаго признанія своей участи, съ какимъ отважный плаватель смотритъ на безграничный океанъ, уже грозящій ему неизбѣжною гибелью.

Нѣсколько минутъ стоялъ Левинъ предъ своими книгами. Удовольствіе, съ какимъ онъ обозрѣвалъ ряды ихъ, казалось, изчезало, и не веселая дума овладѣла имъ: странная, вѣчная связь между мною и вами, думалъ онъ, смотря на книги; далеко то время, когда я думалъ, что вы дадите мнѣ счастіе и удовлетвореніе; но за чѣмъ не могу я наконецъ жить безъ васъ, или за чѣмъ не могу жить только съ вами, съ вами однѣми; за чѣмъ мнѣ жизнь и люди и весь міръ? Развѣ они для меня не тѣ же книги? Чтó нашелъ я въ нихъ, кромѣ того же чтенія? За чѣмъ бьется еще сердце и играетъ кровь! За чѣмъ вздохи еще тѣснятъ и вздымаютъ грудь мою! Бѣдный чтецъ! скройся и схорони себя въ грудахъ книгъ твоихъ, и пусть ни блескъ солнца, ни плескъ вѣчно льющихся водъ, ни видъ голубыхъ небесъ и играющихъ по лазури облаковъ, ни свѣжее дыханіе утра, ни нѣга и томленіе жаркаго полудня, ни ласка нѣжащаго вечера не вызываютъ тебя изъ твоего гроба; пусть не достигаетъ до тебя запахъ цвѣтовъ, ни одинъ голосъ, ни одинъ звукъ,

ни одна краска, ни одно біеніе жизни; пусть бѣжитъ и скрывается отъ тебя все, что дышетъ и движется, все, что исполнено крови и облечено плотью; ты умерщвляешь и разнимаешь твоимъ страшнымъ, никогда непритупляющимся ножемъ анализа и наблюденія, все живущее и прекрасное своею жизнію и полнотою; созерцаніе, наблюденіе и сознаніе — вотъ твое вѣчное достояніе; неисчислимыя сокровища, невыразимыя и разнообразнѣйшія красоты бытія для тебя только данныя для заключеній и выводовъ; ничто обособленное и воплощенное не овладѣваетъ тобою и не дорого тебѣ само собою; во всемъ временномъ и конечномъ ты только прозрѣваешь въ вѣчное, безконечное и безплотное, и нѣтъ для тебя ни радости, ни наслажденія, ни любви, ничего кромѣ чтенія, и ты читаешь міръ, жизнь и людей, и неутомимый чтецъ — ты вѣчно переворачиваешь листы безконечной книги, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ. Ахъ, зачѣмъ же бьется сердце и играетъ кровь? Зачѣмъ вздохи еще тѣснятъ и вздымаютъ грудь твою, зачѣмъ эта ѣдкая слеза, бѣдный чтецъ! — и Левинъ отеръ рукой глаза свои.

Константинъ Сергѣевичь, Константинъ Сергѣевичь!., не слышитъ! Да Константинъ Сергѣевичь! закричала наконецъ Соничка звучнымъ, почти сердитымъ голосомъ. Левинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ при мысли о свидѣтелѣ его глубокаго раздумья. Открытыя окна комнаты, гдѣ помѣщалась библіотека, выходили во дворъ, и Левинъ, углубленный въ свои думы, не слыхалъ и не видалъ, что давно уже во дворѣ раздавался конскій топотъ, и Соничка на красивой, рисующейся лошади кружилась вокругъ дома и заглядывала во всѣ окна.

Проснулись? смѣясь продолжала Соничка, между

тѣмъ какъ ея горячая лошадь топтала ногами и кружась, поворачивала ее во всѣ стороны передъ глазами Левина. Ну признайтесь, что вы дремали? Ей Богу дремали! — И смѣхъ Сонички раздавался по всему двору.

— Радъ бы всегда дремать — лишь бы всегда вы будили меня. Здравствуйте, Соничка, говорилъ Левинъ, подошедши къ окну. Дайте вашу ручку...

Соничка протянула къ Левину руку, но ея лошадь такъ начала вертѣться и осаживаться назадъ, что Левинъ напрасно старался изъ окна поймать хоть концы Соничкиныхъ пальцевъ. — У васъ пренесносная лошадь, сказалъ онъ съ явной досадой.

— Нѣтъ, ничего... Это она такъ... она играетъ; она чудесная лошадка, — и Соничка стучала ручкой по шеѣ лошади, которая, какъ-будто довольная словами Сонички, отступивъ отъ окна, стала смирно, и очень добродушно смотрѣла на Левина, встряхивая ушами.

Вы не войдете ко мнѣ, Соничка? спрашивалъ Левинъ.

— Да, право, не знаю... ну, снимите меня съ лошади... идите сюда. Левинъ повернулся отъ окна. Да вы въ окно, въ окно, кричала Соничка.

— Вы хотите, чтобъ я убился... здѣсь довольно высоко...

— Будто высоко? Ну какъ знаете, — такъ идите же скорѣй.

— Въ одну минуту. И Левинъ бросился бѣгомъ изъ библіотеки и въ мигъ былъ возлѣ Сонички. Онъ вынулъ ея ножку изъ стремени и поставилъ на свою руку, и Соничка, наклонившись гибкимъ своимъ станомъ и опершись ладонью на плечо Левина, быстро соскочила на землю, зашумѣвъ длинною амазонкой. Берейторъ, провожавшій Соничку въ ея прогулкахъ, давно держалъ уже лошадь подъ узцы и теперь,

сгибая шею, рисуясь и выворачивая ноздри, она кокетливой, легкой побѣжкой отправилась за нимъ по двору; Соничка внимательно смотрѣла ей въ слѣдъ блистающими отъ удовольствія глазами, слегка щелкнула языкомъ и сказала; вотъ такъ лошадка! Она обратилась къ Левину не прежде, какъ когда ея лошадь изчезла въ конюшнѣ, загремѣвъ копытами по накатнику крыльца. Какова? сказала она тогда, смотря прямо въ глаза Левину, и хлыстомъ сдвинула съ одного виска свою черную маленькую шляпу на бокъ и шевелила имъ свои локоны. Да, — я съ вами еще не поздоровалась... И Соничка протянула Левину руку.

— Виновата ваша хваленая лошадка, что я до сихъ поръ еще не пожалъ руки вашей. — И Левинъ взялъ руку Сонички.

— Нѣтъ, это она такъ, а она въ самомъ дѣлѣ хорошая, начала Соничка тономъ защиты.

— Хорошо, хорошо... войдемте въ домъ, вы отдохнете.

— Я не устала. — И Соничка, схвативъ длинный подолъ своей черной амазонки, побѣжала къ дому, припрыгивая и свистя въ воздухѣ хлыстомъ своимъ.

Черная амазонка и черная шляпа сообщали Соничкѣ какую-то важность и что̀-то рѣшительное, что̀, при ея дѣтскомъ взглядѣ и улыбающѐмся, розовомъ лицѣ, казалось Левину очень оригинальнымъ и привлекательнымъ. Онъ поспѣшилъ за нею и нашелъ ее въ кожаныхъ креслахъ въ гостиной. Возлѣ, на другомъ креслѣ лежала ея шляпа. Взволнованная ѣздою, она, казалось, съ наслажденіемъ углубилась въ мягкое кресло. Опершись приподнятою головкой на его спинку, она вытянула свои маленькія ноги, ловко обутыя въ черные прюнелевые ботинки, и стучала по нимъ хлыстомъ.

Ахъ, Сѳничка, вашъ пріѣздъ — нежданная радость мнѣ... Я думалъ, вы въ городѣ съ Ольгой Петровной.

— Нѣтъ, она поѣхала одна... Я ужъ два дня безъ нея. Я поѣхала верхомъ, да все дальше и дальше, да и доѣхала до васъ... Только пять верстъ отъ насъ къ вамъ, а день славный. . Вы ѣздите верхомъ?

— Ѣзжу и, если хотите, буду провожать васъ въ вашихъ прогулкахъ.

— Ужъ конечно хочу. Мнѣ одной скучно... Отчего вы не ѣздите къ намъ каждый день?

— Нельзя иногда, Соничка, бываютъ дѣла.

— Дѣла! Еслибъ захотѣли, такъ всегда можно.., Чѣмъ вы были заняты, когда я увидала васъ въ окно?..

— Я только что разобралъ и разставилъ свои книги и отдыхалъ...

— Ахъ, да! у васъ тамъ ужасъ, что книгъ... можно посмотрѣть? Пойдемте. — Соничка вскочила съ креселъ. Левинъ подалъ ей руку и они вошли въ библіотеку.

Какъ много! говорила Соничка съ нѣкоторымъ смущеніемъ, окидывая взглядомъ ряды книгъ. Зачѣмъ ихъ столько? спросила она, взглянувъ прямо въ глаза Левину.

— Какъ зачѣмъ, Соничка... читать, улыбаясь, отвѣчалъ Левинъ.

— И вы всѣ ихъ читали?

— Нѣтъ, не всѣ.

— А часто вы читаете?

— Да, часто.

— И вы можете долго читать? съ искреннимъ любопытствомъ спрашивала Соничка.

— Могу и долго.

Тонкія брови Сонички слегка сдвинулись, и на чистомъ лбу ея показалась едва замѣтная складка, что

всегда было въ ней признакомъ смущенія или недоумѣнія и никогда не длилось долѣе нѣсколькихъ мгновеній.

—Ну, а я не могу долго читать, сказала она съ веселой улыбкой. За тѣмъ она, какъ казалось, съ величайшимъ вниманіемъ начала осматривать всѣ книги, и движеніе губъ ея показывало, что она про себя читала заглавія на переплетахъ. Иныя изъ нихъ, казалось, были затруднительны для языка ея, и она сдвигала брови свои и тотчасъ же обращалась къ другимъ. Левинъ стоялъ въ сторонѣ отъ Сонички. Искренность всѣхъ ея движеній и словъ, рѣдкая прямота души представлялись его наблюденіямъ неодолимо привлекательными.— Вотъ прекрасное дитя, невольно думалъ онъ. Длилось молчаніе. Соничка пересмотрѣла и перечла много заглавій, какъ казалось, съ величайшимъ вниманіемъ, и вдругъ отвернулась отъ книгъ и, играя хлыстомъ по узенькому носку своихъ ботинокъ, сказала Левину: какіе славные переплеты! Гдѣ ихъ дѣлали? —И, не дожидаясь отвѣта, спросила, указывая на отдѣльный шкафъ: а это что?

— Атласы, альбомы, картины, сказалъ Левинъ. Не хотите ли посмотрѣть? — И Левинъ досталъ изъ шкафа и подалъ Соничкѣ альбомъ превосходно гравированныхъ видовъ Италіи и Швейцаріи. Соничка съ дѣтскимъ восторгомъ перелистывала альбомъ, вскрикивая: прелесть! чудо! что такое! и по временамъ спрашивала объясненій отъ Левина. Особенно остановило вниманіе Сонички изображеніе венеціанской ночи: вода, мѣсяцъ и гондола съ молодою обнявшеюся четою. Соничка притихла, сѣла на канапе и молча держала передъ собою эту гравюру. Хорошо! сказала наконецъ Соничка какъ-будто утомленнымъ голосомъ. Она уже разсѣянно перелистывала слѣдующія гравюры

и спѣшила закрыть альбомъ. У васъ нѣтъ рояля, спросила она Левина, какъ-то быстро поднявшись съ канапе? Есть! Гдѣ-жъ онъ? спѣшила Соничка вопросами.

— Есть здѣсь фортепьяны, да старыя, родительскія, успѣлъ наконецъ отвѣтить Левинъ.

— Все равно... я буду пѣть, и Соничка повернулась къ дверямъ, въ которыя она вошла въ библіотеку.

— Не туда, не туда, сказалъ Левинъ. Идите сюда.— И Левинъ отворилъ дверь въ противоположную сторону. Прошедши комнату портретовъ, Левинъ и Соничка вошли въ высокую комнату, гдѣ полъ былъ обитъ полинялымъ зеленымъ сукномъ, а опущенныя сторы на окнахъ дѣлали еще мрачнѣй и безъ того мрачныя, потемнѣвшей краской покрытыя стѣны. Тишина и мракъ, царившіе здѣсь, и внезапно прервавшійся звукъ собственныхъ шаговъ Сонички, когда она пошла по мягкому сукну, вселили въ нее невольную робость и смущеніе. Она окинула боязливымъ взглядомъ ветхую, покрытую пылью мебель и огромную изразцовую печь, и, въ одномъ изъ угловъ, большое желтое кольцо въ потолкѣ съ остаткомъ какого-то тряпья, и Соничка уже боялась взглядывать по сторонамъ и не сводила глазъ съ Левина, который шелъ впереди ея. Вотъ, сказалъ онъ, фортепьяны... И голосъ Левина глухо раздался по пустынной комнатѣ. — Ахъ! страшно закричала Соничка, и еще болѣе испуганная собственнымъ крикомъ, вся дрожала и смотрѣла на Левина недвижными отъ страха глазами.— Что вы, что съ вами Соничка, спрашивалъ Левинъ, взявши ее за руки?

— Ничего, мнѣ показался вашъ голосъ такимъ страннымъ. Какая комната, Константинъ Сергѣевичь, какъ здѣсь тяжело и мрачно...

— Здѣсь когда-то долго жила и умерла моя бабка...

видите кольцо съ остаткомъ занавѣса — тамъ была ея кровать...

— Это та несчастная бабка, о которой я слыхала... Она кого-то любила и ее обманули и бросили? спрашивала Соничка.

— Да, Соничка.

— Она любила, а ее обманули и бросили, въ раздумьѣ повторила Соничка. Ахъ, вздохнула она, какіе злодѣи бываютъ на свѣтѣ...

— Вы будете пѣть, Соничка?

— Страшные злодѣи, продолжала Соничка; но вѣдь они бываютъ рѣдко, Константинъ Сергѣевичь?

— Я подниму сторы, говорилъ Левинъ, и открою фортепьяны... Ветхія сторы тяжко и съ визгомъ поднимались на заржавѣвшихъ каткахъ.

— Ее бросили... и она жила здѣсь одна... какая она была несчастная, Константинъ Сергѣевичь; зачѣмъ она родилась на свѣтъ? продолжала Соничка.

— Мало ли людей родятся ни зачѣмъ, Соничка, говорилъ Левинъ и наконецъ совсѣмъ поднялъ сторы, и яркій свѣтъ солнечнаго дня наполнилъ теперь комнату; но въ ней было душно, и Левинъ возился съ упорными скобками давно запертыхъ оконъ, желая открыть ихъ.

— Ее обманули, задумавшись продолжала Соничка, и она еще долго жила послѣ этого, Константинъ Сергѣевичь?

— Очень долго, Соничка.

— Какая мука! Несчастная, какъ она могла жить!.. Бѣдная, бѣдная! И слезы слышались въ голосѣ Сонички.

— Теперь можете пѣть, сказалъ Левинъ, открывая фортепьяны, — при чемъ онъ застучалъ поднятою доскою, и давно замолкшія струны отозвались на этотъ

стукъ глухимъ продолжительно — дрожащимъ гуломъ. Соничка взяла нѣсколько аккордовъ; старый инструментъ былъ совсѣмъ разстроенъ: онъ издавалъ дикіе, разбитые звуки, которые отняли послѣднюю бодрость у Сонички. — Нѣтъ, не могу, сказала она; мнѣ такъ хотѣлось пѣть... зачѣмъ вы привели меня въ эту комнату? Пойдемте отсюда, дайте руку!

Левинъ повелъ Соничку, и когда они снова проходили портретную комнату, Соничка остановилась предъ портретомъ молодой бабки Левина. Это она? спросила Соничка.

— Да, она.

— Бѣдная, бѣдная, а какая красота! И отирая слезы, Соничка пошла далѣе.

Въ гостиной она взяла и надѣла свою шляпу.

Мнѣ пора ѣхать; ma tante, можетъ быть, уже возвратилась и ждетъ меня.

— Благодарю васъ за пріѣздъ, сказалъ Левинъ. Только если мой домъ будетъ всегда наводить на васъ такую тоску, какъ въ этотъ разъ, — я не желаю видѣть васъ у себя...

— Пустяки, сказала Соничка улыбаясь, когда на глазахъ ея еще не высохли слѣды слезъ; мнѣ вездѣ весело; это такъ случилось. До свиданія! Соничка протянула руку Левину.

— Я посажу васъ на лошадь, сказалъ Левинъ.

Они вышли на крыльцо. Лошадь Сонички вели отъ конюшни; она играла и рисовалась, какъ и прежде. Соничка совершенно развеселилась, любуясь ею.

Какова? спрашивала она Левина; вотъ такъ лошадка! Левинъ посадилъ Соничку на лошадь.

Мы должны видѣться каждый день, сказала она. Смотрите же — завтра вы у насъ. Прощайте, закричала

она, поднявши съ мѣста свою лошадь въ галопъ. — До свиданія, закричала она еще разъ Левину, несясь уже изъ воротъ двора.

До свиданія! кричалъ Левинъ и долго еще стоялъ на крыльцѣ и слѣдилъ, какъ вдали скакала Соничка и какъ развѣвалась ея амазонка.

Чудесное дитя! думалъ онъ и вошелъ въ домъ не прежде, какъ когда Соничка уже видѣлась черною точкой и наконецъ эта точка изчезла изъ виду.— Однакожъ надо было проводить ее, продолжалъ думать онъ; я такъ заглядѣлся на нее, что и забылъ объ этомъ. Ну, да теперь ужъ поздно!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ этой поры Левинъ рѣдкій день не видѣлся съ Соничкой, рѣшительно сдѣлавшейся для него, какъ самъ онъ думалъ, любопытнымъ и отраднымъ предметомъ наблюденія. Онъ обратился къ ней съ интересомъ художника, въ глуши нежданно обрѣтшаго прекрасное созданіе искусства. Въ Левинѣ было много элементовъ артиста, и въ этомъ крылась причина его многихъ близкихъ отношеній къ очень разнообразнымъ и даже иногда весьма непривлекательнымъ и чернымъ лицамъ. Случалось, что онъ нѣсколько дней проводилъ въ обществѣ отъявленныхъ негодяевъ, глупцовъ или развратниковъ, и, смотря на глубокое спокойствіе, съ которымъ онъ бесѣдовалъ съ ними или выслушивалъ ихъ наглыя или возмутительныя своимъ безстыдствомъ рѣчи, смотря на загадочную и неизмѣнную улыбку, съ какой онъ глядѣлъ на ихъ уродливые поступки и грязную жизнь, можно было подумать, что онъ — ихъ искренній пріятель или, по крайней мѣрѣ, глубоко ко всему на свѣтѣ равнодушный человѣкъ.

Но тайна отношеній Левина къ подобнымъ лицамъ заключалась въ томъ, что онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ художникъ и артистъ, котораго глаза и вниманіе привлекаютъ къ себѣ всевозможныя формы, всевозможныя проявленія жизни. По видимому, онъ былъ способенъ ко всякой жизни и ко всякимъ отношеніямъ; но, на самомъ дѣлѣ, онъ не отдавался лично ничему. Принимая отъ другихъ все, что представляли они его уму и художническому чувству, онъ берегъ и никогда

безъ разбора не тратилъ себя для другихъ ни дѣломъ, ни словами. Онъ вообще былъ довольно молчаливъ и высказывался только весьма близкимъ и уважаемымъ имъ людямъ. Со всѣми другими онъ сходился легко потому, что былъ всегда мягокъ, терпѣливъ и нетребователенъ, хотя никогда не былъ съ ними откровененъ и экспансивенъ, и потому-то люди, не коротко знавшіе Левина, думали о немъ, какъ объ умномъ, но совершенно безличномъ человѣкѣ, или величайшемъ эгоистѣ. Однакожъ въ Левинѣ была своя личность, свои требованія, свой взглядъ; но все это было идеально, безконечно и не приложимо къ жизни, скрыто и затаено въ немъ самомъ. Въ отношеніяхъ къ женщинамъ Левинъ оставался вѣренъ самому себѣ. Онъ былъ добръ, честенъ и въ глубинѣ души нравственный человѣкъ. Женщинъ онъ уважалъ, и никогда не игралъ ихъ любовію. За немногія увлеченія и необдуманныя связи онъ расплатился горькимъ раскаяніемъ и вѣчно сохраняемымъ упрекомъ самому себѣ. Но и въ понятіи о женщинѣ былъ у Левина свой затаенный идеалъ, и онъ не предавался лично женщинамъ, и съ ними оставался только наблюдателемъ. Горе было тѣмъ, которыя заблуждались, думая, что были для Левина чѣмъ-нибудь болѣе интереснаго факта, предмета эстетическаго созерцанія или слабаго напоминанія о его прекрасномъ идеалѣ. Теперь умъ Левина, утомленный отвлеченностями, а его наблюдательность и анализъ, пресыщенные сложными, запутанными явленіями и исхитрившимися или искаженными личностями, отдыхали надъ живымъ, простымъ и невиннымъ существомъ Сонички. Оно открывалось предъ Левинымъ во всей полнотѣ и прелести: это было неисчерпаемое сокровище доброты, искренности, правоты и прямоты, нѣжности, преданности и страсти. Нравъ Сонички былъ

всегда ровный: младенчески чистая, она всегда была весела и довольна. Если какое-нибудь впечатлѣніе мгновенно помрачало ея улыбающееся лице, другое также мгновенно просвѣтляло его. Съ вѣчнымъ участіемъ ко всему окружающему, съ вѣчнымъ привѣтомъ всѣмъ встрѣчамъ, съ вѣчно ласкающимъ взоромъ и безконечно доброю улыбкою, Соничка была прекрасное и блаженное существо, въ высокой степени способное жить лично, быть счастливой и счастливить. Левинъ проводилъ съ ней по цѣлымъ днямъ въ гуляньѣ, прогулкахъ верхомъ и разговорахъ. Бесѣда ихъ была всегда проста и нехитра, какъ сама Соничка. Часто она съ дѣтскимъ любопытствомъ распрашивала Левина и слушала разсказы о томъ, что видѣлъ онъ и испыталъ, о томъ, какихъ людей встрѣчалъ онъ, что̀ и гдѣ особенно занимало его. «Это должно быть хорошо, какъ желала бы я быть тамъ; я думаю, что полюбила бы это; какъ желала бы я сама видѣть и испытать это,» вотъ обыкновенныя слова и мнѣнія Сонички, заключавшія разсказъ Левина. Никогда никакіе общіе выводы, заключенія или соображенія не являлись на языкѣ ея. Если случалось самому Левину забыться и, оставивши простой разсказъ, вдаться въ отвлеченности или разсужденія, Соничка тотчасъ сводила свои брови, на лбу ея показывалась легкая складка; она слушала очень внимательно и заключала всегда вопросомъ весьма искреннимъ и естественнымъ; но не рѣдко весьма странно вяжущимся съ тѣмъ, о чемъ шла рѣчь Левина. Отчетливость въ понятіяхъ, тонкій разборъ чего бы то ни было и вообще все, лежащее внѣ сферы личныхъ отношеній, впечатлѣній и ощущеній было мало доступно Соничкѣ. Тѣмъ не менѣе чувство ея было такъ вѣрно, что приговоры ея людямъ и дѣламъ были почти всегда непогрѣшительно истинны, хоть всегда

выражались только въ формѣ ея личнаго признанія или отрицанія, личной похвалы или осужденія. Про кого Соничка говорила: я не люблю его, тотъ вѣрно не стоилъ любви. Про кого она сказала: я не могу его видѣть, тотъ осужденъ послѣднимъ приговоромъ. Если какой-нибудь благонамѣренный сосѣдъ изъ посѣщавшихъ иногда Ольгу Петровну, краснорѣчиво распространялся о своемъ поступкѣ въ извѣстномъ дѣлѣ или событіи, а Соничка слушала сдвинувъ свои брови, и вдругъ, вся вспыхнувъ негодованіемъ, вскрикивала: это дурно! — Благонамѣренный сосѣдъ могъ хитрить и выворачиваться, сколько хотѣлъ, приговоръ тяготѣлъ надъ нимъ. Левинъ не разъ испыталъ на самомъ себѣ вѣрность приговоровъ Сонички и думалъ — истина говоритъ устами дѣтей, и умилялось его давно придавленное сердце и онъ твердилъ себѣ: эта Соничка — прекрасное дитя. Левинъ, вѣроятно, для полноты своихъ наблюденій надъ Соничкой, предложилъ ей иногда читать вмѣстѣ. — Хорошо, сказала Соничка, я рада, вдвоемъ не будетъ скучно. Левинъ прочелъ съ нею нѣсколько романовъ и повѣстей. Соничка слушала чтеніе всегда очень внимательно, и въ ихъ герояхъ и судьбахъ принимала такое участіе, какое всегда оказывала къ участи дѣйствительныхъ лицъ. Свои впечатлѣнія она всегда выражала живыми, прямо изъ сердца вырывавшимися словами, а не рѣдко и сильными, порывистыми движеніями. Разъ вздумалось Левину читать ей «Герой Нашего Времени.» — Милая Бела, ахъ, бѣдняжка, несчастная Бела! Чудесный Максимъ Максимычъ! Бѣдная, бѣдная княжна, — безпрерывно прерывала Соничка чтеніе Левина. Чудовище этотъ Печоринъ! — Соничка сдвигала брови, когда слушала разсужденія Печорина о самомъ себѣ, и какъ только онъ являлся въ отношеніяхъ къ другимъ лицамъ романа, тотчасъ прини-

малась бранить его: злодѣй! чудовище! твердила Соничка.— И вамъ нисколько не жаль Печорина? спросилъ Левинъ Соничку, окончивши чтеніе: онъ самъ такъ много страдалъ? — Не жаль, не жаль, вскричала Соничка, такъ ему и надо. Не говорите... онъ чудовище, и Соничка топнула ножкой; глаза ея блистали; казалось, она была въ большомъ волненіи. На ту пору къ Соничкѣ подбѣжала ея Блеро.— Ахъ, Блеро, заговорила она, трепля и лаская собачонку, гдѣ ты была? Я тебя и не накормила нынче, и чудовище Печоринъ былъ преданъ полному забвенію, и Соничка побѣжала кормить собачонку. Соничка всякій день нетерпѣливо ждала свиданія съ Левинымъ, всегда встрѣчала его, когда онъ пріѣзжалъ къ Ольгѣ Петровнѣ, и если пріѣзжала съ Ольгой Петровной къ нему, то такъ быстро выскакивала изъ экипажа и вбѣгала на крыльцо, что Ольга Петровна всякій разъ кричала ей вслѣдъ: Соничка, ты непремѣнно сломишь ногу, и Соничка всякій разъ бѣгло отвѣчала: ничего, ничего, ma tante. Ольга Петровна не безъ тайнаго удовольствія замѣчала, что Соничка и Левинъ, какъ казалось, сближались все болѣе и болѣе. Однако же Соничкой нерѣдко овладѣвали неизъяснимое смущеніе и робость, когда, во время живой и свободной бесѣды съ Левинымъ, она вдругъ замѣчала, что взглядъ его дѣлался сухимъ и гордымъ, начиналъ бродить, а отвѣты его становились отрывочны и коротки.

Время шло; наступилъ уже жаркій іюль. Въ одинъ вечеръ Левинъ, во владѣніяхъ Ольги Петровны, катался съ Соничкою въ лодкѣ. Левинъ самъ правилъ весломъ; небольшая лодка тихо скользила по извилистой рѣкѣ, между высокихъ камышей и лозника. Вечеръ былъ ласковый и успокоительный; вся земля стихла и отдыхала дремля, и лѣниво готовясь отдаться глубокому сну.

Чуть замѣтно двигалась вода въ рѣкѣ; чуть слышно было паденіе какого-то ключа въ нее. Звучно раздавалась по прибрежнымъ лугамъ пѣсня Сонички и понемногу прервалась и стихла, какъ стихло все на землѣ. Затихъ и шумъ весла; Левинъ недвижно держалъ его въ водѣ и посматривалъ на засыпающую воду, темнѣющіе берега и меркнущую даль. Соничка молча полоскала рукой въ водѣ. Ну скажите, прервала она первая длившееся молчаніе, о чёмъ вы теперь думали?

— Самъ не знаю... ничего опредѣленнаго...

— Скажите правду... вспоминали вы что-нибудь?

— Рѣшительно ничего...

— А вспоминаете вы когда нибудь?.. говорите откровенно, молящимъ голосомъ продолжала Соничка; мы хорошо знакомы и часто толкуемъ, но вы никогда не говорите откровенно о своемъ прошломъ или о себѣ... скажите-жъ — вспоминаете вы когда-нибудь?

— Очень рѣдко.

— А хотѣли-бъ вы возвратить что-нибудь изъ прошлаго?

— Почти ничего, да что это вамъ вздумалось, Соничка?

— Такъ, право такъ.... Какъ же ничего, Константинъ Сергѣевичь, развѣ у васъ ничего не было дорогаго?

— Пора намъ домой...

И Левинъ поворотилъ лодку и началъ грести. Соничка замѣтила какъ-будто отталкивающій взглядъ Левина, и глубокое смущеніе овладѣло ею.

— Я давно хотѣла сказать вамъ, Константинъ Сергѣевичь, робкимъ и грустнымъ голосомъ продолжала Соничка: вы недовѣрчивый и гордый человѣкъ...

Левину стало жаль Сонички.— Нѣтъ, Соничка, нѣтъ! сказалъ онъ ей ласковымъ голосомъ. Чего мнѣ таиться

и скрываться? Я право радуюсь вашей дружбой и очень цѣню ее..... мнѣ просто нечего вамъ разсказывать.... Спойте, Соничка, что-нибудь; здѣсь чудесно звучитъ пѣсня...

Чуть внятный вздохъ Сонички долетѣлъ до ушей Левина, и сердце его отъ чего-то сжалось. Соничка запѣла; пѣсня ея была тиха и заунывна, и когда Левинъ вывелъ ее изъ лодки на берегъ, ему послышался опять едва внятный вздохъ, и они молча дошли до дому, гдѣ Левинъ поспѣшилъ проститься съ Ольгой Петровной и Соничкой. Дорогой къ себѣ онъ думалъ: боюсь, что дитя начинаетъ интересоваться мной; ныньче замѣтно въ ней было такое участіе во мнѣ, столько желанія быть ближе со мной... не хорошо! Я, кажется, былъ такъ остороженъ... плохо! Это такое дитя, съ которымъ нечего шутить... Въ ней нѣтъ мѣста мечтамъ, фантазія не развита въ ней. Страсть въ этой первобытной натурѣ будетъ сильна и разрушительна... Да, не хорошо! Соничка такъ стоитъ счастія, я такъ желаю ей его. Левинъ сильно призадумался. Эта добрѣйшая Ольга Петровна, думалъ онъ далѣе, поселилась въ такой глуши. Здѣсь Соничка, пожалуй, не встрѣтитъ никогда человѣка по себѣ, или влюбится въ какую-нибудь дрянь, и ни за что пропадетъ такое сокровище. Да... однакожъ надо быть осторожнѣе. Завтра же заговорю при ней о своемъ отъѣздѣ; пусть дитя не даетъ хода мечтамъ. Такимъ рѣшеніемъ заключилъ Левинъ рядъ своихъ думъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ слѣдующее утро Левинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ большихъ креслахъ. Предъ нимъ на столѣ лежала кипа газетъ и журналовъ, только-что привезенныхъ ему съ почты. Онъ читалъ письмо; оно было отъ племянника Левина, кончившаго въ тотъ годъ курсъ наукъ и извѣщавшаго Левина, что онъ на дняхъ будетъ къ нему въ деревню. «Надѣюсь,» писалъ онъ, «хорошенько отдохнуть и долго погостить у васъ.» Извѣстіе это было очень пріятно Левину. Славный малый этотъ Александръ, думалъ онъ, складывая письмо племянника: — открытая и молодая душа. Помню я себя въ его годы; между нами большая разница: внутри меня было столько же жара, но я былъ скованъ; онъ свободенъ и предается безъ оглядки всякой встрѣчѣ. Онъ — юноша другаго поколѣнія: требованія его не широки и не глубоки, да за то онъ ближе къ жизни; ему легче жить. Онъ ни въ чемъ не путается; для него нѣтъ загадокъ, все для него просто и доступно, все благо; задачъ не даетъ онъ себѣ, а ко всему готовъ приладиться. Ему же лучше! Однакожъ пора мнѣ въ путь; солнце высоко уже, говорилъ самъ себѣ Левинъ, взглянувъ въ окно на небо. Нынче надо исполнить мое рѣшеніе: поѣду къ Ольгѣ Петровнѣ и при Сонечкѣ поведу рѣчь о своемъ отъѣздѣ. А не лучше ли бы было, продолжалъ думать Левинъ, совсѣмъ не ѣздить къ Ольгѣ Петровнѣ, или ѣздить какъ можно рѣже? Не остаться ли, напримѣръ, сегодня дома? Да, это будетъ для Со-

ничкн полезнѣй всякихъ словъ. Ныньче же остаюсь дома и не поѣду къ Ольгѣ Петровнѣ, а лошади мои, вѣроятно, уже заложены теперь.—Левинъ взглянулъ на часы. Да, продолжалъ онъ думать, теперь онѣ уже заложены. Что же? — велю отложить ихъ. Левинъ зазвонилъ, человѣкъ вошелъ въ кабинетъ.

— Алексѣй, спросилъ Левинъ, лошади готовы?

— Готовы, сударь.

Левинъ задумался.

— Готовы, Алексѣй? — повторилъ онъ вопросъ свой.

— Готовы, сударь, повторилъ Алексѣй отвѣтъ.

— Ну, такъ вели же подавать ихъ, сказалъ Левинъ, вставая съ кресла.

Чрезъ нѣсколько минутъ, коляска Левина ожидала его у крыльца, куда онъ вышелъ изъ дому въ шляпѣ и съ тростью подъ рукою; остановившись на послѣдней ступенькѣ, онъ натягивалъ свои перчатки. Въ это время подскакалъ къ нему верховой и подалъ записку отъ Ольги Петровны, въ которой она извѣщала Левина, что въ ихъ сосѣдство пріѣхала одна изъ ея родственницъ, и что она вмѣстѣ съ Соничкою отправляется къ ней. Ольга Петровна прибавляла, что тотчасъ увѣдомитъ Левина, когда онѣ возвратятся домой, и надѣется, что онъ тогда поспѣшитъ къ нимъ. Левинъ, прочитавши записку Ольги Петровны, велѣлъ отложить лошадей и возвратился въ домъ какъ-то не въ духѣ. По видимому, онъ совершенно забылъ свое недавнее рѣшеніе — посѣщать какъ можно рѣже Ольгу Петровну, и досадывалъ, что не можетъ ныньче же быть у ней. Онъ ходилъ по залѣ и хмурилъ брови,— выглянувъ въ окно, подходилъ къ другому, началъ что-то насвистывать и прервалъ свой свистъ какимъ-то напѣвомъ, закурилъ было сигару и выбросилъ ее въ окошко. А непріятно, подумалъ онъ наконецъ, когда располо-

жился провести день такъ, а онъ, пойдетъ иначе. За тѣмъ онъ вошелъ въ кабинетъ и, усѣвшись опять въ свои кресла, принялся читать газеты. Но странное что-то дѣлалось въ этотъ день съ Левинымъ: въ извѣстіяхъ изъ Франціи онъ читалъ, что въ сосѣдство Ольги Петровны пріѣхала какая-то ея родственница, что Ольга Петровна отправилась къ ней и взяла съ собой Соничку, которую очень могла бы оставить дома, — что въ такомъ случаѣ Соничка, вѣроятно, поѣхала бы верхомъ и, можетъ-быть, провѣдала бы Левина, что тогда онъ былъ бы не одинъ, и тѣмъ болѣе было бы это хорошо и полезно, что онъ имѣлъ бы тогда случай говорить Соничкѣ о своемъ отъѣздѣ и такъ далѣе. Левинъ скоро однако же замѣтилъ странное содержаніе газетъ и не безъ досады бросилъ ихъ на столъ. Что же это со мной? думалъ онъ. Неужели я ужъ успѣлъ привыкнуть къ Соничкѣ? Неужели-жъ мнѣ необходимо каждый день видѣть это дитя? Это еще что за новый капризъ у меня? Однакожъ — чѣмъ бы мнѣ заняться? Чувствую, что не могу читать. Левинъ зазвонилъ. Вошелъ Алексѣй.

— Алексѣй! началъ и остановился Левинъ.

— Что прикажете? спросилъ Алексѣй.

— Нынче хорошій день, Алексѣй?

— Какъ изволили видѣть, отвѣчалъ Алексѣй, взглянувъ на Левина съ нѣкоторымъ смущеніемъ и переступивъ съ ноги на ногу.

— Я хотѣлъ спросить, Алексѣй, хорошій ли нынче день для охоты?

— Солнечный нынче день, и Алексѣй опять переступилъ съ ноги на другую.

— Солнечный? съ размышленіемъ повторилъ Левинъ. Что-жъ это значитъ? Хорошо это для охоты?

— Ничего, отвѣчалъ Алексѣй.

— Какъ ничего?

— Ничего для охоты; это ничего не мѣшаетъ.

— Такъ приготовь мнѣ охотничье платье и вели заложить пролетки.

Черезъ четверть часа Левинъ въ большихъ сапогахъ, въ короткомъ зеленомъ пальто съ круглыми полами, въ круглой фуражкѣ, съ ягташемъ черезъ плечо и патронташемъ вокругъ пояса садился въ пролетки. Въ рукахъ у него было двухствольное ружье Лепажа. Радостно лаяла, махала хвостомъ и суетилась вокругъ пролетокъ лягавая собака, и быстро пустилась по дорогѣ впереди лошадей, большою рысью повлекшихъ грознаго охотника къ зеленымъ болотамъ. Собака бросалась иногда въ сторону, дѣлала круги по полямъ, кидалась къ стаду завидѣнныхъ гусей, начинавшихъ въ испугѣ кричать, шипѣть и махать крылами, потомъ, довольная собою, возвращалась снова къ дрожкамъ, взглядывала Левину въ глаза, и когда онъ грозилъ ей пальцемъ, сильно замотавъ хвостомъ, снова пускалась прямо по дорогѣ впереди лошадей. Наконецъ Левинъ прибылъ къ покрытому кочками и рѣдкимъ мелкимъ лозникомъ болоту. Собака усердно шарила по кочкамъ, вертѣла носомъ то въ ту, то въ другую сторону, поднимала его на вѣтеръ, вся вытягивалась и, поставивъ прямо свой хвостъ и насупивъ морщинистую морду, кралась все тише и тише и, поднявъ ногу, какъ внезапно окаменѣлая, останавливалась, почуя близость дичи. Левинъ слѣдовалъ за ней съ кочки на кочку и когда, затрещавъ крылами, вылеталъ изъ подъ ней дупель или бекасъ, давалъ по нимъ залпъ, рѣдко не повторенный изъ другаго ствола, какъ это всегда бываетъ съ горячими или плохими стрѣлками. Долго кружился Левинъ по болоту за собакою и почувствовалъ, что ноги его уже не твердо ступаютъ на кочки,

и онъ нерѣдко сталъ попадать въ воду между кочками. Солнце давно спустилось на западную полосу неба. Жаркій, томительный день догоралъ. Немногіе высокіе кусты и копны луговаго сѣна бросили уже отъ себя на лугъ длинныя тѣни. Среди глубокой тишины слышался только зудъ безчисленныхъ мошекъ, безконечными роями кружившихся надъ болотомъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько выстрѣловъ, Левинъ выбрался изъ болота на твердую землю. Совершенно утомленный жаромъ и ходьбою по кочкамъ, онъ съ наслажденіемъ опустился на землю, покрытую сочною травою, какая ростетъ вокругъ болотъ. Усталая собака сѣла противъ него и тяжко и часто дышала, высунувши языкъ. Левинъ положилъ возлѣ себя ружье и съ наслажденіемъ вытянулъ руки, утомленныя долгою ношею. Онъ осмотрѣлъ сѣтку ягташа; оказалось, что тамъ было всего только двѣ пары бекасовъ. Онъ взглянулъ на патроны; они всѣ были пусты. Левинъ улыбнулся и изъ кармана пальто досталъ сигарочницу. Закуривъ сигару, онъ любовался, какъ наступалъ вечеръ, какъ все увеличивались, тянулись и росли тѣни холмовъ, лежащихъ за нимъ, какъ слились онѣ и покрыли весь болотный лугъ, какъ тускнѣли золотистые колосья на поляхъ, тянувшіеся по другую сторону болота, какъ тѣни гнали все далѣе и далѣе не охотно покидающій землю золотистый свѣтъ и наконецъ завоевали и накрыли всю видимую окрестность. Свѣжо и влажно стало вокругъ болотъ, и Левинъ поднялся съ земли съ возстановленными силами. Вѣроятно, думалъ онъ, я растолстѣю здѣсь въ деревнѣ; чувствую, какъ начинаетъ утихать тревожная работа головы, какъ оставляютъ меня всѣ требованія, какъ замираютъ муки стремленій, какъ покидаютъ меня немногіе образы прошедшаго, порой такъ мучительно подступавшіе ко мнѣ, какъ теряютъ

надо мной власть манящіе призраки будущаго. Какъ хорошо! Какой благодатный вечеръ! Ко мнѣ, ко мнѣ невозмутимый миръ и вѣчное забвеніе! И въ самомъ дѣлѣ, забвеніе овладѣло всѣмъ существомъ Левина, какъ тѣни вечера овладѣли истомленною палящимъ жаромъ землею, и онъ упивался свѣжестью и прохладой вечера, какъ земля, трава и кустарники, безъ мысли и сознанія. Левинъ очнулся, когда пролетки его стояли ужъ у крыльца и лошади фыркали и нетерпѣливо рыли землю копытами, порываясь къ близкому отдыху. Онъ вошелъ къ себѣ, довольный проведеннымъ днемъ. Давно бы мнѣ сдѣлаться охотникомъ, думалъ онъ; мѣста же здѣсь для охоты славныя, да сколько еще болотъ и озеръ у Ольги Петровны. Да, тамъ есть гдѣ мнѣ тѣшиться съ своимъ ружьемъ, да и Соничка можетъ забавляться, любуясь моими выстрѣлами; а то ея развлеченія такъ однообразны. Что-то она дѣлаетъ у этой новопріѣзжей сосѣдки? — продолжалъ думать Левинъ. Обыкновенно она не любитъ выѣзжать къ сосѣдямъ, и эта Ольга Петровна вѣрно не порадовала ее, вывезши туда. Что ей тамъ дѣлать? Сидѣть съ степенными дамами, молчать, да слушать? это очень скучно для Сонички. Оставшись дома, она провела бы время на свободѣ и пріятно, какъ всегда. Зачѣмъ, что за необходимость Ольгѣ Петровнѣ брать Соничку? Развѣ не могла она ѣхать одна? Однакожъ, думалъ опять Левинъ, какое мнѣ до этого дѣло? Къ чему я объ этомъ вспомнилъ? Къ чему мѣшаться мнѣ въ чужія дѣла? Наконецъ что за праздномысліе овладѣваетъ мной нынче! Право досадно на самаго себя, и Левинъ усѣлся въ своемъ кабинетѣ и принялся читать брошенныя утромъ газеты. Однакожъ онъ скоро оставилъ ихъ и, опершись головой на руки, крѣпко о чемъ-то думалъ; потомъ во весь вечеръ нѣсколько разъ

начиналъ и нѣсколько разъ покидалъ чтеніе. Я рѣшительно глупъ нынче, наконецъ сказалъ онъ себѣ,— отправлюсь же спать.

Первая мысль Левина, какъ онъ только открылъ глаза въ слѣдующее утро, была: нынче Ольга Петровна, вѣроятно, увѣдомитъ меня, что возвратилась отъ сосѣдки. Большая часть утра проведена имъ была за книгами; Левинъ былъ, казалось, покоенъ и читалъ очень внимательно. Однакожъ передъ обѣдомъ онъ вышелъ въ залъ и ходилъ по немъ безпокойными неровными шагами. Алексѣй накрывалъ столъ для Левина. Алексѣй, спросилъ Левинъ, остановившись возлѣ него, не было записки отъ Ольги Петровны?

— Нѣту-съ, не было, отвѣчалъ Алексѣй.

Левинъ опять началъ ходить по залу, и шаги его сдѣлались еще безпокойнѣе, еще болѣе неровны. Послѣ обѣда Левинъ ушелъ въ садъ, а вечеромъ отправился съ удочкой къ рѣкѣ. Было уже совершенно темно, когда онъ возвратился домой. Вѣроятно, онъ удилъ неудачно; на лицѣ его лежала печать рѣшительной скуки, и зѣвота его отличалась глубокою искренностію.

Наступилъ и прошелъ еще день, а за тѣмъ еще одинъ тревожный и мучительный для Левина. Ольга Петровна не увѣдомляла о своемъ возвращеніи отъ сосѣдки. Левинъ напрасно выглядывалъ въ окно, напрасно спрашивалъ Алексѣя. Изъ окна онъ видѣлъ только пустынную, вьющуюся дорогу; Алексѣй съ страшнымъ равнодушіемъ обьявлялъ, что никакой записки ни отъ кого не было. Левинъ не хотѣлъ ужъ ни читать, ни отправляться на охоту, ни удить рыбу: онъ былъ смущенъ, растерянъ, мраченъ. Взглядъ его постоянно бродилъ и блисталъ какъ-будто гнѣвомъ; худое лице то вспыхивало румянцемъ, то становилось блѣднѣе, чѣмъ было когда-нибудь. Быстрыми шагами ходилъ

онъ по комнатамъ. Внутри Левина раздавались вопросы, на которые тяжко и страшно было отвѣчать ему,— и онъ трепеталъ предъ собственнымъ признаніемъ и избѣгалъ его и потомъ снова призывалъ себя къ отвѣту. Къ вечеру, обезсиленный, онъ сѣлъ въ тѣ кресла, въ которыхъ провелъ первую ночь, по пріѣздѣ въ родительскій домъ. Что со мной , что со мной ? спрашивалъ онъ самого себя. Отчего такъ невыносимы кажутся мнѣ всѣ обычныя мои занятія ? Отчего этотъ домъ кажется мнѣ пустыней ? Отчего я бросилъ свои книги ? Что, куда зоветъ меня ? Гдѣ мой покой ? Отчего чудится мнѣ, что время стало и не движется, и я бѣснуюсь здѣсь, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ ? Чего мнѣ надо ? Неужели желаніе зародилось во мнѣ? Желаніе, желаніе, твердилъ онъ; какое ,какое желаніе? Смотрѣть на это дитя, не отводить отъ него глазъ, слушать его дѣтскія рѣчи и младенческій смѣхъ, слѣдить за всѣми его движеніями... Неправда , нѣтъ ! Левинъ схватилъ руками свою пылающую голову. Бредъ, бредъ, бредъ! произнесъ онъ задыхающимся голосомъ и хотѣлъ бѣжать; но въ немъ не было силъ подняться съ креселъ.

Мракъ уже наполнилъ старый домъ, и длилась ночь и занялось утро — и тогда только сонъ овладѣлъ утомленнымъ внутренней борьбою Левинымъ. Онъ спалъ въ креслахъ, грудь его чуть вздымалась неслышнымъ дыханіемъ , а истомленное лице его казалось лицомъ больнаго ребенка , уснувшаго послѣ долгихъ и мучительныхъ припадковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Былъ уже второй часъ, когда Левинъ началъ слышать сквозь сонъ чьи-то шаги. Онъ проснулся. Въ залѣ дѣйствительно кто-то расхаживалъ довольно громкими шагами. Кто тамъ? спросилъ Левинъ, лѣниво поворачиваясь въ креслахъ. Это — я, откликнулся голосъ изъ зала. — Кто ты? спрашивалъ Левинъ недоумѣвающимъ голосомъ. — Я, отвѣчалъ тотъ же голосъ, и въ гостиную вошелъ племянникъ Левина.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, не большаго роста, бѣлокурый, съ довольно полнымъ лицомъ, покрытымъ пылью отъ небритаго подбородка до большихъ голубыхъ глазъ его. Онъ былъ въ легкомъ пальто, въ черномъ загадочной матеріи жилетѣ, застегнутомъ по срединѣ груди двумя пуговками и сохранявшемъ только слѣды нитокъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть другимъ пуговицамъ; узелъ его вытертаго бородою шейнаго платка повернулся на сторону, такъ что концы платка торчали у него подъ лѣвымъ ухомъ; изъ-за платка нахально высовывался только одинъ грязный воротникъ рубашки, другой же рѣшительно скрылся отъ свѣта: одна изъ широкихъ штрипокъ его панталонъ оторвалась и, мотаясь вокругъ ноги, хлопала и шелестѣла по полу; на одной ногѣ печально выглядывалъ носокъ изъ лопнувшаго сапога, какъ блѣдный узникъ изъ черныхъ стѣнъ темницы. Все это, и даже длинные и гладкіе волосы молодаго человѣка, было покрыто и испещрено сѣрыми слоями пыли. Онъ обнялъ и сильно прижалъ Левина въ креслахъ. Здравст-

вуйте, здравствуйте, дядюшка, говорилъ онъ, крѣпко лобызая Левина въ уста и щеки.

— Здравствуй, Александръ, едва успѣлъ проговорить задыхаясь Левинъ и разчихался и закашлялся отъ пыли, которую напустилъ на него племянникъ. Левинъ съ усиліемъ освободился отъ его объятій, поднялся съ креселъ и продолжалъ кашлять.

— Что это съ вами? спрашивалъ племянникъ, который стоялъ теперь, засунувъ свои руки въ карманы панталонъ, и спокойно смотрѣлъ, какъ Левинъ душился отъ кашля. Вѣрно простудились? Я, еще когда вы спали, догадался, что вы не совсѣмъ здоровы. Взглянулъ я на васъ — лице, какъ у больнаго... Да, сильный кашель, продолжалъ онъ, смотря на Левина.

— Какое простудился, могъ наконецъ сказать Левинъ. Ты было задушилъ меня пылью...

— Пылью? Вотъ что! и племянникъ залился хохотомъ на весь домъ. А мнѣ и въ голову не пришло! Э, да я и лице-то вамъ все выпачкалъ, и еще сильнѣй и громче хохоталъ племянникъ.

— Ну такъ, говорилъ Левинъ, взглянувши въ зеркало.

— Ничего дядюшка, нужно же вамъ послѣ сна умываться.—И племянникъ продолжалъ хохотать.

Ну дѣло, говорилъ Левинъ, отираясь платкомъ и озирая племянника. О! да какимъ ты щеголемъ! — И Левинъ расхохотался въ свою очередь.

— По дорожному, дядюшка... четвертыя сутки въ телегѣ... Ахъ, кстати: дайте-ко мнѣ прогоны.

— Какіе, прогоны?

— Да на послѣдней станціи не хватило прогоновъ... пришлось было оставаться тамъ на житье; насилу повѣрили, что здѣсь отдамъ. Хорошо, что вы просну-

лись... ямщикъ ждетъ. Какъ же вы долго спите! Кошелекъ съ вами?

Левинъ подалъ ему кошелекъ.

— Сейчасъ расплачусь. Племянникъ вышелъ и въ минуту возвратился, хлопая и шелестя своей штрипкой. Вы вѣдь чай будете пить? говорилъ онъ, и я напьюсь съ вами. Я всю дорогу не пилъ.... сахару передъ отъѣздомъ купилъ, а объ чаѣ-то и забылъ.... Племянникъ хохоталъ.

— Хорошо еще, что со мной мадера была, продолжалъ онъ, да проклятая вышла скоро; ну, ужъ и неловко было...

— Ты, можетъ быть, умоешься? спрашивалъ Левинъ.

— Умыться? Можно, а лучше бы чаю...

Подали чай. Племянникъ закурилъ трубку, разболтался, выпилъ четыре стакана чаю и уничтожилъ всѣ крендели и сухари, стоявшіе передъ нимъ въ большой корзинѣ. Знаете ли что, дядюшка? сказалъ онъ тогда.

— А что?

— Вы не хотите ли закусить?

— Пожалуй, да не умоешься ли ты?

— Какже, какже... только вотъ закусить бы...

Подали закуску. Племянникъ выпилъ хересу, овладѣлъ вилкою и, нанизавъ на нее разомъ куски селедки, сыру и колбасы, отправлялъ ихъ въ ротъ. За тѣмъ онъ предался котлетамъ, и черезъ полчаса на его тарелкѣ лежало полдюжины весьма хорошо очищенныхъ косточекъ. Славный завтракъ, сказалъ онъ, утираясь салфеткою и наливъ себѣ стаканъ краснаго вина. Вотъ я и отдохнулъ отъ дороги, а то такая усталость было одолѣла. Племянникъ глубоко вздохнулъ, хотя, повидимому, ничего особенно-печальнаго не тяготило его

души. Скажите же, дядюшка, началъ онъ, какъ вы тутъ живете? Одни, или видаетесь съ сосѣдями?

— Видаюсь... да ты не хочешь ли умыться, Александръ, сказалъ Левинъ, котораго запыленное лице племянника постоянно приводило къ одной и той же мысли.

— Непремѣнно, непремѣнно... Я вотъ только выпью и покурю немножко, отвѣчалъ племянникъ.

Вошелъ Алексѣй и подалъ письмо Левину.

— Отъ Ольги Петровны, произнесъ онъ неизмѣнно равнодушнымъ голосомъ и съ неизмѣннымъ спокойствіемъ вышелъ изъ комнаты. Левинъ вспыхнулъ и дрожащими руками вскрылъ письмо.—Александръ, сказалъ онъ, быстро пробѣжавъ строки Ольги Петровны, я оставлю тебя до вечера...

— Куда вы, дядюшка?

— Къ Ольгѣ Петровнѣ. Если хочешь, отдохни и пріѣзжай туда.

— Я радъ скорѣй видѣться съ ней, только знаете ли что? не пообѣдаете ли вы дома, дядюшка? А то едва ли вы поспѣете туда къ обѣду...

— Поспѣю еще.

— Поспѣете? Ну, такъ и я могу съ вами ѣхать; я совсѣмъ отдохнулъ; сейчасъ переодѣнусь и готовъ....

Племянникъ вышелъ, оставивъ Левина одного. Левинъ держалъ въ рукахъ письмо Ольги Петровны и думалъ: вотъ наконецъ я дождался желанной минуты. Я ѣду, я увижу, услышу ее. Дитя встрѣтитъ меня, какъ всегда, съ ласкою и привѣтомъ, съ этой улыбкой... Боже мой! Какая улыбка, какая улыбка! И опять прямо мнѣ въ глаза взглянетъ она,... Что за взглядъ! Неодолимо привлекателенъ этотъ младенческій взглядъ! Да, я опять увижу и услышу ее, и буду счастливъ, счастливъ. Люблю тебя, дивное дитя, и

отдамъ тебѣ всю жизнь, всѣ ея минуты, отдамъ тебѣ всего себя, всего, умру у дѣтскихъ ногъ твоихъ...Левинъ провелъ рукою по лбу: Боже мой, что за мечты! Какъ возстаетъ и грозитъ одолѣть меня непокорная фантазія. Нынче же, нынче же все будетъ кончено... Я не нарушу мира и счастія этого дитяти, и вѣчно сохранитъ оно свою улыбку, эту чарующую улыбку. Нынче же, нынче прощусь съ нею... Чѣмъ скорѣй, чѣмъ рѣшительнѣе поступлю, тѣмъ лучше. Прощай, дивное дитя; а какое сокровище, какое сокровище... но нынче же, непремѣнно нынче.

Черезъ четверть часа Левинъ и племянникъ уже ѣхали въ коляскѣ къ Ольгѣ Петровнѣ: Левинъ, казалось, былъ углубленъ въ самаго себя, взглядъ его не бродилъ, по обыкновенію, по сторонамъ, а былъ опущенъ на трость, которую онъ по временамъ судорожно сжималъ въ рукахъ своихъ; онъ молчалъ. Александръ, теперь умытый и прилично одѣтый, что-то насвистывалъ.

— Ольга Петровна живетъ по прежнему одна? спросилъ онъ вдругъ Левина.

— Нѣтъ, съ племянницей.

— Молодая особа эта племянница?

— Очень молодая.

— И не дурна собой? съ возрастающимъ любопытствомъ спрашивалъ Александръ.

— Да, прекрасное дитя, и Левинъ крѣпко сжалъ трость свою. Александръ оправилъ свой галстукъ и придалъ болѣе свободное положеніе шляпѣ на головѣ своей. — Она блондинка? спросилъ онъ, возвышая голосъ; но Левинъ не слыхалъ вопроса. Стой! вдругъ отчаянно закричалъ Александръ. Кучеръ остановилъ лошадей. Что случилось? спрашивалъ тревожно Левинъ.

— Сапоги! упавшимъ голосомъ отвѣчалъ Александръ. Левинъ взглянулъ на ноги племянника, и взоръ его

встрѣтился съ печально-выглядывавшимъ изъ сапога носкомъ. Александръ, торопясь одѣваться, забылъ перемѣнить дорожные сапоги.—Каково? въ грустномъ раздумьѣ произнесъ онъ, поднимая ногу въ роковомъ сапогѣ. Что теперь дѣлать? Нельзя ли воротиться?

— Стоитъ ли возвращаться изъ-за сапоговъ?

— Да какже, помилуйте, не стоитъ, горячась говорилъ племянникъ. По вашему можно и босикомъ показаться въ люди?

— Какъ хочешь, Александръ, я ни за что не вернусь.

— Да отъ чего же? Развѣ тогда мы не поспѣемъ къ обѣду, дядюшка?

— Вернись одинъ, если хочешь, отвѣчалъ Левинъ; мы отъѣхали не болѣе двухъ верстъ... возьми одну изъ пристяжныхъ...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Александръ съ просіявшимъ лицомъ. Онъ выскочилъ изъ коляски и вмѣстѣ съ кучеромъ мигомъ выпрягъ одну изъ пристяжныхъ лошадей. За тѣмъ, захвативъ въ руку ея поводья, онъ нѣсколько разъ напрасно прыгалъ отъ земли. Лошадь была высока. Онъ припадалъ на неосѣдланную ея спину только поясомъ своего корпуса и, повисѣвши такимъ образомъ и надѣлавши ногами въ воздухѣ самыхъ разнообразныхъ эволюцій, соскакивалъ опять на землю. Кучеръ между тѣмъ спокойно держалъ лошадь подъ узцы.

— Да когда же этому будетъ конецъ? спросилъ Левинъ нетерпѣливымъ голосомъ, когда зрѣлище ковыляющихъ въ воздухѣ ногъ Александра утомило его своимъ однообразіемъ. Андрей! подсади его...

Александръ прыгнулъ что было силъ и на этотъ разъ попалъ животомъ на лошадь, и какъ въ тоже время Андрей слишкомъ усердно подсадилъ его сзади, а лошадь, которую онъ пересталъ держать подъ узцы,

начала вертѣться, то Александръ потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ внизъ головою черезъ лошадь. Чортъ знаетъ что такое! закричалъ онъ подымаясь съ земли. Дядюшка, я васъ не задерживаю, поѣзжайте.... вонъ большой пень. . . . я подведу туда лошадь и мигомъ вскочу на нее...

— Ну садись, Андрей, и пошелъ скорѣе, сказалъ Левинъ кучеру.

Племянникъ дѣйствительно счастливо взобрался на лошадь; но теперь онъ замѣтилъ, что его панталоны, вѣроятно во время паденія, лопнули на одной изъ колѣнъ. Коляска между тѣмъ быстро катилась по дорогѣ. — Стой! стой! достигъ крикъ до ушей Левина, и оглянувшись, онъ увидѣлъ племянника, во весь опоръ несшагося верхомъ къ коляскѣ. Дядюшка, говорилъ подскакавъ племянникъ, я никакъ не могу быть къ обѣду у Ольги Петровны. Панталоны мои лопнули... у меня нѣтъ другихъ.... надо починить; для этого нужно время...

Левинъ махнулъ рукой на племянника.

— Пошелъ! закричалъ онъ кучеру.

— Я не задерживаю васъ, говорилъ племянникъ, когда коляска уже снова покатилась. Я ужъ вечеромъ, можетъ-быть пріѣду. Къ обѣду я не буду, громко закричалъ племянникъ, когда коляска была уже далеко, и затѣмъ онъ затрясся и запрыгалъ на лошади, которая крупной рысью повлекла юношу въ обратный путь.

Левинъ, по видимому, сохранялъ свое обычное спокойствіе, но чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ деревнѣ Ольги Петровны, тѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ на свою трость, тѣмъ крѣпче сжималъ ее въ сильныхъ рукахъ своихъ. Онъ необыкновенно медленно вышелъ изъ коляски и медленно всходилъ на крыльце дома Ольги Петровны, и однакожъ остановился на одной изъ сту-

пеней, чтобы перевести стѣсненное дыханіе. Онъ повелъ вокругъ себя робкимъ взглядомъ и тотчасъ же опустилъ глаза свои опять на трость; провелъ рукою по лбу, и пальцы сильной руки дрожали. Однако же чрезъ нѣсколько мгновеній Левинъ совершенно оправился. Онъ поднялъ голову и когда вошелъ въ домъ, глаза его смотрѣли смѣло и покойно. Соничка, по обыкновенію, вышла къ нему на встрѣчу въ залъ; но на этотъ разъ въ ея походкѣ было что-то несмѣлое. Она была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, въ какомъ Левинъ въ первый разъ увидалъ ее и въ легкой перелинкѣ, завязанной на груди бантомъ блѣдно-розовыхъ лентъ. Волосы ея не были, какъ обыкновенно, завиты въ локоны, а были причесаны гладко, и лице ея казалось худѣе обыкновеннаго. Она протянула руку Левину, но при этомъ не взглянула ему прямо въ глаза, по своему обыкновенію, и Левинъ почувствовалъ, что рука ея слишкомъ робко коснулась его руки. Румянецъ, слабо игравшій на щекахъ Сонички, не долго боролся съ блѣдностію, которая овладѣла теперь кроткимъ лицомъ ея.

— Вотъ сколько дней не видались мы, сказала она.

И Левина поразилъ ея неровный и слабый голосъ. Онъ почувствовалъ, какъ непобѣдимая жалость подступала къ его сердцу, грозя разрушить спокойствіе, съ какимъ встрѣтилъ онъ Соничку, и спѣшилъ подавить ее.

— Что-жъ, съ улыбкой сказалъ онъ, — вамъ вѣрно было весело въ гостяхъ; вы такъ долго тамъ пробыли. . . .

Соничка молча взглянула на Левина, и дѣтскій ея взглядъ былъ полонъ унынія и робкаго упрека. Левинъ опустилъ глаза къ шляпѣ и сталъ стучать по ней пальцами.

Гдѣ же Ольга Петровна? спросилъ онъ.

— Здравствуйте, говорила Ольга Петровна, входя въ залъ; я боялась, что мы не увидимся нынче. Вы знаете — намъ бѣда безъ васъ. Вотъ вы другое дѣло; вы не скучаете одни. Какъ вы проводили эти дни, Constantin?

— Охотился, гулялъ, читалъ.

Соничка отошла къ окну; взяла на колѣна маленькія пяльца и, склонивъ къ нимъ голову, казалось, прилѣжно занялась работою.

— Признаюсь, cousin, продолжала Ольга Петровна, я часто удивляюсь вашей способности жить одному.

— А вотъ я живу по вашему, сказалъ Левинъ: вы живете съ племянницей; у меня теперь есть племянникъ. Нынче пріѣхалъ ко мнѣ Александръ...

— Пріѣхалъ? Что-жъ вы не привезли его съ собой? Что онъ — не перемѣнился, все такой же?

— Онъ славный, живой и беззаботный малый, отвѣчалъ Левинъ. Жаль, что мнѣ придется не долго радоваться его обществомъ... Мнѣ надо ѣхать...

— Куда, зачѣмъ? спрашивала смутившаяся Ольга Петровна.

Соничка вдругъ подняла свою головку и взглянула на Левина, взоръ котораго бродилъ и какъ-будто избѣгалъ встрѣчи съ Соничкой. Она опять склонилась блѣднымъ лицомъ надъ пяльцами, и игла дрожала въ маленькой рукѣ, и странные, невѣрные узоры начали пестрить канву.

—Я совсѣмъ не ожидала этого, говорила Ольга Петровна раздраженнымъ голосомъ; я увѣрена, что вамъ совсѣмъ нѣтъ нужды ѣхать, и вы вотъ придумали себѣ какую нибудь необходимость, и изъ пустяковъ готовы скакать теперь сотни верстъ... это просто смѣшно, Constantin.

Ольгой Петровной овладѣло большое волненіе, почти гнѣвъ. Глаза ея расширились и блистали; лице покрылъ яркій румянецъ; высокая грудь дышала чаще и сильнѣе.

— Это, Богъ знаетъ, на что похоже. Constantin, продолжала она, и въ волненіи поднялась со стула и сѣла на другой, нѣсколько далѣе отъ Левина. Подумайте сами: какъ долго вы собирались сюда. Ну, Богъ далъ, наконецъ пріѣхали. Живете здѣсь и какъ-будто ничего, какъ-будто и довольны, и покойны, и сами говорите, что вамъ съ нами нескучно, и вдругъ ни съ того, ни съ сего — ѣхать... Что это такое, что это за причуды, позвольте васъ спросить? Ну говорите прямо, откровенно — какія у васъ дѣла, что, куда васъ гонитъ? Ну, говорите, говорите, повторяла Ольга Петровна и нѣсколько разъ нетерпѣливо ударяла рукой по своимъ колѣнамъ.

Левинъ разсмѣялся добродушно и громко.

Какъ горячо вы приняли мою вѣсть, добрая кузина, говорилъ онъ, подошедши къ Ольгѣ Петровнѣ и взявъ ее за руку. Мой отъѣздъ раздражаетъ васъ, будто дурной поступокъ...

— А вы думаете, что это хорошій поступокъ? — И Ольга Петровна отняла свою руку у Левина и пересѣла на другой стулъ. — Вѣчно отдаваться своимъ капризамъ, быть во всякое время готовымъ бросить все на свѣтѣ, не дорожить ни друзьями, ни родными, ни однимъ мѣстомъ, ни однимъ лицомъ, ни своимъ собственнымъ покоемъ... это все хорошо, по вашему? это все хорошо? повторила Ольга Петровна, возвысивъ голосъ и смотря прямо на Левина. Левинъ качалъ ногою и внимательно началъ разсматривать свои руки. Сопичка подняла голову отъ пялецъ, облокотилась спиной на стулъ и, оставивъ иглу, сидѣла, опустивъ

обѣ руки по сторонамъ стула. При послѣднихъ словахъ Ольги Петровны, она бросила робкій взглядъ на Левина и нетерпѣливо ждала его отвѣта; но Левинъ молчалъ. Ольга Петровна снова поднялась со стула, прошлась по залу и сѣла теперь опять возлѣ Левина.

Что-жъ вы молчите? начала она теперь уже смягченнымъ и полнымъ участія голосомъ. Ну, послушайте, cousin: васъ любятъ, вамъ желаютъ добра, о васъ заботятся, ну будьте же откровенны и благоразумны. Говорите: куда вы хотите ѣхать?

— Куда? повторилъ Левинъ и не вдругъ отвѣчалъ: въ другую деревню, верстъ семьсотъ отсюда.

— Зачѣмъ вамъ туда нужно? спрашивала Ольга Петровна.

— Доходы мои оттуда уменьшаются съ каждымъ годомъ; мнѣ необходимо взглянуть самому, что тамъ дѣлается.

— Выдумки и пустяки, говорила Ольга Петровна; какимъ вдругъ хозяиномъ сдѣлался! Пошлите туда кого-нибудь, и все устроится безъ васъ, какъ нельзя лучше. Согласны? вы остаетесь? спрашивала Ольга Петровна; руку вашу; вы остаетесь.

— Не могу, отвѣчалъ Левинъ.

Румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Сонички, но въ мигъ она стала еще блѣднѣе прежняго и, оставя пяльцы, тихо вышла изъ комнаты.

— Съ вами не стоитъ говорить, сказала Ольга Петровна, вставая съ мѣста, подошла къ окну и молчала.

— Вы гнѣваетесь на меня, дорогая кузина, спросилъ Левинъ.

— Нѣтъ, дорогой cousin, отвѣчала Ольга Петровна, опять подходя къ нему,— вы не стоите гнѣва; объ васъ можно жалѣть только. Я говорю съ вами не шутя, Constantin, продолжала Ольга Петровна. Я знаю васъ,

всю вашу жизнь и могу судить васъ. Вы были вѣчный врагъ самому себѣ. Чуть успѣете вы гдѣ-нибудь обжиться , уже мечтаете, что вамъ пора въ путь, что надо вамъ побывать и въ томъ-то и въ другомъ мѣстѣ, видѣть и то и другое. Чуть начали вы сближаться съ какимъ-нибудь человѣкомъ — ужъ боитесь, не далеко ли вы съ нимъ зашли, сей-часъ вспоминаете и желаете другихъ людей, и никогда не бываетъ конца вашимъ прихотямъ и капризамъ. Да что̀ говорить! опять съ горячностію и волненіемъ произнесла Ольга Петровна,— вы прежалкій и пренесчастный человѣкъ!

— Послушайте, cousine, сказалъ Левинъ. Вы меня знаете еще съ дѣтства. Скажите — не всегда ли я остаюсь близкимъ вамъ, вашимъ пріятелемъ, любящимъ васъ братомъ. Правы ли вы послѣ этого , когда говорите, что я не способенъ ни къ какимъ постояннымъ отношеніямъ? Съ тѣхъ поръ, кузина, какъ наши отношенія въ юности...

— Хорошо, хорошо, поспѣшно прервала Левина вся зардѣвшаяся Ольга Петровна, и, казалось, затронутое имъ воспоминаніе исполнило ее снисходительностію.

Мнѣ не въ чемъ упрекнуть васъ относительно себя. Я упрекаю васъ за васъ же. Я такъ желаю видѣть васъ счастливымъ, продолжала кузина растроганнымъ голосомъ. Ну когда же вы думаете ѣхать?

— Я ѣду завтра, кузина.

— Вы шутите? спросила Ольга Петровна.

— Непремѣнно завтра, повторилъ Левинъ.

Ольга Петровна, казалось, теперь только повѣрила, что Левинъ дѣйствительно уѣзжаетъ. Она совершенно смутилась и опечалилась , глаза ея наполнились слезами.

Не ѣздите, останьтесь, говорила она Левину и, долго убѣждая его, сказала наконецъ: вашъ неожиданный

отъѣздъ страненъ; вы бѣжите, и никто, не увѣритъ меня, что вы не бѣжите отъ своего счастія. Я говорю вамъ прямо, и я все сказала, cousin. Я не убѣждаю васъ больше...

Человѣкъ, возвѣстившій, что готовъ обѣдъ, прервалъ рѣчь Ольги Петровны, и Левинъ обрадовался случаю избѣжать отвѣта на ея слова, подалъ ей руку и повелъ ее въ столовую. Соничка была за обѣдомъ очень тиха и неразговорчива. Она часто улыбалась при разсказахъ Левина; но ни разу не раздался ея громкій, дѣтскій смѣхъ. Она почти ничего не ѣла и даже отказалась отъ пирожнаго. Левинъ замѣтилъ, что глаза ея были нѣсколько красны, и тяжелое бремя стало давить его душу. Онъ началъ разсказывать о пріѣздѣ Александра и его костюмѣ, старался казаться веселымъ, быть говорливымъ и развеселить своихъ собесѣдницъ; но усилія его оставались напрасными: — бесѣда шла вяло; всѣмъ было тяжело и не ловко.

Послѣ стола всѣ вышли въ залъ. Соничка опять сѣла за свои пяльцы. Ольга Петровна разсѣянно продолжала какой-то разговоръ съ Левинымъ и наконецъ вышла изъ зала. Левинъ, оставшись одинъ съ Соничкою, почувствовалъ, что имъ овладѣваетъ робость, почти страхъ. Онъ сталъ внимательно разсматривать свои руки и едва осмѣлился поднять глаза на Соничку. Какъ блѣдна! подумалъ онъ, и сердце его заныло и сжалось. Ему стоило большаго усилія надъ собою, чтобы спокойно подойти къ Соничкѣ; Соничка взглянула на Левина и продолжала шить въ пяльцахъ. Левинъ взялъ стулъ и сѣлъ возлѣ нея.

Соничка, началъ онъ, — ну скажите же, какъ вы проводили эти дни?

— Скучно, сказала Соничка. Вы когда ѣдете, Константинъ Сергѣевичь?

— Скоро, Соничка. Сосѣдка ваша одинокая?

— У нея есть дочь. Въ какой же день вы ѣдете, Константинъ Сергѣевичь?

— Ужъ взрослая дочь, Соничка? спрашивалъ Левинъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Ровесница мнѣ; и вы на долго уѣзжаете?

— Думаю, на долго. Вы съ ней теперь только познакомились?

— Я? только теперь; и будете жить въ своей деревнѣ?

— Да, нѣкоторое время: что-жъ, сошлись вы съ своей ровесницей?

— Нѣтъ, не очень; ну, а потомъ вы куда?

— Потомъ, еще не знаю, Соничка. Отчего-жъ вы не сошлись съ нею?

— Вы будете одни въ своей деревнѣ? спросила Соничка, уже не отвѣчая на вопросъ Левина, который, по видимому, желалъ отстранить разговоръ о себѣ.

— Одинъ. Вѣрно дочь вашей сосѣдки слишкомъ степенна, недовольно жива...

— Одни, прервала слова Левина Соничка, всегда одни... ну, Боже сохрани, вы заболѣете, кто будетъ возлѣ васъ? — И голосъ Сонички дрожалъ.

— Я не заболѣю, Соничка; я всегда здоровъ...

— Однако же можетъ случиться, начала Соничка, тоскливо и заботливо взглядывая на Левина. Во всякомъ случаѣ мы еще нѣсколько разъ увидимся до вашего отъѣзда! спросила она.

Левинъ молчалъ.

— Увидимся, Константинъ Сергѣевичь? повторила Соничка.

— Едва ли, упавшимъ голосомъ отвѣчалъ Левинъ, мнѣ до отъѣзда нужно много покончить дѣлъ... намъ нужно проститься нынче же.

— Нынче же, тихо повторила Соничка, и игла выпала изъ рукъ ея на пяльцы; нынче... зачѣмъ же такъ скоро, Константинъ Сергѣевичъ?

— Мнѣ необходимо ѣхать, Соничка, и скорѣй.

— Когда-жъ вы пріѣдете сюда? слабымъ и взволнованнымъ голосомъ спрашивала Соничка.

Левинъ молчалъ.

— Пріѣдете? — И Соничка съ невыразимой тоской взглянула прямо въ глаза Левину; Левинъ поспѣшно опустилъ свои и, разсматривая у себя руки, тихо сказалъ:

— Да, когда-нибудь.

Соничка опустила пяльцы на полъ, встала съ мѣста, прошлась по залѣ и стала у окна, скрестивъ на груди свои руки и прислонившись головой къ карнизу.

Вошла Ольга Петровна и опять вела съ Левинымъ какой-то прерывающійся, ненужный разговоръ. Былъ уже вечеръ. Соничка все стояла подъ окномъ и смотрѣла, ничего не видя. Вдругъ загремѣлъ экипажъ; она подняла голову отъ карниза и задрожала и выпрямилась. По двору къ крыльцу катилась коляска Левина. Ольга Петровна, обратившаяся въ это время къ Левину съ какими-то словами, остановилась, не окончивши фразы, и прислушивалась къ раздавшемуся стуку.

— Что это? сказала она.

— Вѣроятно, подали мою коляску, сказалъ Левинъ. Ну, прощайте, милая кузина.

— Какъ, уже прощаетесь? спрашивала Ольга Петровна.

— Да, необходимо. — И Левинъ взялъ шляпу. — Прощайте, прощайте, кузина, продолжалъ онъ, крѣпко цѣлуя руки Ольги Петровны. Не забывайте меня!

Ольга Петровна плакала. Левинъ еще нѣсколько разъ простился съ нею. Соничка все стояла подъ окномъ

и смотрѣла на коляску. Левинъ подошелъ къ ней, и дыханіе его стѣснилось.

Прощайте, Соничка, сказалъ онъ, и у него едва достало голоса.

Соничка быстро повернулась къ нему; уста ея дрожали, будто силясь произнести что-то; слеза тихо катилась по ея блѣдному лицу, и съ своей вѣчной улыбкой она протянула Левину руку, смотря прямо въ его глаза своими отуманенными глазами. Левинъ взялъ дѣтскую, холодную руку, поспѣшно поцѣловалъ ее и вышелъ.

Когда его коляска пронеслась мимо дома, Соничка еще разъ мелькнула передъ нимъ: она все стояла подъ окномъ и все улыбалась. — Прекрасное дитя, подумалъ Левинъ, крѣпко прижимаясь къ углу коляски.

— Пошелъ скорѣй, закричалъ онъ кучеру.— Прекрасное дитя, подумалъ онъ опять. Пошелъ, пошелъ, опять закричалъ онъ. Прекрасное дитя, прекрасное дитя, твердилъ онъ себѣ — и все казалось ему, что лошади не бѣгутъ, что коляска едва движется. Пошелъ, продолжалъ кричать онъ кучеру. Андрей гналъ лошадей и коляска неслась по дорогѣ съ такою быстротой, какъ-будто спасалась отъ настигающей погони.

Соничка продолжала стоять подъ окномъ и улыбаясь смотрѣла на слѣды, оставленные изчезнувшею коляскою на пескѣ, которымъ былъ усыпанъ дворъ. Взволнованная прощаньемъ, Ольга Петровна долго не могла успокоиться: онъ будетъ несчастливъ, думала она, расхаживая по комнатамъ, а я думала... О, моя бѣдная Соня! Ольга Петровна подошла къ Соничкѣ. Какъ блѣдна, думала она, заботливо смотря на нее.

— Соня! тебѣ надо отдохнуть — ты устала, сказала она.

— Устала, тихо повторила Соничка и продолжала смотрѣть въ окно.

— Руки холодны, а голова горитъ, говорила Ольга Петровна, прикасаясь къ рукамъ и головѣ Соничкп. Не сдѣлать ли тебѣ чаю, Соничка?

— Чаю, повторила Соничка.

— Пойдемъ, Соня, въ твою комнату; тебѣ надобно лечь.

— Лечь, сказала Соничка и, все улыбаясь, пошла за Ольгою Петровной, которая повела ее за руку.

Между тѣмъ коляска Левина все неслась по дорогѣ и была уже не далеко отъ его деревни, когда мимо ея мелькнули пролетки, запряженныя парой лошадей. Стой, стой, кричалъ кто-то изъ пролетокъ. Коляска остановилась и къ ней подбѣжалъ Александръ.

— Дядюшка, это вы? спрашивалъ онъ. Вы ужъ возвращаетесь?

— А ты только собрался выѣхать; что такъ поздно?

— Десятый часъ только. Вашъ портной былъ гдѣ-то на пасѣкѣ; покуда его отыскали, покуда онъ починилъ....

— Воротись еще разъ, Александръ, проведи со мной нынѣшній вечеръ.

— Очень радъ, дядюшка, мы поужинаемъ вмѣстѣ. Поѣзжайте, я за вами на пролеткахъ.

Скоро дядя и племянникъ были уже дома и сидѣли за ужиномъ. Левинъ уже сообщилъ Александру о своемъ отъѣздѣ.

Такъ непремѣнно завтра, дядюшка, говорилъ Александръ, — превосходный винигретъ... вы бы хоть еще день побыли со мной....

— Не могу, надо скорѣй. Ты не пробовалъ этого лафита?

— А я вотъ его послѣ... Очень жаль, очень жаль, дядюшка. Однако же я еще поживу здѣсь на просторѣ. . . .

— Да, поживи! Посѣщай сосѣдокъ; тебѣ будетъ не скучно съ ними... А ты, Александръ, еще не сказалъ мнѣ — что думаешь дѣлать съ собою?

— Да объ этомъ я еще и самъ ничего не знаю...

— Думаешь ты служить?

— Да, конечно, надо....

— Гдѣ-жъ ты хочешь служить?

— Гдѣ случится, дядюшка, гдѣ откроется мѣсто.

— Да ты какого мѣста хотѣлъ бы?

— Я не знаю право.... все равно.... лишь бы хорошее мѣсто, дядюшка.

— Ты, кажется, думалъ держать экзаменъ на магистра?...

— Отличный лафитъ, дядюшка. На магистра? Да, если не найду мѣста. Мнѣ предлагали быть наставникомъ въ одномъ домѣ и на довольно выгодныхъ условіяхъ... Оно хорошо, да непрочное положеніе.

— А что ты думаешь о мѣстѣ въ конторѣ банкира? Я писалъ тебѣ.

— Хорошее мѣсто, дядюшка, я бы взялъ его...

— Если хочешь, я буду писать о тебѣ...

— Пишите, пишите. Впрочемъ какъ нибудь устроимся, дядюшка, — заботиться слишкомъ нечего.... Что же вы лафиту? Прекрасное вино. Рано вы ѣдете завтра?

— Рано, и теперь прощай покуда.

Прощайте, дядюшка; да что вы такъ блѣдны?

— Такъ, что-то мнѣ нездоровится.

Левинъ пожалъ руку племянника и ушелъ въ свои комнаты. Племянникъ провелъ еще нѣсколько времени съ лафитомъ и трубкой, изъ которой пускалъ цѣлыя облака дыму; наконецъ сталъ вытягиваться, зѣвать громко и протяжно и, отправившись на свою постель, заснулъ и сильно захрапѣлъ, чуть успѣвъ приникнуть головой къ своей подушкѣ.

Левинъ призвалъ Алексѣя, объявилъ ему, что завтра утромъ господинъ его пускается въ путь, и приказалъ, чтобы было готово все, необходимое для его отъѣзда. Алексѣй, какъ говорится, и глазомъ не моргнулъ при неожиданномъ извѣстіи. Все будетъ готово, сказалъ онъ Левину и вышелъ неизмѣнно спокойный. Нужно взять съ собою нѣсколько книгъ, думалъ Левинъ, оставшись одинъ; остальныя отправятъ за мною. Онъ взялъ свѣчу и вошелъ въ комнату, гдѣ помѣщалась его библіотека. Высокая и большая комната тускло освѣтилась колеблющимся пламенемъ свѣчи, которую держалъ въ рукахъ Левинъ, и онъ почувствовалъ, что отъ длинныхъ и темныхъ рядовъ книгъ повѣяло на него какимъ-то холодомъ; въ окно со двора донесся до него чуть внятный плачь какого-то дитяти, и сердце его сжалось; дрожь и трепетъ проняли Левина. Онъ поспѣшно взялъ нѣсколько книгъ. Шандалъ качался и выпалъ изъ дрожащей руки его— свѣча потухла; онъ катился по полу и звенѣлъ во мракѣ. За стѣной въ портретной послышался Левину чей-то злобный смѣхъ, и онъ въ ужасѣ, ощупью вышелъ изъ библіотеки и добрался до своей спальни. Здѣсь въ освѣщенной комнатѣ, онъ успокоился и улыбнулся надъ своимъ смущеніемъ и трепетомъ, но почему-то тотчасъ же подумалъ: чье дитя плакало такъ? и долго и неотвязчиво преслѣдовалъ его вопросъ: чье дитя плакало такъ — Левинъ задремалъ и уснулъ подъ этотъ вопросъ. Сонъ его былъ тяжелъ и прерывистъ. То снилось ему окно и подъ окномъ стоитъ и улыбается блѣдное дитя, и отъ этой улыбки леденѣла вся кровь его, и онъ просыпался весь въ холодномъ поту. То сквозь сонъ слышалъ онъ, какъ дѣтская рука ложилась на его голову и сильнѣе тисковъ давила ее. Чуть занялась заря, онъ оставилъ постель страш-

но усталый и измученный, надѣлъ дорожное платье и пошелъ проститься съ Александромъ, который продолжалъ храпѣть, и спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что Левину едва удалось разбудить его.

Какъ, ужъ ѣдете? сказалъ племянникъ, протирая глаза, а напиться бы вмѣстѣ чаю, дядюшка?

— Нѣтъ, все ужъ готово; прощай, Александръ.

— Какъ знаете, дядюшка, прощайте, прощайте!

Племянникъ заключилъ дядю въ объятія и крѣпко облобызалъ его. За тѣмъ онъ накинулъ на себя шлафрокъ и проводилъ Левина къ коляскѣ, возлѣ которой давно уже стоялъ толстый управляющій и тѣснилось нѣсколько заспанныхъ дворовыхъ людей. Левинъ торопливо вскочилъ въ коляску.

Дядюшка, взяли ли вы съ собой чаю? счелъ нужнымъ спросить Александръ.

— Взяли, отозвался Алексѣй, садившійся возлѣ Левина.

— А сахаръ не забыли? спросилъ опять Александръ.

— Все взяли, отвѣчалъ Алексѣй.

Левинъ еще пожалъ руку Александра и отвѣсилъ поклонъ провожавшимъ его.—Пошелъ, закричалъ онъ, прижавшись въ уголъ экипажа, и четверня умчала страннаго помѣщика изъ его владѣній.

Ну вотъ и хорошо, вотъ все и кончено, думалъ теперь Левинъ въ быстро несущейся коляскѣ. Я прочелъ и закрылъ увлекательную книгу. Чтобы ни шевелилось внутри меня — я не измѣнилъ себѣ ни словомъ, ни намекомъ. Я сберегъ прекрасное дитя, я во время разстался съ нимъ. Нѣсколько дней — и оно забудетъ меня, — начнетъ скакать верхомъ, пѣть, ухаживать за цвѣтами, за своимъ Блеро, и меня какъ не бывало передъ нимъ. Какихъ людей, подумаешь, не сводитъ случай вмѣстѣ! Какъ неодолимо влекло меня

къ себѣ это дитя, какъ росло во мнѣ желаніе остаться вѣчно съ нимъ, и она, какъ готова была она предаться мнѣ! И однакожъ — что за уродливый союзъ былъ бы между нами? Вѣчно чуждымъ и недоступнымъ осталось бы ей все во мнѣ; я остался бы для нея вѣчной загадкой, и были бы мы вмѣстѣ одинокими. — Томителенъ безконечный путь мой, и скоро утомленное дитя съ тоскою и страхомъ плелось бы за мною. Зачѣмъ же остановило меня это дитя? Зачѣмъ такъ трудно и тяжело мнѣ теперь, когда все далѣе и далѣе уношусь я отъ него. Мимо, мимо, призракъ счастія! впередъ, все впередъ, вѣчный странникъ!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъѣздъ Левина, казалось, глубоко поразилъ Соничку. Сообщество, бесѣда съ нимъ незамѣтнымъ образомъ сдѣлались для нея потребностію и привычкою. Жизнь Сонички, со времени встрѣчи съ Левинымъ, сдѣлалась полнѣе, шире. Въ разговорахъ съ Левинымъ, въ его разсказахъ представилось ей много новаго, мелькнули передъ нею міръ, жизнь, люди, прежде скрытые отъ нея завѣсою уединенной деревенской жизни. Первые дни, послѣдовавшіе за отъѣздомъ Левина, были первыми днями апатіи въ жизни Сонички. Усилія Ольги Петровны возвратить ей прежнюю веселость оставались напрасными. По утрамъ Соничка, какъ и прежде, приходила къ Ольгѣ Петровнѣ съ вѣчной своей улыбкой; но походка ея была тиха, и не было обычной живости въ ея движеніяхъ. Соничка садилась возлѣ Ольги Петровны съ своими пяльцами и молчала, склонившись надъ канвою. Она коротко и разсѣянно отвѣчала на вопросы Ольги Петровны, и въ домѣ не раздавался ея звонкій, дѣтскій смѣхъ. Даже Блеро, никогда непокидавшій Сонички, казалось, измѣнился: онъ слѣдовалъ за ней съ опущенными ушами и уныло повиснимъ хвостомъ. Онъ не бросался по угламъ, не обнюхивалъ ихъ; но ложился у ногъ Сонички и задумчиво лизалъ свои лапы и грудь и дремалъ по временамъ, почесываясь съ раздраженіемъ и досадою. Онъ замѣчалъ, что имъ мало занимались и хандрилъ. Соничка, казалось, забыла всѣ свои обычныя занятія и развлеченія. Цвѣты въ горшкахъ на

ея окнахъ поникли на своихъ стебляхъ и опустили листы; Сопичка не поливала ихъ. Ея лошадь храпѣла и кружилась въ своемъ стойлѣ, давно уже не дыша свѣжимъ воздухомъ и скучая по простору полей. Лодка, такъ часто носившая Сопичку съ Левицкымъ по рѣкѣ, забытая, качалась на водѣ, иногда напрасно порываясь съ цѣпи, удерживающей ее близъ берега, и печально гремя ею, какъ узникъ своими оковами. Пестрая стая голубей напрасно прилетала къ мѣсту, гдѣ обыкновенно Сопичка своими руками сыпала имъ зерна, и, ропотно воркуя, улетала прочь. Недовольный Блеро продолжалъ хандрить. Молчалъ Сопичкинъ рояль, запертый и покрытый чехломъ, и пыль начала покрывать высокую кипу ея нотъ. Дѣти, привыкшія къ ласкамъ и сластямъ, которыми щедро одѣляла ихъ Сопичка, скучали забытыя ею и надоѣдали плачемъ и криками своимъ матерямъ. Садовникъ лѣниво валялся и засыпалъ подъ тѣнію развѣсистыхъ деревъ, напрасно ожидая появленія молодой барышни. Слѣпая и едва двигающаяся старуха, имѣвшая обыкновеніе въ полдень вылѣзать изъ избы на завалинку и сидѣть тамъ въ овчинномъ тулупѣ, непрерывно кашляя и грѣясь на солнцѣ, напрасно ждала ласковыхъ словъ: здраствуй, бабушка, какими Сопичка всякій день веселила ея слухъ и окочепѣлое сердце. Сопичка не выходила теперь изъ дому, и весь маленькій деревенскій міръ, всегда хранимый и оживляемый заботою, лаской и привѣтомъ Сопички, какъ-то пріунылъ и захирѣлъ, не видя ея.

По вечерамъ, оставаясь одна въ своей комнатѣ, надѣвши бѣлую кофточку и спальный чепчикъ, Сопичка, оперщись лицомъ на руку, долго и задумавшись сидѣла въ креслахъ, и напрасно крикъ пѣтуховъ, раздававшійся среди ночной тишины, достигалъ ея слуха и напоминалъ о позднемъ часѣ ночи; сонъ не смыкалъ

кроткихъ глазъ ея.— Гордый человѣкъ... Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! думала Соничка и, отирая катившіяся по дѣтскому лицу слезы, она преклонялась передъ образомъ, и уста ея шептали чистую молитву дѣтски вѣрующей души ея. Поздно склоняла она усталую головку къ подушкѣ, и нерѣдко, еще несмыкавшіеся ея глаза уже встрѣчали блѣдный свѣтъ начинающагося утра.

Александръ, по отъѣздѣ Левина, началъ сбираться посѣтить Ольгу Петровну; но и въ этотъ день ему не было суждено исполнить свое намѣреніе. Одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, желая свести знакомство съ Левинымъ, избралъ этотъ день для своего визита къ нему, и засталъ теперь въ Березовѣ только Александра, уже начинавшаго скучать одиночествомъ. Александръ, какъ хозяинъ въ домѣ, принялъ сосѣда, объяснилъ ему, что Левинъ уже уѣхалъ изъ Березова, что онъ его племянникъ, что очень жалѣетъ, что почтенный сосѣдъ не засталъ дядюшки; но очень радъ самъ познакомиться съ нимъ. Почтенный сосѣдъ былъ человѣкъ уже не молодой, съ лицомъ очень серьёзнымъ и невзрачнымъ, съ красноватымъ носомъ и сѣдыми усами, съ виду толстый и здоровый. На немъ были сѣрые панталоны и черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы до самой шеи, туго обвязанной высокимъ галстукомъ, заставлявшимъ его неподвижно держать приподнятую голову. Сосѣдъ по видимому, желалъ и искалъ знакомствъ вообще, что не рѣдко бываетъ съ деревенскими жителями. Сморщивъ свои густыя брови, онъ съ глубокомысленнымъ видомъ выслушалъ слова Александра и, желая изъявить, что ему весьма пріятно новое знакомство, огромною своею рукою сильно потресъ руку Александра и, энергически моргнувъ усами, оскалилъ большіе почернѣвшіе отъ

трубки зубы, что должно было означать пріятную улыбку.

Александръ ввелъ сосѣда въ гостиную и просилъ садиться. Сосѣдъ какъ-то упалъ въ кресла и раза два повернулся въ нихъ такъ сильно, что кресла затрещали. За тѣмъ онъ совершенно вытянулъ довольно длинныя и толстыя свои ноги, моргнулъ опять щетинистыми сѣдыми усами и выпучилъ на Александра свои оловянные глаза.

Не прикажете ли чаю? спросилъ Александръ.

Сосѣдъ, не отвѣчая на вопросъ, отправился рукою въ карманъ свой, вытащилъ оттуда платокъ и, накрывъ имъ посредствомъ обѣихъ рукъ большой носъ свой, громко протрубилъ на немъ что-то. За тѣмъ онъ свернулъ платокъ и, опять отправивъ его въ карманъ, съ глубокомысленнымъ видомъ и густымъ голосомъ отвѣчалъ:

Я чай употребляю весьма рѣдко, и сосѣдъ началъ страшно пучить на Александра оловянные глаза свои.

Александръ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе.

Вы не охотникъ до него? спросилъ онъ въ замѣшательствѣ.

— Пустой напитокъ, отрывисто замѣтилъ сосѣдъ и моргнулъ усами.

— Такъ не прикажете ли подать завтракъ? спросилъ Александръ.

— Можно, отвѣчалъ сосѣдъ и, не подинмая головы, сталъ пучить глаза на потолокъ и стѣны.

Подали завтракъ. Сосѣдъ направилъ на него оловянные глаза и, по приглашенію Александра, поднялся съ креселъ и подошелъ къ столу. Здѣсь онъ остановился и, заложивъ руки за спину и разставивъ массивныя свои ноги, страшно выпучилъ глаза на графинъ

съ водкой. Наконецъ, не отводя отъ него глазъ, онъ моргнулъ усами и вопросительно сказалъ: горькая?

— Да, сказалъ Александръ, слѣдившій съ чувствомъ невольнаго почтенія за глубокомысленными пріемами почтеннаго сосѣда.

— Можно, сказалъ сосѣдъ и, наливъ рюмку водкой, онъ вылилъ ее въ горло, закинувъ назадъ свою голову. Онъ опять выпучилъ глаза на графинъ и, опять наливши рюмку водкой, повторилъ туже продѣлку. Затѣмъ, овладѣвши большимъ кускомъ ветчины и ломтемъ хлѣба, онъ усѣлся на свое кресло и не поднимая глазъ отъ ветчины, которую держалъ въ огромныхъ рукахъ своихъ, произнесъ: служите?

— Нѣтъ еще, нерѣшительно отвѣчалъ Александръ, сомнѣваясь, къ нему ли относился вопросъ.

Сосѣдъ моргнулъ усами.

— Слѣдовательно не женаты? вопросительно произнесъ онъ, продолжая смотрѣть на ветчину.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Александръ. А вы женаты? спросилъ онъ, желая поддержать разговоръ.

— На третьей женѣ, произнесъ сосѣдъ, наполнивъ ротъ свой ветчиною и хлѣбомъ. Теперь онъ замолчалъ и медленно жевалъ, пуча глаза на Александра. Окончивши жевать, сосѣдъ, сказалъ: видѣлъ запряженныя пролетки. Собираетесь куда?

— Да, я сбирался къ Ольгѣ Петровнѣ, началъ Александръ.

— Знаю, прервалъ его сосѣдъ; прошу ко мнѣ.

— Очень радъ, и на дняхъ непремѣнно, началъ Александръ.

— Ныньче, прервалъ его опять сосѣдъ; вамъ будетъ по дорогѣ, полверсты въ сторону.

Сосѣдъ опять поднялся съ креселъ, опять овладѣлъ ветчиною и хлѣбомъ и опять жевалъ, пуча глаза на

Александра. Наконецъ онъ взялъ фуражку и произнесъ: можемъ ѣхать теперь и ко мнѣ.

— Но я боюсь, что опоздаю къ Ольгѣ Петровнѣ... началъ Александръ.

— Успѣете, рѣшительно и отрывочно отвѣчалъ сосѣдъ, страшно выпучивъ на Александра оловянный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго смущенный Александръ взялъ свою шляпу и послѣдовалъ за сосѣдомъ на крыльце.

На дворѣ стоялъ тарантасъ, запряженный тройкою разношерстныхъ и весьма худыхъ лошадей; онъ съ трескомъ и звономъ подкатился къ крыльцу, когда сосѣдъ молча махнулъ рукою кучеру, который сидѣлъ на его козлахъ. Сосѣдъ медленно взобрался на тарантасъ и, усѣвшись въ немъ, показалъ на мѣсто возлѣ себя Александру, сказавъ: извольте. Александръ сѣлъ возлѣ сосѣда. Тарантасъ покатился и на половинѣ дороги отъ Березова къ Ольгѣ Петровнѣ свернулъ въ сторону, повернулъ за рощу и остановился передъ домомъ среди небольшой деревеньки. Александръ и сосѣдъ были встрѣчены въ домѣ плотною и довольно молодою смазливою женщиною.

— Жена моя, сказалъ сосѣдъ, указывая на нее Александру, и подставилъ ей свою щеку, когда она приблизилась, чтобы облобызать супруга. Александръ разсыпался въ любезностяхъ съ этою дамою и вскорѣ забылъ свое намѣреніе продолжать путь къ Ольгѣ Петровнѣ. Онъ остался ночевать у сосѣда и легъ въ постель, весьма неравнодушный къ смазливой дамѣ. Въ слѣдующіе дни Александръ также рѣшительно не помнилъ объ Ольгѣ Петровнѣ и продолжалъ увлекаться все болѣе и болѣе, по видимому, нисколько не думая о томъ, что когда нибудь нужно оставить сосѣда. Глубокомысленный хозяинъ, казалось, былъ

доволенъ, что могъ пучить свои глаза на новое лице, и продолжалъ моргать усами, подавая голосъ только весьма рѣдко, отрывочно и рѣшительно. Смазливая дама постоянно усмѣхалась на всѣ любезности Александра и выразительно прищуривала масляные глаза свои. Такимъ образомъ все шло, какъ нельзя лучше; но нежданно приблизилось роковое событіе, странно заключившее пребываніе Александра въ домѣ сосѣда. Разъ уже поздно вечеромъ Александръ сидѣлъ съ смазливой дамой на балконѣ и велъ съ нею живую бесѣду. Дверь, ведущая на балконъ изъ дому, была отворена, и въ смежной комнатѣ медленно и глубокомысленно расхаживалъ супругъ смазливой дамы. Вдругъ до его слуха достигло нѣсколько нѣжныхъ словъ. Онъ сильно заморгалъ усами и направилъ шаги свои на балконъ. Смазливая дама освободила свою руку отъ руки овладѣвшаго ею Александра и, при появленіи супруга, поспѣшно вышла съ балкона. Александръ, смущенный, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Сосѣдъ остановился передъ нимъ, закинувъ руки за спину и разставивъ свои массивныя ноги. Онъ молчалъ, выпучивъ глаза на Александра и сильно моргая усами.

Прекрасный вечеръ, произнесъ Александръ.

Сосѣдъ молчалъ.

— Пріятный воздухъ.

Сосѣдъ молчалъ.

— Очень удобное время для ѣзды, началъ опять Александръ въ совершенномъ смущеніи, — я намѣренъ сейчасъ ѣхать.

— Извольте, произнесъ сосѣдъ обычнымъ густымъ голосомъ.

Александръ вышелъ съ такимъ видомъ, какъ будто не слыхалъ ничего, кромѣ весьма обыкновенной любезности гостепріимнаго хозяина, и приказалъ заложить

и подать свои пролетки. Александръ сидѣлъ теперь одинъ въ залѣ, нетерпѣливо ожидая своихъ пролетокъ. Ни хозяйка, ни хозяинъ не являлись къ нему. Когда пролетки Александра загремѣли у крыльца, передъ нимъ появился наконецъ сосѣдъ. Онъ сохранялъ обычную важность и суровую медленность движеній. Только брови его были необыкновенно сморщены и усы моргали чаще и сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Молодой человѣкъ, началъ онъ, по видимому, желая произнести рѣчь, я имѣю уже третью жену, я опытенъ...

Александръ, какъ ловкій тактикъ, воспользовался медленностію непріятеля и спѣшилъ перебить слова сосѣда, въ которыхъ, по какому-то предчувствію, не предполагалъ ничего лестнаго для себя.

До пріятнаго свиданія, сказалъ онъ неожиданно, схвативши его руку, и, сильно пожавъ ее, поспѣшно повернулся и вышелъ.

— Не желаю, успѣлъ только отрывочно произнести въ слѣдъ ему медленный сосѣдъ, озадаченный проворствомъ Александра.

— Досадно однакожъ, что все это кончилось такъ неожиданно, думалъ Александръ, покачиваясь въ пролеткахъ по дорогѣ въ Березово среди мрака поздняго вечера; какъ это я такъ неосторожно, и этотъ усачь, казалось бы, такой чурбакъ, а тотчасъ же услыхалъ... вишь усами-то разморгался... экое животное, вотъ отвратительный, — быкъ просто!

Александръ начиналъ думать о смазливой дамѣ, потомъ опять о противномъ толстякѣ, досадовалъ на себя, ругалъ его и наконецъ, доѣхавши до Березова, отправился прямо въ постель и уснулъ богатырскимъ сномъ. Когда онъ проснулся на другое утро, смазливая дама и отвратительный толстякъ и все, какъ еще

съ вечера казалось ему, очень печальное приключеніе, совершенно изчезли изъ его памяти. Александръ теперь опять собрался къ Ольгѣ Петровнѣ и наконецъ ему удалось выѣхать и доѣхать къ ней.

Прошло уже довольно дней съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Левинъ. Какъ ни была жива и искренняя печаль Сонички, она скоро притупилась; Левинъ своимъ рѣшительнымъ и строгимъ поведеніемъ не оставилъ въ душѣ Сонички никакихъ надеждъ, никакихъ мечтаній, которыя могли бы питать и поддерживать эту печаль. Терзающая, томительная грусть Сонички скоро стихла и перешла въ скуку; для ея живой натуры явились возможность и желаніе развлеченій и разсѣяній. Появленіе въ домѣ Ольги Петровны молодаго, беззаботнаго, веселаго, живаго Александра было теперь, какъ нельзя болѣе, кстати.

Ольга Петровна сидѣла въ гостиной съ какою-то книгою въ рукахъ. Соничка здѣсь же шила въ пяльцахъ. Лице ея уже было свѣжѣе, чѣмъ въ первые дни послѣ отъѣзда Левина, хотя еще не было на немъ яркаго играющаго румянца. Блеро, лежавшій свернувшись у ногъ ея, вдругъ вскочилъ и съ звонкимъ лаемъ бросился въ залъ; тамъ раздавались чьи-то шаги, и Блеро продолжалъ лаять, пятясь назадъ въ гостиную, въ дверяхъ которой появился и раскланивался Александръ. Онъ подходилъ къ Ольгѣ Петровнѣ и говорилъ что-то, цѣлуя ея руку; но Блеро, забившійся теперь подъ стулъ Сонички, заливался такимъ громкимъ лаемъ, что нельзя было разслышать ни одного изъ словъ Александра. Ольга Петровна также говорила что-то и, судя по взорамъ, обращеннымъ ею на Соничку, вѣроятно, знакомила съ ней Александра; но лай Блеро, какъ звонокъ, заглушалъ слова ея. Соничка, улыбаясь, пожала руку Александра. Покинувши

работу, она топнула ногой и махнула на Блеро своимъ платкомъ; Блеро пересталъ лаять и, улегшись подъ стуломъ, по временамъ опять начиналъ ворчать и скалить зубы.

— Гдѣ-жъ вы это пропадали, Александръ? говорила Ольга Петровна. Я думала, вы поспѣшите утѣшить насъ въ отъѣздѣ Константина Сергѣевича, и давно ждала васъ. Я уже посылала и въ Березово узнать, что съ вами дѣлается; но тамъ сказали, что вы куда-то уѣхали. Гдѣ-жъ вы это были?

— Я былъ у сосѣда, отвѣчалъ Александръ запинаясь, и совершенно смѣшался и покраснѣлъ.

— У какого сосѣда? спрашивала Ольга Петровна.

— Не знаю, право, у какого, отвѣчалъ Александръ,— вотъ тутъ на половинѣ дороги къ вамъ... Онъ такой толстый и высокій и все усами моргаетъ.

Ольга Петровна тотчасъ догадалась, о комъ говорилъ Александръ. Чудакъ сосѣдъ былъ извѣстенъ во всемъ околодкѣ. — Знаю, знаю, у кого вы были, смѣясь говорила она. Что-жъ вы дѣлали тамъ всѣ эти дни?

Александръ не нашелся, что отвѣчать; онъ страшно покраснѣлъ и совершенно растерялся, когда глаза его случайно встрѣтились въ эту минуту со взглядомъ Сонички.

— Покраснѣли? говорила Ольга Петровна; теперь все знаю; влюбились тамъ, молодой человѣкъ, вижу что влюбились. И она громко смѣялась.

Александръ совершенно смутился.

— Въ кого-жъ это? продолжала Ольга Петровна,— тамъ только и есть одна дама съ масляными глазами. Ахъ, Александръ, знаете ли вы, она страшно глупа?

Ольга Петровна смѣялась такъ искренно и долго, что Соничка невольно начала вторить ей, и теперь въ первый еще разъ послѣ отъѣзда Левина зазвучалъ опять

въ домѣ ея звонкій дѣтскій смѣхъ. Услыхавши его, Блеро вскочилъ съ своего мѣста, сталъ на заднія лапы, опершись передними на колѣна Сонички, и смотрѣлъ ей въ глаза, махая хвостомъ. — Соничка поласкала рукою его мягкую волнистую шерсть, погладила его морду, и Блеро самодовольно облизнулся и началъ, гремя когтями, бѣгать и нюхать по угламъ и подъ креслами съ живостію, которая было давно уже изчезла въ немъ. Ольга Петровна продолжала подшучивать надъ Александромъ, который наконецъ оправился отъ смущенія и смѣялся вмѣстѣ съ нею, припоминая сосѣда и его смазливую супругу. Онъ весьма удачно и забавно представлялъ, какъ ходитъ, сидитъ и говоритъ глубокомысленный толстякъ, какъ онъ морщитъ брови, трубитъ на своемъ носу, пучитъ глаза и какъ выразительно моргаетъ усами. Дамы остались вполнѣ довольны этими представленіями. Не разъ опять при этомъ раздавался смѣхъ Сонички, и дѣтская ея веселость была снова возвращена ей, и румянецъ снова игралъ на кроткомъ лицѣ ея. Кончивши свои представленія, Александръ обратилъ вниманіе на Блеро, который сновалъ подъ креслами.

Славная шерсть, говорилъ онъ, глядя на него, — прекрасная собака, какія уши и морда.

— А хвостъ? сказала Соничка, всегда желавшая, чтобы любимымъ ею существамъ отдавали полную справедливость, не оставляя незамѣченымъ какое нибудь изъ ихъ достоинствъ. Вы посмотрите, какой пушистый, продолжала она, и, покинувши пяльцы, быстро поднялась со стула, поймала и вытащила изъ-подъ кресель Блеро и, лаская на рукахъ своихъ, поднесла его къ Александру. Видите? А глаза какіе! Милый, милый Блеро, чудесный Блеро! и Соничка продолжала ласкать и гладить самодовольно облизывавшуюся собаченку.

— Должно быть умная собака, замѣтилъ Александръ.

— Преумная, преумная, подхватила Сонична, удивительно умная, и она привела нѣсколько очень поразительныхъ доказательствъ ея ума: разсказала, какъ Блеро прячетъ сухари и косточки въ землю, для того, чтобы съѣсть ихъ, когда будетъ голоденъ, какъ умѣетъ увернуться и скрыться отъ большихъ собакъ, какъ онъ вздыхаетъ и даже иногда прослезится, если замѣтитъ, что на него сердиты—и еще многое другое. Александръ съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказы Сонички, началъ весьма горячо сочувствовать всѣмъ достоинствамъ Блеро, вполнѣ понималъ и раздѣлялъ расположеніе Сонички къ нему. Блеро позволилъ ему поласкать себя и, спокойно облизываясь, смотрѣлъ на него весьма снисходительно. Соничка и Александръ рѣшительно согласились въ мнѣніяхъ о Блеро и остались вполнѣ довольны другъ другомъ. Александръ скоро вошелъ во всѣ интересы Сонички, началъ раздѣлять съ ней всѣ ея забавы и занятія, къ которымъ въ этотъ же день обратилась она, оживленная присутствіемъ живаго и участвующаго товарища. Въ этотъ же день, какъ-будто ожилъ весь маленькій деревенскій міръ, дождавшись наконецъ появленія, ласки и улыбки своего добраго генія. Въ этотъ же день Соничка вспомнила о своихъ цвѣтахъ, и смущенная до слезъ, когда увидѣла, какъ они опустили листы и поникли на стебляхъ своихъ, она освѣжала ихъ водою съ горькимъ упрекомъ самой себѣ. Въ этотъ же день стая голубей опять жадно клевала зерна, сыпавшіяся изъ рукъ Сонички, которая весело улыбалась, глядя, какъ суетились, перепархивали и переваливались на своихъ красныхъ и мохнатыхъ лапкахъ ея пестрые питомцы. Садовникъ, увидавши наконецъ Соничку, съ

которой онъ привыкъ каждый день перемолвить нѣсколько словъ о цвѣтахъ, кустарникахъ и всѣхъ событіяхъ въ подвѣдомственномъ ему растительномъ царствѣ, потерялъ овладѣвшую было имъ сонливость и съ жаромъ началъ подрѣзывать и разчищать кусты, полоть негодную траву, подвязывать рослыя и гибкія растенія, уже павшія на землю своими стеблями. Перекрестилась обрадовавшаяся слѣпая старуха, когда въ ушахъ ея опять зазвучалъ привѣтъ Сонички: здравствуй бабушка. Радостно закричала, зашумѣла и закружилась въ слѣдъ за Соничкой толпа дѣтей, когда она, провожаемая Александромъ, проходила черезъ дворъ къ своей лошади. Громко и весело заржала лошадь, завидѣвши Соничку, и протянула къ ней голову въ рѣшетку своего стойла, и Соничка ласкала и гладила ее и нѣсколько разъ повторяла Александру вопросъ: какова лошадка? — Александръ былъ неистощимъ въ похвалахъ и восторгахъ. Соничка, простившись съ лошадью, шла теперь опять своей прежней смѣлой походкой, будто погордѣвшая. Головка ея была приподнята, глаза блистали, румянецъ игралъ на кроткомъ лицѣ, улыбка была полна радости, и во всемъ ея существѣ было столько довольства и счастія, что что-то свѣтлое и отрадное сообщалось душѣ всякаго, кто встрѣчался съ нею и никто не могъ пройти мимо Сонички, не остановясь или не провожая ее глазами. Вечеромъ этого же дня, давно удерживаемая цѣпью лодка несла по рѣкѣ Соничку и Александра, рѣшительно не умѣвшаго владѣть весломъ. Лодка то шла бокомъ, то начинала кружиться, то пятилась назадъ, то упиралась въ берегъ. Иногда Александръ слишкомъ глубоко опускалъ весло въ воду и слишкомъ быстро поднимая его изъ воды, обдавалъ Соничку цѣлымъ дождемъ брызгъ. Соничка кричала,

смѣялась надъ неловкостію Александра и учила его править весломъ не безъ пріятнаго чувства своей опытности и своего превосходства надъ Александромъ. Возвратившись съ этой прогулки, Соничка сѣла за давно уже безмолствовавшій рояль, и Александръ, не имѣвшій рѣшительно никакого голоса, началъ пѣть вмѣстѣ съ нею. Пѣніе ихъ никакъ не ладилось; они перебрали одну за одной множество партій, каждую начинали пѣть и не кончивши ея, съ надеждою на лучшій успѣхъ, переходили къ другой. Тѣмъ не менѣе, сдѣлавши опытъ надъ всѣми партіями, какія только нашлись въ запасѣ у Сонички, они остались довольны другъ другомъ и своимъ музыкальнымъ вечеромъ. Ольга Петровна не могла не радоваться совершившеюся въ Соничкѣ перемѣною и просила Александра ежедневно посѣщать домъ ея. Александръ уѣхалъ въ Березово поздно вечеромъ, совершенно влюбленный въ Соничку. Онъ пріѣхалъ домой и легъ въ постель, ни минуты не переставая думать о ней, припоминать ея слова, голосъ, движенія; онъ рѣшительно млѣлъ и таялъ отъ своихъ мечтаній. Все это однако же не помѣшало ему сильно захрапѣть, какъ только онъ склонился на свою подушку, и спать безпробудно до самаго утра крѣпкимъ, несмущаемымъ никакими видѣніями сномъ.

Соничка, оставшись въ своей спальнѣ, не сидѣла, задумавшись въ креслахъ, какъ въ предшествовавшіе дни. Надѣвши кофточку и чепчикъ, она скоро преклонилась передъ образомъ, дѣтская ея молитва была коротка, и слезы не туманили свѣтлаго взгляда, поднятаго на образъ. Она тихо вздохнула о чемъ-то, поднявшись съ колѣнъ; но вздохъ этотъ не былъ уже ни глубокъ, ни тяжелъ; она направила легкіе шаги къ постели; но, проходя мимо зеркала, остановилась и съ улыбкой посмотрѣлась въ него. Улыбаясь, легла

она въ постель, улыбаясь смежила глаза — и тихо спало прекрасное дитя, и улыбка во всю ночь не покидала кроткаго лица его.

Александръ на другой же день поспѣшилъ къ Ольгѣ Петровнѣ и остался гостить въ ея домѣ. Онъ отъ утра до вечера былъ неразлучно съ Соничкой; онъ провожалъ ее въ прогулкахъ, трясся за нею верхомъ, когда она скакала на своей лошади, поливалъ ея цвѣты, держалъ на рукахъ своихъ мотки шерсти, которую она мотала въ клубки, чесалъ и кормилъ ея Блеро, отворялъ и запиралъ, по приказанію Сонички, ея рояль, переворачивалъ листы нотъ, когда она играла или пѣла, старался угадывать и предупреждать всѣ ея маленькія желанія, при чемъ, влюбленный и разсѣянный, нерѣдко дѣлалъ промахи, возбуждавшіе веселость и насмѣшки Сонички. Онъ рѣшительно сдѣлался другимъ Блеро въ свитѣ ея: какъ онъ, повсюду слѣдовалъ за ней, какъ онъ, смотрѣлъ ей въ глаза, какъ онъ начиналъ хандрить, если ему казалось, что его забывали или не замѣчали.

Нѣсколько дней уже гостилъ Александръ у Ольги Петровны. Проходили уже послѣдніе дни Августа. Однажды Соничка гуляла въ саду. Александръ и Блеро слѣдовали за ней. День былъ не жаркій; тучки бродили по небу и постоянно скрывали солнце. Листы деревъ уже потеряли свѣжесть и начинали желтѣть и краснѣть; въ воздухѣ можно было ужъ чувствовать дыханіе близкой осени. Соничка сѣла на скамью подъ липою; Александръ остановился возлѣ нея; Блеро легъ у ея ногъ. Соничка сорвала нѣсколько пожелтѣвшихъ листьевъ съ вѣтвей липы, нависшихъ надъ ея головою. Она пересматривала и переворачивала ихъ въ рукахъ своихъ.

Ужъ пожелтѣли, говорила она, а давно ли мы гуляли здѣсь съ Контантиномъ Сергѣевичемъ — все было такъ зелено.

Лице Сонички опечалилось.

Пожелтѣли, продолжала она, смотря на листья, — и скоро наступитъ эта страшная осень: небо вѣчно покрыто тучами, — вѣтеръ, дождь, грязь — ни цвѣтовъ, ни зелени, ни солнца, и сиди себѣ въ заперти — какая тоска, какъ это ужасно!

Блеро печально завизжалъ, отряхнувшись ушами отъ напавшей на него мухи. Александръ испустилъ глубокій вздохъ...

Ужасно, повторилъ онъ вслѣдъ за Соничкою. Онъ былъ рѣшительно растроганъ. — Ужаснѣе всего, сказалъ онъ, что вмѣстѣ съ прекрасными, свѣтлыми днями я долженъ проститься и съ вами, съ вами, Соничка. Соничка, говорилъ онъ, возвысивъ голосъ, и въ волненіи вдругъ сѣлъ на скамью возлѣ Сонички, схватилъ и поцѣловалъ ея руку; Соничка! я люблю васъ, я не могу жить безъ васъ.

Раздался громкій, звонкій хохотъ Сонички. Она быстро отняла у Александра свою руку и прыгала и бѣжала по аллеѣ къ дому, оглашая садъ звонкимъ смѣхомъ. Начинавшій дремать Блеро вскочилъ и пустился слѣдомъ за Соничкой, сильно размахивая курчавыми и длинными ушами своими. Александръ остался одинъ на скамьѣ и въ смущеніи и досадѣ разсматривалъ желтые листы, брошенные Соничкою на землю.

Смѣется, убѣжала, думалъ онъ, — уѣду, сей часъ же уѣду и не прощусь съ нею и въ домъ не войду.

Онъ съ рѣшительнымъ видомъ поднялся со скамьи и шелъ по аллеѣ скорыми и большими шагами, но, приближаясь къ дому, онъ пошелъ медленнѣе и казался опять очень смущеннымъ.

Нельзя такъ уѣхать, размышлялъ онъ: что подумаетъ Ольга Петровна? и онъ вошелъ въ домъ.

Соничка уже успѣла сообщить сцену въ саду Ольгѣ Петровнѣ, и обѣ онѣ теперь встрѣтили Александра дружнымъ смѣхомъ. Смущенный Александръ хотѣлъ разсердиться; но разсмѣялся вмѣстѣ съ ними. Онъ уже совершенно забылъ свое намѣреніе немедленно уѣхать — и продолжалъ гостить въ домѣ Ольги Петровны, по прежнему состоя вмѣстѣ съ Блеро въ свитѣ Сонички. Оставшись одна въ своей комнатѣ, вечеромъ того дня, въ который Александръ объявилъ, что не можетъ жить безъ нея, Соничка думала: какой чудакъ этотъ Александръ! Не могу жить безъ васъ!... Она подошла къ зеркалу и, съ улыбкой смотрясь въ него, продолжала думать: зачѣмъ говорилъ онъ это? будто и въ самомъ дѣлѣ онъ не можетъ жить безъ меня?... Какой онъ право забавный!

Соничка улыбаясь отвернулась отъ зеркала и сѣла въ кресло.

Хорошіе у него глаза, припоминала и думала теперь она, большіе, голубые... а у Константина Сергѣевича глаза.... нѣтъ Богъ съ ними!.... Иногда посмотрятъ такъ, что станетъ страшно и неловко возлѣ него, и что такое было въ немъ, въ Константинѣ Сергѣевичѣ? Кажется, какъ — будто и добрый и хорошій такой, а все что-то.... ну, да Богъ съ нимъ!

Дѣтскій вздохъ Сонички раздался среди глубокой ночной тишины. Она встала съ креселъ.

У Александра, думала она опять, глаза всегда такіе добрые, мнѣ съ нимъ никогда не бываетъ неловко... хорошій онъ, мнѣ съ нимъ весело, какъ я рада, что онъ еще пробудетъ съ нами. Только какой онъ забавный: не могу жить безъ васъ.... Зачѣмъ это онъ сказалъ? Люблю, говоритъ, васъ... гмъ....

чудакъ право этотъ Александръ. Соничка задула свѣчу и легла въ постель, продолжая раздумывать.

Наступила и длилась осень. Александръ нѣсколько разъ сбирался уѣхать изъ деревни и продолжалъ жить тамъ. Въ продолженіе этого времени, онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай снова объяснять Соничкѣ, что онъ ее любитъ и не можетъ жить безъ нея. Соничка иногда начинала смѣяться и убѣгала при такомъ объясненіи, иногда же она старалась показать, что не слыхала его, прерывала слова Александра разными вопросами, или начинала разговоръ, совершенно сбивавшій Александра съ желаннаго пути, когда онъ еще едва успѣлъ попасть на него. Соничка съ тайною радостію, въ которой не признавалась самой себѣ, начала замѣчать, какъ беззаботный и живой Александръ иногда дѣлался смущенъ и разсѣянъ, какъ не ровенъ становился нравъ его, какъ ея слово, взглядъ, улыбка, движеніе ея бровей могли мрачить и просвѣтлять его, счастливить или повергать его въ глубокое уныніе. Она замѣчала, какъ Александръ все болѣе и болѣе терялъ власть надъ собою, какъ онъ сдѣлался полнымъ покорнымъ рабомъ ея, и она наконецъ поняла наслажденіе власти, конечно сама не сознавая того. Случалось, Александръ бывалъ пасмуренъ. Что вы хмуритесь? Я хочу, чтобы вы были веселы, говорила Соничка, пристально взглянувъ въ глаза его, и Александръ улыбался и дѣлался веселъ. Завтра, не рѣдко говорилъ Александръ, я непремѣнно прощаюсь съ вами и уѣзжаю. Вы не поѣдете, мелькомъ отвѣчала Соничка, начиная разговоръ съ Ольгой Петровной или начиная шалить съ своимъ Блеро, и Александръ не смѣлъ болѣе заикнуться о своемъ отъѣздѣ. Пойте, говорила Соничка, садясь за рояль и раскладывая передъ собою ноты. — Не могу, я никогда не пробовалъ этого

пѣть, отвѣчалъ Александръ, всматриваясь въ ноты. — Пойте, спокойно повторяла Соничка — и Александръ начиналъ пѣть. — Довольно, прерывала его Соничка, я бы не смѣла рта открыть съ вашимъ голосомъ—и она смѣялась отъ всей души, и смущенный Александръ умолкалъ. Случалось, что Соничка, какъ капризное дитя, забавлялась своею властію надъ Александромъ. Принесите мнѣ стаканъ воды, говорила она. Александръ приносилъ воду. Что это? — говорила Соничка,—я просила лимонада. Александръ извинялся и въ смущеніи бросался за лимонадомъ.—Постойте, постойте, дайте сюда хоть воду, и Соничка медленно пила изъ стакана, улыбаясь и смотря на Александра.

Выпалъ первый снѣгъ.

— Вотъ наконецъ санный путь, сказалъ Александръ Соничкѣ, завтра я непремѣнно уѣзжаю.

— Вы не поѣдете, отвѣчала Соничка, сидѣвшая за пяльцами, и начала продѣвать гарусъ въ ушко иглы.

— Непремѣнно поѣду, рѣшительнымъ голосомъ отвѣчалъ Александръ, очень смѣло смотря на Соничку.

Соничка отвела глаза свои отъ иглы, на которую пристально смотрѣла, и вопросительно взглянула на Александра, какъ будто изумляясь смѣлости, съ которой онъ рѣшился противорѣчить ей.

— Непремѣнно поѣду, отвѣчалъ Александръ въ отвѣтъ на этотъ взглядъ.

Соничка склонилась надъ пяльцами: каковъ! думала она, какъ храбрится! Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. А что, если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился уѣхать? думала Соничка, и она вспыхнула и подняла взоръ на Александра. Такъ вы поѣдете? спросила она.

— Непремѣнно поѣду, опять рѣшительнымъ голосомъ и съ смѣлымъ взоромъ отвѣчалъ Александръ.

— Прекрасно, поѣзжайте, и Соничка, желая скрыть овладѣвшее ею волненіе, склонилась надъ пяльцами и прилѣжно начала шить въ нихъ. Скоро однакожъ она оставила иглу и спросила Александра: зачѣмъ же вы хотите ѣхать?

— Уѣду, говорилъ Александръ, непремѣнно уѣду. Зачѣмъ я здѣсь остаюсь? Вы только шутите, забавляетесь мною, какъ ребенкомъ, а я сколько разъ говорилъ вамъ, что не могу жить безъ...

— Поѣдемте кататься на саняхъ, прервала его Соничка, оставляя пяльцы и вставши съ мѣста.

Александръ также поднялся съ своего стула съ такимъ сильнымъ движеніемъ, что онъ заскрипѣлъ и отшатнулся назадъ.

— Зачѣмъ я останусь здѣсь, продолжалъ онъ въ волненіи, возвышая дрожащій голосъ свой, — если бы вы хоть сколько-нибудь любили меня...

— Александръ, Александръ, поспѣшно произносила Соничка, услышавши чьи-то шаги въ смежной комнатѣ, и яркая краска покрыла лице ея, и она бросала на него смущенные и безпокойные взгляды. — Мы будемъ кататься по льду; дорога еще не накатана и по ней не хорошо въ саняхъ, силилась громче и громче говорить она.

— Если бы вы сколько нибудь меня..., началъ опять Александръ и остановился, замѣтивши вошедшую Ольгу Петровну.

— Ступайте же, велите скорѣе запрягать лошадей, сказала Соничка, и Александръ вышелъ.

Какая я, право, негодная, раздумывала Соничка вечеромъ этого же дня, оставшись одна въ своей спальнѣ. Сколько я шутила и смѣялась надъ Александромъ; и съ чего я взяла такъ дѣлать?... Кто бы

ни былъ на его мѣстѣ — потерялъ бы терпѣніе... Я не могу жить безъ васъ... можетъ быть, онъ это и правду говоритъ. Дура я! Онъ такой славный. Нѣтъ, я больше не стану шутить надъ нимъ... Пожалуй онъ и въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не стану шутить! Что я буду дѣлать, когда онъ уѣдетъ? Мнѣ будетъ скучно, ужасно будетъ скучно. Соничка легла въ постель. Что если онъ и въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ? думала она ужъ съ закрытыми глазами. Нѣтъ, я не буду шутить, и Соничка уснула.

Съ этого дня Соничка еще болѣе сблизилась съ Александромъ. Она не потеряла надъ нимъ своей власти, но не старалась ни выказывать ее, ни забавляться ею. Она сдѣлалась гораздо ласковѣе и внимательнѣе къ Александру. Ей было съ нимъ легко, свободно. Возлѣ него никогда не испытывала она того тягостнаго и непонятнаго ей самой чувства, того смущенія, которыя порой овладѣвали ею, когда она была съ Левинымъ и замѣчала его отталкивающій или бродячій взоръ, слушала его отрывистыя или непрямыя, будто чего-то недосказывающія рѣчи. Александръ не принесъ ничего новаго въ жизнь Сонички; онъ не сдѣлалъ ея ни шире, ни разнообразнѣе, ни занимательнѣе. Онъ только принялъ участіе во всемъ, чѣмъ жила уже Соничка. Онъ не принесъ ей ничего, кромѣ самаго себя, но себя онъ принесъ всего, вполнѣ, безъ раздѣленія, безъ думъ, безъ оглядки, безъ всякаго ограниченія— и Соничка начала вѣрить, что Александръ въ самомъ дѣлѣ не можетъ жить безъ нея, и полюбила своего вѣрнаго товарища, и сосредоточила на немъ всѣ свои думы, заботы и ласки, и предалась ему всею чистой душой своей. Беззаботный Александръ наслѣдовалъ теперь всѣ ея неистощимыя сокровища, которымъ такъ зналъ цѣну и отъ которыхъ отрекся Левинъ. Алек-

сандръ не думалъ ихъ цѣнить, онъ только владѣлъ ими и былъ счастливъ.

Длилась зима; наступилъ уже Мартъ. Александръ давно перестал думать о своемъ отъѣздѣ и почти безвыѣздно гостилъ въ домѣ Ольги Петровны, которая начала понимать его отношенія къ Соничкѣ и сдѣлалась задумчивою, казалась озабоченною; въ доброй и простой душѣ ея завязалась теперь борьба; она радовалась, что въ Соничкѣ изчезли всѣ слѣды грусти о Левинѣ, что ей предстоитъ возможность счастія съ преданнымъ ей товарищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла безъ боли въ сердцѣ рѣшительно и навсегда отказаться отъ желанія, съ которымъ было свыклась она, отъ надежды — когда нибудь увидѣть Левина счастливымъ съ ея Соничкою. Неужели этому не бывать, часто думала она, неужели моя надежда была сномъ? и Ольга Петровна напрасно старалась подавить грусть, овладѣвшую душой ея.

Въ одинъ вечеръ она читала въ своемъ кабинетѣ. Соничка вошла къ ней; она обняла Ольгу Петровну и, смотря ей прямо въ глаза, сказала: ma tante, мнѣ нужно вамъ сказать что-то.

— Что, мой другъ? спросила Ольга Петровна.

— Александръ любитъ меня, продолжала Соничка, все смотря прямо въ глаза Ольгѣ Петровнѣ.

Ольга Петровна молчала.

— Я также люблю его, продолжала Соничка. Нынче онъ сказалъ, что будто бы онъ долженъ уѣхать отсюда. Ему не надо уѣзжать, ma tante; я сказала ему, что онъ останется здѣсь. Скажите и вы ему тоже, ma tante. Соничка опять крѣпко обняла Ольгу Петровну,—что-жъ вы молчите? говорила она; скажете вы, чтобы онъ оставался здѣсь? Я позову его, и Соничка уже обратилась къ двери.

— Постой, Соня, послѣ, послѣ, сказала Ольга Петровна.

Соничка, казалось, была изумлена отвѣтомъ Ольги Петровны. Послѣ? повторила она, отъ чего послѣ?

Ольга Петровна была въ большомъ замѣшательствѣ. Послѣ, Соничка, опять сказала она, теперь я не могу... Мнѣ надо остаться одной, Соничка.

— Вы здоровы, ma tante? и Соничка пристально смотрѣла на Ольгу Петровну.

— Здорова, Соня. У меня есть дѣло: мнѣ надо остаться одной.

— Ну прощайте. Такъ вы скажете послѣ? говорила Соничка.... Когда же вы скажете, ma tante? Завтра? Да?

— Прощай, Соня. Ольга Петровна крѣпко обняла и поцѣловала Соничку.

— Ну прощайте, говорила Соничка, выходя изъ кабинета, и, остановившись въ его дверяхъ, она еще разъ обратилась къ Ольгѣ Петровнѣ и сказала: такъ завтра, ma tante? Прощайте, и Соничка затворила за собою двери.

Оставшись одна, Ольга Петровна въ глубокомъ раздумьи расхаживала по своему кабинету до поздняго часа ночи. И такъ завтра, завтра, думала она; я не могу, не должна ничего имѣть противъ этого союза. Лампа, зажженная на столѣ кабинета, едва уже освѣщала большую комнату. Ольга Петровна вынула изъ бюро портретъ Левина, поднесла его къ лампѣ и нѣсколько минутъ смотрѣла на него. Потомъ она съ глубокимъ вздохомъ положила портретъ опять въ бюро и, отерши платкомъ глаза, вышла изъ кабинета.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Деревня Левина, въ которую онъ отправился изъ Березова, находилась въ очень глухой сторонѣ. Прежніе ея владѣльцы никогда не жили въ ней, даже весьма рѣдко посѣщали ее. Левинъ помнилъ, что въ дѣтствѣ часто слыхалъ о скукѣ и уединеніи этой деревни и, пріѣхавши изъ Березова на первую станцію, онъ раздумывалъ, покуда перепрягали лошадей въ его коляскѣ, ѣхать ли туда, или направить свой путь куданибудь въ другую сторону. Впрочемъ, рѣшилъ онъ подумавши, по чему не ѣхать и туда? — посмотримъ, что тамъ за скучное мѣсто — и Левинъ, равно благосклонный ко всякимъ мѣстамъ, какъ ко всякимъ занятіямъ и лицамъ, направилъ путь свой въ дальную деревню. Двое сутокъ со станціи на станцію неслась его коляска, и передъ глазами Левина потянулись давно уже скошенныя, изсохшія, желтовато-сѣрыя степи, въ дали на горизонтѣ сѣрою чертою сливавшіяся съ краями неба; нигдѣ — ни рощи, ни горы, ни рѣки. Среди безконечной и пустынной равнины вставали только иногда невысокіе курганы, поросшіе полынью и почернѣвшимъ бурьяномъ, мелькали потемнѣвшіе скирды убраннаго сѣна, да разсыпались черныя кучки земли, длинными рядами нарытыя кочкороемъ по степному простору. Чайки поднимались изъ изсохшей травы и, перелетывая вслѣдъ за несущеюся коляскою Левина, оглашали степь тоскливыми криками. Однообразная и мертвая пустыня изсохшихъ степей не наво-

дила скуки на Левина. Его устремляющемуся вдаль взору былъ здѣсь полный просторъ, а безконечность и безбрежность пустыни были по душѣ идеалисту. Тѣмъ не менѣе однако же Левинъ начиналъ чувствовать усталость отъ долгой ѣзды, а постоянное созерцаніе разстилающейся пустыни до того утомило его зрѣніе, что онъ невольно начиналъ закрывать глаза свои, чтобы дать имъ отдыхъ. Былъ уже вечеръ; заходящее солнце бросало по сѣроватой пустынѣ послѣдніе яркіе лучи свои. Левинъ завидѣлъ на далекой скирдѣ черную точку, и когда его коляска поравнялась съ ней, онъ узналъ большаго чернаго орла, который съ высокой скирды окидывалъ спокойнымъ и задумчивымъ взглядомъ пустынную степь, далекое небо и заходящее солнце: Левинъ съ глубокимъ сочувствіемъ остановилъ на немъ взоръ свой; коляска мчалась; Левинъ не отрывалъ утомленныхъ глазъ отъ чернаго орла. Привѣтствую тебя въ моей пустынѣ, достойный товарищъ, сказалъ ему орелъ, величественно озирая его, пари, какъ я, и гордо созерцай до послѣдней минуты твоей. Коляска сильно пошатнулась на рытвинѣ, попавшейся на дорогѣ, и Левинъ проснулся. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Была уже ночь и непроницаемый мракъ скрывалъ отъ него пустыню. Онъ поднялъ взоръ вверхъ; темь и мракъ были на небѣ. Вдругъ выглянула изъ-за тучъ блѣдная луна и, бросивши свѣтлый лучь въ глаза Левина, мгновенно скрылась опять за тучи. Левинъ затрепеталъ: ему почудилось, что блѣдное дитя взглянуло прямо въ глаза его. Пошелъ, пошелъ, закричалъ онъ ямщику, съ тоскою блуждая взоромъ во мракѣ, скрывавшемъ пустыню, и сонъ не смежалъ болѣе утомленныхъ глазъ его.

Долго Левинъ ѣхалъ степями и наконецъ на пятыя сутки по выѣздѣ своемъ изъ Березова, когда его ко-

ляска спускалась съ небольшаго пригорка, онъ увидѣлъ узенькую полосу воды, окаймленную густымъ камышомъ и извивавшуюся по неширокой долинѣ, стлавшейся между двухъ рядовъ низкихъ холмовъ. Вдали виднѣлась мѣльница, и узкая полоса воды близъ нея превращалась въ широкій прудъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки были раскинуты бѣлыя, вымазанныя глиною избы. Коляска Левина промчалась черезъ село и остановилась у крыльца длиннаго и низкаго дома, стоявшаго въ дворѣ, окруженномъ кирпичною оградою. Обвалившаяся штукатурка стѣнъ этого дома, красная уже полинявшая краска его желѣзной крыши, полусгнившія ступени крыльца и запертые ставни, печать ветхости и запустѣнія, лежавшая на немъ, произвели очень непріятное впечатлѣніе даже на душу Левина, привыкшаго ко всякимъ впечатлѣніямъ. Домъ былъ запертъ; на крыльцѣ, свернувшись клубкомъ, лежала лягавая собака, изсохшая и облезшая отъ старости. Увидѣвши передъ собою коляску, она торопливо вскочила на свои дрожащія ноги, залаяла хриплымъ лаемъ и завыла тѣмъ пронзительнымъ и протяжнымъ воемъ, который, раздаваясь въ ночной тиши, наводитъ ужасъ на пробуждающихся отъ сна людей и пророчитъ недобрыя, роковыя событія. Алексѣй, сидѣвшій рядомъ съ Левинымъ, былъ рѣшительно смущенъ этимъ воемъ. Онъ поспѣшно выскочилъ изъ коляски.

Вишь какъ воетъ проклятая, сказалъ онъ и ударилъ ногою старую собаку. Собака съ визгомъ бросилась съ крыльца. Въ одной изъ избъ, расположенныхъ по двору, поднялось окно и въ него высунулась какая-то голова, съ тупымъ удивленіемъ смотрѣвшая на пріѣзжихъ.

Чего ротъ разинулъ? ступай сюда! закричалъ ей

Алексѣй. Голова изчезла изъ окна. Алексѣй подбѣжалъ къ избѣ и сказалъ нѣсколько словъ въ окно. Черезъ минуту изъ избы выскочило нѣсколько женщинъ и ребятишекъ, пустившихся въ разныя стороны, а къ дому опрометью бѣжалъ съ большимъ ключемъ въ рукахъ довольно пожилой человѣкъ, напрасно стараясь на бѣгу застегнуть свой сюртукъ. По видимому, понятія двороваго человѣка объ этикетѣ ни какъ не дозволяли ему явиться предъ своимъ господиномъ съ разстегнутымъ сюртукомъ, а потому, не добѣжавъ нѣсколько шаговъ до Левина, онъ остановился и, обратившись къ нему спиной, тщательно застегнулся на всѣ пуговицы. Затѣмъ онъ опять опрометью бросился къ крыльцу, отвѣсилъ глубокій поклонъ Левину и, запыхавшись отъ бѣга, едва могъ вложить дрожащими руками ключь въ замокъ, висящій на дверяхъ дома. Со скрипомъ отворилась предъ Левинымъ дверь, и онъ вошелъ въ душныя и темныя комнаты. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ сбѣгалась толпа дворовыхъ людей; иные изъ нихъ обступили коляску и почтительно разсматривали возившагося съ сундуками и чемоданами Алексѣя, который едва удостоивалъ своимъ вниманіемъ ихъ поклоны; другіе отворяли ставни и раскрывали окна давно запертаго дома. Левинъ обошелъ всѣ комнаты и, по своему обыкновенію, окинулъ внимательнымъ взоромъ все, что встрѣчалось ему: старые раздвинувшіеся и покоробившіеся полы, перекосившіяся рамы, тусклыя зеленыя стекла оконъ, почернѣвшіе потолки, пятна, оставленныя на стѣнахъ отпадшею штукатуркою, затканные паутиною углы комнатъ и запыленную, черною кожею обитую мебель. Онъ пристально посмотрѣлъ на огромнаго Нептуна съ трезубцомъ, неизвѣстно для чего изображеннаго на одной изъ ветхихъ стѣнъ залы, и началъ слѣдить глазами за

проворно бѣгающимъ подъ стульями мышенкомъ. Среди такихъ наблюденій кончилъ этотъ день утомленный путемъ Левинъ. На другое же утро онъ осмотрѣлъ свои владѣнія и лично убѣдился, что молва о его деревнѣ была какъ нельзя болѣе справедлива. Нигдѣ не видалъ онъ ничего, кромѣ степи и гладкихъ ровныхъ полей. Дѣйствительно очень скучная деревня, думалъ онъ, возвратившись въ домъ послѣ осмотра своихъ владѣній, и дошедши своими наблюденіями до такого положительнаго результата, онъ принялся за свои книги. Левинъ цѣлые дни проводилъ въ чтеніи. Много книгъ перечелъ онъ и началъ писать какую-то политико-экономическую статью. Впрочемъ онъ скоро оставилъ ее и началъ другую о современной живописи. Не кончивши и этой, онъ началъ писать повѣсть. Въ этой повѣсти уже явилось нѣсколько прекрасно очерченныхъ лицъ, уже завязались и развивались интересныя событія, какъ вдругъ Левинъ задумался надъ нею. Созданныя имъ лица показались ему блѣдными и неживыми; событія, казалось ему, тянулись вяло и несвязно; онъ былъ недоволенъ всѣмъ написаннымъ и сжегъ всѣ листы своей повѣсти. Левинъ былъ одаренъ фантазіей, поэтическимъ чувствомъ, глубокимъ анализомъ, владѣлъ словомъ, и нерѣдко являлись къ нему и преслѣдовали его цѣлою толпою различные образы, группировавшіеся въ его фантазіи въ прекрасную художественную картину. Но ненадолго удерживали они на себѣ взоръ идеалиста. Безпощадною рукою совлекалъ онъ съ нихъ всѣ украшенія, всѣ краски и одежды, до тѣхъ поръ пока не представлялась ему нагая и мертвая мысль, дерзнувшая явиться предъ нимъ въ исполненныхъ жизни, прелести и движенія образахъ. Всегда безпокойная мысль уничтожала въ Левинѣ художника и онъ уже

внутри самаго себя умерщвлялъ еще едва зачатыхъ имъ дѣтей своего творческаго дара.

Оставивши писать статьи и повѣсть, Левинъ принялся опять за чтеніе и снова проводилъ дни надъ книгами одинъ въ ветхомъ домѣ своемъ, гдѣ единственнымъ съ нимъ сожителемъ была большая бѣлая собака изъ породы крымскихъ борзыхъ. Это было одно новое знакомство, пріобрѣтенное имъ въ степной деревнѣ. Собака привыкла и привязалась къ Левину, днемъ валялась у ногъ его или возлѣ него на канапе и креслахъ, ночью вскакивала къ нему на постель и никогда не покидала его.

Между тѣмъ давно уже длилась осень съ своими дождями, мрачнымъ небомъ, непогодою и завывающими бурями. Во все это время нерѣдко возставалъ въ воображеніи Левина прекрасный образъ Сонички, и онъ нерѣдко задумывался надъ нимъ, и тогда тревожная печаль овладѣвала имъ. Зачѣмъ вспоминаешься мнѣ ты, прекрасное дитя? думалъ онъ. Но отрекся ли я навсегда отъ тебя? и Левинъ, принимаясь за свои книги, гналъ отъ себя преслѣдующій его призракъ.

Однообразно одинъ за другимъ уходили дни Левина въ степной деревнѣ. Наконецъ съ мутнаго неба крупными хлопьями повалилъ снѣгъ и закружился въ воздухѣ и надолго накрылъ бѣлымъ покровомъ изчахнувшую среди длинной осени и замершую землю. Левинъ собрался въ путь. У крыльца ветхаго дома уже стояла кибитка, запряженная тройкою и сильная коренная, нетерпѣливо взмахивая головой, гремѣла колокольчикомъ, привязаннымъ къ дугѣ. Левинъ сидѣлъ въ залѣ дома; возлѣ него на полу была борзая собака, его вѣрный товарищъ въ глуши, и смотрѣла въ глаза ему. Она положила на его колѣна свою морду; онъ ласкалъ ее рукою: ты будешь тосковать по мнѣ,

думалъ онъ; какъ ты способна привязываться и любить.... ты лучше меня, вѣрный песъ!

Все готово, сказалъ вошедшій Алексѣй.

— Прощай и ты, подумалъ Левинъ, бросивши послѣдній взглядъ на собаку и пошелъ изъ дому.

Собака бросилась за нимъ, но ея не пустили, и Левинъ, садясь въ кибитку, слышалъ, какъ въ домѣ раздавался ея жалобный, тоскливый вой. Левинъ усѣлся въ кибиткѣ, колокольчикъ зазвенѣлъ, и она понеслась по заваленнымъ снѣгомъ, безконечнымъ степямъ и полямъ.

Послѣ долгаго пути Левинъ прибылъ въ нашу сѣверную столицу. Здѣсь всѣ, знавшіе его прежде, замѣчали, что онъ очень перемѣнился. Онъ былъ какъ-то смущенъ, всегда мраченъ или грустенъ. Загадочная улыбка не являлась на лицѣ его; взоръ его совершенно утратилъ свое обычное, гордо-спокойное выраженіе и былъ всегда тоскливымъ и бродячимъ. Левинъ былъ въ состояніи человѣка, который не хочетъ поддаться овладѣвающему имъ недугу и напрасно напрягаетъ всѣ свои силы и бодрится, старясь обмануть самаго себя и не замѣчать развивающагося въ немъ страданія. Напрасно Левинъ боролся теперь съ самимъ собою, съ мучительной тоской, въ причинѣ которой не хотѣлъ признаваться себѣ. Казалось, въ немъ, послѣ многихъ лѣтъ, пробудились снова требовательность и раздражительность молодости. Онъ ни чѣмъ не былъ доволенъ: все, что онъ встрѣчалъ, видѣлъ, слышалъ, казалось ему слишкомъ извѣстнымъ, старымъ и докучнымъ. Его томилъ давно извѣданный шумъ вседневной жизни; не было въ немъ и слѣдовъ того глубокаго спокойствія, съ какимъ прежде встрѣчалъ онъ всѣ ея явленія, и онъ не выдержалъ ея и безвыходно заперся у себя въ домѣ.

Проходили послѣднія недѣли зимы. Левинъ уже нѣ-

сколько дней жилъ въ столицѣ, какъ въ пустынѣ, одинъ, окруженный своими книгами. Въ одно утро Алексѣй подалъ ему письмо. Левинъ взглянулъ на адресъ и узналъ руку Ольги Петровны. Сердце его отъ чего-то заныло и сжалось. Онъ положилъ письмо передъ собою на столъ и, не распечатывая его, долго смотрѣлъ на адресъ. Наконецъ дрожащими руками онъ взялъ письмо, медленно сломилъ печать и началъ читать его. Ольга Петровна начинала это письмо обычными упреками Левину за то, что онъ не помнитъ друзей своихъ, жаловалась, что онъ не пишетъ къ ней и не даетъ о себѣ никакой вѣсти. «Вы стоите,» писала она далѣе, «чтобы и друзья ваши также забыли о васъ и ничего не дѣлили съ вами. Однако-жъ я великодушна и сообщаю вамъ новость: судьба моей Сони рѣшена. Она любитъ Александра и выходитъ за него за мужъ. Оба они останутся со мною и я надѣюсь быть счастливой ихъ счастіемъ.» Затѣмъ Ольга Петровна сообщала разныя подробности о Соничкѣ и Александрѣ, разсказывала, какъ они оба веселы и похожи на безпечно счастливыхъ дѣтей. Потомъ опять начинались упреки Левину въ томъ, что онъ забываетъ друзей своихъ, тѣхъ друзей, которые всегда такъ помнятъ его и скорбятъ о немъ. «Видитъ Богъ,» были послѣднія слова въ письмѣ Ольги Петроны, «какъ я всегда желала и желаю видѣть васъ счастливымъ!»

Левинъ прочелъ письмо и положилъ его на столъ, но тотчасъ же снова взялъ и снова прочелъ его. Какая-то неясная и ядовитая мысль начала давить мозгъ его; въ глубинѣ души его поднималось и мутило ее какое-то острое, горькое чувство. Левинъ въ третій разъ прочелъ письмо, какъ-будто чего-то не понимая въ немъ. Колѣна его начали дрожать и онъ опустился въ кресло. Голова его упала на грудь, и долго сидѣлъ

онъ, устремивъ неподвижный взглядъ на письмо въ рукахъ своихъ. Темная и ядовитая мысль сильнѣе и сильнѣе давила мозгъ его. Онъ бросилъ письмо на столъ, поднялся съ кресла, сталъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Мелкій густой снѣгъ сѣялся въ воздухѣ; противъ окна стояла и кланялась Левину какая-то нищая въ грязныхъ лохмотьяхъ; по улицѣ прошелъ съ чѣмъ-то и что-то прокричалъ разнощикъ; съ ближней колокольни раздался ударъ колокола и долго тянулся и дрожалъ печальный звукъ. Кто-то умеръ, подумалъ Левинъ. Ударъ повторился и звукъ опять тянулся и дрожалъ надъ ушами его. На улицѣ показалась и тихо двигалась погребальная колесница съ маленькимъ дѣтскимъ гробомъ. Хоронятъ дитя, подумалъ Левинъ. Лучшее, прекраснѣйшее изъ дѣтей умерло для тебя, раздалось вслѣдъ за тѣмъ въ душѣ его. Онъ отвернулся отъ окна; все помутилось въ глазахъ его; стулья, столы, диваны, зеркала и картины задвигались, запрыгали и завертѣлись вокругъ него. Полъ колебался и дрожалъ подъ его ногами; потолокъ валился на него. Левинъ бросился изъ комнатъ. Въ передней Алексѣй накинулъ на него шубу, подалъ ему шляпу и Левинъ очутился на улицѣ.

Двое сутокъ не возвращался онъ домой. Никогда послѣ онъ не могъ припомнить, гдѣ онъ былъ и какъ провелъ онъ все это время. Онъ пришелъ къ себѣ похожій съ виду на человѣка, едва поднявшагося съ одра долгой и изнурительной болѣзни. Казалось, онъ былъ въ какомъ-то забытьи и, очнувшись среди своихъ комнатъ, старался что́-то припомнить. Темная и ядовитая мысль опять стала давить его мозгъ. На столѣ все еще лежало письмо Ольги Петровны. Онъ пристально смотрѣлъ на него, и темная мысль начала проясняться въ головѣ его. Да, такъ вотъ что, твердилъ онъ себѣ,

вотъ что! Ея не стало, ея нѣтъ больше, дитя умерло, умерло прекраснѣйшее изъ дѣтей! и онъ зарыдалъ.

Съ этой минуты мысль и память Левина не могли ни на мигъ оторваться отъ дѣтскаго образа Сонички. Тысячи воспоминаній о ней непрерывною нитью тянулись въ душѣ Левина. Живо возставали передъ нимъ всѣ мгновенія свиданій съ нею отъ первой встрѣчи и до минуты, когда въ послѣдній разъ мелькнуло предъ нимъ подъ окномъ улыбающееся блѣдное дитя. Теперь фантазія возстала противъ него, и онъ не могъ уже, какъ прежде, совладѣть съ ней. То видѣлъ онъ, какъ прекрасное дитя прыгало и бѣжало по тѣнистой аллеѣ сада, то носилось оно въ воздухѣ на креслѣ качелей, и вокругъ рдѣющаго дѣтскаго лица развивались и играли русые локоны, то кружилось оно передъ его глазами въ черной амазонкѣ и шляпѣ на бодрой и рисующейся лошади, то отдыхало въ большомъ креслѣ стуча хлыстомъ по узкому носку ноги своей, то неслось отъ него на конѣ своемъ. Прощайте! звучалъ Левину звонкій дѣтскій голосъ Сонички. Опять видѣлъ онъ тихій іюльскій вечеръ, рѣку и Соничку въ лодкѣ. Задумавшись, она полоскаетъ воду маленькой рукой своей. Вы скрытный и гордый человѣкъ, говоритъ она робкимъ и грустнымъ голосомъ, и до ушей Левина долетаетъ тихій подавленный вздохъ, и въ вечернемъ воздухѣ звучитъ унылая пѣснь опечаленнаго ребенка. Безпрерывно припоминались Левину голосъ Сонички, ея смѣхъ, вѣчная улыбка, всегда прямой и ласкающій взоръ, всѣ ея слова, мнѣнія, движенія, и никогда еще ничему не предавался онъ такъ вполнѣ и нераздѣльно всѣми способностями существа своего, какъ предавался онъ теперь памяти объ отвергнутой имъ самимъ Соничкѣ. Съ страшною болью сердца признался онъ теперь себѣ, что глубоко любилъ ее и бѣжалъ отъ счастія,

трепеща предъ объятіями всего воплощеннаго и конечнаго. Тысячу разъ онъ твердилъ теперь себѣ, что никогда не встрѣчалъ существа чище, благороднѣе, правдивѣе, добрѣе, никогда не встрѣчалъ существа болѣе простаго и яснаго, болѣе способнаго къ участію и любви и наконецъ никогда не встрѣчалъ онъ существа, одареннаго болѣе полнымъ и обольстительнымъ незнаніемъ цѣны самому себѣ. Поздно понялъ онъ, что въ жизни являются существа въ своей живой и движущейся ограниченности болѣе прекрасныя и увлекательныя, чѣмъ безконечность отвлеченныхъ и мертвыхъ идеаловъ совершенства. Поздно понялъ онъ, что чувство питается и живетъ взаимностію, а все безконечное мертво и холодно и только позволяетъ созерцать и сознавать себя, ни на что не давая само отвѣта. Онъ понялъ теперь возможность счастія и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на непроходимую бездну, навсегда отдѣлившую его отъ него. Вмѣстѣ съ думами и воспоминаніями свободно теперь росла и овладѣла имъ любовь его. Непобѣдимо возстало противъ него его собственное подавленное сердце и неусыпными муками мстило ему за непризнанныя права свои. Какъ загорѣлись теперь затаенныя въ груди его желанія, какимъ пламенемъ вспыхнула и разлилась по всему существу его поздняя и безумная страсть! На что бы не былъ онъ теперь готовъ, чтобъ только на мгновеніе услышать голосъ Сонички, хоть легкій звукъ шаговъ ея! Онъ отдалъ бы теперь жизнь за часъ, за нѣсколько минутъ у дѣтскихъ ногъ ея. Какъ онъ обнялъ бы ихъ, съ какими слезами, съ какою горячею и искреннею исповѣдію своего безумія припалъ бы онъ къ этимъ ногамъ! Какъ возненавидѣлъ, какими проклятіями осыпалъ онъ теперь себя, какъ глубоко чувствовалъ онъ свое ничтожество, и какъ недосягаемо высоко стояло

надъ нимъ безумно отвергнутое дитя! Напрасно повторялъ онъ себѣ, что все кончено, что нѣтъ возврата, что прекрасное дитя умерло и безумно желаніе воскресить отжившее; напрасно отказывался онъ отъ всѣхъ мечтаній и думъ о прошломъ; неистово бушевала въ немъ долго сдерживаемая страсть и сокрушала всѣ его рѣшенія.

Напрасно Левинъ повторялъ теперь себѣ, что еще цѣлая вселенная передъ нимъ и силился снова поднять свою голову и снова устремить взоръ въ безконечность жизни, гдѣ крылось столько еще новыхъ ему явленій, еще столько неразгаданныхъ таинъ; гордая голова его падала на грудь, безконечность пугала ослабѣвшіе и искавшіе опредѣленной цѣли взоры, сердце его постоянно враждовало со всѣми рѣшеніями и призывами мысли и, осуждая все его прошедшее, представляло всякую жизнь, всякую мудрость, не просвѣтленныя и не согрѣтыя любовію, не скрѣпленныя преданностію,— призракомъ и безсмыслицею. Тяжко и страшно было теперь ему смотрѣть на весь пройденный имъ и на весь еще разстилающійся передъ нимъ путь безъ цѣли, безъ отдыха и безъ конца. Левинъ изнемогалъ въ нескончаемой, безвыходной борьбѣ. Наконецъ одно чувство, одно желаніе овладѣло имъ: онъ захотѣлъ бѣжать. Куда? Зачѣмъ? Онъ самъ не зналъ того. Можетъ быть, казалось ему, что онъ уйдетъ отъ самаго себя.

Наступила уже весна, и Левинъ отплылъ за границу на первомъ отправлявшемся туда пароходѣ.

Пароходъ несся и прыгалъ по волнамъ открытаго моря. Было холодно. Весеннее солнце съ блѣднаго сѣвернаго неба бросало еще холодные лучи на безграничную и волнующуюся морскую равнину. Рѣзкій вѣтеръ свободно гулялъ и взвѣвалъ волны по влажной пустынѣ. Левинъ сидѣлъ на палубѣ, закутавшись въ плащъ свой, и смотрѣлъ на безбрежную, движущуюся

предъ глазами его пустыню. Вдали показался островъ и, когда пароходъ приблизился къ нему, Левинъ увидалъ большаго орла, поднимавшагося со скалы его. Онъ вспомнилъ другую пустыню, другаго орла и слова, слышанныя отъ него во снѣ: пари и гордо созерцай до послѣдней минуты твоей. Онъ поднялъ взоръ свой за орломъ, поднявшимся и изчезнувшимъ въ полетѣ къ небу, и ему почудилось, что вѣчность представилась ему въ образѣ безпредѣльнаго неба и безпредѣльной движущейся пустыни — и онъ услыхалъ ея мощный призывъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Левина. Онъ чувствовалъ, какъ душа его расширилась и порвала цѣпи любви, страданія и страсти, въ которыхъ томилась она. Радостно почувствовалъ онъ вновь свою свободу. Гордо поднялась опять голова его, смѣло и спокойно смотрѣлъ взоръ — и съ этой минуты въ Левинѣ воскресъ и жилъ прежній гордый, безстрастный, холодный идеалистъ. Опять странствовалъ онъ, учился, смотрѣлъ, останавливался и задумывался предъ безчисленными явленіями; но въ немъ все болѣе изощрялась и развивалась несчастная способность видѣть отрицательную сторону предметовъ и лицъ, и онъ — никогда ничему не предавался и ни съ чѣмъ не заключалъ союза. Жизнь его навсегда осталась, какъ и была, пустою и напрасною. Прекрасный образъ Сонички не изчезъ совершенно изъ его памяти. Онъ далъ ему мѣсто подлѣ любимыхъ идеаловъ своихъ, и порой безстрастно, спокойно и отрадно созерцалъ его. Онъ странствовалъ одинокій и забывалъ о далекихъ друзьяхъ своихъ. Рѣдко посылалъ онъ имъ вѣсть о себѣ и наконецъ совсѣмъ замолкъ. — Были слухи, что онъ умеръ гдѣ-то на распутьѣ, въ какомъ-то трактирѣ.

А. Станкевичъ.

КОНЕЦЪ.

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.			*читай.*
стран.	строка,	сверху.	
173	8	И. В. М.	П. В. М.
276	13	матери	мачихѣ
308	18	возможно	невозможно
317	25	матери	мачихи
322	25	мать	мачиха
339	8	вставая	не вставая
344	33	матери	тетки
359	14	матери	мачихѣ
372	14	маменькѣ	мачихѣ
377	15	слухи	глухи
412	24	сжалъ ее	сжалъ ихъ
425	1	существуя	присутствуя
426	29	какъ Францискъ первый	словами Франциска перваго.

ЦѢНА 4 РУБЛИ СЕРЕБРОМЪ.